Еремей ПАРНОВ

6

Еремей
ПАРНОВ

Еремей ПАРНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Еремей ПАРНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ШЕСТОЙ

Сны фараона

КЛУБ ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1998

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
П18

Художник
С ЛЮБАЕВ

Парнов Е. И.
П18 Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6: Сны фараона: Роман. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1998. — 512 с.

ISBN 5-300-02193-8 (т. 6)
ISBN 5-300-01818-X

Еремей Парнов — известный российский писатель, публицист, ученый и путешественник, автор научно-фантастических, приключенческих, исторических и детективных произведений, пользующихся неизменным успехом у читателя

В шестой том вошел роман писателя «Сны фараона» В нем автор знакомит читателей с уникальными исследованиями ученых всего мира, пытающихся постичь загадку связи времен В сюжете переплетаются судьбы наших современников и людей Древнего мира Речь идет о человеческих возможностях, о новейших научных открытиях и неразгаданных тайнах прошлого

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 5-300-02193-8 (т. 6)
ISBN 5-300-01818-X

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1998

И явились они из вечного мрака и холода, и было их числом двадцать два. Как двадцать две изначальные буквы, слитые в божественном слове, так и они были единой сущностью миллионы веков, пока не дрогнула палочка в руке Великого дирижера. Ничтожного сбоя достало в симфонии сфер, чтобы исполинская глыба изо льда и космической пыли, уклонясь от назначенной ей колеи, приблизилась к дому древнего бога, царя светил.

Но были крепки запоры и нерушима круговая стена, и страшна была мощь громовержца. Отброшенная вездесущею силой, незваная гостья раскололась на двадцать два неравных куска, и вытянулись цепью они, покрыв необозримые пространства, и пронеслись мимо сияющих чертогов погребальным кортежем. И стал каждый отдельным знаком целокупности хаоса, изначально враждебного полноте бытия, эоном-разрушителем, эоном-убийцей.

Никто не почувствовал всепроникающей дрожи орбит, не уловил чутким ухом мгновенного перебоя сердечного ритма, что наполняет все сущее светом жизни и музыкой дивных миров. И сохранили до поры свое шаткое равновесие жизнь и смерть, словно свет и тьма в пору весеннего равноденствия. И встретила земля этот день, и пришелся он на 22 марта 1993 года по григорианскому календарю. Индуисты праздновали приход чай-

тры — первого месяца юбилейного 2500 года эры викрам санват. Иудеи считали тот год 5773 от сотворения мира, мусульмане — 1378 Хиджры, буддисты — 2535 паринирваны учителя Шакьямуни. А на Дальнем Востоке — от Японии до Китая — отпылал праздничный фейерверк 10 года Курицы и Воды по текущему лунному циклу.

Луной и Солнцем отмерены наши годы и дни. Но даже там, куда не проникают лучи светил, даже там, под толщей пирамид и курганов, качается невидимый маятник, и оскопленный Кронос ведет отсчет времен, что сомкнулись змеиным кольцом без конца и начала.

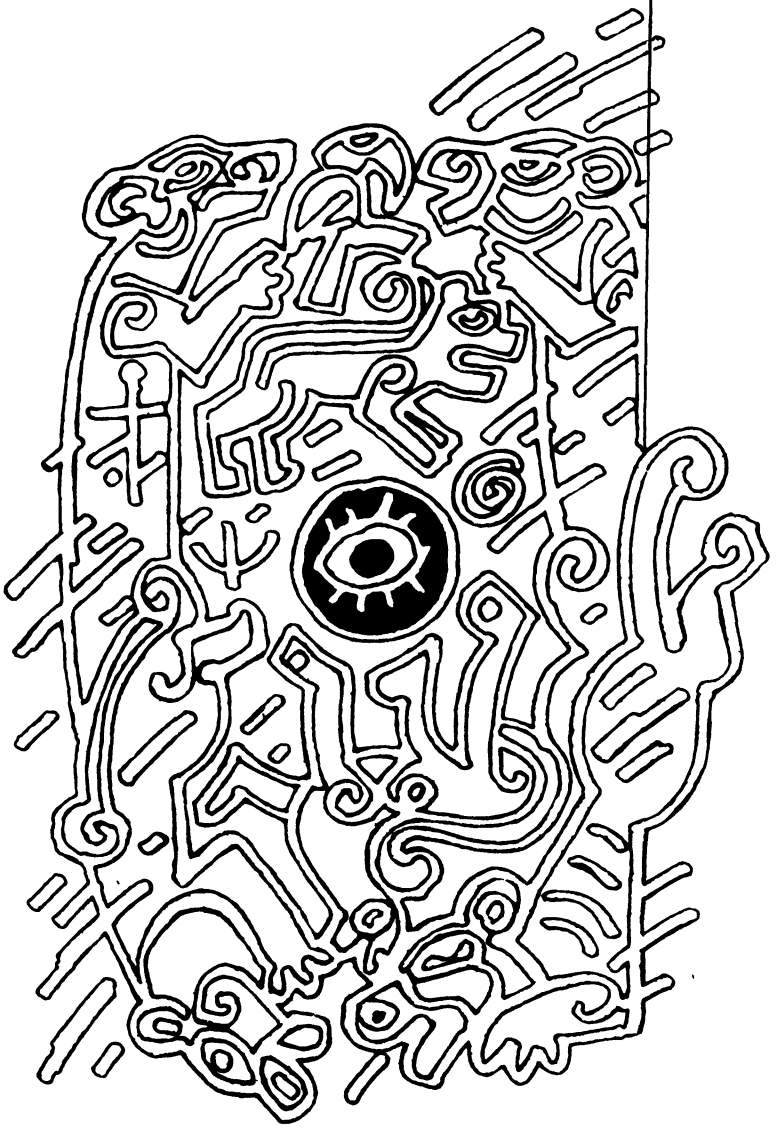
И пришел в царство теней тот год 3415 по последнему солнечному циклу жрецов Египта, и стал он 2705 по лунному циклу последних халдейских жрецов, и 4753 ацтеков и майя, и 6095 Калиюги, черной эпохи обмана.

На планете людей, равно скорбной и радостной, кипящей в суматохе великих упований и мелочных страстей, знамение неба осталось незамеченным. Даже астрономы прозевали разорванный тяготением дальний блуждающий мир.

Ледяные обломки его унесло за орбиту Плутона, повелителя мертвых, и они затерялись на время во мраке межзвездных пространств.

Точка

Часть первая

АВЕНТИРА ПЕРВАЯ

КОРДОВА, ИСПАНИЯ

Но было предуведомление. И пришло оно путем неисповедимым.

Висенте, библиотекарю монастыря капуцинов в благословенной Кордове, посчастливилось разрешить мистическую энигму [1]. Бились над ней утонченные библеисты, ломая копья на диспутах, и не могли сойтись во мнениях насчет подземных капищ в доме Ахава, что был, по слову писания, «из слоновой кости». Одна эта кость и то могла стать поперек горла, но отыскали ее в песках и глинах, намытых водами мегиддскими, вместе с румянами нечестивой Иезавель.

«И нарумянила лицо свое», как помянуто в «Четвертой книге царств».

Ученый монах, в миру Альваро Гусман, в возрасте двадцати четырех лет Висенте получил степень доктора теологии. Вдумчиво и непредубежденно исследуя языческие заблуждения ветхозаветных царей, молодой богослов, ничтоже сумняшеся, использовал достижения светских наук: археологии, астрономии, математики. Причем делал это настолько изящно, что сумел уберечься от ревности ортодоксов и снискать признание просвещенного мира. Став членом папской академии, он удостоился почетных дипломов Сорбонны, Оксфорда и Иерусалимского университета. Теперь уже археологи, ведущие раскопки по всему Библейскому региону — от пустынь Египта до горных кряжей Кападокии,— испрашивали его совета и помощи. Принадлежность к конгрегации францисканцев (они же капуцины) не позволяла Висенте принимать плату за консультации

[1] Загадка (*лат.*).

и экспертные оценки. Завещанные святым Франциском Ассизским обеты нищеты требовалось блюсти в первозданной строгости, что отнюдь не мешало принимать пожертвования капитулу монастыря. Научная деятельность, таким образом, способствовала и славе, и процветанию обители, а доход, вернее известная его часть, поступал в пользу бедных. В Испании, где инквизиционные суды продержались долее, чем где-либо, церковь сумела извлечь уроки из прошлого и шагала в ногу со временем. По крайней мере старалась не отставать. Исторические изыскания брата Висенте не встречали особых препон, а сам он не ощущал притеснений.

Библиотека, хранителем коей ему выпала честь стать в канун своего пятидесятилетнего юбилея, насчитывала триста тысяч томов. В их числе были редчайшие инкунабулы и манускрипты, принадлежащие перу подвижников веры, древним языческим авторам и адептам тайных наук: всяческим алхимикам, астрологам и духовидцам. С особой полнотой было представлено наследие арабов и иудеев. В темные времена они сумели сберечь светоч античной мысли на благо всего христианства. Великие философы и математики, астрономы и каббалисты. Три мира сошлись под небом Испании, три звезды, соединившись в едином созвездии, воссияли на нем ради вящей славы Господней. Кто знает, как далеко смогло бы продвинуться человечество, если бы не заволокло их дивного блеска дымом костров?

Только рассыпанные, вдавленные в песок и пепел жемчужины сохранились от разоренной сокровищницы, только узелки прихотливой вязи, но и по ним удается порой угадать узор, распознать знак и составить слово.

Первый из таких путеводных знаков был явлен случайно, когда на глаза попала рукопись с греческим переводом книги «Зогар». Случилось это в один из тех дней, когда Висенте по горло был занят реконструкцией библиотеки. Дубовые с резными завитушками шкафы в главном хранилище он заменил значительно более вместительными стеллажами из сборных ячеек. Появился ленточный транспортер и подъемник для книг. Удалось расширить скрипторий. Сохранив кафедру, пюпитры для фолиантов, древние глобусы и ар-

микулярные планетные сферы новый хранитель поставил простые удобные столы и, главное, оснастил читальню компьютерами и копировальным аппаратом.

Парадный зал с расписным, небесной голубизны, потолком и ореховой мебелью раннего барокко, так подходившей к золотому тиснению корешков, остался в первозданном состоянии. У Висенте и в мыслях не было переставить тут хотя бы одно штофное кресло. Портреты настоятелей в митрах, королевские грамоты, лепные архипастырские гербы — все было на месте, одно к одному, великолепное в своем законченном совершенстве.

Та же космическая гармония ощущалась и под сводами архива: грубо оштукатуренные стены, потемневшее от времени дерево и тысячи, тысячи одинаковых портфелей из пергамента, в которых со дня основания хранилась деловая документация и переписка монастыря.

Дыханием вечности веяло от этих несокрушимых стен, белых, как снег Сьера Мадре, и столь же холодных в любую жару.

Дон Бартоломео, аббат, сперва воспротивился переменам, но в конце концов уступил. Он сурово взыскивал с братьев, заставая их за легкомысленной компьютерной игрой, а научиться работать с файлами так и не пожелал, более полагаясь на ящик с карточками. Компьютерные забавы, простительные в целях начального обучения, благородный клирик решительно воспретил, но зато дал послабление, дозволив для внутреннего употребления шариковую ручку. Сам же сохранил приверженность к ализариновым чернилам и стальному «Рондо». Как знать, не тосковал ли он в глубине души о гусиных перьях? «Световые карандаши» и электронные «мыши» — это было выше его понимания.

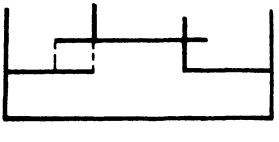
Собственно, «Рондо» и заставило брата Висенте обратить внимание на палимпсест [1] с греческим переводом. Распознав на библиографической карточке характерную пометку настоятеля, он, прежде чем занести в компьютер данные книги, решил взглянуть на нее собственными глазами. Палимпсест тем и интересен, что

[1] Пергамент со стертым текстом, на котором позднее написан новый. *(Здесь и далее примеч. автора.)*

за новой строкой иногда удается распознать прежнюю надпись. Ведь не всякий монах с должным прилежанием соскабливал исписанные пергаменты. Всегда остается какой-то след.

Рукопись в полной мере оправдала ожидания библиофила-хранителя. Однако вместо полустертых строк он обнаружил на ее сшитых страницах множество глосс[1]. Судя по контексту, их оставил какой-то любитель эзотермизма, одержимый идеей соотнести гематрию[2] с черной магией.

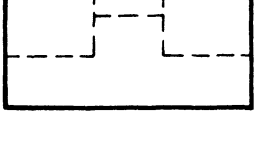
Вот как был явлен тот первый, пришедший из глубины веков знак!

Сердце застыло на миг от могильной стужи. Что-то до боли знакомое чудилось за прямыми углами демонической диаграммы. Тупой болью отозвалась непрошенная аналогия с планом монастыря:

И хотя стены конвенто капуцинов на Авенида дель Генералиссимо действительно представляли собой именно такую фигуру — исходную, ключевую,— Висенте с негодованием отверг кощунственную мысль. Мозг, однако, взаправду не ведает стыда. Разбуженное воображение дополнило схему двумя подземными переходами, один из которых вел в капеллу и к службам — другой. Выходило совсем нехорошо:

[1] В данном случае надписи на полях и между строк.

[2] Нумерология.

Бесовская марка располагалась прямо над рисунком каббалистического «Дерева жизни», задевая углом букву «ню» в трансцедентном слове «Эн-соф», что уже само по себе было вызовом непотребным. И помыслить было невозможно, что «Тот, кто вне всяких границ» — именно так надлежало перевести герметический термин,— окажется в соседстве с ангелом тьмы.

Любопытство исследователя побудило Висенте заняться поиском этого отпавшего от Господа духа. В библиотеке хранилось несколько гримуаров [1], а также составленных для собственного употребления безымянными заклинателями «книг теней». Не все они считались богопротивными. Занятием белой, т. е. не вредоносной, магией во времена оны увлекались весьма именитые клирики, не исключая наместников престола Святого Петра.

Свод «Заклинаний папы Гонория», отпечатанный в Риме в 1670 году, и черный ин-кварто, приписываемый папе Леону Третьему, почитались библиографическими редкостями. Они хранились в особом сейфе, отдельно от прочих гримуаров, еще не так давно служивших пособием инквизиторам и экзорцистам [2]. Казалось, с подобной практикой было покончено навсегда, но на излете века мрачные тени воскресли вновь. Хилиазм — страх перед новым тысячелетием — повсеместно овладевал людскими душами, рассыпая плевелы колдовских суеверий. Переломная эпоха, как это бывало и прежде, давала знать о себе шизофреническим бредом и опасным беспамятством. Стократ прав гениальный Франциско Гойя: «Сон разума пробуждает чудовищ».

Тоскливое огорчение точило усталое, наполненное состраданием сердце мудрого капуцина. Над его койкой висела олеография Святого Франциска. Покорный лев лизал тонкую длань пустынника из Ассиз. Способна ли укротить зверя любовь?

Взяв каталожный файл, Висенте приступил к разысканиям. Просмотрев великое множество пентаклей и прочих графем чародейства, он довольно скоро определил принадлежность демонического клейма. Ara-

[1] Сочинения чернокнижников.
[2] Изгоняющих дьявола.

tron — значилось латинское написание имени духа. Под его покровительством находились алхимия, магия и физика. Требовалось определить чин и место в иерархии императора Люцифера.

«Nomen illi mors» [1],— потусторонним эхом отдалось в ноющем левом виске.

По законам гематрии сложение численных значений литер давало 87, но 8 + 7 = 15, а 1 + 5 = 6. Так и есть, выходила шестерка — непременная составляющая Числа Зверя.

Согласно чернокнижнику Псевдо-Дионисию, ангельская табель о рангах, подобно девятке языческих богов Египта, составляла триаду триад. К первой градации принадлежали серафимы, херувимы, престолы; затем следовали господства, начальства и власти; последняя, низшая триада объединяла достоинства, архангелов и ангелов. Легион, что был низвергнут с небес, и в аду остался при своих чинах. Люцифер-светоносец, олицетворявший гордыню, причислялся к серафимам, как и следующие за ним Вельзевул и Левиафан — предводитель еретиков. Четвертый серафим, Сан Мигель, сохранив верность Богу, обрушил на них свой карающий меч. Да будет имя его защитой. Высшим чином отмечен и Асмодей, с которым сразился Иоанн Креститель. Совершенно очевидно, что какой-то там Аратрон никак не мог принадлежать к коронованным иерархам. Не нашлось ему места ни среди херувимов, чьим князем считался Белберит, ни в свите принца престолов Астарота, смущавшего покой святого Бартоломео. Пропустив первого престола Веррика, а также Грессила с Соннелионом, строивших козни святым Бернардо и Стефано, скрупулезный инок перешел к Верриеру и прочим властям, а далее и к силам, что находились под началом Карнивеана, с которым схватился Иоанн Евангелист. Но ни здесь, ни в низших когортах не встретил искомого. В ангелы — а ангел по-гречески вестник — сей дух явно не вышел. Даже в скрытые в другом, как Инварт, телесном облике.

Если его не окажется и среди стражей дней и часов, ибо время как элемент мироздания также имеет своих

---

[1] Имя ему смерть (*лат.*).

покровителей, то дальнейшие поиски придется оставить. Недаром Святой Макирус Александрийский полагал, что духам число — легион. Альфонс де Спина называет умопомрачительные цифры: 133 306 668, другие авторитеты — малость поменьше: 79 князей и 7 405 926.

Недели и недели ушли на бесплодные поиски. Висенте переворошил множество рукописных трудов и первопечатных изданий. Посредством графологической экспертизы ему удалось установить, что глоссы на полях «Книги Сияния» могли быть написаны братом Лоренцо из Ареццо. Монах скончался в 1611 году, в день Всех святых, при загадочных обстоятельствах: тело его обнаружили в крипте Санта Марии дель Бланка, в Толедо.

Список книг, которыми он мог пользоваться, ограничивался, таким образом, началом семнадцатого века. Труды демонологов на столе Висенте выросли в ступенчатую пирамиду, на манер гробницы фараона Джосера. Он поразился нечаянному сходству книжных стопок с нагромождением языческих мастаб. И если бы с пользой! Но ни Петер Бинсфельд, ни Никола Реми, ни Мартин Антуан дель Рио, ни даже Анри Буже и иже с ними ничем не помогли в раскрытии тайны. Хорошо еще, что «Compendium Maleficarum» Франческо-Марии Гуаццо, «De Natura Demonum» Джовани Лоренцо Ананьи и, вдобавок к ним, «Magiologia» Барталамеуса Анхорна и «Demonologia» [1] короля Джеймса Первого, оттиснутая в 1597 году в Эдинбурге, позволили определить основное направление поисков. Имя покровителя наук хоть и не было упомянуто, но стало ясно, что он имеет определенное отношение к духам планет.

Любопытство Висенте еще более возросло. Обличений в адрес заклинателей звезд в «Библии» было предостаточно. Именем Люцифера античные авторы называли Юпитер и, прежде всего, Венеру. Именно ей, рогатой богине Астарте-Иштар, поклонялись в земле Ханаанской. Даже премудрый царь Соломон бывал замечен в подобном грехе. Про Ахава и блудницу Иезавель говорить не приходится. Они не только кадили Ваалу

[1] Соответственно «Путь ведовства», «О природе демонов», «Магиология», «Демонология».

и Астарте, но и приносили им в жертву людей. Хранитель библиотеки не мог не знать, что этот самый библейский Ваал — не кто иной, как Бел, он же Мардук, а следовательно, Зевс-Юпитер.

Демонический круг сомкнулся с астрологическим.

Дальнейшее развитие темы сулило новые открытия. Висенте настораживали совпадения, подобные симпатическим соответствиям, которыми зиждется волшебство.

Возможно, смерть брата Лоренцо в Толедо и была случайна. Но как пройти мимо того, что именно там, в старой королевской столице, диабло [1] был признан, как факт?

Впервые слово «диаболос» было употреблено александрийскими богословами в греческом переводе «Ветхого завета» еще в третьем веке до н. э. Херувима, отпавшего от бога, евреи именовали Сатан, т. е. «противник». Отсюда «сатанас» в «Новом завете». На латыни греческое «диаболос» транслитерировалось в диабулус, а имя Сатан осталось без изменения.

Как персонифицированное зло, дьявол имеет множество ипостасей: он и Вельзевул, вернее Баал-Зебуб — «Повелитель мух», и Асмодей — вредоносный демон, и Аполлион — ангел с впадиной на месте зада, чье имя Абаддон — бездна, Бегемот и Левиафан. Под разными видами являлся он отцам пустыни — первым святым отшельникам, что укрылись от скверны мира в бесплодных дебрях египетских песков. Одному Иеронимусу Босху оказалось по силам запечатлеть мерзкие личины, осаждавшие Святого Антония.

Но мировое зло — лишь философская категория, антоним добра. Как сущность и личность, дьявол был легализован только в 447 году на соборе в Толедо.

«Почему именно туда отправился, чтобы обняться со смертью, бедный чернокнижник Лоренцо?» — спрашивал и спрашивал себя просвещенный теолог.

Принадлежа по праву рождения к знатнейшему роду Гусманов, он питал к церкви Марии дель Бланка и свой особый интерес. Глубоко-глубоко под узорными звонкими плитами покоились кости дальних родичей — крестоносцев и конквистадоров, доблестных рыцарей Андалузии.

---

[1] дьявол (*исп.*).

Наконец, последнее, но далеко не второстепенное. Знаменитая церковь когда-то была прославленной синагогой, и это тоже могло иметь определенное касательство к брату Лоренцо. Почему он выбрал для своих упражнений «Книгу Сияния»? Чего искал в трактате великого каббалиста?

Висенте решил непременно съездить в Толедо. Пусть не в самой церкви, но в богатых архивах кардинальского диоцеза [1], или еще где-нибудь, непременно обозначится указание.

Отстояв ночную литургию, которую хор братьев закончил градуалом Sederunt, он пустился в дорогу.

Но еще долго звучало в ушах:

Sederunt principes
Et adversus me .. [1]

По собственной воле свободной бросил он вызов князьям преисподней, назвав, пусть мысленно, их имена. Кругленький толстячок с зарастающей тонзурой, облаченный в коричневую сутану и подпоясанный вервием. Широкополая черная шляпа защищала его от солнечных стрел, надетые на босу ногу сандалии привычно отсчитывали шаги. Гордый идальго, принявший смиренный обет нищеты, Дон-Кихот с внешностью Санчо Пансы, Висенте с головой окунулся в калейдоскопическое мелькание вывесок, лиц и машин, в пекло дымящихся улиц. Дойдя по Калья Карбонел и Моран до пересечения с Клаудио Марчело, он сел в автобус, который повез его к автовокзалу. До отправления экспресса «Кордова-Толедо» оставалось ждать полчаса.

Висенте купил вафельный конус с шариком ванильного мороженого и устроился под тентом.

Так, вполне буднично началась его чреватая неожиданностями авентира.

Он знал Священное Писание почти наизусть, любил историю и свою страну. Это был его мир, где не существовало ни рубежей, ни розни языков. Уже в самом имени древней столицы испанских королей, куда он ехал, наслаждаясь прохладой и комфортом скорост-

---

[1] епархия (*лат.*).

[2] Восседают князья и собираются супротив меня (*лат.*).

ного автобуса, чуткое ухо гебраиста различало исходное Toledoth — город царей. То же значение! И в названиях кварталов слышались отголоски Святой земли: Эскалон — от Ашкелона, града колена Симеонова, Макведа — от Македы Иудиной, Иенес — от Дановой Йоппы.

До указа Фердинанда и Изабеллы, за которым последовало изгнание евреев, Толедо, как и Кордова, был процветающим центром энциклопедической культуры. Христианине, иудеи и мавры в добром согласии поддерживали жертвенный костер перед священным алтарем Создателя Вселенной, вдохнувшего живую душу в Адама, праотца всех народов Земли.

Особенно славилась Толедская школа переводчиков, обретшая кров на Плаца де Ла Юдериа, возле главной синагоги, возведенной в двенадцатом веке при Альфонсо Восьмом. Самуэль Леви, казначей и друг Педро Кастильского, мечтал превратить ее в новый храм Соломона. О том, как выглядела площадь в те времена, сохранилась масса восхищенных свидетельств. Со всех концов света съезжались сюда торговые гости. Персидские ковры, дамасские шелка и булат, индийские адаманты и перлы, арабские духи в узорных флаконах тончайшего стекла, кашмирские шали и специи из далекого Серендипа — все сокровища полумира по морским и караванным путям стекались в Город царей.

Молитвенный дом был выстроен в мавританском стиле: беломраморные аркады, растительный узор капителей и фризов, звездчатые переплеты окон. Рисунок сливался с орнаментом, филигранное плетение перетекало в золотую вязь письма. «Звон серебра и сладость меда»,— говорили очевидцы.

Художник Эль Греко, живший в соседнем доме, приходил полюбоваться свечением мрамора в лунной ночи.

Алтарь Бога Отца обрел крест Бога Сына почти сразу же после рокового указа. В тот достопамятный год Кристобаль Колон открыл Америку, а Орден рыцарей Калтравы основал свое приорство в новообретенных стенах Марии Бланки. И кавалеры боевых орденов Сантьяго, Алконтара и Монтеса, не имея на то уставного права, тоже начали собираться под

ее кружевные своды по особо торжественным дням.

«Остались глиняные кувшины, но улетучилось вино»,— грезил Висенте. И, словно в ответ на мысль, на выжженном холме черной тучей обозначился исполинский телец: реклама винных заводов. И открылась ломаная линия крепостных стен с прямоугольными башнями и зубцами, и сразу все, что за ней — могучий монолит Алькасара, сросшиеся, как кристаллы в друзе, готические шпили, крыши, купола.

Превозмогая легкое головокружение, Висенте влился в поток туристов, растекавшийся по водостокам улочек и лоткам площадей. Он отдался течению, и оно вынесло его на залитую солнцем брусчатку, где, в насмешку над временем, были свалены груды неходового товара: седла, латы, бомбарды, мечи. Сувенирные мелочи раскупали довольно бойко. Золотой толедский узор на черненной стали по-прежнему привлекал любопытные взоры. Дамские украшения и миниатюрные шпаги шли нарасхват. Вырваться из столпотворения оказалось непросто. В церкви, к облегчению Висенте, было все-таки не столь многолюдно. Коснувшись чаши и преклонив колено, он осенил себя крестным знамением.

Немыслимой синевой горели высокие окна и золотые письмена излучали свет сокровенной мудрости. Висенте легко читал арамейские буквы, и арабское куфическое письмо не заставляло его напрягаться. Но коль скоро глаза приходилось вести справа налево, то даже знакомое виделось словно бы в новом ракурсе. Внимание привлекли свисавшие с потолка сталактитовые соты. Повинуясь привычке навязчивого счета, Висенте пересчитал филигранные арки. Их оказалось двадцать две — по числу букв в алфавите.

Слишком поздно он понял, что это и было вожделенное указание.

Предначертанное записано неразгаданным кодом в хитросплетении мировых линий. Не на том, так на этом извиве дает оно знать о себе. Как иголку магнит, влекло потомка Гусманов к гробовым плитам с фамильным рисунком котла.

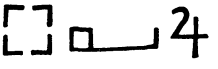
«Брат дон Педро де Сильва, комендадор Охоса, сын величайших властелинов Рибейра, умер в последний день января 1500»,— читалась полустертая эпитафия

у Восточной стены. И на Севере, и на Юге лежали под геральдическими досками благородные кости:

«Дон Гранди, рыцарь...»

«Телло Рамирес де Гусман, комендадор Мораталаза, сын Рамиро Нуньеса де Гусман и Донны Хуаны Карильо, умер 7 августа 1588, в возрасте 83 лет...»

На барельефе Алваро де Луны трофей герба — с полумесяцем на ущербе — украшало боевое оружие. «Cecidit de coelo stella magna» [1] — гласил девиз. Висенте не раз бывал в этом трансепте, но только сейчас различил в узоре пышных перьев и лент колдовские значки:

Он записал девиз и тщательно перерисовал плиту с чернокнижными письменами, едва ли уместными на могиле христианского рыцаря.

«Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод,— повторился девиз стихами Апокалипсиса.— Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли...»

«Чернобыль — полынь»,— полоснуло по сердцу незабываемое.

Вновь, только еще сильнее, закружилась голова и тягостные думы смешались. Дьявольской клинописью заплясали в глазах черные мушки. Глаза Лоренцо, Аратрон и ангел с трубой — все отодвинулось на край сознания и настала беспросветная мгла.

— Что с вами, падре? — донесся из дальнего далека участливый голос.

Висенте хотел попросить воды, но только пошевелил губами: голос не повиновался ему. Едва удалось разлепить набрякшие веки. Над ним склонилось встревоженное лицо молодого священника.

— Вам нехорошо?

— Пить,— с трудом ворочая языком, пробормотал монах и сделал попытку подняться. Было неловко: вокруг собирались люди.

Ему помогли встать и осторожно довели до испове-

[1] «И упала небесная большая звезда» (*лат.*).

дальной кабинки, где было сумрачно и покойно. После стакана минеральной воды понемногу начали возвращаться силы.

Священник принес выпавшую из рук записную книжку и предложил вызвать скорую помощь.

— Grates,— по-латыни поблагодарил Висенте.— Не нужно, сейчас пройдет...

— Побуду с вами, пока вы окончательно не придете в себя,— молодой клирик с сомнением покачал головой.

— Наверное, я просто перегрелся на солнце.

Они понемногу разговорились, нашлись общие знакомые. Мать каноника была родом из Кордовы.

— Я видел, вы что-то записывали?

— Благодарю,— кивнул Висенте,— принимая свой порядком потрепанный блокнот.— Меня заинтересовали письмена на могиле кавалера Луны,— он показал рисунок священнику.— Похоже на магию.

— Вы ошибаетесь, падре. Это так называемые тамплиерские знаки. Я, к сожалению, совершенно не разбираюсь в таких вещах, но у меня есть друг, который сумеет вам объяснить. Он — архитектор.

— Архитектор? — Висенте не уловил прямой связи между архитектором и тамплиерством, но не счел удобным переспросить.— Буду крайне признателен.— Он знал, что среди антепасадос [1] было немало участников крестовых походов. Один из первых Луна даже удостоился получить золотые шпоры из рук императора Фридриха Второго. Возможно, кто-то из них и носил плащ храмовника. Но откуда такие девизы?

— Он увлекается замковой архитектурой. Я дам записку с адресом, падре. Хаиме живет совсем рядом — на Мериде, за мостом Сан Мартин.

Ночь и весь следующий день Висенте провел в монастыре Сан Хуан де Лос Рейес. Бренное тело нуждалось в отдыхе. Несмотря на шумный фестиваль, ежегодно отмечаемый Корпусом Кристи, в монастырских покоях цепенела величавая тишина. Траурные кипарисы и мистические акации бросали густую тень на витражные окна. Мягко расцвеченные игрой ослабленного света спящие фигуры на мраморных саркофагах казались живыми, готовыми пробудиться от звука трубы.

[1] Предки (*исп.*).

Но не трубил седьмой ангел, а сотни труб, слившихся в оглушительном реве, не могли нарушить вековечный сон князей церкви.

Разукрашенные хоругвями улицы — от площади Сан Мартин до калье Тринидад, выходившей к кафедральному собору,— были запружены народом. Гремели барабаны, вспугивая голубей, взвивались воздушные шары, полоскались по ветру флаги.

Христово воинство в алых и черных, расшитых зелеными крестами мантиях торжественно продефилировало мимо монастыря. Гофрированным тарелкам воротников a la герцог Альба, казалось, мог позавидовать Рубенс. Потом начался веселый карнавал, затянувшийся далеко за полночь.

Подкрепившись в трапезной, Висенте собрался в дорогу. Идти и впрямь было недалеко. Мутные воды Тахо лениво струились под каменным мостом, колебля желтоватые шапки пены.

Мелькание ласточек, вылетавших из застойного сумрака арки, лишь подчеркивало застывшую неподвижность города, оставшегося за пилоном ворот, и этого моста, угрюмо процеживающего медленные воды веков.

Домик Хаиме Мансо утопал в гроздях глицинии. Архитектор оказался скромным улыбчивым человеком, вполне оправдывающим свою фамилию [1].

— Вы побывали у Луны?— догадался он, увидев схематический рисунок надгробной плиты.— Это действительно тамплиерские знаки. У рыцарей были превосходные зодчие, ревниво хранившие секреты своего мастерства. Они не знали равных в искусстве фортификации и весьма преуспели в прокладке подземных ходов.

— Значит это не колдовство...

— Какое там! Семьсот лет, как сожгли Яго де Моле, а шлейф клеветы все тянется и тянется.

— Но почему тайная символика строителей попала в герб?

— Вы сами сказали — «тайная».

— Это означает?..

— Завещанная потомкам, падре. Чтоб сохранили

[1] Смирный, робкий.

и разгадали. Не лучший способ, скажете? Кто знает... Это далеко не единственный случай в геральдике.

— И вы ее знаете, тайну?

— Могу лишь догадываться. Мне кажется, что речь идет о судьбе тамплиерских сокровищ.

— К тому есть основания?

— Сами знаки. Вот этот — о четырех углах — так и читается: «четыре сокровища». Маленький прямоугольник с продолженной линией основания означает расстояние, девять метров примерно. Не известно ни место, ни характер клада, но простое сопоставление наводит на мысль.

— Довольно логично. А четверка с крючком, подозрительно смахивающая на ведовскую руну «сэ»? В астрологии так обозначают планету Юпитер.

— Предупреждение об опасности. Тоже ложится в строку.

— Сокровище в девяти метрах, но подстерегает опасность?

— Именно так я и прочитал в свое время.

— Пойди туда — не знаю куда, найди то — не знаю что?

— Наше прошлое — тоже сплошная загадка. Вы не согласны, падре?

— Отчего же, сеньор архитектор... Загадка — неотъемлемая часть мифа и лежит в основе посвящений в мистерии. С детства люблю загадки. Какие еще есть знаки?

— Мне известны немногие. Только те, что я видел своими глазами и сумел расшифровать. Литература довольно скудная. Если хотите, дам мою статью.

— Сочту себя премного обязанным.

Мансо принес ксерокопированный оттиск из журнала «Мистерио» [1].

Сидя в откидном кресле автобуса, увозившего его к родным пенатам и ларам, Висенте внимательно изучил тамплиерскую символику и запомнил ее навсегда. За исключением спирали, обозначавшей Lapis Philosophorum, все прочие знаки были связаны с захоронением кладов.

---

[1] «Тайна» (*исп.*).

 Большой клад

 Золото

 Поворот налево

 Идешь направо

 Драгоценности

 Двойной клад

 Зарытые монеты

 Философский камень

 На равном уровне

 Кувшин с монетами

 Документы

Обозначение «Большой клад» уже встречалось в глоссах Лоренцо, но он принял его за распятие. Каждая пометка в палимпсесте заслуживала скрупулезного изучения. Святой Франциск учил воспринимать вещи с изнанки. Двусмысленность — неотъемлемое свойство герметических наук. Через руки библиотекаря прошла уйма алхимических и астрологических сочинений.

Кружок с точкой означал и «Солнце» и «золото», иногда — то и другое вместе. В этом смысле тамплиерскую версию можно было принять. Птичий носик ука-

зывал на вполне конкретное золото — зарытый или замурованный клад.

Чаще всего именно символическое значение выступает на передний план. Анагогия [1] по Филону тут едва ли поможет. Месяц на щите кабальеро де Луна одномоментно указывает и на фамильную марку, и на ночное светило вообще, и, в последнюю очередь, на химический элемент серебро. Только семейные предания могли рассказать, почему Луна оказалась в последней фазе.

Диалектика, вкупе с инстинктом умудренного книжника, подсказывала Висенте, что архитектор неверно истолковал 4 как «опасность». Это был сигно [2] олова и планеты Юпитер. Последнее казалось особенно важным в связи с диаграммой на палимпсесте.

Пока мозг библиотекаря был занят перебором всевозможных вариантов, его рука бесконтрольно орудовала карандашом, вычерчивая герметические фигуры.

Первое, что он, поднявшись в скрипторий, увидел у себя на столе, был белый полиэтиленовый пакет международной экспресс-почты, с оранжевыми пламенеющими материками, разграфленными синей сеткой меридианов и параллелей.

Доктор Питер Д. Джонсон, президент корпорации «Эпсилон X_1» извещал о завершении археологических раскопок в районе Мегиддона и приглашал принять участие — в качестве консультанта — в съемках научно-популярного фильма для телевидения.

До сей минуты Висенте даже не подозревал о существовании корпорации с таким странным названием, что, в общем, было в порядке вещей. Бизнес, телевидение и им подобные институты — чужая стихия. Иное дело — Мегиддон. О раскопках, проводившихся под патронажем нескольких крупных университетов, неоднократно извещалось в печати. Вновь ступить на священную землю и своими глазами увидеть вещественные свидетельства правоты библейских пророков показалось не только заманчивым, но и лестным. И условия предлагались более чем подходящие. Аббат наверняка согласится...

---

[1] Толкование слов в символическом смысле.

[2] Знак (*исп.*).

Почему же вновь, как от тупого удара, заныло в виске и затрепетало сердце, радуясь и страдая?

Мегиддон, Мегиддон — город Ханаанских царей... В колене иссахаровом, отданный колену Манассину...

Знал, знал бедный Висенте, что такое гора Мегиддская! Хар-Мегидда — Армагеддон. Там, там место последнего боя! И он думал над этим, разбирая мелкие закорючки глосс и срисовывая чернокнижные знаки, думал над этим. И ныла душа от близости неуловимой догадки, когда открылся девиз, и узнал он в упавшей звезде другую звезду — полынь. Чего же не вспомнил в тот час и о звезде Мегиддской? А того и не вспомнил, что мраком застило глаза.

«Пришли цари, сразились, тогда сразились цари Ханаанские в Фанехе у вод Мегиддонских, но не получили нимало серебра,— камертон сердца отмеривал стих «Книги Судей».— С неба сражались, звезды с путей своих сражались... Поток Киссон увлек их, поток Кедумим, поток Киссон».

Все было здесь: и звезда, уклонившаяся с пути своего, и серебро, обозначенное лунным серпом на ущербе.

Что знал Висенте об этом доисторическом городе, просуществовавшем до четвертого века до н. э.? Много и, вместе с тем, ничего.

Большой телль [1], в который природа-мать возвращает в первозданное состояние все, что было построено из сырцовой глины, возвышается над Эздрельской равниной. Могильный курган, под которым погребен целый город. Он возник за три тысячи лет до рождения Христа на месте неолитических стойбищ и было ему предназначено стать неприступной твердыней на пути из Египта в Сирию, и он стоял на страже единственного прохода из долины Шарон через горную цепь Кармель. За ключевой плацдарм между Нилом и Евфратом сражались армии могущественных империй Востока и Запада.

«Мегиддон ценнее тысячи городов»,— оставил надпись фараон Тутмес Третий. В восьмом веке до н. э. ассирийцы разрушили крепостные стены и сожгли город, но он восстал, как феникс из пепла, и так было множество раз. Царь Иосия преградил путь фараону Нехо

[1] Холм, образующийся на месте древних поселений. Арабскому слову «телль», ставшему археологическим термином, соответствуют тепе (*перс.*) и хююк (*тюрк.*).

и пал в битве. И царь Сисара, и царь Иосия сложили головы у вод Мегиддских — у потока Киссон, у потока Кедумим.

Римские легионы прошли по холмам Мегиддским и стали лагерем на Хар-Мегидда. В первую мировую войну английский генерал Аленби разбил здесь турецкую армию. Нет другого места на земле, где было бы пролито столько крови. Больше, чем в Киссоне воды, больше, чем дождя в тучах над Укропным холмом Ханаана.

Висенте не нужно было уговаривать себя. Он понимал, какое значение для мировой истории могут иметь раскопки в Мегиддоне. Лично его особенно волновал пласт времен Ахава и Иезавели. Это была его тема, его непреходящая страсть.

Проведенные в начале века и, особенно, в 1931 году работы увенчались многообещающим успехом. Строение, названное «Домом Ахава», где нашли множество предметов из слоновой кости, определенно подкрепляло библейскую версию. С еще большей уверенностью можно было говорить и о «румянах Иезавели». Обнаруженные в каменных коробочках следы черной, зеленой и — sic! — красной краски, устраняли любые сомнения. Многое удалось сделать в те годы. Было установлено точное место царских конюшен, раскопаны оборонительные сооружения, возведенные по приказу царя Соломона. Шумахер нашел яшмовую печать с надписью «Собственность Шима, слуги Иерована». Даже горшки с останками жертв, принесенных ваалам, и те были найдены в слое, датированном тринадцатым веком до н. э. — веком Ахава и Иезавели! Однаединственная их именная печать могла бы поставить последнюю точку. Не печать, так надпись на колонне, вроде той, где проставлено имя Пилата. Хотя бы пара букв из короткой строки «Мелох [1] Ахав».

«О, если бы им удалось раскопать нечестивое капище!» — волновался Висенте, читая и перечитывая письмо.

В святилище Баала-Юпитера успели побывать и римские воины. Их лагерь, к северу от руин Таанука, назывался Легио, откуда пошло нынешнее Леджун. В богатейшем книгохранилище Иерусалимского храма

[1] Царь (*иврит*).

находились папирусы с описанием внутреннего убранства ханаанского капища, но они сгорели вместе с храмом.

Последние, кому посчастливилось видеть разбитого на куски ваала, были тамплиеры.

«А вдруг де Луна?» — загадывал Висенте, прозревая, что все давно решено за него.

Он поедет на «воды Мегиддские» — «Судьи», глава пятая, стих девятнадцатый, — но ему не вернуться назад.

С детства знакомый заунывный напев волынки, сладостной болью переполнявший глаза:

Не в силах противиться смертному сну,
Они не увидят родную страну.
Текут, как слеза, бесконечные дни:
В крестовом походе погибли они.

— Diec irae!..[1] — прошептал Висенте. — Этот день, — и встал на колени, повернувшись к распятию на стене. — Господи! Откуда такая смертная тоска? И ничего-ничего нельзя изменить?

Как костяшки на счетах — одна к одной — соединялось, множилось... Знаки, Ваал, Юпитер, звезды Апокалипсиса... И этот градуал кем-то выбранный: «Восседают князья», и князь мира сего, и цари падающей звезды, и цари Хар-Мегиддо...

«И видел я **выходящих** из уста дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобно жабам: это бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя... И он собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон. Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: свершилось!

И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле».

— Он видел, видел это, Хуан Богослов, и чаша у ангела была, как котел дома Гусманов... Да будет воля Твоя!

[1] «День гнева» — начало реквиема.

АВЕНТИРА ВТОРАЯ

ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ

Ежегодное заседание Совета директоров проходило в Парижском отделении транснациональной корпорации «Эпсилон X_1». Филиал размещался в неприметном, современной постройки, особняке, окруженном высокой оградой чугунного литья. Со стороны авеню Махатмы Ганди, косо пересекающей Булонский лес, дом скрывала густая, тронутая коррозией листва каштанов. Сквозь частокол пик, перемежающихся столбами в виде ликторских фаций с топориками, можно было видеть лишь образцово подстриженный газон и боковую стену, сплошь затянутую бордовой в эту октябрьскую пору сетью плюща. Фасад был повернут в сторону Музея природных искусств, также приютившегося посреди обсаженной деревцами лужайки. Дымчатые зеркала окон отражали смутные тени ветвей и облака, полыхавшие отсветами заката.

Тщательно замаскированная инфракрасная система слежения надежно защищала резиденцию от нежелательных визитеров. Единственные ворота, выполненные из гофрированных железных листов, запрокидывались по сигналу электронного пульта, открывая полоску дороги, круто исчезающей под землей. В гараже, рассчитанном на двадцать четыре машины, за стойкой из пуленепробиваемого стекла дежурил охранник. Этого требовала разумная предосторожность, не более: в Парижском отделении не было ни секретных лабораторий, ни сейфов, набитых банкнотами, хотя через него и проходили весьма значительные суммы. Средствам связи уделялось куда более серьезное внимание. Все телефоны, компьютеры и факсимильные аппараты были защищены от перехвата специальными клипперами, созданными в знаменитой «Силиконовой долине». Этот крупнейший в США инженерный центр, расположенный в малонаселенном округе Санта Клара, славился пионерскими разработками в области высоких технологий и передовой организацией труда. Творцом алгоритма, положившего начало производству клипперов, был двадцатитрехлетний программист из России, вчерашний студент, получивший грант от фонда Рокфеллера.

Из недр «Силиконовой долины» вышла и установка, названная вакуумным осциллятором. Первые ее образцы были испытаны в специально выбранных точках, разработанных по всему земному шару.

Именно этот вопрос и стоял главным пунктом в программе, предложенной Совету директоров.

Заседание открыл президент корпорации Питер Джонсон, прилетевший из Бостона в сопровождении технических советников и адвоката. Бронзоволицый, красиво седеющий, он казался эталоном уверенности и здоровья. Изменив давней привычке ничем не выделяться, он за пять минут до собрания приколол к отвороту темно-синего, в белую полоску пиджака фирменный значок с греческой буквой Е.

— Леди и джентельмены,— начал Джонсон, одарив персональной улыбкой каждого из сидевших за длинным столом.— Все вы в курсе проблемы, которую нам предстоит обсудить. Многие из вас разбираются в ней лучше меня, и это позволяет без лишних слов перейти к сути вопроса. Если не будет возражений, я бы предложил сначала заслушать наших сеньор-офицеров. Как вам кажется?— сделав паузу, он вновь продемонстрировал сияющий голливудский оскал и доверительно кивнул маленькому японцу, пристроившемуся на одном из приставленных к стене стульев.— Вы готовы, доктор? Тогда прошу!.. Доктор Хацуки Хаякава!— объявил, взыграв голосом.

— Мистер президент, уважаемые члены совета,— японец вскочил, отдал несколько поклонов и, подойдя к столу, произнес несколько вступительных фраз. Он говорил с характерным акцентом, но достаточно внятно.— На прошлом заседании я имел почетную привилегию продемонстрировать вам чертежи установки и подробно доложить о ее устройстве. Есть ли надобность останавливаться на технических характеристиках?

В овальном зале без окон повисла настороженная тишина. Никто из директоров не пожелал высказаться. Они не первый раз слушали Хаякаву, и не только его, но и других видных специалистов. Даже принимали участие в испытаниях. Вернее, это говорилось так: «принимали». На самом деле их роль сводилась к стороннему наблюдению. За редким исключением, никто из них, включая самого президента, ничего не понимал

в физике. Волей-неволей приходилось полагаться на заключения авторитетов.

— В самом общем виде, доктор,— счел необходимым вмешаться Джонсон. Зная о существующих сомнениях и разногласиях, он решил действовать по заготовленному сценарию. Если не удастся предотвратить перепалку, то стоит попытаться ослабить накал. Ничто так не затуманивает мозги, как хорошая порция заумных теорий. Важно лишь соблюсти меру, чтобы целительная скука не переросла в раздражение.— Я же говорю, что тут собрались асы. Насколько мне известно, многие даже видели аппарат в действии... Таблиц и схем не нужно.

— Тем лучше,— Хаякава вновь отдал короткий поклон.— В основе действия лежит резонансный эффект Лэмба-Рисерфорда. Его суть понятна без формул. В простейшем атоме водорода, состоящем всего из одного протона и электрона, наблюдается небольшой сдвиг электронных уровней, соответствующий длине волны излучения в двадцать один сантиметр. Это вызвано тем, что электрон взаимодействует не только с реальным внешним кулоновским полем протона, но и с флуктуациями вакуума, т. е. со случайными колебаниями вакуумного электромагнитного поля. Казалось бы, такой тонкий эффект, типичный для микромира, может интересовать только узкую категорию специалистов. В действительности же самые ценные сведения, которые удалось получить из мира галактик, добыты благодаря именно этому радиоизлучению. Это голос Вселенной, леди и джентльмены. Исполинские облака нейтрального водорода обвивают спиральные ветви нашего Млечного пути и других туманностей, удаленных на миллионы и миллиарды световых лет.Радионаблюдение на указанной волне позволило подробно изучить их строение и прощупать ядра. Эти волны за несколько лет открыли астрономам больше тайн, чем лучи света за всю историю.

Японец умолк и отер разгоряченный лоб бумажной салфеткой.

— Мистер Хаякава с присущим ему лаконизмом изложил нам предысторию проблемы,— заполнил паузу Джонсон.— Мы с вами знаем, что вот уже полвека крупнейшие астрофизические обсерватории ведут радионаблюдение на волне космического водорода. Мои

соотечественники Кокконни и Моррисон в свое время высказали гипотезу, что если и есть во Вселенной разумные существа, то они просто не могли не обратить внимания на частоты, отличные от непрерывного спектра галактик и звезд. Я ничего не перепутал, доктор?.. Как видите, коллеги, и зайца можно научить зажигать спички. Словом, я не исключаю, что где-нибудь на Тау Кита или Альфа Центавра в эту самую минуту кто-то следит именно за этой волной... Прошу прощения,— кивнул он японцу.

— Мне остается добавить к остроумной реплике нашего президента совсем немного,— продолжал Хаякава.— Рэлей и Джинс подсчитали число степеней свободы, которое может вместить определенный объем пространства. Если объем ограниченный, то задача сводится к обычному резонатору. Он обладает множеством собственных частот, и каждой из них соответствует множество различных колебаний. Степень свободы — это определенный тип электромагнитных колебаний, которые способны возбуждаться. В сущности любой объем пространства можно представить себе наполненным строго определенным количеством колеблющихся систем-осцилляторов. В неограниченном пространстве их плотность как раз и выводится из формулы Джинса-Рэлея.

— Только без формул, мистер Хаякава,— попытался сострить Вернер Герлах из Гамбурга.— Мы запомнили их на всю жизнь еще тогда, в Страсбурге.

Памела Уиткомб, его соседка по столу, кисло улыбнулась.

Джонсон понял, что приближается критический момент, но, глянув на каменное лицо японца, решил не вмешиваться.

— Хай [1],— сказал Хаякава.— Я рад, что вы запомнили великое уравнение нашего века. По своему значению оно не уступает формуле Эйнштейна, которую **действительно** знают все,— он ехидно оскалился,— и знаменует новую эру. Прежние представления рухнули, как карточный домик. Представлялось абсолютной истиной, что волны могут испускаться только конкретными телами. Как круги на воде от брошенного камня. А тут — физический вакуум, чистое пространство. Ока-

[1] Хорошо, ладно (*яп.*).

залось, что и оно наполнено электромагнетизмом. Если в течение достаточно длительного времени вакуум находится в контакте с каким-нибудь телом, то между ними устанавливается тепловое равновесие. Каждый осциллятор при этом приобретает дополнительную энергию, которая может передаваться только квантами. Здесь-то и скрыта фасолина в рождественском пироге! Выяснилось, что кроме целого числа квантов, которые могут принимать или отдавать осцилляторы, у них всегда остается половина кванта энергии, и никакими силами ее невозможно отнять. Это и будет нулевая энергия лэмбовского сдвига. Даже при температуре абсолютного нуля, когда осцилляторы лишены всяких, казалось бы, энергетических запасов, они продолжают совершать нулевые колебания. Такова теоретическая предпосылка, леди и джентльмены. Она экспериментально подтверждена и, самое главное, создана не в кабинетах «Эпсилона», а, следовательно, не подлежит обсуждению. Кто решится оспорить Рэлея и Джинса?

— Ядовито, доктор,— Джонсон удовлетворенно вздохнул.— Ядовито, но точно! Только не надо скромничать, будто ваш вклад ограничивается парой медных пластин, которые вы зачем-то опустили в жидкий гелий. Коллеги видели установку в работе. Великая пустота дала знать о себе при абсолютном нуле температур! И как дала! Мистер Хаякава сделал величайшее научное открытие. Ему удалось доказать, что вакуум по-разному осциллирует в различных точках земли... Поздравляю, доктор,— он благодарно кивнул японцу и объявил следующего оратора.— А теперь нам предстоит заслушать не менее интересное, надеюсь, сообщение доктора Гринблада.

«Сейчас они у меня зашевелятся»,— злорадно подумал президент, чуточку ослабив слишком тугой узел галстука, выдержанного в гарвардских цветах.

От стены отделился субтильный молодой человек с лакированной лысиной, окаймленной темными, аккуратно подстриженными кудряшками.

— Попрошу экран,— властно потребовал он, энергично вскинув подбородок. Свет в зале притух, и на дисплее вспыхнули очертания материков.— Партия осцилляторов — всего было выпущено двадцать девять устройств по цене сто тридцать семь тысяч пятьсот

долларов за штуку — была размещена на всех пяти континентах,— на карте появились белые звездочки.— Если учесть, что каждая установка была опробована, как минимум, в шести точках своего региона, то мы располагаем представительным массивом из двухсот семидесяти пяти показателей. За фоновое значение принималась частота, полученная в случайном месте.

— Что значит — в «случайном», мистер Гринблад? — спросил Морис Левэк, директор Парижского филиала.

— То есть методом тыка, мистер Левэк. Возьму для примера Париж.— Звездочка, которой была помечена столица Франции, ласково замигала.— Мы ввели в компьютер номера парижских станций метро. По закону случайных чисел, он выдал нам первое попавшееся. В данном случае Place de Clichy. Фон удалось измерить прямо в туннеле, когда закончилось движение. Следующий замер был сделан неподалеку, но уже на поверхности: в центральной части Cimetiere Monmartre. Целенаправленные замеры производились в крипте Notre-Dame-de Lorette, в усыпальнице французских королей Saint Denis [1] и других аналогичных местах.

— Выбор метро был чем-то обоснован? — с озабоченным видом поинтересовался Джонсон, заранее зная ответ. Его протеже грассировал, как прирожденный парижанин. Настоящий «япи».

— Важно было исключить воздействие космических лучей, сравнив показания в глубине и на поверхности земли. Колебания оказались в пределах точности прибора. У вас еще будут вопросы, мистер Левэк?

— Благодарю вас. Я вполне удовлетворен. В дальнейшем придется работать как раз под землей.

— Совершенно с вами согласен.

— И какие выводы? По Парижу? — гнул свою линию Джонсон.

— Фоновое значение повсюду оказалось близким к среднему: на кладбище, в церквах, на всех станциях метрополитена, за исключением Cite [2]. Величину, существенно превышающую фон, дали замеры в криптах и на упомянутой станции. Все три значения колеблются в пределах точности.

---

[1] Площадь Клиши. Монмартрское кладбище, Собор Парижской богоматери, Сен Дени.

[2] Сите.

— Как можно объяснить аномалию на острове? — озабоченно спросил Джонсон. — Близостью Notre-Dame?

— Пока это загадка для нас. Археолог Парижской мэрии, к которому мы обратились за консультацией, полагает, что под туннелем метро проходил подземный ход из Тампля, в котором были замурованы тамплиерские реликвии.

— И какая тут связь? — канадка Уиткомби недоверчиво повела плечом.

— Едва ли есть связь, мадам.

— Где-то там сожгли великого магистра Жака де Молэ, — блеснул эрудицией Левэк. — Того места больше не существует. Регулирование русла реки, знаете ли... Париж оказался не так плох, мистер Гринблад?

— Париж всегда Париж, сэр... Аналогичные исследования были проведены по обоим берегам Нила: от Александрии до Асуана, в древней японской столице Киото, на полуострове Юкатан в Мексике, в пещерах Альтамира и храмах Испании, в Трое, Чатал-Хююк, на раскопках Ура и Мохенджадаро, почти по всей Греции, включая Родос и Крит, в Италии — от Милана до Сицилии, на Мальте, Сардинии и многих других местах. Сейчас работы продолжаются в Индии, Израиле и на острове Гавайи.

— Большом острове Гавайского архипелага? — счел необходимым уточнить Джонсон.

— Именно так. На плато, где покоятся останки короля Камеамеа. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы: фоновое значение повсюду остается на одном уровне, а экстремальный всплеск, отмеченный, скажем, в усыпальницах фараонов, превышает, хоть и не слишком, цифры, полученные в том же Парижском соборе, воспетом Гюго, или в толедской синагоге Санта Мария Ла Бланка.

— Странное, однако, название для синагоги, — фыркнул Перес Леви, резидент в Аргентине.

— После указа Фердинанда и Изабеллы синагога стала церковью и присоединила к своему новому названию, так сказать, прежний статус молитвенного дома. Точно так же испанцы поступили и с расположенной поблизости синагогой Самуэля Леви, — Гринблад покосился на аргентинца. — Она стала капеллой Nuestra

Señora del Transito [1]. То же случилось и с мавританской мечетью.

— Ни в мечетях, ни в синагогах не зарывают мертвых,— одутловатое лицо аргентинца исказилось гадливой гримасой.

— Мертвых?— с надменной улыбкой повторил Гринблад.— Я такого не говорил. Курьезный момент, господа! В местах массовых захоронений эффект не зарегистрирован. Мы провели замеры в церкви на озере Блед, в Словении. Там, знаете ли, стеклянный пол, а под ним — человеческие кости, масса костей... Значение фоновое. Нет, сеньор Леви, тут срабатывает иной фактор. Пирамиды, под которыми нет никаких захоронений, давали не меньший всплеск, чем гробницы в Луксоре.

— А индейские пирамиды?— спросила Памела Уиткомб.

— Пирамиды майя на Юкатане практически ни в чем не уступили пирамидам в Гизе. Счет один-один.

— Вы полагаете, влияние формы?— подозрительно прищурился Клаус де Кемп, представлявший регион Бенилюкса.

— Бесподобно!— взорвался, брызнув слюной, вице-президент корпорации лорд Уорвик.— Слыхали мы эти сказки! Убедитесь сами, джентльмены,— с исключительным проворством он свернул бумажный лист в пирамиду.— Какой-то шарлатан уверял, что с помощью столь нехитрого трюка можно соорудить холодильник, в котором не протухнет бифштекс. Внутри такой, с позволения сказать, фигуры будто бы самозатачивается бритва и вообще происходят всякие чудеса. Насколько я понимаю, эксперименты заслуживают самого пристального внимания, однако мистер Гринблад избрал не лучшую манеру доклада, и я удивляюсь коллегам, готовым клюнуть на сенсационную приманку.

— Форма не имеет значения,— не отреагировал на выпад Гринблад.— Мы обследовали памятники древних цивилизаций. Фундамент вавилонского зиккурата, скажем, давал тот же результат, что и пирамида Хеопса. Но где он, тот зиккурат?.. Груда сырцового кирпича? Но и одного камня оказалось достаточно для регистрации эффекта. Да и камень в сущности не нужен.

[1] Буквально: Прохождение нашей владычицы (*исп.*).

Место работает, господа, само место... Как? Почему? Спросите мистера Хаякаву. Я не физик и ничего не понимаю в причудах пространства-времени. Узлы ли оно образует, многомерные струны или, как нас еще уверяют, каналы,— меня не волнует. Факт есть факт. Древние знали и умели находить особые места. Дольмены и гробницы этрусков дают эффект, а на Пер Лашез его нет, и на скромном Арлингтоне — тоже. Собор Святого Петра в Риме, Святого Вита в Праге, Святого Лазаря в Отёне — есть, а Святого Павла в Лондоне — увы! Почему? Не знаю. Это не наша задача.

— Вы бы хотели что-то добавить, мистер Хаякава? — спросил Джонсон.

— Без математического аппарата не имеет смысла. Рассуждать о многомерных пространствах на пальцах? Мистер Гринблад прав: факт есть факт. Кварк, предсказанный Гел Манном, сегодня обнаружен в эксперименте. Представления о феномене Большого взрыва полностью подтвердились. Новорожденная Вселенная обладала шестью измерениями, помимо наших четырех. Мы имеем дело с реликтовыми проявлениями ее эволюции.

— Четырех? — изготовился для нового прыжка лорд.

— Четвертая координата — время, помноженное на мнимую единицу.

— Какое место вы считаете наилучшим? — подал голос обычно молчаливый и непроницаемый Хиронару Миёши, первый вице-президент «Эпсилона».

— Наилучшим для чего? — мгновенно парировал Гринблад.

— Не будем забегать вперед,— Джонсон предостерегающе поднял карандаш.— Вы закончили, Джейк?

— Закончил,— с видом победителя кивнул Гринблад.

— Вопросы к мистеру Гринбладу?

— Вам приходилось работать на буддистских кладбищах? — скорее подсказал, нежели спросил Ануман Сиваракса.

Взяв на себя руководство Бангкокским филиалом, в сферу которого входила вся Юго-Восточная Азия, профессор Сиваракса был самым эрудированным супрем-офицером корпорации. Логические неувязки в докладе не помешали ему охватить картину в целом. Во-

просы и неуместные реплики увели Гринблада в чуждую для большинства область чистой науки. Выправить положение могла деликатно замаскированная подсказка.

— Безусловно, профессор,— с полуслова понял Гринблад. В Аютии и пещерных храмах Куала-Лумпура Сиваракса не раз оказывал ему помощь.— Но кладбища, будь то буддийские или магометанские, отнюдь не являлись самоцелью. Эффект, за редким исключением, оставался в пределах фона. Но недаром говорится, что исключения подтверждают правила. Грубо говоря, прибор иногда срабатывал совершенно на пустом месте.

— Откуда вы знаете, что было там раньше, на «пустом» месте?— желчно отреагировал Уорвик. До вступления китайцев в Тибет он работал в британской миссии в Лхасе и считал себя знатоком буддизма.

— Очень верное замечание, сэр. Я не знаю и не хочу знать, что и где было. Хватит того, что есть, вернее, осталось от прошлого. Срабатывает само место. Древние памятники только помогают его найти. Буддийские ступы в Санчи, Анарадхапуре, Сарнатхе. Пирамиды в Гизе и Саккара. Мавзолеи.

— Ленина?— пряча улыбку, спросил Джонсон, вызвав общее оживление.

— Учтем на будущее, сэр. Мы только начинаем прицеливаться к России... Я говорю о мавзолее Гур Эмир в Самарканде, где похоронен Тимур. Эффект зарегистрирован. Мусульманские архитекторы тоже умели выбирать подходящую точку.

— Вам надо было бы побывать в Китае,— посоветовал Хиронару Миёши,— китайские геоманты не знали себе равных в искусстве точного выбора. Они наши учителя. Императорские могилы не только ориентированы по странам света, но и нацелены в космос, в самый центр галактики, мистер Гринблад.

— Благодарю за ценное указание, Миёши-сан. К сожалению, наши отношения с китайскими властями складываются не лучшим образом. Пока остается лишь мечтать об императорских линах, Великой стене и Храме неба. Я бы добавил сюда и Поталу, и золотые чортени Тибета, в которых спят мумии далай-лам, и пещерные могильники даосских святых.

— У вас потрясающий размах, мистер Гринблад,—

не замедлил откликнуться старый лорд.— Прямо-таки необъятный, хоть и с явно кладбищенским уклоном. Это навевает похоронное настроение... У нас действительно есть повод для скорби? Вы ничего не сообщили о расходах, сэр. Намеренно?

— Прошу прощения, ваша светлость. У меня и в мыслях не было наводить траур, хотя сам предмет наших исследований в некотором роде связан с потусторонним миром. Или я ошибаюсь? Что же касается расходов, то они действительно способны вызвать некоторое огорчение. Мы на семнадцать миллионов сорок шесть тысяч пятьсот двадцать три доллара превысили смету. Мистер Джонсон был настолько любезен, что предоставил кредит.

— Надеюсь, из своего кармана? Совет вряд ли согласится с перерасходом.

— Прежде чем поставить вопрос на голосование, лорд Уорвик, я попрошу коллег ознакомиться с нашими предложениями по второму этапу. Материалы перед вами, леди и джентльмены.— Джонсон глянул на разложенные перед членами совета голубые с желтой фирменной маркой папки. Секретарша Левэка не обошла никого.

Пока другие корпели над цифрами, Джонсон просмотрел бумаги, заботливо подложенные в его экземпляр все той же Матильдой Клери, бессменной труженицей Парижского филиала. Поступившие из Тулузы счета увеличивали затраты Гринблада еще на двести пятьдесят тысяч франков. Его набеги на Монсегюр, равно как Стоунхендж и Гластонбери, никак не вписывались в рамки проекта. Это была причуда увлеченного человека. Удовлетворение собственного любопытства за чужой счет. Но разве не на том стоит любая наука? Гринблад стоил этих денег.

— Послушайте, Джонсон!— в руках Уорвика ксерокопированный лист превратился в кораблик.— Не хотите ли вы уверить нас, что телевизионный сериал покроет все расходы?

— Хочу, Грегори. Отчего же?.. Еще и прибыль даст. Восемь процентов, не менее.

— Годовых?

— Разве плохо?

— И вы берете на себя такую ответственность?

— Я уже ее взял.

— Тогда я снимаю свои возражения.

— Благодарю, Грегори, вы очень любезны. Можно приступить к голосованию? — Джонсон постарался каждого обласкать взглядом. — Так или иначе, но нам придется утвердить расходы мистера Гринблада на текущий год, — он весело рассмеялся. — Как вы могли видеть, они достаточно скромны по сравнению с ассигнованиями, на которые вправе рассчитывать наши друзья из «Эпсилон Пикчерс». Надеюсь, что и этот вопрос мы решим к обоюдному удовольствию.

— Кинопроизводство дорожает год от года, — пожаловался Клив Мэлкин, директор «Эпсилон Пикчерс». Четыре миллиона только за сценарий — таков последний рекорд Голливуда.

— Надеюсь, его занесут в «Книгу Гиннеса»... Мы дадим в два раза меньше и получим за это целых два полнообъемных сценария. Но это будет уже на третьем этапе. Итак, мы можем голосовать?

— Опросные листы в ваших папках, леди и джентльмены, — Левэк налил стакан «виши» и мелкими глотками выцедил пузырящуюся минералку.

— Все же я не совсем понимаю, — не унимался Уорвик, — зачем этот глобализм? Хватило бы десяти, самое большее — пятнадцати точек.

— Нужна представительная статистика, — терпеливо объяснил Джонсон, — если я хоть что-то понимаю в высоких материях. Она одна может дать надежную опору. Лучше потратить больше, но наверняка, чем просто выкинуть деньги на ветер... Вы говорите «глобализм», Грегори? Верно, глобализм. Но ведь и проект глобален в самом строгом смысле. Не будем забывать о конечной цели, друзья и коллеги. Да, расходы от этапа к этапу возрастают в геометрической прогрессии, но нам дается уникальный шанс хоть одним глазом заглянуть туда... Словом, я бы не хотел умереть с мыслью, что упустил его. Не сделал все, что было возможно. Вероятность выигрыша намного меньше, чем в рулетке. Это так, и не нужно строить иллюзий. Еще раз спросим себя, уважаемые коллеги... Что касается меня, то я верю в успех и сделаю все от меня зависящее для его достижения. Вы что-то хотели сказать, Морис?

— Позвольте огласить итоги голосования, — Левэк внушительно прокашлялся. — По обоим вопросам принято единогласно.

— Поздравляю,— просиял Джонсон. Не испытывая особых сомнений в результате голосования, он был искренне рад, что оно так благополучно завершилось. По-настоящему он один знал, какие капиталы подпирают проект.

— Вы хотели поговорить со мной, Реджи?— задержал он директора Южно-Африканского филиала.

— Да, Пит, я пытался с вами связаться, но без особого успеха.

— Что-нибудь сугубо деликатное?

— Не знаю... Я не был уверен, насколько это вас заинтересует, и решил не посылать факс.

— Рассказывайте, Реджи. Все, что исходит от вас, для меня крайне ценно.

— Где нам лучше поговорить?

— Простите, Морис, вы не уступите нам свой кабинет?

— Располагайтесь, как дома, Пит. Я попрошу Клери подать чаю.

Они устроились в креслах возле необъятных размеров стола, на котором не было ничего, кроме таблички с именем генерального директора Парижского отделения. Голые стены, скрытое освещение, закрытые стеллажи. Не офис, а настоящая следственная камера.

До выхода на пенсию Левэк работал во втором отделе генштаба и сохранил все приобретенные в разведке привычки и навыки. Молчаливая и неизменно мрачная Клери была ему под стать. Джонсон понимал коллегу и изо всех сил старался быть непохожим на него даже в мелочах.

— За день до отлета я включил телевизор и сразу нарвался на интересный эпизод,— приступил к рассказу Реджинальд ван Аллен, едва за мегерой беззвучно захлопнулась стальная дверь.— Давали репортаж из индийского центра. У нас в Кейптауне большая индийская община,— объяснил директор Южно-Африканского региона.— Выступал какой-то их святой с шиньоном на макушке. Нес, на мой взгляд, совершенную чушь. Про какого-то царя небесных царей, конец света и прочее в том же роде. Он называл царя Гуру...

— Учитель.

— Да, учитель, наставник... К нему якобы подкрадываются убийцы из области мрака. В общем, грядет космического масштаба переворот. Я хотел было вы-

ключить, как началось самое интересное. В зал ворвались штурмовики в масках и пошли полосовать направо-налево из автоматов. Потом метнули то ли гранату, то ли бомбу, раздался взрыв, полетели какие-то обломки, вспыхнул пожар и все заволокло дымом. Трагедия ужасная: гора трупов. Из вечерних известий стало известно, что налет произвели эти арийские ультра.

— Которые с трехконечной свастикой?.. Но ведь истинные арии — это и есть индийцы! Куда большие, чем мы с вами.

— Для нацистских ублюдков они просто цветные. Почти такой же объект ненависти, как негры. С приходом к власти правительства черного большинства межрасовые противоречия только обострились.

— Печально.

— Да, Пит, я без особого оптимизма смотрю в будущее... Не знаю, метили ли они специально в этого йога, или совпало случайно, но акция возмутительная. Девятнадцать убитых и около ста раненых. Сам йог получил осколочное ранение в череп.

— Йог, говорите?

— В том-то и дело! Зная, что вас интересует эта проблема, я тут же помчался в госпиталь, куда его перевезли, и оплатил лечение на месяц вперед. Он лежит в отдельной палате и ни в чем не нуждается. Врачи считают, что вытянет.

— Вы правильно поступили, Реджи. По всем законам, божеским и человеческим,— Джонсон ненадолго задумался.— Я вас вот о чем попрошу. Как только он достаточно оправится, переведите его в институт Крюгера. Попросите Марту от моего имени. Ладно? Нам давно нужен такой человек.

— Я знаю, но не хотелось бы перебегать дорогу лорду Уорвику. Индия, Тибет, Гималаи — прерогатива Лондонского бюро.

— Во всяком случае они так считают.

— Можно подумать, что в Нью-Дели все еще сидит британский вице-король.

— Ничего, с Грегори мы уладим. Я возьму все на себя. А вам, дружище, огромное спасибо.

— Апокалипсические пророчества вас не смущают? Он либо ненормальный, либо мошенник, этот риши.

— Посмотрим. Риск невелик. Беда в том, что мир жаждет шизофреников и плутов. В России, я имею в ви-

ду весь бывший Союз, примерно тот же расклад. Коммунисты, фашисты и вообще атмосфера сумасшедшего дома. Не слышали про «Белое братство»?.. По существу ничего нового. Знакомая болезнь. Корейцы тоже ждали светопреставления. Бомба любимого и уважаемого вождя — так, кажется? — их малость отрезвила... Вы надолго в Париж?

— Завтра вылетаю в Амстердам.

— Бриллиантовый бизнес?.. Ну, желаю успеха.

— А вы, Пит?

— Мне придется малость подзадержаться.

— Не забывайте нас.

— Куда от вас денешься?.. Предполагаю быть в Претории в конце следующей недели.

АВЕНТИРА ТРЕТЬЯ

БЕЛИНДАБА, ЮЖНАЯ АФРИКА

И странные происшествия множились в разных концах потрясенного переменами мира.

Врачи, осмотревшие труп, не обнаружили ни малейших следов разложения. Между тем, он успел побывать в могиле, затем был отрыт, погружен на корабль и десять суток проболтался в пути. Суть в том, что лежащее на столе озаренное бестеневой лампой тело нельзя было назвать ни мертвым, ни живым. Это был живой мертвец, первый доподлинный зомби, угодивший в лапы дипломированных специалистов.

Пульс не прослушивался, зрачки не реагировали на свет, и лишь с помощью электронных приборов удалось зарегистрировать редкие — два или три в минуту — сокращения сердца.

Судя по внешнему виду, зомби было лет сорок с небольшим. Он принадлежал к черной расе, золотые коронки зубов, а также ухоженные гладкие руки свидетельствовали об известном достатке.

Никто из дежурной бригады, куда, помимо реаниматоров, входили опытные невропатологи и психиатры, не знал ни его имени, ни рода занятий. Можно было лишь отдаленно догадываться, с какими перипетиями связано появление столь необычного пациента в еще недавно секретном учреждении.

Здание, в котором размещалась лаборатория нейротоксикологии, представляло собой четырехэтажную башню, от которой на уровне цоколя, как щупальца осьминога, расходились восемь коридоров, разделенных на бункерные отсеки. Отсюда и возникло название «Октопод», или — для внутреннего употребления — «Каракатица».

До прихода к власти правительства де Клерка, положившего конец политике апартеида, лишь ограниченный круг лиц знал о существовании «Октопода». Наряду с комплексом «Билдинг-5000» в Белиндаба и «Сёркл Билдинг» в Адвене, лаборатория была строго засекречена. Расположенная в закрытом районе, в двадцати пяти километрах от Претории, она по сути составляла единое целое с «Билдинг-5000», где была успешно осуществлена атомная программа Южно-Африканской республики. Свечение в океане, зарегистрированное американским разведывательным спутником, возвестило миру, что в созвездии ядерных держав появилась еще одна незаконная звездочка. Плутониевый заряд, взорванный в океанских глубинах, был наработан за глухими стенами «Билдинг-5000», в стержнях реактора «Сафари-I».

Сотрудники лаборатории принимали в эксперименте непосредственное участие. В их задачу входило изучение влияния продуктов взрыва на морскую флору и фауну. Токсичность плутония далеко превзошла действие изотопов стронция и цезия. Мертвенное сияние в пучине вод ознаменовало переход к новому этапу. Ядерный запал сработал. В Адвене, в Центральной лаборатории, и в том же «Билдинг-5000» в Белиндаба приступили к производству водородных бомб. Всего удалось собрать шесть готовых к боевому применению зарядов.

Но в сентябре 1989 года Фредерик де Клерк стал президентом, и через два неполных месяца правительство приостановило производство ядерного оружия. Бомбы отправили на разборку.

В апреле 1991 года лаборатория отпочковалась от Ядерно-энергетической корпорации и выделилась в автономный центр. С этого времени она переключилась на исследование биогенных токсинов по программе транснациональной корпорации «B and B». Штат сотрудников подвергся почти полному обновлению. Не-

когда ведущий отдел ядерной изотопии влился в химико-аналитический сектор. Центральное место заняли подразделения с медицинским уклоном.

Благодаря такому стечению обстоятельств живой мертвец оказался на попечении Рогира ван дер Вейдена, заведующего отделом нейротоксикологии. Потомок знаменитого фламандского художника, профессор Вейден создал себе имя экспериментами с сильнодействующими токсинами, извлекаемыми главным образом из морских животных: моллюсков типа Conus geographus, мадрепоровых кораллов, медузы Chiropsalmus, от ожога которой смерть наступает через три-четыре минуты, и не в последнюю очередь, тетрадонта — рыбы из отряда скалозубов, обитающей в Карибском заливе. В ее теле содержится тетрадотоксин — самый страшный из всех известных ядов небелковой природы. Он блокирует натриевые каналы мембран нервных и мышечных клеток. Однако, как это часто бывает, знание тонкого молекулярного механизма лишь одна сторона дела. Происходящие в организме процессы по-прежнему остаются неразрешимой загадкой. Вейден сознавал собственное бессилие. Медицина не располагала опытом оживления зомби. Использовать обычные средства реанимации — аппарат сердце-легкие, медикаментозные вливания, электрошок — было рискованно. Человек мог погибнуть. Профессор не чувствовал себя вправе пойти на такой риск. Оставалось одно: вести наблюдения и терпеливо ждать, полагаясь на то, что в один прекрасный день зомби очнется. По крайней мере так утверждали все, кто хотя бы краем уха слышал о практике воду. Но можно ли полагаться на расхожие мнения? На суеверные слухи, в сущности? Пролежать несколько суток в земле и без каких бы то ни было отрицательных последствий? Немыслимо!

Бред, да и только... Стоит прекратить доступ кислорода хотя бы на пять минут, и это приведет к необратимым нарушениям коры головного мозга. Азы физиологии.

— Давление, Беатрис? — Вейден кивнул девушке-ординатору.

— Практически на нуле.

С таинственным ядом жрецов африканской религии воду профессор сталкивался впервые. При одной мы-

сли, что именно ему выпало удача изучить совершенно неизвестное в науке анабиотическое состояние организма, захватывало дух. Перспективы рисовались самые фантастические. Однако первейшей задачей было вернуть к жизни практически бездыханное тело. Наука наукой, а клятва Гиппократа — прежде всего.

Давление было в тридцать раз ниже нормы, сердцебиение на том же уровне — одно, два... Жив ли мозг?

— Обрейте его. Живо!

Освобожденный от волосяных завитушек череп оказался того же цвета, что и тело. На шоколадном фоне проступили две бледные жилки шрамов, такие же розовато-лиловые, как кожа на внутренней стороне ладоней.

— Пошли бета-волны,— доложил Вильям Харви, стажер-невропатолог, запустив переносной энцефалограф.— А вот и альфа-ритм... Из право-височной области.

— Мозг бодрствует?— не слишком удивился Вейден.

— Похоже на то... Скоро увидим.

— Попробуйте свет, Беатрис.

— Ничего не меняется,— стажер поддержал медленно ползущую ленту, исчерченную извилистыми дорожками. Мозг зомби посылал электромагнитные сигналы, не реагируя на световые импульсы, бившие в закатившиеся глаза, но энцефалограмма не отметила ни «сонных веретен» [1], ни медленных дельта-волн, характерных для сонного состояния.

— Странная картина,— поцокал языком стажер.— У меня такое впечатление, что альфа- и бета-ритм идут из слуховых центров. По-моему, он нас слышит.

— Такое встречается в состоянии комы,— кивнул профессор.— Когда возникает иллюзия пресловутого полета сквозь темный туннель.

— Слышит, но не реагирует,— Беатрис Кинг, ординатор, отложила световую трубку и склонилась над полиграфом: пять самописцев из двенадцати тянули почти прямые линии.— Либо мозг частично поражен, либо...

— Либо что?— профессор наклонился над ней, ды-

[1] Группа волн с частотой 13—14 герц.

ша прямо в затылок.— Не тяните, Беатрис. «Зачем она так злоупотребляет духами?» — поморщился он.

— Не знаю, что и сказать... Вы бы не хотели попробовать электростимуляцию?

— Хочу, но пока воздержусь. «Не навреди»... Вам знакома такая заповедь?

— Мне кажется, я уже видел нечто похожее,— сказал Харви, разметив участок энцефалограммы.— В госпитале Крюгера.

— В самом деле? — насторожился профессор.

— За два дня до моего отъезда доставили одного весьма странного пациента с черепной травмой. Им занялась сама директриса, а я ассистировал. У него наблюдалась примерно та же картина, только волны были намного интенсивнее. Я никогда не видел ничего подобного. Настоящий ураган, цунами. Притом на фоне устойчивого дельта-ритма.

— У этого нет дельта-волн,— заметила Кинг.— Диапазон до 5 герц напрочь отсутствует. Не знаю, как назвать его состояние, но это определенно не сон.

— «Третье состояние»,— сказал Харви,— другого определения просто не существует. Наш йог тоже находился в «третьем состоянии», хотя и иного рода. Миссис ван Хорн назвала это парадоксальным сном. Помоему, не совсем точно. Но дельта-волны шли все время, следовательно, он и бодрствовал, и спал, частично.

— Он и вправду йог, доктор Харви? Я не ослышался?

— Совершенно верно, сэр. Практикующий йог, индус. Его подстрелили на каком-то религиозном сборище. Или на митинге? Точно не помню.

— Не имеет значения. Я сегодня же позвоню Марте ван Хорн.

— Только на ссылайтесь на меня, умоляю! — взволновался Харви.

— Почему, Вильям? Чего вы боитесь?

— Дело в том, что этого пациента сразу же перевели из клиники в исследовательский корпус.

Профессор понимал, что у доктора Харви, который стажировался у него пятый месяц, были основания опасаться Марты ван Хорн. Властная и крайне злопамятная, она испортила жизнь не одному врачу. В исследовательском корпусе, примыкавшем к госпитальному

зданию, так же как и в «Каракатице», проводились секретные опыты с живым мозгом. Бедняге Вильяму следовало бы держать язык за зубами.

— Я поразмыслю, как тут быть,— сочувственно кивнул Вейден.— Обещаю, что не выдам вас ни при каких обстоятельствах.

— Спасибо, сэр.

— В отдельную палату и на компьютер,— распорядился профессор, снимая резиновые перчатки.— Наблюдать, наблюдать, наблюдать.

Зомби остался один в объявший его смертельной мгле. Он действительно слышал все, что говорили суетившиеся вокруг него люди, и различал отдельные голоса так же ясно, как грохот комковатой земли, обрушившейся на крышку гроба. Но он не понимал их языка: английского, на котором профессор изъяснялся с доктором Харви, и африкаанс, родного наречия ординатора Кинг.

— Йоги, зомби! Как мало мы знаем о них,— Вейден тщательно вымыл руки.— Вы, например, Беатрис?— он принял от нее полотенце.

— Почти ничего. Кое-кто из моих университетских коллег хотя и увлекался медитацией, но меня это мало трогало. Я всегда смеялась над их причудами.

— Вы слишком рационально мыслите, а вы, Харви?

— Боюсь, тоже, профессор. О живых мертвецах я имею примерно такое же представление, как о вампирах. Пожирают сырое мясо, нападают на ни в чем неповинных людей, которые, в свою очередь, становятся зомби... Фильмы ужасов для детей.

— Вот именно! По-настоящему бросает в дрожь совсем иное. Вообразите себя на месте этого бедолаги. Что может быть ужасней подобной участи?— Вейден зябко передернул плечами.— Быть похороненным заживо... И это жуткое состояние каталепсии, когда невозможно даже пальцем пошевелить... Одно несомненно: в дьявольском зелье воду определенно присутствует сильный токсин.

— Африканская магия,— мечтательно вздохнул Харви.— Вокруг нее столько всего наворочено, что не знаешь, чему верить.

— Я слышала, что в бантустанах практикуют нечто подобное,— сказала Кинг.

— Не сомневаюсь,— кивнул профессор.

— Тоже водуизм? — спросил Харви.

— Возможно, или какая-то его разновидность. Не сомневаюсь, что свои, отработанные столетиями методы устрашения были в каждой деревне. Работорговля смешала племена и обычаи. В Вест-Индию чернокожих завезли в начале восемнадцатого века. Наверняка среди них были и колдуны, и вожди, и беспощадные воины. Эти люди привыкли повелевать. Неудивительно, что в среде рабов скоро установилась жесткая иерархия. Представляю себе этот конгресс знахарей со всей Африки! Обмен секретами мастерства, так сказать... А внешних атрибутов власти никаких. Все — бесправные невольники. Самое время пустить в ход психологические изыски. Невидимый террор. Простая логика подсказывает, где искать корни феномена,— профессор довольно потер руки. Живой мертвец оправдал его ожидания. Казалось, что до разгадки остался последний шаг.— Человек умирал без видимых причин, его зарывали в землю, а некоторое время спустя мгамба, или как там его, приказывал выкопать мертвеца. Обряд воскрешения, полагаю, наводил больше страха, чем внезапная кончина еще вчера здорового человека. Черного раба смертью не удивишь. Для многих она была избавлением, переходом в иное существование. Но стать зомби? Отверженным? Наводящим ужас на самых близких? Увольте, господа, это страшнее смерти.

— Интересно, откуда наш зомби? — Харви предупредительно помог шефу снять халат.— Уж он-то явно не банту.

— И не зулу,— улыбнулась Кинг.— И не бушмен, хотя все они на одно лицо,— и, глянув на Вейдена, поспешно добавила: — почти.

— Вот именно, Беатрис, **почти**. Для нас и китайцы на одно лицо, и от корейцев мы не желаем их отличать, и от вьетнамцев. Вы никогда не задумывались, что и они отвечают нам тем же?.. Высокомерие, юная дама, достойный сожаления пережиток. Знаете, когда человек начал выходить из животной стадии?.. Когда перестал делить на «мы» и «они». Ведь как было? Мы — это мы, люди, а они — пища. Пока не искореним каннибализм в душе, нечего ждать мира и спокойствия.

— Вы абсолютно правы, профессор, но я вовсе не хотела...

— Знаю, знаю... Не обращайте внимания на старого ворчуна. Я почти уверен, что он из Карибского бассейна, с одного из Антильских островов,— Вейден обернулся к стажеру.— Как вы думаете?

— Гаити? «Папа Док»,— обрадовался Харви,— Тонтон-макуты и все такое. Как у Грэма Грина.

— Предположение вполне вероятное. Правда, Дювалье давно в аду, где его хорошенько поджаривают на сковородке, но после военного переворота тонтон-макуты наверняка повылезали из щелей. Не знаю, похищают ли они по-прежнему трупы, но тайные убийства имеют место. Как, впрочем, повсюду в мире. У нас, в частности...

— Кошмарная жестокость!— Кинг содрогнулась от отвращения.— Надевают на человека автопокрышку и поджигают! Как это называется, Вильям? Воротник?

— Воротник справедливости.

— Мерзость!

— Ладно, оставим политику,— брезгливо отмахнулся Вейден.— Что бы там ни творили тонтон-макуты, суть дела не в них, а в самой практике воду. Колдуны-то остались и еще долго будут процветать. Какой бы режим ни установился на Гаити.

Не понимаю, почему медлят американцы!— подал голос Харви.— По-моему, Клинтон ни на что не способен, кроме угроз. То ли дело раньше! Гранада, Панама... Два дня — и нет диктатуры... Но, простите, профессор, вы говорили о колдунах. Мне до сих пор непонятно, почему водуизм принял такие чудовищные формы именно на Гаити? Ведь это исконное африканское колдовство. Однако я не слышал, чтобы в Нигерии, в Гане или еще где-нибудь происходили такие ужасы.

— Происходили и происходят. Мне самому довелось быть свидетелем невероятных сцен... Люди падали замертво от одного слова, даже от взгляда мгамбы. Убивала безраздельная, я бы сказал, гипнотическая вера. Возможно, рапорт между колдуном и его потенциальной жертвой устанавливается раз и навсегда. В нужный момент идет в ход ключевое слово, и все... Результат налицо.

— А в нашем случае,— озарился догадкой Харви,— вы не исключаете гипноз?

— Я думал над этим. Не та картина. Гипнотическое

состояние рисует иную энцефалограмму... Будем искать следы зелья! Полный биохимический анализ, спинно-мозговая пункция, меченые атомы.

АВЕНТИРА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛАЗУРНЫЙ БЕРЕГ, ФРАНЦИЯ

Яхта «Изольда» вышла из старой гавани в Антибах и взяла курс на Итальянскую Ривьеру. Лазурный берег с его обрывистыми склонами, утопающими в садах, казался выкованным из самородной меди. Испещренный темной зеленью сосен, как подтеками яри, он томил чарующей прелестью и нежной печалью. Ницца, Вильфранш, Болье, Эз, Тюрби, Монако, Ментона... Белые, розовые и голубые, они выплывали из дымки амфитеатрами лестниц, ротонд, фонарей, колоннад, и вечным покоем дышали кипарисы в лощинах, и вечным праздником манили пальмы вдоль изысканных набережных и ослепительных площадей.

На траверзе Вентимильи штевень, вспарывая играющую пеной волну, пересек невидимую границу. Но так же прозрачна была глубина и так же щемяще прекрасен лилово-розовый берег с изуродованными ветрами пиниями на абрисе скал. И метались за кормой итальянские чайки, крича по-французски, и тени ничейных медуз пузырями всплывали за бортом.

— Mer Mediterranee [1],— задумчиво произнес Джонсон.— Куда ни глянь, все напоминает Беклина. Помните «Остров мертвых», Грегори?.. У вас прелестное судно.

— Сама земля — такой остров, куда-то летящий в межзвездном пространстве,— старый лорд смешал карты и вновь принялся раскладывать пасьянс.

Сидя под тентом на верхней палубе, они лениво перебрасывались словами. Поддавшись уговорам Уорвика, Джонсон позволил себе короткий отдых.

— Вы, наверное, догадываетесь, Пит, что я пригласил вас не без задней мысли?

— О, если бы и вправду куда-то... На самом деле мы мчимся по замкнутому кругу. Вместо путешествия

[1] Средиземное море (*фр.*).

в неизвестность какая-то карусель. Время от времени лошадки и слоники взбрыкивают, выкидывая таких, как мы, и в седла садятся жадные дети.

— Серьезно, Пит, почему бы нам не поговорить откровенно? Как вы думаете, почему я поддержал вас на совете?

— По двум причинам. Во-первых, вы славный малый и только притворяетесь ворчуном, а во-вторых, достаточно проницательны...

— Первое — вздор, а насчет проницательности не знаю. Во всяком случае хватает ума, чтобы понять, за кем останется последнее слово... Зачем я вам нужен, дружище?

— А я вам зачем?

— О, вы — другое дело. Благодаря вам у меня есть завидная синекура. В моем возрасте такими вещами не бросаются... Если не хотите, можете не отвечать. Я догадываюсь, что могущественной корпорации с очень и очень двойным дном необходимо респектабельное прикрытие. На фоне маститых ученых, банкиров и промышленных акул английский лорд смотрится не так плохо. Не правда ли, Пит?

— Даже очень хорошо. Вы жемчужина в нашей короне, сэр Грегори, наша Индия в прямом и переносном смысле.

— Давайте без шуток. У меня сложилось твердое убеждение, что наш широкомасштабный проект не более, чем средство для отвода глаз, камуфляж, прикрывающий крупномасштабную акцию глубокого бурения.

— Несерьезно, Грегори, честное слово. Вы считаете вакуумный осциллятор мыльным пузырем? Не верите в затею с фильмом?

— Вы делаете из меня идиота. Я не настолько самоуверен, чтобы не доверять заключениям крупных специалистов. Что же касается телесериала, то и он, в случае удачи, может принести прибыль. Проблема в другом.

— В чем же?

— Хотя бы в инфраструктуре «Эпсилона». Я не знаю даже названий многих фирм и научных центров. Наверное, в этом нет особой беды. Кто я в конце концов? Номинальный вице-президент, отставной министр

без портфеля. Но вы, Пит, мозг и душа всего предприятия, вы полностью владеете ситуацией?

— Любая организация перестает быть управляемой, как только число сотрудников перевалит за пятую сотню. Вы слишком многого от меня требуете.

— Вы мастер уходить от прямых вопросов. Говорю это в качестве комплимента, не в осуждение.

— У меня не тысяча рук, как у китайской Гуанинь, и даже не две пары, как у Шивы. Я полагаюсь на экспертные оценки и, не в последнюю очередь, на мнения людей, которым полностью доверяю. На вас, в частности, Грегори. Ваши сомнения меня огорчили и, не скрою, обеспокоили. Выскажитесь начистоту, откровенно и ясно, а я, в свою очередь, так же чистосердечно постараюсь ответить на любые вопросы. Начнем с фактов.

— Фактами я не располагаю. Есть ощущения, Пит, подкрепленные жизненным опытом и доводами рассудка... Физический вакуум, человеческий мозг, потерянная и обретенная мудрость древних — все это глубоко притягательно и достойно всяческого восхищения. Глобальная, захватывающая дух программа, под которую создаются секретные лаборатории, даже целые институты, заводы, конструкторские бюро. Вам не кажется, что тут есть известная нестыковка? Между, так сказать, гуманитарной, включая религиозно-оккультный аспект, и технической составляющей?

— Вы хотите сказать, что инженерная часть работает не только на основной проект? — Джонсон изумленно раскрыл глаза. — Побойтесь бога, Грегори. Секретные лаборатории и целые институты, о которых вы говорите, представляют собой совершенно самостоятельные учреждения. Мы связаны с ними договорными отношениями в рамках совместной программы. Если хотите, я открою вам всю документацию... Вас настораживает секретность?

— Подлинная наука не может развиваться в условиях изоляции, но я не с Луны свалился и обеими руками голосую за охрану коммерческих тайн.

— Я тоже, хотя, возможно, наши службы и пережимают по части режима. Меня это как-то не очень трогает, хватает других забот. Пусть каждый занимается своим делом. Промышленный шпионаж, конкуренция — куда от них денешься? Но преждевременная

огласка намного опаснее, уверяю вас, Грегори, намного... Особенно для нас. Представьте себе, что произойдет, если мы целиком обнародуем нашу программу... Кстати, давно хочу спросить, вы верите в конечный успех?

— Слабо, но в тайне души надеюсь на чудо. Слишком она заманчива, ваша идея, заманчива и обманчива. И это прелестно, в это хочется поиграть. В худшем случае, результат окажется отрицательным, но на пути к недостижимому будет получено новое знание, созданы перспективные технологии и так далее. Я могу поверить, что все это, грубо говоря, можно продать, включая ваш телефильм, и готов принять ваши объяснения. Все продумано, логично и на удивление просто. Рядом с вами я кажусь себе ребенком. Слишком старым ребенком, Пит... Вчера на совете я на глазок прикинул, во сколько может обойтись такой проект. По сравнению с нашей сметой...

— У вас получилась астрономическая сумма?— предвосхитив решающий выпад, Джонсон перешел в наступление.— А может, не стоило прикидывать? Тем более на глазок?.. Деньги счет любят, точный счет. Вы знаете все условия наших контрактов? Проценты кредитов? Цены на оборудование? Тысячи других вещей, Грегори?.. Если так, то ваши подозрения справедливы. Отсюда вытекает, что наш совет, украшением которого, бесспорно, является лорд Уорвик, представляет собой чисто декоративный орган. «Для отвода глаз», как было замечено. Основной поток капиталов течет через другие, притом почти наверняка, нечистые руки... Я правильно понял вас, сэр Грегори?

— Возможно, я бы изложил свои мысли не столь категорично.

— Я взял на себя смелость высказаться без экивоков, потому, что слишком ценю наши добрые отношения. Давайте продолжим этот разговор у меня в Бостоне, с документами в руках?

Уорвик отрицательно покачал головой. Он понимал, что ничего путного из подобной ревизии не получится. Ему покажут только то, что захотят показать, при этом он, безусловно, останется в дураках, а согласие, на которое так напирает Пит, будет бесповоротно омрачено неприятным воспоминанием.

— Лично вам я полностью доверяю. Но скажите

мне, как на духу, кто за всем этим стоит? Какую роль играет мадам фон Лауэ, о которой я слышал лишь краем уха?

Джонсон устремил на старого джентльмена долгий непроницаемый взгляд.

— Хотите, как на духу? — молвил он с невеселой усмешкой. — Не знаю... С миссис фон Лауэ я изредка встречаюсь, это так, по мере надобности. Для вас не секрет, что в «Эпсилон» вложены средства крупнейших компаний? Примерно тридцать процентов принадлежат четырем ведущим концернам Японии, еще двадцать — американским. В их числе и хорошо знакомая вам «D—D» Глэдис фон Лауэ. В сущности, она одна полностью финансирует фильм.

— Только фильм?

— Не только, Грегори, но вы войдите в мое положение. Как правило, я имею дело не с первыми лицами. Не та весовая категория. Это понятно?..

— Вы хотите сказать, что есть пределы доверительной информации?

— Мы с вами у самой границы. Обязательно надо броситься грудью на проволоку?

— Не обязательно, — чистосердечно рассмеялся Уорвик. — По существу вы не сообщили мне ничего такого, чего бы я не знал или о чем не догадывался бы, но в целом мое несносное любопытство удовлетворено. Остался последний вопрос. Если не сможете ответить, не надо. Я не в претензии.

— Черт с вами, спрашивайте, — облегченно вздохнул Джонсон.

— Куда идут спонсорские средства? Вернее, средства на так называемую гуманитарную помощь, которые вы проводите сверх проекта?

— В Россию, в страны СНГ, Южную Африку, на Ближний Восток, еще кое-куда. Спросите, зачем? Ответ предопределен: гуманитарная помощь. Наш мир трещит по всем швам, а мы жизненно заинтересованы в его стабильности. Есть и деловая изнанка. Куда ж без нее?.. Мы проводим исследования по всему свету — ваши упреки я не принимаю всерьез — участвуем в археологических изысканиях и вообще... Золотой ключик подходит к любому замку. Вы можете возразить, что это сугубо внутренние заботы и при чем тут спонсоры? Наши партнеры весьма расчетливые и дальновидные

люди. В той же России, а я, согласитесь, немного разбираюсь в ситуации, обстановка не слишком благоприятствует крупным инвестициям. Но сидеть, сложа руки, и ждать благоприятного момента — не лучшая политика. Тем более, когда речь идет о стране, от которой по-прежнему зависит наша с вами судьба. Про потенциальный рынок и говорить нечего. Возможности фантастические. Вот и приходится готовить почву загодя. Здесь мы действуем, прежде всего, в интересах крупнейших импортеров, но не без выгоды для себя. Японцы первыми заинтересованы проложить столбовую дорогу, хоть и зациклились на северных территориях. Мы для них — просто находка. Так что не будем сетовать насчет секретности. Она вполне оправдана, как, впрочем, и анонимность. Нам не в чем себя упрекнуть. «Эпсилон» соблюдает законы стран, где находятся наши представительства, исправно платит налоги и, по мере сил, помогает нуждающимся.

— Вы разбили меня в пух и прах, и я очень рад этому.

— Разбил? Ничего подобного. Только прояснил некоторые моменты... Но в одном вы безусловно правы: британский лорд как нельзя более способствует респектабельности. Я горжусь таким вице-президентом.

Трудно было подыскать более удобный момент, чтобы скрепить достигнутое согласие молчаливым, истинно мужским рукопожатием.

Торжественность минуты нарушила рулада радиотелефона. Звонили из бостонской штаб-квартиры. Известное лицо приглашало Джонсона на короткий отдых в известное ему место.

Он позвонил в Париж и попросил Левэка зарезервировать билет на рейс Париж—Порт-Луи.

— Клери подберет самый удобный маршрут,— заверил отставной подполковник.— Как быть с багажом?

— Пусть пока остается в «Кларидже». Я потом дам знать.

— В какой день вас ждать?

— Одну секунду, Морис! — Джонсон обернулся к Уорвику.— Когда мы сможем добраться до Ниццы?

— Дотемна полагаем прибыть,— с суеверной неопределенностью, как и подобает моряку, ответствовал лорд.— Очередной форс-мажор?

— Нормальные будни,— скрывая тревогу, небрежно отмахнулся Джонсон.— Ложимся на обратный курс, адмирал... Вы меня слушаете, Морис?— крикнул он в трубку.— Постараюсь вылететь из Ниццы ночным рейсом. В случае чего, позвоню.

— А я надеялся половить с вами рыбу,— огорчился Уорвик.

— Ставриду, кефаль? На пеламиду вряд ли можно надеяться... Мы еще с вами поохотимся на настоящую рыбу!

— Где, например?

— Хотя бы на Гавайях. Голубой марлин футов на десять подойдет?

— Обещаете?

— Будущей весной, если ничего не изменится.

Аэробус А-320 из Ниццы приземлился в Орли около часа ночи. Педантичный Левэк ухитрился подать лимузин к трапу.

— В «Кларидж»,— бросил он шоферу, захлопнув дверцу.— Вы летите послезавстра на «В-747»,— объяснил, раскрыв билет.— Я не хотел рисковать: Хартум не то место, где стоит садиться. Через Касабланку и Каир немного дальше, но зато безопаснее.

— Пусть будет по-вашему, один день ничего не решает... Следующая посадка в Найроби?

— Да, затем в Дар-эс-Саламе, Морони, а там и ваш Порт-Луи. Посадки на Мадагаскаре не будет.

— Морони — это что?

— Каморские острова.

— Семь тысяч миль, не менее,— заключил Джонсон.— Ну, да ладно... За последние дни, надеюсь, ничего не случилось?

— По крайней мере чрезвычайного, так — местные огорчения... Бланш Вижье отказалась с нами сотрудничать.

— Она вроде была согласна?

— Сначала согласилась, потом передумала. Как мне кажется, из-за мужа.

— Жаль!— огорчился Джонсон. Доктор Вижье, инженер-электронщик с золотыми руками, работала в области гелиотехники. Электронику для солнечной станции в Тулузе собирали в ее бюро. Парни из «Силиконовой долины» просили специалиста примерно такого уровня. Легко сказать!— Незадача... А кто ее муж?

— Клод Оври, кутюрье. Не из первой десятки, но довольно известный.

— Тогда понятно. Зачем им лишние хлопоты?

— Что и говорить, деньгами таких не соблазнишь.

— Смотря какими деньгами,— уточнил Джонсон.

За стеклом автомобиля открылся сияющий простор площади Согласия. Карнакский обелиск с картушом фараона, подсвеченный прожекторами, возник нежданно и грозно, словно знамение.

Швейцар в цилиндре степенно приблизился к затормозившему «мерседесу».

АВЕНТИРА ПЯТАЯ

КАИР, ЕГИПЕТ

Бирюзовый попугай влетел в кабинет, сел на лампу и затрещал, тряся головой. Пришлось отложить фотокопию папируса, присланного из Лондона, и заняться клеткой: подсыпать семян, сменить воду.

Бутрос Сориал по праву считался одним из наиболее выдающихся египтологов мира. Ему посчастливилось прочитать бесчисленное количество магических свитков и так называемых пирамидальных надписей, украшавших стены заупокойных храмов. Принадлежность к древнейшей христианской общине коптов ничуть не мешала ему восхищаться практической мудростью жрецов Осириса и Исиды. Иногда он ловил себя на мысли, что древние, всеми забытые боги вовсе не умерли, подобно греческому Пану, с приходом Христа, но лишь удалились в некие сумеречные пространства, доступные зову ищущих душ. Но кто искал их — прекрасных, волшебных, звероголовых,— увенчанных коронами Юга и Севера, защищенных знаками вечной жизни от бурных катаклизмов безумного века?

Археологи, методично просеивавшие пески пустыни? Грабители могил, поставляющие заморским коллекционерам бесценные памятники золотой зари человечества? Или такие книжные черви, как он сам, чья душа раздвоена, а мозг заворожен призраками, блуждающими среди исполинских лотосовых колонн?

Погружаясь в бездонную глубину коптских текстов, он жадно, с неизъяснимым наслаждением вслушивался

в голос Гермеса Трисмегиста, звучащий в мозгу. В редкие минуты предельной концентрации мысли казалось, как откуда-то проецируется фосфорическая тень обнаженного по пояс жреца с головой птицы и уходит сквозь стену. Но еще до того, как возникало видение и таяли стены, открывая бесконечный, пронизанный лучами простор, Сориал сердцем угадывал приближение мудрого бога с тонким, книзу изогнутым клювом ибиса, книгой судеб и писчей тростинкой в руках. Да, это был он, бог превращений и таинств, великий Тот, покровитель писцов и ученых. Откуда являлся он, повинуясь тайному зову души? Из мрачных подземелий дуата [1]? Из зала Двух Истин, где, стоя рядом с Анубисом — взвешивателем сердец, записывал грехи и благие деяния душ на последнем суде? Было ли то болезнью, вызванной чрезмерным напряжением мозга и неизбежными гормональными изменениями стареющего тела? Сориал не доискивался причины, чураясь психиатров, словно бродячих псов, расплодившихся на каирском кладбище, в этом городе мертвых двадцатого века, где ютились в чужих гробницах бездомные парии.

Отец восьми детей и дед четырнадцати внуков, Сориал прожил долгую и счастливую жизнь. Те внутренние перемены, что дали знать о себе на астральном рубеже Водолея, он воспринял как дар свыше, о котором нельзя рассказать никому, ибо недалек час, когда сама собой разрешится последняя тайна. Гностик и монофисит, он был добрым отцом и мужем и, хотя редко посещал церковь, щедро жертвовал на благотворительные нужды прихода. Профессорское жалование и должность консультанта музея позволяли ему жить, если не на широкую ногу, то вполне достойно и даже оказывать помощь различным организациям, включая общество защиты китов. Кто бы ни встретил его — святой ли Петр с ключами, или Осирис со знаками фараоновой власти — у него найдутся слова оправдания:

«Слава тебе, владыка правды! Я пришел к тебе... Я не творил неправды... не творил зла... не делал того, что мерзость перед богами», как гласит 125 глава «Книги Мертвых».

Письмо из Лондона, в котором ему предлагали принять участие в исследовании нетронутой гробокопате-

[1] Загробный мир в древнеегипетской религии.

лями гробницы фараона XXI династии, воспринял с энтузиазмом. Представился случай вновь побывать в Луксоре и Карнаке, столь щедро одаривших его счастьем открытий. Один только бог знает, какие тайны хранит подземная усыпальница! Конечно, работать в Долине Царей нелегко. Даже в молодые годы раскаленная каменная пустыня, кишащая змеями и скорпионами,— не подарок. Да и времена наступили лихие. В борьбе с террором власти продемонстрировали полнейшую беспомощность. Кого обрадует перспектива заполучить пулю или взорваться на мине, подложенной мусульманским фанатиком? Изуверы из Тегерана и этот кошмарный Каддафи мехами ненависти раздувают пламя войны и льют и льют в него масло своих нефтедолларов.

И все же Сориал склонялся принять заманчивое предложение. Мгновенная смерть на стократ священной земле, где в окружении магических символов пробуждаются бессмертные тени, не показалась такой уж страшной в сравнении с перспективой мучительной агонии на больничной койке. Никто ведь не застрахован от подобного конца. Еще хуже превратиться, разрывая сердца рыдающих родственников, в орущее мясо. Нужно особое везение, чтобы мирно уснуть в собственной постели. Но будет ли явлена такая милость?

Фотокопия, доставленная электронной почтой, поступила от того же лондонского адресата. Это был неизвестный математический папирус, в котором, насколько можно судить, были изложены правила измерения углов. Все бы ничего, но в вычислениях обнаружилась непонятная заковыка астрономического характера.

Лучшим знатоком жреческой математики считался русский профессор Коростовцев, но он умер несколько лет назад, и Сориал не знал, к кому обратиться за советом.

Загадочный папирус, в котором присутствовали иероглифы часов Дуата — времени безвременья, заставил профессора отбросить последние сомнения.

В ответном письме Сориал дал понять, что предложение его заинтересовало, но окончательное решение он сможет принять лишь при личной встрече, ибо существуют проблемы, которые следует всесторонне обсудить. Не прошло и нескольких дней, как в его университетском кабинете требовательно заклекотал телефон.

Звонили, однако, не из Лондона, а из Парижа. Дама отрекомендовалась доктором Милдред Крисст. Она сообщила дату прибытия и попросила о встрече. Предложив на ее выбор: музей или университет, он назвал присутственные часы.

— Боюсь, профессор, наш разговор может несколько затянуться,— ее определенно не устраивало ни то, ни другое место.— Я бы предпочла неофициальную обстановку, где нам никто не помешает.

Сориал понял ее с полуслова. Беседа о таком предмете, как захоронение и, тем более, хранящиеся в нем ценности, не для посторонних ушей. Разграбят подчистую, да еще и пристрелят.

— В неофициальной обстановке, но с официальными полномочиями?— уточнил он на всякий случай.

— Безусловно! В полном соответствии с египетскими законами.

Он назначил ей встречу у себя дома, на Абиталь эль Тахрир, возле отеля «Рамсес».

Доктор Крисст оказалась миловидной шатенкой средних лет, весьма подкованной в археологических тонкостях, что выяснилось с первых минут разговора. Не скрывая восхищения фаюмскими портретами, украшавшими стены кабинета, она так и прилипла к застекленным шкафам, где хранились всевозможные мелочи, столь дорогие сердцу каждого египтолога: деревянные и глиняные ушебти, каменные канопы и всевозможные скарабеи из синего фаянса, аметиста и серпентина. Особый интерес у нее вызвала богиня Бастет— длинноногая диабазовая кошка, добытая на раскопках мемфисского храма, и черная бронзовая Исида, кормящая грудью младенца Гора, привезенная из Ливийской пустыни.

— Истинная мадонна!— вздыхала толстушка Милдред, подслеповато щурясь из-под многодиоптрийных линз.— Александрия?.. Скорее всего время царствования Птолемея и Арсинои.

Ее терминология была безупречна, а датировка более-менее верна. Во всяком случае, в пределах относительной точности. Сердце старого профессора окончательно размякло, когда коллега из прославленного археологического общества Великобритании попала в десятку, определив происхождение ибиса из алебастра и позеленевшей бронзы. Благоговейные восклицания

в честь всеведущего Тота пришлись как нельзя более кстати: «Не ибис Тота, но сам Тот в образе священной птицы! Психопомп — водитель душ!»

Дочь Сориала, согласно нерушимым законам египетского гостеприимства, подала крепчайший кофе по-турецки и ледяную воду в запотевших стаканах. Вспомнив общих знакомых, которых к обоюдному удовольствию удалось отыскать, незаметно перешли к делу.

Доктор Крисст, как и обещала, привезла необходимые документы, включая лицензию на археологические изыскания, заверенную по всем правилам, с марками и печатями. По условиям договора между правительственными учреждениями и транснациональным концерном «Эпсилон X_1», со штаб-квартирой в Брюсселе, все археологические находки оставались в Египте. Концерн оставлял за собой лишь право научного исследования экспонатов, которое безраздельно передавалось Британскому музею. Надлежащим образом были заверены и привилегии на съемку документального, а впоследствии и художественного фильма для показа по каналам BBC и CNN. В течение всего срока действия контракта стороны обязывались не разглашать подробности. Особое внимание уделялось месту работ и срокам их проведения.

— Это продиктовано не столько нашими общими научными интересами, сколько требованием спонсоров. Они надеются с лихвой покрыть расходы сенсационным сериалом, профессор. Надеюсь, вы понимаете? — объяснила Милдред.

— Вполне, коллега! Коммерция правит миром. Увы! — Сориал не скрывал удовлетворения. Сумма гонорара, предложенного ему как научному консультанту, превзошла все его ожидания. Он не только сможет помочь Мишелю, третьему сыну, недавно вступившему в брак, приобрести особняк на берегу Нила, но кое-что перепадет и дочери Анне, чья свадьба с капитаном военно-воздушных сил не за горами. Останется и на пожертвование комиссии по охране змей. Да будет над нами милость божественной кобры Уго, охранительницы некрополей, когда придет час раскопок!

— Вам угодно подписать сейчас, или вы предпочитаете посоветоваться с вашим адвокатом? — она достала из кожаной сумки пластиковую папку с договором, отпечатанным в шести экземплярах на лазерном при-

нтере и уже подписанным президентом концерна.— Ознакомьтесь, пожалуйста. Если возникнут вопросы, я с удовольствием отвечу.

Надо ли говорить, что он готов был поставить свою подпись немедленно. Аванс и сроки окончательного расчета его вполне устраивали, а остальное не имело значения. Все, что от него требовалось, он бы выполнил без всякого вознаграждения. Из чистого интереса. Когда тебе дают заняться любимым делом, да еще щедро платят за это, не до мелочных придирок. Обязательство хранить тайну его ничуть не смущало. Этого требовала профессиональная необходимость. Жизнь среди мертвых призывала к молчанию.

Тем не менее, положение обязывало прочитать договор или хотя бы сделать вид, что и ему, обломку исчезнувшего мира, не чужд деловой подход.

— Вы можете быть уверены в моей скромности, но тайна теряет всякий смысл, когда рабочие берутся за кирки и лопаты,— Сориал огладил бородку.— Вы-то знаете...

— Совершенно с вами согласна, но это уже на наша забота. Наверное, фирма предпримет какие-то меры... Земляные работы можно вести под видом строительства площадки для киносъемки, в общем, что-то в таком роде.

— Насколько я могу понять, от меня в первую очередь требуется экспертная помощь при съемке фильма?

— О, я бы не стала преуменьшать и вашу роль при раскопках! Согласно договору, погребальная камера должна быть, по возможности, приведена в первозданное состояние. Компания берет на себя все расходы по реставрации, если таковая понадобится. Для наших друзей телевизионщиков исключительно важна достоверность и этот...,— она напряглась, словно бы припоминая,— эффект присутствия. Как будто бы фильм отснят за две тысячи лет до нашей эры, сразу после похорон фараона.

— Интересная задумка!

— Мне тоже так кажется, хотя признаюсь, я с недоверием отношусь к любой профанации науки.

— Как всякий настоящий исследователь,— сочувственно откликнулся Сориал.

— К счастью, у нас с вами другой случай. Несмотря на первоначальные сомнения, мои контакты с предста-

вителями фирмы убедили меня в их очень серьезном, я бы даже сказала, благоговейном отношении к делу. Главную свою задачу они видят в популяризации величайшего наследия Древнего Египта, которое принадлежит всему человечеству.

— Приятно слышать, коллега... Это такая редкость в наше время, такая редкость... А с президентом,— он взглянул на имя, напечатанное крупными буквами,— с мистером Джонсоном вам тоже приходилось встречаться?

— Всего один раз. Он произвел на меня неизгладимое впечатление. Разносторонне образованный, крайне деликатный, как бы это поточнее сказать, широкий что ли.., словом, очень деловой, но немного не от мира сего человек... Наверное, я изъясняюсь не слишком убедительно.

— Нет-нет, ваше мнение чрезвычайно важно и ценно... Так проникновенно описать человека, с которым виделся только однажды, способен далеко не каждый.

— Да, к сожалению, он смог уделить мне всего пятнадцать минут. Да и кто я для него? Так, скромный научный работник... Между прочим, профессор, хочу сделать вам комплимент. У вас потрясающий английский!

— Я учился в Оксфорде,— смущенно улыбнулся Сориал.

— Вот как! А я закончила Кембридж... Однако простите, я совсем вас заговорила и мешаю читать.

— Нет-нет, я уже просмотрел. Как будто бы все в порядке,— сняв колпачок с ручки, подаренной по случаю юбилея японским издателем, он нацелил платиновое перо на пунктирную строчку под собственным именем, набранным так же крупно и жирно.— Здесь?

— Ну, если вам все ясно, то подпишите, пожалуйста, все шесть экземпляров,— казалось, она была разочарована его поспешностью.— Один остается вам.

— Какие у вас планы, коллега?— осведомился Сориал, делая последний росчерк.— Желаете осмотреть музей? Съездить к пирамидам? Хотя вы все это видели и, наверное, не один раз, но ведь тянет?.. Признайтесь, тянет? Буду рад всячески вам содействовать.

— Тянет, еще как тянет!— рассмеялась Милдред.— Но к великому сожалению, я просто вынуждена вылететь первым же рейсом. Сроки поджимают... Это вы

виноваты,— она по-детски шмыгнула носиком,— что мое свидание с пирамидами на сей раз не состоялось.

— Я?! — изумился профессор.

— Ну почему, почему вы не захотели повидаться с адвокатом? Мне пришлось бы задержаться и тогда мы бы смогли съездить в Гизе... Честно говоря, я надеялась...

— Если б я только знал! Простите старого книжника!

— Ничего страшного. Я пошутила. До другого раза, профессор! — Милдред Крисст поднялась с видимой неохотой, поправила очки и спрятала папку с бумагами в сумку.

— В Париж? — спросил Сориал, взглянув на визитку, где значился адрес: «153. Бульвар Мальзерб».— У вас там семья? — ему хотелось высказать какие-то особо проникновенные слова, проявить участие, поинтересовавшись, как это водится на Востоке, родными гостя, их здоровьем и благоденствием.

Но она уже была далеко и, занятая своими заботами, уронила рассеянно:

— Да, я живу теперь в Париже, но вынуждена мотаться в Лондон. Спасибо за дивный кофе!

— Спасибо и вам, что посетили мой скромный дом. Счастливого полета.

Поздно вечером Милдред приземлилась в аэропорту Шарль де Голль, где для нее было зарезервировано место на нью-йоркский рейс. Короткая стыковка не позволяла даже позвонить по телефону. Перескакивая с эскалатора на эскалатор, она добралась до ворот 48 сателита-2, когда ее имя, уже повторно, прозвучало по трансляции.

Посадка заканчивалась.

АВЕНТИРА ШЕСТАЯ

ОСТРОВ ФЛАТ, РЕСПУБЛИКА МАВРИКИЙ

Когда истек отведенный для стоянки час, а посадку так и не объявили, Джонсон не придал этому особого значения. Коса Хроноса не висела над его головой. Висела иная, отточенная собственными руками секира су-

дьбы. Пожалуй, именно так это и можно было назвать, хотя понятие судьбы не очень сопрягается с осознанным выбором.

Самолет благополучно приземлился в истерзанной зноем Касабланке. Белый микроавтобус «Эр Франс» забрал пассажиров первого класса и отвез их в дышащее благодатной прохладой помещение VIP. Мавританский стиль удачно сочетался с европейским комфортом. Джонсон без особого интереса перелистал разложенные на столике газеты и, пока остальные развлекались спиртными напитками, выпил две бутылочки «перье». Кроме минеральной воды, он ни к чему не притронулся.

Затем последовало приглашение пройти в ресторан. Ужин, однако, прошел довольно вяло, ибо люди устали от затянувшегося ожидания. Более всего угнетала полная неизвестность. Объявление об очередной отсрочке «по технических причинам» лишь усиливало раздражение.

Наконец, когда за окнами стало совсем темно, пришла раскрасневшаяся от волнения стюардесса и доверительным шепотом сообщила, что искали взрывное устройство. С помощью собак пластиковую бомбу обнаружили в одном из чемоданов, и вскоре будет объявлено о продолжении полета.

Папский нунций в алой шапочке и черной сутане с такими же алыми пуговицами обменялся взглядом с испанским послом. Оба летели в Дар-эс-Салам. Джонсон не был знаком с соседями по салону, но, заранее ознакомившись со списком пассажиров, знал их имена. Он всегда действовал обстоятельно, стараясь свести к минимуму любые случайности. Бомба на борту в разряд случайностей, разумеется, никак не вписывалась. Инцидент скорее подпадал под реестр профессионального риска. Здесь первую скрипку играла вероятность. Джонсону приходилось постоянно перелетать с континента на континент, и вероятности угрожающе складывались. Так что итог пока, к счастью, благополучный вполне закономерен. Раньше или позже нечто подобное должно было произойти. Весь вопрос в том, кому предназначался заряд чешского пластиката: пожилому прелату, послу с франтоватыми усиками или ему, Джонсону? Вернее всего, Соединенным Штатам, решил он после

недолгого размышления, западному миру вообще и разумному миропорядку в частности.

Полет из Марокко в столицу Кении прошел без осложнений. Оказавшись вновь на твердой земле, Джонсон позвонил в Порт-Луи предупредить, что самолет запаздывает.

Дежурный клерк, говоривший с заметным акцентом уроженца Индостана, заверил, что это не имеет значения, и вертолет будет ждать на площадке, сколько потребуется.

— Свяжитесь с Флатом,— попросил Джонсон, взглянув на часы и прикинув разницу во времени.— Скорее всего, я заночую в Дар-эс-Саламе. Немного устал, знаете ли... Позвоню перед вылетом.

— Непременно, сэр. Счастливого вам полета и приятного отдыха.

Инцидент с бомбой невольно настроил мысли на соответствующий лад, и пока «джамбу джейт» трясло в турбулентных потоках над Танзанийским плоскогорьем, Джонсон просчитал несколько вариантов. Для такого человека, как он, любое происшествие — будь оно трижды случайным — повод задуматься.

Порой достаточно доли секунды, чтобы найти решение, когда на карту поставлена жизнь. Верное, или ошибочное — не в том суть. Важен подсознательный импульс, толчок из темных глубин, где затаилось «Сверх-Я». В этот миг, словно бы вырванный из времени, командам незримого автопилота беспрекословно повинуется каждая клеточка тела. Рациональное сознание либо отсутствует вовсе, либо, уподобившись постороннему наблюдателю, бесстрастно фиксирует все перипетии происходящего, чтобы напрочь забыть их, когда минует опасность. Сверхсознанию не дано забывать. Даже по прошествии долгих лет оно воспроизведет все до мельчайших деталей. Будь то в минуту сильного эмоционального всплеска, под гипнозом или у черты небытия, когда, словно запущенная обратным порядком лента, промелькнет уходящая жизнь в последней вспышке невероятного света.

В салоне запустили фильм. Крупным планом надвинулась задница роскошной блондинки. Стоя под душем с прилипшими к скулам волосами, она и не подозревала, что чья-то безжалостная рука в черной перчатке уже поворачивает золоченую ручку двери.

Джонсон не надевал наушников и не смотрел на экран. Пребывая в изнурительной, пронизанной дрожью моторов дреме, он прокручивал то вперед, то назад произвольно вырезанные эпизоды собственной жизни. Словно монтировал фильм, отснятый неумелым оператором, который, ко всему прочему, даже не удосужился заглянуть в сценарий с условным названием «D—D».

И не то, чтобы картина не складывалась. Напротив, выходило логично и плавно. Пожалуй, даже несколько чересчур. Полоски, вырезанные из последней части в семь с небольшим лет четко стыковались друг с другом и определенно не требовали пересъемки. Он нигде не допустил **явной** ошибки. Но опасность, которая постоянно ощущалась спинным мозгом, по-прежнему витала на расстоянии вытянутой руки, и то **неявное**, что диктовалось обстоятельствами и почти не зависело от его, Джонсона, поступков и воли, не поддавалось осмыслению. Быть может, время тому виной? Время полета, с полусонным забытьем между едой и посадками? Его оказалось целое море, вернее целый Индийский океан, серевший в облачных прорывах далеко-далеко внизу. Озарение, если оно возможно в таких условиях, поглотит бездна. Для волшебного эликсира требуется ничтожная капелька, неуловимая приборами гигасекунда. Но прежде всего нужна побудительная причина. Непосредственная опасность — вот что включает кнопку тайного механизма, припасенного эволюцией только на крайний случай. Отдаленная угроза, которая может реализоваться через год или несколько лет, не в счет. Она сродни мыслям о смерти, что ожидает каждого. Они приходят, на миг затмевая солнце, и улетучиваются. Лишь в подростковом возрасте такая игра ума чревата роковыми последствиями. Далее, чем на год, а то и полгода вперед даже не стоит задумываться.

И все же, пожалуй, это сердце подсказывало, что именно сейчас настал переломный момент. Не жизни жаль, впрочем и ее тоже, но когда на весах качается нечто большее, чем просто жизнь, нельзя покорно плыть по течению. А что делать, если ничего лучшего так и не удается придумать? И скорее всего не удастся, потому что ситуацией безраздельно владели совершенно неведомые и очень могущественные люди, представительницей которых и была Глэдис фон Лауэ.

Джонсон не знал, зачем она вызвала его в самый разгар работы. Он вообще почти ничего не знал о ней. Мог лишь догадаться, что эта все еще молодящаяся дама сменила не одного мужа и добрую дюжину любовников. Даже имя ее ничего не говорило ему. Вряд ли она была немкой, хотя вполне могла быть, ибо свободно владела немецким, но так же без акцента она говорила на английском, французском, испанском. Когда в Нью-Йорке наступала зима, Глэдис перебиралась на виллу в Биаррице или уезжала в Кашмир, пока там было относительно безопасно. Последние два года она почти безвыездно жила на «своем», как называла Флат, острове. С каким паспортом? Американским, французским? Может быть, маврикийским?

Джонсон запомнил координаты (19°55′ южной широт и 57°40′ восточной долготы) жалкого клочка суши, расположенного к северу от Маврикия. Наверное, кроме маяка, отмеченного в лоциях, там не было ничего примечательного. Но Глэдис почему-то прельстило именно это место. Откупив у правительства скальный мыс с клочком первозданного тропического леса, она построила дом с вертолетной площадкой и разместила там еще один офис.

Пользуясь старыми связями, Джонсон мог бы кое-что разузнать об этой даме, высветив ее связи и прошлое. Но инстинкт подсказывал, что в расставленные сети попадет не Глэдис, а он сам, Питер Джонсон.

Были веские основания полагать, что Глэдис принадлежит к узкому кругу посвященных. В мыслях — и только в мыслях! — он называл этот элитарный и абсолютно безымянный синклит «Клубом Неизвестных». Название было навеяно подсознательными реминисценциями из первых розенкрейцерских прокламаций, появившихся на стенах парижских домов в бесконечно далеком 1610 году. К знаменитому «Римскому клубу», члены которого отнюдь не стремились к анонимности, «Неизвестные», невзирая на глобализм основополагающей цели, имели такое же отношение, как скажем, к «Яхт-клубу». Просто само слово «клуб» казалось Джонсону наиболее подходящим. Официальное наименование «Dissimulati Display» («D—D» сокращенно) скорее затуманивало, причем не без нарочитого вызова, нежели раскрывало истинную сущность транснационального синдиката. Тем более что тайный, опять-

таки не без умысла, намек совершенно исчезал при переводе этого латино-английского кентавра на другие языки. По большей части в справочниках преобладало название «Скрытый экран», что имело под собой определенные основания, хотя главная часть айсберга, как и положено, пребывала в подводных глубинах.

Президентское кресло «Эпсилон X_1» Джонсон унаследовал от Глена Куртиса, погибшего в автомобильной катастрофе. По случайному, а быть может, и совсем не случайному стечению обстоятельств, Куртис погиб в тот самый день, когда Джонсон, тогда еще первый вице-президент, получил приглашение отужинать в бостонских апартаментах миссис фон Лауэ. Это была их первая встреча, ибо прежде все контакты с «Владельцами» — так обычно именовались «невидимые» — осуществлялись только через беднягу Куртиса. Даже во время его отпусков, весьма краткосрочных и редких, Джонсону ни разу не удалось дождаться факса или хотя бы телефонного звонка от самой Глэдис. Впрочем, кое-что о ней все же было известно, причем не только ему, первому вице-президенту, но и еще кое-кому из членов совета, ибо и в самом секретном учреждении утечка информации столь же неизбежна, как и рост энтропии в любой закрытой системе. Во всяком случае Джонсон знал, что эта леди владеет контрольным пакетом «Эпсилона» и входит в совет «D—D».

Чем выше по служебной лестнице поднимался Джонсон, тем, естественно, шире становился его кругозор. Президентство явилось, таким образом, наивысшей точкой, ознаменованной непосредственным контактом с представительницей верховной власти. Но на том все и застопорилось. Прошло почти пять лет, а Джонсон так и не смог расширить отведенные ему рамки. Возможно, он достиг своего потолка, хотя, чем черт не шутит, нельзя заранее исключить и дальнейшее продвижение. Разумеется, в случае успеха головного проекта. Ясно одно: следующая ступень — про себя Джонсон именовал ее «Посвящением» — ведет в клуб избранных. Если, конечно, она вообще предусмотрена, эта ступень, для таких, как он. В принципе любой монах может достичь кардинальской шапки, даже папской тиары, но остается непреодолимая грань между верховным жрецом и небожителями.

Джонсон невольно глянул на соседний диван, где

уютно устроился нунций с бокалом красного вина и дымящейся сигарой. Не столько честолюбие или вполне понятное желание разгадать тайну довлели над Джонсоном, когда он задумывался о будущем. Он был достаточно опытен и умен, чтобы не понимать всю сложность своего положения. Даже муха, и та не может бесконечно ползать по потолку. Рано или поздно придется спуститься. Однако ему, в отличие от мухи, спуск заказан. Именно спуск, а не сокрушительное падение. Оно-то как раз наиболее вероятно. Вот почему, пока есть силы, он обречен метаться между совершенно однозначным небытием, что ожидает внизу всякого смертного, и эфемерной потусторонностью несказанного верха, о котором он, к сожалению, знает слишком много, чтобы безболезненно выйти из игры. Остается одно: ждать, что скрытый люк над головой все же когда-то раскроется, ослепив на миг горним сиянием.

Сама по себе цель — захватывающая дух, сумасшедшая! — стоила любого риска...

— Чем могу быть полезна, сэр? — приятный голос нарушил ход мыслей.

Джонсон поднял глаза на склонившуюся над ним рыжеволосую нимфу с премиленькими веснушками.

«Ирландка», — решил он про себя.

— Я хотел бы сделать остановку в Дар-эс-Саламе, — ответив на улыбку улыбкой, Джонсон достал золотую карточку «Американ экспресс». — Зарезервируйте мне место на утренний рейс.

— Нет проблем, сэр. Что-нибудь еще? — девушке явно хотелось угодить элегантному джентльмену, который, пренебрегая богатым выбором первого класса, пил одну минералку.

— Вы бы не могли связаться с «Шератоном»?

— Будет сделано. Ваш багаж, сэр?

— Это все, — он кивнул на свой кейс из натуральной крокодиловой кожи.

— Немедленно позвоню, — она мельком глянула на карточку. — Они вышлют за вами лимузин, мистер Джонсон.

Хорошо выспавшись в местном «Шератоне» — сотрудники компании останавливались только в отелях, связанных деловыми отношениями с «D—D», — Джонсон без приключений приземлился на Каморах, где от нечего делать купил ожерелье из акульих зубов.

Последний отрезок воздушного путешествия тоже не принес никаких огорчений. В Порт-Луи его ожидала машина. Не задавая лишних вопросов, шофер в голубом тюрбане сикха пересек взлетную полосу и прямиком подкатил к вертолетной стоянке.

Прихватив кейс, Джонсон направился к мощному армейскому хьюиту. Увидев пассажира, пилот отложил портативную рацию и включил лопасти. Воздушный вихрь взлохматил волосы и едва не вырвал запарусивший чемоданчик.

— Мистер Джонсон? — выкрикнул молодой парень ярко выраженного креольского типа, блеснув белозубой улыбкой. — С благополучным прибытием. Меня зовут Альфонсо.

— ¡Buenos dias! — поздоровался по-испански Джонсон.

— ¡Buenos tardes! — со смехом поправил пилот.

— ¡О, ciertamente, Alfonso! — Джонсон взглянул на клонившееся к закату солнце. — Tarde [1].

Слепящий клин рассекал безмятежную гладь океана. Летели над самой водой и было хорошо видно, как вздувается, заволакиваясь туманом, вздыбленное вращающимися лопастями пятно. Летучие рыбы проносились почти вровень с кабиной, и шлепались в расплавленное олово, и взлетали вновь на крыльях растопыренных плавников, глотая обжигающий воздух.

Почему-то вспомнились стихи того, еще незнакомого русского, дума о котором лишь временно отступала на задний план, оттесненная сверлящей мыслью о Глэдис. Теперь они были связаны воедино: Глэдис с ее «Неизвестными» и этот русский, непостижимо нащупавший главный нерв.

«Ты мне дорогу укажи. В моих глазах туман, туман. И я последую туда, как Ганг уходит в океан»,— повторял про себя Джонсон запомнившиеся строки.

Выпускник славянского отделения Гарварда, он достаточно хорошо знал язык, чтобы понимать поэзию. Во всяком случае лучше испанского, о чем красноречиво свидетельствовала допущенная ошибка. Все верно. День пребывал в той дивной поре между полуденной сиестой и сумерками, которую иначе, чем tarde, не выразить ни на каком языке.

[1] О, верно!.. Поздно (*исп.*).

Океан, принимая воды священного Ганга, ликующе отзывался зеркальными вспышками. Сотни, тысячи жизней каждодневно вливались в него вместе с пеплом погребальных костров, чтобы навеки соединиться в безграничных зыбях. Исчезнуть в едином абсолюте-атмане.

Развернулась привычная цепь ассоциаций: проблема в целом и та ее часть, что висит на нем, Джонсоне, «Неизвестные» и, само собой разумеется, Глэдис.

Судя по встрече в Порт-Луи, все было организовано столь же четко, как в Штатах и вообще в любом уголке мира. Можно побиться об заклад, что местные министры, а то и сам губернатор, представляющий британскую королеву, почтут за честь побывать на ее приеме...

И все-таки зачем, зачем эта незапланированная встреча? Или на Флате разом вышли из строя все телетайпы, факсы и телефон? Вздор, конечно. Тем более, что шифровка с приглашением пришла по факсимильной связи. Даже своя радиостанция была на острове и обмен колонками пятизначной цифири между «Эпсилоном» и Глэдис осуществлялся на специальных частотах три раза в сутки.

Все семь кандидатур, выбранных Джонсоном на роли экспертов, были одобрены коротким о'кей, прозвучавшим в телефонной мембране. Правда, теперь речь шла о центральной фигуре, от которой зависел на данном этапе успех всего проекта. Возможная ошибка исчислялась в семьдесят шесть миллионов долларов. Не бог весть что для «Ди-Ди», да и сумма запланированного риска включена в общую смету, но все-таки деньги. У Глэдис могли возникнуть вопросы, как возникали они и прежде, однако все разрешалось к обоюдному удовлетворению при помощи телеграфного кабеля или телефона. Благо суточный спутник «Дистар» с надежно закодированной телеметрией висел над островом Коэтиви, обращаясь синхронно с землей. Запуск его, благодаря международным контактам приватного характера, обошелся корпорации всего в одиннадцать миллионов.

Короче говоря, вызов президента «Эпсилона», чреватый сбоем жесткого графика, трудно объяснить логикой. Значит есть нечто такое, о чем он, Джонсон, даже не догадывается. Отсюда следовал гипотетический

вывод: наиболее ответственные решения Глэдис не вольна принимать единолично. Она или хочет лишний раз подстраховаться, или же возникли вопросы на более высоком уровне. Вполне возможно, что и над Глэдис стоит некто еще более властный. Как и в любой организации, у «Невидимых» есть свои офицеры и трасти, равно как и служба безопасности, с которой Джонсон тесно взаимодействует с самого первого дня.

— Флат,— пилот указал на точку на горизонте и подвинул поближе бинокль.

«Общительный парень,— подумал Джонсон.— У такого можно было бы кое-что выведать... Только, что?» — Помедлив, он поднял бинокль и слегка подался вперед, чтобы уменьшить искажение от выпуклости поляроидного стекла.

Белая башня маяка была видна довольно отчетливо, но пирс и черепичные крыши за ним расплывались в матовой дымке. Постепенно обрисовалась белая полоса волн, разбивающихся о рифы, испещренные пятнами зелени холмы, прилепившиеся к ним домики, портальные краны, контейнеры и масса лодок за бетонной стрелой мола.

Вертолет пошел на подъем и, описав полукруг, неожиданно скоро оказался над островом. Теперь можно было увидеть и мыс, серпом уходящий в море, и белую виллу на самой вершине отвесной скалы, и два небольших коттеджа в тени цветущих деревьев. Подстроив бинокль, Джонсон различил бирюзовый овал бассейна, спутниковую антенну на крыше, оборудованной панелями фотоэлементов, остро отсвечивающих в косых лучах. Пожалуй, их было вполне достаточно для автономного обеспечения энергией. Очевидно, здесь и обосновалась Глэдис. Джонсон подавил вздох разочарования. Он ожидал увидеть более внушительное сооружение. Судя по офисам в Нью-Йорке и особенно Бостоне, миссис фон Лауэ содержала солидный штат. Если люди живут в коттеджах, то для служебных помещений явно не остается места. Едва ли хозяйка захочет спать под стук телексов.

Вертолет завис над оранжевым кругом площадки и начал медленно опускаться. В прогалах между исполинскими, опутанными лианой стволами промелькнул каскад водопада, над которым дрожал тусклый радужный сегмент.

Джонсон выждал, пока осядет колючая пыль, и, непроизвольно пригнув голову, вылез из вертолета. Прежде чем направиться к открытому джипу, где сидела женщина в розовом сари, он пригладил изрядно седеющие виски и огляделся.

Сквозь проволочную сетку, ограждавшую площадку, нежно струилось вечернее небо. Его сусальное золото тускнело прямо на глазах. Вбирая в себя последние конвульсии света, угасал в антрацитовом глянце затаившийся внизу океан. До прихода ночи оставались считанные минуты. Летучие собаки стремительно и бесшумно кружили над верхушками деревьев, с непривычной четкостью прорисованных в проеме ворот. Тьма в тропиках наступает со стремительностью тайфуна.

— С благополучным прибытием, мистер Джонсон! — женщина, слегка повернув голову, включила зажигание и медленно вырулила на дорогу, крутыми извивами сбегающую в лесную чащу.— Меня зовут Лакшми Дас,— представилась она, преодолев выгнутый мостик над узкой расщелиной, где грохотал ручей.

— Рад познакомиться,— Джонсон успел заметить выкрашенный кармином пробор, точку тилака между бровями и, скользнув по открытой полоске смуглого живота, поспешно перевел взгляд вниз. Педикюр и серебряные браслеты на лодыжках были столь же безупречны, как и пальчики, нажимающие педаль. Босоногая индианка, нареченная именем богини красоты, уверенно закладывала немыслимые виражи.

«Оригинально»,— оценил Джонсон, выхватывая мелькающие в свете фар клочки пейзажа: бамбуковую поросль, оплетенные ползучими растениями стволы и каменные откосы, укрытые широкими, причудливо расчлененными листьями. Таинственное торжество тропической ночи венчали мерцающие рои светлячков. Перекрывая шум невидимого водопада, истерически вскрикивала какая-то птица. Мастерски организованный ландшафт создавал иллюзию бескрайней сельвы. Но лес вскоре кончился, остановленный у освещенной границы, за которой влажно благоухал сад с цветущими плумериями. Невидимые разбрызгиватели обрушивали рассыпающиеся каскады искрящихся капель на раскрытые веером опахала банановых пальм. В искус-

ственных бассейнах, озаренных скупым излучением каменных фонарей, вертелись водяные колеса.

Причудливые китайские львы с нефритовыми шарами в зубах, вылупив глаза, следили за нескончаемым круговоротом опалесцирующих струй. Перетекая из лотка в лоток, они исчезали в увитых бугенвилеями гротах и тут же выклинивались звонкими родничками, сбегающими с альпийской горки в глубокую мраморную чашу. Где-то там, в темных прогалинах между листьями лотосов, тяжело всплескивали разноцветные карпы.

Как ни странно, но в столь откровенной эклектике, хаотично соединившей строгую мистику японского садика с безалаберной прелестью азиатского и латиноамериканского кича, ощущалось неизъяснимое очарование. Даже вилла, со всеми ее технотронными причиндалами, на мгновение промелькнувшая в глубине аллеи, вполне органично вписалась в этот затерянный посреди океана «Диснейлэнд».

Открывшись фасадом, как только машина проехала под аркой в виде тория, дом выглядел гораздо просторнее, чем это казалось с высоты. Двухэтажный в центральной части, с длинными крыльями, напоминающими взлетное поле авианосца, он скорее походил на заводской корпус или научную лабораторию. Затаившийся, непроницаемый, без каких-либо лестниц и колоннад и, что особенно бросалось в глаза, хотя бы намека на вход. В черных, как обсидиан, стеклянных панелях, непроницаемых снаружи, метались отсветы ночной феерии.

Приблизившись к самому цоколю, женщина послала инфракрасный сигнал и, почти не снижая скорости, лихо вкатила в подземный гараж, полоснув фарами по распахнутым створкам, таким же ослепительно белым, как и облицовочные плиты. Поставив джип рядом с длинным серебристым линкольном, она поманила Джонсона за собой. Подойдя к лифту, сунула в контрольное устройство магнитную карточку и вызвала кабину.

— Добро пожаловать в резиденцию,— бегло коснулась сенсорной ячейки, на которой загорелась несколько удивившая Джонсона цифра «5». Таких ячеек на пульте оказалось гораздо больше, чем можно было предполагать, и, хотя движения абсолютно не ощущалось,

он догадался, что сверкающая металлом капсула несется вниз, в глубь скальных недр.

Там, по крайней мере на том этаже, где очутился Джонсон, располагался ярко освещенный хрустальными лампами мраморный холл с длинным коридором, по правую сторону которого находилось множество пронумерованных дверей. На противоположной стене висели окантованные латунью акварели с видами острова. В напольных фарфоровых вазах красовались срезанные соцветия орхидей. Словом, все выглядело, как в солидной гостинице.

Сверившись с номером, Лакшми сунула карточку в прорезь и, дождавшись, когда загорится зеленый огонек, повернула ручку замка. Едва Джонсон переступил порог, как разом вспыхнули многочисленные бра и настольные лампы.

— Миссис фон Лауэ будет ждать вас к восьми тридцати в холле «В»,— пропустив Джонсона, она остановилась на пороге и, блеснув дежурной улыбкой, передала карточку.— Отдыхайте. Если что-нибудь понадобится, вызовите горничную.

Дверь тут же беззвучно захлопнулась, и Джонсон оказался в полной темноте.

Нащупав обозначенную неоновым огоньком щель, он опустил туда вездесущий пластиковый жетон и оглядел вновь воссиявшее люминисцентными светильниками жилище. Оно ничем не отличалось от стандартных апартаментов пятизвездного отеля: кабинет с рабочим столом, уютный закуток с кофеваркой и баром, просторная спальня с мягкой мебелью и туалетным столиком. Поперек широкой кровати лежало белое кимоно с голубым иероглифом. На тумбочке, у изголовья, красовалась корзина с отборными фруктами. Все остальное было на том же уровне: акварели, орхидеи, телефакс, телевизор, комнатные сандалии.

Выдвинув ящик стола, на котором стоял компьютер, Джонсон обнаружил телефонный справочник Маврикия и бювар из дорогой, тисненной золотом, кожи. Кроме стопки писчей бумаги с фирменным знаком «Ди-Ди» и таких же конвертов, в него были вложены план и распорядок дома. Завтрак: 7.30—8.30 до полудня; ленч: 1.00—2.00 пополудни; обед: 8.00—9.00. Со стороны Глэдис было очень мило соединить деловую беседу с вечерней трапезой — по существу ужином, как

бы назвали это в континентальной Европе. С запоздалым сожалением Джонсон подумал, что для такого случая следовало бы запастись смокингом. Он же, рассчитывая сразу возвратиться обратно, не взял с собой ничего, кроме пары сорочек.

Первым делом следовало принять душ. Овальное углубление ванны с четырьмя кранами в виде ящериц находилось ниже уровня мраморного пола и отделялось от умывальной стойки раздвижным стеклом. На никелированных полках лежали полотенца, салфетки, кимоно, купальный халат и пляжные принадлежности.

Даже ворочая миллиардами, было бы накладно содержать бесплатный отель. Да еще подземный! И все это ради нескольких редких постояльцев? Поворачиваясь в ультрафиолетовых лучах под теплыми струями фена, Джонсон лишний раз убедился, что тайная жизнь «Неизвестных» по-прежнему остается для него закрытой книгой.

В плане значились шестьдесят номеров, большой зал и две малых аудитории, ресторан, бар и вообще все, что необходимо для приема гостей, будь то туристы, участники конференции виноделов или члены конгресса летающих тарелок. Джонсон мог поставить тысячу против одного, что сей приют предназначался для совсем иных целей.

Бросив махровое полотенце на мраморную доску, он выбрал из множества флаконов одеколон «Арамис», слегка опрыскался и надел кимоно. «Запредельность» — читался голубой иероглиф.

Выйдя из ванной, Джонсон раздвинул шторы и обнаружил за ними не только окно, но и дверь в лоджию. Просторная, глубоко врезанная в скалу ниша словно бы падала в звездную ночь. Жарко и влажно дохнув в лицо, она отозвалась в ушах шелестом прибоя.

Пребывавшая в первой четверти луна летела сквозь дымчатые волокна разрозненных облаков.

Джонсон вбежал в кабинет и поднял брошенный на диван буклетик с планом. Самый нижний этаж был помечен буквой «G».

Он возвратился в комнату, стоя, набросал несколько слов на листе бумаги и, сняв трубку аппарата факсимильной связи, набрал номер бостонского филиала

«Эпсилон X_1». С этой минуты все поступавшие туда сообщения зарубежных бюро будут пересылаться на остров.

Переведя часы на местное время, Джонсон неторопливо оделся и выглянул в коридор. Ни единой души. Пусто, тихо, светло. Номера этажей шли в обратном порядке: сверху вниз. До земли, вернее омывавшего скалу моря, было совсем близко. Сведения, содержащиеся в любезно предоставленном буклете, очевидно, не составляли секрета, поэтому ничто не мешало совершить ознакомительную прогулку. Но была, была какая-то неосознанная угроза, какая-то ноющая тоска! Для кого, для кого все эти спортивные залы, бассейны, пляжные кабинки и катера?

Лифт доставил его в точно такой же мраморный холл, с таким же, застланным ковровой дорожкой, коридором. Вместо длинного ряда номерных дверей здесь было всего три.

Ближняя — двустворчатая из матового стекла — вела в плавательный бассейн. Заглянув внутрь, Джонсон увидел лестницу, которая увлекла его к кабинкам для переодевания и бару. Здесь было темно и безлюдно.

— Хотите поплавать, сэр? — откуда-то возник китайчонок в форменном зеленом костюмчике.

Джонсон отрицательно покачал головой и вышел наружу. Подсвеченная изнутри чаша бросала голубоватые отсветы на стволы пальм, между которыми на подстриженной траве были разбросаны тростниковые беседки. Белые ночные цветы гибискуса сладострастно впивали лунную ртуть. Стрекот цикад напоминал лязг кровельного железа. Смачно причмокивали ящерицы, шнырявшие у фонарей.

Вернувшись назад, Джонсон миновал выход на спортивную площадку и направился в самый конец коридора, упиравшегося в нечто похожее на отсек подводного корабля: стальная переборка, круглый люк со штурвалом, кнопочный пульт, сигнальные лампы. Преодолеть минутное колебание опять-таки помогла висевшая на стене инструкция, где обстоятельно пояснялось, как открывается люк и что нужно предпринять в случае неожиданного подъема воды. Каждая позиция сопровождалась рисунком. Грех было не воспользоваться.

Джонсон нажал нужные кнопки и, раскрутив колесо, потянул его на себя. Включились моторы, медленно выталкивая толстую идеально пригнанную крышку. Он вошел в камеру, закрыл за собой люк и раскрутил еще один точно такой же штурвал. Повеяло разогретой смазкой, но тотчас же в кондиционную прохладу ворвался гнилостный запах моря. Бронзовый трап выводил в туннель, похожий на станцию метро: полированный гранит перрона, рельсовый путь. Скорее всего он предназначался для спуска судов. Тусклое ночное свечение в недрах черной трубы указывало дорогу к открытой воде. Явственно ощущался плавный уклон. Эллинги, очевидно, находились в противоположном направлении.

Ради чистого любопытства, Джонсон направился навстречу фосфорическому мерцанию. Платформа вывела его в некое подобие готического собора. Судя по всему, это был природный грот, открытый вольным волнам океана. Капризы Глэдис, равно как и ее архитектора, не знали предела. Джонсон почувствовал себя еще более неуютно. Тяжелыми каплями падала сконденсированная в каменных складках влага, расползаясь известковой плесенью на мокрых плитах. В приливных кружевах, где песок перемежался клочьями подсыхающей пены, шевелилась какая-то скользкая нечисть. Вокруг вздувшейся остроперой рыбины копошились рогатоглазые крабы. Легионы летучих мышей неприкаянно носились в жарком, наполненном сладковатым зловонием тумане, омерзительной слизью обволакивающем лицо. Шуршание, шелест, потусторонний какой-то свист, сопровождаемый размеренными аккордами прибоя.

Спохватившись, что его костюм понес изрядный урон, Джонсон взглянул на часы и поспешил возвратиться. Войдя в спальню, набрал номер горничной, попросил срочно вычистить пиджак и ботинки, затем скрылся в ванной, чтобы поскорее смыть въевшийся в поры инфернальный смрад сероводорода и нетопырей.

«О, бессмертный Иеронимус Босх!..» «Бессмертный? Бессмертный...»

Очередной сикх с железным запястьем и тщательно закрученными под тюрбаном концами усов и бороды проводил его на застекленную веранду. Как по волшеб-

ству, из-за лакированных ширм с видами Фудзиямы возникла Глэдис. В строгом вечернем платье из черного шифона, с крылатым скарабеем из лазурита. Тяжелая пектораль искусно прикрывала возрастные изъяны. Как всегда, ее макияж был безукоризнен, может быть, лишь чуточку более ярок, чем нужно. Она выглядела великолепно: лет на сорок пять — пятьдесят, если не слишком присматриваться.

— Рада видеть вас, Пит,— поправив браслет, она протянула тонкую темную от загара руку.— Как добрались?

— Великолепно, Глэдис. Надеюсь, все у вас хорошо?

— Превосходно,— плавным жестом она пригласила его пройти к хромированной стойке, где под серебряными крышками томились экзотические яства. Скупое пламя газовых горелок тысячекратно множилось в оплетенных вьющимися розами зеркальных колоннах. Вдохнув аромат кушаний, Джонсон почувствовал, что изрядно проголодался. С несколько нарочитой галантностью он пропустил вперед даму, выбрал подходящую случаю чашку для супа, пару подогретых тарелок и решительно поднял крышку. Как и Глэдис, он придерживался, впрочем не слишком последовательно, вегетарианской диеты. Поэтому без долгих размышлений выбрал луковый суп, наложил побольше зеленого салата и полную тарелку умопомрачительного варева из побегов бамбука, лотосовых стеблей, каких-то грибов и орехов. Залитые густым жирным соусом крохотные морковочки и такие же миниатюрные початки кукурузы, густо перемешанные с зелеными соцветиями брюссельской капусты и ломтиками ананаса, тоже оказались весьма кстати.

— Возьмите немного макадамии,— посоветовала Глэдис.— Лично у меня от жадности сводит скулы.

Джонсон зачерпнул полную ложку белых ореховых шариков, густо облепленных зелеными почками каперсов, семенами кунжута и еще каким-то глянцево-черными и фиолетовыми.

— Калории вас не волнуют? — поинтересовался он, увенчав дымящийся террикон фаршированным артишоком.

— По-моему, это больше ваша забота... В теннис играете?

— Предпочитаю гольф.

— Добавьте к рису морской капусты,— она положила в его чашку ломкую слюдяную пластинку прессованных водорослей.— Теперь в самый раз. Кто прикончит первым, получит приз.

— Я не только выиграю, но и наведаюсь сюда еще не один раз.

— Посмотрим!

— А что за приз?

— Увидим!

Обмениваясь дружескими шутками и веселыми междометиями, они водрузили свои изрядно отягощенные подносы на необъятный стол, накрытый на две персоны. Белоснежную скатерть окаймляла россыпь лепестков плумерии, жасмина и нежно-бордовой крапчатой орхидеи. Такой же цветочный венок окружал серебряный канделябр посредине. Как мотылек над клумбой, трепетал огонек единственной свечи.

— Сядем рядом?— Глэдис перенесла свой прибор на другой конец стола и устроилась сбоку от Джонсона.— Хочешь сока гуавы?— она потянулась к обложенному кубиками льда графину.— Или лучше пэшенфрут?

Джонсон не был склонен к иллюзиям. Ее откровенное дружелюбие не снимало внутренней напряженности. Миссис фон Лауэ играла роль радушной хозяйки, не более. Испанцам, как, кстати, и шведам, вообще свойственно обращаться на ты к малознакомым, а то и вовсе чужим людям. Весь вопрос в том, была ли она испанкой? Или шведкой? Шведкой наверняка нет, ибо Джонсон не слышал от нее ни единого шведского слова, тогда как испанские ласкательные эпитеты составляли непременную компоненту ее лексикона. Когда она устраивала выволочку секретарше или распекала проштрафившегося клерка, cara, querido amigo [1] и прочее так и сыпались с языка. Скрывая беспощадный, холодный ум, она играла темпераментную, эмоциональную женщину, способную мгновенно воспламениться гневом и тут же остыть. Ей нравилось выглядеть именно такой в глазах подчиненных. Но с теми, кто мешал или не приносил пользы, она расставалась немедленно и без каких бы то ни было объяснений.

[1] Дорогой, милый друг (*исп.*).

За едой почти не разговаривали. Глэдис ловко орудовала деревянными палочками, Джонсон предпочел вилку. Приглушенная музыка, танцующее пламя свечи, горьковатый, пробуждающий воспоминания запах плюмерий. Сколько их было в саду за стеклянной стеной, фарфорово-белых с желтой, как буддийская тога, серединой!

Различив знакомую мелодию, Джонсон насторожился. «Пляски смерти» Сен-Санса. Выбор, как и все, что связано с Глэдис, не был случайным.

— Поговорим? — предложила она, разливая чай.— С жасмином?

— Если можно, с красным лотосом. Я поднимусь за бумагами?

— Зачем? Я получила все твои послания и, по-моему, ничего не забыла... Разве какие-то мелочи?

— Тогда займемся мелочами,— он попытался пошутить.— Хотя, боюсь, что именно из них вырастают проблемы.

— Значит из четырех кандидатов, предложенных компьютером, ты выбрал одного. Я правильно поняла, Пит?

— Правильно, Глэдис. Из тысячи семисот двадцати компьютер отобрал четырех, а я, притом совершенно осознанно, рекомендую тебе одного. Нам ведь и нужен один? — он позволил себе воспроизвести ее излюбленную интонацию. Не вопрос, но лишь намек на него, не требующий ответа.

— Но почему именно этот? — она чуть заметно повысила голос.— Притом, он русский...

— Вас не устраивает только это? — почти искренно удивился Джонсон.

— Н-нет,— она медленно покачала головой.— Но я не хочу лишних трудностей.

— Что-то действительно усложняется, а что-то, напротив, гораздо легче дается в руки. Плюсы определенно перевешивают минусы. Я все продумал.

— Тогда попробуйте доказать, что нам нужен именно он и никто кроме... У тех троих тоже прекрасные данные.

— Судя по резюме?

— Не только... Послушайте, Пит! — состроив досадливую гримасу, она ударила ребром ладони по краю стола.— Я вовсе не желаю препираться. Если вы

убеждены, то попробуйте убедить и меня. Тогда мы с вами поладим. Иначе получится некрасиво.

— Видите ли, Глэдис, я прочитал практически все им написанное,— Джонсон почувствовал, что за инфантильным вздором, который она несла, скрывается неуверенность. Ей явно недоставало аргументов в споре с кем-то третьим, кто неявно присутствовал за этим слишком просторным для беседы с глазу на глаз столом.

— Блестящий довод! — она засмеялась, но тут же сдержала себя, заговорив с раздраженной размеренностью.— Чудесный довод! Надо ли понимать, что творчество тех, троих, вы просто проигнорировали? Так-то вы понимаете свои обязанности! Давайте говорить серьезно, Пит.

— Нет, Глэдис, я прочитал все, что смог,— он отбросил смятую салфетку.— Если вы хотите конструктивного разговора, то прошу вас, начните с себя. В чем, собственно, дело, Глэдис? Окончательное решение за вами. Ради Бога, скажите, и я, как всегда, подчинюсь.

— Как всегда!

— Да, как всегда, не нарушая субординации.

Она пристально взглянула на него и, выдержав тяжелую паузу, бросила:

— Ладно, валяйте... Я буду покорной слушательницей.

— Так вот, миссис фон Лауэ,— он дал понять, что не склонен к дальнейшим недомолвкам.— Я сделал совершенно осознанный и однозначный выбор. Это именно тот человек, который нам нужен. Интуитивно он понял все и заглянул туда, куда мы только мечтаем проникнуть. Более того, именно его роман позволил нашим специалистам нащупать последнее звено. Кстати, это не только мое мнение.

— Я знаю,— кивнула она, блеснув примирительной улыбкой.— Я прочитала эту книгу.

— В английском издании Макмиллана?.. А я — в русском оригинале.

— Есть разница?

— И существенная. Она в нюансах, продиктованных подсознанием. Такое обычно теряется при переводе. Повторяю, Глэдис, я прочитал все. Начиная с первого несовершенного еще рассказа «Секрет бессмер-

тия»... Как вам название, Глэдис?.. Нет, я уверен, что парня с детских лет вело провидение.

— Какое именно, Пит?

— Думаю, вы понимаете меня, Глэдис... Если я чего-то не ухватил в его, так сказать, рациональном мироощущении, то стихи, уверяю вас, сказали мне все. Ведь это магия души.

— Нельзя ли без мистической фразеологии?

— Куда нам от нее деться, в нашем-то предприятии? Все в конечном итоге вращается вокруг анимы [1]... Первый, переведенный у того же Макмиллана роман нашего героя назывался «Мировая душа». В Голливуде собирались отснять фильм по его мотивам, и некто Джон Лайн сделал превосходный сценарий, но что-то не сладилось...

— Что именно?

— Не знаю право. Какой-то Гринберг приезжал в Москву, вел переговоры, крутил, вертел... Если вам интересно, могу выяснить.

— Как считаете нужным, Пит. Я не вмешиваюсь в **ваши** дела,— она сделала явственное ударение и недоуменно подняла брови.— Разве я сомневаюсь в том, что вы нашли достойного кандидата?.. Однако мне попрежнему не понятно, чем он лучше других. Вы уж простите бедную женщину.

— По тем семи, кого я предложил в качестве экспертов, будут вопросы?— Джонсон решил зайти с другой стороны.

— Во всяком случае не теперь. По-моему, **здесь** вы оказались на высоте.

— Только **здесь**?.. Уверяю вас, Глэдис, что лучшего координатора и придумать нельзя. Мой человек, единственный, и это как минимум, кто сможет связать все нити.

— Он представляется вам энциклопедистом? Между тем, если временно отрешиться от изящной словесности, не более чем талантливый...

— Дилетант?— Джонсон просчитал, что она выразится именно так, и обрадовался верности своего предвидения.— Что ж, прекрасно... Если вы признаете его литературные дарования и обширные знания в самых разных областях, значит не все потеряно. Он успешно

[1] anima — душа (*лат.*).

работал в физике, блестяще защитил диссертацию, что делает его вполне пригодным для контакта по крайней мере с двумя экспертами. Согласны?

— О чем идет речь? О физике или физхимии?

— Вы неплохо поработали с моей докладной, Глэдис..

— Ожидали другого? — она вскинула подбородок, обнаружив едва уловимые следы подтяжки. Далеко не первой, как подозревал Джонсон.

— Нет, Глэдис, — потупив глаза, он отрицательно покачал головой. — Меня всегда радует точный выстрел.

— Значит я нашла слабое место?

— Не совсем. Просто, в отличие от вас. я действительно прочитал все. Извините за повторение... Им написаны три книги по физике, изданные несуществующим ныне «Атомиздатом». Надеюсь, вы понимаете, что это значило в тогдашней России? Я имею в виду Советский Союз... Две из них — «Антимир» и «Кольцо бесконечности» — тоже переведены на английский... Это к вопросу о профессионализме, — добавил он вскользь. — Явно или неявно, но пространство-время — его идея фикс. Она пронизывает все: так и не собранные в книгу стихи, научные изыскания, философские эссе и буквально захлестывает научную фантастику. Когда же в его мировоззрении произошел перелом или, что, пожалуй, точнее, он вышел на новый виток спирали...

— И увлекся Востоком, буддизмом, — она опустила веки и легкой улыбкой дала понять, что тоже способна забежать хотя бы на шаг вперед.

— Как всегда, вы проникли в самую сердцевину, — проникновенными модуляциями голоса Джонсон поспешил показать, что восхищен проницательностью собеседницы. — Произошел знаменательный синтез! — он подпустил малую толику патетики. — Синтез современных представлений о физическом вакууме с буддийской концепцией «Великой пустоты». Теперь представьте себе, какую работу проделал **наш** герой!

— Вы подразумеваете литературное творчество?.. Ведь к науке, как таковой, его полуфантастические спекуляции отношения не имеют.

— Оставим заботу о науке другим, Глэдис. Профессионалам, узким специалистам с вот такими шорами на глазах, — встряхнув салфетку, он жестом тореро-

дора провел ею по воздуху и приложил к виску.— Нет, я говорю о работе души. Согласитесь, что в данном случае это самое важное... Кстати. есть мнение, что человек рождается без души. Она вызревает в нем по мере интеллектуального развития.

— Или не вызревает.

— Вы абсолютно правы... Или не вызревает.

— Итак, обнаружив развитый интеллект, вы надеетесь найти столь же развитую душу.

— Разве я римский папа? Или Вельзевул?.. Оставим душу в покое, иначе мы вконец запутаемся в терминах.

— По-моему, это вы повсюду носитесь со своей анимой. Давайте без мистики, Пит... Без мистики и без лицедейства.

— Что ж, когда партнеры видят друг друга насквозь...

— Партнеры?— Глэдис надменно дернула плечом, косо перерезанным черной бретелькой.— Вам не следует давить на меня, мистер Джонсон. Меня интересуют лишь аргументы, как pro, так и contra. Пока идет сплошной панегирик. Неужели вы не испытываете сомнений?

— Всю свою жизнь, мадам, я только и делаю, что сомневаюсь,— вздохнул Джонсон. Пока ей угодно было играть, он подыгрывал, не опасаясь испортить отношения. Лицемерие ничуть не разделяло их, напротив, объединяло. По крайней мере позволяло не думать о неизбежной развязке, когда каждому придется заплатить свою цену за неудачу, или, что во сто крат страшнее, удачу.— Но самые тяжкие сомнения одолевают меня, когда я думаю о проекте,— промолвил он с неподдельной грустью.— Надеюсь, вы понимаете, мадам.

— О, Пит! Об этом лучше не думать, amigo, иначе ничего не получится, mein liber Freund [1]. Если есть хоть один шанс, его необходимо использовать. Иначе будет чертовски обидно... Поймите раз навсегда, мне не жалко денег. Все равно с ними придется расстаться, как с солнцем, морем... Однако это не значит, что я готова выбросить миллионы на ветер. Так докажите мне, lieb Teufel [2], что я могу положиться на вас, на вашего про-

[1] Мой дорогой друг (*нем.*)

[2] Милый черт (*нем.*)

теже, и я куплю его вам, не торгуясь. Сколько бы не стоила его Seele [1]!

— Кто из нас Teufel?

Только толстокожий носорог мог не раскиснуть от подобного всплеска эмоций. В сущности Глэдис не сказала ничего нового, но как она это сказала!

«Ей бы леди Макбет сыграть, а еще лучше — Мессалину»,— подумал Джонсон, завороженно глядя в окно. Два молодых оболтуса с накаченной мускулатурой забавлялись на подстриженной травке приемами кун-фу.

«Кроме солнца и моря, есть еще кое-что, с чем ей так не хочется расставаться... Все те же игры, хоть и под звездами Южного полушария».

— Почему вы молчите? — в ее звонком, чарующем голосе дрогнула тревожная струнка.

— Все, что я считал нужным отметить, вы знаете. Нужно положить голову на плаху? Я готов, хотя мы оба знаем, что стопроцентного попадания не бывает... Видимо, я чего-то недопонимаю, Глэдис... Разве я говорил, что найдено идеальное решение? Оно оптимальное, не более. Лучшее из предложенных вариантов. Отсюда и надо танцевать. В самом деле, налицо редкостное сочетание качеств. Здесь и научная картина мира, и эзотерическая традиция, аналитический ум и мощная, но в рамках возможной реальности, фантазия. Не удивительно, что вовсе о том не ведая, он предвосхитил наши поиски, да и не только наши...

— То есть?..

— Кроме романа, я прислал вам книжку «За пять минут до полуночи», выпущенную нью-йоркским издательством «DOY». Вы прочитали?

— Это сборник произведений, предвосхитивших атомный век? Насколько я поняла, какой-то Картмилл описал во всех подробностях атомную бомбу за год до Хиросимы, а **ваш** герой придумал бомбу нейтронную и даже дал ей название.

— За четырнадцать лет до того, как оно появилось в печати. От фактов никуда не денешься.

— И как вы это объясняете?

— Объясняю?.. Добавьте сюда идею вакуумного компьютера с условным названием «электрон-дырка»,

[1] Душа.

мысль о сверхплотных частицах, замкнувших в себе пространство и время, наконец, впечатляющую интерпретацию алхимического змея. Большое переходит в малое и наоборот, вселенная оборачивается субатомной частицей.

— Вздор.

— Однако его усиленно штурмуют как физики, так и философы... Впрочем, меня меньше всего волнует критерий истинности. Важен полет, проникновение в запредельность и умение рассказать. Разве не так?

— Так,— нехотя согласилась она.— Если только принципиально возможен сам эксперимент.

— Вот-вот! Но это уже наша с вами забота. На астронавта, которого готовят к запуску, не возлагают ответственности за летательный аппарат.

— Весьма убедительно.

— Вы находите?— Джонсону показалось, что она не только приняла довод, но и обрадовалась ему. Тем лучше, ибо сравнение возникло экспромтом, в ходе беседы.

— Как вы полагаете, он занимался практической алхимией?

— Не знаю... Может быть тайно, в своем академическом институте, из которого ушел, хлопнув дверью, чтобы целиком отдаться литературе.

— Во всяком случае увлечение налицо.

— Не только увлечение. Главное — понимание того, что именуют Единым, будь то «Великая пустота» или вакуум, египетский Атум или индийский Атман. Вещество — поле — пространство — время. Это и есть Единое. Скрытый лик любых проявлений реальности. Он искал его повсюду: в мечтах, углубленных размышлениях, лабораторном стекле, странствиях.

— Страсть к шатаниям по белу свету почему-то присуща всем вашим кандидатам.

— Кроме одного из тех трех, отвергнутых. Я отказался от него с самого начала.

— И правильно поступили.

— Конечно, правильно. И все же шатания шатаниям рознь. Я детально проанализировал маршруты моего кандидата. Несколько путешествий по Индии, с явственным упором на Гималаи, Китай, Корея, Непал... Практически все буддийские страны, включая Тибет. Это о чем-то говорит? Добавьте сюда Египет, Гре-

цию, Италию, Средний Восток и Магриб, Мексику и острова Океании. В сущности он приступил к выполнению задания задолго до того, как оно родилось в вашей голове... В вашей, Глэдис?

— Продолжайте,— она оставила вопрос без ответа.

— Теперь обратите внимание на то, что его интересует в первую очередь: храмы, монастыри, археологические раскопки, развалины древних цивилизаций и библиотеки, где он, обложившись словарями, вгрызается в темную заумь алхимических манускриптов и гримуаров. Всяческие ритуалы, символика. Словом, миф. И все это, заметьте, урывками. Помимо официальной программы, в ущерб основному заданию, которое наверняка давала организация, финансируя поездку. Хочется шляпу снять... И не позавидуешь в то же время.

— Это уже эмоции.

— Значит я исчерпал все аргументы. Разве что коммуникабельность... Сейчас он почему-то ушел в тень. Возможно, это связано с развалом советской империи, общей неустроенностью и неопределенностью.

— Человек избирался на высшие посты в престижных международных организациях: писательских, научных, религиозных,— она задумчиво коснулась своего синего жука с золотыми крыльями.— И разом оборвать все связи? Зачем? Почему?

— Здесь будет много вопросов. Но ответ можно получить, лишь вступив в непосредственный контакт... В Америке, где он бывал довольно часто, его многие знают. Если хотите, я попробую провентилировать по европейской линии или по азиатской, через буддийские сообщества.

— Не хочу третьих лиц. Любое посредничество сопряжено с утечкой информации.

— Обдумаем другие варианты.

— Обдумаем,— приняв решение, Глэдис оставила скарабея в покое и, сдув выбившийся на лоб локон, подняла глаза к потолку.— Допустим, мы с вами на чем-то остановились. С чего вы хотите начать. Закажете ему сценарий?

— Естественно.

— По его последнему роману?

— Элементарная логика подсказывает. Не вижу подводных камней.

— О, он вам, конечно, напишет! Но как? Как ему

хочется и как ему видится? Между тем, у нас своя линия.

— Не обижайте старину Пита, мэм. Все предусмотрено. Заранее будет условлено, что фильм, я предпочитаю называть его телевизионным сериалом, должен сниматься на натуре. Это предполагает предварительное знакомство с местами съемки, встречи с экспертами и все такое. Более того, речь пойдет о двух сценариях. Первый — что-то вроде научно-художественного — как раз и обеспечивает нам полный контроль. А что до второго.., то вы все понимаете, Глэдис.

— Да, я напрасно влезаю в детали, которые целиком относятся к вашей компетенции. Вы, конечно же, все продумали и просчитали на много ходов вперед. Тут вам действительно нет равных, Пит. Я говорю совершенно искренне, поверьте. Однако...

— Глэдис? — он осторожно прервал ее затянувшееся молчание.

— Дайте слово не обижаться на бабьи глупости.

— Даю,— он положил руку на сердце.— Тем более, что ничем не рискую, так как не знаю за вами подобной слабости.

— Честное слово, мне очень не хочется вторгаться в вашу лавочку, Пит, но я бы хотела заранее обмозговать кое-какие мелочи.

— К вашим услугам,— Джонсон приготовился достойно встретить неожиданный выпад. Схватка входила в решающую стадию.

— Как вам видится старт? С чего вы намерены начать? Пошлете письмо? Командируете кого-нибудь из ваших койотов? Или поедете сами?

— Письмо? Зачем письмо? — протянул он, пытаясь собраться с мыслями. Никогда прежде она не вникала в такие мелочи. Значит все верно, значит она во что бы то ни стало хочет подстраховаться, значит и над ней стоит высшая сила.— Письмо — напрасная трата времени. Это я могу послать электронной почтой, а он?.. В ожидании ответа мы потеряем две недели, а то и месяц. Конечно, я направлю доверенное лицо. Не койота, как вы изволили выразиться, а человека, внушающего доверие. Допустим, какого-нибудь издателя, ибо кто еще способен пробудить у автора благоговейные чувства? Подойдет и литературный агент, которого знает

писатель, и переводчик, высоко оценивший его бессмертный роман.

— Ценю ваш юмор.

— При чем здесь юмор? Сплошная банальность. Вы знаете случаи, когда директор «Парамаунт» или, скажем, «Юниверсал» бегал за сценаристом? Пошлет третьеразрядного клерка, и на том спасибо. Сплошной восторг, потому как, что является определяющим фактором? Количество нулей в чеке.

— Бывало, и бегали. Майер, например, и братья Уорнер, но меня не волнуют прецеденты. Не хочу обижать вас, но «Эпсилон» все-таки несколько отличается от студии «XX век. Фокс»... О, лишь известностью в мире, во всем прочем вы вне конкуренции, Пит. Одним словом, пакуйте чемоданы. Надеюсь, вы не полетите в Москву вот так, налегке?

— Вы это серьезно, Глэдис?

— Более чем серьезно. Если хотите, это мое непременное условие. Я одобряю ваш выбор, а вы отправляетесь в Россию.

— Смею ли я спросить о причинах?

— Мы слишком мало знаем, чтобы вот так, сразу запустить машину на полный ход. Познакомьтесь с этим человеком, изучите его, прежде чем раскрыть карты. Даже одну-единственную. Вдруг **мы** — я говорю **мы**, Джонсон,— ошибаемся в нем? Не хотелось бы сворачивать с полдороги. Вот когда мы по-настоящему потеряем зря время. Не какие-нибудь две недели... Но и это еще не все. Вы пели осанну своему фантастическому провидцу, и я готова поверить в его способности. Но одних способностей мало. Представьте себе ситуацию, когда по тем или иным причинам мы будем вынуждены свернуть предприятие. Понимаете, чем это грозит? Сунув нос хотя бы на порог нашей кухни, такой, как он, без особых усилий дорисует остальное, воссоздаст полную картину... Верную или не очень — не играет особой роли, потому что с такой утечкой нам едва ли удастся совладать... Я неправа?

— Вы правы, Глэдис. Но я предусмотрел подобные варианты. Перед началом работы неизбежно понадобится какой-то период адаптации. У нас будет возможность хорошенько понаблюдать.

— Значит, вы решительно настаиваете на своем?

— Видит бог, я бы согласился с вами, если бы не

одно обстоятельство. Моя поездка в Россию чревата осложнениями. В действие может вступить непредвиденный фактор, и тогда все пойдет прахом.

— Вас волнует прежняя деятельность?

— А вас — нет? Можете не сомневаться в том, что мое появление вызовет пристальное внимание определенных кругов.

— Ваши опасения совершенно беспочвенны. По-моему, вы давно приняли меры на этот случай. Или я ошибаюсь? Стыдитесь, astuto lobo [1]. Вы же прекрасно знаете, что у нас установились тесные деловые контакты с этими вашими кругами,— она покровительственно ухмыльнулась.— Времена меняются, Пит, так что с этой стороны вы можете не беспокоиться. В случае чего вам даже окажут помощь.

— Должен ли я понимать, что речь идет о сотрудничестве в рамках проекта?

— Чему вы, собственно, удивляетесь? Кто предложил использовать русского? Может быть, я? Или все-таки вы, Пит? Думайте, что хотите, и понимайте, как угодно, но лететь все же придется.

— Только чтобы угодить вам.

— Вот и отлично... Прокатимся по морю на сон грядущий?

— С чего это вдруг?

— Просто мне хотелось бы доставить вам удовольствие.

— Лучше как следует высплюсь. После этих широтных сдвигов неделю ходишь, как полоумный,— Джонсон и вправду чертовски устал. Не столько от временных перепадов, сколько от мыслей и этой словесной дуэли, схожей с пресловутой схваткой под ковром, вернее вуалью из недомолвок и полуправды. Хорошо, что все кончилось, и, прежде чем собраться в дорогу, можно немного передохнуть.

Завертев волчком серебряное кольцо для салфетки, он тяжело поднялся и отдал прощальный поклон.

«Черт тебя побери, Глэдис фон Лауэ, с твоим катером! Впрочем, сам виноват. Нечего было шляться по вонючим подвалам».

— Сколько вы намерены предложить ему? — неожиданно спросила она, прощаясь у лифта.

---

[1] Хитрый волк (*исп.*).

— Полагаю, в рамках С-2?

— То есть больше, чем экспертам?

— Он и должен получить больше.

— У них сейчас трудно, в России. Даже если вы заплатите на порядок меньше, это будет воспринято как манна небесная.

— Человек, которому предстоит обобщить разработки экспертов, да еще самых высокооплачиваемых, должен стоять хотя бы чуточку выше. Он получит свои деньги, Глэдис. Спокойной ночи.

— Спите спокойно: я подпишу вашу смету... Со мной нет проблем, Джонсон.

— Со мной тоже, Глэдис.

— Кстати, кто этот Гринберг, который приезжал к нему насчет сценария?

— Ну и память у вас!.. Какой-то кинематографический воротила из Нью-Йорка.

— Вот видите! — как всегда, последнее слово осталось за ней.

Не успел Джонсон сбросить пиджак, как в дверь позвонили. Держа на вытянутых руках пакет, перевязанный синей лентой, у порога стоял уже знакомый китайчонок.

— Это для вас, сэр!

Развязав бант и содрав обертку, Джонсон обнаружил коробку рубашек от Сеймура. Сверху лежала «нейви ройл» — белая, в голубую полоску. Он предпочитал именно эту расцветку. На подложенной под воротничок визитной карточке рукой Глэдис было написано: «Приз».

Глупо и мило.

АВЕНТИРА СЕДЬМАЯ

МОСКВА, РОССИЯ

Сосед по подъезду, главный редактор популярного журнала «Знай и умей», занес Ратмиру свежий номер с подборкой архивных документов, под грифом «секретно», Центрального Комитета КПСС.

— Погляди-ка, что мы напечатали. Тут и про тебя есть. Крайне нелестное. Можешь гордиться!

Прочитав докладные инструкторов, проекты ре-

шений и постановления секретариата ЦК, Ратмир не испытал особого волнения. Словно речь шла не о нем и не о близких когда-то людях. Иных, как говорится, нет, а те далече. Было любопытно погрузиться в тот, почти нереальный, потонувший, как Атлантида, мир и мысленно проследить все перипетии давным-давно отбушевавших бурь. Но пробудившиеся воспоминания не вызвали в душе сколь-нибудь ощутимого отклика. В сущности он не узнал ничего нового. В свое время все было угадано и понято достаточно верно. Детали, неизвестные ранее, лишь дополнили общую, изрядно потемневшую за давностью лет картину. Отмывать ее от сумрачной патины забвенья не имело смысла.

Он и без того знал, что всевидящий зрак государства наблюдал за ним все эти долгие годы, начиная с того первого сборника, чудом выскочившего на излете хрущевской «оттепели». Восторженные рецензии, опубликованные в партийной и правительственной печати, не только не уберегли от тайной расправы, но, пожалуй, спровоцировали ее. Ратмир догадывался, что власть предержащие симпатизируют именно той подавляющей части писательской братии, что пробавлялась «серятиной», как почти официально именовался псевдолитературный поток, переполнявший полки книжных магазинов и библиотек. Его отмеченные наградами и премиями творцы стойко держали круговую оборону и скопом набрасывались на чужака. Громогласно отстаивая позиции партии, они частенько забегали поперек батьки, впадая в шовинистический экстремизм. Особо ретивых слегка одергивали, больше для вида, чем по существу. С их эпистолярным наследием Ратмир познакомился по челобитным, направленным на Старую площадь и переадресованным оттуда непосредственно в молодежное издательство. Под большим секретом редактор показал одно из таких писем автору «ущербного произведения», т. е. Ратмиру.

Теперь он мог вновь увидеть тот же самый донос, но уже оформленный в виде проекта постановления, подписанного инструктором отдела культуры. Того самого, с кем Ратмир почти подружился впоследствии. Подлинным откровением явилось, однако, решение секретариата. Воистину в пору было возгордиться! Высший, после Политбюро, орган правящей партии не нашел более важных дел, нежели фантастический роман

начинающего автора, к тому же беспартийного и не члена писательского союза.

«Господи, всеблагой! Чем они занимались? Страшно подумать, но эти престарелые дураки решали судьбы мира».

Его, Ратмира, судьбой распорядились своеобразно. Постановлением бюро ЦК комсомола, роман был признан порочным, директору издательства было «указано», а редактор получил выговор. В печати об этом не появилось ни строчки. Роман, вскоре переведенный во многих странах, больше никогда не издавался в Союзе. Тем и завершилось.

А ведь это было только начало, только цветочки.

Сколько же пережили они с Никой в последующие годы... Через какие падения и взлеты прошли. Чуть ли не каждый из этих томиков, заполнивших уже пятую полку, может быть беспристрастным свидетелем. Книги, проклятые книги, сожравшие жизнь. Вехи памяти. Надгробные камни кровавой эпохи.

Коротки и удивительно светлы были передышки. Только о них и ноет сердце, плачет и рвется назад.

Ника! Ника...

Когда надолго замолкал почти беспрерывно трезвонивший телефон, она обычно спрашивала, как бы в шутку, но затая тревогу: «С нами ничего не случилось?».

Ратмир понимал ее с полуслова, ибо опять и опять «случалось», с ними «случалось» и не могло не случиться, пока печатались книги и выходили статьи. Еще до появления первых печатных откликов, а они могли быть вполне положительными, возникали едва уловимые намеки надвигающейся грозы. Ни облачка в ясном небе, ни дальних раскатов грома, а сердце сжимается под гнетом тревожного ожидания.

Подчеркнуто любезно кивает начальство в писательских коридорах, но с озабоченным видом спешит удалиться. Срывается, вроде бы по вполне объективным причинам, зарубежная командировка. Нежданно вылетает из номера очерк, а потом и фамилия выпадает из «обоймы» литературного цеха. Ты уже не патрон в бою с идеологическим врагом, не инженер человеческих душ. Казалось бы, и слава богу, только что будет дальше? Доходит почти до смешного: в одном партийном органе хвалят, в другом наклеивают ярлык

врага. Авторский вечер в битком набитом телевизионном театре проходит при зачехленных мониторах, но со всеми онерами: лестные референции, записки поклонников, автографы, цветы.

И телефон пока живет в обычном режиме. Вот только особо приближенные к власти друзья куда-то попрятались. Значит не миновать, скоро грянет. С чего заварилась каша, понять нельзя. Кругом тайны. Может, и роман тут не при чем, а причиной всему неосторожные слова на собрании? А если роман, то и тут вопросы: сами отреагировали, получив сигнальный экземпляр, или напели доброжелатели? Вычислить их не составляет труда: по тому, как сбились в плотную стаю, сорганизовали письма разгневанных читателей, адресованные на самый верх, и завертелось. Копии с резолюцией «разобраться» спустят в отдел, оттуда в издательство, а там по отработанной схеме.

Разборки на уровне секретариата ЦК могли закончиться колючей проволокой или высылкой из страны. Словеса-то фигурировали крутые: идеологическая диверсия, пособничество империализму, внеклассовый подход, космополитизм, масонство, мистика и, во главе угла, клевета на советскую действительность. Но могло и пронести. Все зависело от ветров, гулявших в Кремле,— то справа задуют, то слева. Какая сила, какая партия одолеет в недрах единой КПСС?

Чем страшнее были обвинения, чем чаще произносилось в тиши кабинетов имя злополучного идеологического диверсанта, тем выше поднималось оно, хотели того или нет, в неписаной табели о рангах.

Ратмиру Борцову в этом отношении повезло. Если не считать запрещенных к выходу в свет повестей и нескольких лет хождения «невыездным» (площадная ругань в газетах и нервотрепка — не в счет), все как-то само собой улаживалось. Вылетевшие из планов книги вновь появлялись в аннотированных списках, возобновились выезды и, как прежде, дружеские звонки разрывали тишину раннего утра. Пережив несколько крупных встрясок и усвоив правила игры, Ратмир и Ника научились стойко переносить временную опалу.

Нет больше Ники, и телефон молчит неделями,

и ничего не случается и случиться не может. Настала совсем иная жизнь, но вовсе не та, о которой они мечтали, без надежды на перемену. Отдалились друзья, но уже не под страхом державного гнева, исчезли многочисленные приятели, развалились или обнищали общественные организации, от которых раньше зависело почти все в том, казавшемся почти нестерпимым существовании. Некуда и не на что стало ездить. Осенняя Пицунда и зимние Дубулты превратились в ближнее зарубежье, а мнившаяся столь значительной международная деятельность в зарубежье дальнем — пустопорожние конгрессы, симпозиумы, мосты дружбы и прочая дребедень с докладами, дискуссиями и пресс-конференциями — сошла на нет. Не нужно было дожидаться постановлений писательского секретариата, решений инстанций (ЦК КПСС, КГБ, а порою и МИДа), официальных приглашений и виз, что шлепались за час до отлета.

Ратмир давно порывался выскочить из этого беличьего колеса, но жаль было расстаться со звучными титулами, которые нынче не стоят гроша, с самой возможностью несколько раз в году вырываться из клетки. Как же подсчитывались эти «разы» в чертогах бюрократического Олимпа! Капстраны или соцстраны; за счет приглашающей стороны или из госбюджета; по общественной линии или от газеты. Все сопоставлялось и взвешивалось и, едва чаша с черными камешками начинала склоняться, загорался красный свет. На всех путях вырастали стены с библейским «мене, мене текел, упарсин». Пачки анкет, характеристик, рецензий обрушивались на сверхточные аналитические весы, какие и не снились Анубису. Упыри из Госкомиздата, пробавляясь между делом закрытыми отзывами, бдительно следили за издательскими планами. Одна книга в год, в крайнем случае еще одна, если детская. Пусть тебя не печатали несколько лет, и брошюры в шесть жалких листов не хватит, чтоб продержаться до выхода выстраданного романа, в типографию попадет именно брошюра, а роман снова переползет в резерв.

Все отболело и отмерло: клевета, предательство, подлость. Даже Главлит с его разбушевавшимся шефом, поклявшимся, что больше ни одна книга Борцова не выйдет в свет, и тот вспоминается как развеявшийся ночной кошмар. Где он теперь, этот грозный владыка

тайной канцелярии, запретной к упоминанию? В царстве теней?

«О, боги Тартара! О, жуткие демоны Шибальбы и Бардо! [1] Я воспел вас, я дал вам новую жизнь! Будьте ж вовеки благословенны за то, что разверзлась земля и провалилась вся эта пропахшая тюремной парашей мерзость! Пусть сузился мир до кубатуры кооперативной квартиры, где гниет под окнами мусор и пустует почтовый ящик! Ничего не жаль. Жизнь прошла, сумасшедшая, трудная, но интересная жизнь. Спасибо, спасибо за то, что хоть на излете дано испить вина свободы. Как долго умирало оно в захороненной амфоре. Но осталась, осталась терпкая сладость и по-прежнему крепок все проясняющий хмель. Бронированный монстр развалился, как карточный домик. Он уже не воскресает в прежнем несокрушимом обличии, сколько не собирай покрытые красно-коричневой ржавчиной шестеренки. Что бы ни таилось там, впереди, слава тебе, Великий геометр, что такое случилось. Ники нет и не с кем прощаться. Я ухожу с благодарной улыбкой.

И пусть молчит телефон. С нами ничего не случилось, Ника. Просто мы никому не нужны, и нам с тобою тоже никто не нужен. Пусть молчит...»

Звонок прозвучал в тот самый момент, когда Ратмир дописывал последнюю фразу. Это не было прощальным письмом. Прощаясь с жизнью, пока на словах, он расставался с прошлым. Оно отрывалось, как бинт, приклеившийся к запекшейся, но еще воспаленной ране. Вот он и писал, стараясь заполнить саднящую пустоту, писал в стол, чего не случалось с той давней поры, когда перед ним закрывались двери редакций. Теперь можно было печататься сколько угодно, да только он не хотел. Брезговал участием в грандиозной по масштабам и мелкотравчатой по существу склоке, в которой напрочь тонули отдельные голоса. Это прежде всего касалось газет. Вне зависимости от политической ориентации, тиражи их резко сократились, авторитет упал, и никакая, даже самая умная и злободневная публикация не могла повлиять на общественное мнение. Да его и не существовало, этого мнения, ибо прежнее общество, соединенное страхом и, пусть лживой, но

[1] Соответственно преисподняя греческой, майяской и ламаистской мифологии.

хоть какой-то идеей, распалось на аморфные составляющие. Какой смысл печататься в газетах?

Ратмир давно понял, что смысла нет, и отвечал отказом на все предложения. К нему перестали обращаться. Затем настала очередь телевидения, охваченного рекламной лихорадкой и бесовским шабашом. Не желая общаться с доморощенными скоробогатчиками, а еще пуще — с самозванными колдунами, астрологами и всяческими экстрасенсами, он бросил авторскую программу, на которую потратил два года.

Оставались книги. Вот он и писал потихоньку, не слишком заботясь о публикации. Переиздание позволяло хоть как-то сводить концы с концами.

Отторжение налаженного уклада и старых, казавшихся такими прочными, связей даже начало доставлять удовольствие, хоть и ощущался в том мазохистский привкус.

Публичные собрания, советы, секции, выборы-перевыборы с их сварами, президиумом, фуршетом — со всей этой белибердой было покончено навсегда. Юбилеи, приемы, презентации — к черту! Вместе с облегчением пришло осознание личной свободы.

Нежданный звонок заставил его внутренне вздрогнуть.

Отбросив дощечку, на которой привык писать, полулежа устроившись на диване, Ратмир бросился в кухню, где висела американская трубка с кнопочным набором.

— Это квартира господина Борцова? — откликнулся на короткое «да» незнакомый женский голос.

— Слушаю вас.

— Могу я переговорить с Ратмиром Александровичем?

— Это я.

— Добрый день, Ратмир Александрович, вас беспокоят из телевизионного агентства «Зенит». Сейчас соединю с Петром Ивановичем, генеральным директором.

Пока соединяли, Ратмир невольно прислушивался к неразборчивому гомону, прорезаемому выкриками и смехом. Он впервые слышал об этом агентстве и, тем более, о его генеральном директоре. И вообще терпеть не мог манеры звонить через секретаршу. Милостью

судьбы они остались в той, прошлой жизни: те главные редакторы, министры, секретари ЦК. Что же до нынешних... От них уже ничего не зависит. Тем смехотворнее выглядят номенклатурные потуги расплодившихся, как как кролики, гендиректоров, всяческих президентов и самозванных академиков неведомых академий. Хамская спесь, замешанная на прирожденном лакействе. Не уважают ни других, ни себя. И то, что так называемые «новые русские», а этот Петр Иванович определенно принадлежал к их когорте, так живо и жадно переняли блеск и нищету прежних хозяев, не внушало оптимизма насчет торжества демократии. К обращению «господин» либерально мыслящий Ратмир тоже не мог привыкнуть, хотя как должное воспринимал «мистер» и «сэр».

Пауза затянулась, и он уже готов был повесить трубку, как она ожила бодреньким дискантом.

— Приветствую вас, Ратмир Александрович! Как живем-можем в наше трудное время?

— Как можем, так и живем,— отчужденно ответил Ратмир.— Чем могу быть полезен?

— Мы к вам по поводу вашей книжки... Тут поступило предложение из США насчет телевизионного фильма. Вы не против?

— Какой именно... книжки?— поежился Ратмир.

Он бы никогда не позволил себе выразиться подобным манером о чужом произведении, как не употребил бы слово «творчество», говоря о себе самом. И то, и другое — пренебрежение и гордыня — свидетельствовали не только о дурном воспитании. Плохо организованная речь, чем страдало подавляющее большинство политических деятелей, объективный показатель весьма посредственных ресурсов головного мозга.

Уйдя в себя, Ратмир невольно пропустил мимо ушей нудные пассажи заправилы «Зенита». Основная суть, впрочем, вычленялась элементарно: «юридическая сторона».., «не для телефона».., «с глазу на глаз».

— Хорошо, приезжайте завтра, где-то между одиннадцатью и часом,— поспешно сказал Ратмир, воспользовавшись паузой. В приципе он мог бы назвать любое другое время, но как вышло, так вышло. Все равно ничего не получится. Ему не везло с частным бизнесом. Попадались в основном невежественные пустозвоны,

а то и просто мошенники. Договор, заключенный с украинским товариществом «Сокол» на издание собрания сочинений, исчерпал себя на втором томе. Денег, как водится, не заплатили. Авторское право приказало долго жить вместе с Союзом.

Разумнее всего было бы сразу отшить, но не позволила врожденная деликатность.

Ратмир попытался вернуться к незаконченной фразе, но так и не смог вспомнить, как намеревался ее завершить. Рабочее настроение улетучилось. Он включил телевизор, прослушал известия, от которых стало еще тягостнее, и, чтобы занять себя, начал разбирать книги. Отперев закрытую полку, где хранились сочинения мистиков, вроде Мейстера Экарда и Сведенборга, он перелистал, выискивая особо примечательные места, несколько томиков. Устремленные глубоко внутрь мысли не позволяли сосредоточиться, и отмеченные закладками страницы показались невыносимо скучными. Взяв стремянку, он полез на самый верх и, перебрав добрый десяток пыльных фолиантов, остановился, наконец, на «Пемандре» Гермеса Трисмегиста, редком экземпляре, отпечатанном в Армении ничтожным тиражом. Сентенция насчет духов, обнимающих своими кругами чувственный мир, пробудила цепь ассоциаций, которая пошла ветвиться, захватывая внешне далекие, но изначально родственные понятия: «Плерома», «София», «Олам», «Великая пустота», «Логос». Боясь упустить нить, Ратмир устроился на диване и торопливо черкнул несколько ключевых слов. Неожиданное развитие темы настолько увлекло, что он провозился далеко за полночь. Ощутив приступ голода, отправился на поиски, хоть и знал доподлинно, что кроме пары яиц в холодильнике ему ничего не светит. Тем не менее, посчастливилось отыскать окаменевший ломоть лаваша и кусок пожелтевшего масла в серебряной обертке. Утонченный гурмэ, Борцов умел и когда-то даже любил готовить. Однако предоставленный самому себе, обленился, пробавляясь тем, что подвернется под руку. Молоко, хлеб и картошка стали его каждодневной снедью. Изредка он разнообразил ее связкой бананов или баночкой консервированной кукурузы. В ларьке рядом с домом можно было найти фрукты, не виданные прежде в Москве: манго, кокосы, нежно-розовые клементины. Прожив в тропиках общим счетом без малого

три года, Ратмир равнодушно взирал на редкостные деликатесы, но не пропускал случая взять папайю и авокадо.

Он все реже покидал дом, суеверно стремясь не отрываться далеко и надолго. Так, выбегал раз-другой на неделе, когда кончались продукты. Запасаться на более долгий срок явно не стоило: хлеб покрывался зелеными пятнами, а молоко прокисало.

Сузился круг общения, а вместе с ним — и личные потребности. Театры, концерты, выставки, рестораны тем паче — все осталось в том далеке, где, бледнея в молочном тумане, таяли дорогие черты. Множественность бытия сжималась в черную точку, от которой, как в упражнениях по трансцендентному погружению, нельзя было повести взгляд.

«Яблочко мишени, где засчитывается одна десятка,— сверкнула, вызвав легкий озноб, аналогия.— Все прочие круги — «молоко».

Надо было что-то решать...

«Молоко» мишени и «молоко» тумана навеяли образ тривиальнейшего литрового пакета. Материализовать его, к сожалению, не удалось. Холодильник, из солидарности с хозяином, следовал путем «Великой пустоты».

Бренная плоть грубо напомнила о себе.

Недолго думая, Ратмир размочил краюху под краном и сунул ее в коротковолновую печь, затем вылил в поллитровую банку содержимое обоих яиц, добавил масла, слегка подсолил и опустил непритязательный сосуд в кипящую кастрюлю Вскоре масло растопилось, мутный белок пополз облачными завитушками и получилось изысканное блюдо. Остаток масла пошел на поджаривание набухшего сухаря. Недоставало только зеленого горошка.

Ратмир уснул, не выключив лампу, с раскрытой книгой Апулея в руках. Он очутился на пустынных улицах незнакомого города и долго блуждал по глухим закоулкам, пока не выбрался на широкий простор, где, озаряя ночь, били огненные струи фонтана. Коронованная Кибела на колеснице, влекомой парой львов иберрийских, предстала пред ним, как Венера пред Луцием, превращенным в осла. Разноцветные блики играли на ее высоком челе, одухотворяя холодный мрамор.

Как слезы нечаянной радости и вечной скорби, стекала в кипящую чашу живительная влага.

Уходящая за ночной горизонт память успела шепнуть про Мадрид и «Plaza del Cebeles» [1]. В раздвоенности вещего сна он помнил о том, как сидел под оливами римского форума, глядя в темную яму, где лежали разбитые камни храма Фригийской богини. Помнил, как спешил, оказавшись в Мадриде, на эту площадь. Как просил остановиться, когда ехал в аэропорт по грохочущей Алькала. И Великая Мать обещала всякий раз новую встречу. Сбросив оковы причин и следствий, он уносился по спирали магнитных линий в тот единственный город, где в игре превращений перемешались улицы всех городов: Мадрида, Харькова, Нью-Йорка и Мекки. Памятники, храмы, небоскребы, лачуги — россыпью кубиков разлетелись они в сумеречных плоскостях запредельности. И не сложить в единое полотно фрагменты рисунка на гранях, не составить хотя бы словечко из букв.

Ратмир задыхался, пытаясь разобраться в хаотическом скоплении стен и ландшафтов. Где-то там — за паутиной стритов, авенид и гассе, за стальными фермами, переброшенными через морские заливы, бамбуковыми мостами зачумленных клонгов, ждала его Ника. Нужно было только определиться в координатах потустороннего зазеркалья. Высмотреть тайное место в нагромождении глетчеров и песков, в калейдоскопе чердаков и подвалов. Колотилось сердце, наполненное неизбывной тоской, подсказывало, что она где-то здесь, где-то совсем рядом, в одном мгновении полета.

И когда участившиеся толчки уже рвали сонные артерии и яремные вены, в воспаленном мозгу беззвучно сложились слова: «Veni, Eligor, in virtute immortales Eloim».

Ратмир пробудился, ощущая изнуряющие толчки аритмии и головную боль. Тошнотворное чувство безысходности захлестнуло его, не давая опомниться, но сразу, резанув холодным дымом рассвета, пришло осознание беспощадной реальности.

Не изменить, не примириться. Выход напрашивался сам собой и кажущаяся доступность его позволяла

[1] Площадь Сибелис (*Кибелы*).

вставать по утрам и покорно плыть по течению Сантаны.

От сонных видений сохранились разрозненные клочья. Но и они таяли от усилия вспомнить, как иней. Нащупав на груди раскрытую книгу — она лежала обложкой вверх — Ратмир подумал, что видение могли навеять апулеевы «Метаморфозы». Он почти наизусть помнил чарующий монолог Афродиты-Венеры, которая, прежде чем назваться истинным именем Исиды, открыла свои ипостаси: Астарта, Рампузия, Кибела...

И тут, как разболтанный репродуктор, что внезапно заговорил и умолк, прозвучала откуда-то изнутри та латинская формула.

Ратмир невольно повторил ее вслух и тотчас спохватился, что во что бы то ни стало нужно узнать, что собой представляет этот Eligor, вовсе ему неизвестный. Вскочив с постели, он, как был, метнулся в кабинет, где в отдельном шкафу стояли всевозможные справочники. Ключ к поискам подсказывало имя Eloim (очевидно, ветхозаветный Элохим). Однако ни в одном из библейских словарей не нашлось ничего хотя бы отдаленно похожего. Ни архимандрит Никифор, ни Нюстрем, ни Кнаур, ни Гиллей о нем даже не заикались.

Ни в школе, ни в институте, где обучался Ратмир, латынь не преподавалась. Он осилил ее сам, вне грамматических правил, и кое-как разбирал нужные тексты со словарем. Магическое заклинание, впрочем, в словаре не нуждалось.

«Пришел Элигор, в могуществе бессмертного Элохима»,— само собой переложилось в голове. После недолгой редактуры получился улучшенный вариант: «Явился Элигор, силой бессмертного Элохима».

«Может, не явился, а явись?» — засомневался Ратмир, доставая латинско-русский словарь. Расширив свои языковые познания (immortalis давалось в трех значениях: бессмертный, вечный, бесконечный), он остановился на «вечном» и еще раз проверил на слух: «Явись, Элигор, по воле вечного Элохима!» И тут сработало стилистическое начало. «Явись, Элигор, по воле **предвечного** Элохима!» — интуитивно сложился окончательный текст.

Книги, перо и бумага — они одни позволяли забыться. Пусть ненадолго. Хотя бы на час. Так было, когда умерла мать, а следом за ней — отец. Вот и теперь Рат-

мир пытался вырваться из порочного круга. «Если нельзя действовать, то хотя бы не думать, не думать, не думать...»

Его душевное состояние приблизилось к той крайней черте, за которой кончается власть здравого рассудка. Явись сейчас этот Элигор, ангел он или демон, Ратмир ничуть бы не удивился, а бросился бы ему в ноги, моля о помощи. Так пораженный смертельным недугом больной, от которого отказались врачи, кидается сперва к тибетским лекарям, потом к экстрасенсам и ворожеям.

Но Элигор остался глух, полагая, возможно, что существует все-таки разница между научными изысканиями и целенаправленным вызовом. Произнесенное всуе имя не способно приоткрыть дверь в мир духов. Ту самую, что «не на запоре», как выразился Фауст. Существует, наконец, определенный порядок, ритуал.

Разумеется, Борцов был далек от того, чтобы начертать магический круг. С юных лет увлекшись мистическими учениями, он и теперь оставался вдали от любого вероисповедания. Однако его просвещенный и уважительный атеизм, окрашенный пантеистическими предчувствиями, не был свободен от малой толики суеверий. Собственный психический опыт подсказывал, что сакраментальный вопрос философии еще очень далек от разрешения. Да и на Востоке Ратмиру посчастливилось столкнуться с феноменами, которые никак не вмещались в сугубо научную картину мира. Но, если и существовали неведомые силы, то проявлялись они на тончайшей, едва уловимой грани, всякий раз оставляя место сомнению.

Находясь под впечатлением прошлых ночей, когда любимая приходила к нему живой, невридимой, он не мог не сознавать, что это подсознание, освобожденное от дневных оков, проецирует слабый, еще трепещущий огонек надежды.

Разве не так, хоть и все реже с годами, являлись ему мать и отец? И он страдал от непонимания: где они были все это время? Где был он сам, живя вдалеке от них?

Давешний сон, однако, стоял особняком. От него и впрямь веяло провидческим откровением, когда подхваченная космическим вихрем душа по острому лезвию скользит в неизведанное. Что там, за линией последнего горизонта? «Вечное теперь» или душевный

надлом? Всепроникающий свет или черная дыра, куда провалится Орфей, ища свою Эвридику?

«Элигор, Элигор — вертухай загробного ГУЛАГа... Какой Кербер стережет нынче Аид?»

В «Энциклопедии волшебства и демонологии» американца Роббинса такого имени тоже не оказалось. Поиски явно зашли в тупик. Что ж, ячейки мозга, тасуя реальные образы, развертывают их в невероятных сюрреалистических сочетаниях. В искаженную формулу — ведь четко запомнилось «Элоим», не Элохим? — вклинилась ровным счетом ничего не значащая комбинация; лишенная смысла фонема, квазиподобная бесовской кличке. Отделаться от занозы, гвоздящей башку, оказалось намного труднее, чем придумать рациональную гипотезу.

Пребывая в муторном беспокойстве, Борцов не терял ясности мысли. Самозатачивающаяся бритва Оккама, обкарнав лишнее, свела к простейшему, а значит, и наиболее верному объяснению.

Несомненно, он уже где-то встречал инфернальную кличку. Собирая материал для книги «Корона Денницы», ему пришлось перелопатить груды гримуаров всяческих чернокнижников. В библиотеке ли Ватикана, в парижском арсенале, Гранаде и Лондоне, Монте-Кассино и Тепле — где-то ж оно промелькнуло, не затронув внимания? И было взято на учет недреманным регистратором? Не Сфинкс, но Аргус, живущий внутри, задает роковые загадки. И все эти духи, выкликаемые из мелового круга, и тени Дуата на последнем дыхании — фантомы внутреннего «я».

— Кто же ты, шут и теург? — Ратмир незаметно заговорил вслух. — Часть меня или бдительный страж, приставленный Абсолютом?

Возможно, автор «Короны Денницы» — книга принесла кратковременный всплеск славы и долгую полосу неприятностей — все ж получил какой-то ответ. По крайней мере, ему пришло в голову, что стоит основательно порыться в книгах по колдовству. Они занимали четыре полки. Наиболее ценные, дореволюционные, издания хранились за закрытыми створками, прочие — за стеклом. В основном это были дешевые томики в мягкой обложке, привезенные из зарубежных поездок. Большие иллюстрированные альбомы, преимущественно на английском, лежали в отдельном ящике.

Ратмир приобрел их по сейлу в Амстердаме, чуть ли не все скопом. Любовно скользя пальцами по лакированным суперам, он наткнулся на черный с золотом корешок. Как мог он забыть про «Grimoires et Rituels Magiques» [1] — жемчужину своей библиотеки! Ника отыскала это сокровище на лотке букиниста, что расположился на набережной Сены, как раз напротив Нотр-Дам...

Наметанному глазу библиофила не составило труда обнаружить искомое сочетание литеров.

Eligor оказался двенадцатым из восемнадцати офицеров преисподней. Кем-то вроде флигель-адъютанта при дворе императора Люцифера. В этой иерархической пирамиде Баалзебуб считался принцем, Астарот — гран дюком, великим герцогом.

Решение загадки принесло облегчение. Ратмир удовлетворенно вздохнул и прищелкнул пальцами, как делал обычно, заполнив последнюю клетку кроссворда.

«Donner Wetter!» [2] — он совершенно забыл о назначенной встрече.

Стрелки часов, между тем, готовы были сомкнуться у полуденной черты.

Наскоро умывшись, он побрился, затем, так же второпях, оделся. Пока размышлял, что предпринять дальше — вскипятить чайник или убрать с ковра газеты (по преимуществу рекламные),— визитер уже звонил в дверь.

Свою фамилию Петр Иванович не назвал, или, что тоже не исключено, Ратмир пропустил ее мимо ушей. Обутый в цветные кроссовки на толстой подошве, что так не вязалось с его кирпичного цвета блейзером, он ожесточенно зашаркал по ворсистому половичку и даже сделал попытку разуться. Ратмир отрицательно помотал головой и предложил без церемоний пройти в гостиную.

Заморские редкости на обшитых красным деревом стенах произвели неизгладимое впечатление. Отдуваясь и подхихикивая, гость разглядывал скульптуры, змеиные кожи и маски. Потом попросил разрешения потрогать подвешенный вместе с колчаном бамбуко-

[1] Гримуары и ритуалы магии (*фр.*).
[2] Черт возьми! (*нем.*)

вый арбалет племени мьонгов. Пуще всего его заинтриговали шкура леопарда и чучело крокодила.

— Сами подстрелили? — спросил, отирая рукавом блинообразное бабье лицо.

— Купил у охотников, — сдержанно проронил Ратмир. В прежние времена, да с иным собеседником он был куда более щедр на рассказы. За каждым предметом, будь то фигурка бога смерти из Новой Гвинеи или обсидиановый нож, которым ацтеки препарировали свои жертвы, скрывалась почти детективная история. Кое-что попало в печать, но самое сокровенное еще ждало своего часа.

На папирусы с изображением крылатой Исиды и нагой, усыпанной звездами Нут Петр Иванович не обратил внимания.

— Да, здорово вас помотало по свету! — он уселся за стол, широко растопырив колени, и, наклонясь к Ратмиру, доверительно подмигнул: — Побеседуем, Алексаныч?

— Побеседуем, — не удержался от улыбки Борцов.

— Значится, вот какая раскладка... Американцы намерены экранизировать ваше творение. Вы, надеюсь, не против? Тыща-другая зелененьких всегда кстати. Верно говорю?

— О чем конкретно речь? Какой именно роман?

— Да этот... «Чертог фараонов». Небось, в Египте будут снимать?

— А вы, ваша фирма, простите, при чем?

— Очень даже при чем! — Петр Иванович вновь подмигнул, покрутив номерными колесиками, приоткрыл кейс и ловко выхватил оттуда бронзированную карточку с изображением спутника, отсвечивающего металлической синью. — «Зенит»..,— взяв шариковую ручку, он зачеркнул какие-то цифры и вписал новые.— У нас факс поменялся... Так вот, «Зенит», возможно, тоже примет участие. Герой-то ваш русский? Здорово вы там все прописали! Экстра-класс!.. Понимаете?

— Не совсем.

— Ну, как же! Обычное дело: совместный фильм. Мы же на виртуальном дисплее собаку съели. Как в песне поется, впереди планеты всей.

— Понятно... И что, поступило конкретное предложение?

— Пока на стадии переговоров. Сейчас нам что ва-

жно? Во-первых, заручиться вашим согласием и, во-вторых, установить личный контакт. Мы вам поможем, вы нам подсобите. Как же без этого?

— И что лично от меня требуется? Уступить права?

— Пока ничего. Только доброе отношение. Лично я очень вас уважаю и все ваши книжки читал. И сынишка мой увлекается... А вот американцы-то ребята лихие. Им палец в рот не клади. Так что, когда они на вас выйдут, вы уж, пожалуйста, звякните. Не сочтите за труд. Договорились?

Борцов только плечами пожал. Истинной цели визита он так и не понял.

Проводив Петра Ивановича до двери, он бросил фирменную визитку в ящик стола, где в полном беспорядке, вперемешку с канцелярской дребеденью, валялись карточки всевозможных цветов и форматов.

Минет неделя-другая, и он напрочь позабудет про мифических американцев и про подмигивающего гендиректора виртуальной реальности. В отличие от прежних, этот хоть проценты не выговаривал. Но кончилось, как всегда, пшиком.

«И черт с ним».

Ночью Борцову привиделось, что он избран членом-корреспондентом Архитектурной академии. Ни с какой стороны он к цеху зодчих не принадлежал. Удивляло другое: сумма взноса в 460 000. При этом двести тысяч обеспечивал какой-то спонсор, а шестьдесят — почему-то Михалков. «Как хочет, так и тасует информацию, подлец»,— отозвался Ратмир в собственном мозгу.

АВЕНТИРА ВОСЬМАЯ

МЕХИКО, МЕКСИКА

Через восемь месяцев после скандального развода Долорес Монтекусома Альба решилась, наконец, оставить фармацевтическую фирму на Одесской улице и продать квартиру в большом кондоминиуме на бульваре Агуа Калиенте. Соседство с двумя стеклянными башнями пятизвездного отеля «Фиеста Американа «Тухуана» позволило выручить хорошие деньги. За по-

следний год цены на землю в этом районе выросли почти вдвое.

Яго-Роберто, ее бывший муж, великодушно отказался от своей доли и поспешил поскорее смотаться в Тампико, где его ожидал пост вице-президента солидной компании со всеми вытекающими отсюда соблазнами. Он был кровно заинтересован поскорее завершить все формальности и обвенчаться со своей новой пассией, дочерью будущего патрона. Никакой любовью здесь и не пахло, хотя — Долорес вынуждена это признать — у соперницы было еще одно неоспоримое преимущество: молодость. Яго-Роберто находился именно в том возрасте, когда мужчины особенно падки на только что расцветший бутон.

«Идиот! — Долорес чувствовал себя опоганенной.— Хотела бы я поглядеть на него лет через десять!»

Она тяжела переживала и саму измену, далеко не первую в их семилетнем браке, но еще труднее ей было смириться с бесповоротным разрывом. Она считала себя много интереснее этой пустоголовой шлюшки, которая испробовала, наверное, все на свете, включая наркотики. Первое время еще сохранялись иллюзии. Ей казалось, что муж вскоре одумается и приползет назад на коленях. Но дни проходили за днями, а Яго-Роберто не подавал о себе вестей. Даже с днем рождения не поздравил. Острота смертельной обиды слегка притупилась, и Долорес стала задумываться над тем, как жить дальше. От отца она унаследовала заброшенную гасиенду на Юкатане и добротный дом в старо-испанском стиле в Тустла Гутьерес — столице древней Чиапы. Она слишком любила свой утопающий в зелени деревьев «Паласио де Луна», где родилась и провела лучшие годы, чтобы обратить его в деньги. И как поступить с Габриэллой, которая сорок лет прожила в семье, вынянчила ее, Долорес, и закрыла глаза дону Игнасио, отцу?

Так возникла мысль о переезде: собственность нуждалась в присмотре. Но тут же появились сомнения.

Работа обеспечивала, пусть скромный, но надежный достаток. И это была по-настоящему увлекательная работа. Оказавшись в положении брошенной жены, Долорес отнюдь не собиралась ломать карьеру. Лаборатория стала ее последним прибежищем. Квартира, где все напоминало о не таком уж безоблачном прошлом,

наводила кладбищенскую тоску. В узком кругу исследователей психотропных веществ доктор Альба стала известна главным образом по статье в «Nature», посвященной ацтекским галлюциногенным грибам. За ее публикациями начали следить не только в научном мире. Наркотические вещества, которые извлекались из кактусов, наряду с токсинами из лиан и лягушек кокои, уже давно находились под прицелом военно-промышленного комплекса и преступного мира. Совершенно новые горизонты открылись перед Долорес, когда она занялась актиномицетами — микроорганизмами с чертами грибков и бактерий. Из материала, собранного в древних захоронениях, ей удалось выделить новый класс веществ, близких к эндорфинам мозга. По своему воздействию на человеческий организм они далеко превосходили магические снадобья ацтеков.

Всего три капли пятипроцентного раствора препарата AMZ-101 вызывали мгновенную каталепсию. На несколько часов человек уподоблялся трупу. Лишь с помощью высокочувствительных приборов удавалось зафиксировать три-четыре сердечных сокращения в час, а зрачки совершенно не реагировали на свет. При этом сохранялась способность слышать и понимать все, что происходило вокруг. Внешне аналогичные проявления наблюдались и под воздействием циклопептидов, экстрагированных из сапрофитов колумбийской сельвы. Долорес возлагала на них особенно большие надежды.

В таком состоянии душевного разброда, когда она не знала, на что решиться, но и оставить все, как есть, не могла, ей протянула руку помощи Гвадалупская Богоматерь. Долорес не была ревностной католичкой, но, оказавшись по делам фирмы в Гвадалахаре, зашла в переполненный паломниками собор. Просила ли она Пресвятую Деву, или та сама разобралась в метаниях покинутой женщины, но только в тот же вечер, на приеме у профессора Сантоса, старого друга семьи, Долорес встретилась с Альфонсо Фернандесом. По его словам, он не только жил поблизости от их дома, но тоже знал дона Игнасио — кто не знал его в Тустла Гутьересе? — и слышал, чем именно занимается сеньора Долорес. Он проявил неподдельное участие и, слово за словом, они незаметно пришли к общему мнению, что ей

просто-таки необходимо вернуться на землю предков. Тем более, что в Тустла Гутьересе недавно открылся исследовательский отдел университета Кларка, где для дочери дона Игнасио будут созданы все условия. В этом доктор Фернандес нисколько не сомневался, так как средства уже отпущены, а возглавить новый центр предложено лично ему.

Весь устремленный в будущее, он с удивительной легкостью набрасывал далеко идущие планы и вообще получалось так, что это не он ей, а, напротив, она, Долорес, оказывает неоценимую услугу Фернандесу. Давно она не чувствовала себя так уверенно и свободно.

Какие могли быть сомнения, если все, как по мановению волшебной палочки, разрешилось само собой? Ей обрыдли притворные вздохи и злорадные сплетни. А настороженные взгляды замужних подруг? С чего бы это, интересно? Или вновь увидели в ней женщину, способную вскружить голову их проказливым, но трусливым мужьям? Дивное состояние! Она больше не чувствовала себя униженной и несчастной. Плевать она хотела на вечеринки с поцелуями в щечку, игривыми намеками и недвусмысленными поползновениями под скатертью. Расстаться с Мехико оказалось на удивление легко.

Поставив крест на приятельских посиделках, куда, кстати, ее приглашали все реже и реже, Долорес допоздна засиживалась в лаборатории: не хотелось начинать на новом месте с нуля. В считанные недели удалось выделить в чистом виде и получить несколько граммов альфа- и бета-аманитинов. Особо токсичный фаллоидин (смертельная доза не превышала десяти миллиграммов) для задуманной серии опытов не подходил, но представлял интерес с позиций стереохимии.

К удивлению и радости Долорес, шеф разрешил ей взять почти все вещество. Раньше за ним не замечалось подобной щедрости. Долорес решила, что он слишком заинтересован в продолжении совместных исследований, чтобы скаредничать себе в убыток. Оборудование, которым располагал университет Кларка, позволяло производить разделение смесей со значительно большей скоростью и чистотой.

Прежде чем подписать контракт, она дотошно все выспросила у Фернандеса, оговорив каждую мелочь. При всех обстоятельствах авторство сохранялось за

ней, а на процентах с возможных прибылей они сошлись к обоюдному удовольствию.

Доктор Монтекусома Альба, как обычно, задержалась после работы в лаборатории. Хотелось до отъезда закончить серию опытов с гетеротрофами, привезенными из последней экспедиции в Колумбию. Там, на раскопках пирамиды, погребенной в непролазных дебрях великой сельвы, ей удалось проникнуть в гробницу вождей или, быть может, жрецов неведомого народа. Пока археологи возились с мумифицированными трупами, озаряя вспышками тысячелетнюю тьму, Долорес раскрыла лабораторный чемоданчик и занялась привычным сбором материала. Нет, ее не оставили равнодушной усохшие тела в базальтовых саркофагах, нефритовые маски, скрывавшие зловещий оскал зубов, и золотые браслеты с магическими знаками на черных, как эбеновое дерево, запястьях.

С детских лет она ощущала таинственное притяжение прошлого. Не только имя, но и семейные предания связывали род Монтекусома Альба с последним ацтекским императором Монтесумой, Монтекусомой. Наверное, в этом было столько же истины, сколько в прямой причастности к железному герцогу, поработившему Нидерланды. Одно бесспорно: на генеалогическом древе Долорес можно было найти и конкистадоров, и новообращенных индейцев. Палачей и жертв. Кончa, ее индейская прабабка, умерла на сто тринадцатом году жизни, когда Долорес еще лежала в пеленках.

В отцовском кабинете висел портрет кисти местного самоучки-примитивиста. Он изобразил Кончу молодой девушкой в кружевном платье, готовом лопнуть под напором тугих округлостей. Долорес знала, кому обязана своими сросшимися бровями и этим носиком ацтекской принцессы.

Ни профессор Торрес, руководивший раскопками, ни, тем более, сама Долорес ничего не знали о вождях, опочивших под ступенчатой пирамидой. Но уже сама пирамида была знаком кровного причастия к духам земли.

Эту землю, этот магический прах и собирала доктор Альба в свои стерильные пробирки, которые, дабы не проникла посторонняя микрофлора, тут же, на месте запечатывала. Она брала пробы в самых разных местах: подкапывала грунт, снимала со стен, осторожно

соскребала с костяшек, обтянутых закопченным пергаментом кожи.

Но первым делом, прежде чем он смешался с душной испариной сельвы, пришлось закачать в герметические цилиндры мертвенный воздух склепа. Вот почему ей так важно было в числе первых проникнуть в мрачное подземелье, где под ногами хрустели кости жертв, стерегущих покой усопших владык.

«Их души давно в Шибальбе...»

— Думаю, не менее двух тысяч лет,— проронил Монтеро.

Сапрофиты [1], возможно, еще не известные микробиологам, они одни протягивали невидимые нити жизни в этом сумеречном покое, где замерло время. Делились хромосомы; вытягивались, образуя тонкий перешеек, и отрывались друг от друга клетки, хранящие бесценный генетический материал.

Эту вымороченную жизнь необходимо было сберечь и продолжить в лабораторных автоклавах.

Долорес подняла застекленную раму тяги и, склонясь над штативом, осторожно приоткрыла краник бюретки. В плоскую чашку Петри закапал зеленоватый раствор. Мерный рокот вентиляционного мотора сопровождал падение опалесцирующих бусин, изредка сливавшихся в струйную нить.

Внезапно погасли люминесцентные трубки под высоким потолком и смолк, издав короткий скрежещущий всклип, вентилятор под стеклянной рамой тяги. Мерседес испуганно ахнула и провалилась в глухую тьму, так и не успев понять, отчего отключилось питание.

Она падала и падала, постепенно теряя ощущение плоти, пока не зависла в головокружительной невесомости. Затем начался сначала медленный, но постепенно набиравший скорость подъем. Затерянная в беспросветной бездне, она каким-то образом ощутила, что окружающее пространство сомкнулось в туннель, вроде того узкого лаза под пирамидой. Ни там, в сельве, когда на раскопанных террасах обнажились камни

[1] От греческого sapros — гнилой, и phiton — растение. Микроорганизмы, разлагающие трупы, и отмершие растительные остатки.

в мертвой хватке корней, ни теперь — в безвременье кромешной ночи, она не знала, чем закончится ее путь. И так же, как тогда, далеко впереди загорелась звезда. И свет ее был во много раз ярче, чем лампа на каске Монтеро, и не расходился лучами. Он стремительно прибывал, расширяясь в объеме, пока не заполнил всепроникающим сиянием все сущее.

Долорес окунулась в него, как в воду, нагретую до температуры тела. И этот нездешний, неописуемый свет, не ослепляя глаза, влился в нее и нежно омыл всю целиком, изнутри и снаружи. Хрустально-прозрачная и нагая, она и сама превратилась в золотой ореол.

И распахнулись бескрайние дали, где нет ни верха, ни низа, и все времена — прошлое и грядущее — слились в непреходящем миге.

«Пятое солнце» — было имя этого бога.

Альба, казалось, заранее знала ответ на любые вопросы, но какая-то недосказанность удерживала ее, мешала исчезнуть в кровавых протуберанцах бушующей плазмы, как исчезает в волнах океана капля дождя. Без сожаления и следа.

Она видела горы, что выше Кордильеров и Анд, и ей было дано пролететь сквозь их толщу, как ветер сквозь ветер. Ей не могли помешать ни вулканы, изрыгающие камни и пепел, ни черные остеклованные пески, прорезанные руслами адских рек, в которых легко, как вода, бежала раскаленная лава.

Утратив телесный облик, Долорес проносилась сквозь непролазные дебри, где в малярийном чаду свивались исполинские змеи, и стены из каменных плит обретали прозрачность стекла перед ее бесплотным всевидящим оком.

Вид окровавленных тел, с которых сдирали кожу, так же мало смущал ее дух, как оргия вокруг жертвенного сенота [1], где в немыслимых позах греха перемешались люди и звери. «Дом пыток», «Дом каменных ножей» — макабрические дворцы Шибальбы, ступенями пирамид вознесенные над мирской скверной,— тоже не для нее. Она уже прошла приемные испытания.

Тускнело и меркло дивное сияние, проницавшее суть и плоть. Набросив на роскошные плечи мерцающее покрывало Млечного пути, Никта — владычица

[1] Ритуальный колодец.

Ночи — выплывала на небосвод, и бок о бок с ее челном покачивалась ночная барка Нут. «Змей туч» Мишкоатл, их младший ацтекский брат, уже зажег мигающие огни, обозначив фарватер. Мудрый бог чисел и звезд, он исчислил место и время каждой эфемериде от начала мира и до скончания лет.

Все боги — Единый Бог. Семь тихих звездочек в венце Мадонны указали Долорес дорогу на Запад. Весь в электрических сполохах горизонт обозначил границу подлунного мира. Россыпью елочных украшений переливался бессонный город. Растянувшись вдоль побережья гирляндами улиц, он любовался своим отражением в черном лаке океана, где плясали под перестук черепов разноцветные змеи Коэтликуэ.

Хозяйка земли и смерти властно звала в свои объятья, разбрызгивая капли жертвенной крови на все четыре стороны света. В сплошные полосы сливались стоп-сигналы машин на грохочущих автострадах, рубиновые светлячки зловеще подмигивали с плоскостей самолетов, ходовыми огнями вперивались друг в друга суда. Телевизионные мачты, газгольдеры, крыши высотных отелей — всюду рдели зловещие знаки.

Долорес увидела свое отражение в глубине зеркального стекла: плиссированный тюльпан короткого платьица из черного шифона, жемчужная заколка, тяжелые серьги до плеч. Она выглядела потрясающе. Прическа, макияж, выгодно подчеркивающий высокие скулы и, сегодня особенно, неистовые глаза. Мастер, которого ей рекомендовали, потрудился на славу.

На фоне сластей, изобильно разукрашенных кладбищенской символикой, в ее лице проявилась та самая, бесовски притягательная, ассиметрия, которую ухитрился поймать пеон, рисовавший Кончу. Откровенно любуясь собой, сеньора Альба не оставила без внимания и шедевры кондитерского искусства: облитые сахарной глазурью черепа с кремовыми сердечками, шоколадные катафалки, веселые скелетики из цветной карамели. Торты вообще были вне всякой конкуренции. Склепы со скорбящими ангелочками и опрокинутыми факелами, вороны, совы. Потрясая грозными символами страшного суда, купались в волнах клубничного конфитюра всадники апокалипсиса. На могильном холмике из зеленого марципана плясала в обнимку парочка влюбленных покойников.

Мексиканцы вообще довольно своеобразно относятся к смерти. Но то, что ежегодно творится на улицах первого ноября — в день всех святых, граничит с повальным безумием. По крайней мере, так кажется иным иностранцам, далеким от обычаев древней страны, что собственной кровью вспоила богов. Они ушли глубоко под землю, каменные идолы с клыками ягуаров и жалами змей; свившиеся в клубок оперенные анаконды; исчадия ада с орудиями пыток в когтях. Мечом разрублена цепь времен. Крестом запечатана гайна. Навечно сомкнуты тяжеловесные уста циклопической головы, оплетенные цепкой лианой. И череп из горного хрусталя, пронизанный пузырями, издевательски скалится в мертвенном свете музейных ламп. Пусты провалы глазниц и стиснуты зубы, выточенные, вопреки всем канонам кристаллографии, из цельного куска.

О чем грезила доктор Монтекусома Альба, стоя у витрины кондитерской в мистическую ночь всех святых? Что-то странным образом переместилось в ее памяти. Произошло некое раздвоение, похожее на тревожный сон. Причем, не обязательно кошмарный. Напротив, видения могут оказаться на диво желанными, но непонятное беспокойство не дает безоглядно отдаться их власти. Словно знаешь заранее, что такое уже было однажды.

Переждав легкое головокружение, Долорес взяла себя в руки. Она просто перетрудилась. Они с Яго-Роберто совершенно правильно сделали, что вырвались на неделю в Акапулько.

Дивное море и карнавал в самом разгаре... А от такой прически, как у нее, можно сойти с ума. В Мехико она не могла бы позволить себе полтора часа провести в кресле. Вытянув руку, Долорес мимолетно глянула на свежий лак ногтей и вдруг вспомнила, что, собственно, привело ее в эту соблазнительную лавчонку. Сентиментальная причуда, не более. Увидев у маникюрши пряничное сердце с перекрещенными костяшками из миндаля, она подумала, что после семи лет брака ей стоит напомнить Яго-Роберто о безоблачных днях в Лагуне де Монтебелло.

Долорес вошла в кондитерскую, наполненную жизнерадостным хохотом юных парочек и умопомрачительным запахом ванили.

Показав на приглянувшийся ей марципановый че-

реп, она попросила украсить обсыпанную кокосом маковку все еще милым именем. Не сердце, но Адамову голову, с пожеланием долгих лет, подарит она мужу, как это водится у добрых друзей. Пожилая женщина за прилавком взялась прилежно выкладывать буквы кубиками цуката.

Из окна кондитерской хорошо была видна забитая гудящими автомобилями авенида, по которой, на манер слаломистов, выписывали головоломные кренделя мальчишки на роликах. Кто в устрашающей маске, кто просто с размалеванной рожей, гонялись они за голоногими ведьмочками, заглушая свистом и гиканьем вой одурелых клаксонов.

Приняв перевязанную креповой лентой коробку, Долорес с некоторой опаской перебежала на другую сторону, улицы где горела неоновая вывеска «Фиеста Американа Кондеса». Над крышей отеля взлетали дымные струи фейерверка. Сквозь окружающий грохот и гам пробивались звуки духового оркестра. Где-то совсем близко играли ламбаду.

И опять Альбе показалось, что жизнь, как заезженная пластинка, выводит ее на уже пережитую борозду. Словно они с Яго-Роберто после долгого перерыва вновь приехали сюда, в Акапулько, остановились в той же гостинице и должны повторить свои роли в когда-то отыгранном спектакле.

В каком именно, она, как ни силилась, не могла вспомнить, но смутно предчувствовала развязку пьесы, узнавая вновь и вновь декорации.

Стуча высокими каблуками по узорному мрамору, Долорес пересекла холл и вызвала лифт. Опустившись двумя этажами ниже, вышла в сад, где были накрыты столы для ужина. Возле стойки с аперитивом препиралась пожилая чета, а малость поодаль покачивалась еще одна фигура в траурном плаще и цилиндре мортуса. Похоже было, что сеньор успел основательно накачаться. Внимательно оглядев столики и не обнаружив мужа, Долорес перевела взгляд на сверкающие лотки, где прохаживались, набирая закуски, джентльмен в белом смокинге и морской офицер со своей дамой. Ярилось пламя, на котором повара в колпаках обжаривали истекающие соком куски мяса, официанты в общитых позументом фраках обносили бокалами с шампанским. Веселье было в самом разгаре. Усатые оркестранты,

придавленные тяжестью необъятных сомбреро, в поте лица наяривали все ту же ностальгически памятную ламбаду. Несколько пар уже вертели задами на танцевальном круге. Дробные вспышки, меняя цвета, выхватывали сладострастно трепещущие бедра и ходящие ходуном груди. Вперемешку с вечерними туалетами мелькали карнавальные костюмы.

Яго-Роберто нигде не было.

Метродотель провел Долорес к их столику и, смахнув со скатерти сиреневый лепесток магнолии, с поклоном удалился. Она водрузила коробку на середину стола и положила сумочку. По ее знаку бой принес радиотелефон, но на звонок никто не ответил. Закинув ногу на ногу, Долорес нервно закурила и, чувствуя, что начинает закипать, яростно раздавила сигарету. Сидеть в одиночестве на виду у всех было выше ее сил. Она притворно зевнула, прикрыв перчаткой ярко накрашенный рот, и с застывшей улыбкой, как модель на подиуме, ступила на мраморную дорожку, испещренную перистой тенью араукарий. За каменной аркой, выполненной в виде знаменитых «Ворот Солнца», простиралось поле для гольфа. Рассудив, что подстриженный газон не для ее туфелек из кожи игуаны, Долорес свернула на боковую аллею и вскоре попала в затемненную зону. Иероглифы созвездий едва угадывались в тенетах листвы.

Скорее угадав, нежели различив в глыбе мрака, острый контур согнутых колен, Альба невольно вздрогнула. Она **узнала** и это место, и этого идола, привезенного из Уксмаля. Владыка дождей забыл далекую родину, одурманенный влажным дыханием японских камелий. С последней каплей жертвенной крови иссякла его былая мощь и растрескались пересохшие недра. Теперь Долорес **знала** все наперед. Сначала она приблизится к Тлалоку, погладит шершавый камень и зерна слюды колюче сверкнут у нее между пальцев, потом... Небо жестоко подшутило над ней, ввергнув в замкнутую орбиту прожитого. Вольна ли она переиграть? Есть ли у нее свобода воли, в этом параллельном мире, где отстали часы?

Она не притронулась к лодыжке мертвого бога, но, обойдя его, выбежала на открытое место и увидела то, что уже было врезано в память ядовитой иглой.

Там, сразу за альпийской горкой, где цвели опунции

и агавы, начиналась огороженная колючим кустарником песчаная полоса с декоративными хижинами, если не шалашами, весьма далекими от жилищ мексиканских индейцев. Там же на потребу любителей экзотики были выставлены кое-какие предметы быта: кувшины из расписной керамики, каменные ступы и почерневшая от непогоды долбленная колода, куда больше похожая на свиное корыто, чем на каноэ. Под стать ей была и тростниковая лодка, весьма отдаленно напоминающая рыбачьи челны Титикаки. Эта плетеная посудина совершенно не годилась для плавания, но, как оказалось, была вполне пригодна для упражнений иного рода. Долорес не знала, кому принадлежат воздетые к восходящей луне ноги и серебряные босоножки на шпильках, а также трико с намалеванным скелетом. Как сброшенная кожа змеи, оно валялось на песке возле лодки, рядом с шелковым пиджаком. Этот предмет туалета был ей знаком и даже из дальнего далека она бы узнала оголенную спину, вовлеченную в возвратно-поступательное движение.

Бледная кожа (там, где кончался загар) отливала в лунном глянце трупной зеленью. Рвотный спазм перехватил дыхание. Долорес медленно опустилась на колени. Ничего не надо менять. Пусть и дальше все идет своим чередом. Как тогда, так и теперь.

Она осторожно отползла в сторону и затаилась за агавой, выбросившей длинную плеть соцветия. Первое действие определенно не требовало корректировки. Пересилив себя, дождаться конца, постараться рассмотреть шлюху и тихонько вернуться назад.

Сложнее было заставить себя воспроизвести финал спектакля. Отвратительный сам по себе, он, ко всему прочему, проходил на публике, при полном аншлаге.

Пожалуй, с Яго-Роберто она немного переборщила. Все-таки было много общих знакомых. Когда марципановый череп, как пушечное ядро, взорвался у него на лбу брызгами крема, все пережили мгновенный шок. Он тоже был в ступоре, как дерьмом, перепачканный шоколадом. Кто и когда рассмеялся первым, Долорес не заметила, зато хорошо помнила, что заключительное действо шло под гомерический хохот. Откуда взялась мокрая тряпка, которой она хлестала по щекам эту дешевку в костюме смерти, так и осталось за гранью. Может, салфетка из ведерка с шампанским?

И стыдно, и смешно...

«Хорошо, что это всего лишь сон, и жизнь нельзя повторить, и все проходит»,— успела подумать она.

Сеньора Монтекусома Альба очунулась от собственного крика. Не понимая, что с ней и где она, обвела глазами голые стены, пластиковые жалюзи громадного окна, молочный плафон на потолке. Это не могло быть продолжением сна, где до ужаса точно воспроизводилась реальная обстановка. Или сновидения вступили в новую фазу?

Она пошевелилась, ощущая разлитую в теле ломоту, и только тут увидела свисавшую капельницу, от которой тянулась трубка из прозрачного эластомера. Так и есть: рука перебинтована у локтевого сгиба, а это значит, что в вене торчит игла. И в правой ноздре тоже неприятно щекочет постороннее тело. Значит она попала в больницу, а все привидевшееся было всего лишь ночным кошмаром. От этой вполне здравой мысли напряжение схлынуло, и Долорес сразу стало легче. Разлетевшийся на куски миропорядок вновь сложился в стройную иерархию причин и следствий.

Теперь можно было перевести дух и попытаться восстановить оборванные связи. Она все еще плохо ориентировалась во времени и пространстве.

«И это пройдет»,— попыталась успокоить себя мудрым девизом царя-псалмопевца.

Найдя у изголовья звонок, Долорес закинула свободную руку и надавила кнопку. В палату вбежала сестра в туго затянутом халатике.

— Сеньора проснулась?— приветливо кивнув, она склонилась над койкой.— Как вы себя чувствуете?

— Еще не знаю... Кажется, ничего.

— Ну, и слава Богу. Теперь уже все позади.

— А что... случилось со мной?— с трудом ворочая набухшим языком, спросила Долорес.

— Вы были без сознания, когда вас привезли...

— И когда это было? Какое сегодня число?!

— Вам нельзя волноваться,— сестра поправила подушку и, приоткрыв жалюзи, прислонилась спиной к подоконнику. В сквозных лучах ее рыжие волосы вспыхнули ангельским нимбом.— Все теперь позади,—

повторила она, огладив крутые бедра.— Сейчас принесу вам завтрак.

— Но я совсем не хочу есть!

— Нужно, дорогая сеньора. Это придаст вам силы.

— Все же скажите, какой сегодня день?

— Вторник, сеньора... Вас доставили утром в четверг.

— Пять дней,— по пальцам подсчитала Долорес.— Так много?

Прошло еще три дня. Большую часть времени Долорес проводила в саду. Дремала, сидя в шезлонге с книгой, кормила голубей. Каждое утро сестра вносила новый букет и с многозначительной улыбкой поправляла завившуюся спиралью ленту, приоткрыв атласный уголок карточки.

— Можно подумать, что я роженица,— невесело усмехнулась Альба, принимая сразу две корзины дивных роз. Пунцовые, едва раскрывшиеся бутоны были от шефа, а белые, как снега заоблачных вершин,— прислал...

— И каждый считает ребенка своим,— сполуслова подхватила сестра.— Любовник и муж?

— Ни мужа нет, ни любовника... И отца тоже нет...

— Все впереди, сеньора.— Сестра чуть сдвинула кокетливую пилотку с вензелем госпиталя и, ловко выщипнув надломленный цветок, приложила к виску.— Идет?

— Отлично, Мерседес! Дайте я приколю вам эту,— Долорес выбрала самый яркий розан на длинной, с малиновыми шипами, ножке...

— Не полагается... Но все равно спасибо, сеньора. Мне жаль расставаться с вами.

— И мне, Мерседес. Мы подружились, правда?

— Доктор Мендоза ожидает вас к одиннадцати.

— Еще увидимся?

— Я приду попрощаться.

Долорес достала косметичку и занялась собой. Хотелось выглядеть, как тогда, в Акапулько, как в том удивительном сне. Доктор тоже мужчина. И приходится раздеваться...

Кабинет лечащего врача находился на четвертом этаже. Мендоза, длинноносый молодой человек с торчащим хохолком на макушке, отводя взор от перламутровой с темным соском чаши, приставил фонендоскоп и погрузился в ритмику желудочков и предсердий. Ни-

каких отклонений от партитуры не наблюдалось, но сеньора была так хороша и такое волнующее томление пробуждали ее духи, что мембрана в его руке задержалась под левой грудью несколько дольше, чем требовалось.

— Так, хорошо,— он прокашлялся и, зайдя к ней за спину, прослушал легкие.— И тут все в полном порядке... И здесь я вами тоже доволен,— заключил, проглядев распечатку, которую выдал серологический автомат.— Небольшое отклонение в биохимической формуле крови вызвано последствиями интоксикации. По крайней мере, я так полагаю... Теперь займемся главным.

— Душой?

— К сожалению, не по моей части, сеньора. Я както больше интересуюсь вашей головкой, мозгом то есть... Нервной системой, короче.

Простукав молоточком колени, Мендоза заставил ее проделать весь комплекс дурацких упражнений: развести руки, закрыть глаза и коснуться кончика носа, потом водить зрачками из стороны в сторону, следя за его пальцем. Не выразив на сей раз явного одобрения, вновь взялся за молоток и принялся выводить на ее спине и руках колдовские каракули. Долго приглядывался к порозовевшим следам, щупал печень и щитовидную железу.

— В общем, в пределах нормы,— изрек, наконец, приговор.— И я не вижу причин долее удерживать вас в этих стенах, донна. Можете одеваться.

— Спасибо, доктор.— Шагнув за ширму, она застегнула кружевной лифчик.— Значит, мне можно домой?

— Полагаю, что так. Я подготовлю все необходимые документы. И все же что-то меня беспокоит! Не могу понять, что именно, но определенно беспокоит...

— Отдаленные последствия? Галлюциногенная токсичность препарата оказалась значительно выше, чем я предполагала.

— Вы не можете сказать, что это за вещество?

— К сожалению, доктор. Коммерческий секрет фирмы. Я ведь только исследователь.

— В дальнейшем остерегитесь ставить опыты на себе.

— Вы же знаете, что это был насчастный случай.

— Да, вы так говорите... Отключилось электричество, остановился вентилятор, и вы вдохнули пары. Все так просто...

— Очень высокая летучесть. Все действительно просто.

— Псилобицин? Мескалин? ЛСД?.. Или нечто похуже?

— Боюсь, что похуже.

— Тогда почему вы работали без маски, моя ученая сеньора? Зачем сунули головку под тягу?

— У меня нет ответа,— Долорес завела руки за спину, подняла язычок молнии до самого верха и вышла из-за ширмы.— Глупо получилось, но кто мог знать?

— Что случится землетрясение и станция отключит сеть?

— Нелепое стечение обстоятельств.

— Придраться не к чему. Ваша безупречная логика свидетельствует о том, что с мозгом у вас все в полном порядке. И если бы не этот всплеск альфа-ритма на энцефалограмме... По-моему, нам стоит еще раз побеседовать с профессором Раппопортом. Не возражаете?

— Любимый ученик великого Дельгадо! Это честь для меня. Но я рассказала ему все, что только смогла припомнить.

— Все же давайте попробуем,— задумчиво покачал головой Мендоза и потянулся к внутреннему телефону. Его кресло на роликах развернулось, издав жалобный скрип.

Долорес присела, покорно сложив руки на коленях. Ей и самой хотелось еще раз увидеться с нобелевским лауреатом, прославившим Мексику открытием «биохимии бессознательного», как с легкой руки газетчиков стал называться его экспериментальный метод. С помощью гомеопатических доз алкалоидов и ферментов, закодированных электромагнитными импульсами, Раппопорту удалось заглянуть в невыразимую словом бездну, провидчески угаданную Зигмундом Фрейдом и Карлом Юнгом. Тонкий психолог, широчайший эрудит и удивительно деликатный человек, он с первой встречи покорил Долорес. Она доверила ему самое сокровенное и, пожалуй, была готова влюбиться. Разница в тридцать лет не смущала. Останавливало другое: безошибочное чутье женщины подсказывало Долорес, что она интересна профессору только как пациентка.

Две ночи она провела в камере, облепленная датчиками и подключенная к полиграфу, где на двенадцати дорожках фиксировались волны электрической активности мозга. Всякий раз, когда заканчивалась фаза быстрого сна, ее будил мелодичный звон колокольчика и она наговаривала на магнитофонную ленту свои видения. Все, что смогла припомнить. Но ничего не удавалось унести с собой из той сказочной страны, где золото ведьм оборачивается золой. Так по крайней мере казалось Долорес, хотя Хосе Раппопорт, выпытывая нюансы, делал свои выводы. Его присутствие за стеной ощущалось телепатически, на животном атавистическом уровне. И оно волновало, мешало заснуть, дабы вновь пробудиться под хрустальный звон. Датчики, регистрирующие быстрое движение глаз, включали сигнал в тот самый момент, когда занавес глубокого сна гасил залитую потусторонним светом рампу.

Господи, Боже мой! И позабыть жаль, и помнить страшно.

Скандальная сцена в саду, в точности воспроизведенная в наркотических грезах, прочно сидела в памяти, тогда как предшествующие картины — полет в Шибальбу! — были стерты неведомой силой, как утративший надобность файл.

Почему?..

Из литературы Долорес знала, что существуют микроволновые сигналы, инициирующие реакции, аналогичные действию химических агентов. Побуждая организм продуцировать гормоны и медиаторы, они резко изменяют поведение человека. Не требуется ни опиума, ни настоя мухоморов, ни кактуса «пейоте», чтобы вызвать нужный эффект. Электромагнитные волны с точно нацеленной частотой давали полную картину наркотического синдрома. Подбирая строго индивидуальную частоту для каждого пациента, Раппопорт в рекордно короткие сроки добивался ремиссии. Его методика позволяла устранять многие виды гормональных расстройств и добиться серьезных успехов в излечении наркомании. Собственно, это и принесло ему Нобелевскую медаль. Возможно, он нацелился и на нечто большее, чем медицина, как почему-то подумалось Долорес в их последнюю встречу. И это не мозг, не душа, а то, что скрыто за ними.

«Набраться храбрости и спросить?»

— К сожалению, профессор не сможет принять нас,— Мендоза медленно опустил трубку.— Он очень занят.

— О!— она разочарованно вздохнула.— А я-то надеялась...

— Оставьте мне свой телефон, доктор Монтекусома Альба. Я позвоню, когда представится случай. Профессору тоже будет интересно поговорить с вами.

— Это он сам сказал, или вы просто так думаете?

— Профессор считает ваше состояние вполне удовлетворительным. А **лично** вам,— со значением произнес Мендоза,— он просил передать, что сновидения никогда не занимаются пустяками... Это цитата из Фрейда. Мы будем наблюдать вас, доктор Альба. Кто знает, как оно обернется?

Фернандес поджидал ее в своем «шевроле», припаркованном на стоянке для посетителей. Запустив двигатель, он включил кондиционер, и благодатный холодок овеял разгоряченное лицо Долорес. Столбик термометра под госпитальным навесом поднялся до тридцати семи градусов.

— Спасибо за вашу заботу.

— Не стоит благодарности. Я рад, что все благополучно завершилось.

— Пожалуй, я отделалась легким испугом. Дикий случай!

— Вы имеете в виду землетрясение?— Фернандес вырулил на Нуэве де Хулио и дал полный газ.— К счастью, на сей раз обошлось без существенных разрушений. Было всего два легких толчка... Вы слишком молоды и не помните последней катастрофы, когда город лежал в руинах.

— Не так уж я и молода, сеньор Альфонсо. Просто мы жили тогда в Тустла Гутьересе и узнали о землетрясении из газет. Не дай Бог, чтобы такое вновь повторилось.

— Как бы там ни было, но в нашем центре я поставлю автономный источник. Лучше застраховаться от всяких случайностей.

— Пожалуй... В «Новедадес» пишут, что на плаца Конституесьон провалился асфальт и в подземной дыре нашли статую Коатликуэ?

— Все повторяется в этом мире. Тогда обнажился храм Кетцалькоатла и вместе с Пернатым Змеем явила себя богиня Луны, теперь — Коатликуэ. Вам это что-то говорит? Думаете, это знамение?

— Как знать? — Долорес поспешила перевести разговор.— Когда мне приступить к работе? Я собираюсь переехать в конце месяца.

— Не будем торопиться, доктор Монтекусома Альба. Возникла, причем совершенно спонтанно, новая идея. Дьявольщина! Кажется, мы угодили в пробку? — затормозив перед размалеванным цветами грузовиком, Фернандес огляделся: вся эстакада перед Диагональ-Норте была забита плотными рядами машин, дома и улицы купались в сизом тумане выхлопных газов.

Простоять пришлось минут двадцать. Прежде чем возобновилось движение, Фернандес успел поделиться радостной вестью. Удача, по его словам, свалилась прямо с неба.

Прежде всего, нежданно-негаданно дала знать о себе одна американская фирма, готовая профинансировать раскопки пирамиды на реке Ящерицы, и Торрес уже начал подготовительные работы. Американцы еще отвалили ему кругленькую сумму за право съемки телевизионного фильма. Но если бы только это! Узнав о существовании исследовательского центра, где, помимо всего прочего, будут заниматься магическими снадобьями ацтеков, майя, толтеков, сапотеков и прочих аборигенов Североамериканского материка, генеральный менеджер фирмы тут же предложил совершенно потрясающий контракт.

— Видите ли, дорогая Долорес,— дав ей время переварить сногсшибательные новости, пояснил Фернандес,— кроме некоторой деликатности, они ничего не требуют ни от Сантоса, ни от нас. И это понятно! Прежде чем продать фильм, они хотят основательно подогреть любопытство публики. Ведь ничто так не щекочет воображение, как тайна. Отсюда и условие секретности, оговоренное в контракте. Вы понимаете?

Долорес понимала.

— Что от нас конкретно требуется? Всего лишь экспертная помощь, которая едва ли обременит и будет прилично оплачена. Я сразу же подумал о вас, доктор Альба, ибо именно с вас началась для меня светлая полоса.

— Но что я могу? — Долорес была одновременно заинтересована и удивлена. — Зачем им мои сапрофиты?

— Их интересует все. Весь комплекс. Ритуалы, атрибутика, процесс мумификации и тому подобное. Идея весьма оригинальна: с максимально возможным приближением воссоздать на экране наиболее яркие эпизоды истории. Древние культуры Америки, в частности. Конечно, основная тяжесть падет на плечи нашего общего друга Сантоса. Это его бизнес. Но и вы, дорогая Долорес, сможете сыграть заметную роль. Как консультант, разумеется. На лавры кинозвезды, надеюсь, не покушаетесь?

— Они хотят попробовать наркотики на актерах? Пусть не рассчитывают на мою помощь.

— Шутки в сторону. Когда дойдет дело до съемки соответствующих эпизодов... Как они называются, эти ваши грибы?

— Намеотл.

— Кроме вас, ни один нормальный человек с ходу не выговорит... Здесь, как и всюду, нужен профессионал. Расскажите им все, что знаете, и будет с них. Формулу алкалоида, который чуть не лишил всех нас счастья быть рядом с вами, им незачем знать.

— Я и сама ее пока не знаю. Месяцы и месяцы понадобятся на разделение и анализ.

Вспомнив свои хроматографические колонки и старенький инфракрасный спектрометр, она уже заранее тешила себя мыслью о суперсовременном оборудовании лучших американских фирм. Ядерно-магнитный резонанс, основанный на эффекте Мессбауэра, — вот что потребуется в первую очередь. О масс-спектрометрии и говорить не приходится. Уж это-то наверняка будет.

— Почему вы молчите? — спросил Фернандес. — Вы с чем-то не согласны?

— Простите, сеньор Фернандес. Немного задумалась... Я согласна со всем, — она была тронута его заботой и деликатностью. — Для меня будет счастьем вновь побывать в «Усыпальнице Сына Солнца». Но прежде чем кинуться в эту очаровательную авантюру, хотелось бы заняться оснащением лаборатории. Я должна видеть все собственными глазами. И хорошенько пощупать! — Она рассмеялась. — Надеюсь, вы понимаете?

— Так и будет, дорогая! — его озабоченное лицо озарилось улыбкой. — Смею уверить! Нас с вами хватит на все. Так сказать, между делом. Чередуя одно с другим. Стыдно признаться — мне стыдно, Мерседес, — но аванс, который вы получите от американцев, в пять раз превышает ваш годовой оклад. Так что отпуск на месяц-другой — увы, без сохранения содержания — не слишком скажется на благополучии вашего «Дома Луны». Как полагаете?

Она вновь ответила смехом: во всю силу низкого и звонкого голоса, со всеми его переливами и обертонами.

— Кстати! — спохватился Фернандес. — Я совсем забыл спросить: как вы нашли этого гения, Раппопорта?

— Если честно, то я от него без ума, но нам так и не удалось поговорить на профессиональные темы.

— Жаль. У вас с ним нашлась бы точка соприкосновения.

— Он слишком для этого занят... Впрочем, я все же надеюсь. Мне действительно есть, что сказать.

— Только не стоит особенно откровенничать.

— Формула?

— Не только. Даже ваши сапрофиты отныне находятся под охраной параграфа. По условиям договора место раскопок не подлежит разглашению.

— Сплошные секреты, дон Альфонсо. Фильм что, детективный? Знаете, чем телевидение отличается от сновидений?

— Хотя бы тем, что оно реально.

— Нет, мой друг. Сновидения никогда не занимаются пустяками.

АВЕНТИРА ДЕВЯТАЯ

БУРСА, ТУРЦИЯ

Назым Эльгибей жил в Бурсе, древней столице османов, где у него неподалеку от Зеленой мечети был старый уютный дом с садиком и фонтаном. Здесь рождались и умирали его деды и прадеды, и сам он увидел свет под этой кровлей из черепицы, позеленев-

шей от времени, как бронза, что веками пролежала в земле.

Дом стоял на возвышении и с крытой галереи второго этажа можно было видеть скопище точно таких же крыш, глазурованный купол мечети, виноградники, тополя. Сладкий дым от горящей лозы, пробиваясь сквозь купы деревьев, навевал приятную дрему. Сидя в качалке между резными столбами, поддерживавшими навес, он почитывал журналы, иногда что-то записывал, вспоминал. Любимые кошки, подняв хвосты, терлись о шлепанцы, заношенные до дыр, и он с интересом следил, как грациозно петляют они между фаянсовыми горшками, брезгливо принюхиваясь к бегониям и гераням. Ворковали горлицы. Юркие ласточки всегда неожиданно выпархивали из-под кровли и так же стремительно возвращались кормить птенцов. Чередовались краски в яркой палитре времен года, промозглая стужа сменялась жаркой духотой, благоухание лунных ночей и соловьиные песни приходили на смену пыльным ветрам Кападокии и грозам Понтиды.

И все это было равно любезно душе.

Рано овдовев, Эльгибей несколько раз собирался жениться — свахи со всего города обложили его густой сетью,— но в последний момент что-то непременно случалось и дело расстраивалось. Оно и к лучшему. В молоденьких гуриях недостатка не ощущалось. Особенно теперь, когда столько их понаехало из Восточной Европы.

Временами одолевала тоска, и Эльгибей горько сетовал на судьбу, хотя в том, что он остался одиноким, как перст, если и повинен был рок, то только наполовину. Его сын, служивший в марсельском консульстве, пал жертвой фанатика-курда, а дочь он сам выгнал из дома, когда она спуталась с наркоманом из вонючих притонов Галаты. Потом она вроде образумилась, вышла за американского моряка, то ли из Филадельфии, то ли из Сан-Франциско. Седьмой год от нее не было никаких вестей.

Оставалось одно: потихоньку доживать своей век, по возможности теша одинокую, но вполне обеспеченную старость.

Когда-то Эльгибея причисляли к восьми ведущим шумерологам мира. Он провел несколько удачных археологических сезонов в горах Антиливана, в песках

Вавилонии. Откопанная им статуя Баалзебуба украшает главный зал Багдадского музея, а черную стелу, обвитую кольцами змея Нингишзиды, он нашел в скалах Боказкея, в трех километрах от хеттской столицы Хаттусас. Теперь змея находится в Истамбуле. Сам президент вручал Эльгибею почетный диплом. Пиком карьеры стало сенсационное открытие оловянных шахт в Капподокийских горах. Оно заставило пересмотреть сложившиеся представления о бронзовом веке. Не из далекого Афганистана вывозили шумеры кассеритовую руду, а отсюда, из соседней страны, где почитали тех же богов и героев: солнечного Шамаша, Венеру-Иштар, отважного Гильгамеша. Большой интерес представляли и сами шахты, уходящие вглубь почти на полтора километра. Протиснуться к местам выработки оказалось невозможно, настолько узки были лазы. Работать в таких условиях могли разве что гномы. Загадка разрешилась, когда в одном из штреков Эльгибей наткнулся на скелет ребенка.

Остатки угольев подтвердили предположение, что рудную жилу сначала нагревали с помощью костров, а затем обливали водой. Образовавшиеся трещины расширяли каменными долотами.

И все это делали десяти-двенадцатилетние дети.

С того дня Эльгибей проявлял особый интерес к браслетам, мечам и секирам с шумерской клинописью.

Вероятно, ему удалось бы достичь еще больших высот, если бы не один неприятный случай. Эльгибея буквально схватили за руку, когда он пытался продать серебряную ладью второго тысячелетия до новой эры. Он сам виноват, что, как последний кретин, явился в гостиницу на встречу с доверенным лицом швейцарского мультимиллионера. Посредник, как вскоре выяснилось, оказался подсадной уткой Интерпола.

Драгоценную ладью, понятно, конфисковали. В доме Эльгибея произвели обыск, но, к великому счастью, ничего не обнаружили. Все предметы, которые удалось утаить, благополучно уплыли в частные коллекции. Начался долгий, изнурительный процесс. Эльгибею пришлось **полежать**, в полном смысле слова, в турецкой тюрьме, где заключенный лишен возможности не то что стоять, но даже сидеть.

Выпутаться помог адвокат, нанятый за большие де-

ньги. Разработанная им тактика полностью себя оправдала. Эльгибей, сколько его ни мытарили, твердо стоял на своем. Да, он признает факт незаконной сделки, но этим и ограничивается криминальная сторона. Ладью приобрел по случаю, у какого-то араба на курорте в Антальи. Она находилась в таком состоянии, что невозможно было хотя бы приблизительно атрибутировать. Лишь после реставрации стало ясно, что это действительно древний памятник. Так удалось не только отвертеться от куда более серьезного обвинения в похищении археологических ценностей, но — и это главное! — скрыть сам факт и место нелегальных раскопок. Выезжавшая на точки последних работ следственная бригада, конечно, ничего не обнаружила, ибо дыра, куда, сам того не желая, провалился Эльгибей, находилась далеко в стороне от раскопа. Когда он очнулся после падения и, ощупав себя, не нашел повреждений, то первым делом попытался выбраться на божий свет. И в мыслях не держал, что угодил прямо в царский могильник, где, вперемешку с костями жертв, валяются принадлежности заупокойного культа.

Пролом, образовавшийся в результате тектонических подвижек в каменной кладке свода, давал достаточно света, чтобы оценить масштабы открытия. Боль от ушибов, как рукой сняло. Эльгибей осторожно разгреб мусор и обнаружил бронзовый светильник. Уподобясь Аладину в пещере, обдул и отер ладонью мягкий, прилипчатый, как паутина, прах. Масло в волшебной лампе выгорело с последней порцией воздуха три, а может, и четыре тысячи лет назад. Стараясь не нарушить общую композицию, Эльгибей высвободил из-под распавшихся шейных позвонков золотую подвеску, поднял и положил в карман сердоликовую бусину. Жажда земных благ подавила профессиональный инстинкт. Опрокидывая запечатанные кувшины и ломая доски, закрывавшие путь, бросился к жертвенному столику, где в пыльных лучах сверкал благородный металл. Перед его первозданным блеском померкла вскользнувшаяся было мечта о славе Леонарда Вулли.

Все же Эльгибей взял несколько мелких предметов — деревянных, прежде всего, — для хронологической экспертизы. Драгоценности, как ни чесались руки, решил до поры до времени не трогать.

Когда же закончился полевой сезон, он постепенно

перетаскал самые ценные вещицы в тайник и, выйдя на нужных людей, начал потихоньку распродавать. Сначала ожерелья из золотой фольги, диадемы, браслеты, затем наступил черед магической утвари. Первой ушла составлявшая пару злополучной ладье чеканная отливка. «Корабль Мертвых», как и полагалось, уплыл на Запад. Но отнюдь не туда, где навсегда остался Энкиду, а в Александрию. Дальнейший маршрут серебряной ладьи номер один уже не интересовал Эльгибея. И если бы не казус с номером два... И все потому, что потерял бдительность! Повел себя, как мальчишка. Впрочем, не надо гневить аллаха. Легкость, с которой, благодаря Эльгибееву разгильдяйству, прошла операция задержания, оказалась во благо. Адвокат напирал на заслуги подзащитного, его очевидную неискушенность и свойственную ученым людям чудаковатость. Суд принял интерпретацию к сведению и вынес мягкий приговор. Репутация Эльгибея погибла, но четыре миллиона франков в банке «Лионский кредит» остались при нем. Ждала своего часа и усыпальница Мурсилы VII с ее ритуальными сосудами, оружием и драгоценными украшениями.

Пока это был мертвый капитал: за Эльгибеем могли следить.

Он легко пережил падение: статьи в газетах с фотографией ладьи и собственным его, Эльгибея, портретом, вынужденный уход из университета, где двенадцать лет вел курс шумерологии. Правда, никто не желал раздувать уголья, и отставка прошла с соблюдением декорума. Отныне он мог тешить свое самолюбие почетным званием Professor Emiritus.

Прошлое напомнило о себе вторжением развязного грека, назвавшегося Одиссеем Попандополусом. Он выдавал себя за менеджера корпорации по производству телевизионных фильмов, но по жесткой манере вести разговор Эльгибей заподозрил в нем полицейского.

— Вам привет от Петроса Янко,— едва переступив порог, грек сразу схватил быка за рога.

Пытаясь собраться с мыслями, Эльгибей долго рассматривал карточку с фирменным логотипом и адресом: 134 Аройно Авеню, Сан Карлос, Калифорния. Потом процедил сквозь зубы, пристально глянув в лицо:

— Не помню такого,— и возвратил визитку.

Пригодились уроки, усвоенные в истамбульской тюрьме: ничего прямо не отрицать и ни в чем не сознаваться.

— В самом деле?— грек нагло осклабился и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на кожаный диван, стоявший возле изразцовой печи.— А вы попробуйте вспомнить.

Эльгибей наморщил лоб, словно и вправду решил основательно порыться в памяти, но в итоге развел руками:

— Нет, ничем не могу вам помочь, мистер.

Он понимал, что грек едва ли поверит ему. «Имя — есть знак»,— говаривали римляне. Если Попандопулосу, или кто он там есть на самом деле, известно имя Янко, то он почти наверняка осведомлен о кое-каких подробностях эпопеи «Корабля Мертвых» номер один. Не кто иной, как Петрос Янко пронес его мимо таможни в Истамбульском порту. Первый выстрел сделан, но лучше не показывать, что пуля задела сердце. Ухо лингвиста уловило в английском языке Попандопулоса легкий акцент и это позволило сделать неожиданный выпад:

— А вы случайно не киприот?

— Почему вы так думаете?— помедлив спросил грек.

— Не думаю, знаю,— Эльгибей нутром ощутил, что ему удалось перехватить инициативу.— Если у вас дело ко мне, то выкладывайте без экивоков, а нет — убирайтесь.

— Я американский гражданин и не имею никакого касательства к Кипрской проблеме,— Попандопулос попытался разрядить ситуацию шуткой.— Но у меня действительно есть к вам дело, профессор.

Эльгибей с безразличным видом повернулся к камину и щеткой из петушиных перьев смахнул пыль с терракотовой фигуры, привезенной с раскопок Лагаша: руки сложены на груди, круглая голова зияет провалом рта, борода намечена волнистыми линиями.

— М-да, вам есть о чем вспомнить,— вроде как с завистью вздохнул Попандопулос, озирая разнообразные экспонаты, хаотично разбросанные по стеллажам с журналами и книгами.

— Нравятся мои **сокровища**?— Эльгибей испод-

воль начал готовить контратаку. Образцы кассетерита, оловянные слитки и куски ноздреватого металла — лишь с большой натяжкой можно было причислить к сокровищам в подлинном смысле. Клинописные таблетки, осколки орнаментированной посуды и глиняные статуэтки, склеенные вдоль и поперек, также трудно было назвать уникумами, хоть они и имели свою рыночную стоимость. В общем, все это были предметы, какие археологи обычно оставляют у себя. Ни правительство, ни музеи на такую мелочь не покушались. Только специалист мог знать, что иные тексты стоят дороже золота и бриллиантов.

Попандопулос, казалось, понял намек.

— Вы славно потрудились. Однако нашу корпорацию больше интересует та часть коллекции, которая **пока**,— он выдержал красноречивую паузу,— остается под землей. Вы не могли бы назвать точные координаты?

— Я отказываюсь вас понимать, мистер... американский гражданин.

— Тогда не угодно ли вам ознакомиться с одним документом?— Попандопулос щелкнул замками желтого вместительного портфеля, вынул ксерокопированный лист и бросил его на стол.

Скрывая замешательство, Эльгибей прислонился к камину, машинально согнал перьевой щеткой муху с часов, затем мелкими шаркающими шажками приблизился к столу. Пред ним лежали собственноручные показания уроженца Александрии Петроса Янко, заверенные нотариусом седьмого округа Парижа. Подробности многоходовой операции с серебряной лодкой в виде лунного серпа были изложены последовательно и толково. Некоторые моменты, доселе неизвестные Эльгибею, оставляли место для домыслов. Он мог лишь догадываться, во сколько раз увеличилась стоимость «Корабля Мертвых» при перепродаже.

— И где теперь ладья?— облизав пересохшие губы, сам не зная, зачем, спросил Эльгибей.

Попандопулос многозначительно опустил веки, давая понять, что знает все до тонкости, но предпочитает не отклоняться от основной темы.

— Янко арестован?

— Арестован?.. Насколько мне известно, он про-

цветает. Его откровенность и... впоследствии умолчание были оценены достаточно высоко. Догадываетесь, о чем идет речь? Рекомендую последовать примеру вашего друга, мистер Эльгибей.

— Это шантаж?

— К чему громкие слова?.. Мы предлагаем сотрудничество. Если угодно, взаимовыгодную сделку. Вы назовете место и получите чек на солидную сумму.

— А если я откажусь? Вы, конечно, запустите в оборот эту вашу фальшивку?

— Запустим. Только документы подлинные, профессор, и, уверяю вас, мы располагаем еще кое-какими доказательствами вашей многогранной деятельности. Золотой козел под древом добра и зла вам ничего не напоминает?.. С месяцем из ляпис-лазури во лбу?.. Быть может, желаете взглянуть на фотографию? — Попандопулос потянулся к портфелю.

— Не нужно. Это ничего вам не даст. Много ли вы выиграете оттого, что я залягу в тюрьму?

— Заляжете? Оригинально! Надо будет запомнить... Не надо забывать, что вы живете в правовом государстве, мистер Эльгибей. Прежде чем вы **заляжете**, состоится следствие, суд, словом, все, что положено. И на сей раз вам вряд ли удастся выйти сухим из воды. Прежде чем дать срок, и немалый, вас вытрясут до последней крохи...

— Но вам-то что с того? Вам? — Эльгибей понимал, что идет ко дну, но еще пытался ухватиться за соломинку.

— Нам придется пойти на некоторые затраты. Больше всего жаль потерянного времени, но мы умеем ждать. Чуть раньше, чуть позже, но все ваши тайные махинации станут достоянием прессы. Все, что нам нужно, мы узнаем из судебной хроники. Лучше подумайте о себе.

— Но в таком случае вам не видать царских сокровищ, как своих ушей. Все достанется правительству.

— Нас это вполне устраивает. Мы всегда действуем по закону.

— Так чего же вы хотите на самом деле?

— Отснять телевизионный фильм в некрополе Мурсилы. Только и всего. Судьба сокровищ нас не

волнует, а с правительством и археологами мы, надеюсь, сумеем договориться. Кто платит, тот получает.

— Допустим, я соглашусь,— сдался после недолгого размышления Эльгибей.— На какую долю можно рассчитывать?

— О дележе и речи не может быть,— отрезал Попандопулос.— Все получит Турецкая республика. Мы постараемся подобрать авторитетного специалиста и поможем ему организовать раскопки.

— Значит, я вам не подхожу?

— К сожалению, вы сами скомпрометировали себя и поставили вне науки. От вас требуется лишь одно: координаты, приметы, кроки местности.

— И что я получу взамен? В числовом выражении?

— Во-первых, свободу,— Попандопулос кивнул на бумагу с печатями.— Кроме того, пятьдесят тысяч.

— Долларов?

— Не лир же.

— Пятьсот.

— Так мы с вами далеко не уедем. Наши условия окончательные.

— Платите сразу?

— Сперва мы должны убедиться, что вы ведете честную игру. Пошлем на место своего человека.

— Кто даст гарантию, что меня потом не обманут? Что и **вы** ведете честную игру?.. Может, вместо денег меня ожидает тюрьма?

— Зачем нам это?— Попандопулос брезгливо скривился.— Лишний шум только помешает работе... Поймите, мистер Эльгибей, в вашем положении не требуют гарантий. Вам ничего другого не остается, как положиться на слово джентльмена,— он умолк, думая о чем-то своем, затем со снисходительной улыбкой махнул рукой и демонстративно разорвал ксерокопию на четыре части.— Оригинал останется в наших архивах до скончания времен. Его никто не увидит, пока и вы, профессор, будете сохранять благоразумную скромность. Никакой огласки, вы поняли?

— Чего ж тут не понять? Но предложенная сумма смехотворно мала. И вообще без аванса?..

— А вы деловой человек! Ладно, из чистой симпа-

тии я пойду вам настречу. Двадцать тысяч сейчас и, скажем, еще сорок после проверки?

— Двадцать пять и пятьдесят.

— Черт с вами, пишите расписку.

— Это еще зачем?

— Для налоговой службы Соединенных Штатов! — взорвался Попандопулос, обнаружив знакомство с турецким языком.

Эльгибей понял, что вспышка была показной.

— Сейчас я выписываю вам семьдесят пять тысяч, а вы даете мне расписку на двести,— Попандопулос вынул чековую книжку.— Об остальном договоримся при окончательном расчете... Примерно в той же пропорции. По рукам?

Они обменялись крепким рукопожатием.

— Вы тоже очень деловой человек, мистер Попандопулос. Немного мастики?.. За дружбу наших народов?

АВЕНТИРА ДЕСЯТАЯ

КЕЙПТАУН, ЮЖНАЯ АФРИКА

Джонсон задержался на острове несколько дольше, чем это было необходимо. Из-за урагана, пронесшегося над юго-восточным побережьем Африки, не прилетел самолет. Лететь в Штаты через Мельбурн, как предложила Лакшми, связавшись с авиакомпанией «Куатрос», он не захотел.

Российская виза еще не пришла, хотя положенный срок истек, и в Америку можно было не торопиться. Зато, по милости Глэдис, возникла необходимость кое с кем повидаться в Кейптауне и Амстердаме. Что бы она ни говорила, но вояж в посткоммунистическую Россию нуждался в более серьезном обеспечении. Ее намеки на какие-то связи в высших сферах бесспорно обнадеживали, но не более. Джонсон привык полагаться на конкретику, по возможности подкрепленную взаимовыгодным соглашением. Поэтому он и решил на всякий случай заручиться поддержкой «Де Бирс». Корпорация, сумевшая наложить лапу на девяносто процентов якутских алмазов, почти наверняка имела доступ в кремлевские кабинеты.

«Эпсилон» приобрел большую партию оптических алмазов, необходимых для электроники последнего поколения, и вполне мог надеяться на взаимность.

Одним словом, забот прибавилось.

Телефон российского консульства в Вашингтоне был в памяти аппарата и Джонсону оставалось лишь надавить на клавишу, чтобы услышать стереотипный ответ:

— К сожалению, пока нет. Возможно, будет к вечеру.

«А вечером скажут, что лучше звоните утром».

Ничто не шло своим ходом. Всюду нужно было вертеться, прилагать силовое давление или искать обходные пути.

Джонсон позвонил старому дружку в госдепартамент, но нарвался на автоответчик. Джери Моуэт, как обычно, пребывал неизвестно где. Он служил в русском отделе в ранге советника и наверняка мог оказать содействие.

Пришлось обратиться к Лакшми. Индианка пришла в белом с голубой каймой сари, выгодно оттенявшем загар живота. На правом крыле ее слегка приплюснутого носика посверкивал полукаратный бриллиант.

— Чем могу быть полезна, сэр?

— Достаньте хоть из-под земли, леди, этого парня!

Джонсон вывел на экран карманного ноут-бука все телефоны Джери, включая гольф-клуб и ресторан «Чайна Гейт», который славился настоящей пекинской уткой с оладьями, хрустящими пирожками и креветками, тушеными с ростками бамбука. Моуэт частенько заскакивал туда на ленч. Особенно в те дни, когда бывал в Пентагоне, поблизости.

Не прошло и часа, как он оказался на проводе. Лакшми вытащила его из постели.

— Пока ничего у них нет,— сообщил Джонсон, обменявшись приветствиями.— Это что-нибудь значит?

— Не думаю... Что можно против тебя иметь? Обычная волокита. Они сейчас всем дают. Подожди день-другой, если можешь.

— А слегка поднажать? Не подействует?

— Подействует... Но привлечет внимание. Тебе это нужно?

— Пожалуй, ты прав... Время терять не хочется!

— Я почти уверен, что это вопрос двух-трех дней. В крайнем случае я подключусь.

— По-приятельски? Где-нибудь на теннисном корте?

— Не имеет значения,— Моуэт рассмеялся.— Ты же прекрасно понимаешь, что в любом случае пойдет по инстанциям.

— Ты, как всегда, прав, старина. Спасибо.

— Пока не за что, старый мошенник. Звони.

Джонсон немного поостыл и решил взять катер. Отойдя на полмили от берега, вскрыл запечатанную в пластик каракатицу, аккуратно нанизал на крючок и широким взмахом удилища забросил ярдов на сорок.

Ощутив резкий рывок, сделал подсечку и закрутил катушку. Бонита брала, как шальная. Когда в ящике набралось добрых две дюжины, он стянул безрукавку с эмблемой яхт-клуба городка Марбл Хед в штате Массачусетс и, запрокинув лицо, предался неге. Солнечный жар и нежное дуновение бриза несли мир и покой.

Натруженные руки помнят сопротивление лески, глухой удар в глубине и рывок в высоту, когда в пене и брызгах свечой взлетает слиток живого металла, и замирает сердце от сладостного испуга, и удилище, что гнется дугою к волне, становится продолжением нервов, а в голове — пустота. Неотвязные заботы, тревоги, сомнения — все отходит куда-то на задний план, растворяется в радужной дымке.

Он нехотя поднялся, оценил улов — бониты подскакивали и бились о стенки, отчаянно разевая окровавленные рты,— и выбросил сверкающую добычу за борт.

Несколько рыбин успели уснуть. Покачиваясь на легкой волне, то брюхом вверх, то боком, они вскоре исчезли из глаз, подхваченные течением. Остальные понемногу оклемались и ушли в сапфировые глубины.

Через пятнадцать минут Джонсон уже стоял под прохладным душем, смывая с рук присохшую чешую. Обернув бедра полотенцем, наподобие малайского саронга, сел за компьютер.

Операция с экспертами развивалась по плану. Небольшое отставание от графика можно было не принимать в расчет, расходы оставались в пределах сме-

ты. Единственным досадным исключением явился отказ одного из кандидатов присоединиться к проекту.

Джонсон запросил данные. Вскоре на экране одна за другой стали возникать буквы, выстраиваясь в строку:

Хосе (Иосиф Лазаревич) Раппопорт. Родился в 1938 г., 11.07 в Чернигове (республика Украина). Закончил в 1962 Первый медицинский институт в Москве по кафедре невропатологии. Два последующих года подрабатывал переводами с английского и рефератами. В 1965 зачислен младшим научным сотрудником в Институт курортологии и физиотерапии. В 1970 защитил кандидатскую диссертацию на тему «Исследование влияния медиаторов на поведение животных». Автор двух монографий и сорока трех статей, посвященных различным аспектам мозговой деятельности. В 1978 получил степень доктора медицинских наук за работу «Исследование влияния нейропептидов на деятельность мозга человека». За публикацию статьи в журнале «Наука и жизнь» (№ 3, 1979) подвергся критике в газетах «Правда» и «Советская Россия». Статья «Подсознание или сверхсознание?» прилагается. В письме группы известных психологов, опубликованном в журнале ЦК КПСС «Коммунист» (№ 14, 1979), против Р. были выдвинуты обвинения во фрейдизме и идеализме.

В 1980 заявил о своем желании выехать из СССР, но получил отказ. В том же году оставил институт и примкнул к правозащитному движению. В «самиздате», а потом и в зарубежной печати, опубликовал ряд статей, разоблачающих методы карательной медицины. В 1981 арестован сотрудниками КГБ, но под давлением международной общественности вскоре освобожден и выдворен из СССР. Выехал по израильской визе в США. Получил вид на жительство. С 1981 по 1989 профессор в университете Кларка (штат Массачусетс), почетный доктор института имени Вейцмана (Израиль), Парижского университета и Католического университета в Лувене (Бельгия). В 1990 удостоен Нобелевской премии по медицине за открытие взаимодействия химических и электромагнитных факторов в деятельности головного мозга. С 1991 живет в Мексике. Вице-президент и заведующий отделом энцефалотерапии в институте Модеро (Мехико).

Жена — Раппопорт (урожденная Борисенко) Раиса Матвеевна скончалась накануне отъезда из СССР, дочь Эльвира Иосифовна Лубкова живет и работает в Москве, муж Лубков Петр Андреевич, геофизик, детей нет.

Отказ от участия в проекте «Эпсилона» мотивировал нежеланием отвлекаться на посторонние предметы.

«Два миллиона долларов для него посторонний предмет! — проворчал Джонсон.— Тот еще сноб».

Вверх поползла лента с крамольной статьей.

Владея навыками быстрого чтения, он ускорил движение строк, но вскоре вынужден был задержать текст на экране.

Абзац определенно заслуживал внимания:

«Попытка разгадать феномен индивидуального сознания невольно приводит к дуализму, как это можно видеть на примере работ английских нейрофизиологов Ч. Шеррингтона и Дж. Экклза. Создается впечатление, будто вне нас существует некое идеальное начало, которое и порождает индивидуальное сознание, входя в контакт с мозгом. Взаимодействие с этим началом — условно назовем его N-полем — осуществляется на уровне синапсов — образований, в которых нервные клетки вступают в контакт посредством отростков.

О физической природе N-поля трудно сказать что-либо определенное, поскольку оно не зафиксировано приборами. Это скорее область философии, нежели физиологии или физики. Подходить к такому явлению с позиций точных наук равносильно попытке проквантовать «мир идей» Платона или «абсолютную идею» Гегеля, которые проявляют себя через индивидуальное сознание, и не более».

Сноска объясняла: N-поле (от ноос — разум).

Сказано было достаточно определенно. Ссылки на источники и оговорки, вроде «создается впечатление», только привлекали внимание к позиции автора. Скрыться за столь жалкими фиговыми листочками ему не удалось, тем более, что он преследовал прямо противоположную цель.

Еще в Гарварде Джонсон собрал недурной урожай с изобильной нивы советологии. Возвратившись мысленно в брежневскую эпоху, он испытал ностальгиче-

ское удовлетворение, которое навевают воспоминания о счастливой и бурной юности. В памяти возникали знакомые фигуры из команды Михаила Андреевича Суслова: Пономарев, Федосеев, комсомолец Тяжельников — в тот момент, кажется, уже завотделом ЦК... На науке тоже сидел отъявленный сталинист — консерватор, и в политуправлении армии... Наконец, Снежневский, Морозов с их психушками и «вяло текущей шизофренией»...

Парень еще счастливо отделался. Под топор шел, на плаху. Впрочем, если взглянуть с другой стороны, это и вознесло его на вершину. Не шведский король, а Юрий Владимирович Андропов вручил Нобелевскую медаль этому черниговскому умнику.

— Леди! — он выключил компьютер и позвонил Лакшми. — Отмените прежний заказ. Мне нужен билет на Бостон через Кейптаун. Найдется такой вариант?

— Сейчас поглядим, мистер Джонсон... Я вам перезвоню.

Волосы высохли и можно было приступить к туалету. До ленча оставалось всего полчаса.

Он завязывал галстук, когда позвонила безотказная индианка.

— Ваш билет в офисе авиакомпании «KLM». Вылет в девятнадцать часов по местному времени. Что-нибудь еще, сэр?

— Спасибо, леди. Я и без того ваш должник.

— Это моя работа, мистер Джонсон. Счастливого вам полета.

Поискав глазами, Джонсон поднял с пола синий, в красно-белую косую полоску галстук и завязал широким узлом перед стеклом экрана. На уровне рефлексов он избегал зеркал, подозревая за каждым скрытую видеокамеру.

Оставалось уложить нехитрые пожитки: ноут-бук, бумаги, дорожный несессер. Коробка с рубашками, как ни верти, не умещалась. Это вызывало глухое раздражение. Оставить, чтоб переслали потом в Нью-Йорк? Мысль разумная, но сувенир требовал пиетета. Что ж, придется разжиться каким-нибудь пластиковым пакетом. Обременительно, но noblis oblige [1].

---

[1] Положение обязывает (*фр.*).

Привычка продумывать каждый шаг и все расставлять по полочкам может довести до психиатрички. Кстати, именно туда он и направляется.

«Молодец, Пит, ты знаешь, чего тебе надо...»

Он выжимал вторую половинку лайма, обильно орошая женственную плоть папайи, когда вошла Глэдис.

— Все-таки решили лететь сегодня, Пит?

— Так складывается...

— Если будете в Кейптауне, закляните в институт Крюгера. По-моему, там не все благополучно.

«Если будете»! Как будто она не знала. Можно подумать, что Лакшми, которая все делает классно, держит на запоре глаза, уши и рот... Как те китайские обезьянки.

— У вас есть какие-то определенные сведения? — осторожно поинтересовался Джонсон.

— Посмотрите сами, это же ваша епархия... Надеюсь, рыбалка прошла успешно?

— Вполне. Только теперь я понимаю, как нужна была мне разрядка.

— И вам не жаль бедных рыбок?

— Я вегетарианец, а не буддист. Как и вы, Глэдис, не так ли?

Она рассмеялась и, набрав полную вазочку фруктовой смеси, устроилась рядом с Джонсоном.

— Тут вы попали в точку. Только зачем было разочаровывать Тома? Вам нравится мой китайчонок?

— Прелестный мальчуган!.. Он что, любит рыбу? Жаль, я не знал раньше.

Болтая о пустяках, они незаметно покончили с едой и почти сердечно распрощались.

Может быть, ненадолго, может быть, навсегда.

Институт Крюгера, в Вестэнде Кейптауна, занимал часть территории тенистого парка, засаженного редкими породами деревьев, привезенных со всего света. Отдавая дань сложившейся традиции, Джонсон тоже укоренил там саженец. Его секвойя из Йосемитской долины, наверное, уже слегка подросла, если, конечно, сумела прижиться. От эстакады на Питер Мариц Драйв ответвлялся отрезок частной дороги, которая вела к ин-

ститутскому комплексу. Парк начинался сразу за пропускной кабиной: могучие стволы, сплошь покрытые листьями ползучих растений, влажный сумрак, оглушительное птичье многоголосье.

Асфальтовая лента огибала озеро, где гнездились фламинго и пеликаны, и выскакивала на развилку. Прямой луч упирался в лечебный корпус со всеми его вспомогательными службами и стоянкой, а плавно изогнутый сегмент терялся в зарослях, где находился контрольный пост со шлагбаумом и наблюдательной вышкой. Путь был проложен вдоль насыпи и огражден защитным барьером со светоотражательным покрытием. Плотно посаженные по обеим сторонам палисандровые деревья надежно укрывали от океанских ветров и чужого глаза. Открытый участок начинался уже в непосредственной близости от ворот второго корпуса. Точная копия лечебного, он был окружен стальной сеткой, умело декорированной колючими плетьми бугенвилеи — алой, сиреневой, белоснежной. Госпитальный корпус смотрел окнами на восток, медные зеркала второго — исследовательского — корпуса отражали закатные зори. Глухие стены обоих зданий на уровне четвертого этажа соединяла галерея. Другие переходы и широкий туннель для контейнерных трейлеров находились под землей, двумя этажами ниже гаража.

Президент «Эпсилон» не был частым гостем научного центра, но превосходно ориентировался в хитросплетении коммуникаций. Свою подпись под чертежами, по которым строился институт, поставил, когда забивались первые колышки. Конечно, заглянуть вперед на добрый десяток лет дано не каждому, но выбор места трудно было назвать большой удачей. События, потрясшие Южную Африку, могли привести к непредсказуемым последствиям. Как здравомыслящий человек и стопроцентный американец, Джонсон приветствовал крушение системы апартеида, как приветствовал крах коммунизма в Восточной Европе и СССР. Однако судьбоносные перемены были чреваты такой угрозой мировому порядку, по сравнению с которой отлаженная система ядерного противостояния казалась потерянным раем. Демократия, рынок, правление черного большинства — это прекрасно. Только чем обернется столь безоглядная ломка — вот загвоздка. Какие цветочки вырастут у подножья взорвавшегося

вулкана? Какие мутанты вылезут из зловонных щелей? Путь в ад, как известно, вымощен благими намерениями.

«Путь в ад»...

Пунцовый раздувшийся шар, клонясь к горизонту, кровавыми отсветами окрасил квадраты мертвых окон. Бронзовая плита медленно поползла в сторону, и лиловый «кадиллак», что вез Джонсона, вкатил под кран-балку ворот. Он посмотрел на часы. Путь из аэропорта занял ровно пятьдесят три минуты.

«Многовато»,— решил он.

Марта ван Хорн, директор центра, встретила его не то, чтобы неприветливо, но суховато. Такая уж манера была у этой тощей альбиноски с красноватыми глазками лабораторной крысы. В закрытой системе «Эпсилона» она владела десятью процентами акций. Кроме того, получала хорошие деньги по ежегодно возобновляемому контракту. Но, надо отдать справедливость, она стоила этого. И была уверена, что стоит значительно больше. С ней приходилось считаться и держать ухо востро.

— Как поживаете, Марта?— поздоровался Джонсон, пожимая ее жесткую, как сушеная рыба, ладонь.

— Превосходно. А вы?

— Я тоже... какие новости?

— Лучшая новость — это отсутствие новостей. У нас все в порядке, Питер. Какими ветрами вас занесло?

— Попутными, как обычно.— Он опустился в глубокое кресло, мельком взглянув на дипломы в латунных рамах, развешанные в ячейках резных панелей.

Определенно их стало больше. Специалист высшего класса и участница всех международных конгрессов, Марта ван Хорн отличалась неуемным тщеславием. С этим можно было бы примириться, не будь она столь злопамятна и мелкотравчато мстительна.

— Надеюсь, вы не с инспекторской проверкой?— заняв место напротив, с вызовом спросила она.

— Помилуйте, Марта! Какая инспекция?.. Я буквально мимолетом. Хочу взглянуть на термоэнцифалографический кабинет, с вашего позволения. Как-никак наше общее детище.

— Не вижу, что может вам помешать... Вы не забыли взять свою карточку?

— Без нее меня бы не пустили дальше шлагбаума, но, как видите, я перед вами. Значит, не возражаете?

— С какой стати? У вас есть допуск во все помещения — идите на здоровье.

— Вы очень любезны. Тогда не будем терять времени.

— Как? Вы хотите, чтобы я вас сопровождала?!

— Не совсем так, Марта,— смутился Джонсон.— Дело в том, что мне предстоят довольно важные встречи. Хочется, как бы это поточнее выразиться, предстать во всеоружии. Короче, меня требуется поднатаскать — учтите, Марта,— торопливо добавил он.— Я еще не видел ваших чудо-приборов в действии.

— Они такие же мои, как и ваши, Питер... Кажется, я забыла вас поблагодарить? Все пришло в полной сохранности и точности в срок.

— Могло ли быть иначе? — он широко улыбнулся, почувствовав, что лед начинает постепенно таять.— У вас, конечно, найдется толковый парень?

Она слегка повела белесой бровью.

Оба они понимали, что по соображениям секретности бремя гида возложить не на кого: вопросы, которые могли возникнуть у президента «Эпсилона», выходили за рамки компетенции персонала. Кроме Марты, никто в этом здании не имел полного допуска. Следовательно, сопровождать его, хочет она того или нет, придется именно ей, и никому другому.

— Черт вас возьми, Питер! — почти дружески выругалась она.— Вечно вы подворачиваетесь под руку, у меня уйма работы!

— Черт вас возьми, Марта! — ответил он ей в тон.— Вечно вы заняты, когда мне — в кои-то веки! — нужна ваша помощь.

— Предупредить заранее не догадались?

— Дорого бы я дал, если бы меня предупреждали заранее, а то выдергивают, как рыбку из воды.

— Хороша рыбка! Да вы бульдог с мертвой хваткой... Ладно, пойдемте. Только снимите часы, если не хотите их выбросить.— Она резко поднялась и, не повернув головы, направилась к двери.

— Сильное магнитное поле? — Джонсон послушно

отстегнул платиновый, с золотыми винтиками браслет. Он выложил за «Картье» четыре тысячи долларов и дорожил своим астрономически точным хронометром.— Представьте себе, что я несмысленыш, которому нужно все разжевать, начиная с самых азов,— он догнал ее по пути к лифту.— Вроде тупого студента.

— Таких не держу.

«Лектор она блистательный, этого не отнимешь,— подумал Джонсон,— но и стерва, каких поискать».

Они спустились на семь этажей ниже цоколя. Здесь, на глубине в сто двадцать футов, размещался бункер, экранированный от посторонних излучений листами свинца.

Охранник в синей фуражке притронулся к козырьку и помог открыть тяжеленную дверь гардеробной.

— Пожалуй, это вам подойдет,— кивнула Марта, приоткрыв первый попавшийся пенал.

Джонсон натянул пластиковые тапочки и облачился в зеленый халат. Как ни странно, пришлось впору.

Аппаратная, куда они поднялись по винтовой лестнице, напомнила ему пункт космической связи в Хьюстоне: те же ряды терминалов, электронные блоки, компьютерные шкафы. Судя по вращающимся катушкам, запись шла в непрерывном режиме. Подрагивали плазменные огоньки сигнальных лампочек, бдительная автоматика подводила стрелки приборов к режимной черте.

Марта села за пульт и один за другим включила несколько полыхнувших небесной синью экранов. Микрасных, желтых и зеленых точек молниеносно сгруппировались в пятна различной насыщенности, словно звездные миры, охваченные спиралью туманностей.

— Похоже на цветомузыку,— проронил Джонсон. Он впервые увидел живой мозг в неуемном броуновском коловращении точек.

Неуловимо изменялись расплывчатые контуры пятен. То расширяясь, то суживаясь, они беспрерывно меняли свою астральную цветность, откликаясь на мерцание каждой клеточки, наполненной необоримой жизненной силой. Полным откровением явился тот очевидный факт, что мысль — идеальная мысль!—

оказалась сопричастной с этим зримым движением, с его очевидной механикой.

«Непостижимо!»

— Это... живой человек? — шепотом спросил Джонсон. Он был восхищен; восхищен и подавлен.

— Люди, — не повернув головы, бросила Марта. — Живые люди, — добавила, переместив изображение на дисплей, занимавший добрую четверть стены. Мозаичная, расчерченная на квадраты панорама обрела большую наглядность и, вместе с тем, грубость организованной материи.

— Сейчас у нас под наблюдением находятся семь человек: четверо практически здоровых и трое больных, — объяснила она, передвигая световую стрелку. — Это мужчина тридцати семи лет, белый, с детства страдает эпилепсией. Видите очаг возбуждения? — стрелка очертила красное пятнышко. — Даже сейчас, в состоянии ремиссии, температура остается повышенной.

— Пылает огнем, — поддакнул Джонсон. — Красный сигнал.

— Компьютерные цвета условны. Температурные переходы «горячо-тело-холодно» закодированы спектром «красный-желтый-синий». Их можно варьировать, как угодно. — Марта пробежалась по клавишам пульта, и картина поменяла цвета. Воспаленный очаг окрасился студеной голубизной полярного неба.

— Понятно... А зеленое?

— Возникает при наложении синего и желтого. Вы никогда не рисовали цветными карандашами?

— Разве что в раннем детстве... Послушайте, Марта, они у вас так и живут с электродами в голове?

— Вы действительно ничего не смыслите, Питер, или просто валяете дурака?

— Я же чистый гуманитарий! — взмолился он. — Будьте уж настолько любезны... Что-то читал про золотые проволочки, вживленные в мозг: центр наслаждения, центр страдания и все такое. Энцефалографию, правда, видел в действии: альфа-волны, бета-волны. Похоже на электрокардиограмму и на детектор лжи. Немного знаю про левое и правое полушария. Вот, пожалуй, и все.

— Тогда не лучше ли нам ограничиться вопросами и ответами? Вы, кажется, прошлись насчет золотых

проволочек. Метод электродов действительно подвинул нас на качественно новую ступень познания. Но, во-первых, центры эмоций оказались не столь строго локализованы, как это виделось поначалу Хуану Дельгадо, а, во-вторых, превратить мозг в утыканного иглами ежа немного хлопотно, согласитесь. Наконец, такую операцию, по соображениям врачебной этики, можно проделать только с больными, нуждающимися в электростимуляции людьми. Для исследования здорового мозга мы, до нынешнего момента, располагали ограниченным набором средств: тесты, меченые атомы и так далее. Остается ЭЭГ, энцефалография или, как вы изволили выразиться, детектор лжи. Полагаю, что здесь вы достаточно компетентны, не так ли, Питер?

— Вы язва, но я от вас без ума!

— Датчики снимают биотоки мозга с кожного покрова головы. Как и в случае с электродами, это предполагает непосредственный контакт, хотя и без проникновения внутрь мозга. Плюсы и минусы очевидны. Подкорковые зоны, древнего мозга, унаследованного, образно говоря, от ящеров, особенно трудно поддаются расшифровке. Насколько я понимаю, вы бы не хотели ограничиться одними полушариями?

— Я вообще против всяких ограничений, включая апартеид.

— Не люблю, когда начинают ерничать.

— Простите, Марта, я весь внимание.

— Словом, датчики во многом уступают точечным электродам. ЭЭГ дает интегральную картину, да и количество исследуемых зон ограничено. В сравнении со снайперской точностью электродного компьютерного стереотаксиса, ЭЭГ больше напоминает стрельбу по площадям. Теперь смотрите сюда,— она последовательно переместила на большой дисплей картинки с экранов.— Видите разницу?

Конфигурация и окраска пятен раз от разу менялись, но это ничего не говорило Джонсону.

— Ваши семеро пациентов,— сказал он с глубокомысленным видом.— Магическое число.

— Магия здесь не при чем. Как вы знаете, за этими стенами расположены одиночные палаты. Всего их десять, на сегодня заняты семь. Но если в случайном со-

впадении вам хочется видеть чудесное предзнаменование, пусть будет по-вашему...

Джонсон понимал, чем вызвано раздражение Марты. Она все еще не может простить, что он подсунул ей ясновидящего йога. Шиваит из Варанаси оказался явно не по зубам даже сверхсовременной технике. Уносясь в астрал, он путал все карты.

— Жаль, что я полный профан в технике,— посетовал он, вспомнив, для чего мадам ван Хорн понадобились оптические алмазы. Метод термоэнцефалоскопии был бесконтактным. Термодатчики могли уловить инфракрасное излучение мозга в тридцати сантиметрах от головы. Это давало пациенту необходимую свободу движений. Как можно было так опростоволоситься! У Марты были все основания посчитать его идиотом.

— Пациент К., сорок три года, белый, летчик военно-воздушных сил, практически здоров,— как пианист, она вслепую прошлась вдоль пульта, и на дисплее картинка сменилась.— Посмотрим, чем он занимается.

В левом углу появилось заключенное в рамку черно-белое изображение комнаты и человека с книгой в руках. Нажатие кнопки сфокусировало объектив следящего устройства на книге с какими-то графиками и математическими знаками.

— Как вы заполучили такого здоровяка?— Джонсон обратил внимание на коротко остриженные волосы, мощную челюсть и развитые бицепсы.— Настоящий боксер.

— Доброволец,— Марта не отличалась многословием.— Читает работу по аэродинамике. Это входит в программу,— она убрала черно-белый квадрат и укрупнила цветное изображение.— Мозг бодрствует. Активация одной зоны сменяется возбуждением другой... Теперь обе они возвращаются в прежнее состояние.

Разноцветная мозаика пребывала в постоянном движении, краски переливались, сгущались, бледнели; квадратики распадались и собирались, образуя все новые ступенчатые фигуры.

— Как видите, картина беспрерывно меняется. Центры возбуждения окружены зонами пониженной активности. Тепловые ответы на разные раздражители

появляются в различных участках коры. Но даже в состоянии полного покоя, в абсолютной темноте, мозг перебирает свои разноцветные кубики. Это его обычная жизнь...

— Слишком мало мы знаем об той обычной жизни. Где, например, хранится наследство предков? В нейронах?

— Пресловутая «память веков» — выдумка Фрейда. В генах хранится наследство предков, и более нигде.

— Выходит, для вас нет загадок?

— Больше, чем мне бы хотелось, но я надеюсь их разгадать. Здесь заключена информация,— Марта прочертила мозговую карту стрелкой,— которую не может дать установка даже десяти тысяч электродов. Тем более, что подобная операция невозможна.

— И какие же загадки вас особенно волнуют?

— Глиальные клетки, например, которых на порядок больше, чем нейронов. Но для вас это скучная материя. Хотите еще посмотреть?

— Хватит, пожалуй. Общий принцип я уяснил, а деталей все равно не пойму. Поражает сама возможность своими глазами увидеть столь интимный процесс... Эти термодатчики должны отличаться поразительной чувствительностью. Я как-то был в обсерватории «Маунт-Паломар», где мне показали прибор, способный засечь спичку, которую зажгли на другом конце материка.

— Инфракрасный микродетектор способен зарегистрировать температуру в любом пункте на поверхности головы с точностью до сотых долей градуса. Так, точка за точкой, сканируется весь череп. Измерение температуры длится всего две микросекунды... Вам нужны цифры, Питер?

— Никогда не знаешь, что может понадобиться. Сколько всего таких точек?

— Это зависит от режима. В кадре, который мы видим, их свыше шестнадцати тысяч. На сканирование полной картины уходит сорок миллисекунд. В этом режиме мы, как в обычном телевидении, получаем двадцать пять кадров в секунду... По-моему, мы уже говорили на эти темы? Позапрошлым летом в Дурбане?

— Кажется, я начинаю припоминать! Вы тогда не знали, как избавиться от этих... шорохов?

— Шумов.

— Есть разница?

— Специфический термин, Питер. Детектор нуждается в глубоком охлаждении для снижения его собственных шумов. Я действительно опасалась, что придется использовать жидкий гелий, но, с вашей помощью, обошлись азотом. Это значительно упростило конструкцию. Детекторы индий-сурьма превзошли все ожидания.

— Мы приобрели лицензию у русских. Дары, так сказать, конверсии. Раньше такие штучки держали за семью замками... Веселые были моменты. Я имею в виду бизнес по-русски. Они могли бы монополизировать рынок редких металлов, индия в первую очередь, но предпочли сразу выбросить и распродать по дешевке. Побыстрее упрятать деньги в карман не терпелось.

— Нам это помогло сэкономить полгода работы.

— А мне семь миллионов долларов...

— Это был удачный ход, Питер. Еще вопросы?

— Знаете, я весь под впечатлением увиденного. Кора, гипоталамус, лимбическая система... Завод по производству мысли. Жаль, что самое мысль увидеть нельзя... Скажите, Марта, это реальные скорости?

— Абсолютно. Вы видите то, что происходит в данный момент. Запись можно вести на различных режимах: от одной до двадцати пяти карт в секунду. Чем выше скорость тепловых процессов, чем быстрее дают ответ структуры мозга, тем скорее запись. Воспроизводить тоже можно в любом режиме. Это позволяет сжать во времени реальный процесс. Как в кино при замедленной съемке.

— Когда на твоих глазах вырастает из зернышка дерево и дает плоды?.. Знаменитый фокус индийских факиров, верно? Наблюдение ведется круглосуточно?

— По возможности. Мозг работает непрерывно и постоянно, как сердце и легкие. Нейроны не отдыхают даже во сне. Напротив, именно во сне отдельные зоны возбуждаются гораздо сильнее, чем в часы бодрствования.

— Словно мы уходим в другой мир, где живем интенсивнее и полнее?

— Это ваши слова?

— Навряд ли... Так, застряло в памяти.

— Я так и подумала,— не преминула съязвить она, но тотчас переменила тон и вполне мирно, даже доброжелательно, заговорила о первоочередной важности постоянных и, главное, длительных наблюдений.— Чтобы хоть как-то приблизиться к пониманию «черного ящика», чем в сущности был, есть и остается мозг, даже мозг простейшего животного, одинаково важно наблюдать за всеми фазами его работы. Когда пациент двигается, спокойно лежит, читает книгу, спит, ест, решает трудную задачу, смеется, страдает... Интересен больной и здоровый мозг, в состоянии медитации и гипнотического рапорта.

Она молча встала и, так же последовательно, как зажгла, стала гасить экраны термовизоров. Конфликт с ван Хорн был неизбежен, и Джонсон решил, что настала пора вскрыть нарыв. Он дал ей возможность самой начать разговор, но она и словом не обмолвилась о старике Патанджали.

— Вы показали всех своих пациентов, Марта?

— Всех.

— Вы не слишком сердитесь на меня?.. За старика Патанджали?— Джонсон понял, что она тоже ждала и хотела схватки.

— Я не веду наблюдение над мистером Патанджали.

— То есть как?.. Разве он не у вас?

— Он по-прежнему занимает свою палату и ни в чем не нуждается, но я исключила его из числа пациентов.

— Значит там,— Джонсон указал на дисплей,— мы не увидим его мозга?

— Вы обманули меня, Питер.

— Такого за мной не водится,— он подавил раздражение.— Я вынужден вновь просить вас уделить внимание мистеру Патанджали.

— Нет! Вы скрыли от меня, кем на самом деле является этот цветной, а следовательно сознательно ввели в заблуждение. Поймите, Питер, это не дамский каприз. Нам пришлось начинать с азов, и я не была готова к столь сложному случаю. Развитие науки идет постепенно и поступательно, от простого к сложному... Пока, почеркиваю, пока я не могу пойти вам навстречу.

По-своему она была права, но Джонсона меньше всего волновали проблемы чистой науки. Ко всему

прочему, доктор гонорис кауза десяти университетов оказалась еще и расисткой. «Очень кстати в сложившейся обстановке»,— с тихим отчаянием подумал Джонсон.

Он не знал, кому пришла в голову гениальная идея построить институт на вулкане. Когда рванет — через год, через месяц? Или пронесет, ежели белые поладят с черными, а черные договорятся между собой,— не скажет никто. Гремучее слово пустобреха или мина бандита перечеркнут любой сценарий. Одно несомненно: если кто и способен взорвать собственный дом, а значит и весь проект, то это Марта ван Хорн. Африканерская спесь, помноженная на вздорный характер, и непомерные амбиции сработают почище чешского пластиката. Избавиться от нее будет ой как нелегко, но придется на это пойти, невзирая на любые затраты. И без промедлений.

Ожидая ответа или хоть какой-то реакции на свой выпад, она продолжала стоять над пультом, прямая и наэлектризованная, как метла ведьмы.

— Не обольщайтесь, Марта. Вы будете делать все, что я скажу, или вам вообще ничего не придется делать,— со свинцовым спокойствием проронил Джонсон.— «Разрази меня гром»,— выругался уже про себя.

И гром грянул. Вернее, ослепительная молния беззвучно вырвалась из недр погашенного дисплея и сканирующим лучом пошла выписывать вертикальные и горизонтальные строки. Не понимая, что произошло, Джонсон воззрился на развернутую цветную карту, возможно, одну из тех, что Марта успела продемонстрировать. Для него все они были на одно лицо.

Она опомнилась первой.

— Не может быть!— прохрипела, как-то сразу осев, словно проколотая шина.— Этого просто не может быть!— ее руки судорожно метались по кнопкам и рычагам.— Все выключено, отключено!

— Что случилось?— ее смятение скорее удивило, чем взволновало Джонсона.

— Все приборы отключены! А здесь?— она метнулась к распределителю, распахнула жестяную створку и рванула рубильник.— Здесь тоже.

Скрытые экранами лампы, наполнявшие аппаратную приглушенным рассеянным светом, погасли, но

дисплей по-прежнему переливался своими условными красками, особенно сочными в темноте.

— В чем дело, Марта?! — повысил голос Джонсон. — Что, собственно, происходит?

— Это его мозг, понимаете?.. — казалось, что она вот-вот задохнется. — Восьмая палата давно отключена, тут все вырублено, а он светится — его мозг...

— Кого — его?!

— Патанджали.

— Старика Патанджали?! — Джонсон нервно рассмеялся. — Не может быть... Впрочем, вы же его записывали? Проверьте компьютеры.

— Бесполезно, — пытаясь овладеть собой, она сжала виски. — Питание вырублено. Хоть это вы понимаете?

— Боже! — прошептал Джонсон, увидев рамку, прорисовавшуюся в правом верхнем углу.

Йог Патанджали в черно-белом изображении предстал сидящим на шкуре какой-то пятнистой кошки: пятки поверх колен, ладони дощечками, одна над другой, веки полуопущены.

Он витал среди иных миров, оставив в здешнем цветное изображение своего мозга, где не трепыхалась ни единая жилочка, и черно-белый портрет.

Джонсону показалось, что неподвижное тело аскета обрело дымчатую прозрачность, и там, как в тумане, просвечивает какой-то луч. Поднимаясь от крестца по позвоночнику, он постепенно расширился и, пройдя сквозь крышку черепа, как зонтик, раскрылся над теменем раздутым капюшоном.

Джонсон готов был поклясться, что это кобра.

АВЕНТИРА ОДИННАДЦАТАЯ

ВЕЛЛИНГТОН, НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Второй день воронка антарктического циклона крутилась над Северным островом Новой Зеландии. Временами шел дождь пополам со снегом, а то вдруг прорывался заряд града, обсыпая нафталиновыми шариками перистые опахала древовидных папоротников в городских скверах. Мокрые тротуары были усеяны съежившимися лепестками магнолии. Над автострадами

курился холодный пар, насыщенный гарью бензина и угольного брикета. При одной мысли о том, что придется выйти на улицу и оседлать велосипед, делалось зябко. Чайки, и те искали укрытия в бетонных нишах.

Эрик Ли задержался в аудитории наедине с доской и куском мела. Хотелось хорошенько обмозговать прелюбопытную идею, нежданно промелькнувшую в самый разгар лекции. Продолжая читать намеченный на сегодня раздел, Эрик успел схватить ее на лету, удержать в памяти и даже найти математический подход. Объясняя студентам принцип симметрии, он тщательно вычерчивал группы матриц, и это ничуть не мешало ему производить мысленные преобразования. Оставшись в одиночестве, он поспешно стер таблицы квантовых чисел, с их триплетами и гиперзарядами, и сосредоточился на SU_3 — симметрии, вернее на следствиях, вытекающих из ее нарушения.

Язык математики непереводим. Тем более невозможно описать словами мыслительный процесс, протекающий в голове математика. Диалог, который ведут между собой левое и правое полушария мозга, скорее можно назвать беседой с Мировым Разумом, ибо формулы, если они верны, останутся таковыми и на Юпитере, и на Сатурне, и в самой дальней галактике, унесенной к границам Вселенной. Стоит только договориться насчет условных значков, и любой математически подкованный инопланетянин сразу поймет, о чем идет речь.

Пусть придется начинать с азов: $1 + 1 = 2$.

Если заменить арабские цифры римскими, успех гарантирован:

$$I + I = II;\ II - I = I;\ II \times II = IIII;\ IIII : II = II.$$

Вся арифметика с первой попытки. На худой конец можно прибегнуть хотя бы к тем же яблокам из школьного задачника, а простейшая схема атома водорода (протон, электрон на орбите, уровни, квант) подскажет дальнейшее направление.

Короче говоря, написанная на доске группа из греческих и латинских букв, в совокупности с алгебраическими знаками, в принципе должна быть понятна всем:

$$\overline{\Psi}_i \theta \Psi_j \mid > 0$$

Тем более, что профессор Ли имел привычку рассуждать вслух:

— Каждому ψ — полю,— бормотал он, покрывая доску меловыми каракулями,— нужно приписать барионное число $B = 1/3$, но в любом случае B, связанное с $\bar{\psi}$, будет противоположно по знаку. Отсюда следует, что мезоны ($B = 0$) могут быть построены из пар $\bar{\psi}_i$, ψ_i, действующих на вакуум, а спин и четность возникающей частицы будет зависеть от вида пространственно-временного оператора Θ... Однако для барионов ситуация более сложна...

Нет нужды и далее варьировать математическими символами. Задача не только неблагодарная, но и бессмысленная, ибо, покрыв всю доску, Эрик Ли безжалостно перемещал ее вверх, храня в памяти нарисованное, и продолжал наносить свои каббалистические иероглифы, пока вновь не добирался до нижнего края. Затем вся операция, сопровождаемая нечленораздельным ворчанием, повторялась.

Среди всех физиков планеты, пожалуй, можно было бы назвать двух или трех, способных уследить за полетом его мысли. То ли судьба так распорядилась, то ли от отца англичанина и матери маори Эрику достался уникальный генный набор, но ему действительно не было равных. В два с половиной года он научился играть в шахматы, в пять — овладел школьным курсом математических дисциплин, в одиннадцать — поступил на физический факультет Веллингтонского университета, в пятнадцать — получил степень доктора философии. Ровесник своих студентов, профессор Ли пользовался непререкаемым авторитетом не только в научных кругах, но и в молодежной среде. Автор монографий «Теория струн в структуре Вселенной» и «Математическая модель вакуума», переведенных на все основные языки, ухитрился стать еще и чемпионом мира по покеру, что снискало ему несравненно большую славу. Встретившись однажды за шахматной доской с Гарри Каспаровым, гениальный вундеркинд проиграл три

партии подряд. Однако на следующий год ему удалось уговорить чемпиона мира сразиться с компьютером, программу для которого написал сам Эрик. Результат оказался прямо противоположным: лишь одну партию Каспарову удалось свести к пату. «Я найду способ одолеть этого робота,— пообещал он,— хотя в дальней перспективе шансы человека невелики». К счастью для шахматистов, профессор Ли слишком был занят другими задачами. Столкнувшись с непреодолимыми трудностями в классическом примере пространственной инверсии и обращения времени, он забросил не только шахматы, но и карты. Не без сожаления надо признать. Покер, который давал в студенческие годы солидную прибавку к стипендии — журналы недурно платили за хитроумные комбинации,— превратился со временем в единственное средство разрядки.

Нельзя сказать, что идея, сулившая изящный выход из тупика, родилась совершенно спонтанно. Он давно подозревал, что в физике частиц Р- и С-инвариантности не имеют места в отдельности друг от друга, но все никак не решался подключить к ним время, инвариантность Т. Увязать воедино обратимость направлений пространства и знака электрического заряда со стрелой времени. А ведь еще Ричард Фейнман прозорливо изрек, что электрон — это позитрон, летящий из будущего в прошлое. Здесь угадывался тот же глубинный смысл, что и в парадоксе Уиллера: «Все электроны Вселенной — это один-единственный электрон в запутанном клубке мировых линий».

По зрелому размышлению — формулы на доске множились в заданном темпе — Эрик вынужден был признать, что ключевым моментом в решении стала вчерашняя встреча с Брюсом Хейджберном, напрочь позабытым однокашником по прозвищу «Киви». Только оно и помогло вспомнить долговязого студента, одержимого идеей искусственного разведения этих замечательных птиц, прославивших Новую Зеландию, но, увы, не способных к полету.

Вначале Ли не узнал Хейджберна, но ничуть не удивился тому, что тот его знает и помнит. Вряд ли можно забыть мальчишку, который сидит рядом с тобой на лекциях по квантовой механике. Казалось бы, впору из рогатки стрелять, а он наизусть сечет табличные интегралы. Про внешность и говорить не приходится:

яркие, как сердцевина ромашки, пятна веснушек и смоляной отблеск полинезийских волос. Курьез и гордость Alma mater!

Хейджберн явился без звонка и повел себя так, словно они расстались только вчера. Это хоть как-то можно было понять, если бы их связывала давняя дружба или общие интересы. Отнюдь. Ли по крайней мере на семь лет был моложе самого юного первокурсника. Его не брали на спортивные состязания, он не принимал участия в пирушках, не флиртовал с девицами, не употреблял алкоголя и не курил «травку», вообще не курил. Чтобы примкнуть к какой-нибудь теплой компании, одного покера было мало. Неудивительно поэтому, что Эрик ни с кем особенно не сблизился и скоро позабыл лица коллег. Именно лица, но не имена! Имена и номера телефонов он запоминал сразу и навсегда. Стоило Хейджберну назвать себя, как все стало на свои места.

— Привет, старина! — улыбаясь во всю ширь, он переступил порог коттеджа на Мэннерс-стрит, где в компании кота Каунта и хамелеона Пью обитал Ли. — Ты, как всегда, витаешь в облаках? Сделай одолжение, спустись на минуту на грешную землю. Помнишь меня?

— Разумеется, — Эрик поспешно подался в сторону и сделал приглашающий жест. — Прошу вас, входите.

Конечно, он не помнил этого высокого жизнерадостного здоровяка в синем блейзере и узкополой клетчатой шляпе, но состроил радостную физиономию, прикидывая, сколько времени отнимет непрошеный визитер.

— Какие церемонии! Бьюсь об заклад, что не узнал!

— Почему же... Вот только имя, простите.

— Брюс Хейджберн. Бродяга Брюс!

— Ах, Хейджберн! Ну, ясно, Хейджберн... «Киви»?

— Верно, — растрогался гость, раскрывая объятия.

Но Ли осторожно уклонился и, словно указуя путь в либиринте, первым прошел в холл.

— Аскет! — Хейджберн огляделся скудно обставленное помещение, где, кроме камина с латунным экраном и двух компьютеров, не было ничего сколь-нибудь примечательного. — Что ж, ты остался верен себе. Это еще кто такой?! — он уставился на глазастое страшилище, висевшее вниз головой на оконном карнизе. Вращая

в разные стороны огромными глазищами, маленький монстр, ловко выстрелив языком, словил на лету какую-то мошку.

— Мой верный Пью. Кра-а-савец!

Полюбовавшись чавкающим хамелеоном, Хейджберн перевел взгляд на хозяина. Эрик Ли почти не изменился за эти годы: короткая стрижка, непокорный хохолок на макушке и неизменная рубашка в клетку. Разве что вытянулся изрядно и нарастил кадык. Что ж, именно из таких и вылупливаются нобелевские лауреаты.

— Ты по-прежнему в университете?

— А ты... что поделываешь? — кивнул Эрик.

— Так, конструирую кое-какие штучки... Нет, физику я не бросил. Напротив, она меня здорово выручает. Зато с математикой, как и прежде, не в ладах. По этой причине я и решился побеспокоить тебя. Помоги, Эрик.

— Ты думаешь, я сумею?

— Если не ты, то я уж и не знаю...

— Ты льстишь мне, Брюс. Притом я мало чего смыслю в технике.

— И не нужно. Основная загвоздка в теории.

— Что за прибор? — Эрик Ли водрузил на мольберт грифельную доску.

— Не в приборе суть, — поморщился Хейджберн. — Предположим, что это «черный ящик», излучающий на выходе широкий спектр частот. Каждая представляет собой бесконечную синусоидальную волну. Амплитуды и фазы этих волн находятся в таком соотношении, что при суммировании все волны гасят друг друга, за исключением малой доли секунды, равной продолжительности сигнала на входе... Ты следишь за моей мыслью?

— Пока все понятно, только в чем суть проблемы?

— Суть в том, что мне нужен фильтр, пропускающий только одну частоту и поглощающий все остальные.

— Не вижу препятствий.

— Я тоже, но прибор почему-то не работает.

— А как он должен работать?

Хейджберн вооружился осколком грифеля.

— Узкая полоса, прошедшая через фильтр, описывается бесконечной синусоидальной волной. Так?.. Поэтому поглощенная часть спектра теперь уже не сможет погасить прошедшую волну и...

— Насколько я понял, ты произвел фурье — разложение волны возбуждения? — постукивая грифелем, Ли изобразил математический ряд.— Так можно исследовать любую изменяющуюся во времени величину. На каких частотах ты хочешь работать?

— Точно не знаю. На разных.

— Мне плевать на твой, как я понимаю, секретный прибор. Пусть будет «черный ящик». Но я должен знать, чего ты хочешь. Какая полоса частот тебе нужна?

— Осцилляции вакуума, допустим.

— Ничего себе! — заинтересовался, наконец, Эрик.— И кто твой заказчик?

— Одна фирма, связанная с НАСА.

— Значит, затраты вас не слишком смущают?

— Не слишком.

— Тогда давай возьмем какой-нибудь конкретный пример. Любую волну. Допустим, свет или звук.

— Почему бы нет?.. Давай звук, если хочешь.

— Что произойдет, если поднести камертон к стреляющему ружью?

— Наверное, он будет вибрировать, поскольку выбирает из шума одну фурье — компоненту.

— Правильно. У тебя тот же принцип. Тебе приходилось сталкиваться с чем-то подобным?

— И не раз. Когда мы проводили опыты с водородом, камертон звучал секунд двадцать после экспериментального взрыва.

— Фосфоры сохраняют свечение еще дольше. Так?

— Достаточно взглянуть на приборы в кабине пилота. Тривиальная вещь.

— Не совсем, Брюс, не совсем... Давай-ка зайдем с другой стороны. Представь себе, что твой камертон начал звучать не **после**, а **до** экспериментального взрыва... Такое возможно?

— Разумеется, нет!.. А впрочем... Послушай, Эрик, ты совсем сбил меня с толку. Я не успеваю за твоей мыслью. Чувствую, что где-то кроется противоречие, но не пойму, в чем оно заключается.

— Имея время затухания порядка двадцати секунд, камертон должен был бы зазвучать за двадцать секунд до взрыва.

— Но это же нонсенс! Откуда камертон может «знать», какой окажется полоса частот?

— Вот ты и подумай над этим, Брюс, хорошенько. А сейчас, извини, мне некогда. Жду тебя завтра, ровно в восемь утра. Договорились? — Эрик буквально вытолкал новоявленного друга за дверь. Потом ему стало немного стыдно, но легкие угрызения совести поглотило нарастающее беспокойство, предчувствие чего-то очень значительного, что буквально стучалось в виски.

Пожалуй, именно в те минуты мучительного недоумения он и заподозрил, что между очевидным заблуждением Хейджберна и его, Эрика Ли, математическими потугами есть определенная связь. Он промучился всю ночь, но ничего путного так и не надумал, и почти обрадовался, когда минул условный час, а Хейджберн не появился. Проглотив чашку остывшего кофе, взял велосипед и ровно в восемь тридцать с чистой совестью поехал в университет. И не промахнулся. Идея кристаллизовалась, когда он сделал неожиданный пас в сторону и начал объяснять принцип комбинированной четности. Словно кто-то направлял его на истинный путь. Случайности складывались в закономерность. Брюс со своим «черным ящиком» нарушил принцип причинности. Камертон должен был бы завибрировать до взрыва лишь в том случае, если стрела времени направлена вспять: из будущего в прошлое. Чисто формально такая обратимость вытекала из СРТ — инвариантности.

Итогом выкладок явилось следующее уравнение:

$$\overline{H} = \sum_{i=1}^{3} \sum_{\mu=1}^{4} (\bar{\Psi}_i \gamma_\mu \partial_\mu \Psi_i) +$$

$$g_r \sum_{i,j=1}^{3} (\bar{\Psi}_i \gamma_\mu \Psi_i)(\bar{\Psi}_i \gamma^\mu \Psi_j)\ ^{1)}$$

---

[1] Нет смысла расшифровывать формулы или, тем более, производить дальнейшие операции. Это явно превышает эрудицию автора и, скорее всего, читателя тоже. Попытка внедрения высшей математики в литературный текст вообще сомнительна. И только необходимость во что бы то ни стало придать гласности все обстоятельства, связанные с экспериментами в области осцилляций ва-

Объединив, таким образом, четность с группой SU_3, Эрик ограничил, как это говорится на профессиональном языке, вид гамильтонина Н. Затравочную массу для триплета кварков он принял равной нулю.

На элементарном уровне ничто не запрещало поворота стрелы времени. Посланная в будущее волна могла возвратиться из прошлого. По крайней мере, так вытекало из теории. Теперь можно было прикинуть, как поведет себя заряд, обладающий конечной массой, под действием другого заряда, закрепленного в точке.

Эрик построил график, отложив время по оси абсцисс, и провел первую кривую.

Покончив с монополем, он уже было собрался заняться диполем, т. е. элементарным двухполюсным магнитиком, но, так и не набрав высоты, канул вниз с перебитым крылом.

Резкий скрип двери вызвал на его лице болезненную гримасу. В аудиторию ворвался порядком промокший и распаленный Хейджберн.

— Хорошо, что я нашел тебя, старина! Прости за опоздание.

— Мы, кажется, договаривались в восемь? И не здесь, а у меня? — Эрик с ожесточением отшвырнул мел.

— Право, я крайне сожалею! Но случилось непредвиденное. Когда мы свернули с набережной на Лэмбтон-Ки, начался снегопад. Машину впереди вынесло на встречную линию, и пошло, поехало... Жуткая картина! Мой таксист чудом избежал столкновения. Потом нагрянула полиция, стали разбираться, кто да чего...

— Я рад, что ты не пострадал, — Эрик сдул с пальцев меловую пыль, — но не смогу уделить тебе достаточно времени. В час у меня коллоквиум, а еще надо перекусить.

— Может, посидим вместе? Найдется какая-нибудь забегаловка?

— Вряд ли нам дадут спокойно поговорить в сто-

куума, вынуждает расставить хоть какие-то вехи для тех, кому рано или поздно придется вести расследование. Слишком многое поставлено на карту, чтобы блюсти чистоту жанра. Читатель может не обращать внимания на математические, физические и химические обозначения, которые изредка и в ограниченном количестве попадаются в тексте. (*Примеч. автора.*)

ловой... Есть, правда, небольшое кафе, но оно в другом конце и придется пройти через весь кампус. Туда и обратно — минут двадцать. Слишком большая роскошь. Жаль, что ты все-таки опоздал.

— Вот заладил! Ну, какой же ты все-таки зануда! Откуда мне было знать, что ни с того ни с сего переменится погода, пойдет снег и заварится вся эта каша? Вереница диких случайностей!

— Взаимообусловленных.

— Какое это имеет значение.

— Ах, так? — Эрик скривил губы в пренебрежительной ухмылке. — Стоит ли удивляться после этого, что твой «черный ящик» ни к черту не годится?

— Ты намерен издеваться? Тогда извини за напрасное беспокойство. Я лучше пойду, — Хейджберн обреченно махнул рукой.

— Погоди, — Эрик схватил его за рукав, оставив на нем белые отпечатки. — У меня и в мыслях не было обидеть тебя... Ты так и не понял, в чем порочность идеи?

— Считай, что мне приспичило повидать старого приятеля. Вот я и перемахнул через два океана.

— Если не ошибаюсь, я просил тебя хорошенько подумать, — Эрик никак не отреагировал на иронический тон. — Вчера ты сказал, что камертон не может предвидеть, какой окажется полоса частот. Верно?.. А сейчас сетуешь на то, что и тебе самому не дано знать наперед. Улавливаешь?

— Причинность! — Хейджберн хлопнул себя по лбу.

— Да, неумолимый принцип причин и следствий. Ты сам это понял, Брюс.

— Значит, ничего нельзя сделать...

— Я этого не говорил.

— Так ты полагаешь...

— Вернемся к водородному взрыву. Как это делается?

— Обычно. В стальной камере.

— Никак не связанной с камертоном?

— Нет.

— Простая система прямой и обратной связи, и твой камертон научится вибрировать за двадцать секунд до взрыва.

— Спасибо за науку, Эрик. Но даже такой невежда,

как я, понимает, что существуют барьеры, которые не перепрыгнешь. Закон сохранения энергии, второй закон термодинамики...

— Ты хочешь сказать, что принцип причинности все же дает какую-то степень свободы? Я согласен, но какую, Брюс? И как ее можно реализовать?

— Мы оба знаем, что каждая фурье-компонента представляет собой бесконечное по времени колебание. И это главное. Во-вторых, никакие законы не запрещают создать механизм, способный выбрать из всей полосы частот какую-то одну. Где же ошибка? Ты хорошо объяснил, как сделать детектор, предупреждающий о взрыве, но мне нужно совсем другое.

— Давай рассуждать последовательно,— Эрик мысленно распрощался с ленчем в столовой для преподавателей и возвратился к доске.— Мы располагаем системой, именуемой «черным ящиком»? Прелестно,— он начертил прямоугольник.— На входе имеется некая сила, назовем ее «воздействием», а также отклик ящика на выходе,— с двух сторон прямоугольника появились волнистые стрелки.— И воздействие, и ответная реакция функционально зависят от времени... Мы ничего не упустили?

Хейджберн отрицательно мотнул головой.

— Теперь перечисли свойства твоего ящика. Я имею в виду причинные свойства.

— Желательно, чтобы он связывал воздействие и отклик линейным образом. Нелинейные системы способны самовозбуждаться.

— Существуют нелинейные системы, которые не самовозбуждаются, оставаясь при этом причинными.

— Боюсь, что в моем случае мы сталкиваемся с целой комбинацией разных систем.

— Даже так?.. Но не будем пока отвлекаться и определим граничные условия. Начнем с того же камертона.

— С ним-то все ясно,— Хейджберн взял мел и приписал к схеме Ли функцию:

$$f_{(t)} = \delta(t - t_0)$$

Эрик немного приподнял доску, высвобождая чистую полосу.

— Если представить себе взрывную вспышку, т. е. любое воздействие, имеющее такую форму,— Хейджберн подчеркнул написанное,— то принцип причинности требует,— он сделал еще одну приписку,— чтобы отклик $g(t)$ при $t < t_0$ отсутствовал, но мог проявляться в течение некоторого времени после t_0.

— Безупречно. Теперь сформулируем это математически. Поскольку отклик является линейной функцией воздействия, то соотношение между ними может быть записано в такой форме...

На доске появился ключевой интеграл:

$$g(t) = \int_{-\infty}^{\infty} L(t,t')\,f(t')\,dt'$$

Далее в музыкальном темпе allegro начались сложные композиции преобразования. В ход пошли теорема Титцмарша, функция Грина, формула Коши и прочие заумные штучки, включая мнимые числа.

— Частота и декремент затухания соответственно являются, причем с точностью до знака, вещественной и мнимой частями полюсов функции $\tilde{L}(\alpha)$,— подвел окончательный итог Эрик.— С подобной ситуацией ты встретишься во всех случаях, когда учитывается влияние принципа причинности. В той же квантовой теории рассеяния, где функция $\tilde{L}(\omega)$ оказывается значительно более сложной. Там ее называют амплитудой рассеяния. Кроме полюсов, как здесь, она имеет еще и точки ветвления. Они связаны с рождением новых частиц в процессах взаимодействия. Их реальные и мнимые части представляют собой частоты и, опять же соответственно, обратные времена жизни резонансов... Теперь, надеюсь, ты понял, где зарыта собака?

— Не знаю, как благодарить тебя, старина,— Хейджберн вынул из заднего кармана бумажник.

— Это еще что?— отпрянул Эрик Ли.

— Платит фирма,— Хейджберн вырвал из книжки

подписанный чек.— Если не тебе, так кому-то другому. Я так полагаю, что лучше тебе. Нет проблем, старина.

— Так много?— искренне изумился Эрик, увидев цифру с пятью нулями.— Куда девать столько?

— Мне бы твои заботы! Помоги старикам, если сам не нуждаешься. Они у тебя замечательные. Я помню.

— Нет моих стариков, Брюс. Умерли в один год... У вас найдутся ребята для расчета частот?

— За этим дело не станет. Была бы подходящая формула. Спасибо, дружище, за все. Ты меня здорово выручил... Могу я еще когда-нибудь к тебе обратиться? Если опять подопрет?

— Естественно. Буду рад случаю вновь повидаться.

— А сам-то ты не собираешься выйти в свет? Забился в медвежий угол и сидишь, как сыч. Хоть бы в Антрактиду слетал, раз другой земли поблизости нет.

— Один-два конгресса в год для меня вполне достаточно. Я люблю свою страну, Брюс.

— И я люблю ее, Эрик, но это не мешает мне жить и работать в Штатах. Когда-нибудь я вернусь в Крайстчерч и стану разводить киви или обоснуюсь где-нибудь на кокосовых островах... Я бы охотно помог тебе получить место в любом университете Америки или Европы. Поработали бы немного вместе. А?.. Условия самые выгодные.

— Мне вполне хватает того, что есть. Я доволен жизнью и не ищу лучшего.

— Эх ты, Диоген! Хорошо, когда не нужно возиться с железками и, кроме клочка бумаги да огрызка карандаша, тебе ничего не требуется.

— Предпочитаю доску и мел,— улыбнулся Эрик.— Числа правят миром, как учил Пифагор. Математика — вот истинная реальность; остальное — наваждение, бред... Кстати, что представляет собой твой «черный ящик»? Надеюсь, это не безумный секрет?

— Безумный,— кивнул Хейджберн.— Ты попал в самую точку. Но от тебя у меня нет тайн. Это человеческий мозг, Эрик.

— Мозг!— невольно вскрикнул Эрик и, покачав головой, повторил:— Мозг... Электромагнитные волны

мозга... Ничего у вас не получится,— протянув тяжелую паузу, бросил с блуждающей улыбкой. Собачий бред.

— Ты так считаешь?.. Но почему?

— Помнишь теорему Курта Геделя?

— Теорему неполноты?.. Весьма смутно.

— Суть ее проста и беспощадна. Нельзя получить всех сведений о системе, если задаваться вопросами о ней на ее собственном языке. Отсюда следует, что нужен метаязык более высокого уровня. Вам такая задача не по зубам.

— Что ты можешь знать о нас, мальчик из Окленда? О наших возможностях?.. Ты смотришь на мир из-за частокола тензоров и интегралов, но математика — это только модель. Натюрморт в абстрактной манере. Поедем со мной и ты получишь такой полигон для своих формул, что небу станет жарко? Давай попробуем, Эрик, хотя бы из любопытства. Неужели тебе не интересно?

— Нет. И хочешь знать, почему? Я не верю, что барон Мюнхаузен мог вытащить себя за волосы из болота. Да еще вместе с кобылой!

АВЕНТИРА ДВЕНАДЦАТАЯ

МОСКВА, РОССИЯ

— Hello. Is this mister Bortsov's residence?[1]

Звонок Джонсона застал Борцова врасплох. Он никак не ожидал, что рекогносцировочные авансы мошенника из «Зенита» обернутся явью. И так скоро! Сразу же возникла проблема, где принять американца. Квартира пребывала в перманентном запустении. Еще менее способствовала первому контакту благоухающая помойка под окнами.

Джонсон говорил по-английски, что вынуждало Ратмира тянуть долгие паузы: сказывалось отсутствие практики. После конгресса в Гааге минуло три года, а короткие поездки в Китай и Корею — не в счет. Подбирая подходящие случаю словесные блоки, Ратмир лихорадочно соображал, как выйти из положения.

[1] Алло. Это квартира господина Борцова? (*англ.*)

В довершение прочих бед вспомнились тараканы, с прошлой зимы наводнившие дом. Впрочем, с ними вроде бы удалось совладать. Пусть на время, но опрыскивание сделало им укорот. Счастье еще, что в шкафчике, вмонтированном в стену туалета, нашелся баллончик с «киллером». Запасы Ники!.. Хлопот было порядочно. Попугая и горшки с чампой пришлось переселить на неделю к соседям, а самому убраться из Москвы на заброшенную холодную дачу.

Погрузившись в невеселые думы, Борцов отвлекся и пропустил то ли вопрос, то ли конкретное пожелание американца, который, видимо, ожидая ответа, надолго умолк. Переспросить или отделаться междометием показалось неудобно.

— Well,— пробормотал он и, словно кидаясь с обрыва, выпалил: — I weit You! Do You now my address? [1]

Адрес Джонсон знал и пообещал приехать в течение часа.

Ратмир заикнулся было насчет кода, но вовремя вспомнил, что пульт — в который раз! — был взломан и выпотрошен подчистую.

«Пусть увидит все, как есть,— с какой-то мстительной радостью подумал он, вешая трубку.— Ему еще крупно повезет, если работает лифт».

Перед мысленным взором до отвращения ярко возникла загаженная кабина с прожженными кнопками и процарапанными на стенах непотребными надписями. В последние дни к ним, словно предвосхитив визит, добавились и характерные английские выражения, любовно выписанные красным фломастером.

Пророческий век Водолея ухитрился и тут намекнуть о себе разнузданной сексомагией.

Повторилась привычная последовательность метаний: электробритва, веник, газеты на полу, книги на диванах и креслах, переполненные пепельницы, пустые сигаретные пачки.

Джонсон появился, как обещал, по истечении часа. Рослый, поджарый, с темным загаром, выгодно оттенявшим тусклое серебро волос, он производил впечатление сильного и уверенного в себе человека. К тайно-

[1] Ладно. Я жду вас! Вы знаете мой адрес? (*англ.*)

му облегчению Борцова, сразу же заговорил по-русски, с характерным акцентом, но очень правильными короткими фразами.

— Судя по вашему портрету в книге, вы превосходно сохранились, Ратмир Александрович. Время, притом трудное время, к вам явно благоволит.

— Вы превосходно владеете русским, мистер Джонсон.

— По образованию я русский и, как всякий русист, люблю Россию. Это не комплимент, Ратмир Александрович. Скорее констатация профессиональной болезни. Признаюсь, что я намеренно заговорил с вами по-английски... У вас отчетливая и ясная речь. Небольшие нелады с грамматикой, но это легко поправимо. Месяц-другой в языковой среде, и вы заговорите, как Джефферсон. Насколько я знаю, вы бывали в его доме? В Монтебелло?

— Вы хорошо осведомлены,— сдержанно ответил Борцов. Манера американца не то чтобы покоробила, но заставила внутренне подобраться. За его словами проглядывала четко выстроенная система. Не только вопросы, но и утверждения, подозрительно напоминали тест.

— Я бы солгал вам, не сознавшись, что знаю о вас достаточно много,— почувствовав настроение хозяина, Джонсон поспешил раскрыть карты.— Вы были в Америке, кажется, шесть раз, включая Гавайи?

— Семь, мистер Джонсон. Первый раз я увидел статую Свободы с борта контейнеровоза и водным путем проследовал до Балтимора.

— Любопытно. Я не знал о вашем первом визите, поскольку о нем не оповестили газеты, зато в дальнейшем вы не могли пожаловаться на невнимание прессы. Вырезки с вашими фотографиями составили целое досье.

— **Досье**, мистер Джонсон?

— Зовите меня просто Питер, Ратмир Александрович, а я, если позволите, стану называть вас Ратмир. Идет?

— Можно Тим.

— Отлично! Тим и Пит. Подходящее название для мультфильма... Между прочим, Ратмир — это из «Руслана и Людмилы»?

— В честь деда по матери, но не исключено.

— Понимаю, что вас, как в недалеком прошлом советского человека, насторожило слово «досье». Спешу объясниться. Мы — я имею в виду нашу кинокомпанию — заинтересовались вашим творчеством сразу после появления американского издания «Абсолюта». Подумывали о запуске фильма, но опцион перехватила другая фирма... Кажется, дело не сладилось?

— Не по моей вине.

— Понимаю, такое сплошь и рядом случается на кинорынке.

— Именно это и отбило у меня охоту к экранизациям.

— Один ваш фильм я видел. Он не столь плох и с успехом прошел на Бродвее. Однако ваше замечание обескураживает. Я как раз хотел предложить вам ввязаться в очередную мясорубку.

Ратмир сделал удивленное лицо. Упоминание о досье действительно настроило его на вполне определенную волну. И опять же совпадение, которое никак не могло пройти мимо: Петр Иванович и Питер Джонсон — Петр, Иванов сын. Он решил, что не станет упоминать о своей встрече с гендиректором «Зенита». В неопределенной ситуации лучше всего выжидать. Тем более, что американец упомянул о досье намеренно. Это был вызов, а не случайная оговорка наивного простака. Но зачем? С какой целью?

— Вы слушаете меня, Тим Александрович?.. Простите, просто Тим? — Джонсон с добродушной ухмылкой заглянул в отрешенное лицо собеседника.— Помните Наполеона? «Сначала ввяжемся, в там будет видно».

— Простите, задумался... Так куда вы хотите ввязаться?

— В производство потрясающей суперленты по мотивам вашего произведения. Последнего, смею заметить. К «Абсолюту» мы, возможно, вернемся как-нибудь потом.

— Вы хотите получить право экранизации?

— И вас в качестве сценариста.

— Почему бы нет?

— Вот именно, почему? Во-первых, будет меньше вранья, во-вторых, вы получите значительно более высо-

кий гонорар. Когда обе стороны в выигрыше, то о мелочах не спорят. Верно, Тим?

— Смотря какие мелочи, Пит,— принужденно рассмеялся Борцов.

— Отлично! Значит, в главном согласие достигнуто?

— Выходит, так,— уклончиво ответил писатель, решив, что под «мелочами» подразумеваются деликатные моменты вознаграждения: аванс, проценты и все такое. Он готов был загодя принять любые условия и не выносил торга, однако готовил себя сыграть роль искушенного метра.

— Мелочи?— бронзовое лицо Джонсона обрело меланхоличное выражение.— В сущности все в жизни — мелочи. Кроме конечной цели, которую мы сами себе выдумываем. У вас есть такая цель, Тим?

— Конечная цель — достойно встретить смерть. А она, простите, придумана не нами.

— Мило. Очень мило... Но не будем терзать себя безысходными мыслями. Пока я есть, смерти нет, когда приходит смерть, нет меня. Не помните, кто это сказал?

— Кто-то из бессмертных, но грош цена их бодрящим сентенциям.

— Вы экзистенциалист?

— Я против всяких «измов». За одним-единственным исключением.

— И это...

— Буддизм.

— Ах, да! Как это я сразу не сообразил. Четыре благородные истины вполне укладываются в ваше миросозерцание. Книги, путешествия, ночевки в монастырях, дружба с далай-ламой...

— Вы и впрямь знаете все мои книги?

— Наивный вы человек! Индустрия кино ворочает миллиардами долларов. Мы очень осмотрительно подходим к каждому кандидату на самую проходную роль. Тем более, когда встает вопрос о сценаристе. Да, я собрал на вас пухлое досье, хоть это и вызвало у вас определенные подозрения. И я совершенно обдуманно заговорил с вами по-английски, чтобы понять, насколько быстро вы адаптируетесь в нашей среде.

— Едва ли я смогу написать сценарий по-английски.

— И не надо! — Джонсон в шутливом испуге замахал руками. — Не делайте этого, ради Бога. Как будто мы не найдем подходящего переводчика... Ту же Нину де Буа, что столь блестяще перевела «Абсолют». Помните Нину?

— Еще бы! — оживился Ратмир. — Очаровательная женщина.

— Чуть не забыл! — Джонсон распахнул чемоданчик и вынул коробку, блиставшую черной с золотом этикеткой старого скотча. — Вам от нее привет и подарок... Вы действительно любите виски?

— Спасибо, — Борцов был тронут и обрадован: чем оживленнее развивалась беседа, тем меньше оставалось поводов для сомнений. Они совершенно истаяли, когда Джонсон упомянул Нину Буа. — Люблю, а этот в особенности... В тропиках можно пить только виски. Кондиционер, виски и холодная кока-кола — с ними комфортно даже в аду. — Он незаметно увлекся и принялся непринужденно болтать о былых похождениях.

Джонсон слушал внимательно, не упуская даже самой ничтожной подробности.

— Не забудьте вставить панегирик кока-коле в ваш сценарий. Мы сдерем с них за скрытую рекламу, — вклинился он в короткую паузу. — И долго вы пробыли во Вьетнаме?

— В общей сложности порядочно.

— Меня тоже малость поджарило на этом огне. Жаль, что мы оказались по разные стороны баррикад.

— Вы воевали?

— В принципе да, хотя ни разу не выстрелил во вьетконговца.

— Моим орудием была авторучка.

— Рейд по тропе Хо Ши Мина, Долина Кувшинов в Лаосе, вертолетная атака в плавнях Меконга... Надо там быть, чтоб понять, чего оно стоит.

— Вы и репортажи читали?

— Бюро вырезок и книжные дилеры присылают нам всю печатную продукцию, где упомянуто ваше имя... Читать, конечно, не обязательно. Достаточно беглого просмотра. Но я, признаюсь, читал. И книги, и очерки в центральных газетах, где вы воспевали стойкость и мужество вьетов, противостоящих агрессии американского империализма.

— А также сайгонского марионеточного режима,

а затем и китайского гегемонизма,— тон в тон добавил Борцов.

— И не раскаиваетесь теперь, когда многое выглядит в ином свете?

— Многое, но не все. Ни тогда, ни теперь я не воспринимал мир в черно-белых тонах и не запятнал себя ложью. Умолчание — это другая статья — было. И официальная риторика, пусть в гомеопатических дозах, тоже была. Куда от нее денешься? «Мы жили тогда на планете иной»... Так, кажется, у Георгия Иванова. В чем же раскаиваться? Жил, но не умер?.. Во Вьетнаме для этого было самое подходящее место. Бегая в туалет, надевали каски. А кассетное бомбометание? От улиц в Виньлине остались только полосы пепла. Как и все там, я жил глубоко под землей. Да, это была не моя война. И я не взял автомат, хотя мне предлагали. И нырял в болотную жижу, когда ваш вертолет, расчесывая тростник лопастями, палил сразу из двух пулеметов. В чем я должен раскаиваться? Из первых рук я знал о стратегическом плане вьетнамского руководства: сначала Юг, потом Лаос и Кампучия, а после — Таиланд и Бирма. Сказал ли я хоть слово в поддержку? Что же до симпатий к вьетнамцам, они были искренни. Мы ели из одного котла и в любой момент могли подорваться на одной и той же мине, что, впрочем, не мешало охранникам регулярно обыскивать мой чемодан и калечить транзистор. Вдруг я чего-то не то слушаю? Ничего, мы, россияне, привыкли ко всему. Молчали здесь, смолчим и там. Сопротивляться? Сопротивлялся, подчас отчаянно, но не переступая последней черты.

— Перед дыбой? Кажется, так называлось в старину?

— Черт его знает... На дыбу, может, и пошел, если бы сразу, так сказать, экспрессом, минуя ГУЛАГ. Ну, не готов к этой мерзости, не хочу и не могу... Вам понятно?

— Чего ж тут не понять?.. А сами вы понимали, что живете в фашистской стране? И писали, тем не менее, пламенные антифашистские книги? И до крови дрались за них?.. Простите, Тим, но где логика?

— Не все так однозначно, как вам кажется издалека. Была логика, потому что была надежда. Всего не расскажешь, не объяснишь. Не начинать же с Двадца-

того съезда? Это все самому надо пережить. Никогда не забуду, как полетел из окна комитета комсомола портрет генералиссимуса... Давайте лучше распечатаем сей изумительный штоф? — Ратмир махнул рукой и потянулся за коробкой.

— Не стоит. Я, признаться, с некоторого времени не пью.

— Тогда кофе? Чай?

— Лучше чай, но немного погодя. Не возражаете? Хочется обстоятельно поговорить.

— Извините. Я вас совсем заболтал. Меня куда-то не туда повело. Вы, наверное, торопитесь?

— Напротив. Никуда не спешу. Мне интересно говорить с вами на самые разные темы. Впрочем, вы правы. Лучше сразу покончить с формальностями, чтобы вам не подумалось вдруг, будто от нашей вполне непринужденной болтовни зависит конечный результат. Я понимаю и одобряю вашу позицию. Лично для меня все давно ясно, и я готов подписать контракт.— Джонсон вновь раскрыл чемоданчик из крокодиловой кожи и выложил на стол пластиковый пакет.— Ознакомьтесь внимательно с каждым пунктом. На всякий случай здесь приложен русский перевод. За идентичность ручаюсь.

Мимолетно глянув на золотую монограмму, вдавленную в овальные пупырышки в бозе почившего аллигатора, Ратмир пролистал контракт. В нем было семьдесят четыре параграфа. Но вдуматься в них не хватало терпения. Ошеломила общая сумма $ 2.000.000. О сроках ли было задумываться? О процентах и обязательствах?

Джонсон оказался абсолютно прав, обмолвившись насчет мелочей. Руки чесались немедленно изобразить небрежную подпись. Не деньги, как таковые, манили — неслыханные! сумасшедшие! — адским соблазном, но возможности, скрытые в них. Казалось, что можно перевернуть горы. И билось сердце в суеверной надежде, что еще не все кончено, и Ника жива...

— Читайте внимательно. Наши законы — не чета российским,— вновь предупредил Джонсон.— Нарушение условий чревато штрафами и неустойкой. Никаких средств не хватит. Прошу отнестись с максимальной серьезностью. Ну, не стану вам мешать.— Неуловимым движением тренированного атлета он

легко отделился от кресла.— Позвольте полюбоваться вашими трофеями?

Истинную цену поделкам, изготовленным на потребу непритязательных туристов, можно было определить с первого взгляда. Но собранные вместе, они производили определенное впечатление, эти африканские, индийские, ланкийские, мексиканские маски, календарный круг ацтеков, чучело крокодила, примитивное оружие.

Непритязательные копии на папирусе — самое большее двадцать баксов за штуку — привлекли внимание Джонсона, прежде всего, своими сюжетами: крылатая волшебница Исида, обнаженная, усыпанная звездами Нут и длинный свиток из «Книги Мертвых», увековечивший первую в истории сцену загробного суда. Собакоголовый Анубис взвешивает сердца. Тот записывает грехи, зеленый Осирис готовится вынести приговор. И жуткая посмертная дрожь сотрясает обреченную душу... Да, сюжеты определенно свидетельствовали о целенаправленном выборе. Сколь много способны поведать вещи: шкура леопарада, пробитая, судя по зияющим дырам, копьем, тыква-горлянка из арсенала заклинателя змей, кожа сетчатого питона. Такое нынче навряд ли отыщешь в туристической лавчонке. Не те времена. Да и через таможню провезти надо уметь. Сразу видна разница между бездушной копией и подлинником, хранящим свою тайную ману [1].

Джонсон по достоинству оценил китайский меч из нефрита. И бамбуковое огниво с ячьим хвостом. Особенно понравился круглый щит с серебряным солнцем. Любой этнографический музей был бы рад завладеть таким экспонатом.

«Из Тибета, Лаоса?.. У каждого предмета своя история. Заповедные горные тропы, непролазные джунгли, неведомые племена. Значит были встречи вдали от проезжих дорог, доверительные беседы возле костра, когда объясняться приходится больше знаками, чем словами, упоение экзотикой, приключения, риск. И это, пожалуй, главное».

Пломбированные копии критских и греческих ваз не привлекли внимания. Так же поверхностно скользнув по фигуркам из железного дерева и фаянсовым китай-

[1] мана — магическая сила.

ским божкам, Джонсон сосредоточился на изучении фотографий с автографами. Они запечатлели хозяина дома в тесном соседстве с писателями, астронавтами, религиозными лидерами. Джонсон легко узнал героев экипажа «Аполлон-11» с Армстронгом в центре, римского папу и далай-ламу Тибета, Айзека Азимова, Артура Кларка, Георгия Гречко и прочих знаменитостей. Крепкие рукопожатия, дружеские улыбки, комплиментарные посвящения. Воистину отголоски с другой планеты. Анубис взвешивает души, Тот записывает грехи...

«Что его заставляет ютиться в убогой квартирке? — думал Джонсон, глядя на снимок, на котором Борцов, облаченный в смокинг, принимал какой-то почетный приз. — И этот кошмарный дом?.. В Гарлеме, и то не увидишь такого. Даже нет пакетов для мусора...»

На сверкающем синем кристалле в руках господина с геральдической цепью можно было разобрать всего две большие буквы:

«Science Fiction, — решил Джонсон, — всемирный конвент».

Подойдя к отделанной под эбеновое дерево дешевенькой стенке, он вскоре обнаружил хрустальный блок, сиротливо приютившийся между бронзовой курильницей и пучеглазым истуканом из Полинезии.

«Ратмиру Борцову за оригинальность мышления и выдающиеся успехи в научной фантастике», — читалась белая надпись в сапфировой глубине.

«Уж этого никак не отнимешь — оригинал».

В узком промежутке между стенкой и оконной панелью чудом умещался столик с телевизором и стереосистемой, а в проеме над ним, разделенные чучелом морской черепахи, висели еще два снимка.

Увидев отснятого крупным планом Хосе Раппопорта, Джонсон принялся разглядывать лица в толпе, окружившей нобелевского лауреата. Судя по табло вылетов, снимок был сделан в аэропорту «Шереметьево». По всей видимости, это были проводы: букет в руках ученого, вымученные улыбки, встревоженные глаза. Среди провожающих Джонсон, как и следовало ожидать, нашел Борцова. Вскоре отыскалась еще одна знакомая физиономия: Валерий Портной. Вместе с семьей он покинул Союз вскоре после отъезда Раппопорта. Профессор престижного госпиталя в Вашингтоне, Портной был хорошо известен далеко за пределами

русской диаспоры. Неожиданно вскрывшиеся связи Борцова могли осложнить и без того деликатную ситуацию. Тот факт, что писатель, пусть и не слишком угодный властям, но официально признанный, не чурался водить дружбу с диссидентами, определенно свидетельствовал в его пользу. Чисто по-человечески. Однако в деловом плане знакомство с Раппопортом восторгов не вызывало. Взаимоотношения координатора и эксперта не должны были выходить за рабочие рамки. К счастью,— теперь Джонсон мог этому только радоваться — Раппопорт отказался от участия в проекте. Режим, таким образом, не нарушен, но возможность утечки информации обрела вполне конкретные очертания. Джонсон понимал, что рассуждает, как закоренелый аппаратчик. Но жесткие рамки инструкции не оставляли места для сантиментов. Дабы пресечь на будущее нежелательные контакты, он обязан возобновить наружное наблюдение за нобелевским лауреатом. Лишние заботы, непредвиденные расходы, но иного, увы, не дано. Придется поставить в известность Глэдис.

— Прочитали? — спросил он, заметив, что Борцов отложил документы.

— Или я чего-то не понял, или речь идет сразу о двух совершенно разных сценариях?

— Вы правильно поняли,— Джонсон вернулся в кресло.— Но я бы на назвал их столь уж разными. Научно-художественную версию следует рассматривать в качестве подготовительного этапа. Идея полностью отвечает мотивам вашего произведения, Тим. Разве я не прав? Ваш герой, разрешите напомнить, перебрал множество вариантов, прежде чем остановил выбор на гробнице фараона. Где-то вы описываете подробно, где-то упоминаете вскользь, но в воображении читателя загробные царства древнего мира сливаются в нечто единое. Превосходный замысел и виртуозное исполнение. Могу только поздравить. Но как перевести это в зрительный ряд? Как показать то, чего нет в природе? Вернее, то, что по понятным причинам, недоступно объективу? Символами? Игрой света? Виртуальной реальностью? Возможно, но, как вы образно выразились, в гомеопатических дозах. Намеком. Как мимолетное видение... Позволю себе воспользоваться под-

сказкой гения... Вы-то сами представляете себе Абсолют?

— По-разному, в зависимости от направления мысли. Индуистская философия выработала удобный принцип: «Нети-нети», не то и не это. Не бесконечное и не конечное, не малое и не великое... Вне мер, вне точных определений.

— Не Дуат и не Шеол, не Елисейские поля и не Тартар. Но все-таки что? Нирвана? Вездесущий вакуум, который, грезя подобно Вишну, творит миры?.. Декорации исключаются. Терпеть не могу вампуку. Остается одно: дать зрителю максимально возможную пищу для работы воображения. Пусть расписные стены погребальных камер говорят сами за себя. Языком древних образов, символами архетипа. Вы же последователь Карла-Густава Юнга, если не ошибаюсь?

— Вы правы,— отозвался Ратмир, поразмыслив. Американец продемонстрировал высокий профессионализм, недюжинную эрудицию и, что особенно подкупало, мыслил в том же ключе. Это была еще одна приятная неожиданность.— Вы, безусловно, правы,— повторил, в раздумье покусывая губу.— Но где найти подходящую натуру? Допустим, вам удастся получить доступ в одну из усыпальниц в Долине царей, а дальше что?.. Китайские курганы? Полагаете, вас пустят в подземелья Цинь Шихуана?

— Не берите на себя мою головную боль.

— Ведь почти ничего не сохранилось, Пит, в достаточной целостности.

— Стены помогут. Есть ведь такая пословица? Главное чувствовать себя, как дома, а стены помогут. Мы не остановимся перед затратами и реконструируем особо приметные некрополи. Кое-что уже зарезервировано. Гробница в «Долине царей», например. Могила хеттского короля. Несколько этрусских захоронений. Есть перспективные варианты в Сицилии и на Крите. «Некрополь Гигантов» в Сардинии. Мало? К вашим услугам Мексика, Колумбия, Перу.

— Вы настоящий чародей!

— О, нет! Маг — вы, я только менеджер... Попугай? — просветлев лицом, спросил Джонсон, словно только сейчас расслышал птичий щебет и щелканье за стеной.

— Что? — не сразу понял Ратмир. — Ах, да! Попугайчик, волнистый.

— Budgerigar.

— Как вы назвали? Баджирайджер?

— Budgerigar. — Английский язык отличается точностью и уважает чужую индивидуальность. Что значит «попугайчик»? Есть ара, есть какаду и есть мистер Budgerigar. Неважно, что ростом не вышел. Говорит?

— Нет, но, кажется, все понимает. Я тоже понимаю его. Тысячу раз правы буддисты, когда пекутся о благополучии всех живых существ, не выделяя человека. Мы — всего лишь звено в цепи жизни.

— Я бы сформулировал иначе. Все мы — люди, звери и птицы — жертвы, накрытые одной сетью.

— Жертвы чего? Природы?

— Природы? А что она есть, природа?.. Эксперимента, случая. Но вернемся к нашим драконам, как выразился ваш друг-алхимик.

— Вы читали «Феномен алхимии».

— Благодаря вам. Заметная монография.

— Вадик — поэт и философ.

— Вам предстоит произвести строгий отбор. Думаю, объектов семь-восемь будет вполне достаточно.

— Понадобится подробная информация.

— Вы ее получите.

— Возможно, съездить на место.

— Не возможно, а обязательно. Об этом ясно сказано в договоре. Все расходы по командировкам, включая карманные, за счет фирмы.

— Но я не о деньгах... — виновато поежился Ратмир.

— Куда же без них? Все имеет свою цену.

— Все?

— Уверяю вас: все.

— Жизнь, например?

— И жизнь. Иначе зачем страховые полисы? Диапазон здесь довольно широкий. В зависимости от личного достатка.

— Цинично, но точно.

— Цинично? Ничуть. Вам мешает воспитание, интеллигентские комплексы. Иллюзии помогают спрятаться от суровых реалий, но это недостойно истинного философа. Или не так?

— Я не знаю, сколько стоит жизнь человека. И не

желаю знать. Это «нети-нети», как Абсолют. Не миллиард и не цент.

— Готов согласиться, хотя практика свидетельствует об обратном. «Аэрофлот», к примеру, весьма дешево оценивает вашу жизнь, что находится в вопиющем противоречии с уровнем сервиса и безопасности полетов... Вы будете летать самолетами других компаний. Это указано в параграфе 51-В. Договор не предоставляет вам права выбора. Оно остается за нами. Это касается также маршрутов, отелей, проката автотранспорта... Вы водите машину?

— К сожалению, нет. Ника... У меня есть права, но я не сажусь за руль.

Джонсон никак не прореагировал на внезапную осечку и последовавшее за ней объяснение, противоречивое, на его взгляд. Ничего не упуская, он отложил в памяти еще одну зарубку. Никогда не поздно вернуться на оставленную тропу.

— Где только возможно, мы обеспечим вас шофером. Если придется взять такси, я дам список самых надежных компаний.

— Спасибо, но зачем такие сложности?

— Компания заинтересована в успехе предприятия и, следовательно, в вашем благополучии. В контракте оговорена, в частности, медицинская страховка.

— Понимаю. Я куплен, что называется, на корню,— неудачно пошутил Ратмир.

— Вы?.. Ваш интеллект и на время, оговоренное в пунктах восемь и девятнадцать. По-моему, вы поверхностно отнеслись к тексту. А зря.

— Я не силен по части юриспруденции и мне непривычно такое...

— Меркантильное крючкотворство?— с полуслова подхватил Джонсон.— Уверяю вас, это просто рутинная процедура, но другой не дано. На ней стоит весь мир и Россия, надеюсь, подвигается в том же направлении. Попробуйте взглянуть со стороны. Вам предлагают интересную работу, которую вы в состоянии выполнить. Так?.. Помимо этого, почти кругосветное путешествие по мистическим центрам погибших цивилизаций, столь любезных вашему сердцу. Верно?.. О лучших отелях и приличном, даже по американской мерке, заработке я уж не говорю. Это в сущности мелочь.

— По сравнению с чем? С конечной целью?

— Хотя бы с затратами на производство фильма,— улыбнулся Джонсон.— Наконец-то вы показали когти.

— Пятьдесят миллионов, небось? Или сто?

— Боюсь, что значительно больше.

— И вы надеетесь, что затраты окупятся?

— Уверен. Научно-художественный сериал, условно названный «Полет к вечному свету», пойдет нарасхват. Уже есть предварительные договоренности с CNN, NBC, ABC, японской NHK, французской «Антенн-2», британской BBC. Помимо всего, это еще и паблисити. Вы — знаменитость, вас и так хорошо знают, а нам не помешает.

— Не будем преувеличивать,— смущенно заметил Ратмир.

— Итак, что вы скажете?

— По-моему, все замечательно... Когда я должен начать?

— С момента подписания, насколько я понимаю.

— Но прежде я должен ознакомиться...

— Попутно, Тим. Не прежде, а попутно. Вы же не только писатель, но и журналист-международник. Значит умеете работать, где угодно: в самолете, в отеле, даже под огнем противника. Последнее, слава богу, нам никак не грозит. Комфорт и приятное времяпрепровождение гарантирую. Будем путешествовать, не обязательно вместе, но встречаться регулярно, обмениваться идеями, планами, возможно, спорить и приходить к согласованному решению. Вам предстоит познакомиться с замечательными людьми. Наши эксперты охотно помогут вам разобраться в узкоспециальных вопросах. Все ваши пожелания будут встречены с полным пониманием... Потом пойдут съемки — тоже не самая скучная вещь в нашем мире. Выпадают, знаете ли, сладкие минуты среди горячки и суеты. Словом, будет о чем с удовольствием вспомнить. Прелестные актрисы хотя бы... Только не говорите мне, что не любите красивых женщин. Никогда не поверю.

— Похоже на сцену из «Фауста»,— Ратмир глубоко вздохнул. Его раздирали противоречивые чувства. Перспективы были не просто заманчивые, но поистине волшебные, сногсшибательные. Раньше о таком можно было только мечтать. Но то было раньше, а сейчас он не хотел никуда ехать. За исключением Парижа, конеч-

но, где надеялся отыскать хоть какой-нибудь след. Его не прельщали ни роскошные гостиницы, ни сексопильные звезды кино. Тошнотная тоска подкатывала при мысли о бесконечных переездах, полной зависимости от посторонних людей и, главное, безысходной скуке одиноких ночей в чужой обстановке, в чужом мире. «Слишком поздно»,— подсказывало сердце. «В последний раз, в последний полет,— уговаривал мозг.— Ты поставишь последнюю точку, когда станет невмоготу».

— Я не Мефистофель, Ратмир Александрович,— проникаясь его состоянием, Джонсон сочувственно покачал головой.— Но и вы не Фауст, хоть и доктор наук. Смею напомнить, что у героя Гёте был реальный прототип, отчаянный чернокнижник. Правда, вы отдали дань магическому искусству, но как исследователь, я бы даже сказал, аматор. Черный пудель возник, если помните, после известных манипуляций с «Книгой духов». Подозреваю, что вы не располагаете подобным сокровищем и, следовательно, не обращались с призывом к силам тьмы. А ведь духи никогда не являются без зова. Я же, как видите, побеспокоил вас по собственному почину. Пусть не без задней, даже корыстной мысли. Возможно ли более бесспорное доказательство?

Ратмир рассмеялся:

— Ваша взяла! Но кто знает, кто знает... Быть может, я и бросил вызов миру теней? Во сне или в мыслях? И вы послушно откликнулись на мое заклинание. Открой свое имя, дух? Не тебя ли зовут Элигор? Хитроумная логика как раз и изобличает тебя, как прислужника Сатаны! Он Великий Софист, твой хозяин. Veni Eligor, invirtute immortalis Elohim! Veni, in nomine Adonay...[1] Я продам свою душу не дороже, чем Фауст. Обещаю тебе. Дай лишь убедительное свидетельство, что ты существуешь. Тогда есть надежда. Тогда хоть что-то ждет впереди. Пусть не райские кущи — их я не заслужил, но и вечные муки мне вряд ли присудит Осирис. Короче, я твой. Забирай меня, дьявол.

— Вы это серьезно?

— Я кажусь вам безумным?

— Нет. Просто вы очумели от безделья и одиночества. Пора приниматься за работу. Живите полной жи-

[1] Приди, Элигор, доблестью бессмертного Элохима! Приди от имени Адонаи (*лат*.)

знью, черт вас возьми! Ведь осталось всего ничего. Кроме этого краткого проблеска, нам ничего не отпущено... Сколько времени вам понадобится для подготовки к отъезду?

— Ну, месяц.

— Исключено. Даю вам неделю.

— Неделю? — Ратмир с трудом перевел дыхание. Возбуждение схлынуло, и он готов был ухватиться за любую соломинку, чтобы выиграть время. — Я не успею... Нужно столько всего...

— Ничего вам не нужно, кроме бритвы и зубной щетки. Вы теперь достаточно состоятельный человек и можете купить все, что требуется, в любом аэропорту. И нечего на меня так смотреть.

— А визы? — радостно встрепенулось сердце.

Ратмиру показалось, что по крайней мере этот раунд остался за ним. Он-то знал, с какой канителью сопряжены консульские формальности. Сейчас тем более. Всеми правдами и неправдами западные дипломаты стремились ограничить въезд. Травмированные разгулом русской мафии и бесконечными очередями у дверей посольств, они живо усвоили хамский бюрократический стиль недавнего идеологического противника. Волокита, необоснованные придирки, унизительная процедура собеседования, напоминающая допрос. «Уйдет не меньше месяца, как пить дать, — решил он, торжествуя, — а там поглядим»...

Но Джонсон в присущей ему напористой манере элегантно отразил выпад и послал партнера в нокаут:

— Повторяю, Тим, не берите на себя мою головную боль. У вас есть заграничный паспорт нового образца? Со штампом ОВИРа?

— Есть.

— Значит и говорить не о чем. Американскую визу получите через три дня. Дайте-ка мне ваш паспорт.

— Американскую? — Ратмир пытался сопротивляться. — Но ведь нам нужно не только...

— Вы хотите сразу в Египет? В Перу? — Джонсон не дал ему подняться с колен. — Извините, но мне потребуется время на подготовку. Поэтому мы полетим сначала в Соединенные Штаты. Вам тоже не повредит короткий отдых в каком-нибудь райском уголке... Вы что предпочитаете: Багамы или Гавайи? Поскольку на

Гавайях вы уже побывали, остановимся на Багамах? Я закажу билеты на рейс Нью-Йорк-Носау. Идет?

Прибои Вайкики радужным блеском ослепили глаза. Единственное место в мире, где можно было не думать о смысле жизни и смерть была под рукой: за рифами Канака.

— Лучше Гавайи. Можно совместить приятное с полезным. На Большом острове могилы гавайских королей и развалины храмов.

— К сожалению, они в таком состоянии, что не поддаются реставрации. Но я приветствую деловой подход. Вы начинаете мыслить по-американски. Значит берем курс на Гонолулу? Полетим с голландской компанией до Амстердама, оттуда в Нью-Йорк, затем в Лос-Анджелес. Там сделаем остановку на день-другой, потому что стыковка в тринадцать часов меня никак не устраивает.

— Как вы все помните?

— А вы — нет?

— Теперь и я вспоминаю, как всю ночь промаялся в аэропорту.

— Могли бы переночевать в гостинице. Всего пять минут ходу.

— Мог да не мог.

— Не было средств? — догадался Джонсон.— Теперь вы видите, что деньги, по крайней мере, облегчают тяготы бытия... Полет долгий и утомительный. Если хотите, можно заночевать в Нью-Йорке... Впрочем, там видно будет. Время на Гавайях нужно потратить с толком. Подправите язык, если надо, подлечитесь... Как у вас с зубами? В России, я слышал, хороший дантист — это проблема. Итак, по коням?

— По коням! — махнул рукой Ратмир.— Где нужно подписать?

— Здесь и здесь,— показал Джонсон.— Все шесть экземпляров. Этот — ваш. Куда вам перевести аванс? На какой банк?

— Во «Внешэкономбанк», который присвоил те крохи, что остались мне после ВААПа, за переводы книг.

— А если серьезно?

— Какой-нибудь солидный банк с корреспондентским счетом.

— Я это устрою. Вы сможете получить требуемую сумму в любой цивилизованной стране. Хотите кредитные карточки? «Американ экспресс»? «Виза»? «Мастеркард»? «Дайнерс клаб»?

— На ваше усмотрение, Пит. Я полностью на вас полагаюсь.

— Будет сделано... Еще есть вопросы?

— Сколько времени продлится наш вояж?

— Минимум год. Вас это пугает?

— Не то, чтобы пугает, но не хочется надолго отрываться от дома. Мало ли что?.. Хотя бы изредка мне нужно вырываться в Москву.

— Кто вам мешает? Ваш паспорт останется при вас. Многократные визы я обеспечу. Назовем это краткосрочным отпуском за собственный счет? Надеюсь, вам не обременят транспортные затраты?

— Спасибо, Пит. Теперь не обременят,— Ратмир погладил оставленный ему экземпляр договора.— Первый краткосрочный отпуск я, пожалуй, возьму для поездки в Париж. У меня там сугубо личное дело.

— Глупости. Вам придется бывать в Париже значительно чаще, чем в Москве. Притом за счет фирмы. Улавливаете? Уверен, вы скоро научитесь не бросать деньги на ветер.

— Не знаю, Пит, не думаю...

— Вы, кажется, говорили что-то насчет чая? Я бы не отказался.

— Сейчас поставлю.

— И покажете мне своего попугая.

— Попугая?— удивился Борцов непредсказуемым броскам мысли своего всемогущего партнера.

— Вы же не захотите оставить своего друга на произвол судьбы? Нет, Budgerigar полетит с нами. Нужно не позабыть оформить сертификат.

— О, Пит! Вы предусмотрели все.

— Как это говорится?.. Фирма веников не вяжет. Но связывая судьбы людей, она заботится о добром здравии тела и духа своих партнеров. Вы не будете чувствовать себя таким одиноким, Тим, если ваш пернатый друг останется с вами?

АВЕНТИРА ТРИНАДЦАТАЯ

БЕЛИНДАБА, ЮЖНАЯ АФРИКА

Влажный и теплый воздух с Индийского океана, взбаламученный студеным ветром, что постоянно гуляет над Бенгальским течением, принес туман. Облачная завеса скрыла холмы, поросшие серебряными деревьями, обложила горные перевалы, разведенным крахмалом залила угрюмые теснины, где только колючий кустарник да иглолистая агастома сумели прижиться средь шиферных осыпей.

Движение на дорогах замерло. Не прилетел вертолет с утренней почтой. Сидя в шезлонгах, расставленных в зимнем саду, ходячие больные пережидали непогоду за картами. Кто, маясь от скуки, перечитывал вчерашний номер «Сити Пресс», кто нервно слонялся из угла в угол, поглядывая на матовое окно: исчезла, словно ее никогда не было, космическая антенна и даже длинные щупальца «Каракатицы» растаяли в молоке.

Йога Патанджали без особых хлопот перевели в «Октопод». Реджинальд ван Аллен, шеф Южно-Африканского отделения фирмы, ухитрился ублажить волка, не обидев овец. Магда ван Хорн рассталась с опасным пациентом без малейшего сожаления. Нельзя сказать, что ее самолюбие при этом совершенно не пострадало, но чувство облегчения оказалось намного сильнее. Профессор ван Вейден, напротив, радовался, как ребенок, и строил далеко идущие планы.

Поразительное происшествие в аппаратной второго корпуса он объяснял сбоем компьютерной системы. Чем умнее машина, тем непонятнее она себя ведет. Джонсон и Хорн, увидев неподвижную карту мозга, не сообразили в тот момент, что перед ними всего-навсего остановленный кадр, случайно воспроизведенный со старого диска. Предположение Джонсона о «массовом гипнозе» профессор не принял всерьез. Самого йога американец не видел и вообще ни о какой «массовости» говорить не приходится. Массовый психоз наблюдается в толпе, объединенной фанатичной идеей, будь то вера в светлое будущее, кровавая ненависть или просто жажда чудес. Ничего подобного Джонсон и Хорн, конечно же, не переживали.

Ссылка на пресловутый фокус с канатом, когда фа-

кир, поднимаясь вслед за учеником, исчезает из глаз, а потом откуда-то наземь обрушиваются окровавленные куски, тоже абсолютно несостоятельна. Достоверность подобного феномена давно вызывает сомнение, а условия опыта несопоставимы. Реципиенты были отделены от индуктора непроницаемой для излучений стеной.

Причиной галлюцинации могло стать и мощное магнитное поле. Со времен античности известно влияние магнита на высшую нервную деятельность.

Пока зомби пребывал в состоянии каталепсии, профессор ван Вейден усиленно занялся новым объектом. Патанджали не обманул ожиданий. Его организм продемонстрировал такие восстановительные способности, что профессор только диву давался. В истории болезни отмечалось, что после извлечения застрявших в мозгу осколков, повреждения кожного покрова начали затягиваться уже на второй день, а еще через восемь суток исчезли рубцы. Мало того! Поразительная активность обнаружилась и у костной ткани. Сквозные отверстия в черепе окончательно исчезли примерно в то самое время, когда Джонсон находился в аппаратной.

Пришлось признать, что логические доводы, которыми он, Рогир ван Вейден, пытался себя успокоить, в лучшем случае объясняли лишь какую-то часть феноменального явления. С физиологией не поспоришь. Зачислить в разряд иллюзий клинический факт, к тому же прослеженный в динамике, способен лишь параноик. Проведенное стажером Харви томографическое исследование полностью подтвердило наблюдения хирурга из окружного госпиталя и последующие выводы врачей Магды фон Хорн.

«Вот тебе и обман чувств!»

Только теперь, очутившись практически в том же положении, Вейден начал понимать, что должна была испытать Марта. Принять необъяснимый, граничащий с чудом факт оказалось не так-то просто. Знания, здравый смысл — все было против.

Достаточно было своими глазами увидеть, с какой быстротой отрастают волосы на бритой наголо голове, включая места непосредственного поражения, где, казалось бы, должны были остаться голые шрамы, чтобы махнуть рукой на томографию, рентген и вообще на

науку. Любой мало-мальски опытный врач скажет, что такого просто не может быть.

Не приходится удивляться тому, что амбициозная директриса отказалась от необычного пациента. Душевное равновесие и, не в последнюю очередь, научная репутация возобладали над стремлением проникнуть в неведомое. Подобные случаи нередки в научной среде. Бескорыстные искатели истины, подвижники, готовые взойти на костер,— эти вымирают, как динозавры. Дипломы и титулы становятся самодовлеющей ценностью, способствуя укреплению охранительных тенденций. Когда молодые становятся авантюристами, а пожилые — закоснелыми обскурантами, еще можно на что-то надеяться, ибо таков человек. В юности только мерзавцы не мечтают о революции, в старости одни дураки лезут на баррикады, и не дай им бог поменяться местами!

Для Вейдена не стали помехой ни заслуженный авторитет, ни возраст. Знаток душ и манипулятор эмоций, он сохранил детскую любознательность и непреодолимую тягу к любым отклонениям от нормы. Патанджали стал для него желанной находкой.

Оставив живого мертвеца на попечении ординатора и стажера, он все свое время отдавал мадрасскому чудодею. Журналисты, как водится, напутали, назвав Патанджали выходцем из Варанаси, где протекает священная Ганга. По счастью индус оказался человеком на редкость приветливым и контактным. Разговаривать с ним было одно удовольствие. Прежде всего, прояснилось недоразумение с именем.

— Меня зовут Ананда Мунилана,— сообщил он, придя в себя.— Иногда добавляют «Шри», что значит «Великий», или «Махариши» — «Мудрейший», но я не считаю себя достойным подобного возвеличивания, ибо не сумел окончательно избавиться от иллюзий. Патанджали меня нарекли буддисты, в честь своего мудреца, что тоже слишком высокая и незаслуженная честь. Я не следую путями Колесниц.

— Путями Колесниц?— осторожно переспросил Вейден, не слишком сведущий в тонкостях восточных религий. Застав Мунилану сидящим в обнаженном виде на шкуре пятнистой кошки, он испытал некоторое смущение.— Что это означает?

— Ортодоксальную доктрину, что зовется Малой

Колесницей и узким путем, и Большую Колесницу, открывшую широкий путь спасения.

— Спасения от чего?

— От иллюзии и раздвоенности сансары.

— Вы, я вижу, очень образованный человек,— Вейден попытался сменить тему, дабы не запутаться в дебрях незнакомой терминологии. На первых порах требовалось убедиться, насколько адекватно больной воспринимает действительность.— Где вы учились?

— На дорогах моей страны,— улыбнулся йог.— На берегах священных рек, внимая словам отца, читавшего Веды, в темных пещерах, следуя толкованиям наставников... Вам понятен **такой** ответ, мистер Вейден?..

— Откуда вам известно, как меня зовут?

— Разве не так вас называют другие?.. Великая пустота хранит все образы и все имена, и я читаю их, как в раскрытой книге.

Профессор отдал должное интуиции Джонсона. Американец смотрел в корень. Уж он-то умел подбирать нужных людей.

— Мне вполне понятен ваш ответ, мистер Мунилана. Но я бы хотел услышать от вас более подробное разъяснение... Великой пустоте, насколько я знаю, поклоняются и буддисты, и хинду, вы же, как можно понять, не следуете путями Будды, а значит исповедуете другую религию. Какую, позвольте спросить?

— Священное слово Вед.

— И йогу, к тому же?

— Йога-практика. Самодовлеюще слово.

Они говорили на разных языках, западный исследователь и созерцательный мыслитель Востока. Слово, которое было самодовлеющим для одного, почти ничего не говорило другому. Вейден искал хоть какую-то точку соприкосновения. На конкретный вопрос врача должен следовать столь же конкретный ответ. Иначе невозможно проникнуть в чужую душу.

— Кто ваш Бог?— спросил он, почти вслепую отыскивая тропу.— Шива? Вишну?

— Имена богов исполнены активной мощи,— казалось, йог не понял, чего от него хотят.— Властелин Шива и властелин Вишну — лишь разные проявления Единого. Все тридцать три миллиона богов восходят к нему.

— И у него, Единого, тоже есть свое имя? Абсолют?

— Веды говорят нам о трех аспектах Абсолютной истины: Бхагаване, Параматме и Брахмане. Упанишады сосредотачивают внимание на Брахмане, системы йоги — на Параматме, «Бхагават-гита» и Пураны — на Бхагаване.

— Вы не возражаете, если я запишу ваш рассказ на магнитофон? — Рогир ван Вейден отказался от надежды наладить обычную беседу психиатра с пациентом. Весьма приблизительно зная, что представляют собой Веды и еще «Бхагават-гита» — «Священная песнь», он мог догадаться об остальном лишь из контекста. Пураны и Упанишады, видимо, тоже относились к священным текстам. Имена Абсолюта — Бхагаван, Параматма, Брахман — хоть и были в новинку, но, по крайней мере, вырисовывался их смысл. Нужно было заставить Патанджали разговориться, чтобы потом, с помощью квалифицированного индолога, установить, насколько его откровения соответствуют какому-нибудь каноническому тексту. Пока это был единственный способ проверить мыслительные способности пациента: память, логику, богатство и образность языка.— Где вы, кстати, выучили английский? — спросил он, включив магнитофон.

Строго придерживаясь последовательности, но по-прежнему доброжелательно и терпеливо, йог подтвердил свое согласие на запись и слово в слово воспроизвел первоначальный ответ насчет Абсолюта.

— В Индии много народов, и каждый говорит на своем языке,— объяснил он под конец.— Так уж связались причины и следствия, что все мы немного знаем английский. Лично я учился в Британском колледже Святого Фомы.

— И вас не смущало, что школа носит имя христианского апостола?

— Ничуть. Он проповедовал в наших краях, был убит и похоронен в Мадрасе. В Индии почитают подвижников. Любая вера хороша. Все боги ведут к Единому: Шива и Брахма, Дева и дева Мария.

— Значит вас учили не только Ведам и йоге?

— Всякое знание ведет к просветлению, но западная наука кончается там, где кончается опыт, тогда как ведическая не знает пределов.

— Вы подразумеваете трансцендентное знание? — теперь Вейден мог безбоязненно употребить привыч-

ный термин. Образовательный уровень собеседника позволял перевести игру на знакомое поле. Первая точка соприкосновения двух миров обозначилась достаточно определенно.

— Трансцендентное?.. Можно назвать и так, хотя в Ведах и Упанишадах есть более точные эквиваленты.

— К сожалению, я не знаю санскрита.

— Человек, интересующийся ведической литературой, не обязательно должен владеть санскритской грамотностью, но без понимания специфических терминов не обойтись. Поэтому мы и говорим с вами на разных языках, мистер Вейден.

— Что же делать? — профессор отметил, что Мунилана как бы прочел его невысказанную мысль, и вновь испытал радость от ощущения крепнущего контакта. Еще немного, и никакой индолог не понадобится.— Вы бы согласились преподать мне короткий урок? Самые азы ведической мудрости? У меня хорошая память на термины. Хотите проверить?.. Бхагаван, Параматма, Брахман.

— Простого запоминания еще недостаточно. Для понимания сокровенных слов человек должен достичь самореализации.

— Как это понимать?

— Выйти на трансцендентный уровень, если по-вашему... Необходимо на собственном опыте постичь различие между джада, т.е. материей, и духом — Брахманом.

— Брахман — не каста? Дух?

— Есть варна священнослужителей, которых зовут брахманами, есть священные толкования Вед и их тоже именуют брахманами, но существует только один Верховный Брахман, из которого изошли четыре Веды и Пураны. Без всяких усилий с его стороны, как дыхание из груди человека... В английском языке не найти адекватной замены многим словам, например, таким, как Майя.

— Иллюзия?

— Приблизительный и слишком узкий синоним. Тем более трудно обойтись без такого понятия, как Ишвара. Попытка перевода выглядит здесь особенно жалкой.

— Интересно, как?

— Верховный контролер... Но только не думайте,

что это высшее должностное лицо. Различие между Ишварой и Майей составляет один из глубочайших аспектов сокровенного знания. Я вижу, что в вашей душе идет борьба между Ишварой и Майей. Вы страдаете и не находите ответа.

— Вы правы,— профессор почувствовал легкое головокружение. Он уже не видел в Патанджали больного, которому нужна помощь, и не искал хитроумных отмычек к его страдающей, как еще недавно казалось, душе. Не самозванный пророк, возвестивший что-то вроде близкого светопреставления, сидел у больничной койки, но человек, умудренный истиной, скрытой от прочих.

«Гуру,— хотелось назвать его,— Учитель».

— То, что вы зовете иллюзией, есть только часть Майи, ее отражение в зеркале несовершенных чувств. Подобных примеров множество: дхарма, карма, раса, ниргуна, атма — всех и не перечислить.

— Самадхи?

— И самадхи. Вы переводите эта как «транс».

— А как надо на самом деле?

— Разве я переводчик?.. Пусть будет транс, но, говоря так, вы должны понимать, что это особое состояние, которое нельзя описать без соответствующих терминов.

— Вы лично переживали его?

— Многократно и постоянно.

— Тогда попробуйте рассказать о ваших ощущениях мне, человеку западной науки, основанной на опыте.

— Есть три способа познания. Первый — пратьякша, или эмпирическое чувственное восприятие,— нуждается в постоянной поправке извне. Нашему глазу, например, солнечный диск представляется размером с футбольный мяч, но чувства обманывают нас. Астрономы скажут, что это иллюзия, так как Солнце удалено от Земли на сто пятьдесят миллионов километров.

— И вы согласны с астрономами?

— И да, и нет. По-своему они правы, утверждая, что Солнце далеко отстоит от Земли и превосходит ее в размерах. На самом же деле все, что мы видим: Солнце, Земля, эта палата, вы, я,— проявления Майи.

— Каков же мир на самом деле?

— Пратьякша не даст вам ответа. Другой способ получения знаний называется анумана. Он подразумевает теории, которые выводятся из фактов. Спрашивается, как это может привести к пониманию того, что находится за гранью логически постижимого? Согласно Ведам, и анумана не дает совершенного знания. Нельзя познать с помощью эксперимента объекты нематериальной природы.

— И такие действительно существуют? Это не иллюзия? Не Майя?

— Их называют ачинтья,— ничуть не смутился йог.— Ни отвлеченные размышления, ни логические рассуждения даже на толщину волоса не приблизят к сфере ачинтья. Тут кончается западная наука.

— Каков же ваш третий метод? Очевидно, трансцендентальный?

— Это шабда — слушание ведической литературы. Самый надежный и важный путь познания. Поскольку человеческие чувства и мозг ограниченны и несовершенны, нельзя полагаться на ощущение и на умозрительные теории. Веды называют несколько причин, по которым любое знание, кроме шабда, остается ограниченным, несовершенным. Прежде всего, людям свойственно ошибаться, даже самым одаренным и аккуратным. Юность торопится жить, не помышляя о смерти; старость, цепляясь за край могилы, тщится остановить улетающий миг.

— Это так,— с готовностью подтвердил Вейден.— Тут я с вами целиком и полностью солидарен, мистер Мунилана.

Индус не только воспроизвел его недавние мысли, но сделал это с парадоксальной афористической точностью, словно и впрямь читал в чужой душе, как в раскрытой книге. Под его взглядом — устремленным в беспредельную даль, проницающим стены, неподвижным, незрячим,— спадали покровы Вселенной, как золотистая луковая шелуха.

— Почему люди склонны к иллюзиям? В шастрах, в частности, говорится, что существу в человеческом теле присуща особенность воспринимать себя обязательно принадлежащим к конкретной семье или роду, к определенной касте, нации, расе.

— На самом деле не так?

— Отказ от подобного заблуждения знаменует пер-

вый шаг на пути к трансцендентному сознанию. Духовная сущность человека никак не определяется качествами его временного материального тела. Веды учат распознавать достоинства и недостатки людей.

— В том числе несовершенства временной оболочки?

— Убедиться в несовершенстве наших чувств может каждый. Достаточно войти в темную комнату и вам не разглядеть собственных рук.

— Но человеческий глаз способен отреагировать даже на один-единственный фотон.

— И это поможет не сломать шею, споткнувшись о какую-нибудь ступеньку?

— Резонно,— беседа доставляла профессору эстетическое удовольствие.— Однако существуют приборы ночного видения. Они помогают нам усовершенствовать недостатки зрения. Или возьмите телескоп с микроскопом, позволяющие разглядеть как очень далекие, так и бесконечно малые предметы. Вам не кажется, что прогресс науки и техники устраняет присущие человеку несовершенства?

— Вы ждете от меня комментариев к Ведам, не зная самих Вед. Это ли не заблуждение? Веды были записаны, когда не существовало телескопов и люди не знали, что такое фотон. Они были не глупее, чем мы, но столь же далеки от совершенства и подвержены иллюзиям. Скажите, сделал ли он нас более счастливыми, ваш научный прогресс? Бандитов, которые бросили бомбу? Меня, которого ранили ее осколки? Или тех, чьи тела были разорваны на куски?

— Нельзя сводить общее к частному.

— Подобными частностями полон мир. Люди не только несовершенны, но и подвержены пороку. Веды утверждают, что каждый человек предрасположен к обману.

— Каждый?

— Вы, я — все. Возьмем хотя бы человека, который, будучи далеко не безупречным, осмеливается наставлять других. По существу он является обманщиком, потому что его знание несовершенно. Ведическое знание есть шабда, потому что оно идет от высшего авторитета.

— Следовательно, не подлежит обсуждению? Принимается на веру?

— Можно сказать и так, хотя никто не запрещает вам прибегнуть к доводам рассудка. Веданта не обходится без логики, и Упанишады насыщены аргументами. Сомнительная лишь ценность доводов разума в сфере, ему не принадлежащей.

— Занятно. Получается нечто вроде религиозной догмы: верь и не рассуждай. И это вы называете познанием?

— Традиционный пример: если ребенок хочет знать, кто его отец, он должен спросить у матери. Можно, конечно, обойти всех мужчин в округе, но что это даст? Они могут сказать только одно: «не я». Сказать «я» с уверенностью не может никто. Только мать.

— И то, наверное, не всегда?

— Пример есть пример. Он не способен охватить всю суть предмета. Достаточно понимать, что человеку нет нужды терять время и силы на поиски подземного ручья, если рядом находится колодец. Так же и с истиной. Не лучше ли довериться авторитету?

— Не люблю я это слово. Столпы науки не застрахованы от ошибок. Нет ничего опаснее, чем непререкаемый авторитет.

— В Индии под этим понимается нечто иное, чем на Западе. Ваши авторитеты, помимо знания, наделены властью, наши — одним знанием. Они бредут по дорогам, питаясь доброхотным подаянием, и ничего не ждут от людей. Авторитет никак не связан с мирскими благами. Он только носитель первоначальной мудрости, неискаженной, неписанной. Тысячи лет Веды передавались из уст в уста и ни единого слога не потерялось.

— Все народы шли тем же путем. Возьмите хотя бы «Илиаду» Гомера.

— Гомер и есть главный авторитет во всем, что касается «Илиады».

— К сожалению, он давно умер, если вообще когда-либо существовал, и нам не к кому обратиться. Чем в этом смысле какой-нибудь профессор-гомеровед отличается от ваших аскетов? Не тем ли, что получает жалованье и не ютится в пещерах? Упаси нас Бог от подобных авторитетов.

— Вы, мистер Вейден, тоже авторитет в своем деле.

— И я ничем не лучше,— нащупав слабое место, профессор испытал злорадное удовлетворение. Хоте-

лось во что бы то ни стало взять реванш, поставить на должное место это мифическое трансцендентное знание, проявившее себя необъяснимыми феноменами.— Но как врач, я, безусловно, авторитет для больного, хотя ничего не понимаю в медицинских тонкостях «Аюр-веды». Тут уже вы авторитет, махариши. Все относительно.

— Вне сферы истины абсолютной. Нельзя забывать, что материальное знание распространяется лишь на область материальной Вселенной, а трансцендентное — на все, что за ней. И получить его можно только из уст духовного учителя. «Попытайся постичь истину, обратившись к духовному учителю,— говорит «Бхагават-гита»,— вопрошай его со смирением и служи ему. Душа, достигшая самореализации, способна дать тебе знание, ибо она увидела истину».

— Вы можете стать таким учителем, мистер Мунилана?

— Да, но не для вас, ибо вам не дано исполнить долг ученика. Время выбора прошло безвозвратно. Лучший пример взаимоотношений Гуру, а это означает «тяжелый», нагруженный знаниями, и шишья — ученика приводит «Бхагават-гита». Герой Арджуна, вынужденный вступить в битву с ближайшими родственниками и друзьями, пал духом, забыв, кто он и каков его долг. Он обращается к владыке Кришне, знатоку и составителю Вед. «Тад-виджнанартхам са гурум эвабхигаччхет самит-паних шротрийам брахмаништхам»,— говорится в «Мундака-упанишаде».— «Чтобы постичь трансцендентную науку, человек должен со смирением обратиться к истинному духовному учителю, который принадлежит к цепи ученической преемственности и утвердился в Абсолютной Истине». Таким образом, ученик связан не только со своим духовным наставником, но и с учителем своего гуру, со всей непрерывной цепью учителей. Она простирается в бесконечность Великой пустоты. Я лишь одно из ее бесчисленных звеньев. У вас тоже есть своя цепь, но она ограничена материальным миром.

— Пересечение невозможно?

— Нет,— не отводя взгляда, сказал Патанджали.— Не сейчас и не здесь.— Он смотрел Вейдену прямо в глаза и не видел его. Неподвижный отсутствующий

взгляд проходил насквозь, как луч в безвоздушном пространстве.— Они никогда не сойдутся.

— Вы читали Киплинга?— спросил профессор. Ему сделалось как-то не по себе.— Про Запад и Восток?

— Киплинг прав. Он понимал Индию... К сожалению, за последние годы многие индийские учителя, нарушив заповедь, подорвали авторитет гуру. Они торгуют секретными мантрами и позволяют ученикам пренебрегать принципами аскетизма. Низводят священную йогу до жалкой гимнастики, утверждая, что ее цель — материальное благополучие и здоровье. Много горьких слов можно сказать и о нынешних учениках. Но вечная истина остается, притягивая к себе великие души. Так было, так есть и так будет, пока не запылает мир, вступая в новую кальпу. Только тем великим душам, которые безоговорочно верят во Всевышнего и в духовного учителя, откроется смысл ведического закона. Веды требуют от ученика безраздельной преданности. Если нам предначертано стать рядом в одной цепи, то это случится не в этой жизни. Возможно, в новом теле вы будете моим гуру, а я — послушным учеником.

Вейден отнюдь не жаждал приобщиться к мистическим сокровищам восточной премудрости и никогда не стоял перед ним выбор, о котором обмолвился Патанджали, и уж тем более не могло быть и тени надежды на жизнь в новом теле. Но что-то похожее на сожаление легким ознобом отозвалось внутри.

— Даже боги подвластны закону кармы,— он, впрочем без особых усилий, заставил себя улыбнуться.— Сколь не ничтожны мои познания, эту истину я усвоил. Поэтому оставим все, как есть. Попробуем взглянуть на предмет с иной точки зрения. Всемерно почитая вас, как учителя, я не претендую на почетное место у ваших ног. Но что мешает вам, человеку с европейским образованием, просто, без претензий на священный ритуал, ответить на кое-какие мои вопросы?

— Вопрос предопределяет ответ. Вы так спрашиваете.

— В самом деле?.. Тогда поступим проще,— Вейден ненадолго умолк, восстанавливая нить беседы.— Мы, кажется, подошли к проблеме Абсолюта? В связи с самадхи?..

— Вы просили объяснить, что это такое.

— И на чем мы споткнулись?

— Прежде всего, на терминологии.

— Вот и вернемся к исходному рубежу. Попытайтесь раскрыть значение терминов. Пусть приблизительно, на самом примитивном уровне.

— Вас, ученого человека, устраивает профанация? Зачем это вам?

— Не забудьте, что пока я в ответе за ваше здоровье. Войдите в мое положение. Ваш мозг получил травму, и это не может остаться без последствий. Вы согласны?

— Ничто не остается без последствий.

— Значит хоть в этом мы с вами согласны. Пойдем дальше. Чтобы продолжить лечение, я должен знать...

— Разве вы лечили меня?

— Скажем так: пытался лечить.— Вейден смущенно отвел глаза.— Ваша прямота обескураживает, мистер Мунилана. Вы вынуждаете меня признать, что вылечили себя сами. Признаю. Ваш организм совершил настоящее чудо. Мне оставалось лишь наблюдать, руководствуясь первейшей заповедью врача.

— «Не навреди»?.. От всего сердца благодарю за ваше терпение. Врачи миссис Хорн не были столь снисходительны и мудры. Вместо того чтобы направить энергию на поврежденные органы, мне пришлось затратить множество сил, чтобы нейтрализовать вредное действие электричества. Оно искажало мою ауру, стесняло дыхание, препятствовало нормальному току крови. Ваши приборы, хоть их и прилепили к моей голове, не излучают волн, будоражащих организм, а там... Там я все время ощущал вторжение посторонней силы.

— Поэтому вы и решили взбунтоваться?— догадался Вейден.— Скажите, умоляю, как? Как вы это сделали?!

— На вашем языке?

— На моем, на моем!

— Вышел, покинув тело, в астрал. Увидев себя с высоты распластанным на кровати, среди каких-то приборов и следящих устройств, я вызвал к временной жизни нирманический образ.

— Что это значит?

— Не знаю, как объяснить... Призрак? Иллюзорную оболочку? Нет подходящих сравнений. Время

в астрале как бы стоит на месте. Человек, которому является нирманический образ, воспринимает его застывшим... Вы понимаете?

— С превеликим трудом, но что-то для меня кажется прояснилось. Продолжайте, пожалуйста, мистер Мунилана.

— Мне пришлось сделать несколько подобных попыток, что стоило большого напряжения внутренних сил. В конце концов я добился своего, и миссис Хорн оставила меня в покое. Теперь можно было сосредоточиться на дырках в голове.

— И что вы сделали?

— Ничего. Мозг сам знает, в чем нуждается организм.

— Но в данном случае вашему мозгу предстояло вылечить самого себя?

— Нет никакой разницы. Мозг такой же орган, как и прочие. Я уже говорил, что дух никак не связан с временным телом.

— Никак?

— Только законом кармы.

— Страшный закон... Стоит ли удивляться, что ему подчиняются даже боги.

— Все живое.

— Знаю: крокодилы, бабочки и киты.

— Но только во временном теле человека дух способен освободиться от кармических уз.

— Это означает конец рождений и слияние с Абсолютом?

— На вашем языке приблизительно так.

— И замечательно! Как бы там ни было, но мы вернулись на круги своя. Индийское тримурти — это и есть три ипостаси мирового духа?

— Тримурти — великие боги: Брахма, Вишну и Шива. Различные проявления Единого, наделенные определенными функциями. С христианской троицей у тримурти нет ничего общего.

— А Брахма и Брахман — не одно и то же?

— Брахман — «не то» и «не это». Абсолютная истина, безличностное начало. Веданта-сутра гласит: «Начало всему Верховный Брахман». Из него, вечного, проистекает движущаяся и неподвижная материя, все атомы и небесные тела, пространство и время.

— Тогда кто такой Бхагаван?

— Реализация Бхагавана — это воплощение Абсолютной истины в верховной личности, свойства которой невозможно постичь. Бхагаван олицетворяет наивысшее проявление Абсолюта. Он Верховный Брахман и источник Параматмы. Если Брахман лишен материальных свойств, то Бхагаван обладает трансцендентными качествами. Веды говорят о Брахмане как об излучении Бхагавана.

— Ладно, допустим,— Вейден не уловил существенной разницы между верховными началами. Меньше всего его интересовали метафизические тонкости. Иное дело — самадхи. Это вещественно, а, следовательно, доступно прибору.— И чем они отличаются от Параматмы, ваши Бхагаван и Брахман?

— Атма значит «Я», если угодно, душа. Это внутреннее «я», принцип или энергия, которая определяет существо человека, его индивидуальность. Она не разрушается вместе с телом, но переходит в другое. Индивидуальная душа отлична от стоящей над ней Параматмой — Высшей душой. Постичь ее величие способен лишь тот, кто освободился от всех материальных желаний, равно как от привязанностей и скорбей. Путь мистической аштанга-йоги, которой учил благородный Патанджали, чьим именем нарекли меня, недостойного, не очень сведущие люди, ведет к осознанию вечной связи с Высшей душой. Йог, достигший совершенства в медитации, видит трансцендентную форму божества в своем сердце. Это и есть состояние самадхи, о котором вы спрашивали, мистер Вейден.

У профессора не хватило духа предложить мудрейшему йогу войти в самадхи под контролем детектора мозговых волн.

— Бывает ли так, что йог не может выйти из транса?

— Такое случается, и помочь ему способен только учитель.

— Как именно?

— По-разному... Иногда это тайная мантра, прикосновение, взгляд. Порой достаточно одного присутствия.

— Скажу вам откровенно, мистер Мунилана, у меня есть пациент, который вот уже несколько недель пребывает в глубоком трансе. Пока мы не в силах вывести его. Чем вызвана каталепсия, я точно не знаю. Мо-

гу лишь подозревать действие сильного яда, наркотика, не исключено, что и колдовства. Он, безусловно, не йог, и я бы не рискнул даже сравнивать его состояние с самадхи, хотя кое-какие внешние проявления наблюдаются. Не посоветуете, как нам быть?

— Надо подумать,— сказал Мунилани, опустив веки.

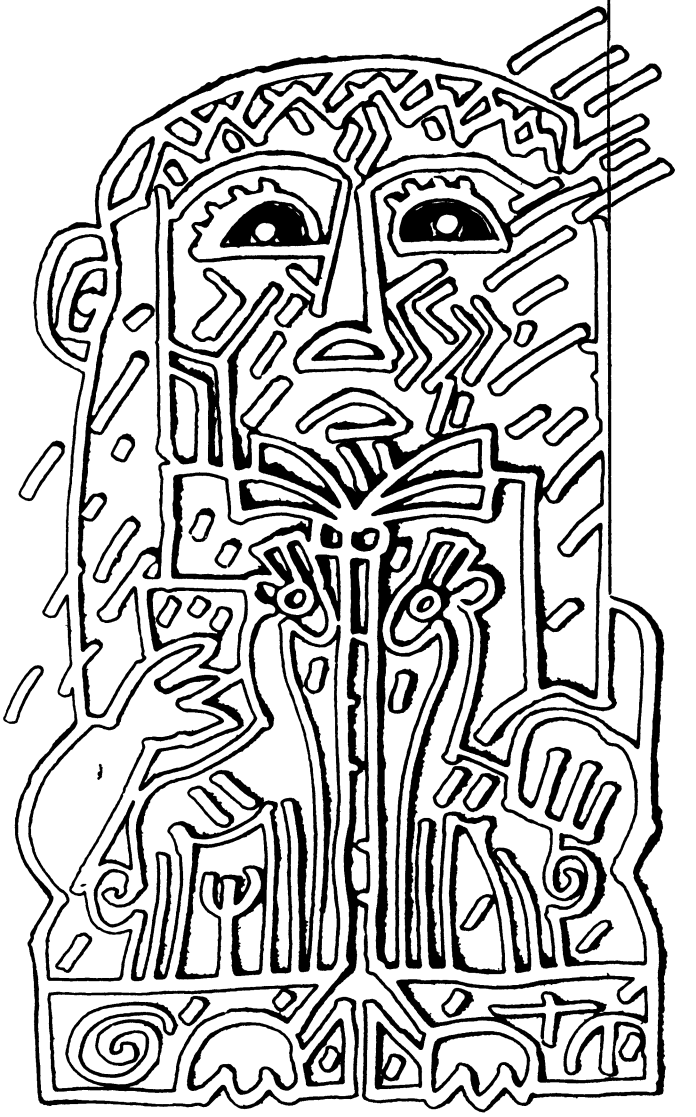
— Может быть, вы захотите увидеть его?

Махариши не ответил. Космическая энергия поднималась по его позвоночнику, наполняя чакры, пока Змей Кундалини не раскрыл над теменем огненный капюшон.

— Я вижу,— сказал он, когда исчезли все стены, перегородки и перекрытия.

Плоскость

Часть вторая

АВЕНТИРА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ДОЛИНА ЦАРЕЙ, ЛУКСОР, ЕГИПЕТ

Великий Бог уходил на запад, в мрачные бездны Дуата, в обитель теней. Пунцовый приплюснутый, чудовищно раздутый шар падал за колючую проволоку, купаясь в волнах горячего тумана, сизой полоской очертившего горизонт.

Ветер пустыни, обрушив тучи песка, утих, но его пронзительная струна все еще надрывно дрожала в прокаленном воздухе, сопровождаемая воем шакалов и назойливым гудом комарья, облепившего брезент палаток.

Уорвик безуспешно пытался связаться по радиотелефону с Джонсоном. Ему так хотелось поблагодарить мудрого администратора за все, что он сделал. За этот образцовый лагерь, напомнивший лорду беспечальные дни, проведенные в послевоенной Бирме, и, конечно же, за почетную должность начальника экспедиции.

«Мистер Джонсон в отъезде,— коротко сообщил секретарь.— При первой возможности он обязательно позвонит вам, сэр».

Уорвик понял, что расспрашивать бесполезно. Не зная, чем занять себя, он отправился осматривать возведенный в самом сердце Страны мертвецов форпост машинной цивилизации.

По всему периметру были врыты бетонные столбы с двумя рядами проволоки. Для верности заграждения с внешней стороны опутывали спирали Бруно. На двух вышках стояли охранники с короткоствольными автоматами.

«Остается пустить ток и установить выпрыгивающие мины,— с тайной улыбкой подумал Уорвик.— Сущий Вьетнам».

Разумеется, он понимал, что Пи Ди Ди — Питер Дональд Джонсон добился максимума возможного. Сыграла на руку конъюнктура. Нападения исламских экстремистов на правительственных чиновников, иностранцев, а то и вовсе случайных людей привели к значительному оттоку туристов. Сократился и объем археологических исследований. Затраты на вооруженную охрану оказались по карману лишь хорошо оснащенным, с крепким финансовым тылом организациям.

Все это вместе взятое, вкупе со значительными пожертвованиями, позволило Джонсону превратить место раскопок в подобие военной базы. Египетское правительство пошло навстречу крупной международной корпорации, которая полностью взяла на себя финансирование работ, включая расходы на безопасность. Что и говорить, жрецы бога Тота знали, где отыскать подходящее местечко. Аллах с ней, с загробной мистикой, но узкий каньон, выбранный древними геомантами, оказался вполне подходящим и в смысле фортификации.

Как с Юга, так и с Севера, лагерь защищали крутые скальные выступы. Маскировочная сеть позволяла видеть только ту часть интерьера, что намеренно выставлялась на всеобщее обозрение. Макет пирамиды из грубо выкрашенной фанеры, аляповатый сфинкс, да пара искусственных пальм сразу бросались в глаза. Справа от декораций виднелся загон для скота. Несколько тощих верблюдов и десяток-другой черных коз, скорее всего, принадлежали землекопам.

При желании сквозь ячеи, обшитые желтыми лоскутьями, можно было разглядеть еще и серебристую цистерну с соляркой для передвижной электростанции. Тем и исчерпывалось.

Особо любознательным оставалось довольствоваться доской у пропускного пункта:

«Эпсилон-Пикчерс»
Голливуд, Калифорния.

Латинские буквы были продублированы арабскими.

Палатки, в которых жили наемные рабочие и охрана, располагались уже за забором из армированного пластика. Точно такими же волнистыми щитами был обшит и трубчатый каркас вместительного ангара. На гребне его односкатной крыши была укреплена выве-

ска: «Съемочный павильон». По ночам, когда на вышках зажигались прожекторы, стеклянные трубки наливались рубиновым накалом, тревожа шакалов и одичавших собак.

Внутри павильона скрывался вход в вертикальную штольню, из которой система коридоров вела в погребальную камеру. Чуть поодаль стояла ненужная уже землеройная техника и два открытых джипа.

Большая палатка с табличкой «Только для персонала» находилась внутри вольера. Установленная на дощатом помосте, она примыкала к западной стене павильона, заслонявшего палатку от палящих полуденных лучей.

Все было продумано и тщательно распланировано, включая душевые кабины и поильные лотки для верблюдов и коз. Питьевую воду — отфильтрованную и обеззараженную — доставляли на барке с другого берега.

На такой же посудине, до смешного похожей на ладью фараонов, прибыл и сам Уорвик. Нельзя сказать, что путешествие оказалось утомительным. От отеля «Аменхотеп» до набережной было рукой подать. Необременительный променад в тени финиковых пальм отнял от силы минут десять. Примерно столько же или чуть больше понадобилось, чтобы переправиться на западный берег.

В кремовых шортах и френче с короткими рукавами того же цвета, лорд выглядел несколько старомодно, но на удивление элегантно. Настоящий обломок империи: тросточка под мышкой, газовый платок, обвязанный вокруг пробкового шлема, надменно вскинутый подбородок. Ему было невдомек, что означала, вернее могла означать, водная прогулка. Покинув восточный берег, где в сладостной истоме млел пленительный город, Уорвик ни на йоту не усомнился, что к ночи возвратится в просторный номер с мини-баром и кондиционером, а потом снова настанет утро и снова прохладный душ, яичница с ломтиками поджаренного бекона, золотистый апельсиновый джем к чаю. И так изо дня в день: гостиница, переправа, лагерь и вновь нильские мутно-зеленые воды, скрип весел и ужин в номере.

Жара скорее бодрила, нежели докучала ему. Он ощущал приток живительных сил. Казалось, время по-

шло вспять, возвратив давно забытую окрыленность. После тропиков, где он провел свою юность, Египет, с его первоклассными отелями, лимузинами и комфортными поездами, показался курортом, вроде Ниццы и Канн. Недоставало только яхты и клюшек для гольфа. При желании и то, и другое было вполне доступно, но долг — прежде всего.

В Калькутте, Лхассе, Рангуне — всюду, где доводилось служить, Уорвик старался следовать раз навсегда заведенному распорядку. Правда, это удавалось далеко не всегда. В Тибете, например, не было ни холодильников, ни кондиционеров. К счастью, горный климат позволял обходиться без них.

Как ни жаль, но молитвенные колеса Поталы и золотые прачеди Шведагона не оставили в его памяти заметного следа. Зато теперь он в первый же день отправился инспектировать развалины храма Амона. Побродил среди исполинских колонн, полюбовался статуями фараонов, обелиском перед левым пилоном. Не без огорчения заметил, что у коронованных сфинксов отбиты лапы и, словно у сифилитиков, провалены носы. Отныне все это входило в сферу непосредственной деятельности. Его именем будут отмечены замечательные находки, драгоценные памятники древнейшей культуры, тысячи лет пролежавшие в бесплодных песках.

«Молодчина Джонсон! Как всегда, поставил на верную лошадь. Лорд Корнарвон тоже не был археологом-профессионалом, что не помешало ему открыть золотой клад Тутанхамона. «Лебединая шея» еще покажет себя!» — старый романтик гордился новообретенным поприщем ничуть не меньше, чем фамильным гербом с надщитным лебедем поверх графской короны.

Уверенно сбежав по сходням, он вскочил в пропыленный джип, нимало не заботясь о том, что судьба сподвигла его повторить последний путь фараонов.

Не было ни колесниц со священными символами крылатого солнца, ни саркофага на спинах позлащенных гепардов, ни хора плакальщиц, воздевших заломленные руки.

На Запад, он уходит на Запад...

Некому было спеть прощальную песню, гребцы не обращали на чудаковатого британца внимания, а гиды с мегафонами рассаживали прибывающие группы ту-

ристов по другим лодкам. Так Уорвик и остался в полном неведении насчет путешествия в Страну мертвых, барки дневной и барки ночной, смерти и возрождения. Он просто прибыл на новое место службы, которое называлось «Долиной царей».

Обойдя весь периметр, сэр Грегори возвратился в палатку, добрая половина которой была отведена под офис. Там стояли три рабочих стола с компьютерами, шкаф, в котором хранились планы и карты, и внушительный сейф, предназначенный для грядущих сокровищ. Все свободное пространство занимали ящики и геодезические приборы.

В жилом отсеке были выгорожены четыре спальни с раскладными кроватями под марлевым пологом и что-то вроде холла. Выглядело довольно уютно: телевизор, шахматный столик, электроплита и кофеварка за стойкой. Под брезентовым потолком безостановочно вращались лопасти фена.

Рабочий день кончился, и обитатели брезентового ковчега разбрелись, кто куда. Остались только дежурные и Бутрос Сориал, который, будь на то его воля, готов был дневать и ночевать в гробнице.

Уорвик застал египтолога за раскладыванием тарота. В помещении плавал бередящий душу багровый сумрак.

— Смеркается,— заметил лорд, присаживаясь на раскладной стульчик.

— Скоро дадут освещение.

— А как же компьютеры? Холодильник?

— Они на автономном режиме.

— Бережете энергию? Похвально!.. Надеюсь, найдется что-нибудь выпить?

— Будьте, как дома, милорд,— Сориал указал на стойку.— Лед в морозильной камере.

Уорвик взял початую бутылку «Джи энд Би», стеклянный сифон, бросил в стакан кубик льда. Устроившись возле пожелтевшего от зноя, иссеченного песчаными ветрами окошка, он залюбовался торопливой игрой лучей. Угасающее светило словно стремилось продемонстрировать напоследок неисчерпаемое богатство тонов. Густая венозная кровь заливала тусклую охру каменистого плоскогорья. Марганцовые извилистые тени дымом затухающего костра обволакивали крутые уступы, метавшие колючие искры оранжевых

карминно-красных червленных винно-багровых отблесков. В провалах, хмуро поблескивая свежим срезом свинца, сгущался непроглядный мрак.

Где-то там скрывались клепаные врата преисподней. Пылающая сковородка была лишь преддверием ее. Истинный ужас невидим, неизмерим. Он вне образов, вне времени, за гранью рассудка и боли.

— А вы говорили: «Страна молчания»,— пошутил сэр Грегори, прислушиваясь к лязгу и грохоту механизмов.

— Так и было, пока мистер Джонсон не нагнал сюда технику и рабочих.

— Молятся,— сочувственно усмехнулся Уорвик, пригибаясь к слюдяному квадратику. Полыхнув зеленоватым золотом, солнечный сегмент высветил согбенные спины. Простирая руки к Востоку и клоня долу чалмы, правоверные землекопы провожали светило молитвой салят аль-магриб. Обласкав их босые заскорузлые пятки, древний Ра, не тая обиды, величаво погрузился в Подземный Нил.

Сразу стало темно, как в фотолаборатории, скупо озаряемой проявочным фонарем. Печально взревели верблюды у бетонной поилки, куда толчками поступала илистая вода. Мерное постукивание движка сливалось с астматическим дыханием насосов и еще с каким-то вовсе неведомым натужным хрипом и посвистом.

— Какофония ада,— сказал Уорвик, щедро разбавив виски струей из сифона.

— Великая кобра Мерит-Сегер любит молчание. Завтра мы проедемся с вами куда-нибудь подальше и вы услышите дыхание тишины. От этих тарахтелок и у меня разболелась голова.

— А ветер?

— Самум ушел.

— Откуда вы знаете?

— По голосу. Слышите, как плачет и жалуется Сетх — демон пустыни?

Уорвик раздраженно дернул щекой. В Каире Сориал производил более выгодное впечатление. И чего с ним так носится Пи Ди Ди? Сентиментален, как все азиаты, и почти наверняка вероломен. Пустозвон.

— Когда мы сможем осмотреть гробницу?— в голосе сэра Грегори отчетливо прозвучала хозяйская нотка.

— Как только дадут свет,— пообещал Сориал.— Хоть сейчас! — возрадовался он, вскинув лицо на вспыхнувшую лампу.

— В шахту уже провели электричество? Я и не знал, что вы так далеко продвинулись.

— В самом деле? Неужели мистер Джонсон вам ничего не сказал?

— Нам не удалось повидаться,— смущенно объяснил Уорвик, начиная догадываться, что и на сей раз ему была уготована номинальная роль, еще одна почетная синекура.— Он, видите ли, был вынужден внезапно уехать... И много нашли в гробнице? — спросил он упавшим голосом, скрывая горькое разочарование.

— К великому сожалению, она оказалась разграбленной, как, впрочем, и следовало ожидать. Я с самого начала не поверил, что в «Долине царей» остались нетронутые могилы. Картеру просто неслыханно повезло с Тутанхамоном.

— Картеру? Я считал, что захоронение нашел Корнарвон?

— Вы ошибаетесь, сэр. Все сделал Картер. Лорд Корнарвон был всего-навсего талантливым меценатом... Итак, вы желаете спуститься?

— Но вы же сказали, что могила разграблена?

— В некотором смысле. Не до конца. Грабители побывали там в очень давние времена, поэтому кое-что все же осталось.

— Не совсем улавливаю. Какая разница, когда именно расхищены ценности: за тысячу лет до нашей эры, или только вчера? Главное, что мы остались с носом.

Египтолог деликатно отвел глаза. Старый джентльмен, обликом и манерой напомнивший британских офицеров времен «Битвы в пустыне», ничегошеньки не понимал в археологии. Для таких, как он, существует одна-единственная ценность — золото. Остальное просто не берется в расчет. Как объяснить, что клочок папируса с несколькими иероглифами может оказаться дороже алмазов и изумрудов? Кругозор у лорда ничуть не шире, чем у тех древних гробокопателей. Они тоже первым делом кидались на золотой гроб. Мумию просто выкидывали, не утруждая себя поисками амулетов и скарабеев. Время, и только оно, придало ценность всему: жукам из аметиста и керамическим бусам, брон-

зовой шпильке и даже истлевшим сандалиям. Поэтому нынешние молодчики выгребают все подчистую. Слепому, и то ясно.

Сориал не находил подходящих слов.

— Завтра, когда из города вернется мистер Шанити, я смогу продемонстрировать наши достижения,— он указал на сейф.— Второй ключ у него.

— Как в солидном банке,— понимающе кивнул Уорвик.— Выходит, что какая-то часть сокровищ уцелела? Воры оказались не на высоте?

— Они взяли только то, что искали: золотые диадемы, пекторали, инкрустированные кораллом и лазуритом, драгоценную утварь, музыкальные инструменты из слоновой кости и серебра.

— Откуда известно, что там было?— подозрительно прищурился Уорвик.— Нашли опись?

— Описи не нашли,— тонко улыбнулся египтолог.— Просто я знаю, как снаряжали в последний путь царских жен, дочерей и наложниц.

— При чем тут жены!— вспылил Уорвик.— Какие еще наложницы? Мы заключили контракт на могилу фараона девятнадцатой или двадцатой?— не помню точно, какой— династии! Разве его похоронили вместе с гаремом?

Англичанин был безнадежен. Сориал с глубоким вздохом пожал плечами. Знать заранее, кто именно покоится в той или иной могиле, может один всемогущий Бог. Ни имен, ни хронологических привязок в лицензиях не указывают. Только место на плане, как при аренде земли.

Мистер Джонсон купил, причем наверняка неофициально, фальшивый секрет. Возможно, по неведению, но не исключено, что он сознательно пошел на риск, потому что представился шанс вытянуть счастливый билет. Вход в гробницу был отлично замаскирован, а на прикрывавшей его плите не обнаружилось характерных следов вскрытия. Винить некого. Кому теперь предъявлять претензии? И на каком основании? Раскопки увенчались несомненным успехом. По крайней мере, в аспекте науки. Погребальная камера в отличном состоянии, сохранились гранитные саркофаги, а мумии, хоть их и выбросили из гробов, остались не поврежденными. Пусть исчезло золото и самоцветы, но «Книги мертвых», алебастровые канопы с внутренностями, де-

ревянные и фаянсовые ушебти — намного дороже. Даже в узко утилитарном смысле. Египетское правительство может праздновать победу.

— Вы идете? — Сориалу не терпелось еще раз взглянуть на дивные росписи. Кобры с красным солнечным диском на головах словно загипнотизировали его своим магнетическим взглядом.

— Смотреть гарем фараона? С удовольствием!

— Остроумно, сэр, вполне подходящее название для фильма.

— Я в некоторой растерянности, профессор,— Уорвик поднялся, зачем-то похлопал себя по карманам и снова опустился на раскладное сидение, заскрипевшее под ним всеми дюралевыми суставами.— Не знаю, что и сказать мистеру Джонсону. Надо во что бы то ни стало доложить ему обстановку.

— Так он в курсе! — всплеснул руками Сориал.— И, по-моему, не слишком разочарован. Смею уверить, что хороший папирус не уступает в цене посмертной маске из благородного металла. Считайте, что сенсация обеспечена.

— Но как же без маски и прочего? Мы вложили такие средства, а самые ценные вещи, оказывается, давным-давно утекли?

— Вы же не намеревались извлечь прибыль? Ведь все, что там есть, останется в Египте! — впервые повысил голос Сориал. Лорд не понимал самых простых вещей, а он не понимал тупого упрямства лорда.— Ваша компания ничего не теряет. Фрески практически не пострадали, и вы можете приступить к съемкам в любой момент.

— К съемкам? — у бедного сэра Грегори голова шла кругом.— Да, съемки... Как быть с похищенной атрибутикой?

— Сделаете муляжи.

— Муляжи? Верно... Однако постойте, мистер Сориал! Мы отвлеклись от главного! Кому в конце концов принадлежит ваша могила? Не фараону?

— **Моя** могила, милорд,— египтолог не скрывал иронии,— не принадлежит фараону в том смысле, как вы это понимаете. На самом же деле она принадлежит именно фараону.

— Оставьте ваши шутки, мистер Сориал. Я не любитель софистики. Жду от вас прямого и ясного ответа.

Вы старый человек и должны понимать, что мы попали в сложное положение.

— Мы оба с вами не молоды, сэр. У меня и в мыслях не было морочить вам голову. Позвольте, однако, объясниться по существу. Вы хотите знать, принадлежит ли гробница фараону?

— Именно так, ибо успех предприятия в конечном счете зависит от вашего ответа. Нам нужен фараон!

— Не сочтите меня за педанта, но мне пр́идется дать некоторые пояснения. Слово «фараон» пришло к нам, как известно, из Библии. Оно образовано от египетского пер-о, что значит «высокий дом». Обнаруженные нами мумии — их оказалось две, мистер Уорвик,— безусловно, принадлежат к «высокому дому», т. е. к августейшей семье. Не хочу вас разочаровывать, но это женщины, сэр.

— Женщины! — вскричал Уорвик.— Вы уверены?!

— Смею напомнить, что существуют неоспоримые признаки, позволяющие отличить мужчину от женщины,— в том же сдержанно-почтительном, но на грани подтрунивания, тоне отвечал Сориал.— На арабском их названия звучат вполне благопристойно: «зебб» И «фардж». Автор «Тысячи и одной ночи» оперирует ими с неподражаемой простотой. Так вот, если вам угодно взглянуть на рентгеновские снимки, вы сможете убедиться, что я не ошибся: это, безусловно, «фардж», милорд. По предварительной оценке — мать и дочь. Царица Египта и юная принцесса.

— Только арабских сказок не хватало на мою голову! Я должен увидеть собственными глазами. Немедленно!

— Что именно? «Фардж»? Боюсь, что это сопряжено с некоторыми трудностями. Мы не смеем обнажать царственные останки. Даже грабители оставили нетронутыми внешние покровы. Вполне достаточно снимков, уверяю вас. Снять бинты возможно только в лаборатории. Это весьма длительный и кропотливый процесс.

— Вам виднее,— как-то сразу сник Уорвик.— А мистер Джонсон знает, что это?.. Я имею в виду женщин.

— Едва ли. Он приезжал сюда только на один день, когда мы подняли камень, скрывавший вход в погребальную камеру. Последующие исследования, включая

рентген, проходили уже без него. Они заняли около трех недель.

— Обидно. Я как раз находился тогда на борту моей яхты... где-то между Сицилией и Мальтой.

— Вы прибыли сюда на своем корабле?

— В Луксор? — Уорвик изумленно поднял брови.— Слишком трудный фарватер. У меня нет даже навигационных карт Нила. Нет, яхту пришлось оставить в Александрийской гавани... Как же нам связаться с мистером Джонсоном? Женщины абсолютно меняют первоначальный сценарий. Абсолютно... Я должен без промедления возвратиться в гостиницу и дать факс.

— Почему бы не сделать этого здесь? Вам набрать на компьютере?

— Да, будьте любезны.

Они прошли в офисный отсек к терминалу.

— «Эпсилон-Пикчерс»? — спросил Сориал, включая компьютер.

— Нет, в Бостон, главную резиденцию.

— Давайте текст, сэр. Номер и код у меня под рукой.

— Доктору Питеру Д. Джонсону, Бостон, штат Массачусетс,— начал диктовать Уорвик, нервно расхаживая вдоль узкого прохода между обитыми стальной полосой ящиками.— Дорогой Питер! Спешу засвидетельствовать Вам мое почтение... К сожалению, у меня для вас неважные новости... Найденные в вашем присутствии объекты, по мнению эксперта, принадлежат к другому... Нет, мистер Сориал, зачеркните «к другому»... Лучше — «к противоположному полу». Меняет ли это первоначальный план? Срочно жду указаний. Искренне Ваш Грегори Уорвик... Готово?

— Готово, сэр. Можно посылать?

— Посылайте, Сориал, с Богом.

Через несколько минут поползла бумажная лента с ответным посланием.

— «Грегори Уильфриду лорду Уорвику,— прочитал Сориал, небрежно оборвав лист.— Дорогой сэр! Как я уже имел честь сообщить, мистер Джонсон находится в настоящее время в отъезде. Я оповестил его о Вашем телефонном звонке, и он заверил меня, что свяжется с Вами при первой возможности. Мне поручено поставить в известность Вас и профессора Бутроса Сориала, что на следующей неделе в Луксор прибывает

группа со специальной аппаратурой. Прошу организовать встречу. О дополнительных подробностях Вы будете проинформированы по мере их поступления. Ваша последняя информация в данный момент уже передается мистеру Джонсону. С неизменным почтением Стенли Ф. Резор. «Эпсилон X_1», Бостон, Массачусетс.

— Готов биться об заклад, что это пройдоха Гринблад! — обрадовался Уорвик. — По-моему, наши дела не столь плохи, как это могло показаться?

— По-моему, тоже, милорд.

— В таком случае я позволю себе еще один глоток виски.

— Надеюсь, это не помешает вам совершить небольшую экскурсию?

— В город?

— Нет, сэр. В подземелье.

— Я не застряну в вашей пустыне?

— Лодки дежурят всю ночь, но я советую переночевать у нас. Есть свободная комната, если можно так назвать.

— Но я еще даже не обедал!

— Думаю, у меня найдется, чем вас угостить. Свежую рыбу и овощи привозят каждое утро.

— Что ж, — задумчиво протянул сэр Грегори, выискивая новые аргументы. Теперь, когда все как будто устроилось, ему вовсе не улыбалось лезть в шахту. И, главное, ради чего? Чтобы полюбоваться перебинтованными мощами? Положение, однако, обязывало. Noblis oblige! — Давайте, если вам так уж хочется.

В павильоне, разделенном переносными щитами на отдельные секции, судорожно попыхивали далеко разбросанные одна от другой газосветные трубки. В синеватом мерцании на лице Сориала обозначились глубокие тени. Оно показалось Уорвику незнакомым и неживым.

— Идите за мной, — предупредил египтянин. — В нашем лабиринте можно и заблудиться.

Миновав несколько складских помещений — поворот следовал за поворотом, но всегда под прямым углом, — они остановились перед большой бронированной дверью, на которой висел внушительных размеров амбарный замок.

— Вход в сокровищницу?

— В преисподнюю, так будет вернее, — без тени

улыбки произнес Сориал. Прежде чем отпереть замок, он отворил дверцу жестяного пенала.— На всякий случай наденьте каску,— указал на полку, где лежали шахтерские шлемы с фонариками и сумки с аккумуляторами.

— Зачем? Вы же говорили, что там есть свет?

— А если вдруг вырубят? И вообще мало ли что может свалиться на голову в таком месте.

Замок открылся с омерзительным скрежетом.

АВЕНТИРА ПЯТНАДЦАТАЯ

МОСКВА, РОССИЯ

— Многократная виза на шесть месяцев,— сказал Джонсон, выложив перед Борцовым стопку каких-то бумаг с красным общегражданским паспортом сверху.— Ваш билет: летите первым классом в субботу.

— Успею ли собраться?— обмерев сердцем, затосковал Ратмир. Он был растерян и смят. Все случилось настолько скоропалительно, что его на мгновение обуял страх. Но тотчас спасительная мысль промелькнула: Гавайи! Верные, испытанные друзья: профессор Никколс, аббат Ким Вон Ки, Линда Кинг и Линь, чудесный дзен-мастер и заклинатель дождя. Еще раз увидеть Гавайи, и пусть будет, что будет.

— Ваш вклад в Нью-Йоркском банке,— словно не расслышав, продолжал перечислять Джонсон, методично разбирая сколотые оранжевыми скрепками бланки.— Это формы на кредитные карточки. Они уже заполнены,— объяснил он, передавая анкетку с каким-то античным героем в зеленом овале.— Вам остается только поставить подпись... Здесь и здесь.— На другом листке фирменная марка изображала две пересекающиеся окружности: оранжевую и желтую.— Для начала, думаю, этого хватит. С «Американ Экспресс» и «Еврокард» вы в любой стране будете чувствовать себя, как рыба в воде. Банкоматы работают круглые сутки, без выходных и праздников.

Борцову не раз приходилось видеть, как прямо на улице из латунных щелей вылетают новенькие банкноты. Проносятся автобусы, пролетают машины, снуют прохожие, а какой-то юнец в затрапезных джинсах,

знай себе, нажимает на кнопки, вылавливая денежки из стены дома. Сцена напоминала кино из другой жизни: «Не для меня, не для нас». Даже теперь, когда в России тоже появились кредитные карточки, он остался почти на той же позиции: «Не для меня». И в самом деле, лично для него это была такая же недоступная и, главное, ненужная роскошь, как собственный факс, телефон сотовой связи или какой-нибудь пейджер. Судьба, выкинув негаданный фортель, распорядилась, однако, по-своему.

Подпиравшая горло тоска куда-то отхлынула. Не в деньгах дело и не в удобствах. Пластмассовая таблетка с магнитным шифром сулила нечто больше — независимость и свободу.

Он бегло просмотрел заполненные графы: имя, фамилия, год рождения. С этим все было ясно. Банковские номера и место работы — Джонсон указал «Эпсилон-Пикчерс» — тоже не вызывали вопросов: «Ему виднее». Не то, чтобы удивление, но некоторую настороженность вызвал лишь домашний адрес: 1017 Парк Авеню, Бостон, штат Массачусетс.

— Я буду жить в Бостоне?

— Там живу я,— улыбнулся Джонсон.— Но к чему зарекаться? Возможно, вам и придется погостить у меня пару дней. Обещаю, что будет ничуть не хуже, чем в нью-йоркской «Плаза».

— Я как-то останавливался в «Милфорд-Плаза»,— вспомнил Ратмир, печально покачав головой. Это и в самом деле была нервотрепная командировка. На пятый, кажется, день сбили корейский «Боинг», и американцы закрыли «Аэрофлот». Нужно было думать, как выбираться. Пришлось переехать в советскую миссию. Там помогли переоформить билет на чехословацкую компанию.

— «Милфорд» классом пониже,— пояснил Джонсон,— но тоже приличный отель. Там обслуживают международные авиалинии. Куда ни глянь, сплошь стюардессы. Больно много суеты.— С первой встречи он понял, насколько скромен и непритязателен Борцов. Ему искренне захотелось возвести его на достойный уровень, вырвать из замшелой паутины убогого быта. Это раскрепостит душу, даст пищу воображению. Сколь ни богата фантазия, она все-таки нуждается в притоке ярких впечатлений.— Подписали?

Ратмир кивнул и, уже не глядя, подмахнул картонку с апельсинами «Еврокард»:

— Очень хорошо! Теперь подпишите, но только вверху, дорожные чеки. Вторая подпись — на глазах у кассира.

— Я знаю.

— А это на всякий случай,— Джонсон вынул перетянутую резинкой пачку стодолларовых билетов.

— Спасибо,— залился краской Ратмир.— Куда мне столько?

— Спасибо за что? Все деньги с вашего счета. Вот банковское уведомление, а вот и квитанция для таможни. Теперь, кажется, все.

— Право, я вам крайне признателен. Вы так блестяще распорядились... Для меня это все темный лес.

— Ну, не такой уж темный, Тим, как я успел заметить. Дорожные чеки не в новинку для вас.

— Всякий раз, когда мне их давали, я внутренне содрогался,— смущенно улыбнулся Борцов.— В банке почему-то берут слишком большой процент. При моих скудных командировочных это оказывалось довольно чувствительно.

— Наверное, ваши чеки были в расчетных рублях?— понимающе улыбнулся Джонсон.— С этими вам нечего опасаться.

— Теперь это уже не имеет значения. Благодаря вам я богач.

— Постучите по дереву, чтобы не сглазить. И не забудьте, что это только аванс, который надо отработать... Кстати, по поводу работы. Чуть не забыл! Чтобы у нас с вами не возникло неприятностей с налоговой службой, следовало бы оформить «Зеленую карту». Как вы на это смотрите? Вид на жительство дает право работать и, что куда важнее, зарабатывать. Кроме того, не нужно будет думать о визе, когда истекут шесть месяцев. Время быстро летит, не заметишь.

— Еще год назад я бы сто раз подумал, как бы чего не вышло.

— А сейчас?

— Сейчас это самое обычное дело. О том, как все может обернуться потом, не хочу даже думать. Давайте оформим, если так нужно.

— Тогда придется поторопиться. Документы должны быть поданы по месту жительства.

— Какие документы?

— Анкета. Я сегодня же возьму в консульстве, все, как следует, заполню, а вы подпишете. Даете полномочия?

— Само собой разумеется... Но я слышал, это долгая канитель? Проходит несколько месяцев, прежде чем вызывают на собеседование.

— Надеюсь, нам повезет. Америка заинтересована в людях, которые умеют зарабатывать честные деньги и платят налоги.

— Простите, я забыл о ваших возможностях.

— У вас в коридоре я успел заметить фотографию, которую не разглядел в прошлый раз. Вы, кажется, засняты там рядом с Рональдом Рейганом?

— Не рядом! Президент и миссис Нэнси Рейган сидели за почетным столом, а наш столик случайно оказался поблизости.

— В таких делах случайностей не бывает... Можно как следует рассмотреть?

— Сделайте одолжение,— Ратмир включил свет.

— Вашингтонский «Хилтон»? По какому случаю прием?

— Завтрак в честь национального .....

— А кто этот, в чалме?

— Казахстанский муфтий из нашей делегации. Здесь еще московский раввин и бывший председатель бывшего Комитета защиты мира. Пригласили всего четверых.

— Я читал о вашем визите в «Вашингтон Пост». Напомните, когда это было?

— У меня сохранилось приглашение. Попробую найти.

— От чьего имени приглашение?

— Палаты представителей.

— Обязательно отыщите, Тим. Никогда не знаешь, что может пригодиться. Если есть визитки сенаторов и конгрессменов, тоже гоните сюда, а я пока полюбуюсь вашей библиотекой.

Мнение о библиотеке, недвусмысленно отражавшей широкий круг интересов и языковые возможности владельца, не нуждалось ни в подкреплении, ни в пересмотре. Единственное, что интересовало Джонсона, были фотографии на полках. Особенно та, где Борцов стоял на трибуне у памятника Тельману. На переднем плане

был Ельцин у микрофона, а по обе стороны от него чуть ли не весь тогдашний синклит, знакомые все лица: Михаил Сергеевич, Лигачев, Пономарев, Вадим Медведев и Вадим Загладин, Шахназаров, Георгий Лукич Смирнов. По обе стороны от генсека — Хоннекер и Мисс.

«Легко догадаться, что запечатлено торжественное открытие памятника,— размышлял Джонсон.— Ельцин еще секретарь Московского комитета, Горбачев еще не президент, а Берлинская стена стоит нерушимо, как Варшавский договор. Кто бы мог подумать, что не пройдет и пяти лет, как мир перевернется вверх дном! Так и хочется крикнуть: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!». Как сюда затесался мой герой? Тоже не составляет труда вычислить. Роман о поединке красного Тедди с коричневым Адольфом. Если бы победили коммунисты, вместо Освенцима был бы еще один филиал ГУЛАГа. В гестапо работали пять тысяч штатных сотрудников, в штази маленькой ГДР — во много раз больше. Снимок на рубеже эпох. Любопытно, даже более чем... Лигачев в полной силе, но Яковлев уже вернулся из Канады. Лодка, которую столько раскачивали, черпнула бортом. Восторженная, на целую полосу, статья в «Нойес Дойчланд», подвал в «Правде» и, наряду с этим, разносные филиппики в «Советской России»: «Под предлогом разоблачения нацизма и его карательных органов автор пытается проводить кощунственные аналогии, бросая тень на коммунистическую партию...». И далее в том же духе. Сколько лет они могли еще продержаться при таком разброде в верхах?»

Возвратился обескураженный Борцов: не нашел пригласительного билета.

— Ничего, Тим,— успокоил Джонсон.— Не берите в голову, не так уж это и важно. Просто хотелось уточнить дату. Привычка — вторая натура... Но это, надеюсь, вы помните? В каком году? — постучал он ногтем в стекло.

— В восемьдесят шестом, по-моему. Или уже в восемьдесят седьмом?

— Лично для вас это что-нибудь значило?

— Еще бы! Транслировали по телевидению, по всем каналам. Эффект, впрочем, был двоякий. Больше неприятностей, чем ощутимой пользы.

— Сильно трепали в тот период?

— Не так, как раньше, но имело место.

— Вы не пытались поговорить с кем-нибудь из них? — Джонсон указал на фотографию.— Чтобы соломки подстелить?

— Кое-кого я и раньше знал, но там другое дело... Не та обстановка. С Кузьмичем, впрочем, за ручку подержался.

— С Лигачевым?

— Он тогда был завален доносами на мою книгу о колдовстве. Писал резолюции «разобраться».

— И разобрались?

— Не резво. Намечалось судилище в Академии общественных наук, еще где-то, но в отделе пропаганды нашлись защитники. «Правда» опять же помогла, хоть и дала аннотацию вместо рецензии. Какой-никакой, а сигнал. И вообще я тогда уже ничего не боялся. Что они могли со мной сделать? Поезд ушел.

— Интересно, какие чувства вы сейчас испытываете?

— Никаких. Все отгорело, быльем поросло.

— Все же?

— «И с отвращением читаю жизнь свою»...

— «Но слов»..,— мгновенно подхватил Джонсон.

— «Не стираю».

— Грандиозно! Пушкин сказал за нас, за вас, русских,— поправился Джонсон,— все. И вообще великие. От Державина до Ахматовой и Цветаевой. Что ни строка, то афоризм. «Они любить умеют только мертвых».

— **Они**,— подчеркнул Ратмир, никого не умеют любить. Посмотрели бы вы на наши кладбища. В детстве я жил на Можайке, теперь это Кутузовский проспект...

— Там, вроде, и Брежнев обретался,— продемонстрировал осведомленность Джонсон,— а потом Хасбулатов вселился в его аппартаменты, Руслан Имранович?

— Как раз по той стороне и были два кладбища: русское и еврейское. Даже остановки так назывались. Мы там курили на переменках у обрыва Москвы-реки. На моих глазах выворачивали плиты, бульдозером разрывали могилы. Черепа валялись на каждом шагу. И брежневский дом, и все те, цековские, что рядом, в прямом, да и в переносном смысле, построены на костях.

— Грустная картина,— задумчиво протянул Джонсон.— А как вы вообще относитесь к кладбищам?

— Без особых эмоций... Однажды в Париже, в отеле «Ибис», мне дали номер с видом на кладбище. По странному совпадению, было это в канун дня Всех святых, когда мертвые покидают свои жилища. Представьте себе, что я полночи просидел у окна в тщетной надежде увидеть хоть огонек на могиле.— Ратмир невесело усмехнулся.— Вы не подумайте, я вовсе не суеверен. Просто такая дурь нашла. Было одиноко и скучно, а телевизор осточертел. В рыбном магазинчике рядом с гостиницей я купил дюжину великолепных устриц, а лимон мне дали впридачу. Словом, я остался доволен.

— Чем? Устрицами, или неудачей эксперимента?

— Устрицами, безусловно, а насчет неудачи — не уверен. Я и мысли не допускал, что могут разверзнуться могилы. Но раз уж так совпало, этот день и мое окно, захотелось отдать дань романтической легенде. Люблю средневековье!

— Милая история, мне понравилось... Это тот «Ибис», что на Пляс де Клиши?

— Вы знаете?..

— Париж? Думаю, да. Есть два «Ибиса», но только один из них соседствует с кладбищем. Cimetiere Monmartre... Мне приходилось бывать в тех местах. Рядом с «Ибисом» отель «Меркюр»... Я даже помню ваш рыбный магазинчик! Там еще был аквариум с лангустами... Вы даже не подозреваете, насколько приятен мне ваш рассказ, какие мысли и ассоциации он вызывает. Может, как-нибудь я тоже сумею позабавить вас похожей историей. А сейчас давайте прощаться. Спасибо за интересную беседу, вообще... за все. Анкету вам в течение часа завезет мой шофер. Увидимся в субботу, уже в самолете. Еще раз советую, не утруждайте себя багажом.

— Но я должен взять с собой хотя бы книги! Без них мне трудно будет работать над сценарием.

— Лучше составьте подробный список. Все, что вам нужно, получите на месте. У нас компьютерная связь со всеми крупными библиотеками.

— Как просто и легко вы решаете вопросы! Право, в этом есть что-то мефистофельское.

— Мы уже рассуждали с вами на эту тему.

— И вы убедили меня, что я не Фауст.

— Надеюсь, что так... У Гете есть одно место, которое он почему-то не включил в окончательный вариант. Жаль! Мефистофель высказывается напрямую:

Два чудные дара
Вам милы всегда
Блестящее злато
И большая...

— Мне оно тоже нравится. В переводе Холодковского. Он более точен, чем пастернаковский.

— Видите, как совпадают наши вкусы? Мефистофельская сентенция косвенно подтверждает ваше интуитивное — скажем так — подозрение. Не я, но мои деньги, в конечном счете, развязывают все узлы, а в золоте действительно есть что-то дьявольское. В золоте и женской плоти.

— Женской — для мужчины, для женщины — в мужской.

— Не могу не согласиться, хотя я думал несколько о другом. Кстати, живя у подножья веселого и легкомысленного Монмартра, в двух шагах от Пляс Пигаль, вы в грустном одиночестве охотитесь за тенями. Экстравагантная причуда, отвечающая вашему умонастроению? Не лучше ли было «снять», как теперь выражаются, хорошенькую парижаночку? Что вам мешало? Средства?.. Допускаю, иначе зачем было останавливаться в двухзвездочной гостинице. Однако вы, не задумываясь, берете дюжину устриц. Недурно. Начало ноября — самый сезон для жирных моллюсков Нормандии. Но стоит это удовольствие не так уж мало. Франков сто?

— Восемьдесят.

— А свободная любовь?

— Не знаю, меня это не интересовало.

— Из принципа?

— По двум причинам: СПИД и любовь, настоящая любовь.

— Причина, собственно, одна — второе детерминирует первое, но ответ достойный,— кивнул Джонсон, надев плащ.— Между прочим, не далее, как вчера, пришло сообщение, что в «Долине царей» вскрыта неизвестная усыпальница времен Эхнатона. Или Тутанхамона? В ней обнаружили мумии двух молодых и, возможно, некогда обворожительных женщин. Мы с вами

обязательно там побываем... На сем прощайте и позвольте мне выйти тем же путем, что привел меня в вашу башню из слоновой кости. Благо, я не вижу над дверью пентаграммы, что смутила в свое время столь уважаемого нами героя Иоганна Вольфганга Гёте.

— Только деревянная маска Царицы нагов из Шри-Ланки.

— Хорошая маска, но нас этим не запугаешь. Она воздействует лишь на ланкийских чертей.

Астрофизическая лаборатория Лоуэлл, Штат Аризона

Доктор Ойджен Шумейкер, его жена Кэролайн и Дэвид Леви рассматривали обработанный компьютером снимок области Оорта, «черного мешка», где собираются, обогнув Солнце по вытянутым орбитам, кометы. «Волосатые звезды», как назвали их греки,— вестницы потрясений и бед.

Цепь из круглых пятнышек меньше всего напоминала кометный шлейф.

— Похоже на нитку жемчуга,— заметил Дэвид Шумейкер.

Срочно подняли снимки, сделанные в предыдущие годы. Компьютер сравнивал, отбрасывал лишнее, сопоставлял. Вычислялись орбиты, отклонения, взаимодействие гравитационных полей. Звездное время, как на прокрученной назад киноленте, пошло вспять, и мелкий бисер слился в жемчужину. Загадочный объект обнаружили на снимках двадцатилетней давности. Как и ожидалось, это была комета со всеми положенными аксессуарами: ядром и шлейфом.

— Как можно было ее не заметить?— удивился обрадованный Леви.

— Прозевали,— отрезала Кэролайн.

Расчеты показали, что год назад «волосатая звезда» прошла вблизи Юпитера, но под влиянием могучих сил притяжения раскололась на двадцать один кусок. Вскоре заметили еще одну крохотную точку, и число осколков увеличилось на единицу. Каждому, согласно месту в строю, присвоили соответствующую букву латинского алфавита: от A до V. Новое небесное тело получило имя «Шумейкер-Леви-9» (5L-9).

АВЕНТИРА ШЕСТНАДЦАТАЯ

БЕЛИНДАБА, ЮЖНАЯ АФРИКА

И сказал Властелин Кришна на поле битвы Курукшетра:

«Не было времени, когда бы не существовал я, ты или все эти цари, и в будущем мы никогда не прекратим своего существования. Для души не существует ни

рождения, ни смерти. Она никогда не возникала, она никогда не исчезнет. Она нерожденная, вечная, неумирающая, изначальная. Она не знает погибели, когда погибает тело».

И стали эти слова Властелина единственным источником утешения для лучника Арджуны, готового сеять смерть на поле битвы.

Ананда Мунилана ощутил присутствие Властелина и затрепетала атма — его душа — от всепоглощающего счастья, и параматма — его сверхдуша, как дивный цветок, растущий на той же ветке, озарилась неистовым всепроникающим светом, пронзив радужными стрелами лучей все оболочки Вселенной.

И был этот неиссякаемый свет проявлением Бхагавана, и радость эта неисчерпаемая, как море, была его проявлением. Испытав такое хотя бы однажды, человек никогда не сойдет с истинного пути. Он сохранит величавое спокойствие перед лицом тягчайших бедствий, и никакие соблазны материального мира не возмутят его чистый ум, осознавший свою самость, в себе самом нашедший источник счастья.

«Поистине, это и есть настоящая свобода от всех страданий, возникающих от соприкосновения с материей»,— говорит «Бхагават-гита», «Песня Господня», устами Властелина.

Ананда Мунилана был свободен. Сидя, вывернув пятки поверх колен, на шкуре лесной кошки, он не испытывал вожделений, и боль заживающих ран, смиренная усилием духа, больше не отвлекала его сознания. Только власть кармы, а это долг, которому подчиняются даже боги, могла заставить его возвратиться в тело, неподвижно застывшее возле опутанной проводами кровати. Оставленное за окнами и дверями, в тесной комнатке, замкнутой на сто замков, оно отдалялось от воспарившего сгустка энергии, как отдаляется берег от уходящего корабля.

«От меня исходит память, знание и забвение»,— освобожденная сверхдуша хранила сознание долга, ибо что есть память, как не накопленный долг? И, прежде чем вознестись в заоблачный простор, Ананда Мунилана, вернее вечная сущность, сменившая множество тел и имен прежде чем осознать свое совершенство в гибком, но бренном теле йога, нареченного Анандой,

проникла в палату зомби. Сродни радиоволне, она наполняла пространство, была здесь и там, везде и нигде.

Человек, темный, как поджаренные кофейные зерна, слегка тронутые лиловой пыльцой, уподобился упавшему дереву. Живительные соки еще бродили в его сердцевине, но не могли напитать увядающую листву. Все чувства, кроме слуха, были мертвы, и только ушные раковины, чуть розоватые по краям, связывали ментальное тело с миром материи. Скованное неподвижной оболочкой, оно страдало и жаждало выхода, целиком обратившись в память и слух.

Ананда читал эту память. Имя живого кадавра было Туссен Фосиён. Его неразвитая атма напоминала почку на ветке, что озябла в гималайских снегах. Ее питали нечистые вожделения и низкие страсти. Человек, которого звали теперь Туссен Фосиён, запятнал себя кровью и предательством. Он шпионил за друзьями, был нечист на руку и грязен в любовном общении. В этой жизни и в жизни будущей таким не дано познать сокровища сверхдуши. Аура, тусклая и сморщенная, как подгнивший плод манго, предрекала скорое воплощение в похотливого петушка. Ему не дадут подрасти, но заживо растерзают, дабы ублажить ненасытных духов земли.

Ананда был здесь и нигде. Здесь он видел запрокинутую, наголо обритую голову в металлических обручах и проводах, челюсть, застывшую в мертвой ухмылке, и каждый торчащий в ней зуб — одетые в золото и здоровые, но испорченные кокой и табаком. В провале отверстого рта булькала какая-то трубка и множество других трубок и разноцветных шнуров, соединенных с железными ящиками, пружинными завитками тянулись к рукам и ногам. Они ловили малейшие биения и токи, но не могли вдохнуть жизнь в мертвую оболочку. И не могли дать истинного знания людям в зеленых халатах, одержимым алчной погоней за знанием материального мира. Но третий всевидящий глаз, открываемый просветленному его параматмой, проницал лабиринты вечности, ее тайные переходы, ведущие во все времена.

Тусен Фосиён едва не запутался в закоулках трущоб Порт-о-Пренса. Фары его «шевроле» полосовали на-

громождения уродливых хижин. Вкривь и вкось сколоченные из ящиков и ржавых листов железа, они были разбросаны как попало, напоминая огромную свалку. Местами сквозь дыры в циновках, которыми были занавешены подобия окон, пробивался унылый свет керосиновой лампы. Оставалось лишь догадываться, какие делишки творятся под непроницаемым пологом гаитянской ночи. Высвечивались глухие загородки, кучи отбросов, где рылись одичавшие псы, гирлянды вывешенного на просушку тряпья. Канавы, наполненные гниющей водой, вынуждали разворачиваться и петлять в поисках объезда по еще более извилистым и узким проходам. В пятнистой тени банановых листьев, выхваченных из тьмы, свирепо вспыхивали чьи-то настороженные глаза. Животных? Людей? Кровожадных духов?

Селестен, жрец религии воду, с коим Фосиён поддерживал дружбу, объяснил, как проехать к месту ночной церемонии. Если бы не обещанная ему сладкая девочка двенадцати лет, почтенный дантист, а именно это ремесло приносило Фосиёну легальный доход, ни за какие деньги не согласился бы отправиться в столь опасное место. Но Селестен так смачно описал достоинства живого товара, что не хватило сил устоять. Сначала Фосиён попробует девку сам, а после перепродаст ее выгодному клиенту.

Когда, исколесив полпредместья, он все же добрался до заброшенной плантации ананасов, празднество было в самом разгаре. На вытоптанной площадке перед длинным, крытым пальмовыми листьями навесом, где прежде очищали плоды и выжимали сок, тряслись в экстатической пляске человек сорок, если не больше. Преобладали женщины. Тучные, с выпирающими ягодицами, они раскачивались, тряся тяжелыми отвисшими грудями, под рокот барабанов. Переступая босыми пятками, на полшага то в одну, то в другую сторону, они оставались на месте, но барабанный бой, пронизанный звериным завыванием флейты, понуждал их сгибаться и распрямляться, резко выбрасывая живот. Порой кто-нибудь из танцоров спотыкался и, взрыхлив кирпичную пыль, со стоном припадал к земле.

Застывшие шальные улыбки блуждали на мокрых лицах, устремленных к восходящей Луне. Ища глазами

Селестена, Фосиён успел разглядеть в середине беснующегося круга пять или шесть молоденьких девушек, почти детей. Мужчин было всего трое: парень в армейской рубахе, однорукий разносчик газет и тощий седой старик. Стоя на коленях в чем мать родила, он истово тряс сомкнутыми у подбородка ладонями, словно жаждал испить лунный свет. Кто рыдал в припадке сумасшедшего счастья, кто катался в блаженной истерике, суча ногами или, залившись птичьим клекотом, свивался в комок. Каждый был сам по себе, но накал страсти всех сбивал в единую стаю — мужчин и женщин, старух и детей. Спящий в тайниках души древний зверь вырвался наружу и заплясал под хриплые вопли флейты, и завыл на волшебный диск, достигший высшей силы и совершенства, и затрясся в ритме, нагонявшем неистовую волну.

Селестен, казалось, не принимал участия в непотребном действе. Сидя на корточках у костра, он подбрасывал в пылающие уголья кусочки смолистой коры и окаменевших кореньев, источавшие пряный удушливый дым. Растекаясь пеленою тумана, неся запах мускуса и жижи болот, колдовские курения навевали любострастные образы и кошмарные виденья.

Освещенные смоляными факелами музыканты, с такими же потными лицами и безумными, отсутствующими взглядами, доводили напряжение до крайней точки. Их руки, казалось, прилипли к барабанам, намертво зажатым между колен. Дрожь натянутой кожи передавалась костям, и они гудели, как трубы, и от чресл по стволу позвоночника поднимался удушливый жар, разливаясь по всему телу. И горели там-тамы в ладонях возвратным огнем, вспоминая забытые сны Нгоро-Нгоро. И мрачные призраки дождевых африканских лесов оживали в кипящей крови, и бледные тени саванн, и чудища черных зачумленных вод выходили наружу.

Зрачки беснующихся расширились, как от беладонны, заполнив всю радужку, ноздри раздулись. Резче запахло потом. Падая, женщины срывали с себя последние тряпки. Взмахи бедер участились, взлетая на самый гребень несущей волны. Она закрутила содрогающиеся тела в кипящем водовороте и, взлетев на высшую точку прилива, вышвырнула их на песок, омыв пеной освобожденья.

Таясь в зарослях кукурузы, Фосиён не знал, на ком остановить выбор. Он хотел всех сразу. Прямо там, в облаках пыли и мускусного угара, смешавшегося с испариной плоти. Чаще всего его взгляд замирал на одной — длинноногой и тонкой, с непропорционально маленькой головой. Прежде чем опрокинуться на спину и, обхватив колени, выгнуться упругой дугой, она дольше прочих нежилась в лунном каскаде, оглаживая свои острые грудки, словно омывалась дождем. Не ее ли посулил Селестен?

Фосиён ожидал, что с минуты на минуту начнется настоящая оргия, но мужчин, включая музыкантов и самого жреца, было слишком мало, чтобы ублажить столько жаждущих самок. Вскоре он понял, что они ничуть не нуждаются в мужской ласке. Воображаемый партнер, исторгнутый из алчущих недр, каждой дал то, чего просто немыслимо было получить в реальной жизни, наполненной страхами и нуждой. Парни, особенно тот — в защитной рубашке со следами споротых нашивок, — по всей видимости, переживали те же самые ощущения. Это было до того заразительно, что Фосиён едва не потерял голову. Распалившись до ломоты в паху, он уже был готов выскочить из своего укрытия, но вовремя удержался, заметив промелькнувшую под навесом тень. Какой-то субъект в распахнутой белой сорочке, выйдя из тени, пружинистой походкой устремился к догоравшему костру.

Нужно было быть полным идиотом, чтобы не распознать тонтон-макута по шляпе и темным очкам, особенно неуместным ночью. Но не это насторожило Фосиёна. Полиция постоянно вертелась вокруг жрецов воду, и ни одна церемония не обходилась без агента. В прежнее время Фосиён и сам поддерживал тесный контакт с тайной службой, но после свержения «Бэби Дока», сына покойного президента, решительно оборвал все связи. Вместе с духами, коих созвал на пир потомок конголезских мгамбо, ожило прошлое. Следовало держать ухо востро.

Перемолвившись о чем-то с жрецом, зловещая фигура исчезла. Напрасно встревоженный неясными подозрениями Фосиён до рези в глазах вглядывался в дымную мглу. Лунный глянец, скупо процеженный сквозь сито переплетенных ветвей, рисовал обманчивые контуры. Ничего не стоило принять какую-нибудь

лужу за проблеск автомобильного кузова. Дантист не знал за собой особых грехов перед прежней властью. Напротив, жили, что называется, душа в душу. Но, не поддержав тонтон-макутов деньгами в трудную пору, он мог опасаться каких-то ответных действий. Неужели здесь и сейчас?

Боясь обнаружить себя и потому не решаясь на бегство, Фосиён продолжал следить, как за приглянувшейся ему девочкой, так и за колдовскими манипуляциями Селестена.

Склонясь над корзинами, жрец вытащил пару связанных когтистыми лапками петушков, которые, встрепенувшись было в его руках, тут же замерли. Достав несколько подозрительного вида бутылок, он выложил на циновку убогую снедь, завернутую в банановые листья и обрывки газет. Когда приготовления к пиршеству были закончены, Селестен схватил самую большую бутыль, зубами вырвал затычку и основательно приложился. Мутная жидкость, оросив челноком заходивший кадык, потекла на голую грудь. Плюнув длинной струей в угасавшие угли, которые, вспыхнув синими языками, тут же окутались шипящим паром, жрец воду поднял петушков и в мгновение ока свернул им шеи.

Парализованный суеверным страхом, Фосиён и думать забыл про девку, что корчилась в общей свалке, и провалившегося, словно сквозь землю, тонтон-макута.

Вновь зарокотали там-тамы и истерический хохот флейты взвился над непроглядной завесой ползучих растений, год за годом оплетавших некогда отвоеванные у леса участки. Первозданная африканская жуть праздновала кровавое новоселье на далеком заокеанском острове.

Душа свирепого мгамбо, что плясал в леопардовой шкуре на костях поверженного врага, пробудилась в знахаре из Порт-о-Пренса. На крыльях неведомой силы перенесся он в мешанину изнывавших в истоме тел и, окропив чернокожих менад петушиной кровью, завертелся юлой. Не выбирая пути, проскакал по голеням и животам и захохотал, как гиена, разрывая зубами трепещущее живое мясо. Пух и перья в тягучих нитях кровавой слюны слетали с его клыков, и горячие ка-

пли, невидимые в ночи, как благодатный дождь, плодотворили иссушенную почву.

И эта жертвенная влага, как и боль от ноги колдуна, отозвались сладострастной спазмой. Обессиленные танцоры начали плавно и медленно подниматься, точно змеи на призывный вой дудочки заклинателя.

Фосиёна, как током, ударило. Та долготелая девочка с головкой змейки шла прямо на него, слепо нащупывая дорогу. Вспыхнули, взметнув рой искр, кем-то брошенные в огонь сухие кукурузные стебли, и лунную поляну озарило полыхающим заревом. Но Фосиён уже не замечал ничего вокруг. Не помня себя, он рванулся, раскрыв объятия, навстречу искавшим его рукам. Они были так близко, эти тонкие пальчики, эти набухшие лунным приливом соски и незрячие глаза, наполненные беспросветным мраком. Обняв пустоту, Фосиён не устоял на ногах и грохнулся оземь, больно ударившись локтем.

Последнее, что он увидел, было искаженное яростью лицо старого Селестена. Костлявой рукой сжав горло незадачливого любителя приключений, жрец мазанул его по лбу окровавленным крылом петуха и силой влил в горло, лишь чудом не выломав зубы, обильную порцию обжигающего пойла, шибанувшего отвратительным запахом болотного газа.

Прежде чем навсегда потерять зрение, Фосиён успел поймать взглядом внезапно померкнувшую Луну. Казалось, его замуровали в бетон, сдавивший грудь до такой степени, что легкие не могли проглотить ни единой капли воздуха. Боли удушье не причиняло, но мозг терзала адская пытка четвертования. Уже отрублены руки, ноги, вот-вот покатится голова. В ушах по-прежнему раздавался барабанный грохот и мерзкая флейта с удвоенной яростью терзала ставшие вдруг необычно чуткими перепонки. Зато все прочее было парализовано: ощущения, органы, члены. Он уже больше не чувствовал саднящего подергивания в локте, и онемевший язык никак не отвечал на спиртовой ожог, а запах гнилой трясины не отзывался рвотной спазмой.

Только слух почему-то еще связывал его с миром людей.

«Помоги, Святая Тереза — заступница! — взмолился Фосиён на последнем остатке дыхания. — Не дай обратить меня в зомби!»

Сбылось самое страшное, о чем нельзя было и помыслить без содрогания. Как и любой гаитянин, он безоглядно верил в живых мертвецов. Тому была тьма достоверных свидетельств. Особенно в последние годы правления «Папы Дока», когда похищения трупов совершались чуть ли не еженощно. Прислушиваясь к рассказам очевидцев, он больше всего на свете страшился оказаться похороненным заживо. И надо же было случиться, чтобы такое произошло именно с ним! Не в силах не то, что пошевелить пальцем, но даже сомкнуть веки, он испытывал такую нестерпимую муку, рядом с которой любая боль могла казаться божьим благословением.

Обострившийся слух подсказал Фосиёну, что его скорее всего куда-то несут, затем бросают в багажник автомобиля и захлопывают крышку. Он слышал разговор и понял, что Селестен забрал его деньги и разделил их с незнакомым мужчиной, говорившим глухим пропитым голосом. Наверное, это был тот самый тонтон-макут. Жрец сказал ему, что надо снять кольцо-печатку и золотые часы. Потом заработал мотор, и машина тронулась с места. Его провезли через весь город. Влажный шелест листвы и плеск фонтана подсказали близость Там-де-Марс. Бой часов главного почтамта и наступившая затем тишина, изредка прерываемая коротким лаем, вызвали в памяти знакомую картину утопающих в зелени белых особняков. Дом Фосиёна находился в Дивисионес, где в основном жили американцы. Так началось долгое путешествие дантиста-зомби, все этапы которого он воспринимал через звук. Он научился угадывать качество дорожного покрытия и высоту бьющей в борта воды. Его опускали в железный трюм и поднимали на вертолете. Однако самого жуткого, чего он, как только понял, что сделался зомби, с ужасом ожидал, не произошло. Он так и не услышал стука земли о крышку своего гроба. Тонтон-макуты, если это были они, поступили против обыкновения. Они не выбросили труп на глазах у родни и не примчались за ним на кладбище по окончании похорон. Фосиён не знал, куда и зачем его везут. Оказавшись на корабле, подумал было, что ему уготована могила подводная, но обманулся и тут.

«Если я все-таки умер,— размышлял Фосиён,— то где я?»

Не трещали костры, не бурлила смола, а гудки пароходов никак нельзя было принять ни за вопли грешников, ни за хохот чертей.

«Чистилище, как большой океан,— пытался он отвлечься,— души томятся в трюмах, а плавание длится тысячи, тысячи лет»...

Когда же, потеряв счет времени, вновь зазвучала человеческая речь, пришлось отбросить и глупую мысль о чистилище. Неизвестные люди говорили между собой вроде бы по-английски, и ему удалось различить несколько более-менее знакомых слов. Вроде «сэр» и «о'кей». Иногда приходила женщина, язык которой был и вовсе непонятен, и Фосиён долго мучился неизвестностью, пока чей-то голос, отчетливо прозвучавший изнутри, не подсказал, что это больница.

Тяжелы оковы причин и следствий. Любая карма — не что иное, как рабское странствие человека в круговороте смертей и рождений. Как вол, привязанный к водоподъемному колесу, бредет он по кругу сансары, рождаясь в муках и умирая в страданиях. Свобода от великой цепи кармы приходит через знание.

«Как пылающий огонь превращает дрова в пепел, так огонь знания сжигает до тла все последствия материальных действий»,— поучал Арджуну Властелин Кришна.

Лишь тот, кто каждым поступком и помыслом приносит жертву Верховному Бхагавану, преодолев карму, избегнет плена материального мира.

Великий гуру Шри Ачарья обучил Ананду Мунилану трудному искусству акармы — умению действовать, не вызывая своими поступками никаких последствий.

Он допустил оплошность, пообещав вернуть подвижность человеку, чьи руки запятнаны злом. И в этой жизни, и в былых воплощениях. Переродившись в теле похотливой птицы, живой мертвец не отяготит свою дурную карму новым злодейством, не успеет. Его кровь будет принесена в жертву демонам и ляжет на душу убийцы. Этого не избежать. Ни сам Бхагаван, ни природа не властны исправить чужую карму. Тем более он, Ананда.

Подать руку помощи больному — благо, но, вместе

с тем, и ответственность за все его будущие деяния, а это противоречит карме. И не исполнить обещанного, ибо данное слово записано в Книге Великой пустоты, равносильно греху.

Долго — по земным часам — размышлял Ананда Мунилана, хотя там, где бежала волна его мысли, не было времени. Найдя решение, возможно не самое лучшее, но, как ему виделось, все же приемлемое, он вошел в голову мертвеца тонким лучом своего третьего глаза.

Труп содрогнулся, как от удара молнии, задергался и со стоном закрыл закатившиеся глаза. Свет, хлестнувший бичом, отозвался болью, но то и другое было знаком спасения — боль и свет. И беспамятство, в которое он медленно погружался, казалось немыслимым счастьем.

«Смерть! — промелькнуло у края ночи.— О, Святая Дева! Наконец...»

Исчез окутанный туманом «Октопод», а вместе с ним и палата, где в асане «дхьяна» пребывала временная оболочка, опутанная, как и тот черный мертвец, всевозможными проводками. Уважая людей, идущих дорогой познания, даже такого как анумана, ограниченного грубой материей и формулами индукции, Ананда позволил доброму профессору Вейдену оплести свой оставленный дом [1] металлической сеткой. Она не могла помешать возвращению: опустевший храм остается храмом и под завесой лиан...

Сгусток энергии, вобравший в себя неразрушимую сущность Ананды, излучал сверхсветовую волну. Он был нигде и везде, распространяясь за границы земной атмосферы, пересекая орбиты астероидов и планет.

Голубой сверкающий шар, словно елочная игрушка, облепленная клочьями ваты, уменьшился до размеров пайсы [2], а светлая Сом [3] показалась далекой звездой. Йог не испытывал страха. Он ощущал себя частицей грандиозного организма Вселенной, кровяным шариком в жилах Первочеловека — Пуруши. Невидимый, бесконечный, он попирал Землю, и пылающий золотом Рави был его сердцем и глазом, и нимбы светил

[1] Физическое тело в индо-буддийской традиции.
[2] Мелкая индийская монета.
[3] Луна (*инд.*).

окружали его чело: железный Мангал и Будх, мерцающий быстрой ртутью, и сам оловянно-опалвый Гуру, и бронзовотелая Шукра, и свинцовый Шани[1] — владыка колец — пели ему хвалебные гимны.

Ведь Пуруша — это Вселенная,
Которая была и которая будет.
Он также властвует над бессмертием..
...Луна из духа его рождена,
Из глаза Солнце родилось...
.Из ног — земля, стороны света — из уха[2]

Как звенят астральные струны рабаба! Какая волшебная рага[3] наполняет пространство! Какая гармония! Но тонула в безмолвии вечности музыка, и радужные переливы света вбирала в себя чернота.

В непроглядной Области Мрака отыскал Ананда Мунилана ассуров — небесных воителей и убийц. Они неслись — голова к хвосту — на конях Смерти, загибаясь долгой дугой. И было их числом двадцать два. Оборванной ниткой жемчуга казался их строй на черном бархате неба. Безумный поезд уже завершал поворот.

Ананда Мунилана знал, что на сей раз убийцы не промахнутся. Проломив крепостную стену, один за другим ворвутся ассуры в чертоги Великого Гуру, Царя богов. И оборвется вечная связь между учителем и учеником, и мрак невежества овладеет планетой. Черные змеи розни и ненависти угнездятся в сердцах.

Содрогнутся светила, сдвинется Земля со своего пути и взорвется она огнем вулканов. И придет зима туда, где вечный праздник лета, и горячие ветры растопят тысячелетние льды Гималайских вершин. И хлынут дожди, смывая дома и поселки, и океанские волны обрушатся на беззащитные города.

И будут гореть леса, и жестокая засуха испепелит посевы, и сгинет человеческий род. И это станет концом кали-юги.

Так обновится, вступив в новую кальпу, природа. И новые поколения научатся читать судьбу в изменившемся узоре созвездий, и вновь откроют тайные места, где сплетаются жилы времени, как струи в ручье.

---

[1] Соответственно Солнце и планеты: Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн (*инд.*).

[2] Ригведа «Гимн Пуруше».

[3] Песня (*инд*).

Но прежде чем первый ассур взовьется пламенем ярче тысячи солнц, ударив в сердце Великого Гуру, сместятся петли причин и следствий, и узлы времени в новом рисунке завяжутся на канве измерений. И по-иному забьются сердца, тоскуя по уходящей любви. Когда человек полной мерой постигает себя, он ощущает биение сердца Мира.

«Пространство внутри сердца такое же огромное, как Вселенная. Именно в сердце заключены все миры, небо и земля, огонь и ветер, солнце, звезды, луна и молния».

Так говорят «Упанишады».

Ом — тат — сад.

От начала творения эти слова.

АВЕНТИРА СЕМНАДЦАТАЯ

МОСКВА, РОССИЯ

Плача от бессилия и обиды, Ратмир трясущейся рукой накручивал и накручивал телефонный диск. Бил по рычагу и снова гонял проклятое дырчатое колесико, меняя сперва последние, затем первые цифры. Бесчисленные комбинации сводили с ума. Хотелось расколотить проклятый аппарат — черный с оленьими рожками, как было когда-то у родителей,— о собственный череп. Он уже не помнил, с какого телефона, из чьей квартиры звонит (понимал, что не из дома), а тот самый первоначальный номер, тоже взявшийся неизвестно откуда, странным образом растворился в памяти. А вдруг он был единственно верным? Вдруг тогда — случайно! — не соединилось? Вернуться к исходному семизначью оказалось труднее, чем продолжать бессмысленный перебор.

Были ли в трубке гудки, отвечал ли хоть кто-нибудь на звонок? Ратмир почему-то не обратил на это внимания. Сотрясаемый маниакальным упорством, когда иссякло терпение ждать и невозможно остановиться, он до потери сознания долбил и долбил в одну точку.

Внезапно, набрав всего три цифры, он услышал —

услышал ее голос! Звонкий, отчетливый, с неподражаемым тембром, от которого холодело в груди. Он звучал оживленно, с той веселой приветливостью, что всегда отличала Нику. Даже с совершенно чужими людьми она умела разговаривать, словно с самым близким другом. Ратмира, сколько он не кричал, она не слышала, продолжая беспечно болтать о всяких пустяках. Или это были не пустяки? Еще одна странность: всем существом своим он вслушивался в ее голос, вбирая его, как воздух, которым дышал, но слова почему-то скользили мимо. Случайно вклинившись в разговор, он так и не понял, с кем и о чем она говорила.

Переполненное отчаянием, разрывалось от боли сердце, хоть и знало, что все происходит во сне.

Телефон, который не соединяет, был постоянным кошмаром Ратмира. Или монета не лезла в щель, или приходилось устранять неисправность, связывая то медные жилки, то какие-то мудреные контакты, смыкавшиеся не так, как требовалось. Иногда под рукой оказывались и вовсе совершенно непригодные предметы, вроде резиновой грелки из детства, но по сну выходило, что и ее, ценой невероятных ухищрений, можно как-то приспособить для разговора, от которого зависела жизнь.

И в этом, тем же порядком текущем, сне он как бы вспоминал все предшествующие усилия, тщась учесть накопленный опыт, догадываясь притом, что спит и может в любую секунду проснуться.

«Не надо! — предостерег его кто-то очень знакомый, и он догадался, кто именно.— Оставайся там и не бойся. Она сама скажет тебе».

...Было это лет двенадцать назад, в его первую малайзийскую поездку. Как видеопленка при скоростной перемотке, память высветила мельтешащие кадры: старик в клетчатом саронге, продавший малайский крис с извилистым лезвием (это действительно было в Кота Бару), дикий ананас, изранивший руки (такое тоже случилось в пальмовых зарослях на Берегу Страстной Любви) и сразу, хотя трудное путешествие в Верхний Перак заняло две недели,— хижина на могучем дереве в джунглях. На Западном склоне Главного хребта,— подсказало дневное сознание, просачиваясь в фантасмогории ночи.

Покупка ножа привела к знакомству с шаманом, а дальше пошел разматываться клубок: лесные люди, жрец с подпиленными зубами, охота с сумпитаном [1] и, как венец всего, приобщение к удивительной тайне. Древнейшие обитатели дождевого леса Малакки, как и все анимисты, поклонялись духам. Когда кто-нибудь в роду батегов умирал, они переселялись, выжигая леса, на новое место, причем обязательно за реку. Только тогда мертвец не мог возвратиться обратно и причинить зло. Борцов застал батегов за скромной пирушкой в честь новоселья, и они приютили его, посчитав случайную встречу благоприятным предзнаменованием. С незапамятных времен эти маленькие чернокожие человечки умели управлять сновидениями.Все свободное от охоты время они посвящали вызыванию снов. Много ли узнаешь через переводчика, и впрямь относившегося к лесным людям [2], как к обезьянам? И все-таки Ратмир как-то сумел приобщиться к таинству. Две ночи провел он рядом с шаманом у изголовья мальчика — обучение технике начиналось с детства,— которому «вкладывали», другого слова не подберешь, один и тот же тревожный сон. Переводчик — малаец спокойно посапывал в шалаше на соседней ветке и лишь утром удалось выведать кое-какие подробности.

«Он видит, как на него прыгает леопард, и всякий раз убегает,— рассказывал жрец.— Он должен заметить зверя до того, как тот почует его, первым напасть и поразить копьем прямо в сердце. Только тогда из него вырастет настоящий мужчина. Иначе Пятнистый хозяин убьет его и станет людоедом».

— Но это всего лишь сон!

— Сначала он одолеет страх, потом убьет врага в том лесу, куда по ночам улетают души,— объяснил жрец.— И только после сможет пойти туда,— он махнул рукой на джунгли, сомкнувшиеся вокруг расчищенного под ямс пятачка.

Возвратившись в Куала-Лумпур, Борцов узнал, что пламенем давно интересуются за границей. Среди батеков Перака не зарегистрировано ни единого случая душевной болезни, они исключительно дружелюбны и живут между собой в добром согласии. Браки заклю-

[1] Духовая трубка со стрелой.

[2] Оранг утан — «лесной человек» (*малайск.*).

чаются по обоюдной симпатии и на всю жизнь, причем без всякого церемониала.

Так же просто, не выказывая признаков скорби, лесные люди расстаются с умершим. Вырывают могилу в укромном местечке, укладывают покойника лицом на запад и уходят искать пристанища где-нибудь на другом берегу. Мертвец слеп. Ему не одолеть водную преграду, а освободившаяся от тела душа становится защитником племени. Навещая уснувших сородичей по ночам, она рассказывает им обо всем, что происходит в джунглях, где обитают духи.

Пробудившись от трезвона будильника, Ратмир не сразу сообразил, где он и что с ним. За окном синела промозглая сыворотка. В соседнем доме загорались первые огни. Душной волной накатилось осознание невозвратимой утраты.

С минуты на минуту могли позвонить из таксопарка. Стоя с жужжащей электробритвой перед зеркалом в ванной, Ратмир все еще пребывал во власти ночных видений.

Исторгнутые из запечатанных кладовых отравленного тоскою мозга, они неохотно сдавали позиции, пытаясь, словно какие-нибудь лавры и ламии [1], обрести постоянство существования.

«Умножая знание, умножаем скорбь,— привычно копался в себе Ратмир.— Прав Экклезиаст — Когелет».

Треволнения с телефоном выплывали со всеми мучительными подробностями, заставляя переживать привидевшееся, словно все это приключилось на самом деле.

Сон, осознававшийся сном, оставил после себя муторный отпечаток недоумения и смутного беспокойства. О малайзийских воспоминаниях, самовластно продиктованных недреманным сторожем, напротив, не сохранилось ни малейшего следа.

Вновь с прежней остротой встала, казалось, решенная альтернатива: ехать или нет, оставив все, как есть,— вновь ввергла его в тягостные сомнения.

«Остаться и ждать, бросаясь на каждый звонок?.. Ждать и ждать, неведомо чего, заживо похоронив себя в четырех стенах? Или объехать полсвета, ища могилу получше? Бессмысленно, глупо...»

---

[1] Темные силы римской мифологии.

Пробудившиеся сомнения подпитывала проклюнувшаяся и быстро набиравшая рост надежда, что в паутине мировых линий возникла какая-то дыра и не сегодня-завтра придет весть.

Снимая трубку, он еще не знал, что ответить: подтвердить заказ или снять. Дежурные слова извинения висели на языке, когда, как джинн из бутылки, в сизом дымчатом флёре прорисовались контрфорсы и аркбутаны Нотр-Дама.

«Париж! Ну, конечно, Париж...»

Джонсон случайно упомянул в их последнюю встречу об отеле «Меркюр», не придав значения совпадению, может быть, знаменательному. Оба отеля — «Ибис» и «Меркюр» — соединяла общая стена. Как мог он, Ратмир Борцов, не заметить такого? Не сопоставить, не вытянуть в ряд: Меркурий, Гермес, Тот Ибисоголовый? Жажда действовать, не ждать, а лететь навстречу, обдала колючим освежающим вихрем, закрутила и понесла.

Второпях Ратмир чуть было не забыл попугая. Несчастная птица, выкликая из клетки, отчаянно трясла головой. Угадывало чуткое сердечко тяготы переезда, волновалось.

— Успокойся, дурачок, все твое остается с тобой,— Ратмир выплеснул в раковину поилку и бросил ее в кейс с самыми необходимыми вещами, где уже лежала коробка «Трила» и пластмассовая фляга с чистой водой. Вспомнив, что попугай относился к заморскому корму ничуть не лучше соседской кошки, которую потчевали «Вискас», добавил пакет пшена. Это блюдо было любимым. По крайней мере, божья тварь будет застрахована на первое время от превратностей дороги.

Кто знает, чего тут было больше: заботы или отчаяния?

Поставив квартиру на охрану, Борцов запер дверь и вызвал лифт, который все-таки починили.

— Куда прикажешь, командир? — спросил таксист, помогая уложить чемодан.

— Шереметьево-2,— Ратмир не удержался от вздоха. Устроив клетку на заднем сидении, сел рядом с шофером. Впервые за два последних года он мог взять такси.

— Насовсем или как?

— Кто его знает, шеф? Разве теперь разберешь?

Зал вылета, забитый людьми и тележками с кладью, поразил последними переменами. Разгороженный киосками и магазинчиками, он мало чем отличался от подземного перехода где-нибудь на Театральной площади. Блеск лишь подчеркивал нищету и убожество. На всем лежала печать разворошенного муравейника. За редким исключением, хмурые, замороченные лица отъезжающих составляли резкий контраст с накрашенными, в фирменных жакетах продавщицами. Занятые собственными заботами, они недурно смотрелись на ярком фоне витрин, заваленных блоками импортных сигарет и всевозможной выпивкой. Люди, заполнившие ряды обшарпанных кресел, напоминали скорее зрителей, вынужденных любоваться телевизионной рекламой, нежели потенциальных покупателей. Кому охота выбрасывать валюту у последнего края родимой земли?

К несказанному удивлению Борцова, такие оригиналы все же нашлись. Так и не сумев свыкнуться со своим новым положением, он прошел мимо соблазнительных этикеток. Доллары и кредитные карточки в боковом кармане как бы не принадлежали ему.

Таможенник в новой униформе не стал просвечивать попугая и даже не заглянул в сертификат.

«Можно было накормить птичку бриллиантами»,— мимоходом отметил загруженный сюжетными изысками бесстыжий писательский ум.

Сдав чемодан в багаж, Борцов направился к пограничникам. Когда подошла его очередь, сунул под стекло паспорт, заложенный посадочным талоном с красной буквой «F» первого класса.

Юный ефрейтор с прыщавым лицом долго колдовал, уткнувшись носом в невидимый со стороны стол. Можно было подумать, что он читает интересную книгу или разбирает шахматный этюд.

— В чем проблема?— спросил Ратмир, когда ожидание затянулось дольше обычного.

— Ни в чем,— не поднимая глаз из-под козырька фуражки, с казенной неприязнью отозвался пограничник.— Отойдите пока в сторонку.

— Мой паспорт!— потребовал Ратмир, протянув руку.

— Вам сейчас объяснят.

Вскоре появился капитан с сиротливой планкой на

богатырской груди. Заглянув в кабину, он забрал паспорт и подошел к Борцову, который, стиснув зубы, готовился к предстоящей схватке. Подобный казус с ним случился впервые.

— Борцов Ра-а-тмир Александрович? — спросил офицер.

— В чем дело?

— Возникла неясность с вашим паспортом, но вы не волнуйтесь, пройдемте, пожалуйста, сейчас все выясним.

— Нас арестовали,— демонстративно подняв клетку, оповестил попугая Борцов.— Это, брат, твоя австралийская кровь подкачала.

— Сюда,— капитан провел его к двери за кабинами.— Пятый случай сегодня с овировскими паспортами,— сообщил он с вынужденной какой-то словоохотливостью.— Специально товарищ дежурит из консульского управления.

За дверью — без таблички и номера — находился стандартно обставленный кабинет с телефонами и компьютером. Прильнув к экрану, худощавый молодой человек с типичным лицом комсомольского волка забавлялся игрой в электронный покер.

— Опять тот же случай,— доложил капитан, подсовывая раскрытый паспорт и, не дожидаясь ответа, поспешно удалился, козырнув на прощание Борцову.

Попугай негодующе защелкал и вспушил перья.

— Птичка, и та возмущается,— миролюбиво усмехнулся Ратмир.— Может, объясните, в чем дело?

— Садитесь, пожалуйста, сейчас поглядим,— консульский чиновник с озабоченным видом принялся изучать документ.— Вы где оформлялись?

— В ОВИРе, по месту жительства.

— То-то и оно... Они, как всегда, напутают, а расхлебывать нам. Как будто у меня других дел нет. Прямо не знаю, что с вами делать.

— Так и не знаете?— процедил с веселой злостью Ратмир.— Для начала скажите, что конкретно вас не устраивает в моем паспорте?

— Конкретно?.. Конкретно — номер УВД проставлен не на том месте, как положено по инструкции.

— И только-то? Ну, вы меня успокоили. Сейчас поеду и разберусь!

— То есть как это — сейчас? — опешил чиновник.— А самолет?

— Порядок в родном отечестве мне дороже любой заграницы. Давайте паспорт: я остаюсь в нашем дурдоме.

— Зачем же так, сразу? — «комсомольское» лицо, как определил, быть может ошибочно, Борцов, пошло пятнами.— Вам-то чего страдать из-за чьей-то халатности? Постараемся помочь.

— Коли так, спасибо, уж постарайтесь, будьте любезны.

— Красивый у вас попугай! Говорит?

— Преимущественно на экзотических языках,— не без удовольствия присочинил Ратмир: театр абсурда становился забавным.— Беру исключительно в качестве переводчика.

— Шутите! — Любитель покера с сожалением выключил экран, на котором безостановочно выстраивались масти. Полистав зачем-то девственные страницы паспорта, он, словно на него снизошло озарение, издал удивленный возглас:

— Так вы Борцов! Тот самый?

— Вроде бы так,— Ратмир раздраженно дернул уголком рта. То время, когда его узнавали таможенники и гебэшники в подъездах ЦК, прошло, а комедийные сцены обрыдли.

— Читал, читал, Ратмир Александрович, как же!.. Я, собственно, почему дивился?.. Не далее, как вчера, причем совершенно случайно, узнал про ваше несчастье... Вы ведь запрашивали по поводу Вероники Ефремовны?

— Береники,— побелев губами, поправил Борцов. Сердце оборвалось и затрепетало, разбившись на множество мелких пульсов.

«Вот оно, начинается... Сон!»

— Писали насчет Береники, простите, Ефремовны? К нам в МИД?

Куда только Ратмир не писал, в какие двери не стучался. Мидовское начальство зашевелилось только после того, как он, начхав на их порядки, самолично добился приема у посла Франции. Помог перевод романа, вышедший в издательстве «Флёв нуар», точнее — имя

переводчика. Он оказался другом секретарши посла. Extraordinaire et plenipotencier ambassadeur[1] проникся сочувствием и обещал связаться с компетентными службами.

— Да, я писал на имя вашего министра.

— Вот видите! Не хочу вас обнадеживать понапрасну, но дело определенно движется. По некоторым сведениям, правда, непроверенным и не очень надежным, французская полиция напала на след.

— Она жива?! — едва не опрокинув стул, Борцов сорвался с места. — Жива?

— Извините, но не могу сказать ничего определенного, просто не знаю... Слышал, как говорится, краем уха. Кабы знать, что мы с вами встретимся...

— От кого вы слышали? Можете назвать фамилию? Телефон? Мне нужно с ним непременно увидеться! Как вы не понимаете?

— Да понимаю я, понимаю, успокойтесь, пожалуйста... Вы куда летите сейчас?

— Никуда не лечу! — Ратмир взглянул на часы. — Буду на Смоленской как раз к началу работы.

— Не горячитесь, Ратмир Александрович. Я же говорю, что пока ничего не известно. Как только хоть что-нибудь прояснится, товарищи вас найдут, а еще лучше сами свяжитесь с нами... Так куда вы сейчас направляетесь?

— Вообще-то в Гонолулу, но обязательно буду в Париже.

— Только ничего не предпринимайте. Один необдуманный шаг может повлечь непоправимые последствия... Я дам телефоны в Париже и Вашингтоне. Вам обязательно помогут. Главное — держите в курсе своих передвижений. Договорились?.. А теперь будем поторапливаться: кажется, уже объявили посадку. Пойдемте, я вас провожу.

Раздираемый противоречивыми чувствами, то проникаясь надеждой, то впадая в отчаяние, Ратмир потащился за своим в одночасье переменившимся провожатым. Посулив невозможное, дудочка крысолова парализовала волю. Проявив верх любезности, консульский представитель собственноручно передал паспорт в ближайшую кабинку, и на нем был немедленно оттис-

[1] Чрезвычайный и полномочный посол (*фр.*).

нут штамп. Четырехугольный, как земля древних китайцев, с номером Шереметьевского КПП и архаическим знаком, означающим движение в сторону, прочь. Катись на все четыре стороны.

Казалось, что сюрпризам в тот по-своему знаменательный день не будет конца. В салоне, куда прелестная стюардесса в кокетливой шапочке препроводила Борцова, не было Джонсона. Не явился он и к заключительному моменту, когда прозвучало предложение пристегнуть ремни. Ратмиром овладело унылое безразличие. Устроив попугая в отдельном кресле, благо свободных мест было хоть отбавляй, он погрузился в невеселые размышления.

Порыв вернуться обратно следовало во что бы то ни стало подавить. Во-первых, смешно, во-вторых, глупо и вообще не лезет ни в какие ворота. Но и лететь, толком незнамо куда, хотелось, мягко говоря, не взадых. Перспектива вырисовывалась туманная. Ну, сделает он все положенные пересадки и доберется до Гонолулу, а дальше что? Встретит ли его кто-нибудь в аэропорту или придется самому разбираться на месте? Без телефона и адреса? В контракте, правда, указаны координаты «Эпсилон Пикчерс». Америка — не Россия. Из любого автомата можно будет связаться с Бостоном и узнать, что, да как. Короче говоря, нет причины для беспокойства. Отсутствие Джонсона давало свободу выбора. Зачем, спрашивается, сразу же бить в набат? Бостон никуда не уйдет. Не лучше ли воспользоваться случаем и повидать друзей? Глен, Джин... Наведаться в пагоду Дай Вон Са и провести там несколько дней, следуя уставу и регламенту служб.

Память услужливо воспроизвела запавшие в душу картины: синяя с загнутыми концами черепичная крыша, белая ступа на вершине горы, сумрак храма, где в ароматном дыму курений сияет позлащенная бронза.

Мастер медитации поможет ему разобраться в себе, а медитация возвратит растренированному сознанию былую целеустремленность. Придет ли из глубины единственно правильное решение? Не стоит загадывать. Сидя на тощем монашеском тюфячке, он будет прислушиваться к размеренным ударам деревянной колотушки и вспоминать, вспоминать. Можно ли желать большего, чем краткая передышка?

Ругань, донесшаяся из клетки, понятная только

двоим, отвлекла Ратмира. Попугай, обнаглевший от роскоши, мстительно оплеывал шелухой плюшевую обивку. Ему обрыдло сидеть за проволокой, а гул моторов и вибрация толкали на дурные поступки. Норовя выбраться, он безуспешно протискивался сквозь прутья и, не стесняясь в выражениях, проклинал хозяина и судьбу.

Заметив, что негодующий речетатив вызывает снисходительное любопытство соседей, Борцов отдал на растерзание палец. Взъерошив нежные перышки, попугай со знанием дела принялся вымещать на нем накипевшие чувства.

Стюардесса, деликатно отводя взор, предложила аперитив.

— Можно «Черную этикетку»? — попросил Ратмир, полагая, что глоток виски в данной ситуации будет в самый раз.

— А «Голубую» не желаете?.. Под цвет вашей очаровательной птички?

Он благодарно кивнул, хотя даже не подозревал о существовании еще одной разновидности «Джона Уокера».

Виски в пятидесятиграммовой бутылочке оказался почтенного возраста. Выдержка в двадцать один год придала ему янтарное свечение и обманчивую легкость. После второй порции по телу разлилось расслабляющее тепло.

На завтрак подали спаржу, зернистую икру и омлет с грибами. Сжимавшие горло тиски ослабли на полвинта и сразу же захотелось спать.

Борцов распечатал пачку «Кат силк» и, накрывшись пледом, глубоко затянулся, но, взглянув на попугая, умиротворенного листом салата и мандариновой долькой, загасил сигарету. Подлец не выносил табачного дыма.

Приятная дрема не мешала анализировать недавний инцидент. Демонстративный отказ от полета определенно загнал консульского чинушу в тупик. Расчет, видимо, был на иную реакцию, когда либо качают права, либо униженно просят. И то, и другое в итоге приводит к сделке: мы вам, вы нам. **Они** — вспомнив Петра Ивановича и его предложение «держать связь», Ратмир обоих свел воедино — явно хотели склонить его к какой-то форме сотрудничества, но почему-то не реша-

лись изъясниться напрямую. Им нужна постоянная связь, следовательно нужна информация. О чем? О работе над сценарием? Дикость! Особенно теперь, в нынешние-то беззаконные времена, когда на смену идеологическим табу и шпиономании пришел разнузданный чистоган. Может, в этом и весь секрет? Запахло денежками и возникло желание приобщиться. Что там не говори, но заварушка с паспортом явственно отдавала рэкетом. Разве что цену сразу не назвали, оставив себе свободу действий. Зато зацепили крепко и больно. Били наверняка. Теперь, когда отхлынула ударившая в голову кровь, Ратмир начинал понимать, что его пытались взять на чистейший блеф. Но если за призрачными намеками на «парижский след» скрыта хотя бы тень правды, он безоговорочно отдаст им все, что имеет или будет иметь. Так он и скажет: открыто и прямо.

Мысль о Париже растравляла воображение. Казалось бы, чего проще: выйти в Амстердаме, купить билет и через час ты в аэропорту Шарль де Голль. Не хватало ничтожного пустяка: французской визы. Красный паспорт с гербом несуществующей сверхдержавы попрежнему нес на себе проклятье железного занавеса.

Неожиданно для Борцова объявили посадку в Варшаве. Вот где он сможет беспрепятственно сделать остановку! Безвизовый режим, кажется, остается в силе.

Он часто наезжал в Польшу. Здесь ему вручили первую в жизни международную премию, что вместе с гонораром за книгу составило круглую сумму. Он отпраздновал успех в ночном клубе «Европейской». Чешские гастролерки давали стриптиз, что казалось вызовом коммунистическому режиму. Распивая с польскими приятелями шестидесятиградусную «Пейсаховку», Ратмир бурно аплодировал новым веянием. Сами по себе голые девки его не волновали. На следующее утро он выбрал для Ники роскошный гарнитур: браслет, серьги и перстень. Бирюзины величиной с голубиное яйцо были подобраны одна к одной.

И еще он вспомнил подвальчик на площади в Старом мясте, ужин с пани Марией при свечах, их короткий роман и поездку в Виланов. И, накладываясь одно на одно, закружились, туманя наплывом слез, кленовые листья, как желтые звезды.

В Тюрьме Павьяк, где помещалось гестапо, сохра-

нили зияющий пустотой музейный кабинет: только стол с лежащей на нем эсэсовской фуражкой и портупея на вешалке, отягощенная кобурой парабеллума. Остальное подсказало воображение.

Прошло несколько лет, и Борцов специально съездил в Освенцим. По дороге из Варшавы в Краков, глядя на мелькающие за стеклом вагона березовые стволы, уловил тональность и ритм, которые позже вылились в строки:

Под лязг колес и сердца бой
Мы не увидимся с тобой.
Лишь в сновиденьях иногда
Вдвоем воротимся сюда.
Не надо слов, не надо слез.
Разъял туман,
Туман унес...

Когда расчищалось место для лагеря, немецкий солдат сказал какой-то польской женщине:

«Вам тут нельзя оставаться. Здесь будет ад на земле».

Сараи, до потолка заваленные тюками слежавшихся женских волос, груды костылей и протезов, холмы обуви, горы очков и детских игрушек... Что перед этим скачущий по трупам быкоголовый Яма? Огненный змей Дуата или химера в Зале Обеих Правд? Кербер Аида? Минос Данте Алигьери?

Земля никогда не отмоется от сожженных костей, и воздух никогда не очистится от улетевшего из труб пепла, и вода навсегда отравлена железным запахом крови, и огонь, осквернённый человеческим жиром, не согреет окаменевшие сердца.

Все проклято до скончания лет: стихии и люди. Ничто не спасет землю, меченую клеймом свастики.

Не в том настроении пребывал Ратмир Борцов, чтобы выйти в Варшаве. Да и какой смысл? Знакомые давно позабыли его, а друзей не осталось.

Пассажирам первого класса разрешили не покидать салона. Хоть маленькая, но радость. Сидеть в транзитном зале с клеткой в руках никак не улыбалось.

За иллюминатором серели искаженные дождевыми струйками силуэты самолетов. Поигрывая звенящей сосулькой в стакане, Ратмир незаинтересованно следил за пикапом, пересекавшим, разбрызгивая лужи, взлетную полосу. Изысканный алкоголь успокаивал нервы,

но не спасал от озноба, тысячами иголок покалывавшего спину.

— Вы уверены, что ваш друг сидит на своем месте?

Борцов вздрогнул и повернулся.

Положив руку в перчатке на спинку кресла, где покоилась клетка, стоял Джонсон.

— Вы! — обрадовался Ратмир.— А я уж и не чаял... Что случилось?

— Насколько мне известно, ничего особенного. Как вы?

— Нормально, хотя, должен сказать, несколько удивился, не увидев вас рядом. Я думал, что мы летим вместе.

— Так оно и есть. По-моему, я говорил вам, что мы встретимся в самолете?

— Теми же словами,— Борцов виновато улыбнулся.— Я оплошал, придав им несколько расширительный смысл. С тем же успехом вы бы могли появиться и в Амстердаме, и в Нью-Йорке.

— В принципе да, хотя это был бы уже другой самолет, не так ли? — Джонсон осторожно опустил клетку на ковер между креслами.— Не возражаете? Думаю, так нам будет удобнее: ему и мне,— он сел, положив на стол чемоданчик, и стянул перчатки. В тусклом свете иллюминатора золотым кошачьим глазом сверкнула запонка.

— Другой? Вы имеете в виду пересадку?

— Совершенно справедливо. В таком случае мне пришлось бы связаться с авиакомпанией и послать вам соответствующее уведомление. Я всегда держу слово, Тим.

— Мол, встретимся в **другом** самолете! — Борцов удовлетворенно потянулся.— Долго пробыли в Варшаве?

— Два дня. Подвернулось пустяковое дело,— едва уловимой интонацией Джонсон дал понять, что предпочитает переменить тему. Незапланированный визит в польскую столицу был вызван достаточно серьезными обстоятельствами. В Москве обмен информацией через клипперную защиту мог привлечь излишне пристальное внимание. Поэтому и пришлось переместиться в Варшаву, где «Эпсилон» снял на улице Нови сад реконструированный особняк начала девятнадцатого века, с каменными львами и чугунной оградой. Поды-

скать подходящий дом и оборудовать его электронной защитой помог легендарный некогда польский разведчик. Его деятельность стоила Соединенным Штатам миллиарды долларов: в конечном счете добытые им сведения попадали в Москву. Но все меняется в этом мире. Генерал, отсидевший пять лет в тюрьме Сан-Квентин, нынче метил в министры и, как подобает профессионалу, непринужденно сменил политические ориентиры. Самый удачливый шпион века, он едва ли догадывался, что перед ним сидит тот самый аналитик, который вычислил его буквально на кончике пера, как Леверье планету Нептун. А если бы и догадывался, это уже ничего не меняло. Пусть мертвецы хоронят своих мертвецов.

При личной встрече прежние контрагенты быстро нашли общий язык. На должность директора польского филиала был назначен граф Владзимеж Комаровский, профессор лингвистики Монреальского университета. Одним словом, варшавский вояж увенчался бесспорным успехом. Обрадовали и новости из Претории и Каира. В Мексике археологические работы продвигались с незначительным отставанием, но это не меняло благоприятной в целом картины.

— А ведь мы могли и не встретиться,— дождавшись набора высоты, возобновил беседу Борцов. Растущее ощущение взаимопонимания толкало его на откровенность. С кем еще он мог посоветоваться?— Вы слушаете, Пит?

— С величайшим интересом... Кажется, перестало закладывать уши. Так о чем это вы?

— О том, что я мог остаться в Москве.

— Естественно. Только какой смысл?

— Нет, вы не поняли,— поморщился Ратмир.— Просто меня могли не выпустить,— ему пришлось подробно пересказать свой диалог с консульским служащим. Рассказ получился не слишком последовательным, по причине ретроспективных отступлений, без которых никак нельзя было обойтись.

Джонсон, наклонив ухо, впитывал каждое слово. Лицо его сохраняло все то же спокойно-благодушное выражение. Только когда дошло до описания внешности, он мечтательно улыбнулся и повторил вслед за Борцовым:

— «Оскал молодого комсомольского волка...» Эка

невидаль, Тим! — заключил, махнув рукой.— Уж эти мне писательские эмоции. Телефоны-то он все-таки дал?

— Дал, причем мне не показалось, что ему пришлось долго рыться в записной книжке. По-моему, все было наготове.

— И вас это удивило?

— Пожалуй...

— Чему же тут удивляться? Конечный пункт — Гонолулу — проставлен у вас в билете, и насчет Парижа нет никаких разночтений. Запрашивали МИД? Запрашивали. С послом встречались? Встречались. Нет вопросов, как говорится.

— Значит действительно все было заранее подготовлено.

— Дайте-ка на секунду ваш паспорт.

— Паспорт? — удивился Ратмир.— Конечно, пожалуйста. Думаете, отметка?

— Вздор. Ваша фамилия уже находилась на контроле... Теперь смотрите сюда,— Джонсон обвел пальцем печать, зацепившую уголок фотографии.— Овировский номер читается совершенно отчетливо. Он продублирован и машинописью внизу. Так что ваш «комсомолец» пытался навесить лапшу на уши. Я правильно воспроизвел расхожее выражение?

— Правильно, Пит. Паспорт в полном порядке.

— Вы только теперь убедились?

— Честно говоря, только теперь. Ведь никогда не знаешь, что они выкинут. Какой фортель.

— Тогда вы вдвойне молодец, хоть и действовали по наитию. Ваш выпад смутил наглеца. Такое никак не входило в их планы. В противном случае вас бы просто не выпустили.

— «Их!» Кто **они**, Джонсон? Как, по-вашему?

— В первом приближении ответ очевиден. Вам не кажется?

— Еще год назад я бы не задал вопроса. Ответ, что называется, напрашивался. Однако теперь все настолько перемешалось: нынешняя разведка и **бывшее** КГБ, милиция, чиновники, мафия... Настоящая гидра о семи головах.

— Пока вы назвали всего пять. Если добавить контрразведку, будет шесть. Можете придумать седьмую?

— Боюсь задеть вас, Пит.

— Это шутка, надеюсь?

— Откровенно говоря, я бы не удивился.

— Что ж, спасибо за откровенность... Вы не ждете от меня опровержения? Терпеть не могу разубеждать.

— Я жду умного дружеского совета. По-моему, вы как раз тот человек, Пит, на которого стоит положиться. К кому еще я могу обратиться за помощью?

— Не перестаю изумляться, Тим, вернее, восхищаться! В вас столько всего намешано... Проницательность и, вместе с тем, откровенность, аналитический дар и доверчивость, мудрость архонта и поразительная наивность эфеба. С вами не скучно... Телефончики, что вам дали, не потеряли?

— Нет.

— И слава Богу... Фотография Береники с собой?

— Вот,— стараясь унять дрожь в пальцах, Ратмир раскрыл бумажник.

— Интересная женщина,— оценил Джонсон.— Чувствуется порода. Когда сделан снимок?

— Лет пять или шесть назад.

— Более поздних нет?

— Остались дома, но она мало изменилась.

— В ваших глазах... Что ж, на нет и суда нет. Попробуем разобраться.

— Когда самолет взлетел, а вы так и не появились, я, было, нацелился на Париж.

— Вы еще раньше нацелились. Помните, у вас дома? «Личный интерес», как соизволили изъясниться. Ничего себе, интерес! Пожалуй, я малость переборщил, сравнив вас с эфебом. Да вы просто ребенок, уважаемый мэтр! В Париж, видите ли... Это как же без визы в Париж?

— То-то и оно. Вовремя вспомнил.

— О таких вещах нужно помнить всегда. Всему свой срок. Я ведь обещал вам Париж?

— Не только Париж,— рассмеялся Ратмир,— но полмира! С вами или без вас.

— Вот насчет последнего я, кажется, передумал. При вашей импульсивности... Словом, у нас будет время подумать. В одном тот мидовский парень прав: ничего не предпринимайте самостоятельно. Каждый шаг должен быть выверен.

— Как вы считаете, у нас есть хоть какой-нибудь шанс?.. Ника жива?

— Что я могу вам ответить, дорогой вы мой?.. Возможно. Будем надеяться.

— Значит медлить нельзя.

— Торопиться — тем более.

— И кого нужно слушаться в первую очередь: **их** или вас?

— Сами знаете, иначе бы не обратились за помощью. Однако и к **ним** прислушаться стоит. **Мы** не можем позволить себе и капельки риска. Согласны?

— Согласен, Пит, и спасибо.

— Благодарить будете после. Доверяете мне провести первоначальную, так сказать, рекогносцировку?

— Безусловно.

— Тогда давайте телефоны и фотографию. Я вам ее вскоре верну.

— Хотите переснять?

— По меньшей мере в десяти экземплярах. Может, кто и опознает. Все-таки очень характерное, запоминающееся лицо... Вы не обидетесь, если я задам несколько неделикатных вопросов? «Для пользы дела», как у Александра Исаевича Солженицына. Помните, был такой рассказ?

— В «Новом мире».

— Скажите, Тим, вы и мысли не допускаете, что ваша... Короче говоря, она не могла просто уйти от вас?

— **Просто** не могла. И мысли не допускаю.

— У нее есть родственники за границей? Прошу прощения за анкетный вопрос.

— Нет.

— Близкие друзья?

— Не очень близкие.

— Попробуйте припомнить всех и дайте мне с адресами.

— Сделаю, хоть и не думаю, что это поможет.

— И я так не думаю, но, если проверять, то по всем направлениям.

— У вас чисто советский образ мысли.

— Чисто советский? Полагаете, царская охранка щи лаптем хлебала?.. «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный»,— не дожидаясь ответа, пропел Джонсон.— Это вам ничего не напоминает?

— Кроме знаменитой арии, ничего.

— «Не пора ли мужчиною стать»?

— Я помню слова. Это совет?

— В какой-то мере. Мы ввязываемся в серьезное дело, Тим, в очень серьезное дело.

— Если это не блеф, и Ника жива.

— Процент блефа достаточно высок,— согласно кивнул Джонсон.— Но мы ведь исходим изз оптимистического прогноза? И готовы играть на один против ста? Я правильно понимаю?

— Абсолютно!

— Тогда ситуация не меняется: нам предстоит опасное предприятие. Знаю, что вас ничто не остановит, но считаю своим долгом предупредить.

— Еще раз спасибо. А вас тоже ничто не остановит, Пит? Ни при каких обстоятельствах?

— Как я могу знать все наперед? При данном раскладе — готов попробовать, а дальше посмотрим.

— Меня вполне устраивает такой ответ. Дальше посмотрим.

— Летим прямо в Гонолулу, или все же сделаем остановочку? Перевести дух?

— Всецело полагаюсь на вас.

— Тогда давайте махнем ко мне в Бостон. Немного передохнем, а заодно кое-кого и прощупаем. А?

— Позвоним в Вашингтон?

— И в Вашингтон, и в Париж, и еще во множество мест, не исключая вашу Москву.

— Понимаю.

— И очень хорошо! — Джонсон дружески похлопал Борцова по колену.— Вы, я вижу, делаете успехи? — он взял со стола опорожненную бутылочку.— «Черную этикетку» допили?

— Стоит нетронутая.

— Знаете, почему именно двадцать один год?

— Как-то не задумывался.

— Не двенадцать, как у очень хороших сортов, и не двадцать четыре, как у коллекционного «Чивас регал»?.. В честь королевского салюта. Ровно двадцать один залп. Запишите для памяти, может, где-нибудь пригодится.

— Я не забуду.

— Теперь я знаю, что подарить вам на день рождения.

— Лучше на день возрождения.

— Простите?

— Мне нравится ваша терминология: один против ста,— спокойно объяснил Ратмир.— Я готов сыграть, или, что ближе к истине, пройти через смерть.

Джонсон ответил ему долгим непроницаемым взглядом. Он понял, что это не просто шутка. Нострадамова горечь придала серым глазам «резвого мальчика» умудренную зоркость. Какие дали открывались ему? Какие запретные приподнимались покровы?

Прозвучало уведомление о приземлении в аэропорту Амстердама: сперва по-английски, затем по-голландски и по-французски. Стюардесса принесла сумки с сувенирами: делфтский фаянс, сыр «Гауда» и деревянные башмачки.

АВЕНТИРА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

БЕЛИНДАБА, ЮЖНАЯ АФРИКА

Научные семинары в «Октоподе» проходили ежемесячно, в последний четверг, по завершении полугодия устраивались симпозиумы, на которые съезжались видные ученые, работавшие по тематике «Эпсилон X_1».

Пятый, чрезвычайный симпозиум, посвященный «Синдрому зомби», открылся ровно в десять часов в конференц-зале, где еще недавно размещалось конструкторское бюро. Именно отсюда вышли чертежи первой на Африканском континенте атомной бомбы, той самой, что была опробована в холодных пучинах Атлантики.

Профессор ван Вейден представил собравшимся гостей: Антуана Бержеваля, видного психиатра из Лозанны, директора Альфонсо Фернандеса и доктора Монтекосума Альба.

Магда ван Хорн, сославшись на недомогание, не приехала. Причиной тому послужила не столько обида на Рогира ван Вейдена, в чьем ведении находился теперь Патанджали,— она сама отказалась работать с йогом,— сколько странное происшествие, взбудоражившее весь Второй корпус института Крюгера. Все компьютерные терминалы оказались заражены вирусом совершенно необъяснимой природы. Стоило включить экран, как на нем появлялось изображение йога, меди-

тирующего на кошачьей подстилке. Оно держалось ровно две с половиной минуты, затем исчезало до следующего включения. Каких-либо других проявлений вируса не отмечалось, но избавиться от него так и не удалось.

Таким образом научная общественность не получила чрезвычайно ценную информацию, которая могла бы направить исследовательскую мысль в качественно иное русло.

Виновник происшествия, возможно невольный, окончательно оправившись от последствий ранения, согласился принять участие в дискуссии и, по возможности, ответить на вопросы. Вейден счел себя обязанным особо подчеркнуть данное обстоятельство.

— Нет нужды лишний раз останавливаться на общеизвестном различии отправных точек, ибо это скорее относится к сфере мировоззрения, нежели к практике. Перед лицом неопровержимых фактов забудем на время о философии,— сказал он во вступительном слове.— Феноменальные достижения йоги, вобравшей в себя опыт, как минимум, четырех тысячелетий, неоспоримы, хотя приходится признать, они с трудом поддаются оценке с позиций научной медицины.

Присутствующий среди нас мистер Мунилана любезно согласился прояснить некоторые моменты, исходя из принципов своей школы, или, если угодно, вероучения. Я убежден, что мы выслушаем его с надлежащим вниманием, не навязывая собственной интерпретации и не требуя ответа на вопросы, которые могут показаться не совсем уместными нашему индийскому другу. Коллеги, знакомые с учением Будды о благородном умолчании, понимают, что под этим подразумевается. Как сказал в своем «Гамлете» Шекспир, «меж небом и землей есть тайны, что и не снились нашим мудрецам». На сем позвольте закончить и представить вам доктора Вильяма Харви из госпиталя Крюгера в Кейптауне. На свою беду, но к общей радости он начал стажироваться у нас чуть ли не в тот самый день, когда поступил пациент с синдромом зомби.

Харви изложил историю болезни Туссена Фосиёна и краткую его биографию, восстановленную как бы задним числом со слов самого больного. Выступление

сопровождалось сравнительным анализом энцефалограмм больного и йога Муниланы, полученным в момент эксперимента.

— Не в процессе,— непроизвольным усилением голоса подчеркнул стажер, а именно в **момент**. Это произошло **одномоментно**. Здесь вы видите энцефалограммы индуктора, то есть мистера Муниланы, и реципиента, находившегося в состоянии каталепсии, Туссена Фосиёна,— он прошелся указкой по обоим листам.— Запись синхронизирована по квантовым часам. Это может показаться невероятным, но задержки реакции не зафиксировано ни на гига-секунду, что, собственно, и позволяет говорить об одномоментности сигналов. Весьма характерно мгновенное измнение альфа- и, особенно, бета-ритма индуктора. Я не нахожу слов для описания этого удивительного всплеска электрической активности мозга. Не меньшее удивление вызывает и ответная реакция. Реципиенту словно навязывают посторонний ритм. Рисунок колебаний поразительно схож с энцефалограммой индуктора.

— Как? Как он это сделал?! — послышалось с разных сторон.

Симпозиум разом утратил академическую чинность. Между участниками завязались ожесточенные споры, кто-то потребовал продемонстрировать предыдущие записи, кому-то понадобилась схема синхронизации, ибо электромагнитная индукция могла смазать запаздывание сигнала.

— У меня есть предложение, леди и джентльмены! — попытался утихомирить аудиторию профессор Вейден.— С любезного согласия доктора Харви мы возьмем небольшой тайм-аут и попросим на трибуну мистера Мунилану. По уставу нашего клуба, нарушение регламента карается штрафом в десять рандов,— он сопроводил шутку улыбкой.— Я готов поставить тысячу к десяти, что все мы думаем об одном и том же. Поэтому вопросы будут во многом схожими. Ради экономии времени подавайте вопросы в письменной форме... Мисс Кинг возьмет на себя первичную обработку.

Пока Беатрис Кинг собирала и раскладывала записки, йог, одетый в белый, европейского покроя костюм, занял место на кафедре. Перебирая деревянные четки, свисавшие с шеи на манер ожерелья, он приветливым

кивком встречал каждого, кто направлялся к нему с портативным магнитофоном в руках.

— Все поступившие вопросы можно разделить на четыре категории,— подвела предварительные итоги Кинг.— Как и предсказал профессор ван Вейден, коллег прежде всего интересует техническая сторона опыта. Мистеру Мунилане предстоит объяснить физическую природу воздействия на мозг реципиента. Многих также интересует состояние, в котором находился мистер Фосиён. Вернее, оценка этого состояния с точки зрения мистера Муниланы. Почти в каждой записке содержатся вопросы уточняющего характера. Они касаются предварительной информации, которой располагал индуктор о реципиенте, чистоты эксперимента в частности, возможности непредумышленного контакта и так далее. И, наконец, последнее. Почти все в один голос спрашивают, почему все-таки чудесное излечение не увенчалось стопроцентным успехом? С чем связаны остаточные явления паралича нижних конечностей пациента? Возможно ли его полное выздоровление или он навсегда останется прикованным к инвалидному креслу? Последняя категория вопросов адресована не только мистеру Мунилане, но и врачам, наблюдающим за состоянием здоровья Туссена Фосиёна.

— Скажите, мистер Мунилана, вы — гипнотизер? — раздался вопрос, вызвавший смех.

Вейден понял, что если он не вмешается, регламент будет окончательно скомкан.

— Прежде чем предоставить слово нашему индийскому коллеге,— он подчеркнуто почтительно наклонил голову в сторону йога,— считаю целесообразным вновь заслушать доктора Кинг. Вопросы, волнующие коллег, мы не раз задавали себе и, увы, не нашли исчерпывающих ответов. И не мудрено, ибо даже такое явление, как гипноз, казалось бы, досконально изученное и, главное, воспроизводимое, по-прежнему остается загадочным. Кто не согласен, пусть первым бросит в меня камень... Прошу вас, доктор,— столь же галантно обратился он к стажеру.— Как исследователь нового поколения, вы, возможно, сумеете дать более удобоваримое объяснение.

— Боюсь, что мне нечего добавить к констатации нашего председателя. Конечно, мистер Мунилана знаком с техникой гипноза, но если бы дело было только

в этом... Ни для кого не секрет, что врачи издавна пытались проникнуть в сущность гипноза, разобраться в том, как он воздействует на мозг. Несмотря на множество различных гипотез, это состояние издавна связывали со сном. Возможно, что гипноз и на самом деле представляет собой своего рода частичный сон, при котором сохраняется словесная связь между гипнотизером и его пациентом. Но о какой связи, о каком рапорте можно говорить в данном случае? Предварительная информация, а тем более непосредственный контакт, не имели места, коллеги! Это единственное, что я смею заявить с абсолютной убежденностью. Реципиент и индуктор находились в разных помещениях, ничего не знали друг о друге и, как выяснилось позднее, не могли знать. Туссен Фосиён не владеет никакими языками, кроме французского, а мистер Мунилана, кроме санскрита и хинди, говорит лишь по-английски. Подозревать можно только телепатическое общение. Но, во-первых, сам факт подобного явления остается проблематичным, а во-вторых, мы постарались свести к нулю выход любых излучений электромагнитной природы.

— За счет экранировки? — прозвучал вопрос с места.

— За счет экранировки и с помощью защитных средств, применяемых со специальными целями.

— С чего вы взяли, что телепатический сигнал связан с электромагнетизмом? А если это нейтрино? Гравитация?

— У нас нет защиты от других полей, включая гипотетические, вроде пси-волн.

— Синхронизация энцефалографов — ваше слабое место. Квантовый генератор мог создать электромагнитный контакт.

— Это всего лишь предположение. Лично я так не думаю. Тем более, что возможность гипнотического рапорта исключается самой сущностью гипноза. Его энцефалографический рисунок существенно отличается от обычного сна и уж тем более — от глубокой комы. Вы можете убедиться в этом, сравнив характер мозговых волн Фосиёна до и после эксперимента. Образно говоря, сон зомби и сон практически здорового, если отбросить частичный паралич, человека. Ни здесь, ни там не зарегистрировано быстрых потенциалов альфа-

и бета-волн. В гипнозе человек как бы спит и никак не реагирует на внешние раздражители, а по электроэнцефалографическим показателям он словно бы бодрствует. Ничего подобного не отмечено. И вообще нельзя идентифицировать сон и гипноз. При гипнозе не наблюдаются такие, характерные для сна, проявления, как торможение и угнетение деятельности коры. Между тем, в эффекте зомби они в определенной степени присутствуют.

— Вы же сами сказали, что пациент реагировал на звук! — привстала, взмахнув блокнотом, женщина в последнем ряду.— Значит, в принципе, рапорт мог иметь место?

— Благодарю, миссис Саймондс,— оживленно откликнулся Харви.— Хороший вопрос! Возможно, что **в принципе** такое действительно могло бы иметь место, хотя состояние зомби отлично от гипнотического не в меньшей степени, чем последнее от обычного сна. Но речь-то идет о конкретном случае. Словесного воздействия не было.

— Допустим,— стояла на своем Гленда Саймондс, невропатолог из окружной больницы, куда сразу после ранения доставили Мунилану.— Но вы сравните характер дельта-волны вашего зомби в момент опыта с характерной для него фазой быстрого сна!.. По-моему, похоже.

— Вы правы,— признал после некоторого раздумья стажер.— Возвращение к жизни вызвало в мозгу Фосиёна короткое излучение дельта-ритма. Возможно, что человек, который **не спал**, в точном смысле этого слова, несколько недель, оказался во власти сноподобных видений. Каких именно? Боюсь, что этого мы никогда не узнаем.

— А было бы интересно.

— Еще бы, миссис Саймондс! Обещаю держать вас в курсе дальнейших исследований. Как не жаль, но мне нечего добавить к тому, что уже сказано, уважаемые коллеги.

— Благодарю вас, доктор Харви,— удовлетворенно кивнул Вейден.— Приведенные сопоставления,— он обернулся к вычерченным на ватмане энцефалографическим зигзагам,— равно как и весьма ценные замечания доктора Саймондс, лишний раз доказывают, что гипноз и сон действительно не следует

идентифицировать. Однако я бы не решился провести между ними непроходимую границу. Их объединяют сходные нейрофизиологические механизмы. О том, что в одном ряду могут находиться и другие, близкие по глубинным истокам проявления, свидетельствуют исследования процессов медитации. Прошу обратить внимание на листы семь и восемь в левом от вас углу. Здесь представлена запись мозговой активности мистера Муниланы, йога, как вы уже знаете, высшей квалификации. Отрешенность от всего окружающего сопровождается мощной генерацией волн, подобных быстрому сну. Это отметил еще в конце шестидесятых годов французский нейрофизиолог Гасто. Выступая на международном гипнологическом конгрессе, он привел данные, полученные японскими и индийскими исследователями, посвятившими себя изучению дзенбуддистской и йогической медитации. Энцефалографические характеристики, обнаруживая сходство как с гипнозом, так и с определенными фазами сна, в то же время существенно отличались и от первого, и от второго. Очевидно, что при медитации используются аналогичные механизмы, позволяющие судить об общей природе всех трех состояний. Подобная идея не претендует на новизну. Недаром медитацию рассматривают в качестве особого вида самогипноза. Возьмите, к примеру, аутотренинг... Возможно, доскональное изучение эффекта зомби позволит пролить свет на эту загадочную, но чертовски — прошу извинить меня — увлекательную проблему. А сейчас нам предоставлена редкая возможность узнать мнение столь компетентного человека, каким несомненно является мистер Мунилана.

— Простите мою настойчивость, профессор ван Вейден, но и точка зрения Туссена Фосиёна была бы небезынтересна. Тем более, что об эффекте зомби известно значительно меньше, чем о медитации. Почему он не принимает участие в симпозиуме?

— По гуманным соображениям, доктор Саймондс. Я не могу подвергать риску человека, который так долго находился между жизнью и смертью. Он еще не оправился от последствий. Лично для вас мы можем организовать посещение больного. В рамках ежедневного обхода, не более. Клиническим аспектам синдрома зомби будет посвящена заключительная часть сим-

позиума. Если сумеем уложиться в регламент, то еще сегодня мы заслушаем сообщения миссис Кинг и доктора Монтекусомы из Мексики. Итак, мистер Мунилана из Мадраса.

Долгожданное выступление вызвало вздох разочарования. С первых слов йога стало ясно, что он не сумеет наладить контакт с аудиторией. Он него ожидали конкретных разъяснений, а он говорил о единстве начал, его спрашивали о приемах проникновения в чужой разум, а он рассказывал о законах дыхания и ритме сердца.

— Ритм образован от санскритского слова рита, а это закон, что движет миром и человеком,— объяснял Мунилана, пытаясь дать ответ на недоуменные вопромы, но потаенная многозначность Вед выливалась чужеродным звуком, и слова, не встречая отклика, скользили поверх сознания, не затронув спящих глубин.— Дыхание есть первичная материя,— тщился растолковать он,— в алхимическом смысле. Оно олицетворяет в человеке изначальную энергию, которую вдохнули в него при сотворении мира создатели. В йоге контроль за дыханием — не самоцель, а лишь способ ослабления проявлений телесности. Замедление дыхания и полная неподвижность тела открывают каналы тонкой материи. Вы спрашиваете про механизмы. Возбуждение и рассеянность оставляют их за гранью сознания. Спокойствие и концентрация, напротив, помогают осознать дыхание как дар жизни, понять связь между дыхательным ритмом и страстями заключенной в телесную оболочку души.

Вейден счел своим долгом перевести основополагающие принципы йоги на язык более доступный аудитории:

— Йог работает сразу в двух планах: на соматическом, непосредственном уровне и на более тонком уровне архетипов и представлений. Йога становится действительно эффективной в той мере, в какой она дает своим адептам конкретные способы доведения рефлекторных пульсаций до утонченного комплекса ощущений, обеспечивающих их энергетическим питанием. Дыхание, благодаря своему непрерывному характеру, служит связующей нитью при переходе с одного уровня на другой.

Психотерапевты, наркологи, физиологи, невропато-

логи, токсикологи — все они превосходно разбирались в таких вещах, как самогипноз или воздействие на мозг им же наработанных наркогенных веществ. Не явилась новинкой для них и технология выведения вовне внутренней проекции. Привычная терминология, заурядная клиническая картина. Диагноз так и напрашивался: наркотический бред, связанные с общей интоксикацией галлюцинаторные видения, расщепление сознания и, как венец всего,— шизофрения.

Напрасно профессор Вейден, человек обширных знаний и высокой культуры, обращался к историческим примерам более близкого круга, нежели Индия и Дальний Восток:

— Вспомним о замечательной практике Византийской церкви, о «Молитве Иисусовой». Мы обязаны этим духовным упражнением богословам тринадцатого-четырнадцатого веков: Никифору Молчальнику, Григорию Синаиту и Григорию Пеламе. Тут много общего с размышлениями отцов-пустынников. Схимник, осаждаемый силами зла как извне, так и изнутри, обращаясь с молитвой к Спасителю, обретал надежную защиту. Вспомним видения Святого Антония. Таким образом, все эти стадии — дыхание, произнесение божественного имени, переход от энергии к потаенному смыслу Слова и, наконец, достижение безусловных состояний сознания — всюду существовали и продолжают существовать под единой символической оболочкой. Будь то йога, дзен, мусульманский суфизм или христианская мудрость.

Коллеги и слухом не слыхивали ни о Молчальнике, ни о Синаите и имели весьма приблизительное представление об опыте суфийского ордена, а о страстях Святого Антония если и знали, то исключительно по живописным полотнам или романам.

— Сердцебиение, так же как и дыхание, оказывает определяющее воздействие на темп жизненных функций,— блистал незаурядной эрудицией профессор, успевший многое почерпнуть из ежедневных бесед с Муниланой.— И этот темп может сознательно или бессознательно изменяться. Взгляните на нашего индийского друга. Вы, наверное, удивитесь, узнав, что он дожил до семидесятичетырехлетнего возраста. Больше пятидесяти ему не дашь...

В зале послышались удивленные восклицания. На-

глядный пример оказался доходчивее любых экскурсов в историю религиозной мысли.

Вейден чувствовал, что надо остановиться и перейти к вопросам физиологии, чего, собственно, от него и ждали, но уж очень хотелось закончить мысль. Не верно, будто слово изреченное есть ложь. Размышление вслух, да еще перед лицом возможных оппонентов, помогает четче сформулировать мысль, понять самому то, чему только предстоит окончательно выкристаллизоваться из перенасыщенного раствора, который будоражит мозг и жжет сердце.

— Я не случайно упомянул о сердце, друзья,— он только сейчас понял, какие неожиданные всходы принесли зароненные Муниланой семена.— В духовной практике его часто рассматривают как символическое вместилище божественной жизни. Это тайный источник, из которого изливается благодать любви и молитвы. Лже-Симеон поясняет: «Как только дух обнаруживает место сердца, он неожиданно видит то, чего никогда не видел раньше. Он видит воздух, наполняющий сердце, он видит самого себя просветленным и мудрым». Вот какая космическая энергия питает духовный опыт мистера Муниланы, чьи феноменальные проявления так взволновали всех нас.

— Позвольте вопрос, профессор! — не выдержала пылкая Гленда Саймондс.— Не скажу, что я все поняла, но вы были прекрасны в своем вдохновении.

Послышались веселые смешки и робкие поначалу аплодисменты.

— По крайней мере вы помогли мне уяснить некоторые психологические аспекты медитативной практики.— Гленда решительно тряхнула коротко остриженной головкой.— Или психопатологической, так будет вернее. Но самое важное осталось без ответа. Если не мистер Мунилана, то, быть может, вы, профессор, объясните нам, как можно проникнуть в чужое сознание? Выйти за границы собственного «я» — это понятно. Увидеть себя как бы со стороны? Такие феномены зарегистрированы реаниматорами и хорошо известны в психиатрии. Но бесконтактное внушение? Это, извините, выше моего понимания.

— И моего — тоже,— Вейден ответил ей невеселой улыбкой.— Придется примириться с существованием

необъяснимых на данном этапе парапсихологических проявлений.

— Вы признаете телепатию?

— Признаю?.. Я допускаю такую возможность. По крайней мере, это позволяет нам дать хоть какое-то объяснение парадоксальным фактам, которые, позволю себе напомнить, зарегистрированы приборами. Следовательно объективны и не являются обманом чувств. Надеюсь, вы удовлетворены, миссис Саймондс?

— Разумеется, нет, но больше вы и не могли сказать. Да и кто может?

— Вот именно! Возблагодарим же Творца, явившего нам еще одну грань неизведанного. Так интереснее жить, не правда ли? — сознавая, что допустил промах, упомянув уж абсолютно никому неведомого Лже-Симеона, профессор бегло прошелся по векам и странам. Вспомнил Осириса и Аттиса, от мистерий смерти и воскрешения перешел к идее метампсихоза, задев попутно привившееся в исламе многократное повторение имени Бога в унисон с биением сердца, и разом перескочил из средневековья в новое время. — На Западе подобные учения были распространены в монастырях и, возможно, бытовали еще в шестнадцатом веке. Об этом, в частности, свидетельствуют «Духовные опыты» Игнатия Лайолы. В тиши келий, укрывшись от мирских невзгод, монахи занимались lectio divina, чтением вслух Священного писания. Этот обряд тоже основывался на дыхательном ритме и сопровождался движением по направлениям четырех сторон света. Важный момент, коллеги: ориентация сердца в пространстве!.. Это было не столько чтение глазами, сколько душой. Общение с природой тоже являлось своеобразной формой медитации, и в этом смысле Франциск Ассизский был предшественником Ганди, чьи идеи возникли из сердечной молитвы, рожденной в долгих молчаливых странствиях. Все вышесказанное позволяет мне дать самый короткий ответ на ваши вопросы. Вы утверждаете, что наш индийский друг сотворил чудо, которое нуждается в немедленном объяснении. Не надо срывать покрывало Исиды. Кроме мертвого изваяния, вы ничего не увидите за волшебным покровом. Вспомним историю туринской плащаницы. Что дал изотопный анализ?.. Йог Мунилана просто напомнил нам о великой традиции всех времен и народов, которую необхо-

димо беречь, как сберегали огонь пещерные люди. Прежде чем что-то постичь, нам предстоит многому научиться. Таков мой ответ, друзья и коллеги.

Тишина в зале подсказала Вейдену, что его поняли.

— Я вижу, что здесь собрались представители различных конфессий,— Нарушил молчание Мунилана.— Нужно верить.

— В кого и во что?— живо отреагировала неугомонная Гленда Саймондс.

— Каждого согревает свой луч, но источник один — Солнце. Назовите это Истиной или Добром — все едино.

— Люблю я эти душеспасительные беседы!— Гленда вызывающе улыбнулась. Разлившийся по щекам румянец скрыл мелкую россыпь веснушек.— Вы все знаете о нас, мистер Мунилана, не так ли? И все можете. Тогда скажите, почему чудесное — действительно чудесное! — излечение Туссена Фосиёна оказалось незавершенным? Каков дальнейший прогноз? Ремиссия только набирает силу или возможен рецидив?

— Он совершил много дурных дел в прошлом и настоящем и его эволюция не закончена.

— И это все, что вы хотели сказать?

— Все.

— Благородное умолчание! — напомнил Вейден.— А сейчас ленч, леди и джентльмены. Столы накрыты в парке, справа от выхода «В». Ровно в три часа мы продолжим дискуссию.

После ленча, который порадовал барбекю из барашка и сэндвичами с ломтиками подкопченного тунца, заседание возобновилось. Многие пришли в зал с недопитыми кружками кофе и банками пива.

— Согласно повестке дня, вторая половина наших бдений должна открыться сообщением миссис Кинг,— объявил профессор.— Однако долг вежливости вынуждает меня просить нашу гостью из Мексики выступить первой. Суть в том, что доктор Монтекусома Альба взяла на себя труд провести параллельный анализ токсинов, выделенных из тканей и кровяной плазмы пациента, страдающего синдромом зомби. Вы окажете нам такую честь, доктор?

— Я бы предпочла сперва выслушать доклад миссис Кинг,— привстала Долорес.— Первая часть произвела на меня неизгладимое впечатление, хотя и была

несколько подпорчена перебором по части мистики. На мой взгляд. Надеюсь, физиология многое расставит по своим местам. Не будем нарушать логическую последовательность.

Ее наградили аплодисментами. Не столько за бескомпромиссную прямоту реплики, сколько за внешность: уж больно хороша была эта пылкая полукровка, словно выточенная из обсидиана, вобравшего в себя жар раскаленных недр.

Ван Вейден, ценитель всего прекрасного и прирожденный дамский угодник, тут же спасовал и, обласкав великолепные формы глазами, проворковал:

— Конечно, доктор Монтексуома Альба, конечно, вы совершенно правы. Пусть сначала выступит наша замечательная помощница Беатрис Кинг. Благодарю за конструктивное замечание.

— Браво, Альба! — насмешливо выкрикнула Саймондс. — Долой мистику! Сон разума порождает чудовищ.

Беатрис Кинг взошла на кафедру, ощущая веселое настроение аудитории. Пока развешивали демонстрационную графику — профессор придерживался старомодной традиции, чураясь не только дисплея, но и самого примитивного эпидиоскопа, — она успела собраться с мыслями. Альба права: физиология должна внести свою лепту.

— Я буду по возможности краткой, коллеги, — Начала она, вооружившись указкой. — Здесь представлены биофизические характеристики, полученные при исследовании печени и ее кровотока. Наблюдения велись в течение всего периода пребывания пациента в коматозоподобном состоянии. Обращает на себя внимание четкая периодичность протекания: в среднем тридцать-сорок секунд. Амплитуда колебаний достаточно существенная, но не это главное. Упорядоченность процесса напоминает работу стабильного генератора. Выяснилось, что такие периодические изменения претерпевают не только скорость кровотока и кровенаполнение печени. Практически все ее характеристики, которые удалось зарегистрировать в динамике, оказались вовлечены в этот загадочный ритм. Ведь периодичность дыхательных движений и сердечные сокращения в десятки раз выше. У человека в нормальном состоянии, я хотела сказать. Известно, что печень, играя

центральную роль в регуляции кровотока брюшной полости, помимо множества важнейших физиологических функций, выполняет еще одну. Сосудистая система печени является дополнительным, помимо сердца, насосом, перекачивающим кровь от основных органов брюшной полости в общее венозное русло. И это отнюдь не какой-то незначительный вклад в общий объем кровотока. В норме он составляет до сорока процентов, при повышенных нагрузках — до семидесяти, а в экстремальных случаях — до ста. Нам посчастливилось наблюдать именно такой экстремальный случай работы портального [1] сердца. Жизнь в теле пациента поддерживалась почти исключительно за счет портальной системы печени — единственной в организме сосудистой сети, функционирующей под очень низким давлением. По существу это основной вывод, который мне хотелось довести до вашего сведения. Надеюсь, я в какой-то мере оправдала ожидания доктора Монтекусома Альба, и многие вопросы, оставшиеся без надлежащего объяснения, отпадут сами собой. Прочие данные представлены на схемах. Я готова их прокомментировать.

— Грандиозно, доктор Кинг! — взял слово Фернандес. — Я поздравляю вас с безукоризненно выполненным исследованием, а вас, профессор, с таким замечательным сотрудником. Мы, я, прежде всего, хочу сказать о миссис Монтекусома Альба, начали наше сотрудничество с доктором Кинг совсем недавно, однако есть все основания ожидать, что в самое ближайшее время так называемый «синдром зомби» перестанет быть феноменологичным фактом. Это все, что я хотел сказать.

— Благодарю вас, мистер Фернандес, — зарделась Беатрис Кинг. — Но высокое слово «открытие» едва ли уместно. Медленные колебания артериального давления, известные как волны Траубе-Херинга, или волны третьего порядка, были обнаружены еще в прошлом веке. Нам всего-навсего удалось зарегистрировать их в случае синдрома зомби и дать адекватное, надеюсь, объяснение. Оно, кстати, напрашивалось. Тот же Херинг в опытах на собаках сумел показать, что такие колебания возникали при асфиксии [2], сильной кровопоте-

[1] То есть связанного с воротной (от лат. portalis) веной.
[2] Удушье.

ре, отравлении цианидами, кураре и прочими ядами. В общем и целом, в условиях пониженного снабжения кислородом центральной нервной системы. Точь-в-точь наш случай.

— Позволю себе дополнить известным примером из области гипотермии,— воспользовался паузой Вейден.— При сильном переохлаждении, вместе с понижением тепературы тела неуклонно уменьшается частота дыхания и идет на убыль сердцебиение: до трех-четырех ударов в минуту. Почти как при синдроме зомби. Но, наряду с этим, в несколько раз увеличивается амплитуда колебаний кровонаполнения печени. Естественно, возникает предположение, что не только у зомби, но и у йогов, которые дают себя зарыть на несколько дней, слабый огонек жизни теплится лишь благодаря активации древнейшего механизма — «портального сердца»,— профессор говорил, как всегда, вдохновенно, не отводя взгляда от избранного объекта, как это заведено у артистов и опытных ораторов. Надо ли винить изысканного эстета, что на сей раз его избранницей оказалась Долорес? Заметив, как напряглось ее привораживающее лицо и беззвучно зашевелились чувственные губы, он не стал дальше развивать мысль и предоставил ей слово.

— Мне тоже хочется поздравить Беатрис Кинг с блестящим результатом. Ее выводы, столь прозорливо обобщенные профессором Вейденом, натолкнули меня на фантастическую идею... Впрочем, прежде чем ее высказать, я, с вашего позволения, поведаю об одном случае, свидетельницей которого была в детстве. Дело происходило в одной индейской деревне. Узнав о приближении сборщиков налогов, все ее жители, включая стариков и детей, покидали дома и прятались... И где бы вы думали? На дне небольшого озерца с проточной и очень холодной водой. Они могли оставаться там часами, пока недоумевающие чиновники обшаривали опустевшие хижины. Человек — не рыба. Растворенного в воде кислорода никак не хватит для снабжения мозга, где уже через пять минут возникают необратимые нарушения. Только сейчас я нашла разгадку этой забавной истории. Благодаря вам, Беатрис, и вам, профессор. Возможно, что и при глубоком летаргическом сне включается все та же портальная си-

стема. Это многое объясняет,— Долорес умолкла, словно потеряв нить.

— А как же ваша фантастическая идея? — пришел на выручку Фернандес.

— Погружение без акваланга, анабиоз в космическом полете,— улыбнулась Долорес.— Кто знает, чего можно добиться, научившись, по своему желанию, запускать дополнительный двигатель?.. Простите невольное отступление. Прежде чем изложить результаты анализов, что займет не более двух минут, я бы хотела вернуться к вопросу, который вызвал столько противоречивых суждений на утреннем заседании. Речь идет о мгновенном излечении Туссена Фосиёна. Позволю себе привести пример из моей довольно скромной коллекции,— она раскрыла блокнот,— американский врач Гарри Райт наблюдал аналогичный обряд воскрешения в Африке. Точно так же живой мертвец был выведен из комы без каких бы то ни было манипуляций деревенского колдуна. «Мне сдается,— пишет Райт,— что этому человеку дали какой-то алкалоид, который вызвал состояние каталепсии или транса, и тело его оказалось безжизненным. С другой стороны, он мог находиться в состоянии глубокого гипнотического сна. Самое интересное, что он был выведен из него без каких-либо лекарств, стимуляторов и даже без прикосновения человеческих рук». По-моему, предельно лапидарное описание истории болезни. Чудо, которое повторяется из века в век, да еще по разные стороны океана, не есть чудо. Это практика, которой можно овладеть. Порукой тому прослушанный нами доклад. Профессор Вейден верно сказал: научиться заново. Я почти уверена, что даже воистину беспрецедентные достижения йогов можно будет повторить, не прибегая к многолетней тренировке.

— Интересно, каким образом?

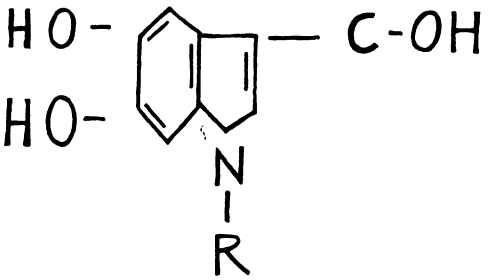
— С помощью химических веществ, электрических волн, световых импульсов, музыки — любых воздействий, могущих завести мотор «портального сердца». Я почти убеждена, что не синдром зомби, как таковой, а связанная с ним экзотическая атмосфера колдовства явилась причиной чрезмерных эмоций. В Латинской Америке, уверяю, это воспринимается гораздо спокойнее. Приведу еще один характерный пример тридцатилетней давности. Нарцисса Клевиса на машине скорой

помощи доставили в госпиталь Альберта Швейцера в Порт-о-Пренсе. Симптоматика, может быть, и не столь яркая, но зато более типичная: затрудненное дыхание, кашель с кровянистыми выделениями, высокая температура, боль во всем теле. Не прошло и недели, как двое врачей, один из них американец, зафиксировали смерть. Тело отвезли в холодильную камеру и на другой день отдали семье. Покойника похоронили на кладбище в родной деревне. Через восемнадцать лет Клевис встретился со своей сестрой. Он рассказал ей, что стал зомби. Семья узнала его, но отвергла. Нарцисс объяснил свою историю так. Его родные братья, желая завладеть земельным участком, призвали знахаря, владеющего секретами воду. Он и подсыпал Клевису отравы. Бедный человек помнил все, что говорили при его погребении, он слышал, как земля стучала по крышке его гроба. Пошевелиться он не мог, чувствовал ужасную тоску. Выйти из гроба Клевису помогли какие-то люди, потом он долго был с другими зомби. Африканцы отнюдь не монополисты этой удивительной способности — длительной жизни практически без дыхания в атмосфере, почти полностью лишенной кислорода. В индейских поселениях Мексики и Колумбии я собрала множество подобных свидетельств. Скажу больше, мне самой недавно довелось побывать в шкуре живого мертвеца, исключительно по собственной небрежности в обращении с нейротоксинами.

— Ваши впечатления? — спросил психиатр из Лозанны.

— Спросите любого, кто пережил клиническую смерть. Непередаваемо. Не найти подходящих слов. Ужасно, но интересно. Однако я воздержусь от описания личных переживаний, сославшись на благородное умолчание. Мне чрезвычайно понравилось такое определение. Жаль, что мы так мало знакомы с тысячелетним наследием Индии. Лично я с полным доверием отношусь к мудрым поучениям мистера Муниланы. «Рита» — ритм — пронизывает Вселенную и связывает ее с человеком. Узнав о существовании волн третьего рода, я поняла, почему йоги обращают такое внимание на регуляцию дыхания и сердечной деятельности.— Долорес перевела дух и отошла к доске.— В заключение, несколько слов по поводу выделенных токсинов.

К сожалению, вещества оказалось слишком мало, чтобы установить полную формулу. Достоверно удалось идентифицировать адренолютин,— она написала структурную формулу:

— По структуре это вещество очень близко к серотонину — медиатору, вырабатываемому мозгом, а также псилоцину, вызывающему различные психические расстройства. В эксперименте на людях многократно доказано, что действие адренолютина во многом подобно мескалину — алкалоиду мексиканского кактуса лофофоры. Настой лофофоры использовали в ритуальных целях еще ацтекские жрецы. Не знаю, как пойдут дела с чудесами, но для погружения в медитацию достаточно вдохнуть пары препарата. Дорога в транс тоже открыта всем желающим, хотя придется потрудиться, прежде чем можно будет гарантировать безболезненный выход.

АВЕНТИРА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

УОРЧЕСТЕР, ШТАТ МАССАЧУСЕТС

Джонсон жил в типичном для Новой Англии деревянном доме в зеленом пригороде Бостона. Ассиметричные крылья, где размещались служебные помещения и гараж, подобно крепостной стене, охватывали несколько вычурное двухэтажное строение с эркером, балкончиками и остроконечной башенкой, украшенной затейливым флюгером. Расположенное на невысоком холме в глубине парка, оно напоминало игрушечный замок, слегка всзвышающийся над купами деревьев.

Ослепительно белая краска контрастно оттеняла многоцветье осенней листвы и хвои.

Едва дождавшись вечера, Борцов завалился в кровать и погрузился в омут беспамятья. Проснувшись среди ночи, включил свет и призадумался, чем занять себя до наступления утра, по опыту знал, что уснуть не удастся. Увидев в глубине стенной ниши стеллажи с книгами, прошлепал босиком в ванную ополоснуть лицо. Пол с подогревом, сияющий кафелем и позолотой кранов овальный бассейн — все здесь располагало к неге. Что ж, убить время можно было и таким способом. Ратмир нашел подходящий флакон и, раскрутив кран, сбил под струей воздушную, дышащую ароматом фиалки пену. Попробовав ногой воду, возвратился в спальню, схватил первую попавшуюся книгу и медленно опустился в душистое облако. Изящно переплетенный томик латинской поэзии с параллельными переводами сам собой раскрылся на строфе Регианa:

> Прежде чем в Байские воды войти, благая Венера
> Сыну Амуру велела с факелом в них окунуться.
> Плавая, искру огня обронил он в студеные струи.
> Жар растворился в волне: кто войдет в нее, выйдет влюбленным.

Ванна в Бостоне, напророчив любострастное купание в Байях, подарила дремотную негу. Незаметно пришел рассвет.

Мистер Гаретт, дворецкий и садовник в одном лице, сервировал завтрак на застекленной веранде, где в глазурованных горшках, радуя глаз глянцем упругих листьев, росли лимонные и апельсиновые деревца.

Следуя примеру Джонсона и собственному вкусу, Ратмир отдал предпочтение вегетарианским блюдам. Окружив половинки авокадо морковью и сельдереем, нарезанными узенькими брусочками, он украсил натюрморт цветной капустой, капустой брокколи и помидором. Все, включая шампиньоны, было подано в сыром виде. Паштеты, яичница и ветчина, приготовленные, очевидно, для гостя, так и остались невостребованными. Чувствуя, что корнфлекс с молоком лишь разжег аппетит, Борцов взял ломтик пармезана и налег на исходящие вкусным паром початки кукурузы и кашицу из шпината.

— Не позвонить ли мне в Вашингтон? — спросил Ратмир, отставив недопитую чашку чая.

— Сначала узнаем, кому принадлежат телефоны,— Джонсон отрицательно помотал головой.— Исходя из этого, и будем решать. Не зная броду, не суйся в воду.

— Резонно.

— Нам предстоит сегодня хорошенько поработать, ну, и отдохнуть, разумеется... Кстати, к вечеру ожидаются гости. Очень интересные люди. Прилетает мой старый друг из Претории и с ним молодая и, как я слышал, очаровательная дама. Думаю, с ними будет не скучно. Рогир ван Вейден, человек широких интересов. Между прочим, как и вы, химик по образованию. Эрудит, каких мало.

— А она?

— Видите! Вы уже заинтересовались... ее не знаю. Кажется, тоже химик, токсиколог. Мексиканка, или что-то похожее... Вы имеете представление об эвристическом программировании?

— Самое поверхностное. Пользовался компьютерными программами, но никогда их не составлял.

— Этого вполне достаточно. Может, подбросите нашим парням кое-какие идейки? В программу входит распознавание архетипических символов и свободная операция с ними.

— Буду рад, если получится.

Кое-что действительно получилось. Поэтому весь день они провели в загородной лаборатории, где создавался оптический суперкомпьютер последнего поколения, и прямо оттуда поехали на премьеру шекспировской «Бури». В фойе театра играл оркестр. Музыканты, как по заказу, оказались выходцами из России.

Поболтав с бывшими компатриотами — выяснилось, что они читали его книги,— Ратмир заметно повеселел.

— Ребятам заплатили по семьдесят пять баксов за вечер,— сообщил он Джонсону.— Надо же, такая встреча...

— Только ради вас!.. Как вам спектакль?

— Замечательно! Я с детства обожаю Шекспира. И актеры превосходные. Особенно тот, что играл Ариэля. Ему удалось передать эзотерический дух пьесы. Сокровенный символизм стихийных начал.

— М-да, вещица зашифрованная. Где-то я читал,

будто Шекспир был тайным розенкрейцером? И по времени совпадает, и по философским воззрениям.

— Мистические идеи не могли не затронуть его. Хотя бы краем. Как-никак, Джон Ди и Эвард Келли были его современниками. Ди, кстати, побывал и в России, у Ивана Грозного.

— И варил алхимическое золото в лаборатории Рудольфа Второго... Ведьм, опять же, еще сжигали на площадях.

— Или вешали, как у вас в Салеме.

— Мы там будем, послезавтра по-видимому... Впрочем, для вас это уже не представляет особого интереса?

— Почему? С удовольствием побываю в музее колдовства еще раз. И могилы жертв салемского процесса навестить не грех.

— В самом деле? Тогда заметано. Будет, что показать нашим гостям.

— Поедем вместе?

— Если не возражаете.

— Напротив.

В конце первого акта Джонсон, посмотрев на часы, дал знак, что пора потихоньку выбираться — они сидели в самой середине третьего ряда партера — и ехать встречать. Самолет из Претории прибывал в одиннадцать тридцать.

У входа в аэропорт Джонсон купил букет чайных роз и вручил его Борцову.

— Окажем внимание даме.

— Почему я?

— А почему я?

— Но мы даже не знакомы!

— И мы... Каков же выход? Бросим квотер? — он вынул четвертьдолларовую монетку.

— Лучше возьмем еще один букет,— засмеялся Ратмир, доставая бумажник.— Нет,— предупредил он возражения,— теперь моя очередь... Эти, пожалуйста,— кивнул продавщице, указав на белоснежные лилии.

— Эмблема непорочности и печали,— заметил Джонсон.

— Зато красивые. Интересно знать, чем **вы** руководствовались?

— По наитию. Дарить незнакомке красные — не

очень прилично. Все-таки амурный намек... Будем глядеть в оба,— предупредил, когда из-за стеклянных дверей появились первые пассажиры.

Сделав ловкий финт, он выдвинулся вперед и одарил розами седого, как лунь, джентльмена с добрым, изборожденным глубокими морщинами лицом, расплывшимся в растроганной улыбке. Ратмиру не оставалось ничего другого, как поднести свои обвитые двуцветной лентой королевские лилии.

«И встать на колени,— подумал он, преисполнясь щемящей радости.— Прекрасная дама из Заколдованного Королевства».

Мексиканка произвела на него неизгладимое впечатление. Темно-синяя накидка до пят, скрепленная у ворота золотой цепочкой, выгодно подчеркивала горделивую стать и, как нельзя лучше, шла к ее смоляным волосам, падавшим на плечи волной крутых завитков.

— Доктор Ратмир Борцов, знаменитый русский писатель,— представил его Джонсон.— Доктор Долорес Монтекусома Альба и профессор Рогир ван Вейден, мой закадычный друг,— назвал гостей.

«Так и есть,— интуиция не обманула Ратмира,— испанская герцогиня и королева ацтеков».

Он хотел обратиться к ней по-испански, но не сумел подобрать подходящих слов.

— Не часто приходится слышать августейшие имена, да еще в таком сочетании,— даже английский потребовал известных усилий, настолько скованно он себя ощущал.

— Не стоит всерьез относиться к латиноамериканским фамилиям,— Долорес ответила непринужденной улыбкой.— Железный герцог определенно не мой предок, и с императором Монтекусомой я тоже, кажется, не в родстве. Так что воспринимайте меня такой, какая есть: из плебейской плоти и крови,— она лукаво прикусила губу и добавила, слегка понизив голос:— явно не голубой.

— Постараюсь, хотя это и не легко.

— Почему же?

— Вы слишком прекрасны.

Привычка к подобным комплиментам не помешала ей просиять глазами.

— Для кого слишком? Для вас или для меня?

— Для всех, кто смотрит на вас, bella donna.

— Белладонна — растение, содержащее лекарственные яды, атропин в частности. Я, как на грех, занимаюсь такими вещами. Называйте меня просто Долорес. А вы, кажется, Рамиро? Простите, я плохо расслышала.

— Для вас я, безусловно, Рамиро! — увлеченный, он и думать забыл о приотставших Джонсоне и Вейдене.

Только в багажном отделении, когда все остановились возле бегущего транспортера, до него донеслись слова: «зомби», «йог» и малопонятное выражение «портальное сердце». Видимо, какая-то идиома, решил Борцов, невольно прислушиваясь.

— Поймите, Вейден,— убеждал Джонсон,— мы и так потеряли столько времени из-за этого фанфарона Уорвика. Второго Патанджали нам уже не найти. Нужно что-то придумать.

— Хотел бы я знать, что именно. Плевать он хотел на CNN. У него свой путь и свои цели. Спасибо за то, что согласился остаться еще на неделю-другую.

— Мало, Вейден. Как вы не понимаете! Нужно по меньшей мере несколько месяцев.

— Ничего не могу обещать вам, Пит. Как будет, так и будет... А вот и наши чемоданы!

Поздний ужин у пылающего камина прошел в оживленной беседе. Борцов потягивал «Голубую ленту», Долорес медленно цедила темное испанское вино из подвалов Риохи, а Джонсон с профессором — только французскую минералку «Перье». Разошлись далеко за полночь.

Ратмир долго не мог заснуть, взволнованный встречей. Его преследовал запах духов Долорес, тяжелый и пряный. В серебристом вечернем платье, облегавшем плавные линии бедер, она казалась еще более обворожительной.

Ее рассказ о поездке куда-то на Юкатан, где нашли погребенную в сельве пирамиду, навеял на него неизъяснимую грусть, мечтательное томление о чем-то далеком, неизъяснимо прекрасном и невозможном.

Проснулся он на рассвете в дурном настроении и с головной болью. За завтраком лишь раскрошил половинку тоста и выпил чашку крепкого чая. Стало немного легче.

Пора было собираться в дорогу. У подъезда уже ожи-

дал молочного цвета «меркюри». Мистер Гарретт выносил чемоданы.

В просторном салоне длинного, как линкор, лимузина всеми цветами радуги переливался экран. По NBC передавали репортаж из Москвы. У ворот Лефортово собралась небольшая толпа с красными и трехцветными монархическими знаменами.

— Помяните мое слово,— в сердцах по-русски сказал Борцов,— они выпустят и Хасбулатова, и Руцкого, как уже выпустили гекачепистскую шпану.

Джонсон немедленно перевел, запнувшись на слове «шпана». Сказал: «хулиганы» и — для Долорес — испанское «golfos». Садясь за руль, он порекомендовал не забывать в пути про освежительные напитки.

Ван Вейден, которому понадобилось запить таблетку, тут же распахнул дверцы красного дерева и взял бутылочку «Перье». В зеркальной глубине бара, заставленной соками и минеральной водой, Ратмир заметил свою «Голубую ленту» и пузатую бутылку «Текилы», предназначенную, надо полагать, для Долорес. В нижнем ящичке лежали фрукты.

«Заботлив, тактичен, предусмотрителен»,— подумал он о Джонсоне, который, вырулив за ворота имения, уже дозванивался куда-то по сотовой сети.

Неделя, проведенная Борцовым в Массачусетсе, напоминала триумфальное шествие. Раъезжая по городкам Новой Англии, он словно бы шел по собственному следу, не успевшему остыть за восемь лет. И каких лет! В университете Кларка, где — в канун Чернобыльской катастрофы — выступал с лекцией о научной фантастике, которую назвал игрой в элементы мира, он вновь вошел в ту же аудиторию и поднялся на ту же кафедру, чтобы в двух словах рассказать о себе и порассуждать об игре архетипов. Если не брать в расчет нового ректора, все было точь-в-точь, как прежде: поведение студентов, вопросы газетчиков, обед с профессурой. В Андовере, где в тот достопамятный год получил диплом почетного гражданина, его приветствовал новый мэр, но торжественный ужин проходил в том же ресторане. Ратмиру даже показалось, что и столы были расставлены, как тогда. Все повторялось: Марблхэд и ленч в Ротари-клубе, Яхт-клуб и прогулка на катере по заливу, Уорчестер и прием в Антикварном обществе, на Солсбери стрит, местные газеты, местное телевидение,

местный бомонд. Его многие узнавали, и он с преувеличенным восторгом пожимал руки, стыдясь, что не помнит ни обстоятельств, ни лиц.

Когда ехали по дороге 56 из Пакстона в Ратлэнд, он вспомнил, что уже проезжал тут и даже останавливался на ферме и ловил в озере голубых с желтым брюшком рыб, которые так и просились в аквариум.

— Странно,— сказал он, повернув лицо к Долорес,— в сущности не столь уж давно я бывал в этих местах, но с трудом узнаю улицы, дома, магазины. Все на один лад, что Уорчестер, что Холден или Лейчестер. С другой стороны, попав в совершенно незнакомый город, я **вспоминал** подробности, о которых никак не мог знать. Уверенно, словно по плану, находил дорогу. Что-то мне подсказывало: за этим поворотом откроется площадь с собором. И действительно я выходил на площадь, где возвышалась какая-нибудь базилика или нечто похожее.

— И где это было?— спросила она.

— В Александрии, в Толедо... и в Риме тоже, по-моему.

— Все это хорошего известно в медицине под названием феномена deja vu — «уже виденное»,— снисходительно закивал Вейден.

— А я так думал: память о прошлой жизни.

— Вы верите в метампсихоз?

— Ни во что я не верю. Вернее, не знаю, во что верить.

— Данное явление вначале было установлено у больных с поражением височной области мозга. На почве эпилепсии или опухоли. В этой зоне находятся структуры, на которые возложена функция узнавать, находить сходство с уже виденным. При заболевании они часто срабатывают вхолостую. Вы понимаете? Возникает ложное узнавание. Патологические процессы иногда вызывают и прямо противоположное явление, когда хорошо знакомая ситуация представляется впервые увиденной — феномен jamais vu. Но вы не пугайтесь, мистер Борцов. Уверен, что с вами все в полном порядке. Такие феномены изредка встречаются и у совершенно здоровых. Чаще всего такое случается с людьми, которые долго учились или же много путешествовали. Вы ведь, я слышал, заядлый путешественник?.. Феномен «уже виденного» описан и в художественной литерату-

ре. По-моему, у Чарльза Диккенса в «Давиде Коперфильде».

— И у Бунина в «Жизни Арсеньева»,— подсказал Джонсон.— Герой, впервые попав в Севастополь, где воевал его отец, чувствует, что уже видел этот город однажды... Севастополь, Александрия, Рим! Это неповторимые города, а в Новой Англии любой станет жертвой — действительно все одинаковое.

— Но с deja vu я часто сталкиваюсь в моих снах,— сказал Борцов.

— Я тоже,— послав ему сочувственный взгляд, промолвила Долорес.— Особенно в последнее время... Беспокойное ощущение, куда-то влекущее, затягивающее.

Ратмир ответил ей благодарной улыбкой. За эти дни, проведенные рядом, им редко выпадала возможность поговорить, да они и не искали ее. Безмолвное общение глаз открыло интуитивное понимание, которое не только не нуждается, но даже избегает речей. Страдая одним недугом, суеверно берегли протянувшуюся между ними тончайшую паутинку, по которой в обе стороны перебегал волшебный ток.

— Сон — это terra incognita,— подал реплику Джонсон,— неведомая земля, куда мы зачем-то уходим, чтобы оставить там частицу души.

— И возвращаемся, получив что-то взамен,— подхватил Вейден.— Разобраться тут много сложнее... Возьмем, например, гипнотизера, внушающего своему пациенту, будто он знаменитый пианист или, скажем, гениальный художник. Что кроется за понятием «рапорт»? Только приказ спать и имитировать? Или гипнотизер передает часть своего опыта, делится подсознательной информацией? Иначе необъяснимо, почему человек, который никогда не брал в руки кисть, вдруг начинает рисовать. Не как Сальвадор Дали, конечно, но прилично. Или извлекает из рояля вполне удобоваримые пассажи, ловко пародируя манеру виртуоза.

— Есть еще одно объяснение,— сказал Борцов,— ноосфера. Гипнотический сон открывает каналы, так сказать, к подсознательной базе данных всего человечества.

— Или всего живого,— заметил Джонсон.— Великая Пустота мне нравится больше сциентистских определений.

— Я, собственно, несколько о другом,— Вейден стремился довести мысль до конца.— Проснувшись после опыта, пациент не только не способен изобразить что-нибудь путное, но и вообще не помнит, как минуту назад был Рубенсом или Листом. Однако, будучи вновь погружен в гипнотическое состояние, он сразу же вспоминает все предыдущие случаи. И наращивает опыт, совершенствует мастерство... Не напоминает ли вам это ваши собственные ощущения, дорогие коллеги?

Ратмир и Долорес только переглянулись.

— Если бы можно было уйти в те призрачные края и все устроить по собственной воле и вкусу, я бы не стал возвращаться,— подал реплику Джонсон.— И явь — иллюзия, и сон — иллюзия. Так какая мне разница?

— Почему бы и в самом деле не попытаться воздействовать на явь через сон?.. Смертью смерть поправ?— спросил Борцов.

— Сон в египетской пирамиде! — обрадованно воскликнул Джонсон.— Идея фикс нашего прославленного романиста.

— Вы действительно пишете об этом?— Долорес подалась в сторону Борцова.

— Мало ли о чем я писал,— он глубоко вдохнул насыщенную цветочным ароматом струю.— Но я постоянно возвращаюсь к идее волевого воздействия. Зачем? Сам не знаю. Вероятно, в ней что-то есть.

— Волевое воздействие на сон? На жизнь через сон?— глаза Долорес засветились фиолетовыми огоньками.

— И то, и другое, и еще третье. Прорыв в иную реальность: Сверхсознание, Великую Пустоту, Абсолют — как хотите, так и называйте.

— Думаю, вам обоим не повредит небольшой тест,— решил Вейден.— Как вы относитесь к энцефалографии?

— В госпитале Модеро такая процедура не доставила мне неприятных ощущений,— ответила Долорес.

— Отложим до Гонолулу,— словно бы потеряв интерес к разговору, обронил Джонсон.— У меня тоже есть кое-какие идеи.

— Мы вскоре получим совершенно новое оборудование,— обращаясь к Долорес, произнес Вейден.— С бесконтактными датчиками на термисторах из оптиче-

ского алмаза. Так что можно не беспокоиться за прическу. Ни единый волосок не шевельнется.

— Пожалуй, и я непрочь,— охотно согласился Борцов. О том, что рядом с ним на Гавайях будет Долорес, он не смел и мечтать. Хмель преходящего мига не отдалял его от грызущей заботы, но, подобно инъекции понтапона, лишь заглушал пульсирующий ожог. Облегчение, пусть кратковременное, хотелось продлить, не задумываясь о будущем и не копаясь в себе. Стоит дать волю внутреннему контролю, и разом рухнут воздушные замки, что, помимо воли, выстраивает фата-моргана.

— Вам знакомо такое понятие, как «джива», Пит?— спросил, отгоняя непрошенную радость, по-русски.

— Кажется, что-то санскритское, связанное с глаголом жить?— Джонсон непринужденно перешел на язык, который не только любил, но и глубоко понимал, что редко дается иностранцу.— Почему вы спрашиваете?

— Сам не знаю. Это вечный индивидуальный дух. Не скажу, как он связан с атмой и параматмой. Не силен в таких тонкостях. Но вы правы: глагольный корень «джив» означает «жить, быть, оставаться в живых». Крохотная частица Абсолюта, джива подпадает под власть материального мира, забывает о своей связи с высшим началом и, грубо говоря, хочет просто **жить**. Вот почему мы оказываемся во власти иллюзий.

— Наверное, раз вы говорите... Но почему это вас задевает? Вы же не верите в бессмертие души? А коли так, то нужно радоваться тому, что ваша джива требует свое. Дайте ей пищу, Тим, не бойтесь, живите.

Борцову показалось, что Джонсон понял его, причем глубже, чем это желалось.

— Какая у нас программа на сегодня?— он перешел на английский.

— Обширная. Скоро мы свернем на дорогу 122 и минут через пятнадцать окажемся в Национальном парке Ратлэнд. Там сейчас проходят соревнования Общества рыболовов. Они дают в нашу честь обед на воздухе. Прошу меня правильно понять: будучи рыболовом, я не смог отвертеться.

— И хорошо! Я тоже люблю порыбачить.

— Мы дадим выход нашим низменным страстям

на Гавайях,— пообещал Джонсон,— а тут лишь попробуем живой, как говорят рыбаки, лососины... После обеда, как говорят у вас в России, разделимся по интересам. Сеньору вместе с профессором отвезут в Нортбридж, где у них дела на заводе лабораторного оборудования, а мы с вами вернемся в Уорчестер. На шестнадцать часов назначена лекция, которую стоит послушать. Вы ведь бывали в Механикс-холле?

— Музей американской промышленной мощи?

— Скорее мемориал. Тема лекции не имеет прямого отношения к машинам прошлого века, уверяю вас.

— И что за тема?

— Пусть это окажется сюрпризом... Ужинать будем все вместе в аббатстве Святого Джозефа.

— В аббатстве?— удивился Борцов.

— Не забывайте, что сеньора Монтекусома Альба — католичка,— шутливо попенял Джонсон.— К тому же отец Томас, аббат,— мой друг и однокашник... есть возражения?

— Вы тоже отведаете рыбки?

— Не растравляйте мою дживу. Я насилу отучил ее от плотоядной пищи.

Перед выездной аркой, изукрашенной флажками и воздушными шарами самых причудливых форм, Джонсон затормозил.

— Купим билеты,— сказал он, вылезая из машины.— Вы тоже можете немного поразмяться. День-то какой!

Борцов помог Долорес выйти и огляделся. Не по-осеннему яркое солнце, не жалея лазури и серебра, расцветило и без того буйную палитру леса. Особенно хороши были клены, застывшие в безветренной синеве. Просвечивала каждая жилка.

Касса находилась внутри бревенчатого бунгало, выстроенного в стиле первых поселенцев: все-таки «Майфлауэр» бросил якорь не где-нибудь, а у берегов Массачусетса. У входа в ресторанчик, приютившийся под той же крышей, стояла очередь. Как и всюду в Америке, было много детей, а также довольно тучных особ обоего пола. Тут же находился и сувенирный киоск, где заодно проявляли пленку и печатали фотографии.

Внимание Ратмира привлекла афиша с перевернутой пентаграммой — знаком колдовских сил.

— Вас интересуют магические представления? — спросил он Долорес.

— Нет,— она сделала отстраняющий жест.— Не люблю профанации.

Он подошел ближе.

Проведите с нами эту волшебную ночь!
31 октября, в канун Дня Всех Святых, состоится магический
ФЕСТИВАЛЬ
Леди Наслаждение приглашает всех желающих принять участие в незабываемом карнавале ТЕНЕЙ.

СЕКСОМАГИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
Предсказание будущего. Гадания. Хиромантия. Гороскоп.

АСТРАЛЬНАЯ МУЗЫКА
РИТУАЛЬНЫЕ ТАНЦЫ
ДЕГУСТАЦИЯ ВОЛШЕБНЫХ НАПИТКОВ
«КУХНЯ ВЕДЬМ»

Пентакли. Обереги. Талисманы.
Защита от дурного глаза и злых козней.
Молитвы и заклинания на все случаи жизни.

ВАШИ ЗВЕЗДЫ И ПОЗЫ ЛЮБВИ
ПОДБОР ИДЕАЛЬНОГО ПАРТНЕРА

Начало ровно в 9 часов вечера [1]
Только для взрослых!
Плата за вход $ 25
Слетайтесь!

Черный силуэт ведьмы на помеле указывал на наиболее предпочтительное средство передвижения, что не помешало устроителям снабдить зазывный плакат маршрутом парковки.

Пока Борцов, забавляясь про себя, переписывал — на всякий случай! — в блокнот особо курьезные перлы, рядом с ним возникла женщина в белом балахоне. По всей видимости, он просто не заметил, как она выскользнула из магазинчика или из ресторана.

— Хай! — приветливо улыбнулась она.— Я вижу — вы заинтересовались нашим мероприятием.

— Добрый день! — Ратмир сунул записную книжку в карман и, повернувшись, встретил пристальный взгляд зеленых, как оливины, и восхитительно лживых глаз. Он догадался, что перед ним стоит самая настоящая ведьма. О ее принадлежности к ковену [2] красноречи-

[1] 9 р.м.— в оригинале.
[2] Колдовской круг.

во свидетельствовали серебряная пентаграмма на шее и алая плюшевая подвязка чуть выше колена, напоказ высунутого из глубокого разреза льняной хламиды. У колдуньи, к тому же, были медно-рыжие, плетенные в тоненькие косички волосы. В стародавние времена такие рыжеволосые и зеленоглазые, как эта массачусетская вичи, шли в весталки.

— Вы приехали издалека,— не отрывая взора, пропела она,— и на душе у вас тяжелый камень.

Он выдержал ее долгий, тягучий взгляд.

— Вам многое дано, но вы не знаете своих сил,— продолжала она, потупясь.— Приходите к нам.

— Постараюсь,— моргнул он, расслабясь.

— Нет, вы обязательно приходите,— она вытащила из джутовой торбы, свисавшей с покатого плеча, стопку листов и один из них протянула Ратмиру.— Отметьте крестиком только те вопросы, с которыми вы согласны, и принесите с собой. Договорились?

Взглянув на опросный листок, он по первой строке понял, что рыжая ведьма принадлежит к последователям Алистера Кроули.

— Приду, если смогу.

— Захотите — сможете. Хотеть значит мочь.

— Справедливо. Вас как зовут? Я — Ратмир.

— Рада знакомству, Ратмир,— она протянула тонкую руку и произнесла по буквам: R — A — T — M — I — R.— Ваше число семь,— быстро подвела итог и вывела пифогорейское... Счастливое и магическое! Но будьте осторожны, седьмица не прощает промахов... Меня называют Арианрод, но на самом деле я Эбигайль.

— Очень приятно, Эбигайль. Арианрод — ваше тайное имя?

— Какая же вичи откроет свое тайное имя?

«Не знаю, как насчет ведьмы,— скрывая улыбку, подумал Борцов,— но в весталки ты явно не годишься, милая Эбигайль». Он заметил, что на другой ноге шокирующей подвязки, уместной разве что на Пляс Пигаль, не было, как, впрочем, и чулок — на обеих. «Может, у них так заведено, у сексомагических вичи?»

Клиновидный вырез, приоткрывая ничем не стесненную грудь, намекал на таинства, которые еще в Древнем Вавилоне назывались храмовой проституцией.

— Тридцать первое — послезавтра?

— День мертвых, наш ежегодный праздник освящения,— напомнила Эбигайль.— Я буду ждать.

Скрипнув дубовой дверью, из бунгало вышел Джонсон.

— Привет, Питер! — ведьма послала ему воздушный поцелуй.— Давненько тебя не видала.

— Рад тебе, Эбигайль,— кивнул он, засовывая бумажник в задний карман, и поманил за собой Борцова.— Поехали.

— Вы ее знаете? — спросил Ратмир, направляясь к машине.

— Кто же не знает **официальную**,— он насмешливо фыркнул,— жрицу графства Уорчестер? Она регулярно выступает по местному телевидению.

— O tempora, o mores! [1] И это в стране правнуков салемских инквизиторов! Бедная Новая Англия, несчастная Россия.

— Tempora mutantur? [2] Приходится платить за свободу. Но дела у вичи идут неважнецки. Мало-мальски приличные люди не обращают на них внимания. Навряд ли им удастся собрать более полусотни желающих. Вы хотите пойти?

— Еще не решил. А что у нас по программе на послезавтра?

— Программа на послезавтра определится завтра, так что все в нашей власти.

— Тогда, если не возражаете...

— Возражаю? Помилуйте, Тим! Вы живете в свободной стране. Но помните, это ваша личная инициатива.

— Не предусмотрено в сценарии? Или вы опасаетесь, что меня охмурит самозванная ведьма?

— Самозванная? Как сказать... Эбигайль Варлет — колдунья в тринадцатом поколении. В их семье это передается по женской линии. Наиболее знаменита была Джудит. Слава о ней шла по всей Новой Англии. Мы молодая нация и поэтому особенно ценим исторические традиции. Она вполне приличная женщина, эта Эби Варлет. Наследие предков — ее крест и бизнес, не

[1] О времена, о нравы! (*лат.*) Начальные слова обличительной речи Цицерона.

[2] Времена меняются (*лат.*).

слишком, увы, процветающий. Знающие люди говорят, что она исключительно сенсетивна и многое умеет.

— В Массачусетсе есть древние захоронения? Индейские святилища?

— Едва ли... Но аномальные зоны встречаются. В геомантическом смысле, согласно даосской доктрине Тай-и — «Высшее единое». Кажется, в долине Черных камней находится таинственная пещера, в которой ковен милашки Эбигайль проводит особо важную церемонию в канун Вальпургиевой ночи.

— Почему бы не включить это в сценарий? Ради экзотики? Мертвое прошлое и живое настоящее Страны Наследия. Так, кажется, называют Новую Англию?

— Решайте сами. Отснять можно все, что угодно. Резать будем при монтаже. Последнее слово, как вы знаете, остается за режиссером. Ваша власть, Тим, закончится в ту самую минуту, когда будет утвержден сценарий. Так что пользуйтесь, пока вы — король.

Долорес поджидала их, опершись бедром о радиатор, осененный крылатой хромированной фигурой.

— Переписали? — ее губы дрогнули в пренебрежительной усмешке. — И вам не стыдно?

— ¿Avergonsarse? — переспросил по-испански Джонсон. — Человек, удовлетворяющий профессиональное любопытство, не должен стыдиться. Мистер Борцов написал сенсационную книгу о черной магии, которую напечатали в издательстве центрального комитета компартии, что можно объяснить лишь маразмом генсека Брежнева и окончательным банкротством идеологии.

— Только этого не хватало, — махнула рукой Долорес, садясь в машину.

Найдя свободное место, Джонсон ловко припарковался между лиловым «кадиллаком» и антикварным «фордом» 1929 года. Итоги соревнования были подведены и чемпион — им оказался уже знакомый Ратмиру шестидесятилетний директор Уорчестерского музея истории на Барбер авеню, где хранились редкие экспонаты доколумбова периода, — праздновал победу. Первый стакан наливали за его счет. Негр за стойкой импровизированного бара едва успевал откупоривать бутылки «бурбона».

На столах, накрытых бумажными скатертями, громоздились одноразовые тарелки с рыбной закуской.

Выбор блюд не ограничивался пресноводными. Тонкие ломтики лососины — малосольной, прикопченной, вымоченной в лимонном соке — чередовались соблазнительными дарами моря. Чего тут только не было! Пламенеющие крабы — «джумбо», обжаренные в муке кальмары, креветки, темнорозовые ломти тунца и обложенные ледяной крошкой устрицы из Провиденса.

Премиальный десятифунтовый лосось красовался на отдельном столике. Вскоре он займет достойное место среди аналогичных трофеев. Опытный таксидермист уже примеривался, как половчее содрать черненное серебро кожи. Можно было лишь позавидовать людям, которые, демонстрируя дружелюбие, юмор и оптимизм, из всего умели создать веселый праздник.

Провозгласив тост в честь победителя, директор лесного музея рыболовства и президент одноименного общества Чарльз Фишер заставил Джонсона уплатить пять долларов за опоздание. Ректор Гарвардского университета, прибывший последним, был оштрафован уже на десять долларов. Как и Джонсон, он, ради смеха, упирался из последних сил, но принужден был выложить две бумажки с портретом Линкольна на литое серебряное блюдо, украшенное курьезным девизом: «Успешная рыбалка — залог долголетия».

Ратмир пришел в совершенный восторг. Махнув рукой на недомогания, вынуждавшие чередовать животную пищу с растительной, он основательно налег на крабы и устрицы.

Долорес, хватив две порции «бурбона» со льдом, тоже закусывала исправно, не забывая как следует подперчить каждый кусок.

В качестве почетных гостей, они освобождались от платы за выпивку и могли, будь на то желание, надраться до изумления. Единственное, что им вменялось в обязанность, был тост — тематический и, по возможности, остроумный.

Подойдя к председательскому столу, Джонсон представил каждого, с положенными по такому случаю преувеличениями, перечислив титулы и награды, и скромно возвратился на свое место среди рядовых членов общества.

— Почему мы с Питером не употребляем алкоголя? — Рогир ван Вейден высоко поднял бумажный стаканчик с содовой.— Только из солидарности с рыбой,

которая не живет в данной среде. Минерализованная вода символизирует наше особое пристрастие к морской рыбалке. За самого большого марлина, который всегда впереди!.. Это и к лососю относится.

Тут же последовал вопрос:

— А почему не едите рыбу?

— Вам знакомы такие понятия как табу и тотем? — не смутился Вейден. — Рыбы — наши прародители, а, значит, табу.

Тост вызвал гомерический хохот и рукоплескания.

— Мужчина — охотник в душе, — Долорес рискнула взять третью порцию виски. — Не страшась опасности, он отправляется якобы на рыбалку и неизвестно где проводит ночь, а после, купив рыбу в супермаркете, приносит ее чистить жене... Я была счастлива убедиться, что такое расхожее представление не имеет отношения к Обществу рыболовов прославленного штата Массачусетс. За настоящих мужчин! За вас, джентльмены!

Ее спич снискал еще больший успех.

— Мне хочется поведать вам короткую историю, — дернув за кольцо, Ратмир открыл банку «премиума». — Абсолютно правдивую. У меня есть старший брат, отставной военный моряк. Он живет в Петербурге, но очень редко ночует дома, ибо большую часть года проводит в лесах, на берегу рек и озер или мерзнет на льду Финского залива с мормышкой. Всему, что знаю об охоте и рыбной ловле, я обязан брату. Он натаскивал меня, как щенка. Но и ему как-то пришлось обратиться ко мне за профессиональным советом. Задумав обобщить свой богатейший опыт в статье для журнала «Охота и рыболовство», он отдал свое творение на мой суд. Начальная фраза была следующая: «Каждый человек при виде водоема испытывает желание поймать в нем рыбу...» Позвольте считать это тостом.

Назад возвращались в приподнятом настроении. Профессор признался, что никогда не увлекался рыбалкой, а про рыбу-меч знает только со слов Джонсона. Ратмир и Долорес долго смеялись и подтрунивали над ними обоими. На муниципальном аэродроме Уорчестера Долорес и ван Вейдена поджидал бело-голубой вертолет.

Борцов, в который раз, поразился возможностям Питера, его удивительному организаторскому таланту

и непоказной скромности, отличающей по-настоящему интеллигентного человека. Даже там, за столом на лесной поляне, он ничем не выделялся среди прочих, хотя добрая треть массачусетских рыболовов работала на него. Из застольных бесед и шуток легко было догадаться, что не только Гарвард или Университет Кларка, но даже Музей кукол и Антикварный музей в Конкорде в той или иной степени вовлечены в деятельность суперконцерна «Эпсилон X_1», в котором производство фильмов навряд ли занимало ведущее место.

— Вы читали Торо? — спросил Джонсон, когда вертолет оторвался от земли.

— «Уолден, или жизнь в лесах»? После «Листьев травы» — моя самая любимая американская книга.

— Торо и Эмерсон кровными узами связаны с нашими краями, с лесами и реками. Почему я вдруг вспомнил о Торо, Тим? Жаль, что вы раньше не рассказали про вашего брата. Было бы интересно познакомиться с человеком такой жизненной философии. Посидеть у костра, закинуть снасти, послушать, как шумит ветер в соснах.

— У него дача на Карельском перешейке. Сосны там и вправду отменные, но насчет рыбы — не густо. Отсюда наш лозунг: ловим не на килограммы, а на хвосты. Все больше ерши, окуньки да плотвичка — сплошная мелочь. Недаром говорится, что крупную рыбу они сложили в майонезную баночку, а мелкую отдали кошке.

— Вы существенно обогатили мое знание российских реалий. Дарю вам за это целое озеро. Специально для вас записал название,— Джонсон протянул бумажную салфетку, на которой крупными литерами значилось: CHARGOGGAGOGMANCHAUGGAGO—GGCHAUBUNAGUNGAMAUG.

— Индейское?

— Угадали. Это самый длинный топоним на карте Штатов. Его продиктовал мне наш президент Фишер, когда я спросил об индейских захоронениях. Где-то в районе этого озера они действительно есть.

— Как вы все помните!

— Стараюсь... Мы зовем озеро просто Уэбстер. К нему можно подобраться по дороге 197.

— Хотите прямо сейчас?

— Нет, сегодня никак не получится. Нам пора в Механикс-холл.

Впечатляющее сооружение из густомалинового кирпича Ратмир узнал еще издали, как только вырулили на Главную улицу. Да, он был здесь в своей прошлый приезд, но так и не смог припомнить, какие достопримечательности таил в себе этот древний, по американским меркам, памятник: музей был построен в первые годы прошлого века.

Как-то не очень улыбалось любоваться шедеврами индустриальной революции, а тем более слушать какую-то лекцию. После плотного обеда — как минимум, четыре больших краба и дюжина устриц — клонило ко сну. В Москве уже была ночь. Но положение обязывало: протокольный визит.

В опрометчивости скоропалительных суждений Ратмир убедился, как только уже знакомый ему Дональд Хейенрот, проректор Гарварда, объявил тему лекции: «Червячные дыры» и «машина времени».

— Профессор физики Веллинтонского университета Эрик Ли широко известен своими основополагающими работами в области структуры пространства — времени,— представил он лектора, подчеркнув, что его имя уже занесено в список соискателей Нобелевской премии на будущий год.— Мы искренно надеемся на успех экспериментального подтверждения теоретических выводов нашего коллеги и единомышленника. Самых смелых, я бы даже сказал «безумных», а именно так Нильс Бор называл наиболее революционные идеи в физике, следствий его новой теории. Попутно хочу отметить, что осуществить такую проверку, требующую незаурядных инженерных усилий и, не в последнюю очередь, немалых средств, оказалось возможно лишь при содействии корпорации «Эпсилон X_I» и ее бессменного президента Питера Джонсона, которого я также рад приветствовать на наших слушаниях.

Профессор Эрик Ли, по виду типичный студент, огорошил Борцова с первых же слов. Одно начало чего стоило!

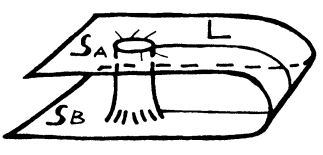
— Путешествия **во времени** и **сквозь** пространство — темы, столь интенсивно обсуждавшиеся фантастами,— в последние годы неожиданно привлекли серьезное внимание теоретиков. Проблема, как оказалось, допускает вполне четкую физическую формули-

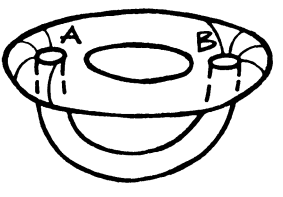
ровку. При ее анализе, на что, признаюсь, подвигло меня чтение научно-фантастического романа «Абсолют», написанного Ратмиром Борцовым, пришлось столкнуться с глубокими проблемами современной теоретической физики. Из упрямства, а оно выработалось у меня еще в детстве при решении всяческих головоломок, я залезал все глубже в дебри и, в конце концов, обнаружил, что нет ничего невозможного в той Вселенной, которую мы самонадеянно считаем единственной возможной.

Покраснев от неожиданности, Борцов украдкой глянул на Джонсона, слушавшего с индифферентным видом, и приготовился достойно встретить шквал тензоров и дифференциальных уравнений. Высшая математика, которую он основательно подзабыл, немного пугала. Хотелось понять хотя бы самую суть.

Умопомрачительных формул, однако, не последовало. Юный гений с петушиным хохолком на макушке вообще обошелся без математического аппарата, ограничась двумя схематическими набросками и простейшей диаграммой.

Перерисовать их не составило труда.

— Иммануил Кант не ошибся, сказав, что звезды над нами и нравственный закон внутри нас достойны изумления, как ничто в мире,— новозеландец оказался отличным популяризатором,— но разве свойственный человеку пророческий дар не являет собой пример воистину непостижимых чудес? Не стану ссылаться на Священное Писание, «Илиаду» и предания народа маори, более близкие моему сердцу. Научная фантастика, которую я полюбил с юных лет, сформировала облик нашей цивилизации, плоха она или хороша, и проложила дорогу в будущее. Не будь Лукиана, Сирано де Бержерака и Герберта Уэллса, Нил Армстронг мог бы дожить до седых волос и выйти на пенсию, не помышляя

о таком вздоре, как путешествие на Луну. Прелесть фантастики не только в безумных идеях, но и в той атмосфере, которую она создает. Прежде чем заставить человека раскошелиться на захватывающее дух предприятие, его необходимо убедить, что невозможное — возможно, если этого очень захотеть. Я рано начал учиться и в одиннадцать лет уже был студентом. Оставаясь ребенком, я верил Уэллсу ничуть не меньше, чем уравнениям Максвелла и формуле Планка. И, как видите, не ошибся. В принципе так называемые законы природы не запрещают машину времени.

Впитывая каждое слово, Борцов завороженно следил за темпераментной жестикуляцией математика, готовый взвиться как закрученная до отказа стальная пружина при малейшем признаке слабины.

— Не знаю, почему, но так уж случилось, что наиболее, пожалуй, заманчивое предсказание общей теории относительности Эйнштейна слишком долго оставалось в тени,— парень из Окленда последовательно развивал свою мысль, держа слушателей на коротком поводке.— Оно затрагивает саму возможность существования пространства — времени с необычной топологией и нетривиальной причинностью. Как известно, создаваемое материей гравитационное поле проявляется в искривлении континуума. Факт, установленный еще в двадцатых годах и не единожды подтвержденный астрономическими наблюдениями. Однако в нашем сознании прочно бытует представление о том, что искривление проявляется где-то там, в бесконечности космоса, а у нас на земле геометрия пространства-времени остается и навсегда останется плоской. Отказ от подобного — не скажу ретроградного, но прививщегося — взгляда ведет к пониманию в сущности очень простых вещей. И локальная геометрия, и пространство-время в целом могут самым радикальным образом отличаться от свойств, характерных для плоскости. Так называемая «червячная дыра» [1] дает некоторое представление о пространстве с трехмерной топологией,— он взял грифель и повернулся к доске.

Ратмир вновь напряг ослабевшее было внимание.

[1] Wormhole — червячная дыра, чревоточина (*англ.*). Термин предложен в 1957 г. американским физиком Дж. А. Уилером.

Отдав положенную дань общеизвестным истинам, лектор наконец-то перешел к заявленной теме.

— Вообразите, что в обычном пространстве трех измерений **вырезаны** два одинаковых шара с радиусом R,— Эрик Ли коснулся левого рисунка.— Они отдалены друг от друга на расстояние L, значительно большее радиуса.

Борцов записал: $L > R$.

— Теперь подстегнем наше пространственное воображение и совместим границы обоих шаров. Попробуем изогнуть пространство так, что они как бы сольются воедино. В континууме, который возникнет при такой операции, любая частица, достигающая границы одной из сфер, мгновенно появляется из другой. Рисунок дает более наглядное представление об этой несколько непривычной для нас геометрии [1]. Здесь изображено двухмерное сечение образовавшегося пространства. Припомнив, что двумерным сечением шара является обычный круг, нам будет легче понять существо проделанной операции. Окружности S_A и S_B изображают граничные сферы. Во избежание скачков мы рассматриваем ситуацию, когда совмещение сфер осуществляется гладко и постепенно, с помощью изображенной здесь «Ручки». Такая геометрия с легкой руки великого Уилера получила название «червячной дыры». Для пущей наглядности будем, обращаясь к нашей схеме, иметь в виду, что движение условных частиц протекает вдоль двухмерной поверхности, а трехмерное пространство, куда вложена эта поверхность, играет чисто условную роль. Теперь представим себе, что возле каждой сферы стоит наблюдатель. Любой сигнал, посылаемый наблюдателем А и распространяющийся во внешнем пространстве, потребует определенного времени, прежде чем достигнет наблюдателя В... На втором рисунке изображено сечение той же «чревоточины». Ее топология сохранена. Нужно лишь помнить, что во внешнем пространстве действительное расстояние между А и В по-прежнему остается намного больше дистанции вдоль «ручки». Это понятно?— Ли обернулся к без-

---

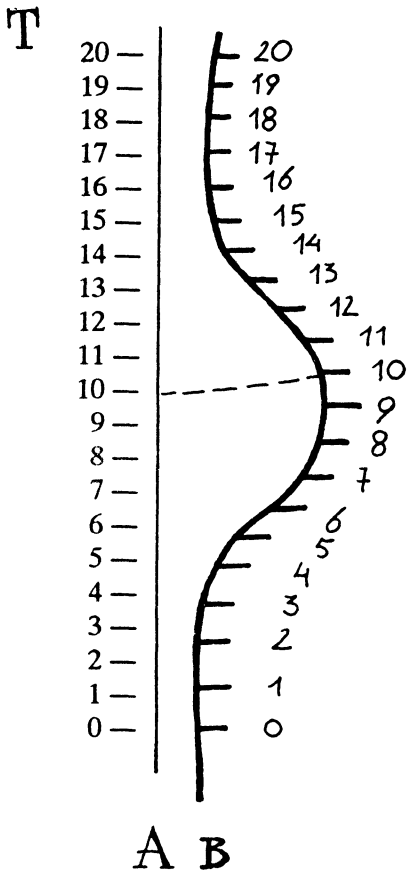
[1] Если тезисы Эрика Ли почему-либо покажутся трудными для понимания, хотя они и рассчитаны на широкую аудиторию, читатель может оставить их без внимания. Важен сам факт принципиальной возможности обсуждаемых явлений. (*Прим. изд.*)

молвно внимавшим слушателям и, видимо, успокоившись, начертал:

$$T > \frac{L}{C}$$

— T — время, L — расстояние между сферами A и B, которые, напомню, «вырезаны» в трехмерном пространстве, а потому мы станем называть их «устьями», C — скорость света,— продолжал он в прежнем темпе.— Однако в нашем, нетривиальном случае иной топологической структуры существует иная возможность передачи сигнала от A к B. Через «чревоточину»,— он умолк, давая возможность переварить уже сказанное.— Если длина «ручки» много меньше L, а именно такой вариант мы рассматриваем, сигнал придет гораздо скорее, чем за время T. Иначе говоря, если действительно существуют «червячные дыры», грезы фантастов могут претвориться в реальность. Путешествие **сквозь** пространство со скоростью, формально превышающей скорость света, возможно.

Перейдем теперь к проблеме «машины времени». Сама по себе возможность путешествия «сквозь» пространство не влечет нарушений причинно-следственных связей. На первый взгляд, кажется, что сигнал или частица, возвратившись в исходную точку после путешествия вдоль «чревоточины», попадут туда позднее, чем были испущены. На самом деле ситуация выглядит значительно сложнее. При определенных условиях «чревоточина» может превратиться в «машину времени». Воздействуя извне на каждое из «устьев», мы способны принудить их совершать произвольное движение. В результате дистанция между ними во внешнем пространстве изменится, тогда как внутренняя геометрия «ручки» не претерпит никаких изменений. Разберем конкретный случай такого движения. «Устье» A остается неподвижным, а B сначала ускоренно удаляется, а затем с тем же ускорением приближается к A, пока не достигнет исходной точки. Часы обоих наблюдателей регистрируют собственное время в точке наблюдения. Как будет происходить процесс синхронизации в подобной системе? Обратимся к третьей схеме,— Ли скачком баскетболиста, получившего пас, метнулся к краю доски, где было изображено нечто, напоминающее — по крайней мере так привиделось Борцову — торс Венеры палеолита:

— Показания часов А и В представлены в условных единицах,— пояснил Ли.— Это могут быть микросекунды, минуты, месяцы или световые годы. До начала движения во внешнем пространстве события, отвечающие одинаковым показаниям часов,— одновременны. После начала движения часы в точке, движущейся ускоренно, идут медленнее покоящихся. Это известный любому школьнику эйнштейновский «парадокс близнецов». К примеру, часы А после движения покажут двадцать условных единиц, а часы В — только десять. Однако мы получим совершенно иной результат, если сигнал распространяется через «ручку». Ведь в этом случае движение наблюдателей по отношению друг к другу

остается неизменным. Поэтому при синхронизации во внутреннем пространстве одновременными будут события, обладающие одинаковыми значениями собственного времени. При синхронизации же часов вдоль замкнутого контура, проходящего от A к B во внешнем пространстве, а затем через «ручку» от B к A во внутреннем, сигналы возвращаются в исходную точку A в момент времени,— по часам наблюдателя A — предшествующий исходному, то есть **до того**, как были испущены. Разница показаний начального и конечного времени, или лифт синхронизации, зависит от характера движения «устья» W и в принципе может быть сколь угодно большой. «Машина времени» возникает при таком движении, когда люфт становится больше отношения L к C. В этом случае световой сигнал, испущенный из A и B, прошедший затем «чреваточину» и вернувшийся в исходную точку, попадет туда **раньше** начала движения. Пространство-время подобных систем предполагает существование временны́х, вернее подобных временны́м, замкнутых линий. Граница такой области называется горизонтом Коши. Про подобный континуум говорят, что в нем имеется «машина времени». Именно это свойство рассматриваемой системы, приводящее, на первый взгляд, к многочисленным парадоксам, и привлекло к ней внимание исследователей.

Принципиальная возможность таких явлений в плоском пространстве вдоль специально подобранных световых лучей, проходящих вблизи искривленной металлической поверхности, была недавно продемонстрирована в Калифорнийском технологическом институте группой Торна. Новиков и Фролов из физического института в Москве убедительно доказали, что «машина времени» может образоваться и при круговом движении одного из «устьев» вокруг другого. Более того! Оказалось, что и движение, как таковое, не является обязательным условием. Эффект возникает просто в результате гравитационного взаимодействия «чреваточины» с окружающим веществом. Таковы исходные положения, послужившие теоретической основой экспериментальных исследований, проводимых в настоящее время в Силиконовой долине. По понятным соображениям, я вынужден воздержаться от конкретных деталей, тем более, что они требуют от аудитории специа-

льных знаний, главным образом инженерного характера. Присутствующие здесь коллеги-физики, насколько я догадываюсь, находятся в меньшинстве. Поэтому я не вижу смысла в обсуждении теоретических тонкостей. Надеюсь, мы сумеем преодолеть остающиеся разногласия в рабочем порядке. Обрисовав проблему в самых общих чертах, я попытался сделать акцент на тех ее аспектах, которые вызывают некоторое недопонимание, а иногда и бурный протест. Мне остается только надеяться, что я не напрасно злоупотребил вашим временем, джентльмены. Теория «червячных дыр» является естественным развитием релятивистских принципов и не бросает, как это порой кажется, вызова устоявшимся представлениям. Благодарю за внимание и оказанную мне честь.

— Перейдем к вопросам,— предложил Хейенрот.

Долгое время никто не решался нарушить молчание. Борцов подумал было, что присутствующие, а всего собралось человек тридцать, испытывали, как и он сам, глубочайшее потрясение. Вскоре выяснилось, что это не совсем так. Сенсационные заявления профессора Ли насчет движения через пространство со скоростью, превышающей световую, и путешествий во времени отнюдь не явились новостью для подавляющего большинства. Приглашенные по специальному списку лица принадлежали к сливкам делового истэблишмента и, в той или иной степени, были вовлечены в проект, способный не то что потрясти мир, но и перевернуть его вверх дном. Сделав упор именно на них, Эрик Ли рассчитал все с присущей математику точностью. Людям, не владеющим предметом, невозможно привить надлежащее понимание. Да и не нужно, если эти люди, доверившись авторитетным отзывам, уже вложили в предприятие силы и средства. Своим десятиминутным выступлением он надеялся слегка расковать опутанное стереотипами воображение, помочь преодолеть противоречия, о которые постоянно спотыкается здравый рассудок, когда теряет под собой почву формальной логики.

Ратмир всегда удивлялся легкости, с которой человечество адаптировалось к самым, казалось бы, невероятным свершениям. Атомная энергия, полеты в космос, двойная спираль ДНК, антивещество, высадка на Луне — все, вызвав короткий всплеск эмоций, воспри-

нималось как должное. Восторга и удивления хватало лишь на несколько дней. То, что вчера почиталось чистейшей фантастикой, досужей игрой изощренного ума, назавтра превращалось в обыденность, в рядовой элемент бытия, не способный пробудить возвышенное волнение, катарсис, очищающий нейроны мозга от утилитарной накипи.

Боги, боги! На что он потратил лучшие годы, бросая по существу в никуда перлы предвосхищений?

Вопросы, прозвучавшие после нескольких минут раздумья, понадобившегося лишь на то, чтобы подвести сиюминутный баланс, как нельзя лучше характеризовали образ мысли и интеллект массачусетской элиты.

— Я, как и вы, почитываю на досуге научную фантастику,— поднял руку рыжеусый здоровяк средних лет в блейзере с эмблемой яхт-клуба.— У меня даже есть книжка с автографом самого Айзека Азимова. Как производитель автоматических линий, могу с уверенностью утверждать, что три закона робототехники послужили надежной основой безопасности. С «машиной времени» такого не скажешь. Я понимаю, что до путешествия в прошлое еще далеко, если таковое вообще возможно, но, допустим, вам это удалось, профессор Ли. Каковы будут последствия даже одного-единственного сигнала? Вспомните бабочку Рея Бредбери. Вы уверены, что световой квант, направленный в прошлое, не ослепит какого-нибудь динозавра? Он с перепугу шарахнется, раздавит ничтожного муравья, а мы с вами очутимся в параллельном мире. Вы просчитывали такую возможность?

— Авторы научной фантастики, вы совершенно правы, ухитрились перебрать, кажется, все варианты последствий нарушения закона причинности. От самого тривиального, когда путешественник, встретив своего дедушку, убивает его, до встречи с самим собой, о чем повествует названный мной Борцов. Я прочитал его рассказ — не помню названия — лет в семь и долго размышлял, что может выйти из такого свидания. Ваше замечание по поводу светового кванта имеет под собой глубокую почву, хотя, полагаю, динозавры и муравьи тут ни при чем. Все значительно сложнее. Обычный парадокс в пространстве-времени с замкнутыми линиями имеет свою специфику. Представим себе, что по такой мировой линии движется объект, который, возвра-

щаясь в ту же пространственно-временную точку, взаимодействует сам с собой. Подобная ситуация заведомо противоречива, поскольку взаимодействие может или разрушить объект, или окажется не в состоянии воспрепятствовать его движению. Парадокс имманентно присущ ситуации, в которой следствие способно повлиять на породившую его причину, и возникают замкнутые циклы причинно-следственных связей. Решения уравнений Эйнштейна, описывающих появление замкнутых квазивременных линий, хорошо известны. Лучшее, на мой взгляд, принадлежит Геделю, который описывает вращающуюся Вселенную. Эйнштейн отмечал по этому поводу, что в таком случае различия между «раньше» и «позже» для мировых точек, удаленных друг от друга на большие расстояния, исчезают. Вместо этого появляются парадоксы, связанные с **направлением** причинной связи. Но это уже выходит за рамки конкретной физической теории. Я не берусь решать вечные вопросы философии. Отмечу лишь, что проблема причинности тесно связана с не менее дискуссионным вопросом свободы воли. Неразрешимых парадоксов, видимо, не избежать, заранее предполагая, что система, движущаяся по такой траектории, обладает возможность менять характеристики движения. Неважно, по чьей воле: собственной или случая. Ответ может быть получен только экспериментально.

— А риск?

— Любая попытка получить новую информацию связана с риском.

Вопреки первоначальным опасениям, Борцов обнаружил, что почти все понимает. Выступавшие, несмотря на приземленный практицизм, тоже оказались достаточно подготовленными. Промышленные магнаты Америки выгодно отличались от функционеров брежневской поры, хоть и проскальзывало то тут, то там до боли родное: «как бы чего не вышло».

— Степень риска известна? Хотя бы приблизительно? — спросил моложавый военный с двумя генеральскими звездами.

— Трудности, связанные с замкнутыми линиями, возникают, когда система обладает самодействием или ее отдельные части взаимодействуют между собой. На языке математики это описывается нелинейными уравнениями. Ваши соотечественники Фридман и Моррис

проанализировали рассеяние свободных электромагнитных волн на «чревоточине» после ее превращения в «машину времени» и пришли к выводу, что линейная теория не ведет к противоречиям. Риск незначителен.

— Что делать в случае появления нелинейности?

— Не знаю. Смотря по обстоятельствам. Практически для всех начальных условий существуют самосогласованные решения, не всегда, правда, единственные. По-видимому, из замкнутости линий времени вовсе не обязательно следует нарушение принципа причинности, ибо события уже самосогласованы. Все они влияют друг на друга по замкнутому циклу, но это, надо надеяться, не нарушает законов природы.

— Я так понимаю, от судьбы не уйдешь? — пряча улыбку в усы, проворчал пожилой джентльмен приятной наружности, в инвалидной коляске.

— Если и уйдешь, то наверняка встретишься с ней, завершив траекторию, мистер Фримэн.

— Скажите лучше, у края могилы. Спасибо, утешили.

— Мистер Ли,— обратился с церемонным поклоном китаец в смокинге,— на что вы рассчитываете, надеясь удержать процесс в рамках линейности?

— Спасибо за вопрос, мистер Ю Хуэй. В последней статье, написанной совместно с Торном и Новиковым, предлагается использовать принцип самосогласования в качестве общего. Для отбора решения в задачах с «машиной времени». Боясь разочаровать фантастов, которым столь многим обязан, должен все же сказать, что многие надежды, связанные с «машиной времени», едва ли оправдаются. Объект, прошедший через нее и вернувшийся в прошлое, уже не может, не нарушая физических законов, вести себя произвольно. Для системы со значительной нелинейностью, которая и в обычных условиях приводит к хаосу, результат скорее всего окажется отрицательным. При возникновении «машины времени» определяющее воздействие оказывают квантовые эффекты. Они-то и способны предотвратить ее образование. В худшем случае эксперимент просто не удастся, хотя мы и получим ценную информацию, правда, за очень большие деньги.

— Квантовые процессы могут принципиально изменить всю картину,— высказал свои опасения поджарый старик, вооруженный слуховым аппаратом.—

Стоит ввести в физический вакуум вещество или искривить пространство, характер нулевых колебаний существенно меняется. Мои парни проверили это в космосе, на спутнике «Инвестигейтор XIII».

Борцов подумал, что столь профессиональное замечание мог сделать только физик либо исключительно эрудированный босс какой-нибудь научно-промышленной фирмы. Его отношение к участникам обсуждения существенно изменилось в лучшую сторону.

— Совершенно согласен с вами, сэр! — живо откликнулся Эрик Ли.— Частоты нулевых флуктуаций резко смещаются. Возникает вполне наблюдаемая поляризация вакуума. Эффект Казимира — наиболее характерный пример. Однако положение далеко не столь безнадежно, как видится в первом приближении. В условиях, когда «чревоточина» превращается в «машину времени», всегда найдутся нулевые колебания, которые, проходя через «устье», как извлекают, так и теряют энергию. При усреднении полной компенсации противоположных процессов, однако, не происходит. Возникает отличный от нуля поток энергии-импульса, обусловленный поляризацией вакуума. С приближением к горизонту Коши все больше типов колебаний дают о себе знать. В результате эффект усиливается, а поток неограниченно растет. Поляризация вакуума выходит на передний план, меняя всю геометрию.

— Я удовлетворен,— безапелляционно заявил старикан со слуховым аппаратом, подводя тем самым итог прениям.— Считаю, что средства на установку затрачены не зря, каков бы ни был конечный результат. Дальнейшие действия предлагаю обсудить после предварительного эксперимента. Благодарю, профессор Ли, за содержательную дискуссию.

— Это я должен благодарить, мистер Лоуэлл. Признаюсь, что не надеялся встретить такое взаимопонимание и готовился к длительной схватке. Обычно люди практики поначалу встречают в штыки сугубо теоретические идеи.

— Вы уже задали нам трепку на первом заседании в Силиконовой долине,— добродушно буркнул ворчун в коляске, потирая укатанные пледом колени.— Так и надо.

Он напомнил Ратмиру деда по отцовской линии, убитого немцами в Керчи и знакомого только по выцветшей фотографии.

Хейенрот объявил встречу законченной.

— А вам ни о чем не хотелось спросить мистера Ли? — поинтересовался Джонсон.

— Не соберусь с мыслями,— озадаченно передернув плечами, уронил Борцов.

Он ощущал себя разбитым, выдохшимся и, вместе с тем, взбодренным, словно после лыжного пробега по сильно пересеченной местности. В голове было пусто, как на заснеженном, продуваемом ветрами поле. Противоречивые чувства, будоражившие все его существо, безъязыкой аморфной массой, заряженной грозовым электричеством, клубились где-то на самом дне.

АВЕНТИРА ДВАДЦАТАЯ

НОРТБРИДЖ, ШТАТ МАССАЧУСЕТС

Нортбридж по праву считался сердцем благословенной долины, где, вздуваясь на перекатах, грохочет река Черных камней. Он стал первым крупным поселением, положившим начало индустриальному развитию края и, тем самым, грядущей независимости Американских колоний от Британской метрополии. В 1729 году здесь выплавили первую сталь. Не нуждаясь в заморском импорте, нортбриджцы сами обжигали горшки, делали топоры и лопаты, ткали превосходную шерсть и собирали с акра земли втрое больше зерна, чем в Англии.

Завод лабораторного оборудования, куда вертолет, не пробыв в воздухе и четверти часа, доставил профессора Вейдена и Долорес, находился в нескольких милях от города. Расположенный на левом берегу реки, вблизи озера Вест Хилл, он был временно отрезан разливом от обеих дорог — 122 и 140, связывающих с Уорчестером. Наводнение, вызванное обильными ливнями, шло на убыль и движение по частной магистрали Нортбридж—Эптон могло возобновиться в считанные часы. Однако Джонсон, предпочитая не рисковать, нанял четырехместный геликоптер, принадлежавший городскому клубу любителей парашютного спорта.

Долорес не терпелось взглянуть на изготовленную по ее заказу резонансную установку. Собственно, аналогичный комплекс она видела в «Октоподе», но ее не

совсем устраивало компьютерное обеспечение. Обнаруживаемые в плазме крови ничтожные следы медиаторов не удавалось с достаточной достоверностью сопоставить с их концентрацией в мозговых структурах.

Профессор Вейден, в свою очередь, предложил скоррелировать биохимию с характером электромагнитных волн. Для этого требовалось соединить выходные блоки анализатора и энцефалографа через компьютер, замкнув их обратной связью. Идея показалась настолько заманчивой, что они решили обсудить ее совместно с конструкторами и программистами нортбриджского завода.

Профессор, не сводивший с мексиканки глаз с той самой минуты, как увидел ее в конференц-зале, взялся организовать поездку. Робкие ухаживания маститого ученого, которому давно перевалило за шестьдесят, льстили и одновременно немного смешили Долорес. Впрочем, она была настолько уверена в себе, что согласилась без колебаний. И не пожалела об этом. Тайное обожание Рогира ван Вейдена проявлялось исключительно в комплиментах, несколько велеречивых и старомодных, да в постоянной готовности услужить.

— Я бы порекомендовал, милая Долорес, не очень спешить,— взволновался он, когда вертолет приземлился посреди залитого водой луга.— Ваши прелестные туфельки совершенно не подходят для предстоящей прогулки,— он и сам не решался спрыгнуть в расстилавшееся до горизонта травяное болото, взбаламученное бешеным вращением лопастей. До заводских корпусов было ярдов двести, не меньше.

— Что же нам делать?— скрывая улыбку, спросила Долорес.

— Я позвоню Кацу,— он огляделся, ища телефон.— Пусть пришлют катер или, на худой конец, резиновые сапоги.

Звонить, однако, не пришлось. Из ворот уже выезжал вездеход, вздымая веером буруны, как заправская моторная лодка. Шутка оказалась не столь уж далека от истины.

Осмотр оборудования занял около двух часов. Пообещав выполнить пожелания заказчиков, в основном незначительные, Клифорд Кац, директор и фактический владелец завода, предложил продолжить разговор за чашкой кофе.

— Мы усилим мощность охлаждающего устройства, леди,— пообещал он Долорес,— как того требуют климатические условия Мексики. Это пустяки! А насчет компьютера придется поломать голову. Нам поставляют их в готовом виде прямо из Дугласа. Не думаю, что у них возникнут проблемы, если мы будем точно знать, чего хотим.

— Мы с миссис Монтекусома Альба как будто знаем,— деликатно заметил Вейден.

— Не худо бы и мне хорошенько разобраться,— Кац озабоченно почесал затылок.— Даже не столько мне, сколько моим ребятам. Признаюсь, что ваше предложение, наверняка исключительно ценное в смысле науки, превышает мой уровень компетенции. Мы впервые сталкиваемся с подобными требованиями, тем более, когда работа практически закончена. Я даже не могу сказать, во сколько вам обойдется переделка.

— Заказ будет оплачен сполна сегодня же,— заверил Вейден,— а экстренные расходы нас не смущают. При том, однако, условии, что сроки поставки останутся прежними.

— Попробуем выкрутиться,— без видимой охоты согласился Кац. Ради выгодных клиентов приходилось брать на себя лишние хлопоты.— Вы не возражаете, если я приглашу наших инженеров? Колосовского — он собаку съел на электронике, и Сантоса. На всякий случай, я попросил их быть на месте. Не знал, что леди так хорошо говорит по-английски,— добавил он и, словно бы извиняясь, пояснил: — Родриго Сантос родом из Мексики. Как переводчик он, понятно, не нужен, но думаю, все равно будет приятно.

— Несомненно, мистер Кац,— заверила Долорес.— Вы очень предусмотрительны и любезны.

На столе для заседаний стояли фаянсовые кружки, термостатический кофейник и несколько больших тарелок с воздушной кукурузой и солеными крекерами. Колосовский и Сантос не заставили себя долго ждать.

— Насколько я понимаю,— пригубив чашку, начал Кац,— наши заказчики выразили пожелание подключить к аналитической установке электроэнцефалограф. Почему бы нет? Технически задача вполне выполнимая. По крайней мере я себе так представляю. Мы, правда, энцефалографы не производим, но всевозмо-

жной записывающей аппаратуры наклепали достаточно, чтобы не ударить лицом в грязь, верно, Збышек?

— Надо только знать волновые параметры,— кивнул Колосовский.

— Вот с них и давайте начнем,— предложил директор, играя большими пальцами сцепленных рук.— Всегда легче идти от простого к сложному.

— Джентльменам приходилось иметь дело с энцефалографией? — спросил профессор.

— По счастью, нет,— на лице Колосовского промелькнула улыбка.— С детектором лжи — тоже.

— Вы совершенно правы, прибор представляет собой обычный полиграф. Для его прямого ввода вам действительно необходимы частотные характеристики. Диапазон колебаний сравнительно небольшой: от тридцати до десятых долей в секунду. Подробную характеристику я могу дать, не сходя с места, но, ценя ваше время, пришлю по факсу. Итак, будем считать, что первый шаг сделан. Что вас интересует еще?

— Я знаю? — Кац еще быстрее завертел пальцами.— Давайте сперва разберемся, как увязать это с химией. Мы опробовали все вещества-свидетели, согласно вашему перечню. Машина работает безукоризненно? Жалоб нет?

— Ни жалоб, ни претензий,— заверил Вейден.— А как увязать, я тоже не знаю.

— Так объясните хотя бы, что вам нужно? Чего вы хотите?! — темпераментный коротышка-директор все повышал и повышал голос.

Долорес удивленно взглянула на Вейдена. Профессор успокаивающе опустил веки. Он уже имел дело с Кацем, который начинал волноваться, когда чего-то недопонимал, доходя до крика и бурной жестикуляции.

— Мистер Кац, давайте подумаем вместе. С вашего позволения, я попробую обрисовать суть стоящей перед нами проблемы. Ничего, если мне потребуется сделать для этого небольшой экскурс, скажем, в физиологию? Или в этологию, изучающую поведение животных?

— Сделайте одолжение! Я только того и жду, что мне, наконец, объяснят.

— Вот и прекрасно... Джентльмены, надеюсь, имеют представление о таких вещах, как центр удово-

льствия? Центр агрессии? Я имею в виду локальные области мозга.

— Говорите, говорите! — разъединив пальцы, замахал руками Кац, что свидетельствовало о крайней степени возбуждения.

— На крысах, в частности, был поставлен следующий опыт.— Вейден правильно воспринял тревожный симптом.— В мозг была введена тонкая проволочка, к которой подключили источник слабого тока. Раздражая, таким манером, центр удовольствия, крысу приучили саму нажимать рычаг, замыкающий электрическую цепь. И что вы думаете? Она только тем и занималась, что давила на соответствующую педаль. Забыв про пищу, секс и прочие приятные вещи, несчастная крыса упивалась током, словно наркотиком. Однако, когда начали раздражать проволочку, вживленную в центр агрессии, поведение резко изменилось. Животное, не ведая страха, бросалось не только на ближайших сородичей, но даже на кошку. В нем пробудился инстинкт убийства ради убийства, что скорее характерно для людей и редко встречается в животном мире. Возвращение к первоначальному состоянию наступало так же мгновенно. Крыса успокаивалась, как только отключали ток. Таково действие электрического сигнала. Могу я перейти к химии?

— Интересно,— одобрил Кац и занялся привычной игрой, то по часовой стрелке, то против.— Рассказывайте, рассказывайте...

— Мозг млекопитающих, в том числе человека, вырабатывает множество органических веществ различных классов. Почти все они были опробованы на ваших установках, зарекомендовавших себя лучшими в мире. Думаю, нет нужды в подробном перечислении...

— Лизины-вазопрессины, эндорфины-«шмендорфины»! — довольно закивал Кац.— До сих пор голова кругом идет. Попробуй поймать одну молекулу на десять миллионов! Ничего — научились...

— Чтобы нервная клетка передала приказ другим структурам организма, требуется медиатор — посредник. Среди множества нейропептидов упомяну открытый недавно пептид сна. Как и биотоки, идущие от спящего мозга, он получил название «дельта». Стоит ввести его животному — одну миллионную грамма на килограмм веса, мистер Кац,— и оно погру-

жается в глубокий сон. Нам очень важно сравнить волны, спровоцированные лекарством, с естественным сном. Это всего только пример, одна задача из множества. Цель, надеюсь, ясна?

— Что-то проясняется, но вы рассказывайте, профессор,— оставив пальцы в покое, Кац умиротворенно оттопырил нижнюю губу.

— Другой медиатор, очень кстати названный вами лизин-вазопрессин, напротив, вызывает активность мозга. Он ускоряет запоминание, облегчает обучение, что, конечно же, сказывается на характере волн. Возьмем для пущей ясности биогенные амины, участвующие в передаче возбуждения от одних нейронов к другим. Наиболее характерную пару: норадреналин, который, как вы помните, мистер Кац, характеризуется зеленой флюоресценцией, и серотонин — желтой. В механизме эмоций оба играют важную роль. Если разрушить центры, вырабатывающие серотонин, крыса впадает в безудержную агрессию, точь-в-точь как при стимуляции соответствующего центра. Норадреналин оказывает успокаивающее действие. Происходит удивительное. Если исключен серотонин, то у животных не вырабатывается рефлекс на пищу, на положительные эмоции вообще, а отрицательные продолжают действовать. Когда же был выключен норадреналин, крысы никак не могли научиться избегать ударов током. Показательно, что выделенные агенты оказались универсальными для всех видов высших животных.

— Сначала крысы, потом начнут манипулировать людьми. Психологическое оружие,— задумчиво произнес Збигнев Колосовский, блеснув холодной голубизной красиво очерченных глаз.

— Зачем манипулировать?— возразил Сантос.— Лечить. Что может быть страшнее потери памяти? Сумасшествия?

— Возможно, ваше умонастроение вызвано недостатком серотонина, мистер Колосовский?— улыбнулась Долорес. Ей нравились интересные мужчины. Рядом с золотоволосым и рослым Колосовским маленький смуглый Сантос казался африканским пигмеем.— А у вас, по-моему, идеальный баланс, amigo,— пожалела она соотечественника.

— Центр удовольствия — надо же,— Колосовский недобро ухмыльнулся.— Пустили ток, и ты — нарко-

ман, без всякого крэга, сделали укол — идиот. Вы хоть задумывались, куда это нас всех приведет?

— Эндорфины, которые, кажется, также назвал мистер Кац, в тысячи раз превосходят любой наркотик,— возразила Долорес.— Но они продуцируются самим мозгом. Вот, что важно! Конечно, действием тока можно вызвать те же реакции, что и введением препарата. Но ведь это открывает совершенно новый путь познания. В чем вы усматриваете порок?

— Что скажешь, Збышек?— спросил Кац, возвращаясь в обычное состояние озабоченной деловитости.

— Задача в общем и целом понятна. Бей током или трави химией — мозг отвечает одинаково. Надо скоррелировать частоты. Я правильно понимаю, мадам?— дрогнув пренебрежительной улыбкой, Колосовский обвел Долорес откровенно оценивающим взглядом.— Или что-то не так?

— Безусловно, не так,— вспыхнула она, но сдержалась и постаралась объяснить как можно спокойнее.— Скоррелировать частоты, безусловно, необходимо, но вовсе не обязательно зацикливаться в экстремальных случаях, когда **травят** и **бьют**. Надеюсь, до этого не дойдет. Во всяком случае в моей лаборатории. Но вы, мистер Колосовский, берете только одну сторону проблемы: вмешательство извне. Не стоит забывать, что мозг сам по себе вырабатывает как электрические волны, так и биогенные вещества. При любой корреляции необходимо учитывать эту спонтанную доминанту. Реакция на внешнее воздействие никак не должна смазать проявления естественной деятельности мозга.

— Придется продублировать системой обратных связей,— подумав, сказал Колосовский.

— Вот теперь все **так**. Вы на верном пути... Сможете сделать?

— Попробую, мадам. Отчего же нет?

— Я знал, что мы сумеем договориться,— медоточивым голосом промолвил Вейден.

— Умные люди всегда находят общий язык,— охотно подтвердил Кац.— А на Збышека не обижайтесь. Золотая голова у парня.

Глядя из кабины вертолета на проплывающие в вечерней дымке леса, нагромождения скальных плит,

мрачно проглядывающие в прогалах между ветвями, на которых пламенели подожженные осенью листья, Долорес вспоминала Ратмира Борцова. Его сосредоточенный, обращенный внутрь взгляд, приветливую немногословность и поразительное умение слушать. Пожалуй, последнее особенно привлекало. Казалось, такому, как он, можно доверить самое сокровенное, без стеснения вывернуть себя наизнанку, ни на минуту не усомнившись, что тебя понимают. Редкие, но всегда точные реплики, иногда парадоксальные, близкие к афоризмам, намекали на нечто большее, чем просто понимание. В них звучало и сочувствие, и чуждая всякой корысти готовность разделить боль с первым встречным. И еще казалось Долорес, что особая интонация голоса, которую она улавливала, предназначалась именно ей. Она проявлялась не сразу, но всегда в ее, Долорес, присутствии. Проникновенная нота сопровождалась просветленностью глаз. Казалось, он пробуждался от долгого сна и, не узнавая окружающего, вспоминал нечто такое, о чем она только догадывалась, но таинственно связанное с ними обоими. И вспомнив внезапно, озарялся проникновенным светом, невидимым со стороны. Это вызывало ответный прилив, переполнявший грудь волнующим ожиданием. Но чего? Она не доискивалась ответа. Слушая его выступление в университете Кларка, Долорес почувствовала, как подступают слезы.

Рамиро — с первой же встречи она звала его только так, внутренне содрогаясь, когда Джонсон говорил «Тим» или «Ратмир Александрович»,— выстраивал речь короткими, не всегда правильными фразами, пропуская артикли и путая времена. Но, как ни странно, его понимали. И она — лучше всех, ибо улавливала недосказанное, ощущала, почти осязаемо, как за словесным каркасом трепещет и бьется крылатая мысль. Вынужденная обедненность лексикона не могла скрыть неподражаемой смелости и блеска. Птица прорывалась на волю из тесных тенет.

Впрочем, час от часу он говорил все лучше и лучше, восполняя недостаток практики широтой познаний. Не находя подходящего английского слова, ничтоже сумняшеся, обращался к латыни или с улыбкой смущения пробовал, зачастую не слишком удачно, произнести нечто эквивалентное на французский манер. Испанский,

на удивление, давался ему много легче, и это особенно радовало ее.

Долорес не переставала дивиться себе. Они не виделись каких-то несколько часов, а она, похоже, успела соскучиться. Невероятно!

— Кажется, мы подлетаем,— профессор указал на прямоугольную башню с зубцами, смутно белевшую на фоне гаснувших облаков.

Проносясь под косым углом над улицами и развязками автострад, вертолет медленно приближался к аббатству.

— Как называется городок?— спросила Долорес.

— Сожалею,— профессор развел руками,— но мне это не известно, мой друг.

— Спенсер,— ответил пилот.

В густой синьке, заливавшей расчерченное на квадраты пространство, все казалось немного не настоящим: крыши, подсвеченные бассейны, лужайки, мертвенный свет уличных фонарей.

Окна траппистского монастыря, выстроенного на вершине горы, еще играли отблесками зари. Долорес показалось, что она различает сквозь грохот мотора протяжный гул церковного колокола.

— Мистер Джонсон не католик?— спросила она.

— Вейсби [1],— покачал головой Вейден.

— Извините, но я вынужден сесть у подножья,— сказал пилот.— Вам придется подняться самим.

— Ничего,— кивнула Долорес.

— С благополучным прибытием,— помогая выйти, галантно подал руку Вейден.— Однако высоковато!

Настоятель, высокий и моложавый, чуточку сутулый, встретил их у ворот. В черной сутане с белым стоячим воротничком он напоминал Долорес отца Игнасио, обвенчавшего ее с Альберто-Яго в соборной церкви Святого Маркоса в Тустла Гутьересе. Присев и приложившись губами к руке аббата, она невольно обратила внимание на мозоль у первой фаланги среднего пальца, что обычно для человека, которому приходится много писать. Отец Игнасио тоже был великим тружеником. Три толстенных тома «Насекомые Мексики» с авторским посвящением стояли на самом видном месте в гостиной родовой гасиенды.

[1] Аббревиатура: белый, англо-сакс, баптист (*англ.*).

Джонсона они повстречали на полпути к гостевому флигелю.

— Прошу прощения,— он виновато улыбнулся,— как-то не подумал, что монастырский двор не совсем подходящее место для приземления. Не слишком устали?

— Пустяки,— маскируя одышку, потупился Вейден,— ничего особенного.

— Мистер Борцов просил передать привет,— вскользь заметил Джонсон, увидев или почувствовав ищущий взгляд Альбы,— у него немного разболелась голова, и он остался в Уорчестере.

АВЕНТИРА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

УОРЧЕСТЕР, ШТАТ МАССАЧУСЕТС

НЕ УПУСТИТЕ СЧАСТЛИВЫЙ ШАНС

1.	Обладаете ли очарованием, удачливостью?	x
2.	Имели ли Вы видения прошлых жизней, чувствовали ли когда-нибудь, что с Вами это уже было?	
3.	Верите ли в силу Вашего желания?	x
4.	Являетесь ли ярко выраженной магической личностью?	x
5.	Имели ли опыт прямого использования Вашей силы? (Например, смогли заставить кого-нибудь сказать или сделать то, что Вам хотелось.)	x
6.	Верите ли в слова, наделенные мощью?	x
7.	Верите ли в силу внушения?	x
8.	Тянуло ли Вас к оккультным наукам (возможно, ощущение жгучей привлекательности этого)?	x
9.	Как Вы заразились интересом к оккультизму? Самостоятельно или под чьим-то влиянием	x
10.	Волшебство — древняя религия земли. Цените ли Вы это?	x
11.	Ощущаете ли произведенный Вами эффект?	x
12.	«Суеверны» ли Вы в таких вещах и умеете ли управлять ими?	x
13.	Привлекает ли Вас использование трав для приготовления пищи и лекарств древней медицины?	x
14.	Оказывают ли на Вас воздействие определенные места?	x
15.	Волшебники совершают ритуальные действия голыми. Чувствуете ли Вы себя достаточно естественно и удобно без одежды?	

16. Верите ли Вы в перерождение?
17. Есть ли у Вас тайное имя, которым зовете себя?
18. Хотите иметь его?
19. Говорите ли Вы с растениями, с Вашей кошкой и собакой и верите ли в то, что они и прочие вещи в Вашем доме обладают личностью, индивидуальностью? x
20. Бывают ли у Вас вещие сны? x
21. Верите ли в группу людей, могущих совместно концентрировать мощь психических сил? x
22. Хотите, чтобы другие относились к Вам как к волшебнику? x

Подпишитесь именем, которое Вы выберете для общения с единомышленниками
Даты не ставить!

Знаки четырех стихий очертили углы.

Вопросы, а было их 22, были составлены толково. Как знаток предмета, Ратмир отдал должное адептам Искусства, обосновавшимся в графстве Уорчестер. По внезапному наитию, словно кто-то толкнул под локоть, он подписался именем, что пришло во сне: ЭЛИГОР, двенадцатый офицер императорской свиты.

Как и предрекал Джонсон, карнавал привлек немногих участников — одиноких женщин, по большей части элегантного возраста. Не считая самих вичи, легко различимых по красной подвязке на левой ноге и магическим знакам, собралось меньше сотни.

Обстановка до смешного напоминала толкучку в Измайловском парке. Вдоль длинной аллеи, в конце которой виднелась открытая эстрада, где, вероятно, ожидалось представление, расположились торговцы всякой всячиной. Кто сидел за раскладным столиком, кто, разложив свой товар на клеенке, переминался с ноги на ногу. Длинноволосый парень с повязкой на лбу, разрисованной зодиакальными символами, самозабвенно водил смычком. Узнав знакомую мелодию — «Пляски смерти» Сен-Сенса — Борцов бросил квотер в пустой футляр, где лежала долларовая бумажка и немного мелочи.

Художники, расположившись на траве, демонстри-

ровали обрамленные, сверкающие свежим лаком холсты. Сюжеты тоже были знакомые: голые бабы, фантастические чудовища, супермены с бластерами, инопланетяне, исчадия ада. Уровень мастерства соответствовал арбатскому. Благообразная дама в розовом парике специализировалась на растениях: семена лотоса, головки мака, бледные, как заспиртованные зародыши, корни женьшеня. От пакетиков с сушеными травами исходил стойкий аптечный дух.

Ратмир с интересом разглядывал этикетки. Горечь полыни он вынес из самого раннего детства, а в пионерском лагере, откуда сбежал за два дня до конца смены, его прозвали «Ботаником». Гелиотроп — цветок Солнца, лунный ирис, вербена Венеры, посвященная Юпитеру мята... Еще не зная Блока, он возлюбил «вечность болот»: осоки, мшистые кочки с плотоядной росянкой, кружащий голову дурман багульника и кассандры. Влекомый голосом крови, лез с рюкзаком за плечами в самую трясину, не страшась ни чарусы, ни мари, ни окон, откуда и зверь не выберется. Какие приметы подсказывали дорогу, какая сила выводила на верный путь?

Тринадцатый параграф анкеты Борцов отметил с абсолютной уверенностью. Ничто из арсенала ведьм не **привлекало** его так магнетически властно, как запахи специй и лекарственных трав. Положа руку на сердце, крестик можно было поставить в каждой графе, за одним-единственным исключением. Вопрос под номером 15 лишал самозванного Элигора надежды заделаться стопроцентным волшебником: Ратмир стеснялся своей наготы даже в самые интимные моменты. Не страдая пуританскими комплексами, он воспринял игру в колдовство как не слишком забавную, но поучительную шутку, из которой не грех извлечь полезные сведения. Одно дело — читать про подобные экзерсисы, другое — увидеть воочию. Собирая крупицы забытой мудрости, он охотился за истинными наследниками древней религии Земли: племенными шаманами, деревенскими знахарями, отшельниками, но весьма иронически относился к полуграмотным неофитам, паразитировавшим на могучем стволе европейского рационализма. Доморощенные российские скоморохи, учинившие свистопляску на обломках империи, внушали омерзение. Как и во времена Веймарской республики, на питательном бульоне оккультизма разрастался нацистский штамм.

Зараженная мертвечиной почва изрыгала пузыри зловонного газа и алкала новой крови. «Полюби эту вечность болот» — пришла на ум блоковская строка. «Это были пузыри земли» — боготворимый Борцовым поэт взял к своей третьей книге стихов эпиграф из «Макбета». Что провиделось ему, одержимому мистическими предчувствиями? Гнилая атмосфера, воцарившаяся в стране после Пятого года, тоже была во многом схожа с нынешней.

> Мы — дети страшных лет России —
> Забыть не в силах ничего.

Пути не помним своего... «Балаганчик»,— подумал он, вступив под сень деревьев, увитых гирляндами лампочек, и тут же спохватился, что и это от Блока.

Последний российский гений умер не от голода и не от болезни. Он умер потому, что не хотел больше жить.

Борцов купил пакет можжевельника. Благоухание хвои вызвало в памяти дни, проведенные в монастыре Гандан. Раздачу можжевельника прихожанам, кормление птиц, вынос мандалы, первую встречу с далай-ламой.

Наткнувшись на урну, куда следовало опустить опросный листок, сунул в щель вчетверо сложенную бумажку.

Крестики, полумесяцы, звезды Давида, египетский анх и буддийское колесо — священные эмблемы живых и мертвых религий — встречались на каждом шагу в немыслимом изобилии. Браслеты, брошки, серьги, кулоны, цепочки — чего только не было на лотках. Немытый парень в джинсах-варенках с тонким знанием ремесла торговал минералами. Шлифованные камни и необработанные кристаллы, особо заряженные мощью древней стихии Земли, были разложены точно по зодиаку и месяцам. Горный хрусталь хранился в мешочках из черной замши. Желающий обрести астральное ви́дение должен был носить кристалл на себе, подзаряжая его собственным излучением. Синий с золотистыми блестками авантюрин, прекрасный, как звездное небо, сулил веселье и бодрость духа, опалесцирующий адуляр — лунный камень — навевал нежные сны. Зато играющие радужным семицветьем опалы не обещали опрометчивому покупателю ничего хорошего. Обман-

чивые надежды, меланхолия и даже тяга к самоубийству подстерегали чуть ли не каждого. Только рожденный под знаком Весов, а Ратмир появился на свет именно в октябре, мог носить переливчатый камень.

В рекомендательных таблицах, сопровождавших минералогическую экспозицию, дурных предзнаменований, однако, не значилось. Перечислялись только благоприятные. Нефрит, особенно белый, столь любимый китайцами, защищал от почечной колики и удара ножом, золотистый топаз обещал просветление, одновременно оберегая от дурного глаза и одержимости, а кровавик предназначался исключительно чернокнижникам. Едва ли какой-нибудь заклинатель средневековья дерзал вызывать духов, не имея на пальце такого кабошона. Этим камнем, цвета голубиной крови, вычерчивали магические круги, а заодно врачевали нарывы, половое бессилие и недержание мочи.

Кашпировский об этом, конечно, не знал, а знаток теургии Борцов с наслаждением рылся в кучах аметистов и бирюзы, любовно оглаживал шлифы агатов, перебирал бусы из коралла, африканского малахита и тигрового глаза. Золотистый пирит, колчедан, изумрудный демантоид — чего тут только не было! Вулканические бомбы, марганцевые конкреции из океанских глубин, окаменелости: черные аммониты, высоко ценимые вишнуитами, известковые глыбы с отпечатками вымерших рыб, трилобиты — похожие на наконечники копий «чертовы пальцы».

На столе, где лежали карты тарота всех типов — от цыганского до колоды а-ля мадемуазель Ленорман, что гадала Наполеону и Жозефине,— Ратмиру приглянулся хрустальный шар на подставке из трех позолоченных единорогов. Удержавшись от соблазна приобрести сувенир, незаменимый в кристалломантике, он перекочевал к продавцам нумизматических редкостей и оберегов. Не в пример трещотке гремучей змеи или заячьей лапке, цена на монеты доходила до нескольких тысяч. Самой дорогой оказалась тетрадрахма Константина Багрянородного, а нобль, якобы золотой и якобы отчеканенный алхимиком Луллием, шел всего за три сотни. Негр в леопардовой шапочке предлагал рога антилопы, бронзовые фигурки в различных позах совокупления и браслеты из поддельной слоновой кости; сикх в голубой чалме, плавая в дыму сандаловых

курений, терзал одуревшую кобру, которая, не желая плясать под дудку, норовила укрыться в корзине. У змеи были вырезаны ядовитые железы и она многое повидала на долгом веку. Зубы дракона, отравленные ядом неистребимой ненависти, валялись в ящиках из-под пива. Стиснув зубы, Борцов взирал на зловещий хлам третьего рейха. Ассортимент впечатлял: железные кресты, бумажные рейхсмарки, пфенниги из алюминия цвета пепла, содранная с фуражки эсэсовца «мертвая голова». Сваленные в груду, валялись респираторы, фляги, планшеты, черные каски с молнией рун. Кинжальные штыки и ножи Гитлерюгенд были выложены поверх скатанного плаща медицинской сестры, генеральский кортик в серебряных ножнах, вместе с бляхой полевой жандармерии, висел на ближайшей ветке. Владелец всего этого добра курил трубку, сидя на раздвижном стульчике. «Не хватает только банки с «Циклоном В»,— подумал Борцов.

Казалось, что горечь цианида разлита в воздухе.

Не останавливаясь возле ворожей и гадалок, он свернул на боковую аллею, где не горели елочные гирлянды, отпугивая восставших из безымянных могил мертвецов. Отданная им ночь, единственная в году, и та была испоганена нацистской мерзостью.

Сквозь путаницу ветвей холодно и отрешенно светила гипсовая Луна. И лунный заяц, которого углядели на ней астрономы китайского императора, толок и толок в ступе воду бессмертья, пятная причудливой тенью безжизненный лик.

Двуалмазный и ярко блестящий
Астарты изогнутый рог

«Где могила **моей** Улялюм?» — стихи Эдгара По отдались незалеченной болью. Шариками ртути дрожали капли на листьях. Легкий ветерок дохнул кладбищенской прелью.

Ратмир вздрогнул, когда кто-то схватил его сзади. Резко обернувшись, он увидел бледное, словно обсыпанное мукой лицо. Лишенное туловища, оно, как воздушный шарик на нитке, покачиваясь во мраке, подмигивая и корча рожи. И только рука, вцепившаяся в плечо, вырисовывалась на фоне тронутых ртутной слизью деревьев.

— Тебя ждут, Элигор,— прогнусавила рожа.

Оправившись от испуга, Борцов разглядел вертлявую фигуру, с головы до ног затянутую в трико, черное, невидимое в ночи. Вылитый оперный Мефистофель.

— Следуй за мной.

— Уж не в ад ли, посланец тьмы? — принужденно рассмеялся Ратмир и тут до него дошло, что его анкету прочитали, и имя серванта-люцифери та закрепилось за ним на эту, чреватую метаморфозами, ночь.

Экстрасистолия дала знать о себе коротким удушьем. На мгновение обескровленный мозг отозвался словом, безмолвно выплывшим из глубин, как фа-диез в «Ad profundis», и слово это было: «Исида».

Вот я перед тобою, Луций, твоими тронутая мольбами...

Продираясь сквозь кусты, Ратмир поспешал за своим провожатым, то и дело теряя его из виду. Монолог из «Золотого осла», привязавшийся так некстати, отдавался в груди аритмичным уханьем, словно это ему, а не луциеву спутнику, мегарские ведьмы вложили губку заместо сердца. Он знал, до чего может довести воображение, и постарался успокоить себя. Бремя и благодать писательской доли — литературные реминисценции — всегда выручали его в трудную минуту. Прислонившись спиной к стволу, он плюнул на шута в черном и сделал несколько вдохов, глубоких и протяжных, как того требует йога, и таких же выдохов через нос, сообразуясь с пульсом и напрягая мышцы живота.

Влажный запах опавшей листвы целительным бальзамом наполнил легкие. Треск ломаемых веток доносился все глуше, а сердечный ритм понемногу входил в режим. Оставшись в одиночестве, Борцов огляделся.

Кружево паутины мерцало под звездами Скорпиона, представшими в непривычном ракурсе. Судя по долетавшим с эстрады звукам тяжелого рока, главная аллея должна была находиться где-то справа, но заросли орешника и веера папоротников скрывали стежки-дорожки, и без того обманчивые в неистовстве полнолуния. Взыгравший вновь ветерок донес сладковатый дым сжигаемых листьев и дальние проблески подсказали, что где-то пылает костер. Стараясь не споткнуться о выпиравшие корни, Ратмир потащился на свет. Вскоре, не претерпев особых передряг, он выбрался на небо-

льшую поляну, со всех сторон окруженную ровно обрезанными кустами шиповника.

Четыре костра, разложенные крестом, наполняли ее полыхающим жаром. Взглянув на часы — до полуночи оставалось больше часа,— он по Луне определил страны света. Огни, жадно пожиравшие аккуратно уложенные поленницы, были точно сориентированы в пространстве. В середине поляны, на образцово выстриженном газоне, лежал магический круг, составленный из фанерных дужек. Как и положено, покрывавшая их черная краска была окаймлена белыми линиями. Четыре имени Бога, разделенные магическими звездами, так же контрастно блистали цинковыми белилами. Перед баскетной стеной стоял каменный жертвенник, тоже раскрашенный на манер придорожного столбика: на черной полоске выделялись белые письмена, на белой — черный знак «Лунных Четвертей»:

На срезанной траве внутри круга лежал коврик из красной синтетики. Латунные кубки чаши, выстроившиеся на жертвенной плите, горели в бликах огня самоварным огнем. Над ними нависала подвешенная к кустам козлиная маска с пентаграммой во лбу и свечой на темени. Казалось, что сам Люцифер-Бафомет высунулся из чащи, привлеченный даровой выпивкой. Борцову ли было не знать, что в кубках наверняка налито вино?

Больше ничего примечательного не было на поляне. До начала осенней церемонии, именуемой «освящением», оставались считанные минуты. Записная книжка и карандаш помогли скоротать ожидание.

Внезапно умолк дальний грохот «тяжелого металла», приглушавший гул пламени и потрескивание угольев. Ратмир понял, что карнавал «внешнего круга» закончился и вот-вот начнется шабаш посвященных. Не слишком уверенный в том, что приглашение, переданное кривлякой в трико, дозволяет ему остаться, он было собрался сделать ноги, но тут грянула, усиленная мегафоном, сатанинская музыка, а вместе с ней то ли

песня, то ли мелодекламация в исполнении колоратурного сопрано:

— Желание, желание, любовь,— неслось в ночи.— Один закон — желание, любовь. Один источник духа на Земле. Он бьет из недр, мой животворный клюэ-у-уч...

— Экстаз! Экстаз! Экстаз! Экстаз! — речитативом подвывал хор.

— Запретов нет: желай, люби, желай-ай-ай,— вновь заголосила колоратура.

— Экстазу духа нет и нет границ! — подтвердил хор.

— Испей меня, и ты увидишь дверь, и юность распахнется пред тобой-ой-ой...

— Войди! Войди! Войди! Покровы сбрось!

— И тайна здесь откроется тебе-е-е...,— голос был поставлен профессионально.

— Экстаз! Экстаз! Экстаз! Экстаз!

— И чаша жизни вспенится вином-о-о-м...

— Испей! Испей! Испей! Испей!

— Волшебный кладезь мой, мой животворный клю-у-уч...

— Целуй! Целуй! Целуй! Целуй!

— И розы лепестки целуй, целу-у-уй, Грааль священный здесь, возьми, возьми-и-и...

— Экстаз! Экстаз! Экстаз! Экстаз!

— Возьми меня! — имитируя пик любви, выкрикнула певица.

— Возьми! Возьми! Возьми! Возьми! — зачастил хор.

— Запретов нет, еще, еще, еще,— драматическим шепотом истомно задышала невидимая исполнительница и оборвала хриплым вскриком на низкой ноте: — Ах! О-о-о...

Дальше пошла уже чистая мелодекламация:

— Я грация, что дарует наслаждение сердцу мужчины! Невообразимым наслаждением я одарю на Земле! Я дам экстаз и мир, и отдых дам за той чертой, где больше нету жизни! Я ничего не требую взамен! Не нужно мне ни жертвы, ни молитвы! Доверься мне и погляди, как я сама люблю, как я колдую! Запомни: это я, какая есть! Смотри теперь, какой я скоро буду! Когда упьюсь, колдуя и любя, когда возьму, желая и колдуя!

— О, Диана! Диана! Диана! — ожил хор. — Желаю, желаю, желаю...

Если бы Ратмир не читал «Книгу Теней», наполненную кроулианской отсебятиной, он бы удивился и даже обиделся за девственную лучницу. Артемида-Диана сурово обходилась с распутниками. Она так покарала дерзкого любострастника, подсмотревшего ее купание, что при одном виде красавицы, бегущей наперегонки с ланью, самые смелые охотники, сломя голову, бросались наутек. Слишком рьяных стрелков, бивших зверье ради забавы, богиня тоже не жаловала.

За какие грехи ее, сестру Аполлона, превратили в блудницу? В нимфоманку?

Услышав, что кто-то идет, Ратмир отошел в тень и решил дождаться появления Эбигайль. На худой случай, его прогонят отсюда. Первым появился длинноволосый, спортивного вида мужчина с двуручным мечом на плече. На нем была волочащаяся по земле черная мантия. Четыре разреза, идущие почти от плеч, открывали загорелое тело. Остановившись у северной границы круга и вертикально воткнув меч, он сцепил руки на эфесе — страж, которого Густав Мейринк мог бы назвать «Ангелом северного окна».

Следом за ним из боскетного проема вышел главный жрец. Высоколобый, сильно лысеющий хлюпик тоже нес длинный меч. Изготовленный, очевидно, по специальному заказу и тяжелый. Одетый в белое, хоть и без разрезов, жрец тоже шел босиком и обходился без исподнего. Судя по возне в кустах, переодевание происходило где-то рядом и можно было не опасаться за здоровье новоявленных служителей Лунной богини: над заповедной поляной клубился, искажая очертания, горячий воздух. Жрец бросил меч на газон, зажег трехрожковый канделябр на жертвеннике, затем, войдя внутрь круга, поставил возле каждого знака по зажженной свече и бокалу. В северной точке, где, согласно теургическим правилам, положено быть «Книге духов», он придавил камнем соединенные скрепкой машинописные листы. По сравнению с шестнадцатым веком, когда колдовское помрачение грозило окончательно свихнуть мозги, здешний шабаш намечалось провести по сокращенной программе. Закончив приготовления, жрец поднял меч и, наклонив его к Востоку, пробормотал нечленораздельное заклинание.

Борцов разобрал только нечто похожее на «Зомелак». В кустах это произвело должное воздействие.

Колдуны и колдуньи вышли на поляну, точно униформисты на цирковую арену: попарно и в чинном строю. В отличие от последних, униформа блюстителей викианских традиций ограничивалась подвязкой на левой ноге и ожерельем из крупных камней. Леди, в том числе весьма пожилые, были в легких накидках, открывавших бедра; туалет мужчин существенно не отличался от облачения стража.

Борцов обнаружил лишь два знакомых лица: давешнего скрипача и продавца минералов. Разносчика нацистской заразы в мужском полукольце — справа от жертвенника — не было.

По знаку верховного, на поляну вытолкнули уже совершенно голую пару: полноватую шатенку лет восемнадцати и взлохмаченного парнишку примерно того же возраста. Руки их были скручены за спиной, а глаза прикрывала черная повязка.

Одна из колдуний, высокая и, не в пример прочим, в закрытом платье, поверх которого была надета туника из белого шифона, вступила в круг, став спиной к жертвеннику. Плюгавенький жрец едва достигал плеча напарницы.

— Войдите в круг силы! — скомандовал он, отсалютовав, как это принято в фехтовальном поединке, мечом.

Молодых людей провели к коврику и поставили на колени.

— Свободу желанию! — провозгласила жрица.— Свободу любви! — По ее знаку запястья неофитов освободили от пут.— Прозрейте для света! — провозгласила она, и повязки тотчас же были сняты.

Кандидаты, скрестив на груди руки, покорно опустили головы. Высокая леди занялась юношей, а жрец, мельком глянув на розовую пухлую попку, поднял отроковицу и сам опустился перед ней на колени. Издав непонятные звуки, он облобызал ее лодыжки, колени и грудь, затем, пригнув к себе, поцеловал в губы. Последний поцелуй пришелся в волосяной треугольник лобка. Точно такую же процедуру жрица проделала с парнем, после чего произошел обмен и сцена повторилась. Далее молодых опять опустили на коврик, и жрец, хлопнув бичом, нанес каждому по четыре удара. Про-

ступившие на коже следы показали, что порка была отнюдь не шутейной. Будущая ведьма даже не смогла сдержать слез.

Всхлипывая и шмыгая носиком, она повторяла подсказанные жрецом слова клятвы:

— Я, Мелузина, в настоящем одна из могущественных, по моей свободной воле и в согласии с торжественной клятвой, буду хранить в тайне и никогда не разглашу секреты Искусства, исключая посвященных должным образом лиц, если за них ручаются братья и сестры по Искусству. Я клянусь моими надеждами на будущую жизнь исполнить мои намерения, и пусть поразит меня магическое оружие, если я нарушу эту торжественную клятву.

Наблюдая за неофиткой со спины, что было не худшей позицией, ибо личико явно подкачало, Борцов припомнил слова торжественного обещания юных пионеров. Кажется, это было в третьем классе. Церемония происходила на школьном дворе, где вожатый объяснил символическое значение красного галстука, трех его концов, знаменующих нерушимое единство партии, комсомола и пионерии.

«К борьбе за дело Ленина—Сталина будьте готовы!»

«Всегда готовы!»

Салют!

Умиляла серьезность, с которой несли отъявленную чушь. Что поделать, коли люди, тщась выделиться из общей массы, будь то племя или так называемый класс, не могли обойтись без ритуальных дурачеств.

Неужели паттерны архетипа всему виной? Или изгнание из Эдема? Еще и семья толком не сложилась, а Каин уже убил Авеля.

Борцову посчастливилось быть свидетелем самых диких обрядов инициаций. От выбивания передних зубов до вживления камешков под кожу детородного члена. По сравнению с ними, порка казалась невинной шуткой. Прием в тайное общество «Леопардов» сопровождался форменной пыткой: на руку кандидату надевали горшок с красными муравьями. А прижигание каленым железом? Расписка кровью? Вымерение «нордических черепов»? Человечество в равной мере достойно и восхищения, и презрения. Все зависит от точки зрения.

Стоя у самой границы освещенного пятачка, Рат-

мир всем своим видом стремился показать, что он и не думает прятаться. Однако его присутствие почему-то так и осталось незамеченным. Время близилось к одиннадцати, когда, если, конечно, уорчестерская братия придерживалась установленного церемониала, должен был начаться настоящий шабаш.

Вручив новобранцам атрибуты власти — нож с черной ручкой и свиток, покрытый колдовскими фигурами, жрец объяснил, как и посредством чего сподручнее принудить, а то и покарать, непослушного духа. Получив подробную инструкцию, тинейджеры были торжественно причислены к волшебникам Великой Богини. Оболганная Артемида получила еще одну пару обалдуев.

На сем первый акт подошел к концу.

Пышненькая пулярочка Мелузина и ее нечесанный кавалер, назвавшийся (кажется, в честь хранителя первого часа дня Юпитера — четверга) Сашиелем, уже одетые согласно ковенской моде, принимали братские поздравления. Общее ликование сопровождалось свистом и гиканьем, как на рок-концерте. К счастью, обошлось без срамных поцелуев.

Борцов опасался, что дело вообще закончится оргией. Занятый своими мыслями, он пропустил исчезновение главных лиц. И жрец, и жрица незаметно сгинули с глаз. Словно сквозь землю провалились. Оставшись без верховного руководства, общество, как это обычно бывает на вечерниках, разбилось на отдельные группки и предалось болтовне. Ближайшая к Ратмиру тройка разбитных дамочек с увлечением обсуждала меню предстоящей трапезы. Подробно перечислялось, кто и чего принес для общего стола. Как видно, вичи успели изрядно проголодаться. Набор блюд был вполне заурядным: ни жаб, ни ящериц, ни, боже упаси, абортированных младенцев. Гвоздем программы должен был стать испеченный самой жрицей пирог в виде полумесяца и сладкий шерри особой выдержки, привезенный из Бостона братом Сотером — Торндайком в миру: милые леди называли его то так, то эдак. В их преувеличенно восторженных восклицаниях ощущалась затаенная зависть к жрице. Борцов отметил, что серповидные лепешки в честь Гора готовили еще египтяне. И вьетнамцы лепят маленькие луны из клейкого риса на

праздник Тет, и у евреев, кажется, есть такое, обсыпанное корицей, печенье.

Неизвестно, куда бы еще могли завести его этнографические сопоставления, если бы не звонок, возвестивший о начале второго акта. Вернее, свист. Дикий, ни с чем не сообразный, он взвился над лесной чащей и острым штопором впился в барабанные перепонки. Для мирно беседующих поклонников Дианы он оказался почти столь же неожиданным как и для самого Ратмира. Они остолбенели на миг, словно школьники, застигнутые с наркотической сигаретой, но тут же опомнились и заскакали, срывая с себя и без того необременительные одежды. Вой, истерический хохот, стоны — все смешалось, как в охваченной пожаром бане, куда привезли сумасшедших.

На поляну выскочила рыжая Эбигайль в распахнутой на груди газовой блузке. Имитируя полет ведьмы, она совершала немыслимые прыжки, зажав между бедер ручку своего помела, подозрительно напоминавшую фаллос. Беснующиеся дианиты, взявшись за руки, окружили ее плотным кольцом, испуская вопли восторга.

Пока продолжалось бурное ликование, так же стремительно и нежданно вылетел жрец, но был он уже в люциферовской маске, что прежде свисала над жертвенником. В правой руке он с трудом удерживал меч, а левой потрясал фаллоподобной, как и ведьмина метла, дубинкой.

Пятикратно облобызав лысеющего Приапа, Эбигайль подставила ему для поцелуя живот. Сладострастно стеная, она отбросила метлу и швырнула в костер свою белую блузку, которая тут же вспыхнула и взлетела над пламенем, обратясь в прозрачные хлопья.

— Страшный владыка смерти и воскрешения,— возопила она, воздев руки к небу, ослепленному дымом и отсветами огня.— Владыка жизни, дающий жизнь, ты, чье имя есть тайна тайн, ободри наши сердца! Засияй чистейшим светом в нашей крови! Принеси нам воскрешение! Нас нет вне богов! Снизойди, мы молим, на слугу твоего и жреца!

— Принеси нам воскрешение! — вторило колдовское братство, образовав вокруг нее танцующий хоровод.

— Снизойди на нас! — неузнаваемо низким голосом трижды выкликнула Эбигайль.

— Снизойди! Снизойди! Снизойди!

Борцову показалось, что в глубине леса откликнулась ночная птица. Невидимые валеты в черных трико затушили костры, взметнувшиеся клубами душного пара. Теперь только язычки свечей, защищенных стеклом, подрагивали в таинственном мраке, да пентаграмма козлиного лба светилась зеленым фосфором.

— Брат Элигор, офицер императорской свиты! — громовым далеким раскатом прозвучало из тьмы.— Займи место за нашим столом.

Ратмир понял, что его все же обнаружили и, по-видимому, еще в самом начале. Преодолевая стеснение, он вышел из-за деревьев. Луна уходила к Востоку, а догоравшие свечи, казалось, только усиливали непроглядную темень. Над залитыми головешками стлался пар, мешаясь с клочьями тумана, просачивающегося сквозь колючий кустарник.

На поляне никого не было. Исчез магический круг со всеми его принадлежностями, а вместе с ним канделябр и чаши, что стояли на жертвеннике. Одни лишь свечные огарки еще хранили память об отшумевшем шабаше, но и они, конвульсивно подергиваясь, затухали один за другим.

Неожиданно, как и все, что случалось в эту ночь освящения, где-то совсем близко зажглось электричество, высветив изнутри зеленую стену боскетного лабиринта. В проходе стояла улыбающаяся Эбигайль. Одетая в тот самый льняной балахон, что был на ней прежде, и без метлы с выразительным символом мужской мощи. В руках у нее была чаша, похожая на церковный потир, до краев наполненная темно-красной жидкостью.

— Не бойся,— она поманила его кивком,— пойдем с нами. Все кончилось. Ты должен забыть, что видел, и мы тоже забудем... Или сделаем вид, что ничего не было,— Эбигайль лукаво подмигнула и засмеялась. Ее переливчатый смех звучал завлекающе нежно.— Иди ко мне.

Он приблизился, превозмогая давшую знать о себе тяжесть в ногах.

— Пей,— поднесла она чашу к его губам.

Не принимая всерьез жалкие забавы — одно слово «балаганчик»,— Ратмир и мысли не допускал, что ему

предлагают кровь, и уже готов был пригубить, как кто-то словно предостерег его: «Не надо». Он успел различить острый запах гвоздики и еще каких-то пряностей, но это скользнуло мимо сознания. В рубиновом овале, обрамленном тонким ободком металла, он увидел свое, только удаленное, как в глубоком колодце, отражение. Клочок неба, сияющего в латунных недрах, навеял вихрь, всколыхнувший память. Такое было, было однажды! Проблеск солнца сквозь иглы сосновых ветвей и два розовокорых ствола, как столпы из кованой меди в чешуйках нагара. И буйное цветение черемухи, и окошко за ним, и деревянная лестница с провалившимися ступеньками.

И мне по лесенке подняться,
И мне всю ночь с тобой бродить,
Но так немысленно остаться,
Так невозможно уходить.

Где? В каком году? Из каких закоулков сердца?

И вновь голос, позвавший на полуночный пир, раскатился над лесом, как набегающая гроза:

— Есть три великих события в жизни человека: любовь, смерть и воплощение в новое тело. Маг управляет ими по своей воле. Для совершенной любви нужно вернуться в то самое место и время, где вы любили однажды. Вспомни прошлое, вживись в него сердцем и помыслами, и любовь придет к тебе вновь.

Спираль

Часть третья

АВЕНТИРА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

БОГЕЗКЁЯ, ТУРЦИЯ

Через три с лишним тысячи лет после гибели хеттского государства случилось загадочное происшествие, соединившее распавшиеся звенья причин и следствий.

Хаттусас, само существование которого длительное время оспаривалось, был найден Винклером близ турецкой деревни Богазкёя и раскопан в 1906 году. Последующие работы, которые проводились под руководством Биттеля, прервала вторая мировая война. Город возник за пятнадцать веков до новой эры на месте энеолитического поселка в излучине горной реки Галис. Его окружала мощная стена из галечника и сырцового кирпича. Каменный гигант с бородой, на манер фараонской, сопровождаемый парой оскаленных львов, которых держал за ошейники воин с загнутым клювом хищной птицы, охранял главные ворота. Исполин с головой ушел в землю, так и не оставив вверенного поста.

В пределах стен удалось раскопать четыре храма и хранилище глиняных табличек с вавилонскими клинописными знаками. Без них история страны хеттов так бы и осталась белым пятном. Хаттусас пал в конце двенадцатого века до н. э., вместе со всей страной, что дерзнула помериться силами с самыми могущественными государствами Востока. Тогда же погибла и воспетая Гомером Троя.

Скальное святилище Язылы-Кая располагалась за городскими воротами, в глубокой расселине, переходящей в тесный коридор. К скалам вела широкая дорога, застроенная с обеих сторон дворцами и храмами. После пожара, уничтожившего Хаттусас, от них уцелели

лишь неясные очертания фундаментов и огрызки колонн от богато разукрашенных портиков.

Змеи, тарантулы и сколопендры облюбовали забытое Богом и людьми место. На утесе, господствующем над местностью, долотом ваятеля вытесаны фигуры жрецов и воинов, идущих на поклонение тайным святыням. Перед закатом скала пылает жертвенным пламенем, вспоминая имена хеттских, хурритских и вавилонских богов. Так и не вспомнив всех, не выбрав из них единственно верного, она погружается в тень, издавая странные звуки, похожие на детский плач.

Тщательно замаскированная усыпальница старшего сына царя Мурсилы находилась в стороне от дороги, между галечной россыпью, что нанесла не знающая усталости река, и некрополем, где сберегался пепел погребальных костров.

Дыра, в которую провалился высокоученый грабитель могил Эльгибей, находилась как раз в одном из таких захоронений, напоминающих не то склеп, не то дольмен [1].

Прежде чем пригнать сюда землеройные машины, место было огорожено, хотя и не столь капитально, как в Долине царей. Участники экспедиции, включая охранников и рабочих, жили в уютных фургончиках, оборудованных водопроводом и канализацией. Передвижная электростанция армейского типа обеспечивала круглосуточную подачу энергии, а продовольствие доставлялось из соседней деревни, что славилась своими оливками, сабзой и медовым инжиром.

Только в межсезонье, когда трамантана с Понта приносила затяжное ненастье и с гор обрушивались селевые потоки, связь с селением прерывалась.

Над Каппадокией, где всепожирающее время стерло следы великих переселений и опустошительных войн, грозовые ливни разразились в первый день ноября. Их принес циклон, сформировавшийся на северо-западе Средиземноморья. Раздираемое молнией небо плодотворило бурным дождем иссушенную землю, что схоронила возведенные богами стены легендарной Трои, и руины святилищ в Эфесе, жертвенник Кибелы Диндимены в Гаргаре, пещерный алтарь, где горел ког-

[1] Погребальное сооружение из каменных плит.

да-то негасимый огонь в честь Бела-Юпитера, коему поклонялись по всей Эйкумене.

Глубокая тайна сокрыта в небесном огне, и само имя царя-громовержца есть величайшая тайна. Для эллинов он «тучегонитель» Зевс, сын оскопленного Времени — Крона; для италиков — Диавис, «блестящий», и Диеспитер, «отец дня». Отсюда и пошло Йовис Патер — Юпитер. «Молниеносный», «гремящий», «дождливый» — это всего лишь эпитеты, не имена. И Мардук вавилонский сжимает в деснице громовые стрелы, и ведический Индра, и славянский Перун, и будда Ваджрапани.

Хетты — никто не скажет, откуда они пришли и как исчезли, растворившись среди соседних племен,— почитали владыку грозы под именем Тархунт — «Могущественный». Его знаком и была помечена каменная плита, закрывавшая вход в гробницу царского сына.

Этот перун в центре и привлек внимание Рашида Эддина, турецкого археолога, которому выпала честь «открыть» усыпальницу принца, основательно подчищенную блудным сыном почтенной науки шумерологии.

Обычно в центре классической шумеро-вавилонской триады помещалась восьмилучевая Венера — Иштар. Именно в таком сочетании и запечатлены на печатях и каменных стелах священные символы: Луна, Венера, Солнце. Объяснить беспрецедентную замену одной небесной эмблемы на другую не представлялось возможным. Ни в мифах, ни в песнях, ни в заклинаниях, коими так богат Вавилон, не нашлось даже намека, на который можно было бы сослаться. Хеттская же иероглифика сохранилась только в наскальных рисунках, а письменное наследие Хаттусаса сгорело в огне: в отличие от учителей — шумеров, хетты пользовались не глиняными, а деревянными табличками.

Сопоставив тексты, расшифрованные Винклером, с таблицами, найденными в развалинах Телль-

Амарны, где находилась столица фараона-реформатора Эхнатона, провозгласившего Солнце единым Богом всех народов земли, Рашид Эддин пришел к довольно смелому выводу. Хотя доказательства выглядели не слишком убедительно, он посчитал, что у дороги, ведущей к Язылы-Кая, захоронен тот самый принц, которому, согласно мирному договору между хеттами и египтянами, предстояло жениться на дочери фараона. История могла бы пойти совершенно по новому руслу, если бы состоялся этот династический брак. Но египетским военачальникам и номархам претила сама мысль о том, что трон Обеих Земель займет азиатский варвар. В пустыне хеттского царевича подстерегала засада. Он был убит тремя стрелами в спину. Зеленый от окиси наконечник бал найден в бесформенной груде костей. Надеясь подкрепить гипотезу более вескими доводами, Рашид Эддин уехал в Истамбул едва начались дожди.

На раскопках остался только Гринблад со своими людьми и нежданно нагрянувший Брюс Хеджберн, намеревавшийся опробовать в полевых условиях частотный модулятор, сконструированный по формуле Эрика Ли.

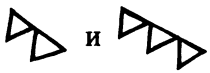
Погода, мягко говоря, не благоприятствовала эксперименту. Грозовые разряды и насыщенная электричеством атмосфера создавали устойчивый фон помех, пробиться через который не представлялось возможным. Оставалось терпеливо ждать. Погодные карты, сходившие с печатающего устройства, рисовали безотрадную картину зависшей над Анатолией депрессионной воронки.

От нечего делать Хейджберн принялся разгадывать выбитый на камне астрономический ребус. Предположение, что перун символизирует планету Юпитер, представлялось довольно логичным. Грубый рельеф на западной стене успальницы изображал древнейших хеттских богов, которых Рашид Эддин уверенно отождествил с той же астральной триадой,— Арма олицетворял Луну, Тархунт — Юпитер, Эстан — Солнце.

Дальнейший путь подсказали числа, коих было вытесано великое множество. Математическое мышление помогло Хейджберну разобраться в оставшихся от турка справочниках, и вскоре он не только овладел вавилонской системой счета, но и обучил Гринблада.

— Да не бойся ты этой клинописи! — убеждал он на первых порах.— Она вовсе не так ужасна, как это видится со стороны. Отталкивайся от римских цифр, от их внутренней логики.

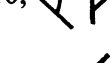
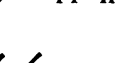
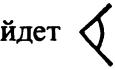
— Арифметика не моя стихия,— защищался Гринблад.— И что общего может быть у строгих, как архитектурные формы, чисел римлян с этой дикой путаницей?

— Математика — язык Бога. Давай разбираться вместе. Самые малые числа являются простым повторением единицы,— Хейджберн вооружился карандашом.— Это всего-навсего палка, кол: что у нас 1, что у римлян 1, что у этих — . Усвоил? Пойдем дальше. Возьмем теперь двойку и тройку. Наши 2 и 3 происходят от тех же палок = и ≡, соединенных связующими линиями при скорописи. Такая же система и тут: .

— А пятерка, десятка?— заинтересовался Гринблад, вовлекаясь в игру.

— Римская V представляет собой половину X. Точно так же обстоит дело и с тысячью. M — от слова «mille» — появилось в поздний период. До этого писали Ф, отсюда D = 500. Наглядно?

— Вполне.

— Тогда понять остальное не составит труда: = 10, = 11 и так далее до = 19, потом пойдет = 20, = 21... Уловил?

— Действительно просто,— явно обрадованный Гринблад не чаял, что сумеет так скоро разобраться.— А как быть с нагромождением на потолке?

— Придется малость поломать голову. Числа, хоть и высоких порядков, понятны, загвоздка в том, что за ними кроется,— Хейджберн направил лампу на плавный свод, сплошь покрытый клинописью, изредка перемежавшейся астральной символикой.— Будем идти от простого к сложному, но сначала займемся дробями.

— Только этого мне не хватало! Если бы ты знал, сколько я претерпел из-за них в школе!

— Никуда не денешься, парень. тут периодически повторяются одни и те же числа: 19 и дробное $11^{9}/_{10}$. Боюсь ошибиться, но я, кажется, понимаю в чем дело. Ты знаком с календарной системой?

— Лунно-солнечный год? — догадался Гринблад.— Только в общих чертах. Но с помощью таблиц смогу разобраться с любой системой.

— Отлично. Тогда пошли в трейлер, а то у меня от мертвечины в горле першит.

Выбравшись наружу, они, сгибаясь под дождем, побежали к трейлеру, оборудованному по высшему американскому стандарту.

— Следи за моими рассуждениями,— Хейджберн начертил овал и пересек его диаметральными линиями.— Зодиакальный круг в 360 градусов. Солнце обходит его за 365 дней, что составляет суточный путь чуть менее одного градуса.

— В среднем,— уточнил Гринблад.

— В среднем. С ноября по январь движение Солнца ускорено, с марта по июль оно замедляется до 56 минут. В среднем, опять же, период между двумя последовательными соединениями Солнца и Луны равен 29,5 дней.

— Лунация.

— Верно: лунация. Лунный месяц поэтому насчитывает либо 29, либо 30 дней. Отсюда вытекает, что двенадцать лунных месяцев охватывают 354 дня, что на одиннадцать меньше солнечного года. Через три года разница достигает 33 дней, и это вынуждает добавить тринадцатый месяц. Более точное совпадение начал обоих циклов дает число 19. Девятнадцать солнечных лет содержат 235 лунных месяцев, то есть 12 лунных лет по 12 месяцев каждый и семь високосных — по 13.

— Ментонов цикл?

— Циклическая схема вставок для согласования лунных и солнечных лет была уже в вавилонском календаре. Ментон безуспешно пытался внедрить ее в Афинах, что не помешало потомкам воздвигнуть ему памятник.

— Америку открыл Колумб, но назвали ее именем Америго Веспуччи. Современники не жалуют живых

гениев... Где ты приобрел свои календарные познания?

— Прежде чем всерьез заняться физикой, я три года угрохал на магистерскую диссертацию по древним астрономическим системам.

— То-то я гляжу, ты тут, как рыба в воде... Лично я столкнулся с Ментоновым циклом исключительно в связи с хронологией. Без него — никуда.

— Он исключительно точен. Только через 310 юлианских лет вычисленное по нему новолуние расходится на один день. Не удивительно, что он и сегодня лежит в основе еврейских и христианских календарей. Тот же цикл проявляется и в вычислениях самых ранних индийских астрономов.

— Значит у нас есть исходная точка, которую проглядел Рашид?

— Не совсем. Число 19 он обнаружил с первого взгляда, а вот 11,9 действительно проглядел, вернее не понял, что оно означает, хотя разгадка лежала на поверхности. Ты-то догадываешься?

— Ни в малейшей степени. И что?

— Период обращения Юпитера.

— И хетты знали его?! — изумился Гринблад.

— От вавилонян, надо думать, если не от шумеров. Майяские и египетские астрономы умели читать «Книгу звезд». Ничего не скажешь!

— Без всяких оптических приборов... Как? Каким образом?

— Можно только догадываться, но не будем отклоняться от главного. Теперь следи внимательно. Как только почувствуешь слабину, сразу скажи. Все-таки я до конца не уверен... Жаль, что Рашид так быстро смотался!

— За два дня до твоего приезда он нашел у себя на постели свернувшуюся змею: эфу. По-моему, это его доконало.

— Что он говорил тебе об Эхнатоне?

— Только то, что ты уже знаешь. Там, на западной стене, Рашид обнаружил имя фараона. Оно упоминается в связи с войной между хеттами и страной Митанни. Дословно сказано следующее,— Гринблад заглянул в записи: «Пришел в Египет фараон-солнце, и стало солнце единственным Богом египетским. В тот год царь страны Митанни пошел на Финикию, но отступил из-за недостатка воды. Он заодно с бунтарями против фа-

раона. Великий царь-солнце хеттов покорит все земли царя Митанни и Нахарины»... Дальше следуют пророчества на тысячи лет вперед, но он их еще не расшифровал.

— Не важно. По крайней мере мы располагаем исходной датой. Эхнатон, он же Аменхотеп Четвертый, вступил на престол в 1419 году до нашей эры, то есть, согласно всем правилам пересчета, 3413 лет тому назад. Верно?.. Тогда пойдем дальше. Лунно-солнечные вставки основываются на следующем соотношении: m лунных месяцев равны n солнечных лет. В случае девятнадцатилетнего цикла m = 235 и n = 19. Как уже отмечалось, обычный год включал в себя двенадцать месяцев, високосный — тринадцать, причем вопрос о вставке тринадцатого решался по состоянию урожая. У нас нет точных данных о средней продолжительности такого года. Отсюда возможны некоторые расхождения. Ты следишь?

— Пока все нормально, Брюс.

— Чтобы выразить продолжительность года в средних синодических месяцах, причем с учетом эфемерид, я получил следующее соотношение: 13,3 лет = 246,59 месяца.

— Можно не проверять?

— За достоверность ручаюсь.

— Давай дальше.

— В целых числах это выражается так: 810 лет = 10019 месяцев. Следующий шаг такой: делим полученное ранее «эхнатоново» число годов на 810 и умножаем остаток на 10019. Итого имеем: 42200,028 месяца.

— Я что-то не совсем улавливаю, зачем тебе нужны сложные пересчеты?

— А затем и нужны, что на той же западной стене клинописными цифрами дано число 42200! Скажешь, случайное совпадение?

— Не скажу,— Гринблад недоуменно наморщил высокий, с заметными залысинами лоб,— но это значит...

— Что пророчество, которое так и не смог прочесть твой турецкий приятель, адресовано нам. Оно приходится примерно на наше время. Может быть. на год спустя, учитывая погрешности счета.

— Тогда при чем тут Юпитер?

— Если мы разделим 3413 на 11,9, то получим 286,8. Клинопись дает целое число 287, что легко объясняется той же погрешностью. Иными словами, вот-вот должно наступить какое-то событие. От восшествия на престол Эхнатона его отделяет время, равное 287 полным оборотам Юпитера. Дата, таким образом, зафиксирована дважды и непосредственно связана с астральными божествами. Как хочешь, так и понимай.

— Но есть и третье число: двадцать два.

— Я рад, что ты не забыл, но, увы, это оказалось мне не по силам. Просто не знаю, что оно означает и, следовательно, никак не могу использовать в расчетах.

— А не заложить ли нам всю эту фантастическую цифирь в компьютер? Вдруг выявится какая-нибудь закономерность?

— Сначала придется составить программу. Я знаю, что Джеральд Хокинс проводил компьютерную разработку астроархеологических данных. Результаты были впечатляющие. В Карнаке, в частности, ему удалось вычислить точку восхода Солнца в эпоху Тутмеса и Хатшепсут. Ошибка составила сотые доли градуса. Но то была иная задача.

— Давай попробуем. Введем числа с коэффициентами пересчета. Вдруг что и получится? Все равно делать нечего.

— Так уж и нечего!

— Я про твой новый модулятор.

— Мне самому не терпится, но пока не установится погода, не рискну. Пробьет золотое покрытие: толщина-то доли микрона. Может, и вправду заняться?

— Поехали! — Гринблад склонился над терминалом. — Ты диктуй, а я наберу, — установив поудобнее кресло, он включил экран и ввел код. — Как тебе удалось заполучить этого умника Ли?

— Так уж вышло. Моей заслуги тут нет. По-видимому, Джонсон спроворил. Кто не клюнет на Нобелевскую?

— Считаешь, она ему обеспечена?

— Шансы солидные. И не забывай про крупное пожертвование в Нобелевский комитет. Как-никак такие вещи тоже учитываются.

Экран налился чистой лазурью тропических вод, но не успел Гринблад прикоснуться к клавишам, как ее

разорвали какие-то вспышки и сверху вниз побежали черные горизонтальные полосы.

— Что за чертовщина, Брюс!

— Ну-ка? — Оторвавшись от записей, Хейджберн нехотя поднялся и через голову Гринблада глянул на штормящий экран.

Прямо на него смотрели из-под полуопущенных век остекленелые глаза аскета, сидящего, вывернув кверху пятки, на пятнистой шкуре.

АВЕНТИРА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

РЕКА ЯЩЕРИЦЫ, МЕКСИКА

Теодор Вестерман сдул пыль с голубой керамической чаши и бережно протер ее замшевой тряпочкой. На фоне подглазурных трещин профиль зайца, заключенного в лунный диск, вырисовывался с рельефной отчетливостью. Черная полива придавала сморщенному носику очаровательного зверька плотоядное выражение.

Тридцатидвухлетний археолог-американист из университета Кларка радовался, как ребенок.

— Точно такое же изображение было на вазах, которые мы нашли на раскопках поселений индейцев мимберо в Нью-Мексико,— с видимой неохотой он возвратил чашу профессору Торресу.— И эти малиновые штрихи, и вспышка на небе... вот уж не думал, что всего за один сезон нам удастся совершить такое потрясающее открытие.

— Легко сказать: за сезон. Я искал ее всю жизнь и еще пять лет ковырялся в земле... Конечно, когда тебе прямо на голову сваливаются такие деньги, можно управиться и за сезон. Но вы не расслабляйтесь — нам еще копаться и копаться. Вот, когда будет прочитан последний знак, я смогу умереть спокойно.

— Вам ли думать о смерти, дон Хосе? Вы еще хоть куда: красавец-мужчина!

— Нет-нет, я свое уже выполнил в этой жизни. Она станет мне памятником, моя пирамида. Вас, синьор Вестерман, я назначу душеприказчиком. Пусть мой прах будет развеян над «Храмом Чисел».

— Душеприказчиком? — Вестерман свободно гово-

рил по-испански, но не всегда понимал Торреса, перемежавшего речь специфически местными выражениями.— Con toda el alma patron [1],— ответил он с подчеркнуто кастильской куртуазностью.— Если не я самолично, то мои внуки. Ведь это будет так не скоро, дон Хосе.

— У тебя есть внуки?

— Я еще не женат.

— Пирамида, найденная профессором Хосе Сота де Торресом, находилась в вершине треугольника: Цилан — Чичен Ица — Ичмуль. Древние центры индейской цивилизации, подробно изученные археологами и добросовестно истоптаны башмаками туристов, хранили немало загадок, запечатанных в знаках и линиях. Но стоит ли обращать внимание на такие тонкости, если само существование Чичен Ицы — огромного, лежащего в руинах города в семидесяти милях от Мериды, и то ставилось под сомнение. «Обитель богов войны», неоднократно упоминаемая в эпосе майяского племени киче, вдоль и поперек исхоженная конкистадорами, искавшими сокрытое золото, привлекла внимание ученых только в 1924 году. И тут начались сюрпризы. Археологи из института Карнеги, едва приступив к раскопкам, обнаружили разительное несходство монументальных сооружений Чичен Ицы с архитектурными канонами майя. На колоннах и стенах храмов были высечены фигуры воинов с копьями и щитами. Их одежда из хлопчатобумажной ткани, головные уборы, оружие, сам ракурс фигур — все обнаруживало влияние чужеродной культуры. В круглой башне, поразительно напоминающей современную обсерваторию с характерным меридиальным куполом, скрывалась лестница, закругленная спиралью. Храм столь необычной конфигурации назвали «Караколем» — «Улиткой». Возведенный на мощной прямоугольной платформе, он возвышался над четко распланированными кварталами и площадями мертвого города, окруженными строгими периметрами колонн.

Площадка для игры в мяч, ставкой в которой был не кубок, не выход в высшую лигу, а жизнь, ничем не отличалась от тех, что были в городах майя. Те же стены и то же каменное кольцо, куда впритык влетал ли-

[1] От всей души, хозяин (*исп.*).

той каучуковый шар. Пернатые змеи, что, оскалив зубастые пасти, обвивали лестничные пролеты и провалы дверных проемов, напоминали далекий Север: «Город богов» Теотихуакан, его «Пирамиду Солнца» и «Пирамиду Луны», храм Кетцалькотла, бассейны, торжища, гробницы «Дороги мертвых». Сходство было разительное: грифы, когтящие человеческие сердца, ягуары, распластавшиеся в смертельном прыжке, скрещенные кости в орнаменте, свитые в плотный клубок анаконды.

Зато боги дождя Чакмоолы — охранители стран света — опять-таки обнаруживали типично майяскую принадлежность. Подобрав острые колени и локтем упершись в землю, базальтовые гиганты равнодушно глядели в небо, где клубились набухшие тучи.

Но растрескались чаши без жертвенной крови, и яростный ветер гнал облачные рати к морским волнам, и были безмолвны каменные губы.

Ключ к разгадке нашли на Т-образном возвышении в центре главной площади. Причудливое строение было окаймлено рядами мертвых голов. Воистину зловещая буква тау оказалась символом смерти. Прежде ничего похожего не находили в покинутых поселениях майя.

По всему выходило, что на Юкатан вторглись какие-то свирепые ацтекские племена. Покорив родственных аборигенов, они заставили их поклоняться богам на свой лад, а позже, смешавшись с майя, сами заимствовали у них кое-какие черты. Но клеймо победителя утвердилось навечно.

Ацтекские мотивы и подсказали путь дальнейших поисков. В повествовании о Конкисте Берналя Диаса говорилось о стене — «цомпантли», где выставляли на всеобщее обозрение черепа пленников, приносимых в жертву богу войны. Фреска в «Храме Ягуаров» запечатлела сцену сражения, в котором свирепые воины в шлемах, украшенных головами зверей, избивают поверженных защитников обреченного города. Это была единственная роспись, где майя показаны побежденными. Как и на стенах гробниц фараонов-воителей, и на стелах ассирийских царей, здесь выпячено величие победителей и унижение покоренных.

В книге «Чилам Балам» пришельцы именуются ицами. Они явились из легендарного Толлана, основанного толтеками — учителями ацтеков. Покинув Мексику,

ицы в поисках новых земель дошли до Веракруса, где и разделились на два потока: один направился в сторону гор Гватемалы, другой — вдоль восточного побережья Мексиканского залива — на Юкатан.

Инталию, изображавшую птицечеловека, удивительно похожего на знак кохау-роного-ронго острова Пасхи, Хосе де Торрес случайно заметил на платформе Караколя, у северо-восточной стены. Полустертая и выщербленная, она едва виделась в косых лучах заката, но, прорисованная на бумаге, живо напомнила Торресу, что точно такая же фигура уже встречалась ему в храмах Веракруса и на скальном обнажении близ реки Ящерицы. Туда, на северо-восток, к побережью, он и направил поиски.

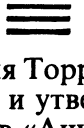
Пирамида скрывалась внутри холма, поросшего колючим кустарником и кинжальной, в рост человека, травой. Прежде чем обнажилась первая каменная плита, пришлось пробиваться через девятиметровый пласт глины. Если не ицы-толтеки, то сама мать-природа позаботилась о том, как понадежнее упрятать сокровищницу сокровенной мудрости.

Близость океана давала знать о себе частыми и долгими ливнями. Сезон полевых работ длился от силы пять месяцев. Нечего было и думать о том, чтобы откопать сооружение целиком. Годы и годы уйдут на такую расчистку. Торрес начал с того, что выстроил с помощью местных крестьян добротный дом с патио и затененной верандой, оборудовал лабораторию и провел водопровод. Потом приступили к вырубке леса: без дороги нельзя было доставить на место землеройную технику, безвозмездно пожертвованную саперным батальоном, расквартированным в окрестностях Мериды.

Только на третий год удалось вскрыть «макушку» — верхний, проросший корнями пласт, под которым обнаружилась стена, сложенная из рельефных, плотно пригнанных блоков. На вершине пирамидальной платформы стоял неведомый храм. Когда щетками, сделанными из буйволиных хвостов, удалили налипшую глину, Торрес вплотную занялся иероглифическими рисунками.

Западную стену — оконные проемы были ориентированы на точки осеннего и весеннего равноденствий — сплошь покрывали цифровые символы. Преобладало число двадцать два. Графемы были представлены в различных вариациях:

Две последние, с изображением правой руки, преобладали над остальными. Даже орнамент, составленный из точек (единица) и линий (пятерка), навязчиво выпячивал именно этот числовой символ, выражавший какую-то трансцендентальную идею, а, возможно, и дату календарной мистерии. В чешуе Змея, замкнутым четырехугольником окаймлявшего стену, бесконечно повторялась все та же комбинация ямок и черточек.

По праву первооткрывателя Торрес назвал святилище «Храмом Чисел». Так оно и утвердилось после публикации первого сообщения в «Анналах археологии».

Барельефы из скрещенных рук, сходные с теми, что были найдены в Перуанских Андах, украшали фриз, чередуясь с мертвыми головами, а середину панно занимала фигура зайца в лунном, предположительно, круге. Оставалось только гадать, какие нити связывали Новый свет с Древним Китаем, где с незапамятных времен почитали любимого зверька владычицы ночного неба. Неиссякаемая плодовистость, не иначе, одарила его бессмертием.

Расчистка цоколя показала, что все четыре грани усеченной пирамиды прорезаны лестницами. Это лишний раз подтвердило предположение Торреса, что храм построен по образцу календарных, т.е. общее число его ступеней должно составить количество дней солнечного года. Гипотеза обрела плоть, когда обнажились пять цокольных уступов. Они символизировали те пять до-

полнительных дней, когда охваченные скорбью люди стремились умилостивить кровожадных богов. Теперь можно было с уверенностью утверждать, что каждая лестница, представляющая определенный сезон и страну света, насчитывает девяносто ступеней. Предстояло перелопатить тысячи тонн грунта, прежде чем новое чудо света предстанет во всей красе эзотерического космизма.

Астрономо-математические познания майя далеко превзошли жреческую мудрость египтян и шумеров. Майяские звездочеты с мрачным упорством стремились проникнуть в роковую тайну времени, где, как в омуте бездонного сенота, исчезали народы и города. Итогом многовековых наблюдений за ходом светил стала самая совершенная календарная система в мире, охватывающая немыслимую бездну в миллионы лет. Зачем, для каких неведомых целей понадобились такие многопорядковые вычисления? Как удалось определить продолжительность года с точностью, которую европейская наука сумела достичь лишь в конце прошлого века?

Разбирая сложную иероглифику числовых колонок, Торрес вновь и вновь пытался решить задачу, не имеющую решения. Если бы он только знал, что в тот самый год, когда, вопреки заверениям скептиков, была доказана великая теорема Ферма, в индейской деревеньке, заброшенной в сельве Кинтана-Роо, умерла хранительница бесценного наследия майяских астрологов. Чилан-пророк, прислуживавший последнему верховному жрецу Чичен Ицы, приходился ей пращуром. Беззубая, не знавшая грамоты старуха-лакандонка тихо опочила на своем, жестью обитом, сундучке, где осталась лежать тетрадь, сшитая истлевшими от времени нитками. Уникальный кодекс «О нескончаемых странствиях сонма богов», содержащий астрономические записи восемнадцати поколений, так и остался непрочитанным.

Для майя время никогда не являлось чистой абстракцией, определяющей последовательность событий. Они прозревали в его всепожирающей пасти нечто неизмеримо высшее — потустороннее, роковое. Оно мнилось одушевленной силой, по собственной воле творящей зло и добро. Его исчисленные, далеко назад и еще дальше вперед, циклы таили в себе милость и кару всемогущих богов. Каждое число было священно

и охраняемо небом. Только астрологи знали, с чем сопряжены грядущий день, месяц, год — с дурным или благостным бременем, что нес на себе божественный страж.

Священный год «цолькин», состоявший из 260 дней, и гражданский «хааб», равный солнечному, определяли всю духовную и повседневную жизнь, составляя ядро необычайно сложной мировоззренческой системы. Каждый день — «кин», и месяц — «виниль» отмечались собственным знаком и именем. Год — «тун» — насчитывал восемнадцать двадцатидневных виналей. Двадцать тунов обнимал «катун» из 7200 дней, двадцать катунов — «бактун» (144000), двадцать бактунов — «циктун» (2 880 000) и так до «алаутуна» из 23 040 000 000 суток. Вся история прямоходящего потомка обезьяны терялась в этом алаутуне, в шестидесяти четырех миллионах просчитанных лет.

Торрес обратил внимание на дату, проставленную под ушастой головкой зайца: 9.11.5.0.0. Она читалась легко: 9 истекших бактунов, 5 тунов, а вместо виналей и кинов стояли знаки нуля — пустоты, впервые в истории обозначенные цифрой. Подставив числовые значения циклов, он получил дату, соответствующую 627 году.

Что она означала? Возведение храма? Небесное явление? Природный катаклизм? Лучше было вовсе не думать об этом. Соизмеряя десять, от силы двадцать, лет остающейся жизни с каким-нибудь алаутуном, помеченным звериной мордой, можно было сойти с ума.

Контракт, заключенный с корпорацией «Эпсилон X_1» и университетом Кларка, позволил существенно расширить фронт работ. Ежели возможны чудеса в нашем мире, то к молитвам и заклинаниям надобно добавить толику хрустящих бумажек. Без них едва ли мыслимы волшебные превращения.

К началу сухого сезона удалось очистить от земли внутренние помещения храма и всю верхнюю площадку пирамиды: от головных уступов цоколя до первых ступеней лестниц.

— Майяская классика,— удовлетворенно вздохнул Теодор Вестерман, любуясь четкими линиями орнамента.— Как тщательно пригнаны камни! Строго, лаконично и, вместе с тем, запредельно. Удивительное понимание перспективы. Ощущение, как от неэвклидо-

вой геометрии: параллели смыкаются в бесконечности.

Торрес ограничился нечленораздельным междометием и окликнул толстую индеанку, шаркавшую метлой из колючек. Солнечные лучи едва пробивались сквозь клубы пыли.

— Сколько можно, Тереза! Совершенно бессмысленное занятие,— он обернулся к Вестерману.— Видите, чем она занимается?.. Внутри надо вымести, внутри! Возьми себе в помощь женщин, и чтобы через час пол сиял, как зеркало.

«Легко сказать»,— подумал Вестерман.

— Прикажете вымыть, дон Хосе?— отставив метлу, толстуха отерла лоб наружной стороной ладони.

— Воду ведрами носить будешь?— подбоченясь, подступил к ней Торрес.— Видели идиотку?.. Убирайся, и чтоб я тебя больше не видел!

— Как хотите, дон Хосе. Так я позову Кармелиту с Эстеллой?

— Зови, кого хочешь! О, святой Себастьян!.. Вы, кажется, что-то сказали, коллега,— спросил он уже совершенно иным тоном, столь же скоро остыв, как и впал в раздражение.

— Великолепно, говорю, неописуемо,— Вестерман описал рукой широкую дугу.— Какая Греция? Какой Вавилон? Разве что Египет может соперничать с майя классического периода. Вы только посмотрите на эти убегающие куда-то линии...

— Китай,— напомнил Торрес.

— Да, еще Китай и Тибет...

В утреннем свете храм казался неведомым творением, заброшенным из другого мира. Что-то инопланетное чудилось в голубовато-серых блоках платформы, на которой ассиметрично, как рубка атомного авианосца, возвышался розовый цилиндр башни, рассеченный вертикальными амбразурами.

Вокруг, сколько хватал глаз, расстилался сплошной ковер нетронутой сельвы, прорезанной редкими радиусами дорог. Волновалось и ныло сердце в предчувствии грани, которую невозможно преодолеть.

— По-видимому, толтеки сюда не добрались,— кивнул Торрес,— но кое-какие детали наводят на размышление. Вы обратили внимание на пол?

— Каменные плиты?

— Вот именно. Пришлифованы так, что зазоров не

видно. Вы же знаете, что такое не характерно для майя. Обычно они покрывали пол толстенным слоем штукатурки. Зайдемте-ка внутрь: мне не дает покоя эта чертова глыба.

Чихая и кашляя от едкой пыли, Торрес зажег ацетиленовый фонарь и поставил его на массивную базальтовую плиту с округлыми формами, словно бы сглаженными морским прибоем. Три пары едва заметных углублений, залитых известковым раствором, стали предметом ожесточенного спора между участниками экспедиции. Вестерману не хотелось возвращаться к бесплодному препирательству, но зная вспыльчивый нрав мексиканца, он ограничился тем, что молча огладил базальт, пронзивший ладони могильным холодом.

— Из Бостона пришел факс,— сказал он, надеясь отвлечь Торреса от взрывоопасной темы,— спрашивают, как организована охрана?

— Какая еще охрана к дьяволу? Я знаю каждую задницу на сто миль в округе, и все знают меня.

— Не стоит недооценивать грабителей, синьор Торрес, нравы у них крутые и технические средства не чета нашим.

— Мимо моих индейцев и кошка не прошмыгнет, да и зариться пока не на что. Потом видно будет... Вы лучше обратите внимание на расположение дыр: почти правильный треугольник. О чем это говорит?

— Опять, дон Хосе? Сколько можно?— подосадовал Вестерман, что не удалось стащить упрямца с любимого конька.— Я скажу: звездный треугольник, вы — тайник. Спорить можно до посинения, всякий раз выдвигая новые гипотезы. Если это символизирует проходы в подземный мир, то почему их шесть? Если тайный строительный знак, то как его понимать? Проверить же невозможно.

— Очень даже возможно,— неожиданно миролюбиво откликнулся Торрес.— Я думал всю ночь, и знаете, что мне пришло в голову?.. Центр тяжести! Треугольник — самая экономная плоскостная фигура. В дырах закреплялись канаты, на которых поднималась эта махина. Как мы раньше не догадались! Потом их запечатали и замаскировали. Под камнем скрывается ход.

— Куда?

— Внутрь пирамиды.

— Сомнительно, чтобы майя прибегали к подоб-

ным ухищрениям. И зачем? Ведь пирамида служит основание храма. Не более. Только в Паленке под «Храмом Надписей» нашли гробницу.

— Исключение подтверждает правило. Наш «Храм Чисел» ничем не хуже. Учтите, что Паленке расположен на западной границе Древнего царства, а мы находимся у самого побережья. Так что тенденция вырисовывается. Наконец, обратите внимание на стены,— Торрес направил фонарь,— они определенно продолжаются ниже уровня пола. Внизу должно быть помещение.

— Пожалуй, вы правы,— признал Вестерман.— Будем поднимать?

— И как можно скорее! У меня лопается терпение... Надо же еще пробить чертовы пробки! Где эти бездельники? Придется опять бежать вниз.

— Я схожу,— вызвался Вестерман, мысленно отдав дань интуиции неугомонного старика. Как-никак, но именно он нашел пирамиду и, кажется, угадал предназначение камня. Молодой американец, прославившийся открытием лакандонских поселений в штате Нью-Мексико, вынужден был признать неоспоримое превосходство старой школы, где полагались не столько на технику, сколько на нюх.

— Пусть прихватят зубила покрепче,— напутствовал его Торрес.

Дыры оказались сквозными, и на их пробой понадобилось два полных дня. Еще неделя ушла на установку швеллера под кран-балку. Торрес метался от одной испещренной мистическими числами стены до другой, выплевывая недокуренные огрызки сигар и на чем свет стоит костеря медлительных, как ему казалось, рабочих. Не обращая внимания на темпераментные всплески, они продолжали молча стучать молотками.

Привычная ругань хозяина никогда не имела дурных последствий. Скорее напротив: чем крепче выходили словеса, тем больше текилы выставлялось на ужин. Сам дон Хосе любил пропустить лишний стаканчик под ломтик подсоленного лайма. Он и обедал обычно с рабочими, в неимоверных количествах поглощая бобы с рисом и тортильи из кукурузной муки, до умопомрачения проперченные красной, обладавшей убойной силой тротила подливкой. Дожив до шестидесяти восьми, Торрес оставался таким же тощим, как в юности,

и никогда не жаловался на здоровье. Текилу и соус «табаско» он считал лучшим средством не только от желтой лихорадки, но и от старости. На его голове не было ни единого седого волоса, лишь усы основательно побелели.

Настал долгожданный день, когда вывешенная на стальных тросах каменная громада медленно поползла вверх. В дымном шипении карбидного огня глазу открылся тесный, заваленный щебнем лаз. Радость открытия отступала перед тягостной мыслью о новой расчистке.

Торрес подумал, что американцы были правы. Придется взять передвижную электростанцию, провести силовой кабель на самый верх и смонтировать ленточный транспортер. Ранее чем через месяц нечего и думать о продолжении раскопок. По его приказу все местные мужчины взялись за кирки и лопаты. Щебень, в котором попадались крупные доломитовые осколки, насыпáли в мешки и с помощью блоков вытаскивали на поверхность. За неделю удалось обнажить шесть ступенек: каменная лестница вела в самые недра пирамиды. Скрывались ли там подземные галереи, сокровищница или же склеп, можно было только гадать. Едва ли потайное помещение предназначалось для хранения пустоты. Решено было пробиваться, невзирая ни на какие затраты. Хорошая статуя или плита с иероглифами обещала окупить их сторицей. Каждый шаг давался с невероятными усилиями. Каменные глыбы приходилось долбить кувалдой и выворачивать ломом. Жара, затхлый воздух подземелья, сдобренный вонью ацетилена, и удушливая известковая пыль выматывали последние силы. Приходилось делать частые перерывы и выбираться на воздух, чтобы чуточку отдышаться. Женщины не успевали таскать воду.

Торрес решил сделать перерыв и дождаться электростанции. В Бостон послали факс с просьбой выслать шахтные вентиляторы, а из саперного батальона обещали подвезти воздуходувную установку. Камни в завале за долгие века сцементировались солями кальция, и пара-другая перфораторов оказалась бы более чем кстати. Но остановить проходку так и не пришлось. В самый последний момент кто-то обнаружил квадратный колодец, облицованный скрепленными раствором гладкими плитками.

Вестерман швырнул туда доломитовый осколок и засек время. Неожиданно громко прозвучал удар камня о камень. Глубина колодца была никак не меньше двадцати метров.

— Вертикальная труба, не иначе,— определил он.— Первый раз встречаю такое. Зачем она, для чего?

— Ответ ждет внизу.— Торрес вылил себе на голову воду из фляги: липкий пот разъедал глаза.

— Чем труднее препятствия, тем богаче клад. Очевидно, здешним майя было что скрывать. С сегодняшнего дня я вдвое повышаю почасовую оплату и сверхурочные. Та глыбина и пробки в дырах, пришлифованные плиты, наконец, чертов завал — это неспроста. Стоит выложиться, ребята. Не пожалеете.

И потянулись бесконечные часы изнурительной работы, когда оглохшие уши не воспринимают грохот расколотых глыб, а глаза, отвыкнув от дневного света, видят призрачные картины. Одним являлась Пресвятая Дева, других тревожили древние боги, алчущие кровавых даров. Холмы щебня, сброшенного к подножью, неуклонно росли, но ни единого обломка, тронутого рукой ваятеля, так и не выловили в завале. И хоть бы какой знак на лестничных стенах.

В течение месяца заболели восемь рабочих. Двое из них умерли и были похоронены на деревенском кладбище. Сирые холмики красной, как мясо, земли обложили доломитовыми кусками. И не видно было конца ступеням, а из квадратной трубы исходили странные звуки, напоминавшие вздохи и всхлипывания.

На глубине в восемнадцать метров внутренняя лестница вывела в коридор, который тоже оказался запечатанным спекшимся щебнем. Вновь пришлось долбить дыры, крушить и раскалывать вмурованные ядра окатанной гальки. Известковый раствор жег руки, тело покрывалось язвами. Толщина пробки превышала три метра. Когда оставалось пройти всего ничего, подоспела долгожданная электрификация. В дело пошли отбойные молотки, мощные вентиляторы очистили воздух, а софиты разогнали зловещие тени. Работа пошла веселее.

Сразу за перегородкой наткнулись на саркофаг из базальта, тоже засыпанный вездесущей крошкой. На самом дне лежали завернутые в истлевшую материю кости. Рейчел Грегор, антрополог, установила, что ске-

леты принадлежат молодым мужчинам от пятнадцати до восемнадцати лет. Черепа, согласно эстетическим традициям майя, были деформированы еще в раннем детстве, передние резцы выпилены треугольником, соседние зубы инкрустированы нефритом и бирюзой.

— Шесть полных скелетов,— удовлетворенно сказала она, раскладывая останки по ящикам.— Несомненно принесены в жертву. Скорее всего, удушены. Тот, чей покой они призваны охранять, очевидно, находится где-то рядом.

— Хотел бы я знать, где именно,— озадаченно покачал головой Торрес. Ступени сводчатого туннеля обрывались в шахте, из которой не было выхода.

Вестерман на карачках облазил тесную мышеловку с рефлектором в руках. На северо-западной стене ему удалось разглядеть замкнутый контур в виде трапеции, проступавший сквозь штукатурку. Раздолбив известку, рабочие уперлись в гранитную затычку, запиравшую лаз. Проще было расширить отверстие, нежели расколотить многотонную глыбу. Четырехметровый штрек проложили всего за два дня. Вестерман, извиваясь, как ящерица, вполз в него, таща за собой кабель. В жарком свете кварцевой трубки вспыхнули и засияли кружева облепивших пол сталактитов. Мерцающие алебастровые фигуры, выросшие за две тысячи без малого лет, облепили стены сказочной пещеры. Сталагмитовые причудливые столбы фантастическими грибами поднимались прямо с вмурованной в пол плиты, на которой различались извилистые линии прорезанного узора.

— Кажется, мы у цели,— доложил он, зализывая изодранные пальцы.— Но придется еще немного потрудиться, иначе гранитная болванка упадет нам на голову.

«Немного» вылилось в неделю остервенелого треска перфораторов. Сгибаясь под тяжестью мешков, носильщики не успевали перетаскивать груз к транспортеру. Из-под кожаных налобных повязок, на которые приходилась основная нагрузка, сочился кровавый пот. Прежде чем гранитная призма осела на груду осколков, умер еще один рабочий, отец четырех малышей.

Торрес выписал чек на пятьдесят тысяч долларов, а после похорон добавил, по совету Вестермана, еще столько же.

Теперь, малость пригнувшись, в штреке можно бы-

ло передвигаться без опаски. Торрес непременно желал войти первым, но Вестерман, почти впритык идущий следом, цепко схватил его за плечо.

То ли ему показалось, что шевельнулась мокрая, покрытая карстовыми наростами ступень, то ли сработала профессиональная интуиция.

— Давайте назад, патрон,— попятился он, таща за собой Торреса.— Там ловушка.

Брюзжа и чертыхаясь, дон Хосе вылез из штрека.

— Коба,— выругался он,— вам, наверное, померещилось, трусишка. Здесь не Египет!

— Очень возможно, но я предпочитаю проверить.— Подобрав обломки потяжелее, Вестерман скрылся в провале. Остановившись перед широкой ступенью, отделявшей штрек от камеры, превратившейся в грот, он бросил камень на самый край. Так и есть: плита повернулась на скрытых шарнирах, сбросив доломитовый кусок в глубокую яму, и вновь встала на место. Вместе с отколотыми от удара сталактитовыми лепешками, похожими на огарки свечей, ухнули и остатки щебенки.

В спешном порядке сколотили деревянный мостик, по которому первым, как и положено, перебрался Хосе Сота де Торрес, отдаленный потомок Кортеса-завоевателя.

На напольной плите, после того как ее основательно отдраили от напластований, во всем великолепии обнажился магический узор майяского растительного креста с початками священной кукурузы.

Занимая добрую половину помещения, плита горела агатовым зеркалом, отражая белый накал софитов. Грот казался отлитым из льда. Нестерпимыми искрами вспыхивали алебастровые кристаллики на стенах, обросших призрачной изморосью запредельного мира.

Девять страшных богов Шибальбы окружали надгробие с Севера, Востока и Юга. Только путь на Запад оставался свободным. Взятый азимут упирался в дыру, из которой явились незваные гости, осмелившиеся нарушить вечный сон неведомого владыки.

Сама Смерть смотрела на Торреса пустыми глазницами Ах Пуча, и жуткий Ах Ал Пуч устремил невидящий взгляд на Вестермана. Их жезлы с роковыми эмблемами были угрожающе подняты над голыми черепами, костяшки пальцев сжимали орудия пыток

и истребления. Известковая капель облекла зловещих хранителей преисподней восковым налетом. И эта туманная призрачная глазурь придавала необыкновенную живость их мертвенному оскалу.

— Из жизни всегда есть выход,— сказал Торрес. Ему стало как-то не по себе,— но не назад.

АВЕНТИРА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

УОРЧЕСТЕР, ШТАТ МАССАЧУСЕТС

«Оффишл газетт» (Претория). Экстренный выпуск.

Вчера вечером телезрителей второго канала ожидал оригинальный сюрприз. Вместо начала футбольного матча между командой «Реал Мадрид» и национальной сборной болельщики были «порадованы» лицезрением обнаженного мужчины, застывшего в характерной позе самопогружения, а вслед за тем и картинкой звездного неба, словно бы спроецированной в голове «шутника», которой явно не повредили бы парикмахерские ножницы. И не только они! Возможно, кто-то и извлек пользу из лицезрения картины мира по Птолемею. Коперник давно навяз в зубах и вообще подмывает желание упроститься до последней крайности, чтобы, сбросив оковы цивилизации, задрать хвост и убежать в ближайший лес. Все же осмелюсь предположить, подавляющее большинство телезрителей было в шоке. Тем более, что — без объяснений! — канал отключили, и передача возобновилась лишь по истечении семнадцати минут, причем в самый пикантный момент, когда общий любимец Данкро блистательно пустил мяч мимо ворот гостей. Но дело, конечно, не в футболе, хотя для многих вечер был явно испорчен, и даже не в досадной накладке, ибо никто не застрахован от случайностей. Лично меня совершенно потряс невразумительный лепет, слетевший с прелестных губок диктора программы новостей после первого тайма. «Компьютерный вирус»! Может ли быть такое? Ведь трансляция шла в прямом эфире. И вообще, почему понадобилось столько времени, чтобы овладеть ситуацией? Или кнопку на пульте тоже заклинило? Вопросы можно множить и множить, тем более, что сколь-нибудь удовлетворительного ответа ждать не приходится.

Редакция была вынуждена провести в экстренном порядке собственное расследование. Вот что удалось узнать Вашему корреспонденту за эти ночные часы. Прежде всего, о личности новоявленной телезвезды, чье появление наверняка вызвало сочувственный отклик у сторонников нудизма. По крайней мере их значительно больше, чем последователей Птолемея. Героем вечера оказался некто Патанджали, он же Мунилана, прибывший в Кейптаун по приглашению индийской общины в начале июня сего года. Как уже сообщалось в печати, мистер Мунилана получил осколочное ранение в область черепа (sic!) в тот самый момент, когда выступал перед единоверцами с проповедью о близком конце света. Заметим попутно, что полиция не слишком преуспела в расследовании этого омерзительного акта террора, унесшего жизни нескольких ни в чем не повинных людей. Сам пророк, в отличие от его поклонников, отделался сравнительно легко. После оказания первой помощи в окружной больнице, его перевели в госпиталь Крюгера, где он и оправился от последствий ранения в рекордно короткие сроки. По мнению одного из врачей, просившего не называть его имя, столь скорое выздоровление объясняется уникальными психическими особенностями мистера Мунилана, профессионального йога и чудотворца. Нас даже пытались уверить в том, что он способен оказывать воздействие на электронные приборы — компьютеры, в частности. Не это ли послужило причиной возникновения «компьютерного вируса», так не вовремя поразившего второй канал? Звучит фантастично, хотя мы уже привыкли к тому, что былью становятся самые невероятные идеи. Остается только догадываться, каким образом загадочный вирус попал в диск, предназначенный для показа в эфире. Если до последнего времени мы имели дело с компьютерными гангстерами и злонамеренными шутниками-программистами, то ныне через телеэкраны информ-зараза проникла в наши дома.

Негативные последствия постиндустриальной эры, как видно, не ограничиваются озонными дырами, парниковым эффектом и катастрофическими утечками радиации. Кстати, о ядерных перипетиях и утечке, к счастью, не радиоактивной природы. По имеющимся у нас сведениям, йог-чудодей пребывает ныне в Белиндаба, где до последнего времени располагался центр урано-

вого проекта. Случайное совпадение? Быть может. И все же: для каких целей понадобился ученым мужам человек, способный, или якобы способный, воздействовать на электронную технику? Не идет ли речь о неком оружии, более эффективном, чем атомное? Есть основания полагать, что и в Белиндаба, и в госпитале Крюгера, где находится некий «исследовательский центр», куда не слишком охотно допускают журналистов, ведутся эксперименты в области так называемого «психозондирования», которое метко окрестили «психозомбированием». Судя по материалам, опубликованным на прошлой неделе в немецком журнале «Schtern», к исследованиям по-прежнему загадочной зоны подсознания подключаются разного рода частные общества и оздоровительные клубы, возникшие за последние годы во многих странах. Удивляет, если не настораживает, поразительное единообразие их наименований: «Unknowns» — в Лондоне, Мельбурне, Бостоне и Нью-Йорке, «Unbekannten» — в Киле и Гамбурге, «Desconocidos» — в Санта-Клара (штат Калифорния), Буэнос-Айресе, Мехико и Бильбао. Кто они, эти «неизвестные», что так заинтересовались вдруг тайниками человеческой души? Напрасно искать их имена в справочниках «Кто есть кто». Ни адресов, ни телефонов «оздоровительных» заведений вы не встретите на «желтых страницах» телефонных книг. Остается верить авторитетному журналу, что такие действительно есть. В эту международную группу (так и хочется сказать: «сеть») входят и наши соотечественники, живущие **где-то** в Кейптауне и Иоганнесбурге. И **где-то** под Парижем тоже есть своя «Invisibellite» [1], и я не удивлюсь, если окажется, что в Москве, а может и в Петербурге, откроется филиал «Неизвестности».

Мы все же надеемся пролить свет на тайны больших и малых городов, каким-то образом связанные, а может и вовсе несвязанные, с появлением на экране мистера Муниланы. Следите за нашими публикациями.

Боб Кларенс».

Это была не просто утечка, но искусно и с дальним прицелом организованная утечка. Рано или поздно нечто похожее должно было случиться. В предвидение подобного инцидента Джонсон предложил Глэдис фон

[1] Невидимость (*фр.*).

Лауэ организовать **сеть** — прав этот сукин сын Кларенс! — несуществующих фирм, коим и дал, провоцируя не только газетчиков, но и собственных **неизвестных** хозяев, соответствующее название. К его удивлению, оно было принято. Даже если кто-то и докопается до адреса какого-нибудь «Unknowns» или, скажем, салона «Unsichtbar» [1], коего парни из «Штерна» **не увидели** под собственным носом, дальше пустой комнаты в заброшенном строении он не продвинется. Развалюхи, предназначенные на слом, были вместе с землей куплены подставными лицами. Названия будущих клубов фигурировали в муниципальных картотеках как предположительные. Официальное расследование тоже ничего не даст, потому что владелец не явится, ибо такового просто-напросто нет на белом свете, и сделку придется аннулировать. На том и кончится.

Неприятен сам факт публикации, а еще более — ее совпадение по времени со статьей в «Штерне». Кто-то определенно начал подкоп. Джонсон примерно догадывался, кто именно, какие круги.

— Попробуйте позвонить в Вашингтон, Тим,— сказал он Борцову, когда они остались вдвоем за утренней чашкой чая.— Код: 202.

— Вам удалось что-то узнать?— встрепенулся Ратмир.

— К сожалению, ничего определенного. Есть кое-какие основания полагать, что ваш абонент не связан с **официальной** резидентурой. Следовательно, можно рискнуть, хотя, честно говоря, я бы предпочел иметь дело с легальным разведчиком.

— Разведчиком?— голос Борцова упал.— Так вы подозреваете...

— Ничего я не подозреваю,— Джонсон успокоительно отмахнулся.— Вы позвоните, а там будет видно. Пройдем в кабинет.

— Хорошо,— Ратмир сел за письменный стол, взял трубку и выдвинул стерженек антенны.— Я тут о многом передумал и у меня возникли вопросы.— Он набрал код и номер.

— Погодите,— остановил его Джонсон, передвинув рычажок радиотелефона.— Я бы тоже хотел поучаствовать,— он многозначительно раскрыл лежавший рядом

[1] Невидимый (*нем.*).

блокнот. Раздававшиеся в мембране гудки теперь были слышны обоим.

На четвертом или пятом включился автоответчик.

«Назовите себя»,— быстро написал Джонсон.

— Добрый день,— сказал, дождавшись сигнала, Борцов по-русски и представился в полной форме: по имени и отчеству.— «Что дальше?» — изобразил он одними губами.

«Есть ли у вас для меня информация»?— Джонсон перешел на кириллицу.— Мой телефон...

Ратмир послушно воспроизвел написанное.

— Позвоните мне по телефону,— отчетливо называя каждую цифру, он продиктовал номер.— Пожалуйста! Я буду ждать.

Джонсон удовлетворенно кивнул.

— Не беспокойтесь, Тим, они позвонят.

— Они? Вы, конечно, знаете, кому принадлежит телефон?

— Конечно. «World Trade LTD». Крохотная посредническая фирма, основанная в 1989 году вашим бывшим соотечественником. Фамилия не столь важна, потому что дело перешло в другие руки. В чьи? Это предстоит выяснить.

— А в Париже?

— Тот же сон. Галерея, приторговывающая картинами русских художников. Под такой крышей может скрываться кто угодно.

— Нелегал?

— Не думаю. Так подставляться...

— Рэкет? Мафия?

— Не знаю, Тим, точно не знаю. Вы не волнуйтесь. Первый контакт обязательно что-нибудь высветит... Какие вопросы у вас ко мне?

— Меня потрясла лекция профессора Ли,— подумав, начал Борцов.— До сих пор не могу прийти в себя.

— Я тоже под впечатлением, хотя приблизительно знал, о чем пойдет речь, и намеренно взял вас с собой.

— Это-то меня и удивило.

— Почему, собственно?

— Полеты **через** пространство? «Машина времени»?.. Ну, знаете ли...

— Разве вы не топтались вокруг да около? Извини-

те, но вам ли удивляться, Ратмир Борцов. Я-то знаю, я-то читал.

— Писать одно...

— Не верите, что такое возможно?

— Не в том дело, Пит, вовсе не в том,— лицо Ратмира скривила вымученная гримаса.— Не нравится мне все это.

— Что именно? «Машина времени»?

— Все. Будьте со мной откровенны, зачем я вам нужен?

— Вот так вопрос!

— В самом деле, зачем? Для каких целей?

— Вы прекрасно знаете, зачем и для чего.

— Сценарий?.. У меня создалось впечатление, что это придумано для отвода глаз. Простите, если не так.

— Объяснитесь, пожалуйста.

Ратмиру показалось, что Джонсон подавил сочувственную улыбку.

— Объясниться нетрудно, Пит. Я знаю цену вещам, о которых говорил Эрик Ли.

— Еще бы вам не знать! Замкнутое время, вечное теперь, физический вакуум — вы освоились здесь несколько раньше, чем об этом всерьез заговорили физики. Поэтому ваши вопросы не по адресу. Вам не стыдно, Тим?

— Мне, право, не до стыда,— Борцов говорил через силу, преодолевая тяжесть сомнений, круто замешанных на предчувствии неотвратимой беды.— Судите сами,— он замолк, подыскивая наиболее убедительные слова.— И космос, и атом — детская забава по сравнению с тем, что сулят «червячные дыры». Вы согласны?

— Допустим.

— Верю ли я в то, что такое осуществимо на практике? И да, и нет, то есть я понимаю, что в принципе это возможно. Я же следил за литературой. Мне довелось встречаться с Зельдовичем, Гинзбургом, Новиковым. И Торна читал, как только статья появилась в «Nature». Словом, в курсе... Скажу даже больше. Ваш Ли, безусловно, выдающийся физик, но в мире есть человек еще более гениальный.

— Вполне возможно. И кто же он, этот ваш гений?

— Стивен Хокинг. Слышали?

— Боюсь, что нет. Я ведь вам уже, кажется, говорил, что физика не моя стихия.

— Тем не менее, вы ею занимаетесь.

— Только как финансовый менеджер, целиком полагаясь на специалистов. Льщу себя надеждой, что страшные подозрения рассеются, и вы тоже окажетесь в их числе.

— Значит, вы не читали «Краткую историю времени. От большого взрыва к черным дырам»? — Борцов пропустил намек мимо ушей. — Жаль.

— Еще бы не жаль, но, что дано Юпитеру, то не дозволено быку. У каждого свой потолок.

— Напрасно вы так думаете. В книге есть всего одна формула $\varepsilon = mc^2$. Так что советую прочитать на досуге. Хокинг развивает идею замкнутой Вселенной, где линия времени возвращается вспять.

— Крайне интересно!

— Следствие сливается с причиной и такие штуки, как «до» и «после», становятся более чем относительными. Надеюсь, вы понимаете, что из всего этого проистекает?

— Наверное, не так хорошо, как вы, но догадываюсь... Где он живет, ваш Хокинг?

— Хотите привлечь? Ничего не получится.

— А я все же попробую! — с веселым упрямством тряхнул головой Джонсон. — Эрик Ли тоже казался недоступным, да и вы, Тим, извините, не сахар.

— Сахар — не сахар... Я ведь совсем о другом. Он прикован к инвалидному креслу и даже лишен дара речи, хотя активно работает и ездит по миру. Приезжал к нам в Ленинград на конференцию, посвященную столетнему юбилею Фридмана. Надеюсь, хоть это-то имя вам знакомо?

— Краем уха слышал. Он, кажется, развил идеи Эйнштейна?

— Можно сказать и так. Но я бы выразился иначе: построил модель Вселенной, которую называют его именем.

— Я узнал от вас массу полезных вещей, Тим, но скажите, как Хокингу удается объясниться с коллегами, если он не может говорить?

— Специально для него одна крупная фирма разработала синтезатор речи, соединеннный с компьютером.

— Ах, так! Удивительный случай. Поразительного мужества, должно быть, человек. Он отроду такой, или?..

— Болезнь. Боковой амиотрофический склероз, называется. Точно не знаю, что это такое, но последствия, увы, жуткие.

— М-да, ничего не скажешь,— вздохнул Джонсон.— Так где, говорите, он живет? Вдруг придется проконсультироваться. Эрика Ли он, надеюсь, сможет принять? Или Торна?

— Вы и с Торном знакомы?

— Бывал у него в Пасадене. Вместе с Ли. Они говорили про свои дыры, а я сидел дурак-дураком.

— Теория черных дыр Торна, собственно, и натолкнула Хокинга. Он построил на ней свою магистерскую диссертацию в Оксфорде.

— Так он еще молод?

— Как видите. Во всяком случае, ни возраст, ни недуг не помешали ему стать самым, быть может, великим мыслителем нашего времени. Он по праву унаследовал кафедру, которую возглавлял еще Исаак Ньютон.

— Кембридж!

— Да, в Кембридже.

— И тоже занят «червяными дырами»?

— Подымай выше! Он еще нацелился на теорию Великого объединения, которая объяснит Вселенную. Понимаете, Пит? Все остальное будет вытекать из нее как следствия.

— Если получится.

— Дай-то Бог, чтобы получилось. Эйнштейн искал до последних дней жизни... К чему я все это говорю?

— Вот именно!

— Коль скоро ваша корпорация и вы лично, Пит, замахиваетесь на такое, а в этом после дебатов в «Механикс Холл» у меня нет сомнений, то позволительно задаться вопросом, на кой ляд, извините за выражение, вам моя скромная персона? Грядет величайший научно-технический переворот в истории, а вы, вместо того, чтобы целиком посвятить себя действительно потрясающему воображение предприятию, почему-то цацкаетесь со мной? Я этого просто не понимаю. Какой к черту сценарий? При чем тут «Эпсилон Пикчерс»?

— Вот вы о чем!— хлопнул в ладоши Джонсон, впервые позволив себе эмоциональный жест.

— И не только об этом!— Борцов непроизвольно повысил голос.— А химия? Я говорю о работах про-

фессора Вейдена и Долорес! Как все это увязывается? Какое отношение...

— Стоп! — перебил Джонсон.— Давайте немного сбавим накал... Между прочим, как вам наша красавица-мексиканка?

— О, Господи! Какое это имеет значение?

— Все в нашем мире имеет значение. Тем более, если ваш Хокинг прав, и наша Вселенная замкнута, и время, как алхимический змей, кусает свой собственный хвост. Возможно, я допустил тактическую ошибку, предоставив вам возможность разобраться во всем самому. Но поймите и меня, Тим. Первому встречному не раскрывают карты. Мне хотелось присмотреться к вам поближе, оценить вашу хватку, которая, признаюсь, превзошла мои ожидания. Вам удалось связать кое-какие нити быстрее, чем можно было предполагать. Что ж, тем лучше, хотя вы и пришли к неверным выводам. Возможно, виной тому ваша повышенная эмоциональность и, конечно, печальные обстоятельства личной жизни.

— Оставим личную жизнь.

— Зачем же? Даю слово, что не имею ни малейшего отношения к постигшему вас несчастью и глубоко вам сочувствую. Однако я допускаю, в порядке рабочей гипотезы, что наш с вами контакт мог каким-то образом сказаться на положении дел.

— Вы действительно так думаете? — содрогнулся Борцов, как от удара током. Нервы и вправду были напряжены до предела.— Скажите мне все, без утайки. Нет ничего хуже неизвестности.

— Я предельно откровенен, мой бедный друг. У меня нет причины что-либо утаивать. Вспомните, кто познакомил вас со стариной Рогиром? С синьорой Монтекусома? Кто, чуть не силой, затащил в «Механикс Холл»? Я же видел, как вам хотелось на лекцию! Теперь поставьте себя на мое место. Допустим, вы — коварный Питер Джонсон, а я — наивный и подозрительный, как все советские люди, писатель Борцов, которого мне во что бы то ни стало надо завлечь в сети, говоря попросту, одурачить. И как бы вы себя повели в этом случае?.. То-то и оно. Молчите? Потому что вам стыдно.

— Постойте, Пит,— попытался было возразить Ратмир, но Джонсон предостерегающе поднял ладонь.

— Нет уж, теперь вы постойте. Прежде я должен ответить на ваш вопрос, прозвучавший, как обвинение. Вы спрашиваете, почему я вместо того, чтобы заниматься делом, действительно важным, позволяю себе нянчиться с вами? Вы сказали даже хуже — цацкаться, чем обогатили мой лексикон... Что значит цацкаться?

— Примерно то же, что няньчиться,— через силу улыбнулся Ратмир.

— Значит, я все-таки обладаю языковым чутьем.

— Безусловно.

— Уже легче. Все-таки игра идет на вашем поле. И в лингвистическом смысле, и в научном, ибо мои познания в физике ничто по сравнению с вашими. Тем не менее, я осмелюсь задать вам простейший вопрос: с чего, по вашему мнению, началась атомная эра?

— С открытия Рентгена, с опытом Беккереля, мало ли...

— И сколько лет прошло, прежде чем мы грохнули бомбу? Полвека?

— Примерно.

— Теперь скажите мне, с какого момента берет отсчет термоядерный синтез?

— Наверное, с Бете? Когда пришло понимание процессов, протекающих в звездах.

— И сколько лет минуло?

— Шестьдесят, даже больше.

— И где он, ваш термояд?.. Вот и судите теперь, когда на голову упадет яблочко с «червивой дырой»... Нам выпало — счастье или несчастье, не знаю,— начинать и мы начали, не надеясь увидеть при жизни плоды с древа, которое щедро поливаем долларами. Кто бросит в нас камень, что, будучи людьми деловыми, мы надеемся оправдать хотя бы часть первоначальных затрат? И здесь вы не ошиблись, «Эпсилон Пикчерс» — только деталь, притом не самая важная, колоссального механизма. Вам предстоит увидеть и узнать немало интересных вещей. Думайте, сопоставляйте, обращайтесь с вопросами. Возможно, вам и самому захочется принять участие в наших программах не только в качестве сценариста. Я ведь не случайно обратился именно к вам, к писателю и ученому, предвосхитившему многое из того, чем ныне приходится заниматься

вплотную. Унижение паче гордости. Слишком уж вы принижаете вашу «скромную персону». С вами стоит понянчиться, Тим. Вдруг что-нибудь и получится... Будут еще вопросы?

— Только один,— неловко поежился Борцов, заливаясь краской.— И простите меня, Пит, я не хотел вас обидеть.

— Я понимаю, забудем.

— Почему вы думаете, что наше сотрудничество как-то связано с Никой?

— Не думаю, но допускаю. Надо же хоть от чего-то отталкиваться? Я ищу причину, Тим, возможную связь — все, что угодно. Последовательность событий невольно настораживает. Post hoc non est propter hoc[1] — останавливаю себя и продолжаю думать. Обещаю вам сделать все, что в моих силах, и ничего не скрою от вас, каковы бы ни были результаты.

— Спасибо, Пит. От всего сердца, спасибо.

Телефонный звонок вновь заставил Борцова вздрогнуть. Сделав предупредительный знак, Джонсон снял трубку.

— Это не вам,— сказал он, зажав микрофон,— это по мою душу, прошу прощения.

Ратмир понял, что ему лучше удалиться.

— Рад слышать вас, Глэдис,— сказал Джонсон, оставшись один, и подумал: «Начинается».

— Надеюсь, вы в курсе?— спросила она.

— Полностью.

— Надо бы встретиться.

— Когда и где вам будет угодно.

— Мехико вас устроит?

— Мне всегда нравилась золотая середина,— Джонсон знал, что у нее уже все решено.— Вы когда вылетаете?

— Завтра.

— Тогда до встречи, Глэдис.

---

[1] После этого, но не вследствие этого (*лат.*).

АВЕНТИРА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

РИМ, ИТАЛИЯ

Не только земные, но и заоблачные дороги по-прежнему ведут в Рим. Для Висенте из Кордовы паломничество в Святую землю тоже началось с посещения Вечного города. Крылья «Иберии» принесли его в аэропорт Леонардо да Винчи. Верный обетам бедности, нищенствующий брат не взял такси, а преспокойно доехал до вокзала Термини в полупустом экспрессе, что обошлось всего в четыре тысячи лир. Подняв капюшон — задувал ледяной ветер,— он быстрым шагом пересек Пьяцца деи Чинкоэченто, где в любую погоду идет бойкая торговля, и углубился в лабиринт знакомых улочек. Вскоре он оказался в теплом холле недорогой, но тихой и уютной гостиницы «Светлая месса», в которой останавливался почти неизменно.

Номер, оклеенный обоями в мелкий цветочек, был тесноват, однако просторнее кельи и со всеми удобствами. Немного передохнув и выпив воды, Висенте позвонил в Ватикан. В канцелярии подтвердили, что аудиенция состоится.

Папа принял почетного члена своей академии [1] на загородной вилле Кастель Гандольфо, но не смог уделить ему более трех минут. Опустившись на колени, Висенте приложился губами к «перстню рыбака» и смиренно выслушал краткие наставления умудренного жизнью первосвященника, проявившего интерес к раскопкам в библейских странах. Его святейшество любезно пожелал ему счастливого пути и благополучного возвращения.

¡Hasto luego! — попрощался он по-испански.

Глаза Висенте наполнились слезами. От него не укрылось, что великий понтифик, превозмогая боль, потирал ногу, делая вид, что машинально расправляет тяжелые складки белоснежных одежд. У деликатного испанца не повернулся язык обратиться с просьбой. Оставалось лишь надеяться, что письменное ходатайство архиепископа Толедо откроет доступ в святая святых Ватикана — секретный архив. Только там могли храниться бумаги кавалера де Луна.

---

[1] Pontificia academia Scientiarum (*лат.*).

«Я, Энрике Луна, рыцарь ордена Храма, клянусь Иисусу Христу, моему господину и повелителю, и преемнику князя апостолов, суверенному Папе и его наследникам в постоянной верности и послушании. Клянусь, что я не только словом, но и оружием, всеми силами буду защищать таинства веры... Обещаю также повиноваться великому магистру ордена и быть послушным, как того требуют уставы... В любое время дня и ночи, когда будет получен приказ, клянусь переплыть все море, чтобы сражаться против неверных королей и князей».

Копию тамплиерской клятвы, заверенную наследниками Жерара де Соньера, прецептора ордена Тамплиеров, Висенте получил из Тулузы за несколько дней до отъезда в Рим.

На обороте красовался оттиск печати с фамильным клеймом папы Климента. Где, как не в Ватикане, следовало искать?

Висенте послал запрос, но не дождался ответа. «Собираются князи»... Навязчивым рефреном бился библейский стих, сплетаясь со словом тамплиерской присяги.

Нет, не мог христианский профес[1] плюнуть на Святое распятие. Не Бафомету, а Иисусу Христу клялся он в вечной верности, не против папы готовился обнажить меч, но в защиту его от неверных венценосцев.

Почти семь столетий минуло с той пятницы тринадцатого дня октября (верно «черная пятница» — день дьявола), когда доблестных рыцарей обвинили в ереси и богохульстве, но документы, хранящиеся в Ватиканской библиотеке, по сию пору не рассекречены. Один Бог знает, сколько подобных тайн навеки схоронено за «Бронзовыми вратами».

Висенте не был настолько наивен, чтобы полагаться только на расположение папы. Святой отец добр, великодушен, щедр на знаки внимания. Но верно говорят, что слова умирают в стенах его дворцов. Без ясно выраженного приказа нечего и соваться в читальный зал.

Передав письмо архиепископа в канцелярию, он

[1] Рыцарь — монах, принявший три обета: бедности, целомудрия и послушания.

позвонил секретарю академии и договорился о встрече.

Граф Готфрид фон Боденшайн, сославшись на крайнюю загруженность, попросил его приехать в обсерваторию, которую по совместительству возглавлял.

Висенте был приятно удивлен, увидев в директорском кабинете историографа Мальтийского ордена Владислава Скваронски. По всему было видно, что Боденшайн приготовился к серьезному разговору: историограф носил высокое звание командора и считался влиятельной фигурой в папской курии. Едва ли его бы пригласили только затем, чтобы отшить не в меру любопытного францисканца.

Выслушав просьбу, уже известную из предварительной беседы по телефону, Боденшайн начал издалека, затронув библейскую тему. Видный космолог, внесший существенный вклад в теорию рождения материи из вакуума, он порадовал кордовского теолога тонким пониманием истории.

— Церкви не в чем оправдываться. Это сделает за нее время,— повторил он любимую фразу предыдущего понтифика Павла.— Но новых глупостей лучше не совершать. Чрезмерная ортодоксальность и фанатизм вредны в любую эпоху, в нынешнюю — особенно. Вас, дон Висенте, я знаю как человека ответственного и широко мыслящего. Признаться, меня несколько удивила намеченная вами программа исследований. Какая связь может быть, к примеру, между Армагеддоном, под которым следует понимать аллегорию, и реальными событиями крестовых походов?

— Это-то и предстоит выяснить, ваше сиятельство. Посмотрим, что покажут находки.

— Обойдемся без титулов. Мы с вами ученые, и церемонии нам не к лицу. Думаю, командор Скваронски простит академическую вольность?.. Армагеддон, светопреставление, страшный суд — жгучая тема.

— Притом изрядно скомпрометированная всяческими шарлатанами,— заметил Скваронски.— Мегиддо — интересный объект для исследования, но след на земле оставляют события, которые уже произошли.

— Здесь требуется соблюсти максимальную сдержанность и деликатность. В мире и без того довольно

поводов для тревоги. Не в наших интересах подбрасывать щепки в огонь.

— Историческая наука вообще предполагает бережное к себе отношение,— согласился Висенте.— Я не вижу оснований выделять Мегиддо среди других городов, упомянутых в Библии. При всей значимости пророчеств Откровения святого Иоанна, пальма первенства, безусловно, принадлежит Иерусалиму и Вавилону. Я сужу с позиций историка. Вы совершенно правы, монсиньор,— кивнул он Скваронски.— Последняя битва, если и грядет, то пока существует только в потенции и, следовательно, никак не зафиксирована в археологических пластах. Меня интересует лишь то, что сбылось.

— Вы имеете в виду **конкретные** факты исполнения библейских предсказаний?— спросил историограф.— Так?

— Совершенно справедливо. Возьмем тот же Вавилон: все восемь пророчеств сбылись. «Краса царств, гордость халдеев, стал подобием Содома и Гоморры»,— свидетельствует Исайя.

— Я немного знаком с историей вопроса,— улыбнулся Боденшайн.— И даже занимался одно время подсчетом вероятностей. Кстати, доктор, вас не смущает так называемое шестое пророчество? Нет ли здесь некоторой натяжки? Пророк Иеремия говорит, что камни Вавилона не будут использоваться при строительстве, хотя происходило как раз обратное.

— Иеремия не указал, кто именно «не возьмет» камня для углов и камня для основания. Вы затронули наиболее уязвимое место. Если речь идет о завоевателях, то вопроса не возникает. Царь Персии Кир не тронул развалин. Простые же люди поступали иначе. Вавилонские кирпичи можно встретить во многих городах, и Вавилон тут не исключение. Так было повсюду. Церкви Мексики и Перу стоят на ступенях индейских пирамид, в Париже и Риме красуются обелиски Египта. Зададимся, однако, вопросом: можно ли считать «камнем» кирпич? Не имел ли в виду пророк краеугольные камни, большие и прочные, что использовались при закладке фундамента?

— Немного шатко, не так ли? Слабая аргументация. Особенно в сравнении с восьмым предсказанием,— возразил Боденшайн.

— Вынужден согласиться с вами: восьмое особенно

убедительно,— признал Висенте.— Исайя предрек, что Вавилон поглотит болото, так оно и случилось. Лейард, проводивший раскопки, отмечал, что речные набережные, за которыми никто не следил, разрушились, и воды затопили окрестные земли. Не удивительно, что раскопана лишь небольшая часть. Вавилон Хаммурапи доднесь скрыт под толстым слоем ила. Противоречива сама история, но не слово пророка, которое мы беремся толковать слишком буквально. Предначертанное сбылось — и это главное. Случайность — обратная сторона промысла.

— Питер Стоунер оценивает вероятности случайного исполнения семи пророчеств на базе сравнительных данных, касающихся судьбы многих центров древнего мира. Если взять вероятность разрушения Вавилона один к десяти, умножить ее на один к ста (вероятность того, что город никогда не возродится), затем еще один на двести (арабы не будут разбивать там свои шатры), и один к четырем (не будет овечьих пастбищ), и один к пяти (дикие звери поселятся в развалинах), и еще одну сотую (камни не лягут в основание новых домов, что не бесспорно), и, наконец, одну десятую (люди не пройдут мимо руин), мы будем иметь один шанс из пяти миллиардов. Цифра впечатляющая... Желаю вам получить не менее представительный результат на водах Магиддонских: дом Ахава, румяна Иезавель и так далее.— Легкой гримасой сомнения Боденшайн дал понять, что не придает особого значения арифметическим подсчетам.

Висенте уже начал бояться, что и тут дело закончится комплиментами и пожеланиями успеха.

— Крестовые походы явились непосредственным продолжением библейской истории,— деликатно напомнил он о предмете своего особого интереса.

— Я не забыл о ваших заботах,— секретарь задумчиво огладил рыжую эспаньолку,— и специально пригласил нашего академического собрата монсеньора Скаронски. В Ватикане нет интересующих вас документов, но не исключено, что кое-какие материалы найдутся в мальтийских архивах.

— Мне тоже так казалось, и я позволил себе обратиться с письмом на улицу Кандотти, но ответа также не получил.

— Я читал ваше письмо, дон Висенте,— уклоняя

взгляд, сказал историограф,— и дал указание архивариусу подготовить копии документов. Признаюсь, меня несколько удивили, чтобы не сказать больше, заинтересовавшие вас персоны. Вы называете имена рыцарей — испанцев, предположительно побывавших в Мегиддо. С этим еще как-то можно согласиться, хотя и тут возникают вопросы. Труднее понять причину внимания к такой ничтожной личности, как Лоренцо. Что вас привлекло в нем?

— Ответить легко: брат Лоренцо был смотрителем монастырской библиотеки, моим предшественником. Его записи и подвигли меня на поиски. Прежде всего, захотелось узнать обстоятельства смерти.

— И только-то? А вам известно, что он был одержим бредовой идеей тамплиерских сокровищ, якобы припрятанных в самых разных местах? Возможно, это и стало непосредственной причиной его гибели. Так случилось со многими — и до него, и после. К прискорбию, ажиотаж, последняя вспышка которого пришлась на семидесятые годы, не утихает по сей день. Всегда находятся неуравновешенные субъекты, готовые пуститься на авантюру. Слишком часто подобные эскапады заканчиваются трагически, что дает прессе лишний повод для эпотажа. Порочный круг, из которого я не вижу выхода.

— Разделяю вашу точку зрения, монсеньор. Современное тамплиерство сродни погоне за летающими тарелками.

— Хуже, падре, значительно хуже. Оно наносит вред репутации нашего ордена, взявшего на себя, как вы, безусловно, знаете, заботы о наследстве безвинно осужденных братьев. Сколько можно ворошить пепел костров? Воинствующий атеизм только и ищет повода, чтобы лишний раз попрекнуть церковь.

— Церковь — вечный институт, монсеньор. Мирская грязь не запятнает непорочной белизны риз. К тому же рыцари Храма были осуждены светским судом.

— Не совсем, дон Висенте, не совсем,— вмешался Боденшайн.— Одно дело отправить Моле и Шарне на костер, другое — упразднить орден. Официально он был распущен после подписания Климентом Пятым буллы «Vox clamantis» [1]. Бесспорно, папа пошел на это

[1] «Глас вопиющего» (*лат.*).

под сильным давлением, но слова из строки не выкинешь: что было, то было.

— Авиньонское пленение — не лучший период в истории церкви, — обтекаемо заметил Висенте. — Только я не совсем понимаю, какое отношение моя миссия имеет к загадке тамплиерских сокровищ. Если в Мегиддо и найдут капище Ваала, то нет никакой уверенности, что обнаружится и тамплиерский след. Я не очень-то верю в культ Бафомета. Мы не располагаем на сей счет надежными свидетельствами. Неизвестно даже, как выглядел идол. Описания противоречивы и не внушают доверия.

— Измышления палачей, — поджал тонкие губы Скворонски, резче обозначив тени на впалых щеках. — Двадцатый век показал, чем кончаются политические процессы — распадом общества. Вы случайно не читали книгу двух бойких американцев Гордона Томаса и Макса Уитса «Дабы не настал Армагеддон»?

— Сожалею, но я не слежу за подобной литературой. Не хватает времени.

— И правильно делаете. Набор вымыслов и передержек. Тем не менее, книга произвела сенсацию, реанимировав, казалось бы, навсегда развеянный миф о неком «всемирном заговоре». На сей раз в качестве жертвы был избран наш орден, насчитывающий без малого девять столетий. Чего только они нам не приписали! Сотрудничество с CIA, участие в заседаниях «Билдербергского клуба» и «Трехсторонней комиссии», подрывную деятельность в Латинской Америке и на Ближнем Востоке — словом, несусветная мешанина. Не суверенный орден креста Святого Иоанна, а крыша спецслужб. Меняются времена и мы меняемся вместе с ними. Орден не занимается и не собирается заниматься политикой, но почитает своим долгом смягчать противоречия, где только возможно, и регулировать возникающие конфликты. Естественно, что такая позиция находит отклик и среди членов «Римского клуба», и в «Билдербергской группе», и в других аналогичных собраниях. Как же иначе? Стабильность — вот тот идеал, что способен объединить человечество. Наиболее прозорливые деятели поняли это еще до того, как рухнула Берлинская стена и начался повсеместный развал коммунистической системы. Горбачев, в частности. Он встречался с делегацией «Трехсторон-

ней комиссии» в январе восемьдесят девятого года. Принципы, принятые ныне международным сообществом, как видите, были согласованы еще в то время. Достаточно взять в руки доклад «Отношения между Востоком и Западом: новые горизонты». Именно в том направлении, невзирая на локальные конфликты, и движется человечество.

«Что это, если не политика? — подумал Висенте.— И куда он клонит?»

— Полностью разделяю ваши взгляды на мировой порядок, монсеньор. У нас множество трудных проблем, требующих глобального подхода, но разрешить их возможно только на основе стабильности.

— Я рад, что мы нашли взаимопонимание. Иного и быть не могло. С другой стороны, падре, нельзя закрывать глаза на силы, подрывающие устои цивилизации. Пещерный национализм, терроризм, международная преступность — вот где таится ныне главная опасность. И не надо себя успокаивать, что угроза ядерного, как приятно было говорить, Армагеддона отошла на задний план. Напротив: к обладанию дьявольским оружием рвутся тоталитарные режимы, экстремисты и фундаменталисты всех мастей, мафиозные группировки. Они не брезгуют ничем. Возьмите, в частности, такую псевдорелигиозную пандемию как милленаризм, с роковым постоянство возникающую на грани веков и, тем более, тысячелетий. В средние века проповедями конца света пробавлялись безумцы, но за ними стояли отъявленные мошенники. Одураченные люди в панике покидали дома, а эта братия набивала карманы.

— Милленаризм — хорошо изученная болезнь, вы верно заметили,— поддакнул Висенте, силясь понять, зачем понадобились пустопорожние словеса, приправленные ложным пафосом. Верные по существу, они никакого отношения не имели к теме беседы и потому вызывали протест.— Григорий Турский вообще не позаботился приурочить свои призывы покаяться к скольнибудь круглой дате. Человечество не меняется, монсеньор, фанатики и легковерные простаки были всегда. Приходится с этим считаться.

— Есть существенное различие, падре. Ныне под личиной псевдорелигиозного фанатизма прячутся расчетливые циники, готовые ради достижения своеко-

рыстных целей залить кровью всю нашу планету. Сделав ставку на разгул массовой истерии, они прежде всего заинтересованы в дестабилизации существующего порядка. Лозунги могут быть разными, а цель одна — власть. Власть любой ценой. Мы сидим на бочке с порохом, и любая искра может разжечь мировой пожар. Понимаю, сколь неуместно выглядит банальное сравнение на фоне реальности. Кражи ядерного горючего, катастрофы на атомных станциях, утечка секретных технологий — опасные симптомы множатся повсеместно. Вы задумывались, куда ведут следы? Рассуждая о Вавилоне, хоть на минуту вспомнили о современном Ираке, где находятся дорогие вашему сердцу развалины? Говоря о конце истории, Фукуяма болтает вздор. История продолжается, она непрерывна, и грехи пращуров настигают нас снова и снова. Трагизм положения в том, что в один, далеко не прекрасный день она может действительно кончиться.

— Вернемся к Мегиддо,— подхватил эстафету Боденшайн. Сбитому с толку монаху показалось, что они оба разыгрывают заготовленную партию.— Лично у меня нет сомнений в благородстве ваших намерений, дон Висенте. Но уверены ли вы, бескорыстный подвижник науки, что вас не подталкивает чья-то злонамеренная рука? Монсеньор Скваронски не одинок в своих опасениях. Мы не знаем, что будет найдено при раскопках и, главное, как истолковано. Но стоит задуматься о том, какие последствия может вызвать очередной слух о конце света. Человек мало меняется — тут вы правы. Пресса и телевидение наверняка постараются сорвать куш на теме Апокалипсиса. Как же иначе? В чьей голове вспыхнет очередное сумасбродство? Как это отзовется в общественном сознании? Какие силы попытаются разыграть эту вечную карту? Заранее не угадаешь, досточтимый коллега. У каждого свое понимание добра и зла, тьмы и света, но призывы к насилию всюду звучат одинаково. До третьего тысячелетия и в самом деле остались считанные годы, а иррациональный фон сгущается, как по заказу. Последнее, должен сказать, смущает меня больше всего. В воздухе пахнет истерией, словно озоном перед грозой.

— Насчет меня можете быть уверены: я нигде не произнесу слово Армагеддон, хоть оно и означает Холм Мегиддонский, не более. Но вы, кажется, упомя-

нули какие-то силы, что могли избрать меня слепым орудием? Лично мне ничего такого не известно. Сколько помню себя, всегда руководствовался христианским долгом, уставом и собственным разумением.

— Вы могли и не знать, дон Висенте. Ученого человека легко соблазнить, подбросив ему какую-нибудь щекочущую энигму,— поспешно ответил Скваронски, хотя прозрачный намек насчет чьей-то руки сделал граф Боденшайн.— Давайте попробуем разобраться вместе. В своем письме вы, кроме Лоренцо, о коем забудем, называете кавалера де Луна, комтура Лопеса Рамона, рыцаря Хуана Ирибарне и еще некоторых — все испанцы.

— Так и есть. Это скверно?— спросил Висенте, пытаясь обуздать растущую неприязнь. Чем дальше, тем все более странный характер приобретала беседа. «То ли диспут, то ли инквизиционное следствие».

— Многое ли известно вам об этих людях?

— Почти ничего, но я стараюсь узнать как можно больше и не вижу в этом греха. С комтуром Рамоном, андалузским идальго, наша семья в отдаленном родстве. Ближайший сподвижник Яго де Моле, он претерпел жесточайшие пытки, но не признал за собой тех неслыханных мерзостей, что вменяли ему инквизиторы короля.

— Достойный рыцарь, как, впрочем, и остальные ваши избранники. Как думаете, что их объединяет? Кроме, конечно, белого плаща с восьмиконечным крестом?

— Затрудняюсь сказать.

— В том-то и загвоздка, падре, что все, как один, причастны к тайне тамплиерских сокровищ. И эта пресловутая тайна не умерла с ними, а продолжает жить, распаляя воображение кладоискателей и прочих сумасбродов, помешавшихся на оккультизме.

— Судьбы славного ордена Госпитальеров и несчастных рыцарей Храма настолько тесно переплелись, что иногда трудно отделить одно от другого,— непринужденно включился в разговор Боденшайн.— Мертвый хватает живого. Nomina sunt odiosa [1]. Вам это может показаться удивительным, дон Висенте, но, невзирая на многовековую давность, некоторые доку-

[1] Имена ненавистны; не будем называть имен.

менты по-прежнему взрывоопасны. Подобно бомбам минувшей войны, что прячутся под асфальтом вновь отстроенных городов, они требуют бережного подхода. Я бы даже сказал — ювелирного.

— Понимаю, но меня заинтересовали конкретные люди и обстоятельства. В частности, мои соотечественники и дальние родичи, которые побывали в Мегиддо перед отправкой на Кипр. Не думаю, чтобы это могло затронуть кого-либо из ныне живущих. А кладоискательство, смею уверить, не мой конек.

— Мы не можем знать, что таится в земле,— повторил прежний довод историограф,— и вынуждены поэтому выжидать, чтобы не дать лишнего повода к тенденциозным истолкованиям. Речь, разумеется, не о вас, Дон Висенте.

— Вы же знаете, падре, что Мальтийский орден наделен статусом суверенного государства, а там, где начинается политика, кончается здравый смысл,— принужденно пошутил Боденшайн.— Многое происходит на уровне детского сада. Обстоятельства сильнее нас. Будь иначе, монсеньор Скваронски с удовольствием предоставил бы вам всю документацию.

— Думаю, мы так и поступим по возвращении дона Висенте из Мегиддо. Посидим, поломаем головы, сопоставим... Пока же, чтобы не казаться голословным, расскажу небольшую историю. Она весьма поучительна и наверняка заинтересует нашего академического собрата... Знакомо ли вам, падре, имя виконта Жерара де Сольер?

— Имя знакомо, но и только.— Францисканец презирал ложь, но мудрое умолчание почитал добродетелью.

— Чувствуется, что вы начали вгрызаться в материал. Сольер, прецептор ордена, был другом и поверенным великого магистра. Как и ваш предок Лопес Рамон, он принял мучения, но не отрекся. Они и сидели вместе, Сольер и Рамон, в одном монастыре, превращенном в тюрьму. Через своего друга, знакомого вам оруженосца Хуана Ирибарне, сын Жерара Сольера проник, кстати в монашеском платье, в келью, где томился в оковах отец. Никто не знает, о чем они в точности говорили. Романтическая легенда гласит, что истерзанный пыткой прецептор назвал место, где были спрятаны особо ценные реликвии, и открыл знаки, по

которым их можно отыскать. Казалось бы, на том и поставить точку, но прошло без малого шестьсот лет, и на сцене появился — как вы думаете, кто? — Беренжер Сольер, прямой наследник и хранитель секретного плана. Он поселился в деревушке Ренн-лё-Шато, известной разве что добрым вином, чем всегда славился Лангедок, и вскоре занял освободившееся место приходского кюре. Короче говоря, молодой клирик под видом реставрации старинной церкви Марии-Магдалины занялся раскопками. Улавливаете связь? Есть основания полагать, что кое-какие предметы были найдены. Наш скромный священник подался в Париж, жил там на широкую ногу, окруженный потомками родовой аристократии. Говорили и о неком пергаменте, извлеченном из замурованного в кладке цилиндра. Что там было написано, так никто и не знает — текст представлял сложную криптограмму — но, тем не менее, распространился слух об анаграмматической надписи: «A DAGOBER II ROI EST SE TRESOR ET IL EST LA MORT» [1]. Вам не приходилось слышать о чем-то похожем?

— Даже отдаленно.

— Обратите внимание на короля Дагобера. Вдруг где и встретится?

— Дагобер из династии Меровингов? Ленивый король, за которого правили майордомы? Не вижу связи. Тамплиерами на исторической арене еще и не пахло.

— Что вы хотите, падре? Легенда. Миф. Они наслаиваются, как снежный ком, катящийся с горы. Поговаривали, будто Аларих, разоривший Рим, забрал священные золотые сосуды Иерусалимского храма, похищенные в свое время легионерами Тита, а Дагобер был женат на готтской принцессе, которая принесла ему фантастическое приданое. Верится с трудом, но молва гласит, что оно тоже досталось в конце концов тамплиерам. От еретиков-катаров, которых крестоносцы нещадно жгли на кострах. Потом внуки жертв и палачей благополучно переженились.

— Мне довелось побывать на поле мучеников. В Лангедоке помнят о чудовищных зверствах. Не представляю себе, чтобы альбигойцы и храмовники могли быть заодно.

---

[1] Дагоберу II, королю принадлежит сие сокровище, тут оно и захоронено (*фр.*).

— Присвоить награбленное — не значит быть заодно, но нет невозможного под Луной. Перед лицом общего врага вчерашние противники могли и объединиться. В Каркассоне и Фуа такие метафорфозы имели место. Тому есть документальные подтверждения. Моя версия насчет внуков все же выглядит более убедительно. Уже в семнадцатом веке кто-то из Монфоров женился на девице из альбигойского клана Кальве. Наследнички, падре, наследнички. Именно они объединили усилия в поисках катарских и тамплиерских реликвий. По-моему, и к вам проложили дорожку. Нет? Как видите, я ничего от вас не скрываю.

— Вы ошибаетесь, монсеньор. Я ничего об этом не знаю.

— Вы слишком доверчивы, слишком увлечены своими научными изысканиями. Случайно находите манускрипт чернокнижника, обращаете внимание на ремарки Лоренцо, загораетесь интересом, начинаете искать, и пошло-поехало. Затем, как чертик из табакерки, появляется какой-то архитектор, который — вот совпадение! — тоже увлечен тамплиерскими ребусами. Он подбрасывает вам расшифровку строительных знаков. Зачем? Для какой цели? Спросите себя, дон Висенте, насколько бескорыстен ваш друг? Нет ли у него задней мысли? Или, например, родственников, считающих себя потомками героев крусад? Он правоверный католик, этот ваш зодчий?

— Простите? — Висенте задохнулся от возмущения и не знал, что ответить.

— Не сердитесь, падре, я никого не хочу обидеть. Скоро вы все поймете. Сольер умер в январе семнадцатого года, отказавшись от соборования и исповеди. И похоронили его в сидячем положении по неведомому обряду. Необычно для клирика, не находите? И это не досужий вымысел, а факт, отраженный в приходских записях. Все свое состояние он завещал своей служанке и сожительнице Мари Департон. Она продолжала вести роскошную жизнь на вилле Бетания, где хранились картины знаменитых мастеров и коллекции античных монет исключительной ценности. При жизни Сольера туда наезжали такие «звезды», как Морис Метерлинк, Стефан Малларме, Клод Дебюсси, а также певица Эмма Кальве. Известная всему Парижу оперная дива снискала прозвище «Весталки Юпитера». Как вам это пон-

равится?.. Бывал там и Иоганн Сальватор фон Габсбург, кузен кайзера Франца Иосифа. Перед самой войной эксцентричный эрцгерцог перевел на счет Сольера значительную сумму. За какие, спрашивается, заслуги?

— У Габсбургов в крови подобные эскапады. Вспомните хотя бы Рудольфа Второго, промотавшего казну на оккультных забавах.— Висенте начал догадываться, что зачем-то нужен Скваронски, который завлекает его занимательными байками, уводя с намеченного пути. Боденшайн, похоже, чувствовал себя несколько неуютно, подыгрывая по мере возможностей. Коллизии, связанные со страшным судом, если и заботили их, то не в первую очередь. Похоже на пробный шар, предварительное прощупывание.

— Рудольф разорился в поисках философского камня, оплачивая шарлатанов, наводнивших Прагу,— вскользь заметил секретарь академии.— Сольер едва ли обладал алхимическими познаниями.

— В его руках могло оказаться нечто значительно большее,— покачал головой Скваронски.— Кто скажет, какой клад хранился в церкви, построенной на фундаменте базилики четвертого века? И был ли он на самом-то деле? Тамплиерские сокровища не ограничивались драгоценными металлами и камнями. К концу крусад орденскую элиту составляли интеллектуалы, мечтавшие о мировой империи. Соприкоснувшись с народами, сохранившими богатейшее наследие древних цивилизаций, тамплиеры многому научились. Они собирали научные манускрипты по всем отраслям знания, включая алхимию и астрологию. Умели предсказывать солнечные и лунные затмения на тысячи лет вперед, появление комет и высоту приливов. Словом, был у эрцгерцога Иоганна какой-то свой интерес. Ведь даже в начале века египетские папирусы, арабские и греческие пергаменты ценились дороже золота... А древние карты, на которых показаны неизвестные в ту эпоху материки?

— Вроде той, что осталась от турецкого адмирала Пири Рейса?— поинтересовался Висенте.— С обеими Америками и Антарктидой?

— И у Колумба,— подсказал ненароком Боденшайн,— и у Магеллана были карты неоткрытых земель.

— Даже так?— непритворно удивился монах.

— Дон Висенте! — патетически воззвал Скваронски. — Будем трудиться рука об руку, и уверен, перед нами откроются поразительные вещи. Неужели вы не знали, что Колумб имел отношение к ордену?

— Очередная легенда?

— Достоверная истина. Вам хотя бы известно, что спасло большую часть рыцарей-испанцев от костра и пытки?

— Они сменили тамплиерский плащ на ваш, госпитальерский. Де Луна, кажется, был одним из первых.

— Так и случилось. Португальский король взял опальных храмовников под защиту, а португальцы, как известно, первыми проложили пути в океан, и произошло это сразу же после учреждения ордена Рыцарей Христа, костяк которого составили бывшие тамплиеры. Принц Энрике, прозванный Мореплавателем, стал великим магистром. Васко де Гама тоже принял обет. Его корабли плавали под восьмиконечным крестом. Тот же знак несли и каравеллы Колумба — «Санта-Мария», «Пинта» и «Нинья». Морские карты и лоцманские записи Адмирал океана получил от своего тестя — потомственного рыцаря.

— Maravilla! — восхищенно воскликнул задетый за живое Висенте. — Чудны дела твои, Господи!

— Cecidit de coelo stella, — кивнул Боденшайн, переглянувшись с историографом. — Кажется, так написано на гербе дона де Луна?.. Нам стоит объяснить усилия, доктор. Когда вы вернетесь, мы как говорится, все разложим по полочкам. Надеюсь, к тому времени монсеньор будет располагать столь нужной вам информацией. Viribus unitis [1].

Висенте покидал обсерваторию со смешанными чувствами. Не приходилось сомневаться, что за его уединенными занятиями кто-то постоянно следил. Иначе откуда стало известно о гримуаре с ремарками Лоренцо, об архитекторе и строительных знаках? При всем при том, ни секретарь, ни магистр и словом не обмолвились об организаторах экспедиции в Мегиддо. Не знали, не успели навести справки? Маловероятно. Со всех точек зрения чудной получился разговор, наводящий на размышления.

[1] Соединенными силами (*лат.*).

АВЕНТИРА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

УОРЧЕСТЕР, ШТАТ МАССАЧУСЕТС

Навязчивый образ медитирующего аскета промелькнул при трансляции прямого репортажа из Тулузы, где вступила в строй новая гелиоустановка. Теневым расплывчатым ореолом неукротимый Мунилана дал знать о себе и миллионам телезрителей, наблюдавшим приземление шаттла «Колумбия» на военной базе «Эдвардс». Оба эпизода в определенной степени были связаны с резонаторными экспериментами: «Колумбия» выводила на орбиту спутник, собранный в Силиконовой долине, а в механизм, управляющий зеркалами, была введена микросхема, чутко регистрирующая малейшие колебания солнечной активности. Разборки причин «технического брака» пока не стали достоянием широкой общественности. Тем более, что при контрольном прокручивании посторонний объект исчез. Куда более таинственным выглядело происшествие в обсерватории Маунт Паломар, где по неизвестной причине оказались испорченными несколько фотопластинок, запечатлевших область неба в центре галактики. На обод Млечного пути наложилась цепочка округлых пятен, напоминающих то ли бусы, то ли четки из двадцати двух зерен. На повторно отснятых с компьютера копиях пятен не оказалось. Злокозненный вирус обнаружил свою латентную природу. Возникая в самых неожиданных местах, он непостижимым образом исчезал, затаившись до срока вне времени и пространства. Последняя шутка йога, заблокировавшего прямой обмен компьютерной информацией между осциллляторами, установленными в гробницах «Долины царей» и Хаттусаса, вообще поставила программу на грань срыва. Получив двойное усиление резонанса, Гринблад готов был плясать от восторга, но тут же все полетело к чертям. Из щелей прибора пополз удушливый дым, и если бы не расторопность Хейджберна, метнувшегося к рубильнику, прецизионное оборудование, стоившее сорок пять миллионов, превратилось бы в пепел. То-то были бы удивлены археологи двадцать первого века, обнаружив в доисторическом прахе следы ванадия, индия, осмия и таланта. Что же касается тончайшего зо-

лотого покрытия, то его пробило в двадцати двух местах.

Гринблад и Хейджберн ошарашенно уставились друг на друга, пересчитав дыры, словно бы прорезанные лазерным лучом.

— Преисподняя объявила войну,— упавшим голосом уронил Гринблад.— Рехнуться можно.

— Ну, это мы еще посмотрим! — сжав зубы, процедил Брюс Хейджберн и отбил факс в Бостон.— Я так просто не сдамся.

Через три часа пришел ответ. Джонсон предписывал приостановить исследования и вылететь в Мехико, взяв с собой файлы и «клипперы». Аналогичные послания были разосланы по всем точкам, связанным с программой «Эпсилона». Вылет в Гонолулу пришлось отложить еще на неделю, а Рогир ван Вейден спешно возвратился в Преторию.

— Постарайтесь поговорить по душам с Маниланой,— Напутствовал Джонсон директора «Октопода».— Вы единственный, к кому он по крайней мере прислушивается. Главное, никакого принуждения. Ни угрозы, ни посулы тут не помогут. Уговоры и ласка, ласка и уговоры. Хотел бы я знать, чего он на самом деле хочет...

— Как он это делает, чертов индус?! Теперь-то я понимаю Магду. С ней по-прежнему скверно?

— Боюсь, что так. Ван Аллен отправил ее в Швейцарию. «Если лекарь заболеет, он зовет к себе другого».

— Откуда это, Пит?

— Шота Руставели. Читали?

— Первый раз слышу. Итальянец?

— Не важно... Думаю, ей помогут.

— Вот вам и судьба психиатра. Антуан Бержеваль превосходный специалист. По крайней мере ничего не выйдет наружу.

— Сейчас это задача номер один. Пока газетчики не пронюхали, что Мунилана у вас, его необходимо куда-нибудь сплавить. Хоть лечь костьми, только бы уговорить. Идеальный вариант — Гавайи. Туда не скоро доберутся, и у нас будет возможность продолжить гонки... Как вы думаете, он клюнет на приглашение единоверцев?

— Ничего нельзя знать заранее. Мы даже толком не знаем, что привело его к нам в Кейптаун.

— Этим сейчас и занят Аллен. Он был в бешенстве. Еле удалось утихомирить.

— Еще бы! Магда ван Хорн творила под его крылышком все, что хотела. Я уверен, что утечка случилась исключительно по ее вине.

— С Магдой не все так просто, как кажется, и Реджи тут нисколько не виноват.

— Если не он, то кто? Вы, Пит? Никогда не поверю.

— И правильно сделаете. Таковы обстоятельства, дружище. Поэтому не будем искать виновных. Пусть этим занимаются другие.

— Что делать с этим Фоссиёном? Не хватает только, чтобы вышли еще и на него.

— О, да! «Психозомбирование» это как раз тот ярлык, что нам особенно нужен... Он-то сам знает, где находится?

— Еще чего! По счастью, бедняга говорит только по-французски и вообще не отличается особой сообразительностью.

— Полагаете, стоит вернуть обратно тем же путем? Разумеется, с некоторой компенсацией за причиненное беспокойство.

— Мы фактически вернули его к жизни. И это вы называете «беспокойством»?

— Ценю вашу иронию, хотя возвращением с того света он в значительной степени обязан Мунилане. Не находите?

— Ваше предложение, увы, лежит на поверхности,— печально усмехнулся Вейден.— Лучшего выхода нельзя было бы и придумать, не будь одной досадной мелочи. Я не могу позволить себе бросить калеку на произвол судьбы. Не могу — и все. Как вы не понимаете, что путь назад для него отрезан? У него нет даже шанса примкнуть к таким же, как и он сам, изгоям. Представьте себе на минуточку зомби в инвалидной коляске! Семья отвергнет, деньги, сколько бы вы ни дали, отнимут, а что дальше? Жить в обществе он не сможет ни при каких обстоятельствах. Хотя бы из страха перед тем же колдуном и его тонтон-макутами. Да его прикончат, едва он выкатит на улицу. Будь моя воля, я бы подыскал ему укромный уголок. Только где? Не в Швейцарии же?

— Вы правы,— обдумав ситуацию, согласился Джонсон.— Я многого не знал и потому отнесся поверхностно. Не судите строго, Рогир. Давайте поразмыслим вместе. Швейцария, конечно, исключается, но есть ведь и другие страны, где человек со средствами сумеет прилично устроиться? Неужели у вас нет на примете приватной лечебницы где-нибудь в Латинской Америке?

— А документы?

— Не затрудняйте вашу умную голову пустяками. Назовите адрес, а все остальное я уж как-нибудь возьму на себя. Договорились?

— Спасибо, Пит. Вы сняли камень с моей души.

— Пустое, дружище. Билет дожидается вас в агентстве KLM. Сосредоточьте все силы своей благородной души на Мунилане и идите прощаться с вашей подругой.

— К сожалению, я слишком стар для нее,— опустив веки, кивнул Вейден.— Если бы сбросить лет эдак двадцать...

— Не горюйте, Фауст, найдутся и для нас прекрасные мгновенья. Дайте только время остановить... Да, забыл вас предупредить,— спохватился Джонсон,— я разослал по всем подразделениям уведомление о компьютерном вирусе. Вам понадобится помощь или справитесь своими силами?

— У нас хорошие специалисты, Пит, не беспокойтесь, если, конечно, этот вирус, так сказать, материальной природы. Перед проявлением сверхъестественных сил разум бессилен.

— Не уподобляйтесь бедной Магде ван Хорн,— Джонсон нацелил на него, словно ствол ковбойского «кольта», указательный палец.— Сколь ни трудны испытания, ниспосланные судьбой, возблагодарим богов за радость встречи с неведомым. Это лишнее доказательство, что мы на верном пути.

— Шучу, Пит, шучу... Я тоже вижу здесь улыбку Фортуны, и радуюсь ей и ни о чем не жалею. Пусть под самый закат, но такое случилось со мной.

Проводив Вейдена до машины, Джонсон еще раз прослушал запись телефонного разговора между Борцовым и неким Виноградовым,— фамилия при проверке оказалась вымышленной,— объявившимся только на третий день. Информация была нулевая. Назвав-

шийся Виноградовым субъект сразу предупредил, что в Вашингтоне бывает наездами, но это ничего не значит: все звонки записываются.

«Звоните в любое время,— настойчиво повторял он,— без всякого стеснения. Пока, к сожалению, новых сведений нет, но не стоит отчаиваться. Делается все необходимое и, если хоть что-то прояснится, мы вас сразу уведомим. Только сообщите, где вас найти, а еще лучше — позвоните сами, когда прибудете на новое место»,— ответил он на вопрос Борцова, точно выпалил раз и навсегда заученный текст.

Джонсон, сколько ни вслушивался, так и не нашел, за что зацепиться. Одно было бесспорно: Ратмира Александровича хотели держать на длинном поводке. Как долго и, самое важное, с какой целью? — над этим стоило поразмыслить.

Вся база данных была многократно просеяна и просмотрена на экране. На всякий случай Джонсон затребовал из архива полное досье. Доверяя соответствующим службам, он так и не заглянул в него и, видимо, зря. Порой самые незначительные штрихи могли навести на след. После того как в компьютер были введены все секретные коды, дисплей долгое время оставался пустым. Не получив ни подтверждения, ни отказа, Джонсон продублировал операцию, но результат был тот же. Он уже было хотел звонить в штаб-квартиру, как вспомнил, что сам же отдал приказ заблокировать информацию. Пришлось открыть сейф и основательно покопаться в бумагах, прежде чем удалось найти алгоритм, предусмотренный на самый крайний случай. Он позволял, притом лично ему, президенту компании, действовать в обход системы кодирования. Если где-нибудь поблизости стоит машина с микроволновым приемником, то весь поступивший на терминал текст будет прочитан.

Помедлив с вводом сигнала, Джонсон рассудил, что риска в сущности нет. Людей, севших на хвост Борцову еще в Москве, едва ли обогатит какими-то сногсшибательными открытиями банк данных «Эпсилона». Уж они-то наверняка насобирали куда больше самых разнообразных сведений.

Когда компьютер, словно преодолевая внутреннее сопротивление, начал выдавливать из себя информацию, Джонсон убедился в собственной правоте. Он да-

же рассмеялся беззвучно, чего никогда прежде за собой не замечал, прочитав составляющиеся по буковкам строки:

Щи сварить пошлю миленка,
Он умелец у меня.
... отрезал у теленка:
Обжиралась вся родня.

Это была частушка-экспромт, сочиненная Борцовым в разгар дружеского застолья в загородном лесу. оставалось только гадать: записал ли ее информатор, или сама разошлась, найдя отклик в соответствующих кругах. Сам факт интереса спецслужб не вызвал у Джонсона ни удивления, ни осуждения — вообще никаких эмоций. Было бы по меньшей мере странно, если бы такой человек остался вне зоны профессионального интереса. Одно то, что человек был, или пусть только числился, писателем, уже предопределяло его судьбу в тогдашнем Союзе. Тем более такого, как Борцов, с его международной деятельностью и связями. Словом, вели, предусмотрительно подшивая доносы и накапливая всяческий компромат. Невинные частушки, выплеснутые в качестве тоста в кругу самых близких друзей, в том числе. Или такие строки, как эти, что автор тоже сочинил ради смеха, чтобы тут же про них забыть:

Он предал Родину во сне,
Перелетев через границу,
Хоть знал, что это только снится,
А сон, как прошлогодний снег.
Джульбарс унюхал все же след,
И человека нет как нет.

«Кем же надо быть, чтобы придавать значение такому говну»,— по-русски подумал Джонсон.

Выборкой в «Эпсилоне» занимались спецы высокого класса: ничего подобного не попало в оперативную память. Отцедили лишь сливки, дающие более масштабное представление об аналитических способностях, разносторонних интересах и, само собой, связях объекта. Оставленный без внимания материал, а досье насчитывало двести с лишним страниц, не стоил выеденного яйца. В перечне скрупулезно подсчитанных грехов молодости беспартийного, но лояльного к советской власти инженера человеческих душ Джонсон

мысленно отметил выговор по комсомольской линии «за оппортунизм» в восьмом классе средней школы и скандальную историю с чтением «гнилых есенинских стишков» на институтском вечере в честь октябрьской годовщины.

Читать дальше не позволяло время. Да и смысла не было. Окончательный вывод, подтверждая возникшие подозрения, вырисовывался предельно ясно: такой материал могли подсобрать только товарищи чекисты. Они же передали или продали его за границу, когда от посредника, представлявшего интересы «Невидимых», поступило соответствующее предложение. И произошло это в переломный 1991 год, незадолго до путча, либо вскоре после него. Теперь кто-то из бывших хочет задним числом включиться в игру. И варит бульон, используя ситуацию с Береникой. Менее вероятен, но возможен и другой вариант, где фигурируют не бывшие, а нынешние, но тайно противодействующие режиму. Сделав ставку на дестабилизацию и обострение международной обстановки, такие вполне могли пойти на активные действия. Наконец, в обоих вариантах нельзя упускать из виду и российскую мафию, плотно сращенную с государственными структурами, включая полицию и разведку.

Итог получался неутешительный.

Ровно в час Джонсон спустился к ленчу. Ратмир и Долорес уже стояли с тарелками у лотков с салатами.

— Проголодались? — он положил на салфетку столовое серебро и приподнял суповую крышку.— Пахнет недурно! Что тут у нас?

— Луковый,— улыбнулась Долорес.— Но не уговаривайте: я возьму кукурузный с трепангами и лангустинами.

— И наперчите до одурения. Знаю я вас!.. А вы, Тим?

— А я попробую и то, и другое, а еще наберу сладкой кукурузы для попугая. Вчера он попробовал «криспи» с молоком и, кажется, остался доволен.

— Вот и замечательно. Я рад, что застал вас обоих. Есть серьезный разговор.

— Какие-нибудь неприятности? — встревожился Борцов.

— Я бы сказал: осложнения, но давайте обсудим за

чаем. Ничего из ряда вон выходящего. Просто мне придется на пару дней вас покинуть.

— Это как-то связано с внезапным отъездом профессора Вейдена? — нахмурилась Долорес.

— Самым прямым образом, но не наказывайте меня за болтливость. Я не хотел испортить вам ленч, тем более, что и сам ужасно хочу есть.

— Все забываю спросить вас, Пит, — увидев, что Джонсон покончил с вареными овощами и занялся выбором сыра, Борцов попытался завязать непринужденную беседу, — в чьем доме мы здесь живем?

— Вам не нравится?

— Напротив! Он не так импозантен, как ваш, но по-своему очень хорош и удобен. Все дышит стариной, налаженным бытом, спокойствием и достатком.

— Спасибо, что вы так считаете. Лаун Холлу действительно скоро минет полтора века. Здесь родились и закрыли глаза мои предки, и я тоже увидел свет в его стенах.

— Я и не знал, что у вас два дома... простите.

— За что, Тим? Вы меня ничуть не обидели.

— Мне тоже по душе Лаун Холл, — сочла необходимым заметить Долорес. — А почему нет фамильных портретов?

— Два висят в моей спальне, остальные я перевез в Бостон, где все-таки чаще бываю... Ладно, не стану вас больше томить. Наверное, мне с самого начала следовало принести извинения. Так уж сложилось, что в Гонолулу немного не готовы к нашему приезду.

— И это все? — недоверчиво округлила глаза Долорес. — И из-за таких пустяков вы целый час сидели, как в воду опущенный?

— Положим, не час, а каких-то сорок минут, но мне на самом деле хотелось немного подумать. Ведь нас ждет не развлекательная поездка, а, не скрою, кропотливая и, не исключено, утомительная работа.

— Иного я и не ждала.

— И я тоже, — поспешно подтвердил Ратмир.

— Приятно слышать. Значит вы не осудите меня за отлучку? Мы оба — профессор Вейден и я — вынуждены поменять наши планы. Мне очень не хочется уезжать и я испытываю неловкость, оставляя гостей, но ничего нельзя поделать.

— Кажется, я сейчас расплачусь от умиления, —

Долорес чутко реагировала на любое проявление фальши и презирала словесный сироп.— Поезжайте себе на здоровье, а мы с Рамиро будем с нетерпением ждать. Когда вы предполагаете возвратиться?

— В Мехико я пробуду денька два, не больше,— Джонсон понял, что немного переиграл.— Прелестная брошь,— оценил он оправленную в серебро нефритовую гемму с суровым лицом ацтекского воина, приколотую на отвороте лазоревого жакета.— Вам очень идет.

— Так вы будете в Мехико?— оживилась Долорес, пропустив мимо ушей комплимент.

— Если вы соскучились по родным местам, мы могли бы слетать вместе. Ратмиру, думаю, будет небезынтересно побывать на раскопках. Верно, Тим?— Джонсон, казалось, рассуждал вслух, обкатывая внезапно осенившую его идею.— Синьора навестит родовую гасиенду в Тустла Гутьересе, а мы тем временем малость подкормим донорской кровью комаров на реке Ящерицы.

— Не дождавшись моего согласия, вы уже спешите избавиться от меня,— закинув ногу на ногу, Долорес раскрыла черепаховую пудреницу и мельком глянула на себя в зеркальце.— Выкладывайте, что вы затеяли, Питер.

Борцова обрадовала непринужденная прямота Альбы. Всякий раз, когда она меняла туалеты, ее необыкновенно пластичное лицо приобретало совершенно новые, волнующие черты.

— Обожаю импровизацию,— он поспешил подыграть Джонсону.— После ваших рассказов, Долорес, я сплю и вижу эту ступенчатую пирамиду в первозданном лесу. Почему бы не съездить, коли выдалась такая возможность?

Она бросила на него быстрый взгляд, затем подняла глаза к потолку, о чем-то раздумывая, и, словно бы вскользь, уронила:

— До ступеней еще далеко. Боюсь, вы будете разочарованы, увидев уродливый холм.

— Я повидал много древних холмов, и они были прекрасны. Разочарование мне не грозит... Напротив.

Джонсон с интересом следил за развитием диалога. Не в речах, но в тембре голоса, блеске глаз раскрывалось невысказанное. Оно соединяло магнитные полюса

физически ощутимым напряжением силовых линий. Он догадывался, что не только Альба, но и Борцов, чье наивное легковерие уживалось с холодной проницательностью, не принимают разыгранный спектакль всерьез. Им вполне хватает друг друга, чтобы плыть по течению, нимало не заботясь об истинных мотивах «импровизации». Оставшись вдвоем, они могли натворить глупостей, и, наверное, не стоило им мешать. Но как бы не складывалась ситуация, лучше держать ее под контролем. Чему быть, того не миновать, а препятствия только ускоряют процессы.

«Пусть так и будет»,— решил Джонсон, сознавая, что выиграл, и не испытывая торжества.

— Когда я должна дать ответ?— спросила Долорес.

— Чем раньше, тем лучше. Я вылетаю завтра утром.

— С вашего позволения, я сделаю несколько звонков,— она защелкнула пудреницу, бросила ее в сумочку и встала из-за стола.

— Es la más bonita,— пробормотал Джонсон.

— Si,— обрадованно кивнул Борцов и, медленно выстраивая слова, виновато добавил:— El español es una lengua dificil.

— Gallardo,— похвалил Джонсон.— El aleman es un idioma más dificil.

— Probablemente.

— El ruso es el idioma más dificil,— улыбнулся Джонсон,— de los tres [1],— и заговорил по-русски.— Вы делаете успехи, Тим. За считанные дни не только выправили свой английский, но и заговорили на языке Сервантеса. Берете уроки у Долорес?

— Разве что на суггестологическом уровне.

— Думаю, это нам пригодится в работе... Кстати, пришел вид на жительство. Отныне вы вольны выезжать куда угодно, а также возвращаться в Соединенные Штаты без всяких виз.

— Спасибо. Значит я полечу в Мексику на законных основаниях?

— Мексика — не проблема, ибо впереди у нас це-

[1] — Самая прекрасная.— Да. Испанский трудный язык.— Молодец. Немецкий труднее.— Возможно.— Из всех трех труднее всего русский (*исп.*).

лый мир. Помните у Лермонтова: «Ему обещает полмира, а Францию только себе»?

— К чему это вы, Пит?

— Боюсь, что после пирамид Юкатана нас ожидают Елисейские поля и стеклянная пирамида Лувра. Хочу произвести разведку боем.

— Что-нибудь прояснилось? — потемнев лицом, спросил Ратмир.

— Algina cosa,— Джонсон многозначительно поднял палец.— Кое-что... В связи с этим у меня предложение, Тим. Я не так прост, как хочу иногда казаться, и очень редко говорю зря.

— Я заметил.

— Так вот, в предвидении возможных осложнений почему бы вам не заручиться документами на другое имя?

— То есть как? — Ратмир едва не выронил недопитую чашку.

— Очень просто. Выберете фамилию на свой вкус, а мы оформим это дело надлежащим образом.

— Исключается,— отрезал Борцов.— Нелегальщина не по моей части.

— Вы кто: писатель или читатель? — насмешливо прищурился Джонсон.— Можно подумать, что вас вскормил детективный ширпотреб, изготовленный по рецептам Лубянки. И за кого вы меня принимаете? Все совершенно легально. В США существует специальный институт маршальской службы. На него, в частности, возлагается охрана — понимаете? — охрана людей: свидетелей на крупных процессах, жертв преследования и так далее.

— И кто я, по-вашему: свидетель или жертва?

— Да минет нас чаша сия. Я не позволю сделать из вас жертву, но меры предосторожности не повредят. Имейте в виду, что ни CIA, ни полиция по закону не имеют выхода на маршальскую службу. Контакт осуществляется только через министерство юстиции, которое и принимает решение. Все, что касается охраняемого лица, включая новое место жительства, не подлежит разглашению. Какая же тут «нелегальщина», если заботу о вас берет правительство?

— Не по мне подобные игры,— поежился Ратмир.— Я верю вам, Пит, но, право, не по мне...

— Нет, так нет, но это по меньшей мере глупо. Вы

создаете нам множество лишних хлопот. Франция — не США. В Париже ваши чекисты всегда чувствовали себя много вольготнее. Вам ли не знать? Целесообразно подстраховаться, если вы по-прежнему хотите поехать.

— Значит вы все-таки установили, кто скрывается под вывеской «World Trade»?

— Я бы сказал, если бы установил, не дожидаясь вопросов. Кое-какой материал, тем не менее, удалось подсобрать. Не на все сто процентов, но со значительной долей вероятности, можно предположить, что нас будут шантажировать.

— Да что с меня взять?! — вскричал Борцов.— Миллион, который я не заработал? Милости просим, пожалуйста.

— Не вы им нужны, Тим, а я, вернее — «Эпсилон». С вас, и верно, что взять? Миллион для них — мелочь. Не знаю, до какого момента они будут, так сказать, держать вас на длинном поводке: «Звоните, спрашивайте, сообщайте, где вас найти». Улавливаете? Затем потребуют информацию: «Скажите то-то и то-то, узнайте о том-то, а мы предоставим сведения о Беренике Ефремовне». Поняли?

— Похоже, что так,— упавшим голосом откликнулся Ратмир.— И что же нам делать?

— Придется пойти на соглашение.

— Вы с ума сошли! Чтобы я...

— Ах-ах-ах!.. Не надо театральных эффектов. Давайте спокойно проанализируем ситуацию. Либо они действительно что-то знают о судьбе Береники, либо блефуют. Нам надлежит придерживаться первого. Как же иначе? Хочешь не хочешь, но приходится считаться и с версией преднамеренного похищения. Разве не так?

— Мерзавцы!

— Право, нам не до моральных оценок. Конечно, мерзавцы... В обоих случаях — подлецы. Блеф это или же нет, прояснится, надеюсь скоро, ибо существуют надежные методы. Поэтому сосредоточимся, повторяю, на первом варианте. Я не очень верю в него, но допускаю. Тем более, что для нас он самый благоприятный.

— Почему? — В минуты глубокого волнения сообразительность изменяла Ратмиру. Только преодолев приступ отчаяния, он мог кое-как собраться с мыслями.— Не понимаю...

— Не понимаете? Не понимаете, чудак-человек, что

только это и дает нам надежду?.. Уже сам факт похищения, если он имеет место, позволяет надеяться, что она жива и здорова... Дошло?

— Да, продолжайте, пожалуйста,— Борцов залпом перелил остывший чай в пересохшее горло и, закашлявшись, обрызгал белоснежную скатерть.— Извините.

— Не обращайте внимания,— голос Джонсона сочувственно дрогнул.— И постарайтесь сосредоточиться. То, что случилось, уже случилось. Мы ничего не знаем. Просто пытаемся просчитать возможные комбинации. Звучит, понимаю, дико, но другого выхода нет. Нужно подготовиться к любому развороту.

— Верно,— прокашлявшись, Борцов плеснул в чашку кипятку из термоса.— Я спокоен.

— Вижу, как вы спокойны... Как только они раскроются, мы тут же предложим тест на блеф. Вы согласитесь на сотрудничество, но потребуете взамен неопровержимых доказательств. Каких? Хотя бы ее фотографии с газетой в руках, помеченной свежим числом. Лучше, конечно, видеозапись, потому что фотографию легко подделать... Вы следите за моей мыслью?

— Очень внимательно,— кивнул Ратмир. Безупречный профессионализм Джонсона оказал успокоительное воздействие.

— Das paßt ausgezeichnet,— по-немецки одобрил Джонсон и, понимая состояние Борцова, повторил:— Это превосходно подходит... Короче говоря, мы хоть что-то узнаем и определим дальнейшую линию поведения.

— Но какую информацию я могу им дать? Что я вообще знаю?

— Знаете. Уже знаете,— поправился Джонсон.— И будете знать еще больше, не оставите, согласно контракту, свое знание при себе.

— Дезинформация?

— Наконец-то я слышу речь не мальчика, но мужа. Я дам вам все необходимые сведения и, смею уверить, они будут вполне правдоподобны. Они пойдут на сделку, если, конечно, мы имеем дело не с озверевшими кретинами, которых почему-то становится все больше и больше.

— Я целиком и полностью полагаюсь на вариант номер один и молю небо, чтобы он оказался благоприятным.

— Ни небо, ни ад, куда вы так стремитесь, нам не помогут. Полагаться следует лишь на собственные извилины и силу, а она у нас есть, смею заверить, и немалая. Мы их переиграем, Тим. За нами не только финансовая империя «Эпсилона», но и правительство Соединенных Штатов, а также Российской Федерации. В случае надобности, мы подключим официальную Москву. Будьте уверены.

— Я стольким обязан вам, Пит. Не знаю, чем смогу расплатиться.

— За деньги? Работой. За дружбу — дружбой. О доверии и говорить не приходится. Я ведь предупреждал вас с самого начала, что мы ввязываемся в опасное предприятие. Так что содействие маршальской службы нам вовсе не помешает. Тем более, что об этом будут знать только вы и я. За государственных чиновников не беспокойтесь. Покамест ни один маршал не был уличен в предательстве.

— А как же Долорес?

— Вас это волнует? — Джонсон выдержал паузу.— А никак. Ваши новые документы — в Америке обычно достаточно кредитной карточки или водительских прав — пустим в ход в самом крайнем случае, а за границу вы поедете с американским паспортом.

— И в Мексику? Не успеем.

— Для Мексики и Канады это не обязательно. Достаточно «Зеленой карты», которую обещали доставить с электронной почтой сегодня вечером. Надеюсь, все ваши сомнения отпали?.. Что же касается сеньоры Монтекусома Альба, то вы сами расскажете ей, когда придет время. Уж она-то, надеюсь, не выдаст?

— Вам виднее.

— Ишь, какой осторожный!

— Кстати, мы еще не получили ее согласия на поездку.

— Верно, не получили,— протянул Джонсон.— Но вы-то полетите со мной, если она вдруг захочет пока остаться в Уорчестере?

— Безусловно.

— Das paßt ausgezeichnet,— повторил Джонсон по-немецки и кивнул благодарно: — Danke sehr.

— Bitte sehr. Всегда пожалуйста.

— Не дурно грассируете.

— Это все, что я вынес за десять лет школы.

— Надеюсь, вы ошибаетесь. Бьюсь об заклад, что после Гавайских островов многое вспомнится. И вообще вы заговорите на нескольких языках. Немецкий, испанский и французский я гарантирую.

АВЕНТИРА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

МЕГИДДО, ИЗРАИЛЬ

В агентстве «Алиталия», на Пьяцца деи Трибунали, монах забрал присланный из Бостона билет и на следующий день вылетел в Тель-Авив. Никогда в жизни он не сидел в салоне первого класса, но так и не воспользовался преимуществами своего положения, сетуя на бессмысленную трату, пусть чужих, но все-таки денег. Разница могла покрыть сотню обедов для бедных.

Его соседом оказался собрат, если не по вере, то по призванию, из Бангкока. Бритоголовый, в шафрановой тоге, с ротанговым веером, как скипетр, зажатом в руке, он с ногами устроился на диване и, погруженный в себя, почти весь полет просидел в этом положении. Только когда подали заказанный для него вегетарианский завтрак, съел рисовую лепешку и выпил чашечку чая. Воспользовавшись перерывами в медитации, Висенте осмелился заговорить с братом-буддистом.

Тайский махатхеро [1] оказался настоятелем столичного монастыря — Ват Прокео, что по меньшей мере соответствовало сану епископа. Он подарил испанцу открытку, на которой знаменитый храм, сплошь облицованный осколками фарфоровых тарелочек, сиял в лучах восходящего солнца. Аббат из далекого королевства охотно отвечал на вопросы, и доброжелательная улыбка не сходила с его смуглого лица. Висенте успел узнать множество любопытных подробностей. Оказалось, что четки выдумали буддисты, от которых они и перешли сперва к мусульманам, а уж потом и к испанским монахам, жившим бок о бок с маврами. Свисавшее до пояса непритязательное ожерелье из ста восьми деревянных шариков имело для буддиста глубокое символическое значение, но так и осталось неизвестным — какое. Методичный даже в мелочах, теолог едва

[1] Высшее монашеское звание.

успевал записывать. Он был поражен, узнав, что буддийский монах, будь то послушник или иерарх, не должен прикасаться к деньгам: всеми платежными делами занимаются специально приставленные миряне. В свою очередь, махатхеро поинтересовался бытом испанских монастырей, вскользь заметив, что не одобряет корриды.

— Мы молимся о спасении всех живых существ, не выделяя ни коровы, ни бабочки, ни человека,— объяснил он.— Всякая жизнь священна.

— Но разум, свобода воли, разве они присущи животным?

— Все мы жертвы иллюзий, вовлеченные в круг бытия, но только человеку дана возможность вырваться из потока существований.

— И что будет потом? Нирвана?

— Нирвана?— не понял сперва буддист, но тотчас догадался и повторил на палийском:— Нибона. Мы еще говорим: «другой берег».

— Это рай? Или просто небытие?— продолжал допытываться Висенте, чьи обширные познания ограничивались эллинской Эйкуменой.

— Нельзя объяснить словами,— уклонился последователь учения тхеравады, сохранившего первоначальные догматы отшельника из рода шакьев.

Общение на чужом для обоих языке снижало уровень взаимопонимания, особенно в таких областях, как догматика и метафизика. Скорее сердцем, нежели со слов, Висенте почувствовал, насколько близко буддийское миропонимание проповедям Святого Франциска. Несовместимые магнитные полюсы противоположного знака связывало единое поле.

Общение с незаурядной личностью, человеком сложной и просветленной души оказало целительное воздействие. Незаметно изгладился неприятный осадок от встреч в кулуарах ватиканского лабиринта.

Висенте даже огорчился, когда прозвучало уведомление о скором приземлении. Жарко веруя в Господа, смертью поправшего смерть, потомок грандов и рыцарей, вечным сном спящих в соборных приделах, проникся кощунственной мыслью. Как могло случиться, что неведомо для себя он исповедовал кардинальную идею буддизма, столь же далекую от апостольской церкви, как Рим от Сарнатха? «Благородные истины»

Будды упали на подготовленную почву. Все в этом мире — страдание, и проистекает оно единственно по причине желаний, что денно и нощно преследуют человека. Так застывает, попадая в изложницу, кипящий металл. Но почему, почему выстраданное свое отлилось в совершенно чуждую форму?

Шасси, мягко коснувшись дорожки, проложенной по Святой земле, слегка подпрыгнули, и ответная дрожь пробежала по всему телу.

Обменявшись визитками, клирики начали готовиться к выходу.

Спустившись по трапу, Висенте не пал на колени и не коснулся губами бетонной плиты. Демонстративный жест не подобал безвестному францисканцу. Он решил поклониться земле Спасителя у священной горы Кармель, куда и был вскоре доставлен на вертолете.

— Приветствую вас, преподобный отец, в нашей скоромной обители,— Гринблад провел монаха к двухэтажному дому, собранному наподобие детских кубиков, из готовых ячеек.— Тесновато, но жить можно. В каждом блоке есть кухонька и душ. Чего еще надо? Я и сам толком не успел обжиться: третьего дня прилетел из Анкары...

Висенте равнодушно скользнул взглядом по желтым квадратам стены и телевизионным антеннам на плоской крыше. Над тарелкой космической связи дивным предзакатным свечением струилось золотое вино. Поросшая редким лесом вершина, зеленеющая даже зимой, когда Ливанский хребет утопает в снегах, млела в розовой дымке.

— Как тихо! Какой торжественный покой...

— Все уехали на автобусе в Хайфу,— по-своему понял словоохотливый Гринблад.— Вечером состоится какой-то фестиваль, точно не знаю. Джек Шерман и Анджела Белл вернутся только послезавтра. Прибыло оборудование, и они принимают его в порту.

— Придется ждать, а мне так хотелось взглянуть на находки. Есть что-нибудь интересное?

— Как вам сказать? Урожай пока достаточно скудный, но надеемся. Кроме пары истуканов, удалось откопать десятка два черепков, какие-то римские бляхи и горсть позеленевших монет. Все оставлено на своих местах, как вы и просили, ваше преподобие. Шерман — исключительно опытный археолог.

— Не надо этих «преподобий», мистер Гринблад. Зовите меня просто по имени.

— О'кей, сеньор Висенте. Если вам не терпится, можете хоть сейчас спуститься в пещеры. Правда, там малость сыровато — подземные воды по щиколотку, но электрификация полная. Здесь не то, что в Богазкёя: нас подключили прямо к сети. Только не забудьте надеть каску и резиновые сапоги.

— С вашего позволения, я ополоснусь после дороги и немного погуляю, а утречком, с божьей помощью, примусь за дело.

— Вы, наверное, проголодались? Обед обычно в восемь, но сегодня придется обходиться своими средствами. У нас кое-что припасено в холодильниках.

— Спасибо, вы очень любезны. Я поел в самолете.

— Тогда отдыхайте. Говорят, здесь исключительно здоровый воздух, а виноград, скажу вам, совершенно замечательный. Пальчики оближешь! Я вас угощу.

— Так и должно быть, мистер Гринблад, так и должно быть... Кармель означает «гора сада», «плодоносное поле». Сады, виноградники, оливковые рощи, сладчайшие фиги — так было, есть и будет. Зимой от моря веет теплом, в жаркую пору ветры несут благодатную влагу, а Киссон у подошвы собирает воду, бегущую с гор. Господь обо всем позаботился: иссоп на склонах источает целительный дух, и ароматы расцветающих роз истекают из Саронской долины.

— Роза Сарона!

— Истинно. Как в «Песне Песней» Соломоновой: «Голова твоя на небе, как Кармил, а волосы на голове твоей, как пурпур». Взгляните на дымку, что, наливаясь багрянцем, нежно окутывает вершину. Для Бога нет течения времени.

В приготовленной для него квартирке Висенте увидел папку со всевозможным справочным материалом, включая список участников экспедиции, словари и план местности. Холодильник чья-то заботливая рука наполнила банками и пакетами полуфабрикатов, прохладительными и даже горячительными напитками. Он принял холодный душ, выбрил лицо доставшейся от отца опасной бритвой с роговым черенком, выпил апельсинового сока. Еще раз взглянув на план, вышел на воздух.

Клонясь в сторону моря и сбросив корону лучей, со-

лнце окрасилось вишневым накалом остывающего железа. Предвечерняя прохлада мягко коснулась лица, уняв жжение дешевого одеколона.

Найдя тропинку, вьющуюся по склону, сплошь заросшему кустарником и отцветшими травами, Висенте начал неторопливо взбираться вверх, наклоняясь чуть ли не к каждой былинке, растирая в пальцах и нюхая пожухлые лепестки.

Как и во времена оны, иссоп, цепляясь за каменистые обнажения, осыпал песчинки семян. Испокон веку бальзамическую зелень собирали в пучки и, омочив кровью агнца, кропили дверные косяки в предпасхальные ночи, и жгли в жаровнях, врачуя язвы, а горький отвар спасал от любовной тоски.

«Желание — источник страданий» — просочилась непрошенно буддийская формула.

И розмарин попадался на неспешном пути к отдаленной вершине, и почерневшие соцветия чеснока на высохших перьях, и рудые ягоды барбариса. Слово писания щедро расцвечивала земля, питая неизбывной памятью корни. В зарослях укропа Висенте подобрал несколько крупных желудей. И в мелочах не ошиблись пророки! Дубы, по-видимому, росли где-то выше.

Нагнувшись за опавшим гранатовым яблоком, он вспугнул длинноухого зайца, отчаянно прыснувшего в кусты.

«Высокие горы — сернам, каменные утесы — убежище зайцам», — изгоняя чужую леденящую мудрость, благодарным цветком распустился в груди стих царя-псалмопевца. Нечистый, как и всякий грызун, заяц не годился для пищи. Пренебрегали им и бритты, и англы.

Что-то мерещилось, что-то провиделось, но не складывалось, рассыпалось, как башня из сухого песка. Кричащие краски заката напомнили, что в той стороне, куда кануло солнце, находились пещеры, где укрывались от Иезавели святые пророки Илия и Елисей. Именно здесь Илия низвел огонь с неба на приготовленную жертву, чем посрамил жрецов Ваала при громких криках ликующих толп: «Господь есть Бог!»[1] Здесь же испросил он и дождь на землю после трехлет-

[1] Баал (Балу) — на западносемитских языках: «господин», «господь».

ней засухи. Когда же хлынули предсказанные им ливни, нечестивый Ахав понесся на колеснице к себе во дворец. «Джебель-Мар-Елиас», говорят арабы, «Гора Илии». Пещеру пророка навещала Пресвятая Дева с Богомладенцем, а язычники, по свидетельству Светония и Тацита, приносили тут жертвы древнему Дию — Юпитеру.

Самые разные думы одолевали Висенте, но на душе, словно придавленной ледяной глыбой, было смутно и тяжело.

Вера превыше любого знания, умножающего печали, но что же поделать, коли знание переплелось с верой и душит ее, как лиана, впившаяся в кору цветущего дерева? Горечь вод мегиддонских напоминает о народах и племенах, стертых с доски бытия. О миллионах и миллионах, унесенных смертельным вихрем задолго до Вифлеемской звезды...

Опадают листья с дубов Ваала на вершине Кармель, и прорастет зеленым побегом каменный желудь, и так будет до скончания времен, пока не протрубит последний ангел.

Как не услыхать твою жалобу, Зевс-Юпитер, в шорохе обнаженных ветвей? Как не узнать тебя в блеске молний? Отдав подземное царство Плутону, а зыбь океанов Нептуну — колебателю суши, ты землю и небо мнил оставить себе. Где же теперь дом твой, сын оскопленного Кроноса?

Как трудно думается на этих высотах, где живет память о языческих игрищах, где каждый камень, каждая ветка напитаны архаической мощью и светятся в винных струях зари. Сама природа насыщена магнетизмом.

Смущенный искушением разум подсказывал страждущему иноку все новые аргументы, склоняя ко всеядному пантеизму, где имя Бога теряет сакральную определенность, растворяясь в буйной игре первозданных стихий. Дий ли, Юпитер или Зевс — какая разница? Бел, Мардук, Один — Вотан? Древние не различали. Святой Павел исцелил на дорогах Ликонии больного, у которого отнялись ноги. Пораженные чудом жители приняли Христова апостола за Зевса, сошедшего с олимпийских высот, а святого Варнаву — за посланца богов Гермеса. Что взять с бедных язычников, ежели премудрый царь Соломон, и тот, сбившись с истинного

пути, кадил в заповедных рощах Астарты. И как не счесть проявлением кармы буддийской все то, что последовало через века? Вавилон пошел на Иерусалим, и вот — разрушен храм Соломона. Ликует Ваал, торжествует Астарта. Миновали века юдоли и плена, выстроен Второй храм и тоже стоит в веках, но вновь перемещаются планиды. Юпитер с Венерой в полуквадрате к Сатурну, и взвился Римский орел на башнях града святого, и торжествует Юпитер Капитолийский, и ликует Капитолийская Венера.

Антиох Епифан, царь Сирии, овладев Иерусалимом, осквернил обитель Бога Единого и повелел назвать его жилищем Юпитера Странноприимца. Узел к узлу вязался, соединяя сквозь бездны столетий причины и следствия: пляски вокруг золотого тельца — воскрешенного Аписа, рощи, высоты и, как гром небес, грандиозный пожар. Думал ли римский воин, поджигая занавесь у ковчега завета, что вместе с Соломоновым храмом сжигает и память о странноприимном Юпитере? Верховном боге всемирной империи, обреченной на скорую — что для истории каких-то три века! — погибель. И орды Алариха подступили к Риму, и рухнули стены его, подобно стенам иерусалимским, и алчные варвары расхватали золотые семисвечники Палестины.

Какая тайная мысль подтолкнула Юга де Пейна разбить шатры на камнях Второго храма? В каких лучах предстало видение Иерусалима Небесного? Rex mundi — «Королевство мира»! Надев белый плащ с алым восьмиконечным крестом, как бабочки на пламя свечи, слетались на этот манящий свет молодые безумцы. И шли на костер, одурманенные дерзкой мечтой. Один к одному вязались будто бы случайные узелки, образуя закономерный узор непостижимой разумом энигмы.

И где-то на вышивке той несказанной есть место для Лопеса Рамона, идальго из Андалусии, для дона де Луна, великого адмирала Колумба, открывшего Новый свет, и для бедняги Лоренцо.

Быстро темнело. Под холодным порывом, дохнувшим с низин, зашелестели иссохшие травы, околдованные вечерней тоской.

Стаи летучих мышей, вырвавшись из кромешных гротов, закружили в мерцающей вышине. Конвульсив-

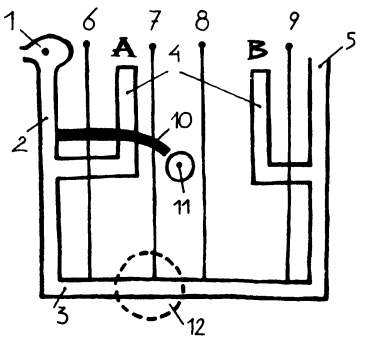
но, словно отключенная люминесцентная трубка, где еще мечется разогнанная плазма, угасала небесная чаша: золото и рубин сменились в ней испанским тинто, черно-бордовым, как зарево в ночи, и терпким, как соль земная, вином.

Узкий серп на ущербе стремительно прочертило перепончатое крыло.

«Киссон», имя речного потока, раскрылось потаенным смыслом — «Нетопырь извивающийся». И тут же, как тогда, в скриптории, тупо ударило изнутри: «Левиафан — змей извивающийся»...

Полубольной, одержимый дурными предчувствиями, Висенте побрел вниз по тропе. С детства привыкший к горам, он сравнительно легко отыскал дом с единственным освещенным окошком.

Горячий душ, казалось, выгнал затаившийся в теле холод. Выпив чашку шоколада, монах залез в постель и углубился в изучение карты раскопок.

1) вход в пещеру и шахту;
2) пещера и шахта XIII в. до н. э.;
3) галерея;
4) шахты и штреки А и В;
5) шахта I—II вв.;
6), 7), 8), 9) стратиграфические шурфы;
10) проход к источнику;
11) подземный источник;
12) «зал статуй».

Вертикальный разрез напомнил ему что-то очень знакомое, каким-то образом связанное с нынешним болезненным состоянием. Мучительные попытки восстановить стершуюся в памяти связь ни к чему не привели. В глазах запрыгали черные мошки, а затылок, как цементом, сковало: подскочило артериальное давление.

Висенте нехотя встал, сварил грог, влив изрядную порцию рома, и принудил себя дочитать краткое описание, приложенное к легенде.

Раскопки были начаты в 1925 году экспедицией Восточного института в Чикаго, но ниже пятого слоя объем работ пришлось значительно сократить. Обнару-

женные артефакты [1] показали, что пещера (1), как и город, периодически заселялась с неолита. Находки изделий из бронзы отнесены приблизительно к 3000 году до н. э. В шахте (2), пробитой в скале, были найдены керамические сосуды и многочисленные орудия, служившие для добычи медной руды. Боковой проход (10), длиной в 70 метров, вел к подземному источнику, расположенному в гроте искусственного происхождения. Мягкие породы, в основном мел и известняк с вкраплениями кремния, значительно облегчали горные выработки. Проходка галереи (3) прервана в 1939 году на 67-м метре. Пещера (5) была расчищена в 1987 году, а в 1989 году начались планомерные работы. Штрек В заложен на том же уровне, что и А. Шурфы (6—9) для исследования стратиграфии позволили установить протяженность (193 метра) и направление соединительной галереи. На 47-м метре обвал обнажил проход в «зал статуй».

Не дочитав до конца, Висенте бросил бумаги на пол и выключил лампу. Невзирая на калорифер и верблюжье одеяло, кожу покалывал гниловатый озноб.

Сон выпал ему обморочный, тяжелый, прерываемый лихорадочными приступами удушья. Когда забрезжил рассвет, он подумал, что самое лучшее это остаться в постели. Но многолетняя монастырская дисциплина пересилила недомогание. Мыслимо ли было не встать на колени в первый час стражи, посвященный утренней молитве?

Не хотел он лезть в эту шахту! И душа, и тело протестовали. Размышляя над тем, как быть, Висенте подогрел молоко, высыпал пакет кукурузных хлопьев, сварил шоколад. Еда, хоть и застревала в горле, немного подкрепила силы, растраченные на внутреннюю борьбу. Втайне знал, что не сможет противиться понуждавшей к действию воле. Трубный призыв заглушал страх, признаться в котором не позволяла гордость. Монашеское смирение выработало стойкий иммунитет к почестям и наградам, но пасть в собственных глазах было равнозначно самоуничтожению.

Голос ли рока то был или рыцарской крови? Так уж сложилось во времени и пространстве, так уж вязались кармические узлы.

---

[1] Предметы, сделанные человеком.

В холле, на подзеркальном столике, лежал большой лист, исписанный красным фломастером: не заметить его было никак невозможно.

Гринблад любезно предупреждал, что уезжает по срочному вызову в порт и возвратится часа через два вместе со всеми. Напоминая о каске и резиновых сапогах, советовал все же дождаться приезда Шермана.

Тут бы и отступить потомку храмовников и конкистадоров, повременить, да только пуще взыграло неукротимое высокомерие андалузца. Глянув на календарь, налепленный прямо на зеркало, Висенте отметил еще одно роковое совпадение, связанное уже непосредственно с ним. Был четверг двадцать второго дня месяца адара. Тут-то все и вспомнилось сразу: Лоренцо, геральдические надгробья, планетный знак!

У входа в пещеру путь ему преградил охранник с автоматом «узи», свисавшем с плеча. Сверившись со списком, он козырнул и посоветовал взять респиратор и лампу.

— Вонь от летучих мышей жуткая,— объяснил,— а свет иногда отключают, так что на всякий случай, abba [1].

Острый, отдающий тошнотворной сладостью запах напластований помета вызвал рвотный спазм и резь в глазах. Прикрыв рукой ноздри, Висенте поспешно бросился к рубильнику. Свет взбудоражил колонию висевших друг на друге зверьков, и они заметались, огласив смрадный воздух не менее омерзительным писком. Лучшего пленэра для Доре трудно было бы подыскать. Свод, правда, оказался низковатым и никак не соответствовал готическим пропорциям. Зато изломы стен обильно поросли желтыми кристаллами самородной серы, чье характерное амбре отчетливо ощущалось в общей гамме.

За дверью в фанерной перегородке Висенте нашел все, что требовалось. Даже сумел подобрать себе подходящий по размеру комбинезон. Небольшая заминка вышла только с аккумулятором: не сразу сообразил, как соединить клеммы. Газосветная лампа новой конструкции бросала ровный бело-голубой луч, в котором хорошо различались самые незначительные углубления и бороздки.

Пещера оказалась довольно-таки протяженной. По-

[1] Отец (*библейск.*).

следние метры пришлось пройти, пригнув голову и подгибая колени, настолько низким сделался потолок.

Люк, под небольшим наклоном уходящий внутрь скалы, был оборудован надежными скобами, на каждые десять футов приходился защищенный проволочным каркасом плафон.

На уровне штрека А рабочие вырубили полукольцевую площадку, где можно было спокойно передохнуть и, без риска сорваться, войти в туннель. Висенте прошел его до конца. В гроте с источником — вода отдавала сероводородом — он увидел несколько целых кувшинов и множество черепков, разложенных по ящикам. Процарапанный и выдавленный в сырой глине орнамент напоминал угаритский. Ханааняне брали тут воду в годину войн и бедствий. Не мудрено, что кувшины часто бились.

Не найдя ни единого знака, монах возвратился в шахту и спустился в просторную сводчатую галерею. Пожалуй, здесь можно было проехать даже на колеснице. Он попробовал снять респиратор, но тут же закашлялся и поспешил вновь надеть маску. Насыщенная сероводородом влага разъедала почище мышиного помета. Гринблад несколько идеализировал ситуацию. Меловая пузырящаяся вода, густо перемешанная с известковой глиной, достигала колен. Всплывшие на поверхность деревянные мостки ничуть не облегчали положения. Идти по ним было почти невозможно. Опасаясь свалиться с тяжелых и скользких досок и поломать ноги, Висенте осторожно съехал в жижу, до смешного напоминающую сметану, и, цепляясь руками за шероховатую стену, бочком двинулся в сторону лаза, образовавшегося в результате подвижек. Он вел в «Зал статуй», который еще на две трети был засыпан обломками породы.

Первый указатель (означавший «на равном уровне») встретился шагов через сорок, но без сопутствующих уточнений пользы от него не было никакой. Потом начали попадаться имена, по большей части испанские. Подземные сооружения были созданы по меньшей мере за две тысячи лет до тамплиеров. Рыцари только использовали катакомбы для каких-то, им одним ведомых, нужд. Если и было где-нибудь пресловутое капище Бафомета, то не в этих каменных недрах,

подмываемых осенним разливом. Ноздреватый известняк впитывал воду, как губка. Просачиваясь сквозь своды, молочные струйки слизывали со стен вехи времен.

Совершенно случайно Висенте наткнулся на неразборчивую надпись под непритязательным крестиком, каким в старых хрониках отмечали усопших.

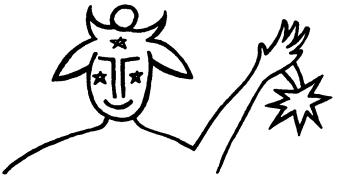
«Энц Бертран де Ту»,— больше ощупью, чем глазами прочитал он. Прочее так и осталось невыясненным. Заполнив углубления, меловой раствор совершенно сгладил часть букв. К тому же сама эпитафия, судя по «энц» — господин, была на старопровансальском, малознакомом диалекте. Кавалер из Прованса, отделенного от Испании только Пиренейским хребтом, возможно, скончался прямо на этом самом месте, где стоял теперь Висенте, и был замурован в стене «на равном — с чем? — уровне».

Подвижка, открывшая проход в «Зал статуй», сыграла на руку археологам. В образовавшейся нише не только можно было стоять в полный рост, но и свободно орудовать инструментом. В нее даже не затекала вода, поскольку пол галереи находился двадцатью дюймами ниже, как указывалось на плане.

Статуи, о которых упомянул Гринблад, пока только выглядывали из завала. Висенте понял, что извлечь их навряд ли удастся до следующего сезона, когда спадет вода и можно будет пустить вагонетки по рельсовому пути, проложенному вдоль галереи.

У звездной Иштар, с серпом и змеями в волосах, над кучей камня торчала одна голова. Зато высеченный из розового гранита Ваал по грудь возвышался над своим нерукотворным курганом. Бычьи уши, рога и челка на темени изобличали в нем Ваал-Самена — «Господина Небес». О высшей астральной власти свидетельствовали звезды на лбу и щеках. Еще одна звезда — колючая, падающая, с загнутым кометным хвостом — свисала с левой руки истукана. Очи Бела — Юпитера, Денницы — Сына Зари были устремлены на монаха. Казалось, древний бог Эйкумены молит о помощи, страдая от боли и унижения. Вокруг его шеи был обмотан трос, сплетенный из стальных нитей, другой туго натянутый канат охватывал запястье. Концы их уходили в белую жижу галереи, где, очевидно, находились затопленные лебедки.

Вытерев о комбинезон испачканную мелом руку, Висенте наскоро сделал набросок.

Заметив на груди идола буквы древнейшего на земле финикийского алфавита, он приблизился почти вплотную и, схватившись за трос, попробовал взобраться повыше. Но жирная от смазки проволока резанула ладонь, щебень под ногами куда-то поплыл, и не успел Висенте понять, что происходит, как с грохотом полетели камни, витая струна лопнула, издав почти человеческий вскрик, и взвившимся острым, как бритва, концом ударила по затылку.

Отпавшую голову накрыло каменной массой, куда, медленно наклонившись, сполз освобожденный кумир. Он опрокинулся, придавив собой истекающее кровью тело, и был засыпан породой. И только длань с хвостатой звездой осталась над завалом.

«Под рукой идола»...

АВЕНТИРА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

МЕХИКО, МЕКСИКА

Самолет компании «Дельта» прибыл в Сьюдад де Мехико вечером. Пока, пережив две пробки, добирались до отеля «Редиссон Параисо» в парке Педрегал, наступила ночь. Борцов и Долорес, отказавшись от ужина, разошлись по своим номерам. Джонсон был бы рад последовать их примеру, но приличия требовали посидеть несколько минут в баре с директором Центрально-американского филиала Руджеро Револьта.

Выпив стакан мангового сока, он поинтересовался, как обстоят дела с отправкой грузов из Мериды на реку Ящерицы, затем извинился, сославшись на усталость, и поднялся к себе в апартаменты, заарендованные «Эпсилон Пикчерс» на ближайшие два года. Револьта сказал, что уже успел сменить «клиперы»

и произвести чистку: сеть была свободна от вируса.

В каком бы уголке земного шара ни находился Джонсон, к нему ежедневно поступал обзор мировой печати, сжатый до пяти страниц машинописного текста. Он не знал, где намерена остановиться Глэдис фон Лауэ, и в ожидании неминуемого звонка занялся текущими делами.

Шумная кампания по поводу Муниланы, непрошеного героя на телевизионных экранах, похоже, выдохлась и постепенно сходила на нет, хотя успокаиваться было рано. Из прочих новостей, выбранных бостонским пресс-атташе, обращало на себя внимание интервью тройного агента, опубликованное в «Обсервер».

Некто N много лет работал на английскую MI-6 и второе главное управление КГБ. Специализировавшись в области высоких технологий, он поставлял англичанам соответствующий материал в течение трех лет, но будучи перевербован, стал регулярно оповещать Москву, чем и по каким причинам интересуется Лондон. Все, таким образом, были довольны, включая самого героя, получившего солидную и свободную от налога прибавку к жалованью. Комфортному «двоеженству» N пришел конец, когда в начале прошлого года на него вышла российская мафия. Это было практически неизбежно в нынешних условиях, когда военно-промышленный комплекс буквально лез из кожи, чтобы не умереть с голоду, а государственные чиновники охотно шли на сделку с преступным миром.

Людей, вступивших с N в контакт, прежде всего интересовал сбыт оружия и оборонных материалов, включая редкие металлы высокой чистоты, изотопы и прецезионные сплавы, необходимые для космической техники. Возможности, которыми располагал синдикат, поражали воображение, как, впрочем, и гонорар за полезную информацию.

Так N начал работать сразу на три стороны, не подозревая, чем грозит ему подобная деятельность.

Выйдя однажды из ресторана «Савой», где отобедал на полтораста долларов, он сел за руль своего «мустанга», но не успел включить зажигание, как почувствовал приставленный к затылку пистолет. Ему приказали ехать куда-то в Новогиреево, где прежде не приходилось бывать. Запомнились названия нескольких улиц, промелькнувшие на табличках домов, да и то по-

тому, что подобных не встретишь ни в одной столице: проспект Сталеваров, Мартеновская, Литейная... Полный цикл передела: от чугуна до проката, чтобы класс-гегемон ни на минуту не забывал о любимом заводе. В иных обстоятельствах это могло бы вызвать улыбку, но N было не до смеха.

Его заставили въехать в какой-то ангар — то ли заброшенный цех, то ли склад, где ржавели невостребованные станки,— пересадили в черную «Волгу» и повезли, насколько можно было судить с повязкой на глазах, за город. Поездка продолжалась около часа.

В бетонном бункере, уставленном дорогой итальянской мебелью, от него потребовали связи: фирмы, заинтересованные в поставке новейших образцов, посредники, нелегальные торговцы — все. Кое-кого, под угрозой смерти, пришлось назвать. Завладеть адресами похитителям, однако, не удалось. Сославшись на память. N сумел убедить их, что все файлы в «конторе», то бишь в MI-6.

Посовещавшись между собой, крутые ребята, не сходя с места, составили престранный документ, в котором за перечислением уже оказанных N услуг и полученного за это вознаграждения следовало обязательство беспрекословно выполнять дальнейшие поручения. По сему поводу даже завязался спор, как лучше: «задания» или же «поручения»? Остановились на последнем.

Не долго думая, N подписал и тут же получил первое «задание-поручение»: собрать данные о вице-президенте «Эпсилон X_1» лорде Уорвике, о самой компании, о ее Парижском отделении и, по возможности, других филиалах. Получив свободу, N профессионально избавился от слежки и спешно, через Ригу, убрался в Лондон. Прямо из аэропорта Хитроу он отправился в родное учреждение, где повинился и скрупулезно перечислил всех задействованных в эту темную историю лиц. На другой день он собрал пресс-конференцию и, за малым исключением, повторил свой рассказ перед телевизионными камерами.

— А вы не боитесь? — спросил его корреспондент.

— Мне нечего терять. Я просто счастлив, что вырвался. Шантажировать меня невозможно: я сам признался во всем, а расписка, данная под давлением преступникам, ничего не стоит. Эти люди не остановятся

ни перед чем, но мыслят они вполне прагматично. Толку теперь от меня ни на пенни. Вы, конечно, скажете: «месть». Что ж, пусть попробуют сначала найти. Убийство обойдется в сотни тысяч фунтов, а они не бросают деньги на ветер. Пример Салмана Рушди, чью голову иранские фундаменталисты оценили в миллион, внушает оптимизм. Думаю, самое худшее для меня уже позади.

Реферат занял добрую половину обзора, что, понятно, было связано с упоминанием корпорации и ее руководства. На всякий случай Джонсон запросил полный текст и уже через несколько минут получил отпечаток статьи.

Пресс-атташе опустил, сочтя не заслуживающей внимания, одну небезынтересную подробность. Сцена в бункере имела место не сразу после похищения, как можно было понять, а спустя почти две недели. Все это время N провел взаперти, подвергаясь постоянным угрозам расправы. Его впечатления заняли полторы журнальных колонки. Описывая свое пребывание в плену — водку давали в неограниченных количествах,— «агент века» обмолвился, что слышал возню и женские крики. По его мнению, он не был единственным узником загородного подвала. Похищения стали в России такой же будничной реальностью, как и захват заложников, заказные убийства, взрывы.

Джонсон сопоставил даты. По числам, плюс-минус один день, женщина, привезенная в бункер, могла оказаться Береникой Борцовой, хотя для окончательного вывода информации явно недоставало. Как бы там ни было, но русские связи, на которые намекала Глэдис, сыграли скверную шутку. Вдобавок к скандалу с Магдой ван Хорн, такой прокол мог бы послужить неплохим козырем в контр-игре, будь они на одном уровне, он и Глэдис. Тем не менее, Джонсон готовился к предстоящей схватке. Укрепив на свой страх и риск финансовое могущество «Эпсилона» вливанием таких инвестиций, которым могли бы позавидовать даже ведущие концерны Японии, он фактически бросил вызов «Невидимым». Просто убрать его, как какого-нибудь клерка, было уже не так легко. Прогнозируемый убыток исчислялся что-нибудь в полтора миллиарда.

Он набрал текст циркулярного письма, в котором предлагал усилить меры безопасности, и разослал его

по всем подразделениям. Отдельные факсы, с приложением статьи из «Обсервера», пошли в Вашингтон, Лондон и Париж.

Глэдис фон Лауэ не позвонила ни в этот вечер, ни на следующее утро. Джонсон расценил это как дурной знак.

— Мои планы слегка изменились,— сказал, когда все собрались за завтраком в Лобби-баре.— Придется задержаться на денек в Мехико.

— Меня это вполне устраивает,— просияла Долорес.— Ведь сегодняшний день у меня забит до отказа. Боюсь, завтрашний — тоже. Дай бог управиться хотя бы до четверга.

— А вы, Тим, как предполагаете распорядиться своим временем? Походите по музеям, полюбуетесь пирамидами Теотихуакана или полетите в Мериду? Туда как раз отправляется самолет с нашими сотрудниками. Они будут рады прихватить вас с собой.

— Честно говоря, я бы предпочел задержаться в Мехико,— преодолевая соблазн немедленно отправиться на загадочную реку Ящерицы, заколебался Ратмир. Он боялся признаться себе, что не хочет расставаться с Долорес, и, дрогнув голосом, поспешил объяснить: — Мне бы хотелось повидать приятеля, Осю Раппопорта. Помните, Пит, вы как-то спрашивали? Он живет возле Чапултепейк Лейк. Не могу упустить такой случай.

— Святая Мадонна! — всплеснула руками Монтекусома Альба.— Вы знаете профессора Раппопорта?! Вот уж совпадение, так совпадение. Именно с ним мне и нужно встретиться в первую очередь...

Сосредоточенно выдавливая в розовое нутро папайи лимонный сок, Джонсон ничем не выдал своего изумления: «Действительно, совпадение». Месяцем раньше он бы обеими руками ухватился за такую возможность, ныне же диспозиция выстраивалась иначе. Благодаря усилиям Вейдена и Эрика Ли удалось не только обойтись без помощи Раппопорта, но и обскакать его на главном направлении. Метод, получивший условное название «компьютерного архетипирования», прошел успешные испытания на полигоне Пуналуу, близ священных водопадов Оаху, и был готов к внедрению. Однако не это соображение явилось определяющим. Наружное наблюдение показало, что за Нобелевским

лауреатом ведется неусыпная слежка. Успехи в борьбе с наркоманией и широкая пропагандистская деятельность привлекли к нему пристальное внимание колумбийских картелей. В нынешнем ситуации высветиться еще и на этом фронте было бы непозволительной глупостью. Главные мафиозные кланы, включая «коза ностру», превратились в сообщающиеся сосуды.

— Вы уже договорились о встрече, Тим? — участливо спросил он и, не дожидаясь ответа, повернулся к Долорес.— Вы тоже?

— Только собираюсь звонить,— покачал головой Борцов.— Я нашел телефон на «желтых страницах».

— А я уже звонила! — с ноткой торжества сообщила Альба.— Профессор на обходе. Освободится часам к двенадцати. Мы могли бы поехать вместе, Рамиро, если вы не возражаете.

— Буду рад!

Джонсон задумчиво почесал кончик носа. Положение создалось пиковое. Выручить могла только полная откровенность, но не рассказывать же им про колумбийскую мафию? Да еще увязывая с похождениями тройного агента в Москве! Хорош он будет в их глазах.

— У меня к вам нижайшая просьба,— сказал, сосредоточенно уставясь в плафон, расписанный под Ороско.— К обоим... Не звоните ему. Отложите вашу встречу до возвращения. И не спрашивайте меня о причинах. Они более чем серьезны.

— В самом дéле? — Долорес недоверчиво прищурилась.— С тех пор как я перешла к Альфонсо Фернандесу, мне приходится постоянно сталкиваться с секретами и недомолвками. Почему?

— Можно подумать, что раньше ничего подобного с вами не случалось,— мягко возразил Джонсон.— По-моему, вы не первый год работаете с токсинами и галлюциногенными веществами. Не знаю, как у вас, в Мексике, но в Соединенных Штатах, да и во многих странах это накладывает определенные ограничения. Хотя в испанском языке тайна и секрет звучат одинаково — secreto,— есть разница между mistereo, то есть тайной вообще, и secreto de profession [1], так сказать по должности. Я бы скорее откусил язык, чем позволил себе напомнить о соответствующем параграфе контрак-

[1] Профессиональный секрет, профессиональная тайна (*исп.*).

та. Решайте сами, Долорес, но помните, что я вас очень... очень прошу.

— Дело в конкуренции?

— А если бы и так?.. Между прочим, серьезное основание. Но дело не в конкуренции. Зная вас, у меня и мысли такой не возникло. Более того, я бы счел за счастье лично познакомиться с таким человеком и даже просил представить меня. Поймите, друзья. Свои трудности есть у каждого. По мере сил я худо-бедно справляюсь со своими проблемами, но сейчас мне нужна помощь. Так помогите же! Просто помогите, ни о чем не расспрашивая. При первой возможности я все объясню, а сейчас, поверьте, не имею морального права, ибо тоже опутан всяческими табу. К личности мистера Раппопорта это никак не относится. Ничего, кроме восхищения, он у меня не вызывает.

— Я лечилась у него и многим ему обязана,— словно бы защищаясь, произнесла Долорес. Так не свойственная Джонсону эмоциональность произвела сильное впечатление. Его очевидное волнение показалось намного убедительнее словесных доводов.

— Даже так?.. Тогда к восхищению добавится и горячая благодарность,— заметил Джонсон с обычной для него благодушной иронией.— А вы почему молчите, Тим?

— Что я могу сказать, Пит? Я привык полагаться на вас, и, если вы просите, значит на то есть причина. Не вижу трагедии в том, чтобы отложить встречу с Осей до возвращения.

— Я подчиняюсь,— тряхнула головкой Долорес и сдула упавшую на лоб прядь.— Пусть будет по-вашему. В конце концов, мне все равно... Надеюсь, вы не возражаете против свидания с коллегами по прежней работе?

— Помилуйте, Долорес! Вы причиняете мне душевную боль... Впрочем, спасибо за понимание.

— Когда отправляется ваш самолет?

— Поскольку это **наш** самолет, мы вольны распоряжаться временем, хотя каждый час простоя обойдется в несколько тысяч. Давайте договоримся так: вы назовете удобный день, а наши люди свяжутся с агентством «Аэрмексика». Словом, летите, когда пожелаете и куда вам будет угодно: хоть в Мериду, хоть в Тустла Гутьерес. Нет проблем.

— И отлично. Я устала от сложностей. Мы с Рамиро вылетим послезавтра,— она задумалась, нахмурив брови, но через секунду сделала выбор: — в Мериду. Прямо оттуда поедем на раскопки...

— Не надо ехать. Я пришлю вертолет,— устало улыбнулся Джонсон, отметив это хозяйское «мы».

«Через пару деньков наша bonita уже начнет вить из него веревки,— подумал он, решив, что это не самое худшее в создавшихся обстоятельствах. Стоило Борцову промолчать о своем намерении навестить Раппопорта, и могло бы случиться непоправимое.

— Гавайи остаются в силе? — спросил Ратмир.

— Безусловно. Со мной или без меня, но вы полетите, самое позднее, через три недели.

— Как это понять: «со мной или без»?..

— В самом прямом смысле. Программа не меняется, даже если с меня снимут голову.

— Есть за что? — Долорес сопроводила булавочный укол лукавой улыбкой.

— Над каждым из нас кто-нибудь, да стоит. Ему виднее... Я не про Бога, Долорес. Ведь только ему по-настоящему ведомы наши грехи, а люди могут и ошибаться. Словом, не стоит загадывать... Ну, что? До вечера?

— До вечера,— бросив салфетку на скатерть, кивнула Долорес.

— До вечера,— Ратмир в точности воспроизвел ее жест.— Ужинаем здесь?

— Если не найдем места повеселее... Вы куда сейчас?

— На Плаза Мадрид. Хочу увидеть здешний фонтан Сибелис. Потом, наверное, смотаюсь в музей Антропологии. Его хватит мне на весь день.

— Успеха, Тим,— удовлетворенно кивнул Джонсон, коря себя за оплошность. Как он мог забыть, собираясь в Мехико, про Хосе Раппопорта! Не иначе, начал стареть.

Оказавшись у себя в кабинете, он позвонил Револьте и попросил организовать охрану Борцова, сообщив предполагаемый маршрут. Следующий звонок был в Вашингтон. Американский паспорт на имя Тимоти Лерсера[1], уроженца города Клин-

---

[1] Аббревиатура wrestler — борец (*англ.*).

тон, в штате Массачусетс, ожидал владельца в Уорчестере.

А Глэдис все не звонила.

АВЕНТИРА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

РЕКА ЯЩЕРИЦЫ, МЕКСИКА

Переступив через еще не убранные осколки камней, которыми был запечатан треугольный проход, Ратмир, вслед за Долорес и Брюсом Хейджберном вошел в погребальный покой. Торжествующий Хосе де Торрес с нетерпением дожидался гостей, топчась возле плиты, вырезанной из цельного куска фиолетово-дымчатого агата. Ее украшал тот же крестообразный рельеф из кукурузных початков и листьев, что впервые предстал его глазам в сталактитовой пещере.

Держа на плече камеру, Теодор Вестерман вел съемку.

— Добро пожаловать, джентльмены,— приветствовал он, не отрываясь от видоискателя, поймав ноги в облегающих джинсах, подпортившие очередной кадр.— Отойди-ка в сторонку, парень. Я уже заканчиваю.

— Простите, сэр! — отпрянула Долорес, ударившись бедром об угол саркофага.— О, Dios! — воззвала к Богу, заглянув внутрь.— Невероятно!

— Сеньора? — удивился Вестерман, подняв голову.— Прошу прощения... Я вас не заметил.

— По-моему, даже очень заметили! — она засмеялась, потирая ушибленный бок.— До чего же жарко у вас...

Ослепительное сияние перекальных ламп, превративших склеп в телевизионный павильон, мешало как следует разглядеть детали. Не зная, на чем остановить взгляд, Борцов тоже заглянул внутрь диабазового ящика.

— Вот это да! — по-русски воскликнул он.— Ничего себе!

— Ole, Jose! Mi felicitacion! — Долорес обняла Торреса.

— Saludo, niña. Muchas gracias! — он расцеловал ее в обе щеки.— Привет, девочка. Спасибо.

— Сеньор Рамиро, мой очень хороший друг,— представила она Борцова по-английски.

— Мое почтение,— Торрес протянул сильную загорелую руку, сплошь покрытую волосами.— Друзья Долорес — мои друзья.

— Поздравляю, сеньор! Вы совершили чудо!— Ратмир счастливо вздохнул.— Не думал, что мне доведется увидеть такое. Ваше имя будет стоять в одном ряду с Альберто Русом и Картером... Кто он, ваш Тутанхамон?

— Пока не знаю. Хорош?

— Не то слово! Magnifico! [1]

В обнимку с Торресом они вернулись к саркофагу.

На дне лежал скелет, местами прикрытый лоскутьями истлевший материи и клочьями меха, в котором с трудом можно было различить узор ягуаровых пятен. Из-под дивной зелено-голубой маски, которая, казалось, была слеплена из кусочков нефрита, высовывалась отпавшая челюсть. Передние зубы, инкрустированные бирюзовыми и изумрудными бисеринками, подпилены не были. Маска, сместившаяся к затылку, сверлила взглядом бесцеремонных пришельцев, осмелившихся потревожить священных прах. В зрачках из черного оникса, вделанного в перламутровые овалы, застыла мрачная угроза. С приоткрытых губ, казалось, готово было сорваться проклятие. Стыки нефритовых пластинок, избороздившие личину глубокими морщинами — вертикальными на щеках и горизонтальными на покатости лба,— придавали ей суровую и скорбную выразительность. Закрадывалась мысль о скульптурном сходстве с покойным. Чувствовалось, что майяский царь или, может, великий жрец был человеком жестоким и мудрым. Золотистые блики лоснились на мясистых выпуклостях длинного носа, скул и выдающегося вперед подбородка, но ониксовые кружочки, вобравшие в себя черноту вечной ночи, не отражали света. Он не мешал им вглядываться в пустоту бездны, в которой не было ничего, кроме бесплотных чисел, но они вобрали в себя весь иллюзорный мир.

Коричневато-желтые, с легким марганцевым оттенком, кости перемежались множеством украшений и амулетов, филигранно выточенных из нефрита, раз-

[1] Великолепный (*исп.*).

ноцветного обсидиана и тусклого от времени янтаря. Ожерелья, запястья, серьги перемежались фигурками, изображавшими свернувшихся змей, крадущихся ягуаров и зайцев, настороженно растопыривших уши. Здесь же лежали одиннадцать яшмовых головок, убранных перьями священной птицы кетцаль и, по-видимому, отбитых у статуй. Хрустальные, величиной с куриное яйцо, черепа, как шарики в лузах, покоились в лобковой дыре таза, мертвые жемчужины, застрявшие в запирательных отверстиях, напоминали старческие глаза, подслеповато слезящиеся в прорезях карнавальной маски.

— Еще раз прошу извинения, леди! — закончив съемку, Вестерман уложил камеру в дюралевый чемодан и отер мокрое лицо рукавом рубашки.

Состоялась короткая церемония представления.

— Мистер Джонсон не прилетел? — спросил Хейджберн.

— У него дела в Мехико, — отозвался Ратмир, склоняясь над агатовой плитой. — Один и тот же рисунок: Луна, Венера, Юпитер, Полярная звезда.

— Совершенно точно, — Вестерман тоже присел на корточки. — Растительный крест — символ вечной жизни. Кукуруза умирает в початке и возрождается в зерне, как и мы, смертные, в череде поколений. Майя не страдали излишним оптимизмом, но стремление к бессмертию — отличительная черта их культуры.

— Не только их, — заметил Борцов, — по-моему, это универсальный принцип.

— По большей части, но здесь есть своя специфика. Они очень своеобразно пытались разрешить извечные вопросы с помощью математики. Поразительная мистика чисел. Непостижимая уму игра множеств. Если китайцы стремились запрограммировать изменчивость бытия двоичным кодом на основе сплошных и прерывистых линий, то майя выбрали чистейшую из абстракций — цифру.

— Я тоже почему-то сразу подумал о Китае. И эта маска, как у Сыновей Неба, и вообще нефрит... Изощренный орнамент, сложная композиция, сверхчеловеческий порыв в запредельность... Очень похоже на искусство династии Чжоу. И там, и здесь в основе змеиный мотив. Извивы спирали, манящие в бесконечность, но не ведущие никуда. Ваша аналогия с даосскими ге-

ксаграммами попала точно в десятку, мистер Вестерман,— Борцов принялся увлеченно чертить пальцем по запыленному камню.— В змеиных кольцах зажата Вселенная. Я физически ощущаю магнетизм исступленной страсти, нарастающей с каждым новым витком. Как незаметно и, вместе с тем, неудержимо спираль оборачивается зеркальным отражением. Это уже кохлеоида — двойная спираль. Мир и антимир в их единстве и несоприкасаемости. Безумие, вырастающее из рациональной абстракции. Дух захватывает от восхищения и, вместе с тем, подступают слезы отчаяния. Не понимаю...

— Как глубоко вы прочувствовали... Ваши книги издавались на английском, мистер Борцов?

— При чем здесь книги? — поморщился Ратмир, но в конце концов отозвался на просьбу и привел несколько названий. Вестерман, поинтересовавшись издательством и датой выпуска, занес их в блокнот.

— Вы угадываете самую сущность по отдельным намекам,— задумчиво произнес археолог. Редкий дар... Как вы думаете, что это такое? — указал он на оскаленную змеиную пасть. Выточенная из цельного куска бледно-голубого нефрита, она свисала с низкого свода, на полметра не достигая гроба. В туманной толще остроперых чешуек просвечивались ржавые крапинки.

— Кетцалькоатл?

— Верно. Так называли «Пернатого Змея» ацтеки, но у майя он Кукулькан. Но я, собственно, о другом. Просто некорректно сформулировал вопрос. Это часть исполинского рупора. Труба квадратного сечения проходит сквозь всю толщу пирамиды. Майя верили, что мертвый вождь может говорить с ними с того света. Я живо представляю себе, как там наверху, в «Храме Чисел», сидит дежурный жрец, вслушиваясь в шорохи и вздохи, которые доносятся из колодца. Не знаю, какие советы давал мертвец. Шла ли речь о сроках полива подрастающей кукурузы? О звездах, пророчащих беды? Дождях? Или о жизни и смерти?

— Смерти? Конечно же, смерти! Овеществленный сон, видение угасающего мозга. Черная труба, в которой летят к последнему Свету. Галлюцинация, материализованная в камне — невероятно!.. Я думаю, что это не только рупор преисподней, но и канал для выхо-

да души... Вам удалось расслышать какие-нибудь звуки?

— Гудит, как и надлежит пустому пространству. Резонатор вышел на славу. Не чета морским раковинам, где глухо шумит прибой. Вот вам и сочетание рацио и безумия, а вы говорите орнамент, спираль... Воплощенная математика!

— Но спираль — тоже математика, тем более — кохлеоида. Без тригонометрии не обойтись.

— Они и не обходились.— Распахнув пропотевшую рубаху, Вестерман почесал грудь.— Жарко... Вся прелесть в том, что у них была своя тригонометрия, своя алгебра.

— Так не бывает,— улыбнулся Ратмир,— дважды два всюду четыре. Насколько я помню, у майя двадцатиричная система. Зная принцип, их числовые порядки нетрудно перевести на привычный нам счет.

— Да, с числами особых трудностей не бывает, загадка лишь в том, **как** получены эти числа?.. Вы обратили внимание, что крышка саркофага представляет собой уменьшенную копию плиты в «Сталактитовой пещере»? Честь вам и хвала. Поднаторев на майяских кунстштюках, мы с Хосе тщательно все обмерили и начали колдовать с цифрами. Знаете, что получилось? Отношение площадей дает преинтереснейшую величину: 2,718,— Вестерман умолк, давая возможность прочувствовать.

— Постойте, постойте,— сосредоточенно заторопился Борцов,— что-то знакомое... Как?! — он хлопнул себя по лбу.— Неперово число? Основание натурального логарифма?.. Они не могли знать логарифмического счисления! Непер и Бюрги открыли его только в семнадцатом веке.

— Выходит — могли. Просто мы не имеем представления о том, каким образом они получали свои результаты. Точные до умопомрачения. Вы хорошо сказали: хочется плакать. Да я башку готов разбить об эти плиты!

— Логарифм,— задумчиво пробормотал Ратмир.— Logos и arithmos, Слово и Число... Что ж, древние глубоко понимали и то, и другое. Если можно начертать логарифмическую спираль, что мешает постичь математические законы? Кольца Великого Змея — Бога бесконечных перспектив.

— Не надоело сидеть в грязи, ребята? — подошел к ним Хейджберн, истекая, как и все, липким потом.— Я дохну от зноя. Послушайте, Тео, вы не боитесь, что ваши проклятые лампы лопнут от перегрева?

— Простите! — спохватился Вестерман.— Я позабыл выключить.

— Верно,— подал голос Хосе де Торрес, пошептавшись с Долорес.— Выруби свои софиты, pequeño [1]. Генеральная репетиция состоялась, а представление отменяется. Айда на воздух! Пора бы и горлышко промочить.

— Вы запоздали на день,— шепнул, наклонясь к Ратмиру, Хейджберн.— Торжественное открытие пришлось провести в узком кругу. Вообще-то старик ожидал мистера Джонсона. Он жутко разочарован, но не показывает вида. Я вас отрекомендовал как особо доверенное лицо. Не выдавайте меня и не сердитесь.

— Постараюсь, мистер Хейджберн, но боюсь, свадебного генерала из меня не получится.

— Зовите меня просто Брюс.

— С удовольствием, Брюс. Я — Тим.

На веранде их ждал стол, уставленный аппетитными яствами. На керамических блюдах вначал лежали колючие пучеглазые рыбы, красные от жара и перца цыплята, обложенные бататами и зеленой фасолью, и совершенно изумительные лангусты, топорщившиеся согнутыми хвостами и хлыстиками антенн. Половинки ананасов с вырезанной сердцевиной были набиты креветками и нежным мясом моллюсков.

— Водки у меня нет,— усадив Борцова на почетное место, сказал Торрес.— Будешь пить текилу... Или хочешь виски?

— Текилу! — Ратмир с готовностью подставил глиняную чашку. Положение обязывало отведать кактусовой сивухи.

— Buen mozo [2],— похвалил хозяин, молодецки подкрутив ус.

Брюс Хейджберн одобрительно подмигнул.

— A su salud, don Hose! [3] — Наполнив рот обжигаю-

[1] Малыш (*исп.*).
[2] Молодец (*исп.*).
[3] За ваше здоровье, дон Хосе! (*исп.*)

щей жидкостью, Борцов выдержал паузу, пригубил кружку с запивкой и преспокойно перелил туда пойло. Опыт грузинского застолья, когда тост налезает на тост, выручал его и не в таких обстоятельствах. В Алазанской долине пивали и из рогов.— За ваш успех! — непринужденно закончил он заздравный спич.

Обед прошел в приподнятом настроении. Никто ни за кем не следил и не понуждал опорожнить чарку до донышка.

— Сколько мы здесь пробудем? — еле слышно спросила Долорес, наклонясь к Ратмиру.

— Зависит от Джонсона... Думаю, что-то возле недели. А что?

— Хочу заглянуть домой, хотя бы на день... Поедешь со мной?

Борцов выпрямился, вжавшись в плетеную спинку стула, дыхание перехватило и кровь горячо прихлынула к голове.

— Ciertamente [1], — сказал, едва ворочая языком в пересохшей гортани, и не услышал своего голоса. Краем глаза он видел, как вздымается легкая блузка на ее груди, приоткрывая в клиновидном глубоком вырезе нежную, не тронутую загаром границу.— Ciertamente.

После индейского чая из листьев мате, который пришлось тянуть сквозь серебряную трубочку, Торрес пригласил подняться в лабораторию.

— Вот та штуковина, о которой я вам говорил,— он бережно снял с грубо оструганной полки чашу с Лунным зайцем и передал ее Хейджберну.— Мы разошлись во мнениях с Тео.

— По-моему, вы преувеличиваете наши разногласия,— возразил Вестерман.— Не подлежит сомнению, что тут изображена Луна и комета.

— Но риски, риски! — Торрес нетерпеливо притопнул ногой.— По-моему, это просто лучи.

— Луна с лучами? Нонсенс. Типично календарный рисунок. У мимберо сотни таких.

— Дались вам ваши мимберо. Как вы считаете, сеньор Хейджберн?

— Боюсь, дон Хосе, что Тео все-таки ближе к истине. Похоже на лунный календарь... Раз, два, три..,— принялся он подсчитывать малиновые с металличе-

[1] Конечно (*исп.*).

ским блеском брызги поливы,— двадцать три... Странно. Ни в какие ворота не лезет. Судя по вашим рассказам, я ожидал, что и здесь будет роковое число двадцать два. Ничего не понимаю... Звездное время обращения Луны — 27,3 суток, синодальное — 29,5. Не получается с календарем.

— А я что говорил? — так же, обеими руками, Торрес забрал драгоценную находку и поставил между расписными терракотовыми сосудами, склеенными из осколков.

— Надо крепко подумать,— Хейджберн озадаченно почесал подбородок.— А как насчет датировки?

— Пока не пробовали,— Торрес любовно погладил голубую лазурь.

— Он скорее руку отдаст, чем позволит притронуться к своему раритету,— ревниво усмехнулся Вестерман.

— Забудем пока про нее,— Хейджберн вынул из нагрудного кармана ковбойки пачку «Кэмел» и зубами вытащил сигарету.— Есть другие хронологические привязки?

— Если верить датам на плитах, погребальная камера сооружена в третьем веке до новой эры,— кивнул Вестерман.— Пирамиду над ней возвели значительно позже. На ее строительство затрачено много времени. Пока вырубали в каменоломнях известковые блоки, пока перетаскивали их на деревянных катках, ушел не один десяток лет. Верно? А еще — надо было распиливать, шлифовать, тащить вверх по склонам и все такое... Сначала, конечно, насыпали курган. Храм соорудили уже в последнюю очередь. Мы нашли там обуглившиеся кусочки дерева. Радиоуглеродный анализ дает возраст в тринадцать—двенадцать веков. Можно предположить, что храм посещался до самого конца одиннадцатого столетия. Потом все проходы замуровали и завалили пирамиду землей.

— Вы уверены, что последовательность была именно такой? — заметив, что Борцов вертит в руках сигарету, Хейджберн протянул ему зажигалку. Затем извлек из футляра калькулятор и занялся одному ему ведомыми подсчетами.

— Спустить по лестнице огромный саркофаг и эти резные плиты невозможно даже теоретически,— пожал

плечами Торрес.— Все так и было, как он говорит. Фараонов труд.

— С той лишь разницей, что египтяне не засыпали свои пирамиды,— подчеркнул Вестерман.

— Не было надобности,— включился в разговор Борцов.— Великие пирамиды строились в период наивысшего могущества. Когда же начались войны и смуты, фараонов стали хоронить в тайных некрополях. Засыпать песком подземную усыпальницу не составляло особого труда.

— Правильно, мистер Борцов,— согласился Вестерман,— история диктовала свое. При все сходстве заупокойных традиций, майя, в отличие от египтян, испытывали постоянное давление со стороны воинственных соседей. Они были вынуждены оставлять насиженные места, чтобы за тысячи миль найти себе новую родину. На голом месте, зачастую в чаще враждебной сельвы, строили города, возводили пирамиды и храмы, проводили каналы. Всякий раз сызнова, о чем говорят даты на стелах. В девятом столетии Паленке подвергся нашествию толтекских племен, а потом пришел черед и этого городища на реке Ящерицы. Можно с уверенностью утверждать, что жизнь замерла здесь именно в одиннадцатом веке. Нет ничего удивительного в том, что они не только замуровали свою самую почитаемую святыню, но и постарались скрыть самое ее существование.

— Никто не скажет, как было на самом деле,— заметил Хейджберн, не отрываясь от калькулятора.— Нам остается только догадываться и строить гипотезы, которые так же невозможно подтвердить, как и опровергнуть. Если храм был заброшен именно в тот период, то логично предположить, что чаша тоже относится к одиннадцатому веку. Я тут произвел кое-какие расчеты, исходя из возможной даты. Именно в это время, а чтобы быть абсолютно точным, пятого июля 1054 года, в небе вспыхнула сверхновая звезда, что и было зафиксировано астрономами Китая и Японии. Ее свет, по словам очевидцев, затмевал Венеру в максимуме. Можете мне верить: я посвятил этой проблеме целую главу диссертации.

— «Звезда-гостья» императорских хроник?— встрепенулся Борцов.— Следствием ее взрыва стала Крабовидная туманность?

— Вот человек, который все знает! — развел руками Брюс Хейджберн.

— Я тоже писал об этом,— смущенно улыбнулся Ратмир.

— В каком романе? — спросил Вестерман.

— В научно-популярной книге... На заре литературного поприща.

— Значит вам и быть оппонентом моей завиральной идеи,— склонил голову Хейджберн.— Соглашаетесь, Тим? А сеньора будет беспристрастным судьей.

— Не потяну, Брюс. Вы — профессионал, а мои знания — дилетантские.

— Не скромничай, Рамиро,— поддержал Торрес.— Положи этого гринго на обе лопатки.

— А я разве не гринго?

— Ты ruso, а вы, русские, сделали свою революцию сразу после нас, мексиканцев.

— И преподали всему миру горький урок... Давайте, Брюс, вашу идею.

— У меня нет под рукой справочников и я не знаю точных координат,— предупредил Хейджберн.— Будем считать, что пирамида находится примерно на широте двадцати градусов,— его пальцы вновь забегали по кнопкам.— На тот день, вернее ночь, Луна над этим местом выглядела полумесяцем на ущербе. Сверхновая, встающая на Востоке, следовала за ней, как и представлено на сосуде. Заяц и звезды расположены в той же астрономической последовательности. Это совпадает с наблюдениями китайцев, а уж им-то можно верить. Такие дела. В императорских хрониках записано, что «гостья» исчезла на двадцать третьи сутки. Вот вам и риски — лучи.

— Гениально, Брюс! — восхитился Борцов.

— И это называется — оппонент? — Вестерман, картинно выбросив руку, обратился за поддержкой к Долорес.

— Он умный и добрый,— засмеялся Торрес,— чего же лучше?.. Ну, теперь твое слово, bonita. Кто более прав: Тео со своим мимберо или Брюс, который тоже помешался на китайцах, как Тео? Наверное, выиграли мы, мексиканцы, поскольку сомневаемся в здравом уме обоих гринго. Как ты считаешь?

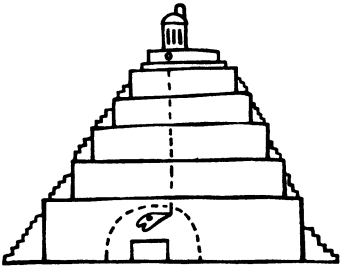
— Победный приз заслужили все,— подумав, выне-

сла вердикт Долорес.— Я хоть и сидела тут дурадурой, но внимательно слушала каждого. По-моему, вы великолепны, мужчины. Мне было очень интересно, и я счастлива, что у меня появились такие замечательные друзья.

— Нельзя ли взглянуть на план, дон Хосе?— попросил Ратмир.— Меня интересует, как проходит труба.

— На верхней полке,— указал Торрес.

Борцов достал тубус с ватманом.

— Хотите, я сделаю вам копию?— предложил Вестерман, увидев, что он срисовывает чертеж.

— Нет, спасибо. Я так, для памяти... Не откажите мне в маленькой просьбе, дон Хосе. Я бы хотел провести ночь в погребальной камере.

— Что? Более нелепой фантазии трудно придумать. Invencion?— он обернулся к Долорес.— Broma [1]? Это серьезно, Рамиро?

— Вполне. Я давно вынашиваю такую мысль. Право, дон Хосе, разрешите.

— Немыслимо!

— Почему?— встал на защиту Хейджберн.— Что тут такого страшного? Писателю нужны впечатления. Обычное дело.

— Ничего себе, обычное,— не мог прийти в себя Торрес.

— Хотите послушать, как поет труба?— понимающе улыбнулся Вестерман.— Могу присоединиться. Идея не так глупа, как может показаться.

— И как вы себе это представляете? Где будете спать? В саркофаге?

[1] Выдумка?.. Шутка? (*исп.*)

— На такое кощунство я вряд ли решусь. Нельзя ли на время поставить крышку на место? Сверху постелим циновку — и будет с меня. Главное, чтобы поближе к трубе.

— Крышку! — взъярился мексиканец. — Да знаешь ли ты, loco [1], чего мне стоило ее поднять! — срываясь на крик и перемежая речь чертыханиями, Торрес начал рассказывать, как поднимали в течение многих часов плиту в пещере, пробивали скрытый под ней люк и замурованную треугольную дверь в нижнем подвале, с какими предосторожностями, миллиметр за миллиметром, вывешивали на блоках эту самую крышку, а потом опускали ее на деревянные брусья. — Тоже мне, abogado [2], — обрушился он по ходу на Вестермана. — Это я увидел круглые дырки на плитах и сразу сообразил, для чего они сделаны. Дураку ясно, что в них продевали веревки, а он, знай свое: «сакральное — ритуальное», «образ пустоты». Ну, какой у пустоты образ?.. Нет, о крышке не может быть и речи. Не дам притронуться. Хочешь — ложись вместе с мощами.

Долорес вздрогнула и беззвучно зашевелила губами.

— Много шума из ничего, — попытался утихомирить страсти Хейджберн. — О чем, собственно, спор? нужна вам эта крышка, Тим? Нет? Я так и думал. Никто не посягает на ваше сокровище, дон Хосе. Кроме музея Антропологии, который рано или поздно его получит. Почему бы не подвесить гамак к тем самым блокам, что помогли вам преодолеть все трудности? А вам, Тео, должно быть стыдно. Это же надо: назвать дыру «образом пустоты»!.. Хотя знаете, дон Хосе, тут что-то есть. У китайцев, коих вы почему-то недолюбливаете, были в ходу нефритовые кружки с круглым отверстием. Кажется, они назывались «вратами рождения», простите сеньора, но придумал не я. Емкий символ, не правда ли? Тут и «дао», и пустота. Не такой уж loco наш Тео. Как вы думаете, сеньор Торрес? У вас, надеюсь, найдется подходящий гамак?

---

[1] Сумасшедший (*исп.*).

[2] Защитник (*исп.*).

АВЕНТИРА ТРИДЦАТАЯ

МЕХИКО, МЕКСИКА

Минуло три дня, но Глэдис фон Лауэ так и не подала вестей о себе. Джонсон терялся в догадках. Уже одно то, что она назначила свидание не у себя в резиденции и не на Лазурном берегу, где раньше проводила добрую половину года, а именно здесь, в Мехико, выходило за привычные рамки. «На полпути»,— сказала она, проявив подчеркнутую любезность. Джонсон мог бы растрогаться, если бы не знал Глэдис. Дружелюбие и даже известный демократизм — она прислушивалась к возражениям, но никогда не меняла готовых решений — придавали ее образу великосветский лоск, не более. Это был макияж, который труднее нанести, нежели смыть. Ей бы и в голову не пришло пренебречь собственными удобствами ради, скажем так, интересов дела. Да, она отдавала себе отчет в том, какой воз тянет на себе некто Питер Д. Джонсон, но и пальцем не пошевелила, чтобы, как говорится, «войти в положение». Даже не помышляла об этом. Ее волновал только результат и, понятно, цена. Она давала задания и деньги, не вникая в детали, но жестко контролировала отчетность и сроки. Остальное просто не брала в голову. Безусловно, угроза скандала могла вывести ее из равновесия. Тем более, что глупости наделала Магда ван Хорн, ставленница и доверенное лицо самой Глэдис. Случись такое хотя бы годом ранее, грехи навесили на кого-нибудь другого, скажем, на Реджинальда ван Аллена. Но диспозиция изменилась. «Эпсилон» усилиями Джонсона обрел финансовую независимость, и какое-то перераспределение полномочий стало неизбежным. Он по собственному почину отпасовал в сторону лорда Уорвика и негласно санкционировал намерение Реджи сместить Магду ван Хорн. Можно было только гадать, как отнеслась к этому Глэдис, оповещенная задним числом. Судя по тому, что она не выказала ни осуждения, ни согласия и вообще не предприняла активных действий, ей не оставалось ничего иного, как самоустраниться.

Возможность контрудара, тщательно подготовленного в верхах, отбрасывать, понятно, не следовало. Джонсон допускал такое, но скорее как рок, чьи пути

неисповедимы, а вероятности не просчитываются. Что ж, работать можно и тут, не хуже, чем в любом другом месте: коммуникации функционировали без помех, информация шла непрерывно. Три—четыре дня, что украла Глэдис, не приведут к заметным осложнениям. По графику до решающего эксперимента оставалось семь месяцев и девятнадцать дней. Тревогу и неуверенность внушало лишь непонятное молчание. Если что-то и можно было поставить в упрек миссис фон Лауэ, то уж никак не безответственность.

«Где она? Что с ней?» — гадал Джонсон.

Остров не подавал признаков жизни. Из нью-йоркской шатб-квартиры не поступало уведомлений об изменении первоначальной договоренности. Очевидно одно: Глэдис никому не сказала о предполагаемой встрече. Вернее никому из тех, кто, согласно требованиям режима, выходил на него, Джонсона. Оставалось крепиться и ждать, не выказывая признаков слабины.

Автоматически, на программе Новостей CNN, включился телевизор. Популярный ведущий Ник Клири коротко и без излишних комментариев перечислил основные события: блокада Сараево, очередной провал инспекционной миссии в Ираке, кровавые столкновения между ИНКАТО и АНК в Южной Африке, переговорный процесс на Ближнем Востоке, Нагорный Карабах, акты терроризма в Лондоне, митинг непримиримой оппозиции на Театральной площади в Москве.

По существу ничего нового. Джонсон слушал вполуха. Бесстрастный голос Клири не мешал просматривать пришедшие за ночь факсы.

Упоминание о какой-то комете «Шумейкер-Леви» заставило отложить длинный отрезок бумажной ленты, что плавными извивами легла на ковер.

Инстинктивно среагировав на слово «бомбардировка», он невольно прислушался, хотя сама по себе комета его совершенно не интересовала. Вопреки ожиданиям, серия интервью с ведущими астрономами мира оказалась в фокусе первоочередных сенсаций. Джонсон развернулся в кресле к экрану, уже разделенному на два поля: в левом находился импозантно седеющий Клири, в правом — какая-то женщина: «Хайке Рауэр, астрофизик из института Макса Планка»,— оповестила бегущая строка.

— Скажите, фрау Рауэр,— спрашивал Ник,— когда следует ожидать столкновения?

— По нашим расчетам первый осколок гигантской кометы обрушится на Юпитер шестнадцатого июля, в двадцать один час пятьдесят четыре минуты по среднеевропейскому времени. В настоящий момент расколотая на двадцать два куска, каждый размером с высокую гору, она мчится навстречу самой крупной планете Солнечной системы со скоростью шестьдесят километров в секунду. Бомбардировка будет продолжаться целую неделю, с шестнадцатого по двадцать второе. Следуя один за другим, удары вызовут взрывы, эквивалентные миллионам ядерных бомб. Астрономам никогда не приходилось непосредственно наблюдать явления подобных масштабов. Мы и сотни наших коллег будем следить за событиями через крупнейшие телескопы. Наблюдения будут вестись и с космических станций. На Юпитер направлены камеры зондов «Вояджер-2» и «Галилей».

— Я понимаю, насколько интересно это для науки, но что, по вашему мнению, произойдет с Юпитером? Не вызовет ли космическая катастрофа последствий, угрожающих нашей Земле?

— Дать точный прогноз сегодня едва ли возможно. Оставят ли осколки на теле планеты глубокие кратеры? Будут ли вспышки от страшных ударов видны на Земле и далеко во Вселенной? Возможны ли космические катаклизмы на других планетах, включая нашу? На все эти вопросы нам предстоит вскоре ответить.

— Спасибо, доктор Рауэр,— поблагодарил ведущий, и на правой половине возникло мужское лицо.— Мы связались с американским физиком Фредом Уиплом... Доброе утро, Фред!

— Здравствуйте, Ник.

— Человечество издревле придавало особое значение кометам. В них склонны были видеть предвестников всякого рода тревожных событий. Насколько оправданны подобные ожидания? И в чем проявляется уникальность «Шумейкер-Леви-9». Почему именно девять, доктор Уипл?

— Подобные кометы (восемь других ученые обнаружили раньше) состоят из льда и пыли. Это самая древняя материя, которая нам известна. Около ста миллиардов таких «загрязненных снежных комьев»

вращаются в огромном облаке с внешней стороны Солнечной системы. Под воздействием пролетающих мимо звезд кометы из «области Оорта» могут покидать Солнечную систему или, наоборот, приближаться к Солнцу. Лед частично тает, образуя растянувшийся на миллионы километров шлейф из газа и пыли. Другой класс блудных небесных тел — метеориты. Эти куски камня или железа прилетают из астероидного пояса, состоящего из миллионов осколков разной величины, что вращаются вокруг Солнца между орбитами Марса и Юпитера. Время от времени они сталкиваются друг с другом, и обломки разлетаются, порой пересекая траектории планет. Таких столкновений метеоритов и комет с планетами Солнечной системы происходило великое множество. Некоторые ученые высказывают гипотезу: залетевшие из Вселенной обломки и занесли на нашу планету жизнь, возможно, в простейших формах. Кое-кто не исключает, что «загрязненные снежные комья» доставили на Землю воду. Даже аминокислоты — строительный материал всего живого — могли быть заброшены космическими странниками.

— Значит ли это, что и жизнь на Земле — «инфекция», занесенная из Вселенной?

— Восемьдесят шесть лет тому назад в Сибири упал знаменитый тунгусский метеорит. Он вызвал взрыв огромной силы. Миллионы деревьев вспыхнули, как спички, было уничтожено стадо оленей в полторы тысячи голов, погибли семьи кочевников. Проблема происхождения земной жизни остается дискуссионной, но влияние, которое оказывают на нее космические объекты, очевидно.

— У нас на связи известный американский астроном Кларк Чэпман... Спасибо, Фред... Приветствую вас, мистер Чэпман. Наших телезрителей во всем мире волнует перспектива космической катастрофы. Насколько вероятно такое событие? Я имею в виду Землю. Только что доктор Уипл говорил о тунгусском метеорите. Не угрожает ли нам нечто подобное в обозримом будущем?

— Когда-нибудь наша планета может вновь столкнуться с гигантским метеоритом. В среднем каждые триста лет приземляется метеорит диаметром в шестьдесят метров, каждые пять тысяч лет — диаметром в сто метров. Раз в триста тысяч лет на Землю падает

космический пришелец диаметром километр и раз в сто миллионов лет — десятикилометровый метеорит, который в состоянии уничтожить на нашей планете все живое. Обломки, которые упадут на Юпитер, во много раз крупнее. Так что можете сделать соответствующие выводы.

— Прогноз нешуточный. Благодарю вас, Кларк Чэпман... А сейчас мы узнаем мнение профессора Хайнриха Венке... На связи Майнц. Рад приветствовать вас, профессор! Можете сообщить нам что-нибудь более оптимистическое?

— Если с помощью мировой системы телескопов раннего оповещения будет обнаружена мчащаяся в сторону Земли «космическая бомба», то можно эвакуировать людей. Существует также возможность с помощью космической техники немного отклонить траекторию ее полета. Американские ученые, в их числе отец водородной бомбы Теллер, даже призывают создать нечто вроде СОИ «против нападений из космоса».

— Внимание! У нас в гостях знаменитый Эдвард Теллер. Ваше мнение, профессор, по поводу обороны Земли против «космического агрессора»? Я подразумеваю метеориты и кометы, вроде «Шумейкера-Леви», а не таинственных инопланетян.

— Мы должны запустить навстречу ядерные ракеты-перехватчики, чтобы разрушить объект или отклонить его от траектории.

— Таковы перспективы на сегодняшний день. Надеюсь, что «космическая бомба» ворвется к нам в атмосферу не так скоро, и мы успеем подготовиться к обороне. Поэтому вернемся к Юпитеру, самой большой и многоцветной из планет. Как мы, наверное, помним из школьных учебников, Юпитер был верховным Богом Рима. Как он отреагирует на бомбардировку? Не древний Бог, разумеется, а старший брат нашей Земли. С таким вопросом мы обратились к ведущему специалисту по проблемам движения в космосе Гленну Ортону. Вы слышите меня, Гленн?

— Очень внимательно, Ник... Поскольку Юпитер состоит главным образом из водорода и гелия, осколки проникнут глубоко в его тело. Некоторые астрофизики предполагают, что мощные взрывы кометы произойдут еще до соприкосновения — в атмосфере Юпитера. Не исключено, что от столкновения Юпитер, который

в триста раз больше Земли, будет часами раскачиваться, как колокол. Осколки кометы упадут на невидимую с Земли сторону Юпитера, и непосредственно наблюдать их падение будет только космический зонд «Галилей». Астрофизики, однако, надеются, что возникшие от столкновения кратеры сохранятся в течение десяти минут, и быстро вращающаяся планета «покажет» их Земле. Возможно, говорят другие исследователи, перед землянами предстанет новый лик Юпитера — вместо одного уже известного красного пятна появится еще двадцать.

— Итак, вскоре нам предстоит веселенькая неделька,— заключил серию блиц-интервью Ник Клири, позволив себе малую толику иронии, но, как всегда, ровным голосом и без эмоций.— Наиболее пессимистический прогноз, о котором мы сообщили в ночном выпуске, по мнению большинства ученых, все же не оправдается: вероятность того, что Юпитер расколется, ничтожно мала. Подобной перспективой озабочены, пожалуй, одни астрологи. Мы получили несколько любопытных звонков. Юджин О'Брайен, профессиональный астролог из Оклахомы, в частности, предрекает неисчислимые беды: землетрясения, разрушительные тайфуны, наводнения, оползни, крушения на железных дорогах, в воздухе и на воде, социальные потрясения, массовые психозы, эпидемии, войны. По его мнению, влияние планет на земные процессы осуществляется через Солнце. Поэтому что бы ни случилось с Юпитером: расколется ли он на отдельные части, сойдет ли с орбиты или задрожит, как колокол,— все так или иначе будет воспринято Солнцем, которое передаст соответствующий сигнал в земную атмосферу. Что ж, поживем — увидим... И, наконец, последнее. Как нам стало известно, Мишель Нострадамус, прославленный в веках астролог и провидец, оказывается, предвидел ожидающую нас космическую баталию. Еще в шестнадцатом веке он описал небесное тело, известное ныне как Комета «Шумейкер-Леви», и дал точные приметы ее появления. «Не небе жизни появится злое пламя»,— говорится в знаменитых «Центуриях», где указан и срок: седьмой месяц нынешнего года. В одном только допустил ошибку пророк, которому были открыты дали времен. Осколки, которые, как он считал, угрожают Земле, в действительности примет на себя Юпитер, наш спаси-

тель и страж. Момент более чем существенный, хотя сама по себе погрешность по астрономическим масштабам не столь велика. В заключение, еще несколько любопытных подробностей. Сценариев конца света написано немало. Один из них звучит так. Ночь неожиданно становится днем, наступает жуткая жара. Загораются деревья, на людях горит платье и вспучивается кожа. Все застилает плотный едкий дым. Потом приходит ударная волна и сметает все на своем пути. Так будет, если над городом взорвется комета. Это не вымышленное описание. Ученые лишь перенесли в густонаселенную Европу то, что произошло, как напомнил нам Фред Уипл, в Восточной Сибири. Взрыв атомной бомбы над Хиросимой был в сто раз слабее. Шестьдесят миллионов лет назад «обломок космического холодильника», как называют кометы из-за их состава, пролетел в районе полуострова Юкатан, где находятся замечательные пирамиды древних майя. После столкновения образовался кратер диаметром в сто восемьдесят километров. Удар был в миллионы раз разрушительнее взрыва водородной бомбы. Начался потоп, пыль заполнила атмосферу всей планеты, изменился климат. Теперь на этом месте глубокая впадина, известная нам как Мексиканский залив. Американский физик Луи Альварес считает, что именно от такого столкновения погибли динозавры. Полагают также, что по аналогичной причине сгорел знаменитый храм в Иерусалиме, что косвенно подтверждается описаниями Флавия. Но кометы приносили не только несчастья. В самом начале четырнадцатого века флорентийский художник Джотто изобразил комету Галлея на фреске капеллы в Падуе как доброе знамение, предвещающее рождение Христа. Столкновения с нею ждали неоднократно. Она щадила Землю в трицать пятом году прошлого столетия и десятом — текущего, когда опасались ее «цианистого хвоста». Восемь лет назад, когда комета вновь приблизилась, навстречу ей была послана космическая станция, благодаря чему удалось собрать важные научные данные о составе небесной гостьи. Станция, между прочим, получила название «Джотто». Надеюсь, что и комета «Шумейкер-Леви» не доставит серьезных неприятностей нашему и без того взрывоопасному миру. Юпитер и другие планеты Солнечной системы спасают нас от смертоносных ударов небесных

тел. Насколько мудро устроена Вселенная, насколько взаимосвязаны и важны все существующие в ней большие и малые объекты. Через несколько секунд вы увидите последние снимки Юпитера, произведенные с борта автоматической станции. Запомним планету такой, какой она была, вернее останется, до шеснадцатого июля. В этот и все последующие дни нас ожидает невиданное зрелище. Впервые за всю историю люди смогут воочию наблюдать за чудовищным столкновением миров. До встречи в эфире.

Умное, с затаенной усмешкой лицо Ника исчезло с экрана, но вместо обещанных фотографий на нем проявилась знакомая фигура обнаженного Муниланы, восседающего на шкуре ирбиса.

«Нет! Только не это»...

Сорвавшись с места, Джонсон, стоя, набрал номер Реджинальда ван Аллена.

«Последнее предупреждение»,— он так и не понял, произнес ли эти слова йог или сами они возникли в мозгу.

Но все сложилось, составилось, распределилось по полочкам: бредовое, как мнилось сперва, предуведомление Муниланы об убийцах, летящих к чертогу царя, и осколки кометы; дата небесной битвы и числа во мраке гробниц — 22, 22, 22!

22 — растянувшиеся в цепь ледяные глыбы.

22 июля, 21 час 54 минуты (то есть почти 22) — последний удар.

«Почему, ну почему я узнаю только сейчас?— обожгло запоздалое сожаление.— Почему ничего нет в пресс-релизах? У них что: мозги жиром заплыли, в аналитическом центре?..»

— Это вы, Реджи?— Он сначала не узнал голос ван Аллена.— Я поднял вас с постели?

— Ничего, Пит, не имеет значения.

— Извините. Не сообразил, что у вас уже ночь... Мне срочно нужно повидать Мунилану. Хорошо бы уговорить его приехать в Штаты. Если не получится, я прилечу. Вы меня слышите?

— Да. Пит, но я не уверен. Вейден, кажется, потерпел фиаско. Попробуем подступиться еще разок... Что-нибудь приключилось?

— Он сейчас появился на CNN. И как!.. Подробности узнаете из утренних газет, Реджи.

— На CNN? Ваша идея сработала, но, к сожалению, без нашего участия.

— Не знаю, сожалеть или, наоборот, радоваться, но это так: он не нуждается ни в наших деньгах, ни в услугах. Обошелся без посредников. Вы мне позвоните?

— Как только выясню. Придется ждать до утра.

— Понимаю. Спокойной ночи. Я в Мехико.— Джонсон опустил трубку. Называть номер не было необходимости: «клиппер» совмещался с определителем.

Собравшись с мыслями, он направил в аналитический центр срочный запрос: все, что только есть о комете «Шумейкер-Леви-9», включая пророчества Нострадамуса и число 22.

Роковые цифры горели на электронном табло: 22 марта.

«Совпадение? Возможно. Но похоже, что наступила пора сплошных совпадений. Чтоб ты пропала, Глэдис!»

Оставаться и далее в подвешенном состоянии не позволяло Время. Оно подгоняло в шею и путало след, выписывая немыслимые петли. Эрик Ли предупреждал, что эксперименты с вакуумом могут сыграть роль кнопки, которая вызовет непредсказуемые процессы.

Слегка поостыв, Джонсон решил не пороть горячку. Черт с ней, с субординацией, но простое благоразумие подсказывало, что нужно еще немножечко подождать. Если Глэдис так и не появится, то хотя бы ситуация станет яснее.

Он решил назначить совещание на двадцать четвертое, прямо здесь, в «Редиссоне», и послал вызов Эрику Ли, Хейджберну, Гринбладу, Рогиру ван Вейдену, Левэку и Уорвику. Толку от лорда ни на пенни, но пусть будет под рукой, коль скоро на него объявили охоту.

Вскоре застучал телетайп, связанный прямым кабелем с аналитическим центром. Сведения о комете заняли десять страниц.

«Еще парочку, и можно пустить пулю в висок»,— подумал Джонсон, бегло скользя по строчкам.

Национальный научный фонд Соединенных Штатов ассигновал на исследование «SL-9» тридцать миллионов долларов. Помимо «Вояджера» и «Галилея», съемки будут вестись с Южного полюса, где работает амери-

канская антарктическая станция. Задействован радиотелескоп на Гавайях, установленный в кратере Мануакеа. Предполагается приурочить к событию и запуск шаттла «Колумбия».

Астрономы, хоть и проворонили гостью, спешно наверстывали упущенное. Русские, продолжая сетовать на катастрофическую нехватку средств, кажется, тоже очнулись от спячки. Идут переговоры о подключении к наблюдениям обсерватории в Зеленчуге, где установлен самый крупный оптический телескоп. Одна «Эпсилон» тащится в аутсайдерах. Какую рекламу прошляпили!

Руки чесались разогнать к чертям собачьим этих горе-аналитиков. Вместо того чтобы думать, искать, сопоставлять, они выхватили из Нострадамовых «Пропеций» все катрены за номером 22! Американские ленивцы, только и знают, что висеть на деревьях и жрать листья...

Из десяти четверостиший более-менее отвечали контексту всего два: из первой и шестой центурии.

Оставшийся в живых лишится чувств
И мыслей. Будет, как живой мертвец.
Не избежать вам бед, Шалон и Лангр.
Мороз и стужа Франции грозят.
1.22.

Учитывая потери при переводе со старопровансальского и присущую Нотр-Даму нарочитую затемненность, можно было заключить, что Франции — пророк страдал за родную страну — грозит нечто вроде ядерной зимы. Связано ли это с появлением «злого пламени», оставалось гадать на кофейной гуще. Но «будет, как живой мертвец» — впечатляло. Холодок пробежал по спине: «эффект зомби».

Внутри земли божественного храма
Под маской миротворца затаился
Племянничек — убийца и схизматик.
Посеет всюду он обманчивый соблазн свободы.
VI.22.

Поднаторевшие на средневековых энигмах эксперты-толкователи разошлись во мнениях, как по поводу «племянничка», так и насчет хронологической привязки

катрена. Зато политологи дали такую волю фантазии, что дух захватывало.

Один приурочил исполнение предсказания к 1917 году. В его больной голове «племянничек» ассоциировался с Владимиром Лениным. Не прямой, видите ли, наследник Керенского, а значит — племянник. Семантическое зерно, надо отдать справедливость, присутствовало: «Всегда наследует не сын, а племянник». Такая максима существует и, вполне возможно, была в ходу и в шестнадцатом веке. Преемника, который действует наперекор предшественнику, бесспорно, можно назвать «племянником». Не мудрено, что другой «знаток», тоже со сдвигом, усмотрел сходство с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Определенно «племянничек»! Хоть от Сталина считай, хоть от Андропова с Черненко. Тут же в пандан «страна божественного храма» и это, убийственное: «посеет всюду он обманчивый соблазн свободы».

Ох, уж эти любители исторических пасьянсов. Все-то у них сходится. Какое это имеет отношение к схватке кометы с Юпитером? А никакого!

«На обманчивый огонек неведомого первыми слетаются шарлатаны»,— отчеканилась максима Питера Джонсона, но ей не суждено было обогатить мировую литературу.

Позвонил Реджинальд ван Аллен.

— У меня дурные вести: исчез Патанджали, то бишь Мунилана.

— Как это — исчез?! — задохнулся Джонсон.— Что значит — исчез?

— Я еще не успел связаться с «Октоподом», как меня вызвал Вейден. Утром он, как обычно, совершал обход и, понятно, заглянул в палату Муниланы — его там не было. Обыскали все здание, обшарили парк и прилегающие окрестности — никаких следов.

— Вы понимаете, что говорите? — Джонсон едва сдерживался.— Он что — растворился в воздухе? Дематериализовался? Куда смотрела охрана?

— Опросили каждого: никто не видел.

— А камеры? Или вы отключаете их на ночь?

— Камеры работали в обычном режиме. Мунилана не зафиксирован. Вейден лично прокрутил видеокассеты.

— Такого просто не может быть,— скрипя зубами,

процедил Джонсон, но про себя уже знал: может.— Почему вы молчите?

— Что я еще могу сказать, Пит? Ничего другого не остается, как признать, что мы вновь столкнулись с проявлением силы, которая выше человеческого разумения.

— Хорошо сказано, Реджи, поздравляю. Вы намекаете, что все мы стали жертвой иллюзии, и не было никакого Муниланы? Не иначе, он послал вместо себя нирманический облик. Вы случайно не ударились в буддизм, мой бедный Реджи?

— Иронизируйте сколько угодно,— в голосе ван Аллена прозвучал упрек.— Я сам огорчен безмерно, но приходится считаться с фактами.

— Аппаратуру проверили?

— Сразу же. Ни намека на вирус... Кстати, пресса возобновила осаду.

— Я думаю! И это еще цветочки. Что ж, спасибо за звонок, Реджи. Если неприятность стоит у порога, лучше знать, чем оставаться в неведении. И вообще, как говаривал Панглос, все к лучшему в этом лучшем из миров.

— Лично я согласен лишь с последней частью сентенции. Из всех известных планет — эта подходит мне больше всего.

— Будем надеяться, что вы не перемените мнения... после двадцать второго июля. Уже получили свои газеты?

— Наверное, валяются на газоне.

— Так сходите за ними, дружище, сходите.— Джонсон еще не дал отбоя, как заныл приглушенный зуммер и замигала лампочка на втором аппарате.— Одну минуту,— сказал, прижимая трубку к другому уху.— Всего доброго, Реджи. Я вам еще позвоню... Да?

— Я не очень помешала, Пит?— с полуслова узнал он характерные обертоны Глэдис.

— Наконец-то! А то я уже начал беспокоиться. Надеюсь, ничего не случилось?

— Зависит от точки зрения... нет, ничего особенного. Нам надо увидеться.

— Где вы остановились, Глэдис?

— Не беспокойтесь, я сама к вам заеду. Вы не против?

— Против?— озадаченно повторил за ней Джон-

сон.— Помилуйте, буду рад.— Он хотел спросить, чем обязан беспрецедентному знаку внимания, но удержался.

Расколотая на куски, потерявшая хвост комета корежила мировой каркас. Вселенский оркестр, сбившись с ритма, заиграл симфонию Баха на манер Шенберга. Вдребезги разлетелись клавиши, полопались струны, и одуревший дирижер затряс шаманским бубном. Кто бы мог подумать, что Глэдис фон Лауэ первой пустится в пляс?

«Чья голова лежит на твоем блюде, Иродиада?»

Она явилась через четверть часа, прижимая к груди ворох газет.

— Уже знаете?

— Я в курсе. В утренних выпусках пока ничего. Похоже на затишье перед бурей?.. Доживем до вечера.

— Можно позавидовать вашему спокойствию.

— Стоит ли преждевременно рвать на себе волосы и посыпать голову пеплом?.. Как долетели?

— У меня очень мало времени, Питер.— Глэдис швырнула газеты на пол и, подойдя к креслу, прислонилась к спинке бедром.

— Вы не присядете?

— Слушайте меня внимательно, Джонсон. Я понимаю, что заставила вас ждать, и приношу извинения. Нет-нет!— остановила она, не дав Джонсону вставить слово.— Обойдемся без сантиментов. Я собиралась вылететь вовремя, как мы договорились, но накануне на моем мониторе появился этот факир.

— Чертовщина!

— Можно сказать и так. Словом, это немного выбило меня из колеи. Все разговоры о вирусе — чушь. Определенное сходство, конечно, присутствует, но это нечто большее, чем просто вирус. Не знаю, что он говорил и говорил ли вообще, но у меня возникло желание, убеждение... Объяснить очень сложно! Как бы там ни было, я решила остановить эксперимент.

— Что?

— Пожалуйста, не перебивайте. Мне и без того трудно собраться с мыслями. Да, я решила, что необходимо сделать паузу и хорошенько во всем разобраться. Я и сейчас убеждена в этом. Однако со мной не согласились. Вы понимаете?

Джонсон молча кивнул. Нетрудно было догадаться,

чем занималась она у себя на острове, пока он торчал в отеле, дожидаясь звонка. Предположение окончательно подтвердилось: Глэдис стояла высоко, но не на самой вершине невидимой пирамиды. Ему стало жаль ее. Предчувствие неизбежных перемен холодной струйкой просочилось в затосковавшее сердце.

— Могу я знать, кто и почему отверг ваши предложения?

— Теперь, наверное, сможете,— щелкнув запором сумочки, Глэдис достала зеркальце в золотой оправе и мельком глянула на себя.— Но это уже зависит не от меня,— она положила зеркало на место и, вынув брелок с ключами, завертела им вокруг пальца.— Я должна передать вам это, Питер.

Поймав брошенную связку, он подбросил ее на ладони, успев заметить выгравированную на титановой пластинке двойную спираль. На ключах были выбиты номера.

— Как прикажете вас понимать?

— Приказывать будете вы, Питер. Я улетаю в Европу, и надолго. У меня там дела. Дом на острове поступает в ваше распоряжение, вместе с персоналом. Если захотите сделать кадровые перемещения, ради Бога. Единственная просьба, вернее, даже совет: оставьте Лакшми.

— Боюсь, мне не осилить добавочную ношу,— сжимая ключи, врезавшиеся зубцами в ладонь, Джонсон устало опустил голову. То, чего он так ждал и втайне страшился, пришло, застигнув врасплох. Слишком поздно, пожалуй.

— **Вы** справитесь.

— Я не могу сейчас перебраться на остров.

— Это вовсе не обязательно... **Сейчас** не обязательно. Скоро вы поймете. Строительство космической антенны закончено и полным ходом идет отладка связи. Последний спутник предполагается вывести на орбиту в начале июня. Тогда и понадобится ваше присутствие.

— Я и не знал, что вы соорудили у себя станцию.

— Не стоит вдаваться в детали. Слишком долго и не имеет смысла. Сами во всем разберетесь... Слушайте меня внимательно. Первый ключ от сейфа, что стоит в моем... От вашего сейфа, Пит. Там все схемы, команды, коды и прочее. Ключом номер два запускается пульт. Второй экземпляр находится у человека,

вместе с кем предстоит дать старт. Система приходит в действие при одновременном повороте.

— Как в банке.

— Почти. С той лишь разницей, что попытка обойтись одним ключом приведет к взрыву.

— Предусмотрительно.

— Изготовить копию невозможно. Ключи сделаны из парамагнитного сплава и закодированы. Храните их в недоступном месте.

— А третий? — спросил Джонсон, разглядывая сложный многоступчатый профиль.

— Надеюсь, что он никогда не понадобится. Третий включает взрывное устройство. На самый крайний случай. Если не последует отменяющая команда, скала, вместе с домом и подземным помещениями, обвалится в море. Диапазон выжидания от десяти минут до шести часов.

— Где находится пульт?

— В схеме все указано. Шифры, полагаю, вы получите при личной встрече.

— С кем, Глэдис? Как я узнаю, что это именно тот человек?

— Не беспокойтесь, узнаете. Вам предстоит процедура ввода во владение, а юридическая сторона дела, как вы могли убедиться, у нас обставлена образцово. В полном соответствии с действующими законами.

«Вот и свершилось мое посвящение,— размышлял Джонсон, потупясь.— Не надо клясться на Библии и ложиться в символический гроб. Просто, буднично, без фанфар и поздравлений. Скучно и страшновато».— До последней минуты он и не подозревал, что в эксперименте будут задействованы сразу несколько спутников. Даже без схемы, хранящейся в сейфе, можно было представить себе грандиозность грядущей операции. Возможно, она права? — спросил себя, задумавшись о последствиях.— И стоит остановиться?..»

— Не знаю, что и сказать, Глэдис,— он спрятал ключи и смущенно развел руками.— Понимаю, что должен поблагодарить и все такое, но слова застревают в горле. Я не рад, что так получилось... Это искренне, Глэдис. Мы увидимся?

— Как-нибудь и когда-нибудь,— она растянула губы, блеснув фарфоровыми зубами, но улыбка получилась кислая, вымученная.— Кто знает? Что бы ни слу-

чилось, я оставлю в деле. Не могу сказать, что ухожу с легким сердцем, однако без сожаления. Желаю вам всяческого успеха, Питер Джонсон, абсолютно без задней мысли. Прощайте.

— До свидания, Глэдис, и спасибо за все.

Накопившаяся усталость и нервное напряжение дали знать о себе сонливой слабостью во всем теле. Ныли виски, поламывали суставы. Джонсон прошел в спальню и, не раздеваясь, рухнул на покрывало из мягкой шерсти ламы. Он проспал до самого вечера, слыша сквозь одурь телефонной трезвон, но так и не смог вырваться из тягучей, как патока, трясины, что засасывала все глубже и глубже.

Пробудившись, сунул голову прямо под кран и долго держал ее под холодной струей. Потом, обмотавшись полотенцем, присел на кровать, чувствуя полнейшее отупение в мыслях. За окном, расчерченным параллелями раскрытых жалюзи, лиловели сумерки. Вековые бонсаи на подоконнике — фиджийская дегенария и магнолия Делавэ, сплошь покрытая крупными желто-розовыми цветками, — источали тонкую сладость увядания. Что-то неуловимо кладбищенское чудилось в их влажном дыхании.

Телефонный звонок вырвал Джонсона из меланхолического забытья. Потянувшись за трубкой, он ощутил касание постороннего предмета в левом кармане и непроизвольно вздрогнул, вспомнив, — ключи! Звонил Эрик Ли из Окленда.

— Только что получил ваше приглашение, мистер Джонсон, но, как ни жаль, не могу воспользоваться.

— Досадно, профессор, вы-то и нужны мне в первую очередь. Без вас, как без рук. А в чем, собственно, дело?

— Вы читали сегодняшние газеты?

— Только утренние.

— Посмотрите вечерние!

— Йог Патанджали?.. Я в курсе.

— Какой еще йог! — выкрикнул Ли. — Комета! Комета «Шумейкер-Леви» несется к Юпитеру.

— Знаю. Слышал по CNN. Это как-то затрагивает нас с вами, мистер Ли?

— Затрудняюсь сказать, но очень возможно.

— Не тяните, Эрик. Что, собственно, вас задерживает? Необходимо посоветоваться.

— Сперва я должен закончить расчеты. Слишком много вариантов.

— Начните с самого скверного. Земле действительно угрожает катастрофа? Юпитер отколется? Соскочит с орбиты?

— Не думаю, честно говоря. Слишком велика его масса.

— Уже утешительно.

— Я физик, а не астроном. Хотел посоветоваться со специалистами, но не смог дозвониться.

— Полагаю, им сейчас не до вас. Осаждают журналисты. Вылетайте как можно быстрее. Будем надеяться, что светопреставление и на сей раз не состоится.

— Но эксперимент, мистер Джонсон, эксперимент! Достаточно Юпитеру чуточку изменить траекторию, и все придется начинать заново. Сместится гравитационный баланс, Весь континуум пространства-времени. Почти наверняка это никак не отразится на повседневной жизни. Никто и не заметит. Но наши приборы, мистер Джонсон... Вы понимаете?

— Честно говоря, не очень, но раз вы так считаете... И что же делать?

— Ждать.

— Ничего себе предложение. Знаете, во сколько это обойдется?

— Именно поэтому я и хочу закончить расчеты. С цифрами в руках мы будем чувствовать себя намного увереннее.

— Вы — допускаю, только не я. Чтобы внести изменения в проект, голых цифр мало. Мне нужны авторитетные заключения. И не гадания, мистер Ли, а однозначный вывод: да или нет. Если все же «нет», то сколько времени и денег потребуется, чтобы превратить его в «да». Такие дела, профессор.

— Я вовсе не исключаю благоприятного сценария. Вполне возможно, что все останется на своих местах, и нам ничего не придется менять.

— Предпочитаю исходить именно из этого варианта.

— А если искривление континуума претерпит перемену? Будем в пожарном порядке менять все катушки на осцилляторах? Перепаивать схемы? Не лучше ли пока приостановить производство? Что готово, то готово — пусть ждет, а с конвейером я бы не торопился. Уч-

тите, мистер Джонсон, что ваши так называемые «магические места» подвержены влиянию гравитации и геомагнетизма. Здесь тоже возможен сдвиг.

— Хорошенький подарочек вы мне преподнесли на закуску. У меня вообще нынче денек сплошных сюрпризов. Что уж, добивайте окончательно. Какой еще булыжник припасли за пазухой?

— Шутите, мистер Джонсон.

— Нет, не шучу, мистер Ли. Давайте играть с открытыми картами. Вы не отказываетесь от участия в эксперименте?

— Ни в коем случае. Это дело всей моей жизни.

— Рад слышать. Вы меня успокоили.— Машинально накручивая на пальцы телефонный шнур, Джонсон чуть было не вырвал его из розетки.— Тогда давайте решим следующим образом. Будем, невзирая ни на что, идти по графику, пока вы не закончите свои вычисления. Недели достаточно?

— Не знаю, право... Уж как получится.

— Значит договорились: неделя. Посмотрим, что у вас выйдет, и тогда решим, как быть дальше. Если дополнительные затраты окажутся в приемлемых рамках, наше счастье, нет — все пойдет насмарку. Тридцать первого марта жду вашего звонка, управитесь раньше — честь вам и хвала. Договорились, мистер Ли?

— Договориться легко, мистер Джонсон. Я сделаю все, что в моих силах. Есть только одно маленькое препятствие: небесная механика. Я не распоряжаюсь ею, мистер Джонсон. Скажу больше: не только я, но и супруги Шумейкеры вместе с Леви не смогут сказать, как поведет себя Юпитер после бомбардировки в триллионы тротиловых тонн.

— Мы **знаем**, чем грозят озоновые дыры, но продолжаем загрязнять атмосферу галогенными газами. Скажу больше: знаменитый физик Эрик Ли **не знает**, какие последствия вызовет создание червячной дыры, но почему-то до сих пор это не слишком его тревожило. Где логика?

— Согласен, люди зачастую ведут себя алогично, но наступает момент, когда начинаешь задумываться. Я задумался, мистер Джонсон.

— О'кей! У вас есть время поразмыслить. До тридцать первого.

У самого Джонсона такого времени уже не было.

К штанге, которую он выжимал между делом, добавилась пара тяжеленных дисков. Нет, не испытал он радости от разговора с Глэдис. С одной стороны, навалившийся груз придавил к земле, с другой — возникло непривычное ощущение невесомости: куда, к кому обратиться? Пока суд да дело, пока войдет в колею и адаптируется на верхней ступени, пройдет не одна неделя, а решать нужно скоро, сейчас. И торопливость чревата, и промедление самоубийственно.

На карту поставлен не только проект в целом, но нечто неизмеримо большее, чему нет ни имени, ни цены. На фоне тревожного звонка Эрика Ли сомнения Глэдис показались весьма основательными. Передав ключи, она свалила ответственность на его плечи. И осталась, тем не менее, «в деле», как выразилась. Означает ли сам факт передачи приобщение его, Джонсона, к кругу избранных? Или все-таки еще не совсем? Не узко карьерные соображения занимáли его в эту минуту. Хотелось понять структуру иерархии, жесткой в каркасе и вроде бы вполне либеральной на высшем уровне. «Клуб невидимых» рисовался теперь в виде некого совета супердиректоров, где согласовывались решения. Миллиарды, что стояли за каждым, напрочь отметали возможность диктата. Как бы не поворачивались события, никто не выходил из игры. Разборки ограничивались перемещением с одного места на другое. Олигархия напоминала нечто похожее на брежневское политбюро с пожизненным членством. У Джонсона не возникло уверенности, что дедукция привела его к верному выводу. Постепенно пришло решение пойти на риск и провести разведку боем.

Вспомнилось пожелание Глэдис: «Оставьте Лакшми». Даже отрицательный результат обещал толику информации. Он составил короткий меморандум, придав аргументам Ли более четкую формулировку.

— Здравствуйте, мисс Лакшми,— дружелюбно проворковал, соединившись с островной резиденцией.— Как там у вас погода?

— Безоблачная, мистер Джонсон. К вашим услугам.

— Миссис фон Лауэ говорила о каких-то неполадках с коммуникациями.

— Они устранены, сэр,— поняла она с полуслова,— можете говорить совершенно свободно.

— Отлично! Вы в курсе последних событий? Мне поручено, надеюсь временно, заняться вашим хозяйством.

— Миссис фон Лауэ предупредила меня. Будут вопросы, сэр?

— Вопросы? Пока не знаю... Поможете мне?

— Это моя обязанность, мистер Джонсон.

— Скажу откровенно, мисс Лакшми, я оказался в подвешенном состоянии. Возникла проблема, решить которую могла только миссис фон Лауэ. Вы понимаете, о каком уровне идет речь?

— Вполне.

— Наверняка завтра, в крайнем случае послезавтра, я уже буду знать, с кем связаться, а надо сегодня, моя дорогая, сейчас.

— Рада бы вам помочь, сэр, но миссис фон Лауэ не оставила никаких инструкций... на **такой** случай.

— Скажите, леди, когда **такие** случаи возникали у вашей хозяйки, она ведь знала, куда обратиться? Кто передавал сообщения: она, так сказать, своими руками или все-таки вы?

— Большей частью через меня.

— И вы не помните адресов? Адреса?.. Быть того не может!

— Нужен код, мистер Джонсон. Назовите ваш код, и я немедленно все передам.

— Боюсь, что **мой** код не совсем подходит, а нового я пока что не получил. Нельзя ли воспользоваться кодом миссис фон Лауэ, но за моей подписью?

— Даже не знаю, что сказать, сэр... Такое впервые в моей практике. Но, если вы приказываете, можно попробовать.

— Не приказываю, прошу. Вы — золото, мисс Лакшми. Значит я посылаю вам факс, а вы направьте его по соответствующим каналам.

— Будет сделано, мистер Джонсон.

— И, пожалуйста, дайте знать, как пройдет мое сообщение.

Послав меморандум, Джонсон набрал номер гасиенды Хосе де Торреса. До сих пор он мог относительно свободно располагать своим временем, но кто знает, чем обернется восхождение на Олимп. Чем выше, тем весомее долларовый эквивалент секунд, а, следовательно, меньше свободы. Небесная механика и фо-

кусы Патанджали были не в его власти. Будь, что будет. Но кое-какие мины замедленного действия он еще мог обезвредить. Пока развязаны руки.

— Я высылаю за вами вертолет с охраной,— сказал Хейджберну.— В Мериде получите места на ближайший рейс. Я позабочусь. Будете сопровождать Борцова, Брюс. Жаль, что не смог переговорить с ним лично.

— Его трудно застать на месте, мистер Джонсон. Вчера вообще всю ночь провел в пирамиде. Что-нибудь передать или вы еще позвоните?

— Если получится... На всякий случай предупредите, что мы вылетаем в Париж. Он поймет.

«ХРАМ ЧИСЕЛ» НА РЕКЕ ЯЩЕРИЦЫ, ШТАТ ЧИАПАС, МЕКСИКА

(Аудиокассета с голосом Ратмира Борцова)

Змей, облаченный в зеленые перья птицы, распахнул необъятную пасть и дохнул смрадом в мое лицо. И налились огнем глаза Змея, и были они, как угли отполыхавшего костра. Острые, загнутые внутрь зубы истекали тягучими нитями яда, и гнилостный ветер выдували ноздри его.

Ослепленный, оцепеневший от ужаса, я нырнул в змеиное чрево и полетел, как электрон в ускорителе, набавляя скорость на каждом витке. Словно воды подземной реки, несла меня магнитная сила все дальше во мрак, обездвиженного, как труп, неподвластного тяготенью. Я не видел признаков света, которого ждал, и не видно было конца стремительному полету. Замершее сердце подсказывало, что так будет всегда, ибо время умерло в чреве гада. Но там, где царит безвременье, нет ни «после», ни «до». Миг, которого тоже нет, выливается в вечность, а вечность умещается в квантовый миг. Вновь и вновь я переживал прошлую жизнь, рождался и умирал, чтобы опять появиться на свет, забыв, что так уже было со мной. Нет времени — нет и счета. Не дано знать, на каком круге (от $-\infty$ до $+\infty$) я был исторгнут через черную дыру клоаки и оказался в горном ущелье, где плыл холодный туман.

Так начался путь по тропам над пропастью, по ле-

дяным хребтам, по барханам поющих о смерти песков и рекам, цветущим, как райский сад. Слепящие радугой водопады обрушивали меня в лабиринты пещер. Между морем и мной вставала мангрова. След наливался болотным гноем и воздушные корни хватали, как волчий капкан. Но я слышал крики чаек и полз, цепляясь за осклизлые стволы, обросшие острыми, как бритва, ракушками. Пиявки, дождем опадая с ветвей, высосали мою кровь до последней капли, но я прошел сквозь джунгли. Волосы вспыхнули на голове и обгорели ресницы, когда я перебегал через огненные потоки по ноздреватым коркам лавы, как по льдинам в ледоход.

Что-то такое уже было в той жизни. Изведав полной мерой все, к чему стремился когда-то, я обречен был на повторенье сверх меры, возненавидев тщету желаний.

Крутые ступени увлекли меня в подземелье.

«Так вот какие они, врата преисподней»,— помыслил я, но вместо каменных сводов увидел небо с незнакомым рисунком созвездий и обращенный долу серп умиравшей Луны, и горы мертвых тел, нагих, изможденных, увидел я, и бескрайнее поле за ними, покрытое пеплом, и рвы, забитые щебнем из обгоревших костей. Кровь и зеленый жир сочились сквозь землю, сливаясь в ручьи. Кочаны капусты поспевали на грядках, образцово расчерченных вдоль рвов, а по берегам ручьев, на стеблях из колючей проволоки наливались пунцовым соком томаты, и медная зелень глянцем лежала на огурцах.

Великан с головой орла встал у меня на пути, неподвижный, как пугало, громоздкий и омерзительный, как одетый в человечью плоть динозавр. Его удд выглядывал из-под раскинувшей крылья летучей мыши, вцепившейся в рыжую паклю паха, личинки проели бугры его атлетических мышц.

— Ты заплутал на чужих дорогах,— услышал я голос с нездешних небес.— Здесь прошлое сливается с грядущим, и нет дальше ходу.

И я увидел, как вращаются горизонты и меняются декорации, и ночь без звезд и серебряного серпа вновь объяла меня. Лишь где-то далеко впереди слабо фосфоресцировало треугольное отверстие, напомнившее что-то о прошлой жизни: пирамиду, лестницу, замурованный склеп.

— Не кара, но испытание,— оповестил голос.— Не воздаяние, но осознание. Иди, если искал высшую справедливость. Там нет ни ненависти, ни любви.

В мерцающей дымке отверстой двери обрисовался скелет с обезьяньим хвостом. Перьями птицы кетцаль колыхались у него на черепе полосатые змеи. Мухи ползали по лезвию кремниевого ножа, намертво зажатого в белых, как фарфоровые изоляторы, фалангах. Живые глаза ягуара золотыми монетами горели на завитке его жезла. Ужасный видом, он не внушал ни страха, ни отвращения.

— Кто ты,— спросил я,— призрак или демон?

— Я Первая смерть — Владыка Шибальбы. Назови свое имя, прежде чем войдешь в «Дом мрака».

Я назвал.

— Нет,— вперились в меня пустые глазницы и змеи нацелили копьевидные головы на меня.— Это имя уже не принадлежит тебе. Оно умерло вместе с телом. Скажи мне имя твоей души.

— Я не знаю его, Владыка Шибальбы.

— Разве тебе не дали тайного имени?— весело осклабился череп.— И ты осмелился безымянным пуститься в последний путь? Не смеши меня, человек. Когда смеются боги Шибальбы, дрожит земная кора.

И тут я вспомнил, что у меня есть тайное имя, и достал синий паспорт с серебряным американским орлом, и предъявил его Первой смерти.

— Знак орла не дает пропуска,— сказал он, взглянув на герб, и щелкнул зубами, а змеи негодующе зашипели, потянувшись ко мне.— Нужен знак ягуара. У тебя нет такого знака, а имя ты выдумал сам, и оно недействительно.

— Да, выдумал, но мне его **дали** при переходе в новую жизнь,— попытался я возразить, отметив, что Владыка Шибальбы даже не заглянул в паспорт.— Оно не хуже других.

— Злостный обманщик! Сочинив себе тайное имя, ты хитроумно использовал прежнее, но оно мертво, как и твое тело.

— Пока хоть один человек держит в руках мою книгу, его нельзя считать мертвым, и это все, что я могу сказать в свою защиту. Поступай, как знаешь, Первая смерть, но мне некуда больше идти.

— Ты прав,— он уставился черными дырами в мою

грудь.— Я вижу, что есть на земле глупец, который читает твою книгу. Плоха она или хороша, не имеет значения. Сам факт, что слово пережило мясо, служит достаточным основанием. Войди в «Дом мрака».

Я оказался внутри пирамиды, на скрещении коридоров, ведущих неизвестно куда. Что-то подсказывало мне: нужно идти на запад, но я не знал направления. Пока стоял, пытаясь вспомнить, на какую сторону света смотрит треугольный проем, меня обступили жители преисподней: кролик с топором в лапах, крыса с огнивом на хвосте, кузнечик в пончо и улитка с веретенцами вместо рожек. Все звери были ростом с ребенка, который только начал ходить, и суетились, как дети.

— Возьми это,— сказал кролик и вручил лучину из смолистой сосны.

— И это,— дал припрятанную под пончо сигару кузнечик.

— Добудь огонь,— вильнув хвостом, засунула в мой карман свое огниво крыса.

— Чтоб не сбиться с пути,— пропищала улитка, неуклюже ворочая огромной раковиной, и принялась сматывать шерстяные нитки с живых веретен.

— Спасибо тебе, Ариадна,— я поклонился улитке,— спасибо вам, милые звери. Что мне делать с вашим добром?

— Зажги лучину, закури сигару и смело иди вперед,— сказали они хором.— Но помни: на заре завтрашнего дня все должно быть в целости и сохранности.

Кролик сиганул в левый проход, крыса шмыгнула в правый, кузнечик ускакал прямо вперед, а улитка медленно поползла в обратную сторону. Твердо зная, что путь назад мне заказан, я призадумался, как быть. Прежняя память подсказывала, что оказавшись у истоков волшебной сказки, нужно подчиняться ее законам, а значит — перехитрить богов. Я включил фонарик, который всегда брал в путешествия, привязал к камню шерстяную нить и решил пойти вслед за кузнечиком, то есть вперед. Поймав по пути светлячка, насадил его на кончик сигары и, пригнув голову, протиснулся в штольню, обшарив стены бледным лучом. Как не слабы были батарейки, их хватило до утра. Выбравшись из «Дома мрака», я смог предъявить неистраченные припасы: лучину и скрученные жгутом табачные листья.

Дрожь пробирала при виде владык: голые костяки

и покрытые язвами полутрупы, ощетинившиеся орудиями убийства и мук. Один страшнее другого были представшие предо мною одиннадцать смертей, а все ж не ужаснее Первой смерти.

— Что это за человек? — спрашивали они стража Первого дома. — Кто зачал его? Кто породил его? Странен лик его и непонятны поступки. Поистине воспламеняются наши сердца, ибо худо для нас то, что он сделал.

Ничего не ответил им Первая смерть. Но вылетел из дыр его пустого черепа, как из нор, рой шмелей и облепили они зверей «Дома мрака». Одни кости остались от крысы и кролика, раковина — от доброй улитки, крылья и ножки с зазубринами — от куряки-кузнечика. И тогда Седьмая смерть предложил сыграть в мяч, и сжал мне запястье костяшками, и потащил на площадку.

— Как же устоять мне — одному — перед целой командой? — взмолился я, прижатый к стене, из которой торчало каменное кольцо. — Где справедливость?

— Он прав, — сказал Первая смерть.

— Он прав, — согласился Седьмая. — Игры не получится. Пусть бросит три раза. Если промахнется хотя бы единожды, его голова станет новым мячом.

— Справедливо, — одобрил Первая смерть. — Бросай, — и кинул мне каучуковое ядро.

— Промажет. Он не играл в баскетбол, — наябедничал Владыка, покрытый чумными бубонами. — И даже не сдал нормы на ГТО-два, а значок носил. Ему не попасть в кольцо.

— Ни в жисть не попасть, — съёрничал обезьяноподобный кадавр, обсыпанный язвами оспы. — Всегда торопился. Не ценил настоящее, рвался в завтрашний день.

— В шестом «В» классе нацепил комсомольский флажок, — доложил чумный владыка. — Хотел старше казаться, девочкам понравиться хотел. Через год одноклассники пошли в комсомольцы, а его-торопыгу не приняли. И нынче так будет. Промажет.

Но чьи-то молитвы хранили меня: мяч трижды пролетел сквозь кольцо.

Посовещавшись, боги приказали мне собрать цветы и принесли на заре четыре букета.

— Какие цветы вам нужны? — спросил я, ни на что

не надеясь. Какие зори, какие цвета в сумеречном мире?

— Букет красного мучита, букет белого мучита, букет желтого мучита и букет каринимака.

И пришел я на цветущий луг, и закружилась голова от пряного аромата. И не знал я, с чего начать, утопая по грудь в дивных растениях. Где тут каринимак? Где мучит? Как они выглядят? Я и названий таких не знал. Сорвал белый цветок, на котором сидела бабочка, и красный, где приютилась стрекозка, и желтый, увидев трепещущую над ним колибри, а большой богомол, сидевший на дереве, указал мне лиловую кисть. Так набрал я четыре букета и, дождавшись утра, что было под стать вечеру, положил их к ногам владык.

И послали они меня в «Дом ножей», на вторую ступень испытаний, но пришли мне на выручку муравьи, и я вернулся живым. И «Дом холода» прошел невредимым, и «Дом ягуаров», и «Дом летучих мышей», и всюду мне помогали животные: броненосцы и утконосы, водяные свинки и рыбы, зеленая игуана и говорящий голубой попугай.

Когда на последней заре я покинул последнюю пирамиду, мудрая птица села ко мне на плечо и прокричала в ухо магические слова. Я повторил их, представ в последний раз пред кошмарными ликами властелинов Шибальбы:

— «Очень немного достанется вам от крови и черепов, а игра в мяч будет не для вас. Вы будете проводить время в изготовлении глиняных горшков и сковородок и камней для перемола кукурузы. только дети чащ и пустынь будут представлены вашему покровительству. Но порождения света, сыновья света не будут иметь общения с вами, и они будут избегать вашего присутствия. Грешники, искатели раздоров, носители печали, изменники, отдающиеся порокам,— вот те, кто будут приветствовать вас. И не будете вы больше неожиданно схватывать людей для жертвоприношений»...[1]

И расстаяли стены Шибальбы, как дым, и расплылись горизонты, как тучи, и я понесся навстречу лучам.

«Три мяча, четыре букета,— думал я,— Трижды четыре — двенадцать». Все универсалии сущего объяло это число.

---

[1] Священная книга майя-киче «Пополь-Вух».

Солнце светило мне прямо в лицо, не ослепляя глаз, на затмевая Луны, что сияла по левую руку, и немигающих звезд, окруживших меня с разных сторон.

Голубой шар в облачных вихрях проплывал под ногами. Я видел все океаны и материки, все горы и реки, и все города слились для меня воедино. Словно лица друзей, я узнавал очертания улиц и их названия воскресали, как имена позабытых друзей.

Плаца Майор де Мерида вливалась в русло Елисейских Полей, Конститьюшн Авеню сужалась в проспект Нефертити, и я уже не знал, где Мерида, где Париж, Вашингтон и Луксор. Промелькнули стамбульская Сенетчи Селим, Джудха Садак в Катманду, Калакула Авеню на Оаху, афинская Сингроу, Адомберг-гассе в Вене, Принсенграхт-канал в Амстердаме, стокгольмский Кунгсгатан и линцская Хиртлштрассе.

Прорезанный эстакадами, рельсовыми путями, руслами рек и каналов, Мультиполис Земли раскрыл мне объятья, как Всемилостивый ботхисаттва о тысячи рук. И окна домов были распахнуты, как глаза на ладонях Авалокитешвары, и трепетали радуги в разгранке стекол.

Где-то возле Апрелевки, между сиротливым кладбищем на обрыве и заброшенной стройкой, приняла меня твердь.

«Здесь! — ёкнуло в груди.— Где-то поблизости»...

АВЕНТИРА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

МЕРИДА — МЕХИКО — ПАРИЖ — ВАШИНГТОН

(на земле и над землей)

— Я возненавидела Джонсона,— прощаясь с Ратмиром у вертолета, бросила Долорес,— но не хочу ненавидеть тебя.— Ветер трепал ее волосы. Она отвернулась, кусая губы.— Нет, я все понимаю. Ты должен... Желаю удачи, Рамиро.

— Мы увидимся в Гонолулу?— спросил он, опустив голову.

— Не знаю... Ты мне позвонишь?— она прикоснулась к его щеке, оставив бледный отпечаток помады.

— Позвоню,— он залез в кабину и, приникнув к стеклу, проводил ее долгим взглядом. Долорес так и не

обернулась. Исчезла за поворотом дороги, прорубленной через лес, неотвратимо и безвозвратно.

Мысленно отдаляясь, Ратмир напряженно следил, как воздушные вихри колеблют очертания купола, вознесенного над непроглядной зеленью сельвы, но удаляющаяся фигурка в защитном комбинезончике все стояла перед глазами. На душе было пусто и пасмурно. Промелькнувшая тень облегчения показалась предвестником мертвой тоски, что подымется изнутри, как только растает заторможенность. Так напоминает о себе боль, приглушенная анестезией.

Полет из Мериды в Мехико, а затем в Вашингтон проходил в тяжелом полусне. Не мучило сожаление, не растравляли несбыточные надежды. Гнет предопределенности притупил остроту почище новокаиновой блокады.

Джонсон не торопился с объяснением, догадываясь, чем вызвана подавленность не в меру эмоционального россиянина. Сказал только, что на месте будет виднее.

— Надеюсь, теперь-то вы осознали, зачем нужен американский паспорт? — спросил он, когда под крылом поплыла серая гладь Потомака.

— По-моему, я и с самого начала не очень сопротивлялся.

— Однако восторга не выразили.

Ратмир неопределенно повел плечом.

Прямо из аэропорта они поехали в Александрию. Борцов хорошо знал этот район по предшествующим визитам. Поблизости — на другом берегу Потомака — находились Капитолий, Белый дом и военное министерство, а от Национального аэропорта можно было доехать за двадцать минут. Увидев многоэтажную башню, возвышавшуюся посреди сквера, зажатого между набережной и развязкой хайвэя, он узнал отель «Редиссон Парк Плаза», где семь или восемь лет назад проходила конференция «Новые мосты к миру».

Это был беспрецедентный «горбачевский десант», как окрестила его печать: ученые, писатели, общественные деятели — всего свыше сотни. Невзирая на бьющую в глаза показуху, встреча, не в пример прочим, внесла «заметную лепту», — как писали газеты. Прием у Рейгана, Государственный департамент, сенат, Конгресс, Пентагон, Гарвард — это было серьезно.

Вопреки ожиданиям, Джонсон крепко застрял в Ва-

шингтоне. Целыми днями пребывая в бегах, он возвращался поздно вечером, а часто и вовсе не ночевал в гостинице. Предоставленный сам себе, Ратмир бродил по музеям, копался в Библиотеке Конгресса или часами смотрел телевизор, перепрыгивая с канала на канал. В первый же день он позвонил в Тустла Гутьерес, но никто не взял трубку. На следующий день, возобновив попытку, надавил на рычаг, не дождавшись гудка. Понимал, что не волен вернуть несбывшееся, и боялся оборвать последнюю паутинку. Сидя рядом с телефоном, где лежала визитка Долорес, наугад нажимал кнопки инфракрасного пульта, но не видел экрана. Обрывки боевиков, рекламу, проповеди, бейсбольные матчи — все гасила ее удивительная улыбка, ее волосы и глаза. Этот образ, живой, полнокровный, словно бы ниспосланный свыше, не заслонял Нику. Он думал о ней неотступно, качаясь между отчаянием и надеждой, и торопил пустые, никчемные дни. Целиком отдавшись раздиравшим его метаниям, Ратмир почти не интересовался, чем так занят его работодатель и спутник. Одна лишь забота гвоздила: «Когда?». Он и не подозревал, каких усилий стоило Джонсону заполучить паспорт, какие вихри метутся на том берегу Потомака, какие связи задействованы.

Сложную юридическую заковыку удалось преодолеть с помощью гарвардских приятелей Джонсона. Вместе с выпускниками Йеля, они составляли костяк вашингтонской администрации, могущественной, но отнюдь не всесильной.

Вопреки обещаниям руководства эмиграционной службы, возникли препятствия на уровне среднего звена, и пошла привычная бюрократическая волынка. С французской визой тоже пришлось повозиться. Джонсон даже звонил на Ке д'Орсе в Париж. Кончилось тем, что Борцова в экстраординарном порядке оформили по линии ЮНЕСКО. Посодействовал сам Федерико Майор, знавший президента «Эпсилона» лично.

Получив, наконец, документы, Ратмир поразился, насколько точно воспроизвелся геральдический орел в колдовских сновидениях. Успех решили отпраздновать в ресторане.

— Рекомендую поблизости от гостиницы,— сказал Джонсон.— Быстренько соберем вещички, и с Богом.

— А билеты?

— Как-нибудь улетим.

— Прямо сегодня?

— Почему нет? Иначе не стоит торопиться.

— Тогда можно обойтись без ленча. Или наскоро перекусим в «Редиссоне»?

— Take it easi,— Джонсон употребил излюбленное американское выражение,— не волнуйтесь. Возьмем от жизни то немногое, что она еще может дать.— Налетав миллион километров и получив золотую карточку, он мог не беспокоиться о таких пустяках, как билеты. Особенно здесь, в Вашингтоне. Наверняка найдется три-четыре подходящих рейса.— Могу предложить широкий выбор: «Чайна Гейт», «Ориент Экспресс» или, если предпочитаете французскую кухню, «Ле Каприс»? Там подают отменные утиные грудки и цыплят «пастри» с семгой.

— Вы же стойкий вегетарианец, Пит.

— О вас забочусь, а для меня всюду найдется что-нибудь подходящее. Итак, на чем остановимся? Может, хотите крабов? Тогда «Сифуд» в Вашингтон Харбор.

— На ваше усмотрение. Мои китайские пристрастия вам известны.

— Значит, «Чайна Гейт», или нет, лучше «Янчин Пэлес». Почти настоящий мандаринский ритуал.

Метрдотель, проводивший их к столику, отделенному ширмами, почтительно поздоровался с Джонсоном за руку.

— Каковы наши дальнейшие планы?— спросил Борцов, разглядывая тончайшую роспись. Интерьер был выдержан в стандартном стиле: колонны с драконами, бумажные фонарики, шелковые кисти, иероглифические решетки.— Мы толком так и не поговорили за эти дни.

— Не здесь, Тим. Еще успеем наговориться,— кивнул Джонсон, примериваясь к струганым палочкам.

Нарумяненные китаянки в кантонском наряде уже несли уставленные всевозможными яствами подносы.

После нескольких чашек жасминового чая, завершившего обильный обед из семнадцати перемен, официант в белом кителе принес печенье с оракулом и покрытую золотым лаком утку, где лежал счет.

— Ну-ка, Тим, что нас ожидает? — Джонсон положил на стол кредитную карточку, присовокупив десятидолларовую банкноту, и подвинул тарелку, на которой лежали две слегка подрумяненные галетки.

Ратмир разломил хрупкую корочку и вынул полоску папиросной бумаги.

«Будьте упорны в достижении цели и не бойтесь идти на риск»,— рекомендовал янчинский астролог.

— Подходит,— одобрил Джонсон.— На сей раз почти попали.

— А вы?

— Предпочитаю не знать.

— Ой ли, Пит?

— Есть существенная разница между аналитическим прогнозом и судьбой. Вы — другое дело. Будучи человеком искусства, следуете не голосу разума, а зову рока. Кстати, о риске: вы готовы?

— Готов.

И вновь отгорела ночь в перелете над штормящей Атлантикой. Пересекая границы часовых поясов, моторы пожирали расстояние.

Отказавшись от попытки заполнить пустые клетки кроссворда в «Вашингтон пост», Ратмир исчертил газетные поля символическими значками. Под крылом в облачных прорывах проглядывал океан — ему соответствовала триграмма «кань» — вода. Ледяное, продутое необузданными ветрами небо обозначили три черты «цянь». Так составилась гексаграмма ䷾, отобразившая аскетическую жесткость мирового каркаса. В нем не было места для точки, летящей в пространстве.

— Я прослушал вашу запись,— сказал Джонсон, продолжая методично просматривать бумаги.— Сейчас ею занимаются специалисты.

— И каково ваше мнение?

— Даже не знаю, что сказать. Экспериментом такую эскападу не назовешь. Без подготовки, без приборов — сплошная импровизация. Какая муха вас укусила?

— Сам не знаю. Как-то вдруг захотелось...

— Вы повторяете собственные зады. Пошли на поводу своего романа. Мгновенный каприз или навязчивая идея?

— И то, и другое. Не обращайте внимания.

— Замкнутый круг воображения — и только. А ведь могло быть иначе.

— Каким образом?

— Я уже предлагал вам. При желании вы могли бы пройти тренировочный курс. В Гонолулу разработаны действенные методики.

— Языки мира? Что-то такое вы действительно говорили, но как-то вскользь, между прочим.

— Не хотел оказывать на вас даже минимального давления. Вы сами должны **захотеть** и **решить**, иначе вряд ли можно ожидать успеха.

— Решить — это я понимаю, а вот **захотеть**... Собственно, чего захотеть?

— А чего вы ждали от ночи в склепе? Попробовали побывать в шкуре придуманного вами героя?

— Трудно ответить определенно,— Ратмир задумчиво откинулся в кресле.— Тут всего понемножку, но главное...,— он умолк, пытаясь собрать расплывавшиеся, как облачные массы за бортом, мысли.

— Что главное? — ненавязчиво подтолкнул Джонсон.

— Не знаю... меня бросает от смутной надежды к полному безверию. Я, как моряк, потерпевший крушение. Волны и ветер швыряют шлюпку из стороны в сторону, в днище дыра, и я не успеваю вычерпывать воду.

— «Ed elli a me: Se tu segui tua stella, non puoi fallire aglorioso porto»...

— Что это?

— «Звезде своей доверься,— он ответил,— и в пристань славы вступит твой челнок»... Данте Алигьери, «Inferno». Пятнадцатая песнь.

— Вы и итальянский знаете?

— В известной мере. Прежде чем дать зеленый свет, я сам прошел пробный курс на Гавайях. Как врач, которому положено испытать на себе вакцину.

— И каковы результаты? Помните наизусть «Божественную комедию»?

— Нет, разумеется, разве что отдельные куски. Но уверен, что вспомню, вновь оказавшись в парадоксальном состоянии. Компьютер чутко следит за активностью мозга, стимулируя волновым воздействием одни участки и подавляя другие... В **своих** снах я разговари-

вал на эламском и хурритском, по-аккадски и по-персидски. Мне даже казалось, что я понимаю язык птиц и зверей.

— Сон и есть сон,— Борцов ожесточенно перечеркнул каракули.— Электростимуляция в принципе ничего не меняет. Гипноз, наркотики, нейропептиды способны расцветить его ярчайшими красками, придать невиданную четкость отдельным мазкам, но материалы все те же: краски и холст. К реальности это не имеет никакого отношения.

— И это говорите вы? Художник слова! А как же вещие сны? Пророчества? Предвосхищения? Вспомните Кекуле, Дарвина, наконец Менделеева, которому приснилась его таблица.

— Многодневный упорный труд дал свои результаты. Когда плод созрел, подсознание рассовало все по надлежащим местам.

— Все-таки подсознание, Тим? Или сверхсознание?.. Вы же не отрицаете существование коллективного сознания?

— Не отрицаю. Архетипы — неотъемлемые элементы того, что мы занываем душой. Но они же — источник иллюзий.

— Уже теплее... Гипнотический рапорт, ток, химия — это, вы совершенно правы, стрельба из пушек по воробьям. Однако именно эти методы помогли нам создать четкую целенаправленную систему. Избирательно модулируемые радиоволны воздействуют на точечные участки мозга, мобилизуя его скрытые резервы. Вы же знаете, что в обычной жизни мы используем от силы десять процентов потенциальных возможностей.

— И что происходит? Слияние с Абсолютом, Великой Пустотой физического вакуума?

— Не знаю... Но **что-то** происходит. Это-то и предстоит выяснить, Тим. Идея единого информационного поля не столь уж фантастична. Архетипические образы объединяют сознание поколений. Через языки и символы мы как бы возвращаемся к истокам, к праязыку строителей Вавилонской башни.

— Скажите, Пит, почему вы избрали именно «Божественную комедию»?

— А вам почему захотелось попасть **именно** в Шибальбу? И почему вы заслали своего героя в Дуат?.. Так захотелось! Система мира Данте нравится мне куда бо-

льше, чем египетская, греческая или ацтекская преисподняя. Она лучше отвечает моему настроению, литературному вкусу, если угодно. Тем паче, что особой разницы нет. Что Дуат, что Тартар... Inferno ничем не хуже. Или вы придаете особую роль мифам, освященным тысячелетней традицией? Уверяю вас, что для информационного поля не существует различия между жреческим каноном и вымыслом более поздних времен, включая фантазию поэтов Возрождения и научных фантастов, вроде вас, Тим. Если такое поле все-таки существует, то никакая мысль, даже самая вздорная, не пропадает. Все каким-то образом записывается двоичным кодом виртуальных частиц: электрон-дырка.

— И это тоже поддается проверке?

— В известной степени. Мы оба знаем, что нет ни ада, ни рая. Ни ангелов нет, ни демонов. Однако они существуют в виде архетипических голограмм, спроецированных в нематериальных структурах нашего «сверх-Я». Разберем, для примера, хотя бы ваш сон. Вам приснилось то, что вы уже видели и хотели увидеть. Не так ли? Мозг причудливо перетасовал виденное, пережитое, прочитанное. Вы ведь основательно проштудировали «Пополь-Вух»? И насмотрелись на изваяния майя? Вот и легли красочные мазки на холст. Мне понравилось такое определение. Но исчерпывается ли этим парадоксальность процесса? Отнюдь. Кровавые жертвоприношения обернулись символическими образами иного порядка. Отсюда ассоциации с нацистским холакостом. Память о бывшем, об исторических, если угодно, реалиях накладывается на канву архетипа. Согласны?

— Вполне.

— Тогда пойдем дальше. Как вы расцениваете полет в черной трубе?

— Последний дар матери-природы угасающему мозгу. Образ, бесспорно, универсальный. Тот факт, что майя попытались воссоздать его в камне, лишний раз подтверждает теорию Юнга. Внешнее наложилось на внутреннее, объективное — не субъективное. Сновидение суммировало обе волны. До этого момента я полностью с вами солидарен, Пит.

— Только до этого?

— Дальше сложнее. Мне трудно передать свои

ощущения, но я был уверен, что, приземлившись где-то возле Апрелевки, найду Нику.

— И теперь тоже уверены?

— Хочу так думать.

— При всем вашем скепсисе вы, как я знаю, допускаете возможность телепатического контакта? Особенно во сне?

— Не только допускаю, но верю. Почти...

— Ох уж, это «почти»! Атеизм у вас сочетается с фатализмом, здравый смысл — с суеверием. Гремучий коктейль.

— Требуется бесспорное доказательство. Объективный критерий.

— «Вот Сны тебе мои... В них все, что хладный опыт открыл мне, проведя чрез слезы, скорбь и ропот»... Вы читали «Сны» Майкова?

— Нет, Пит, не читал. Не устаю восхищаться вашим знанием русской литературы.

— Ваши сны вместили все: слезы, скорбь и «жажду странную святынь, которых нет»... Последнее уже из Минского. Вы ведь любите символистов?

— Это помню: «И снова свет блеснет, чтоб стать добычей тьмы, и кто-то будет жить не так, как жили мы, но так, как мы, умрет бесследно».

— Так, мой бедный собрат по мирской юдоли... Нам с вами не достает одного: «хладного опыта». Вы верно упомянули объективный критерий. Ваш ночной облет Сверхгорода наводит на интересную мысль. Вам запомнились названия улиц, отдельные дома?

— Даже номера домов. О чем это говорит?

— Прежде всего, о превосходной памяти. Приснилось все то, что вы, вероятно, видели в своих многочисленных путешествиях. Тут нет ничего необычного. Ничто, не боюсь повторить, не проходит бесследно. Да, память у вас отменная, но не хватает конкретных деталей... Вы как-то обмолвились, что провели ночь у Моссовета, откликнувшись на призыв Гайдара?

— И что? — Борцов отбросил изрисованную газету. Общение с Джонсоном требовало неослабного внимания. Не отклоняясь от темы, он совершал стремительные броски, смысл которых зачастую прояснялся лишь в конце разговора. — Не улавливаю связи.

— «Все во всем», как сказано в «Изумрудной таблице». Попробуйте вспомнить, что было дальше. Возвра-

тившись под утро домой, вы с тяжелым сердцем легли спать? Или, проголодавшись, набросились на еду?

— Ни то, ни другое. Я первым делом включил телевизор...

— А после?

— После? Кажется, и верно, ненадолго уснул.

— Вам что-нибудь снилось?

— Не помню... Ничего сколь-нибудь примечательного.

— Жаль. В таком взвинченном состоянии вы могли бы действительно вылететь за пределы. При соблюдении надлежащих условий, само собой. Что бы вы сказали, если бы вам привиделся Белый дом? В том виде, как он предстал на экране некоторое время спустя: с черным дымом из окон?

— Понимаю,— кивнул Ратмир.— К сожалению, ничего подобного не было. Проснувшись, я опять включил телевизор и до позднего вечера следил за репортажами CNN. Но я понимаю, куда вы клоните, приснись мне то, о чем вы говорите, я бы счел это бесспорным доказательством.

— Итак, необходимым критерием может послужить время. Ощущение выхода из тела, из-под власти пространства и так далее — всегда субъективно. Время — единственно возможный пробный камень. Проникновение в прошлое нуждается в тщательной проверке. Доказать, что вы не располагали в той или иной форме полученной информацией, крайне сложно. Зафиксированы случаи, когда в гипнотическом сне люди говорят на языке им заведомо неизвестном. Тем не менее, чистота опыта остается сомнительной. Нельзя сбрасывать со счетов впечатления, скажем, далекого детства. Случайно услышанный разговор, книга, что попалась ребенку под руку, или еще что-нибудь.

— «Сверх-Я» все помнит?

— Именно. Приходит момент, когда, казалось бы, напрочь забытое выходит на поверхность и в какие-то доли секунды выстраивается в систему. Короче говоря, только информация из будущего, подтвержденная ходом последующих событий, может приниматься всерьез.

— Мне кажется, что я бы смог найти то место,— сказал Борцов, уставясь в иллюминатор, где леденела бескрайняя синева,— стройку с накренившимся краном

и кладбище над обрывом. Выкрашенные серебрянкой кресты, деревянные пирамидки с полинявшими звездами.

— Сколько таких могилок по России... Но это то единственное, что поддается проверке.

— Могу я спросить, что заставило вас вновь поменять намеченные планы? Для меня эта поездка в Париж явилась полнейшей неожиданностью.

— Похоже, вы не слишком обрадованы?

— Не совсем подходящее слово. Я жду, я все еще на что-то надеюсь. Но радость? Радости нет, Пит.

— Понимаю ваше состояние. Я и не думал менять планы. Прямо из Парижа мы вылетим на Гавайи. Скажу больше: если бы не мое обещание, мы бы летели сейчас в Гонолулу. Изменились мои личные обстоятельства, Тим. Мне не осталось ничего иного, как воспользоваться коротким тайм-аутом. Еще день-другой, как знать, смогу ли выкроить время? Я дал слово и спешу его выполнить. Вот и вся подоплека.

— Все так неопределенно...

— Наберитесь терпения. От своего «Супер-Эго» вы получили дельный совет — не торопите сердце, умейте ждать. Иначе вас надолго не хватит. Нельзя жечь свечу с обоих концов. Это все равно, что любить двух женщин сразу. Кроме инфаркта и кучи неприятностей, ничего не получится.

— Знаете по собственному опыту? — парировал Ратмир, заподозрив намек.

— И по собственному, хотя до крайностей, хвала Богу, не доходило.

— У вас была семья?

— Две семьи. — Джонсон неторопливо достал бумажник и выложил на стол несколько цветных фотографий. Все снимки были сделаны на лужайке перед бостонским домом. — От первой жены у меня трое: две дочери и сын, — он показал сначала на малыша с бейсбольной битой, а потом нашел карточку миловидного юноши в форме морского пехотинца. — Второй брак оказался менее удачным: всего одна девочка... Раз или два в году мы собираемся все вместе. Словом, жизнь не получилась, и виноват в этом я один.

— Простите.

— За что? Вы спросили — я ответил... Последний День благодарения прошел очень весело. Я даже поду-

мал, что стоит податься в мормоны. По крайней мере можно было бы зажить одним домом.

— И любить двух женщин?

— Отвечаете ударом на удар? И правильно. Только я сказал «зажить», Тим. Улавливаете нюанс?

— Как не уловить? Яснее ясного... Любить, разрываясь на части, почти немыслимо, но все же возможно. Я бы не отступил. Но жить?... Жить я мог только с единственным человеком на свете.

— Не зацикливайтесь, Тим, не надо сгущать краски и говорить в прошедшем времени. Жизнь многогранна и непредсказуема. Посмотрим, чем нас встретит прекрасный Париж.

— Есть какие-то наметки?

— Ничего существенно нового. Я продолжаю придерживаться прежней гипотезы, хотя нельзя исключить, что след надо искать не там, а где-то поблизости от Шереметьева.

— Что вы хотите этим сказать? — насторожился Борцов.

— Береника могла и не улететь. Что, если с ней произошла та же история, что и с вами? Паспортный контроль, разговор в кабинете? Развязка, правда, не столь удачная, как у вас. Никаких новых данных у меня нет, — Джонсон успокоительно помахал рукой. — Не волнуйтесь вы, ради всего святого. Я всего лишь развиваю логическую цепь. Похитить заложника и держать его взаперти несколько месяцев намного проще в России, нежели за границей. Элементарная логика. Уверен, что и вы сами так думаете. Отсюда, кстати, и ваш сон. И это не худший вариант, Тим.

— Не вижу особой разницы. Что так, что этак — ее жизнь висит на волоске.

— Пока ничто не опровергает наше исходное предположение. Все признаки скорее свидетельствуют в его пользу. Единственная возможность подобраться ко мне — это вы, Тим. И мы даем им такой шанс. Пока он есть, с Береникой ничего не случится.

— В Вашингтоне они не воспользовались шансом.

— Посмотрим, как пройдет в Париже... Думаю, настала пора осторожно перехватить инициативу.

— Каким образом?

— Увеличить в их глазах вашу значимость. Другого не дано.

— Предложить им свои услуги?

— Я же говорю, что вы человек крайностей. Ни в коем случае нельзя выходить из своей роли.

— Извините, не понимаю.

— Попробуйте взглянуть на себя их глазами. Вы — человек, которого можно использовать. Так?

— Допустим.

— Дадите себя использовать?

— Ничего не получив взамен?

— Молодец! Вот и вся ваша роль. Как законопослушный гражданин, вы придерживаетесь определенных рамок. Так? Так... Но до каких пор? Вам обещали помощь? Обещали. Что-нибудь сделали? Ничего. Если в Париже повторится вашингтонская история, вы разыграете возмущение. Не бойтесь угроз. Скажите, что напишете генеральному прокурору, президенту — кому угодно. Намекните, что выполняете ответственную работу. Это должно прозвучать так, словно в пылу негодования вы случайно проговорились. Понимаете?

— С трудом, Пит, но я постараюсь.

— Не надо стараться. Будем действовать строго по сценарию. По моему сценарию, Тим... Начнем с того, что вы позвоните из аэропорта. Скажете примерно то же, что и в первый раз.

— А если снова автоответчик?

— Тем более есть повод выказать крайнее неудовольствие. Вы **специально** прибыли в Париж, чтобы узнать хоть что-нибудь, но, вопреки обещаниям, вас опять обманули. Вечно никого нет на месте, никто ничего не делает, не желает пальцем ударить о палец и все такое. И зачем только мидовский чинуша дал вам эти чертовы телефоны? Вы немедленно летите обратно... Куда? Запальчивая проговорочка: в Силиконовую долину. Вы сходите с ума, ждете, наконец срываетесь с места и летите сюда, в Париж, где вас ожидает тот же прием. Вы уже не знаете, куда звонить и зачем. Вам ничего не остается, кроме скандала. Вас водят за нос, даже фамилий своих не говорят. Но вы их узнаете, дайте срок. Где? Очень просто: будете звонить на телефонную станцию. Далее следует крайне нелестный отзыв о чиновниках вообще, о порядках в стране и обещание написать президенту, который тоже не подарочек, что вы и выскажете сгоряча. На сем бросаете трубку. Имен-

но бросаете, чтоб было слышно на другом конце провода. Есть замечания?

— Никаких. Выглядит правдоподобно. Но неужели я такой идиот, что ничего не заподозрил?

— Хотите сыграть сыщика? Двойного агента? Отменно. С чего начнем? Может быть, карты откроем? Или намекнем, что не лыком шиты?

— Вы, как всегда, правы.

— То-то и оно... Разберем теперь другой вариант. Что вы скажете, если к телефону подойдет заинтересованное лицо?

— То же самое, но в более резкой форме. И, конечно, потребую назвать фамилию... Скажу, что буду звонить в посольство.

— Красивый ход. И как это мне не пришло в голову? Посольство — это хорошо. А как насчет личной встречи?

— Думаете, пойдут?

— Всяко может случиться. Вероятность небольшая, но могут и пригласить.

— Поеду.

— Ни под каким видом! Кто вам дал телефон? Официальное лицо. Кому вы раньше писали? Министру. Свидание только в посольстве.

— Не согласятся.

— Естественно. Важно, **как** не согласятся, **какие** аргументы приведут. Необходимо вытянуть из них хоть что-нибудь. Рано или поздно дойдет и до сделки. Тут мы и поторгуемся.

— До каких пределов я могу пойти?

— Нет таких пределов. Обещайте все, что попросят. Ругайтесь, ссылайтесь на трудности, но обещайте. С нашей стороны будет только одно предварительное условие: видеокассета.

— Понимаю.

— Значит, так и будем действовать.

— Позвольте один, прямо не относящийся к делу вопрос, Пит. Почему вы не захотели говорить в китайском ресторане, но так свободно рассуждаете здесь?

— Заметили? — Джонсон усмехнулся и покачал головой. — В принципе вы правы. Попробую объясниться. В ресторане меня знают. Следовательно, приходится считаться с обстоятельствами. Всякое бывает... В салоне, как видите, мы одни. Места получены прямо

в аэропорту, а это значит, что до самого последнего момента никто не знал, куда и каким рейсом мы полетим.

— Вы намеренно не заказали билеты? — изумился Борцов.— Класс!

— Не совсем намеренно, скорее действуя по обстоятельствам... Не думаю, что за нами следили, но даже если и так, какие действия они могли предпринять? Внедрить своего человека в самолет? Подкупить стюардессу первого класса? Не стоит преувеличивать возможности мафии. Разумная предосторожность, продуманность действий и выдержка — это все, что от нас требуется. Поэтому я никого не предупредил о прилете. Важно одно: они должны знать, что звонили вы, притом из аэропорта имени Шарля де Голля. На данном этапе взаимоотношений им важно лишний раз убедиться в предсказуемости ваших действий. Если рыба крепко сидит на крючке, ее можно вываживать. В этом и только в этом смысл нашего визита, который, полагаю, окажется молниеносным. Как подействуют ваши угрозы? Не берусь предсказать однозначно. Не испугают — это точно, но, надеюсь, обрадуют и слегка подтолкнут.

Набрав восьмизначный номер и услышав французскую речь, Борцов сразу же назвал себя. Только музыкальный сигнал о начале записи подсказал, что он пытался разговаривать с автоматом. Оплошность, вызванная волнением и эмбриональными языковыми навыками, парализовала его лицевые мускулы. Пошевелив беззвучно обескровленными губами, он осторожно повесил трубку.

— В чем дело? — озабоченно спросил Джонсон.— Что они вам сказали?

— Н-ничего,— заикаясь, пробормотал Ратмир.— А-автоответчик.

— И только-то? Черт вас возьми, Тим, как вы меня напугали! — Джонсон перевел дух и рассмеялся, догадавшись, что на самом деле произошло.— Еще один аргумент в мою пользу. Язык, Тим, великая штука!.. Наберите еще раз.

— Как?

— Указательным пальцем. Все в полном порядке.

Слышите? Если мы что и потеряли, то всего один франк,— Джонсон забросил в автомат никелевую монету.— Спокойно, приятель. Действуем по сценарию.

Вторая попытка прошла сравнительно гладко.

— Ничего,— оценил Джонсон.— Раздражение чувствуется, но маловато гнева. Впрочем, так даже лучше, пусть вас считают мямлей.

— Мямля и есть.

— Глупости. Вы — человек редкого мужества... Как насчет стаканчика виски? Вам определенно не повредит. Нам туда,— он указал на дорожку эскалатора, длинного, как железнодорожный состав.— Передохнем в баре satellite-double [1] и займемся дальнейшим маршрутом.

И опять потянулись часы полусонного забытья между небом и океаном, выдававшим сезонный концерт.

На подходе к Вашингтону заработал пейджер. Прочитав сообщение, Джонсон передал ответ.

— Боюсь, что нам предстоит расстаться,— сказал он, набирая еще одно послание.— Почти трое суток я был вне пределов досягаемости, и вот меня достали. Накопилась уйма бумаг.

— Это надолго?— встревожился Борцов.

— Как знать? Но на Гавайи вы полетите уже в одиночестве... Не возражаете против охраны?

— Если так нужно...

— На всякий пожарный случай. Я уже отдал распоряжение: нас встретят. Профессор Вейден прибудет в Гонолулу на день-другой позже вас. Пока осмотритесь, отдохнете... Словом, тогда и начнется настоящее дело. А я тем временем сориентируюсь, что да как. Возможно, дадут знать о себе и наши контрагенты.

— Но я не оставил им никакого адреса.

— Не беспокойтесь: объявятся. У них же есть мои координаты... Да, оставьте пока у меня свою краснокожую паспортину. Кроме Вейдена, никто не должен знать, кем вы на самом деле являетесь. Привыкайте к новому имени.

Борцов безропотно отдал паспорт. Он доверял

[1] Двойной сателлит (*фр.*). В данном случае игра слов: двойной-двуличный.

Джонсону, но мысль о том, что сделан еще один, быть может, необратимый шаг, обдала ледяным дыханием. И еще он подумал о Долорес. Назвав одного Вейдена, Питер дал понять, что ее на Гавайях не будет.

— Когда я улетаю?— спросил Ратмир, отдаваясь закрутившему его вихрю. Все складывалось немного не так, как рисовалось в воображении. Лучше ли, хуже — не в том суть. Угнетала собственная беспомощность перед неуклонно нарастающими валами, которые гнали его все дальше и дальше. Во всем этом чудилась некая неподвластная воле и осмыслению закономерность. Бездушная математическая прогрессия, разраставшаяся по экспоненте.

Вспомнились объяснения Брюса Хейджберна. За пятнадцать веков до Европы майя знали Непирово число. По сей день стоят их стены, сложенные из пришлифованных глыб. Спиральными ветвями разворачивались подземные лабиринты, утопая в безжизненной мгле.

— Можно завтра, но лучше сейчас,— не сразу ответил Джонсон.— В шестнадцать сорок есть рейс на Лос-Анджелес... Выдержите?

— Не привыкать.

— Простите, забыл, вы играете в покер?

— Играю,— Борцов удивленно раскрыл глаза,— а что?

— Поможет скоротать время. Наши парни — классные игроки. Держите ухо востро.

— Они что-нибудь знают обо мне?

— Ничего.

— А мой акцент?

— Их это не касается. В Пуналуу вам не будут задавать лишних вопросов, а для случайных знакомых выдумайте себе какую-нибудь легенду. Вам это не составит труда.

«Меркюри» с тремя молодыми людьми приятной наружности ожидал под крылом «Кометы». Французский лайнер напомнил о летящих к Юпитеру айсбергах. Время отсчитывала комета.

В зале для транзитных пассажиров Джонсон оставил Ратмира на попечении охраны и скрылся в телефонной кабине.

— Мистер Фримэн?— спросил он, соединившись

через секретаря.— Я получил ваше сообщение. Что приключилось?

— Это тебя надо спросить, сынок. Куда ты запропастился? Не сидишь на месте, мотаешься по белу свету.

— Такова жизнь, Клайв. Чем могу быть полезен?

— Надо бы свидеться. Приезжай.

— Прямо сейчас?— недоумевая о причине такой спешки, осведомился Джонсон. Настойчивость старика вызвала легкое раздражение, но отказать не представлялось возможным. Он знал Фримэна с детства. Друг отца и ближайший сосед, дядюшка Клайв стал для юного Питера первым наставником в рыбной ловле и верховой езде. Долгие часы они проводили вместе, бороздя на катере уорчестерские водоемы. Помимо сентиментальных воспоминаний, их связывали и немалые деловые интересы. Фримэн, ворочавший сотнями миллионов, владел солидным пакетом акций «Эпсилона», и к его слову внимательно прислушивались в совете. Сломав позвоночник на охоте и став, таким образом, пленником инвалидной коляски, он никуда не выезжал из Уорчестера, целиком сосредоточившись на финансовых операциях. С его помощью Джонсон только за последний год заработал для корпорации полтора миллиарда. Молниеносно и четко, как на компьютере, высветился итог: «Придется поехать».

— Ты чего замолк? Или лягушку проглотил?

— Соображаю, как побыстрее управиться.

— Соображай, соображай... Ты хоть помнишь, кто обучил тебя вываживать лосося? Мутить воду песком на форелевых ручьях?

— Вы, Клайв.

— А кто подарил первую в жизни лошадку? Не забыл, как ее звали?

— Пенелопа,— Джонсон невольно рассмеялся.— Пенелопой звали ее. Гнедая с рыжей челкой... Думаю, как побыстрее добраться.

— Я помогу тебе, Пит, но прежде успокою... Ты правильно все решил.

— О чем вы, Клайв?

— Не догадываешься?.. Как прошло свидание с нашей подругой?

— Простите, не понимаю,— настороженно встрепенулся Джонсон.— С какой подругой?

— Ключики не потерял?

— О, Клайв! — чувствуя, как заколотилось сердце, с трудом выдохнул Джонсон. — Вы меня не разыгрываете?

— Теперь ты понимаешь, что я **все** знаю? — Фримэн заговорил ровным бесцветным голосом, без старческого брюзжания и подковырок. — Я прочитал твою докладную в тот же день. Прости, что не сразу откликнулся, но пришлось посоветоваться. Вопрос серьезный. Мы одобряем твое решение. Нечего и думать о приостановке работ, напротив, необходимо форсировать. Никто не даст денег, чтобы начать все заново.

— При всем желании нам не поспеть к... Вы знаете, к какому сроку, мистер Фримэн. Если внешние условия, так сказать, переменятся, незапланированные затраты неизбежны.

— Я понял это из твоей записки. Твоя задача — доказать, что овчинка стоит выделки. Понимаешь?.. Впрочем, что я спрашиваю? Ты всегда был на высоте, Пит. Так и держись. Ну, до скорого, сынок. Спросишь в аэропорту, куда поставили твой самолет.

— **Мой** самолет?

— Твой, парень, твой. Жду тебя в Уорчестере.

«Ничего себе обряд инициаций! Кто бы мог подумать? Дядюшка Клайв... Гениальная находка: международный клуб миллиардеров. Сумасшедшие деньги — вот тайна тайн, что сама себя охраняет».

Потрясенный до глубины души, он возвратился к столику, за которым расположился Борцов с охранниками.

— Вы готовы к вылету, джентльмены? — спросил он и, не дожидаясь ответа, отозвал Ратмира в сторонку. — Будем прощаться, Тим?

— Надеюсь, не навсегда, — вымученно улыбнулся Борцов.

— На месяц, как минимум, но я буду звонить ежедневно. Ни о чем не беспокойтесь. Как только эти деятели дадут о себе знать, я позволю им выйти на меня. Думаю, напрямую будет сподручнее.

— Спасибо, Пит. Я буду ждать.

— Работайте, не забывайте отдыхать, по возможности веселитесь. Вы должны быть в форме. Курс подготовки, а это будет ускоренный курс, займет десять недель. Если не встретимся раньше, к началу июня жду вас в Луксоре, в Долине царей.

— Вы все же хотите...

— Да, Тим, пусть будет, как у вас в романе. Как и вы, я чуточку суеверен.

— А как же сценарий? Когда я смогу начать?

— Выкиньте из головы. Сосредоточьтесь на главном, а прочее подождет. Бог даст, дойдет и до сценария.

— Не могу. Я связан контрактом: сроки.

— Срок у нас с вами один — первые числа июня, а контракт я в любой момент аннулирую с полной выплатой гонорара. Устраивает?

— Не очень. Я хочу сделать фильм.

— Будет вам фильм, даю слово.

— Вы же возлагали надежды на рекламу, на прибыль...

— Поймите, Тим, я ни от чего не отказываюсь. Изменились приоритеты. Мое положение, наконец.

— Надеюсь, к лучшему?

— Я тоже надеюсь... Как бы вам объяснить? Если вчера я не мог позволить себе упустить сотню миллионов, то сегодня сделаю это, не моргнув глазом, ибо счет пошел на многие миллиарды. Время нынче дорого, как никогда. Ваш срок я могу пролонгировать, мои сроки не подвластны самим богам.

АВЕНТИРА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ПУНАЛУУ, ОСТРОВ ОАХУ, ГАВАЙИ

Институт в Пуналуу занимал обширный участок в пятнадцать тысяч акров, упиравшийся удлиненным концом в береговые скалы, отмеченные следами бурных вулканических извержений. Рядом с уединенной бухточкой, где стояли парусные яхты и катера, выгибалась узкая, как сабля, коса. Черные лавовые пески чередовались полосками измельченной коралловой крошки, что придавало природному пляжу несколько искусственный вид. Лучшего места для серфинга трудно было сыскать. Приливная волна достигала здесь пятиметровой высоты. Вылизывая обломки кораллов, она плавно накатывала на берег, орошая клочьями пены войлок пальмовых стволов, изящно выгнутых пре-

обладающими ветрами. Как бы не бушевало море, лагуна, зажатая между косой и почти отвесными, изъеденными кавернами скалами, оставалась спокойной. Бегущая рябь не нарушала кристальной прозрачности мелководья. В отлив можно было видеть, как мечутся там стаи стремительных мальков, как ходят по кругу небольшие песчаные акулы и крылатые скаты. Порой забирались и осьминоги, меняя окраску под цвет смешанных черно-белых песков.

Территория исследовательского комплекса была распланирована с таким расчетом, что прежде всего бросались в глаза участки идеально подстриженного газона. В ходе строительства удалось сохранить большую часть деревьев и высадить новые, украсив ландшафт такими шедеврами местной флоры, как орешник кукуи, исполинские коа, из стволов которых выдалбливали каноэ, и пальмы лоулу. Сквозь радужные сегменты, трепетавшие в стеклянных шлейфах разбрызгивателей, декоративная листва обретала поистине неземной вид. Бамбуковая поросль перемежалась с каменными россыпями, откуда срывались водопадные струйки. Мрачные руины хейау — полинезийского храма на западной оконечности — окружал садик, где наливались нежным румянцем плоды манго и грейпфруты.

Аху-Похаку — платформу, на которой некогда возвышался храм, обрамлял бордюр пламенеющего гибискуса. Древние развалины опеленала ползучая листва, мягко обрисовав границу холмистого луга. Эту часть территории, согласно контракту, оставили в первозданном виде: в распадке за лавовой грядой притаилось озерцо, поросшее белыми, голубыми, бордовыми кувшинками — крохотный птичий заповедник. Утопая в колышущемся ковре гиацинтов, голенастые фламинго свивали змеиные шеи в немыслимые узлы, бродили, тяжело переваливаясь, раскормленные гавайские казарки — нене, утки колоа деликатно пощипывали траву, а белоснежные альбиносы-павлины, словно ангелы в кружевных ризах, трясли веерами на ветках раскидистых фикусов. Пронзительный крик их был подобен трубному гласу, ибо обманчива красота мира и хрупка его оболочка, сотрясаемая толчками бушующей магмы.

Двухэтажное здание, в котором размещались лаборатории, покоилось на мощном антисейсмическом

фундаменте, служившем еще и защитным экраном от жесткой компоненты космических лучей: на глубине в сорок пять метров помещались особо точные приборы.

Ребро солярных батарей, протянутое вдоль закругляющихся скатов крыши, придавало лабораторному корпусу сходство с кораблем, выброшенным на берег вверх килем. Решетчатые чаши и диски антенн, хоть и подчеркивали явно техногенный абрис сооружения, но, как ни странно, оно удачно вписывалось в общую идиллическую панораму. Баскетбольная площадка, теннисные корты, беседки, бассейны, поле для гольфа и разбросанные в тени кокосовых пальм и хлебных деревьев легкие, слепящие белизной бунгало — все свидетельствовало о безмятежном довольстве.

В одном из таких домиков с террасой, увитой розами и бугенвилеей, вот уже почти месяц жил Ратмир Борцов. Вернее, не жил, а лишь время от времени уединялся, чтобы подготовиться к очередному занятию, ответить на вопросы ежедневного теста или переодеться после заплыва. Ночи он проводил, лежа в герметической капсуле, оборудованной системой жизнеобеспечения, множеством датчиков и параболическими излучателями радиоволн в диапазоне вакуумных осцилляций. Все электронное оборудование было дистанционного действия и не стесняло движений. Атмосфера высокогорья — с пониженным уровнем давления и кислорода — как нельзя лучше способствовала глубокому сну и оказывала успокаивающее воздействие.

Пятиметровая толща бетона и двадцать пять сантиметров свинца надежно защищали подземное помещение от посторонних воздействий. Борцов прозвал его «гробницей», а капсулу — «саркофагом». Последнее название привилось и даже стало употребляться в официальных отчетах.

«Урок в картинках»[1] впечатывался в мозговые структуры синхронно с определенными фазами сна. Продолжительность и частота информационных инъекций определялась физиологическими особенностями, нервной ритмикой и психологической установкой испытателя. Английское слово tester[2] не понрави-

[1] Picture — lesson (*англ.*).
[2] Испытатель.

лось Ратмиру, и он нарек себя «гипнонавтом». Кроме него, в группу подготовки входило еще восемь человек, но «тестеры» практически не общались между собой: не хватало времени. Рабочий день был расписан по минутам. Единственное, чего недоставало в графике, так это слова «подъем». Спать разрешалось сколько угодно, потому что основная нагрузка приходилась на сон. Чем чаще в течение ночи повторялась парадоксальная фаза, тем больший объем материала удавалось внедрить. Лингвистика, включая сами языки — живые и мертвые,— знаковые системы, символы, музыка, индийские мантры — эти и примыкающие к ним дисциплины составляли ядро основного пакета знаний.

Он был рассчитан на двенадцать недель. Борцову, работавшему по специальной программе, отвели всего пять. После привычного собеседования его освободили от занятий по истории, сравнительному религиоведению, философии и математике, проходивших в дневные часы. Это позволяло высвободить время для чтения и коротких прогулок, но никак не облегчало ночных накачиваний. Тем более, что на первых порах они сопровождались частыми побудками. Так постигалось интуитивное искусство власти над сновидением. На пятую ночь он научился воспринимать не только звуковую, но и визуальную информацию. Лазерный луч проецировал изображение, минуя закрытые глаза, прямо в мозг, благодаря сложным волновым преобразованиям.

Закрепление производилось сразу по пробуждении. Подробно анализировалась каждая деталь снов, их последовательность и цветовые гаммы. Затем следовали тесты, помогавшие определить процент усвояемости. Для индо-европейских языков оптимальная величина составляла 15, для прочих — 7, для таких, как китайский, аккадский или древнеегипетский — 5. Чем выше поднимался коэффициент, тем интенсивнее была последующая нагрузка. Ключевые слова и знаки повторялись от раза к разу. После десятого урока следовал промежуточный экзамен. Оценки не выставлялись, но складывалось определенное мнение. «Тестер» мог и забыть уроки прошедших ночей, но они почти в полном объеме вспоминались на следующую, когда посылалась закодированная волна.

Набрав высший балл в группе, Ратмир на неделю

раньше был допущен к испытанию на компьютере. Подготовки не предполагалось. Компьютер, запрограммированный по методу Монте-Карло, оперировал случайными числами, а массив данных во много раз превышал информационную емкость бодрствующего мозга. Нечего было и думать наверстать упущенное за одну ночь, как бывало в студенческие годы. Испытывалась не столько память, сколько скрытые возможности «Сверх-Я», спящего при дневном свете. Способность оперировать множествами и улавливать связь между словами и символами оценивалась по стобальной шкале. Обладая IQ [1] выше ста восьмидесяти, Борцов мог надеяться набрать по меньшей мере шестьдесят очков. Но скорость реакции, а она порой оказывалась замедленной, могла основательно подпортить итоговый результат.

Не считая дня приезда, впервые за четыре недели Ратмиру предстояло уснуть на обычной постели. Проснуться от лучей, бьющих сквозь жалюзи, от птичьего гомона, от удара кокоса о землю — вообще проснуться без всяких причин. И лежать, лениво потягиваясь, сколько влезет. И зевать, вместо того, чтобы шептать в микрофон. И вспоминать все, что угодно, но только не треклятые сны.

Он вышел на веранду и остановился у прислоненной к балке плавательной доски. Еще в полную силу сияла на Востоке Луна и Венера переливалась над невидимым горизонтом. Ночные цветы гибискуса лоснились восковой белизной, и стрекотали цикады, и гул Священного водопада вторил пассажам прибоя.

Какое это было наслаждение — ступить босыми ногами на скошенную траву, колючую и холодную от росы! До завтрака оставалось два с половиной часа и они казались ему бесконечными. Не надо корпеть над тестом, отвечая на идиотские вопросы, не надо ни анализировать, ни чертить иероглифы, закрепляя ночной урок. Эта ночь, это благоуханное утро принадлежали ему одному. Решив пренебречь разминкой, он все же взял с собой журнал йогических упражнений. Не хотелось обманывать тренера, да и выбиваться из ритма не стоило. Дзен-мастер, хоть и не скажет ни слова, но непременно заметит изменение пульса.

[1] Коэффициент интеллекта.

Восход он встретил, согнувшись кренделем предписанной асаны Хатха-йоги. Сидя на влажном песке, следил из-под опущенных век, как выплывает отуманенный диск, бросая малиновый отсвет на сизую сталь океана. Задерживая дыхание под осязаемый ритм пульса, втягивал до предела живот, медленно вытесняя отработанный воздух. Каждый вдох, столь же растянутый и ритмичный, отзывался расслабляющим головокружением. Соленый, насыщенный йодом и цветочными ароматами бриз вливался в легкие, как выдержанное вино.

Закончив упражнения, Ратмир поставил крестик на листе и с сознанием выполненного долга вступил в неосязаемую воду. Накатившая волна опрокинула его и, перехлестнув через голову, потащила за собой. Распластавшись на мокром, уходящем из-под пальцев песке, он дождался нового пенного вала, поднырнул под него и поплыл навстречу кипящей гряде, что нарождалась у первой линии подводных рифов.

Когда-то, в незапамятные беспечальные времена, он, легко одолев «вахине», встал на колючую скалу и, набравшись решимости, устремился к беснующейся черте, за которой перекатывались грозные гребни прибоя «канака» [1].

Ему так и не удалось вновь увидеть Вайкики — воспетый Джеком Лондоном золотой пляж на юге острова, отделенный лазоревой лентой канала Ала Ваи. Он и думать не смел, что не только сумеет доплыть до «канака», но сделает это на диво легко. То ли прибой изменил свой капризный норов, приблизившись к берегу, то ли любимый с детства писатель малость переоценил его коварство и мощь.

Почувствовав, что начинает уставать, Ратмир лег на спину и закрыл горящие от океанской соли глаза. Мотало в Пуналуу почище, чем в Ланикаи или Вайкики, но он не боялся моря. Знал, что доплывет до второй линии и вернется назад на попутных волнах. А ежели что и случится, то лучшего конца трудно даже придумать. Соблазнительное желание последовать Мартину Идену манило сладким коварством. Нырнуть, что есть сил, как можно глубже и на последнем дыхании разжать зубы. «И море вошло в него, и он умер»,—

[1] Вахине — женщина; канака — мужчина (*гавайск.*).

вспомнилась безупречная по силе и точности строка гавайского мифа.

Власть самовнушения заставила Борцова резко согнуться и вертикально уйти в глубину. Он опомнился от боли в ушах и сам того не заметил, как слепая воля к жизни вытолкала его на поверхность. Пережив мгновение блаженного ужаса, закачался, раскинув руки, подгоняемый толчками прибоя. Затем лег на бок, засмеялся и поплыл, с наслаждением пропуская сквозь пальцы упругие струи. Услышав тарахтенье мотора, приподнял голову.

В метрах пятидесяти от него спасательный катер описывал плавную дугу, оставляя пузырящийся след.

Ратмир вновь рассмеялся. Как он мог даже подумать, что ему позволят запросто помереть!

«Идиот!»

«Маке,— само собой проявилось гавайское слово — «умереть». И пошло, поехало: моана — океан, ола — живой, ау — плавать».

«Жив! Живой плыву по волнам, как рыба — м'а, и солнце — ла согревает меня лаской лучей»...

И тут же вспомнилось, что «л» заменяет у гавайцев «р», и солнце носит священное имя Ра, как на земле фараонов.

Отплевываясь и приглаживая слипшиеся волосы, Ратмир ступил на черные пески. Проводил глазами катер, завернувший за выступающую скалу, раздавил невзначай колючую раковину, слегка оцарапав подошву. Добежать до бунгало и встать под душ было минутным делом.

«Спокойно,— скомандовал он себе,— не думать об экзамене, не волноваться». Нарочито медленно застегнул ремешок часов, натянул шорты, достал с полки пеструю ненадеванную «гавайку». Рубашек в Гонолулу никто не стирал. Их просто выбрасывали по мере надобности. В Пуналуу придерживались той же традиции, вызывавшей у Борцова легкую зависть.

Столы для завтрака были накрыты под большим хлебным деревом. Зеленые, величиной с хорошую дыню плоды в жесткой пупырчатой оболочке росли прямо из ствола, тяжело свисая с тугих, как лиана, черенков.

Последнюю неделю Ратмир заметил, что моллюски и ракообразные не вызывают у него прежнего аппе-

тита. Он вообще склонялся к вегетарианской пище и почти не употреблял мяса, но обожал плоды моря. Почему же теперь эти жирные устрицы и роскошные лангустины оставляют его равнодушным? Иначе, как физиологической перестройкой, подобный феномен не объяснишь. Не случайно медитирующие монахи чуждаются плотской пищи. Очевидно, сработала обратная связь. Интенсивная деятельность подсознания вызвала соответствующие изменения обмена веществ. Мудра природа. Она нигде не следует по единой дороге. Несть числа ее неисповедимым путям.

Борцов понял, что сделался совершенно другим человеком. Перестал курить, его и в мыслях не тянуло к спиртному — бутылка с голубой лентой так и стояла нераспечатанной. И только новенькие фарфоровые зубы, плотно закрывшие дыры в нижней челюсти, вернули к прежней привычке щелкать орехи без помощи щипцов. Фисташки и макадамию он потреблял в неимоверном количестве. Не тут ли крылась причина антипатии к животным белкам?

Он и сейчас накинулся на фруктовый салат, щедро сдобренный белыми маслянистыми ядрышками экзотической макадамии. Навалив полную тарелку, взял еще пару печеных бататов и миску пои — студенистой массы, сваренной из побегов белой кувшинки. Это была дань гавайским богам, чьим промыслом он удостоился счастья вновь увидеть земной рай.

Сразу после завтрака начинались лекции и коллоквиумы. Из списка дополнительных предметов Борцов избрал себе археологию, ботанику, минералогию, астрономию и хронологии древнего мира. Как раз сегодня был назначен практикум по магнитометрии, но из-за экзамена его пришлось пропустить.

Полюбовавшись ветками, усыпанными желто-оранжевыми цветками илима, он попытался избавиться от навязчивой прелести гавайской речи. Не только отдельные слова, но и целые фразы так и просились на язык.

«Зе моку Хаваии на Лонокаехо е ного — Гавайи это земля, где должно жить Лонокаехо»...

Кто такой Лонокаехо? Кажется, благородный избранник, которому предстояло стать первым правителем.

Ратмир мог поклясться, что ничего подобного ему

не внушали. Имя пришло само. Но откуда? От этого солнца и моря? От уснувших вулканов? Руин хейау? Из коллективного подсознательного золотокожих гавайцев — наследников алии [1] и жрецов.

Если так пойдет дальше, то на приличном балле можно поставить крест. Компьютер вряд ли способен оценить то, что в него не вложили.

С этой мыслью он и вошел в лабораторный корпус. Взяв у привратника запечатанный конверт с компьютерным шифром, поднялся в седьмую лабораторию, по номеру на коверте нашел терминал и ввел код.

Диалог предполагался в аудио-визуальном режиме. Знаки и слова, за исключением латинского алфавита, можно было писать прямо на экране световодным карандашом.

Поражающий воображение, увлекательный, изнурительный, на последней грани выносливости обмен. Впрочем, лишь для одной стороны.

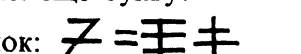
Вопрос на экране: знак бога у хеттов?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: написание букв, общее в древнесемитских языках и на Крите?

Ответный рисунок:

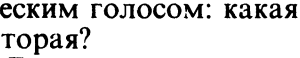
Вопрос на экране: еще букву?

Ответный рисунок:

Вопрос синтетическим голосом: какая из них критская — первая или вторая?

Ответ (голосом) Борцова: вторая.

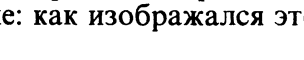
Вопрос на экране: как изображался этот знак в Пальмире?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: еще одна буква, общая для трех языков?

Нет ответа.

Вопрос на экране: буквы самудского письма, сходные с латинскими?

Ответный рисунок:

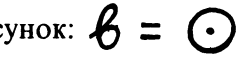
---

[1] Вожди (*гавайск.*).

Вопрос на экране: аналогичный знак в древнегреческом?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: аналогичный знак в лихийянском письме?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: еще аналогичные знаки?

Ответный рисунок: — солнце.

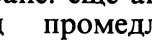
Вопрос синтетическим голосом: чей это знак?
Ответ (голосом) Борцова: нумидийский.
Вопрос на экране: еще аналогичные знаки?

Ответный рисунок: — солнце.

Вопрос синтетическим голосом: чей это знак?
Ответ (голосом) Борцова: египетский.
Вопрос синтетическим голосом: какие еще он имеет значения?
Ответ (голосом) Борцова: солнце, свет, время.
Вопрос на экране: еще аналогичные знаки?
Пять секунд промедления. Ответный рисунок: — солнце, золото.

Вопрос синтетическим голосом: чей это знак?
Ответ (голосом) Борцова: астрологический, алхимический, астрономический.
Вопрос на экране: ранняя форма того же знака?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: еще аналогичные знаки?
Семь секунд промедления. Ответный рисунок: — золото.

Вопрос синтетическим голосом: чей это знак?
Ответ (голосом) Борцова: тамплиерский.

Изображение и вопрос на экране: — чей знак и как он читается?
Ответ (голосом) Борцова: египетский иероглиф, глаз.
Вопрос на экране: еще примеры того же знака.

Ответ (голосом) Борцова: критское письмо, глаз.

Вопрос на экране: еще примеры.

Ответный рисунок:

Ответ (голосом) Борцова: египетский иероглиф. Плакать.

Вопрос на экране: аналогичный этому иероглифу, символический знак ацтеков?

Ответный рисунок — овдовевший.

Вопрос на экране: как с помощью египетских детерминативов описать процесс путешествия?

Промедление шестьдесят восемь секунд. Ответный рисунок:

Ответ (голосом) Борцова: идти пустыни чужие страны видеть города мужчин женщин.

Вопрос на экране: примеры развития иероглифов «солнце» и «глаз»?

Ответный рисунок:

Ответ (голосом) Борцова: АНХ — знак вечной жизни.

Вопрос на экране: дальнейшее развитие этого знака?

Одиннадцать секунд промедления. Ответный рисунок:

Ответ (голосом) Борцова: знак жизни в синайском письме.

Вопрос на экране: дальнейшее развитие этого знака?

Ответный рисунок:

Ответ (голосом) Борцова: знак «тав» в синайском письме. Знак сложения в математике.

Вопрос на экране: еще аналогии в египетской иероглифике и синайском письме?

Ответный рисунок: — вода.

Вопрос на экране: знак золота в греческом линейном-Б письме?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: знак солнца в греческом линейном-Б письме?

Нет ответа.

Вопрос на экране: знак солнца в шумерском письме?

Двенадцать секунд промедления. Ответный рисунок:

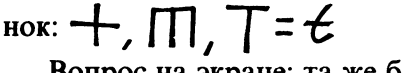
Вопрос на экране: исходный рисунок этого знака?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: полумесяц в критском письме?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: общая буква в синайском, сабейском, древнегреческом письме?

Девятнадцать секунд промедления. Ответный рисунок:

Вопрос на экране: та же буква в древнесабелльском письме?

Нет ответа.

Вопрос на экране: та же буква в сикульском письме?

Нет ответа.

Вопрос на экране: та же буква в мессанском письме?

Ответный рисунок:

Ответ (голосом) Борцова: Вспомнил! Для всех трех языков одна и та же буква.

Надпись на экране: Просьба повторить.

Ответ (голосом) Борцова: Общая буква в древнесабелльском, мессанском, сикульском алфавитах.

Вопрос на экране: Исходная буква «алеф» в древнесемитском письме?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: Исходный рисунок той же буквы?

Ответный рисунок:

Ответ (голосом) Борцова: Голова быка. Солярное божество в эру Тельца.

Вопрос на экране: Примеры эволюции той же буквы?

Рисунок на экране:

Ответ (голосом) Борцова: Маавитская «алеф», «альфа» в древнегреческом, «аз» — в кириллице и глаголице, «а» — в индоевропейских языках, включая латынь, древнесабелльский, мессанский, сикульский и другие.

Вопрос на экране: Еще примеры?

Двадцать одна секунда промедления. Ответный рисунок:

Ответ (голосом) Борцова: Руническое письмо.

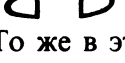
Вопрос на экране: Пример аналогичной трансформации в руническом письме?

Ответный рисунок: — врата.

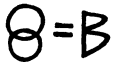
Вопрос на экране: Примеры рун из того же понятийного ряда?

Ответный рисунок на экране: — посвящение, — трансформация, — возрождение.

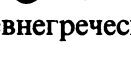
Вопрос на экране: Пример аналогий в сикульском письме?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: То же в этрусском письме?

Ответный рисунок на экране:

Вопрос на экране: То же в древнегреческом письме?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: Сходный по начертанию египетский иероглиф?

Промедление тридцать одна секунда. Ответный рисунок: — лук.

Рисунок и вопрос на экране: — Чей это знак?

Ответ (голосом) Борцова: Хеттский. Значение «дом».

Вопрос на экране: Как иероглиф трансформировался в букву?

Ответный рисунок:

Ответ (голосом) Борцова: Египетский детерминатив, синайская письменность, древнесамудская, древнефиникийская, буква «бет».

Вопрос на экране: Примеры сходства критских и египетских иероглифических знаков?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: Еще пример?

Ответный рисунок:

Ответ (голосом) Борцова: Критский иероглиф, знак линейного письма, египетский иероглиф.

Вопрос на экране: Значение этого египетского иероглифа?

Нет ответа.

Вопрос на экране: Аналогичные знаки в других системах?

Ответный рисунок: —астрологический, алхимический, астрономический знак Венеры. Знак меди. Знак самки.

Вопрос на экране: Знак женщины в линейном-Б письме?

Ответный рисунок:

Вопрос на экране: Сходный по начертанию знак карийского письма?

Нет ответа.

Вопрос на экране: Какие знаки из всех, ранее перечисленных, встречаются в древнеиндийском письме брахми?

Промедление сорок семь секунд. Ответный рисунок:

Вопрос на экране: Транскрипция этих букв?

Ответ (голосом) Борцова: «ка», «на», «тха», еще раз «тха», «ба».

Вопрос на экране: То же для тибетского алфавита?

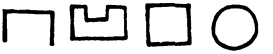
Вопрос (голосом) Борцова: Какой именно тибетский алфавит имеется в виду: У-чэн, У-мэд, Пассена?

Ответ на экране: Любой.

Ответный рисунок:

Ответ (голосом) Борцова: Буква «ба». Во всех алфавитах, включая лепча.

Вопрос на экране: То же для палийской письменности?

Ответный рисунок:

Ответ (голосом) Борцова: Транскрипция букв «га», «ба», «ва» и еще раз «ва» в бирманском алфавите.

Вопрос на экране: Буква, аналогичная по начертанию «знаку жизни»?

Ответный рисунок: (буква «да»).

Вопрос на экране: Мировые универсалии в древнекитайском письме?

Вопрос (голосом) Борцова: Имеются ли в виду триграммы? Если нет, прошу уточнить период.

Ответ на экране: Исходные формы до 800 г. до н. э.

Ответный рисунок: — болото, — огонь,

 — гром, — ветер, — вода, — гора,

 — земля, — небо.

Вопрос на экране: Какие из всех вышеперечисленных знаков имеют сходные начертания в письменности майя?

Промедление семьдесят три секунды. Ответный рисунок: — месяц мулук, — месяц ламат.

Вопрос на экране: То же для знаков письменности острова Пасхи?

Ответный рисунок: — луна, — лук.

Вопрос на экране: Какие знаки встречаются наиболее часто? Обладают ли они универсальным характером?

Ответный рисунок:

Надпись на экране: Спасибо!

Экзамен продолжался ровно один час. Отсутствие ответа и неверный ответ оценивались штрафными баллами. Сверхнормативные секунды суммировались, и вопросы, что не были заданы по причине перерасхода времени на обдумывание, увеличивали также штрафной ценз [1].

Борцов вышел из лаборатории, слегка пошатываясь, распаренный, как после хорошей бани. Не зная итогового результата, он, тем не менее, почувствовал, как по коже пробежал бодрящий холодок. Что бы там ни было, но он по меньшей мере не провалился.

Вечером позвонил Джонсон и поздравил с успехом: он уже знал, что испытание увенчалось высоким — восемьдесят четыре — показателем. Пожелав новых побед, коротко поделился новостями.

— Процесс пошел,— сообщил он, позаимствовав коронное изречение Горбачева.— Они вышли на меня. Понимаете? Предвижу долгое перетягивание каната, так что запаситесь терпением. Я настроен оптимистически.

— От меня что-нибудь требуется, Пит?

— Пока ничего. Кстати, вам привет от вашего попугая. За ним отменно ухаживают, и он всем доволен, только немного скучает.

— Немного?

— Я так думаю.

— Он **очень** скучает, и я — тоже.

— Ничего, скоро увидитесь.

— Не так-то и скоро... Впереди самое трудное и непредсказуемое. Получится ли у нас, Пит?— Разделавшись с пакетом «Слово и Знак», Ратмир был преисполнен уверенности, что сумеет справиться и с программой «Выход вовне». Но завершающая, самая ответственная и проблематичная часть «Хронос» попрежнему оставалась под большим вопросом.

[1] Диалог был воссоздан по уцелевшей компьютерной распечатке, где Ратмир Борцов значится как «Tester № 000101.

Но воистину трудно жить, все зная о жизни. Будущее человека непредсказуемо, не считая, увы, завершающего момента.

Рогир ван Вейден, поздравив Борцова с рекордом, предложил отпраздновать триумф в каком-нибудь ресторане. Обрадовавшись возможности хоть ненадолго вырваться из резервации, пусть благоустроенной и просторной, но все-таки ограниченной периметром вольера, Ратмир с радостью согласился. Ему осточертело любое замкнутое пространство. Припомнив злачные уголки, где довелось побывать, он остановился на «Луау». Варьете помещалось на берегу, в самом сердце золотого пляжа Вайкики. Овальная эстрада, окаймленная лампочками, казалось, падала прямо в залив. Опорные балки, поддерживающие высокий тент, не мешали круговому обзору, и вечерний бриз свободно разгуливал над тесно уставленными столиками: в «Луау» всегда было многолюдно. Сидя спиной к расцвеченным огнями роскошным отелям Калакауа Авеню, можно было любоваться лунной дорожкой; одесную открывался чарующий вид на Алмазный пик, ошую — сквозь ажур пальмовых листьев, магнетически переливались галактические миры.

Дорога номер восемьдесят три повторяла береговые извивы. Ратмир узнавал полюбившиеся парковые места: Кахана, Сванэи, Кава, Калае-Ойо. У острова, названного за характерные очертания Головой китайца, покачивалось каноэ с балансиром. Отражаясь в агатовом зеркале, жарко пылали факелы. Силуэты людей с острогами напоминали древние изваяния. Казалось, сам Лонокаехо и его алии выплыли на звездную охоту.

«...вон на небе тело Ка-ла-ке'е-нуи, вождя акул, одни называют его Созвездием Рыб, другие — Млечным Путем».

Гавайские чары не отпускали память. Тайная музыка волновала струны души.

О Лоно, Лоно, Лонокаехо!
Лоно, ты — сын богов...
Тебя ждут суда, поднимись на палубу.
Поднимись на нее и будь на Гавайях,
где зеленые холмы.
На земле, найденной в океане,
Поднявшейся из волн,
Поднявшейся из самых глубин моря.

Миновав Каилуа, машина свернула на дорогу шестьдесят три и, пронесшись мимо музея Бишопа и садов Моаналуа, вылетела на переполненную гуляющими Калакауа. Гремящая оркестрами Авеню ослепила праздничным сиянием. Казалось, вся улица превратилась в бесконечный съемочный павильон, где обрела эфемерную жизнь неправдоподобная голливудская сказка.

И все повторилось, словно и не было этих лихорадочных непредсказуемых лет, до самого дна перетряхнувших Россию.

У входа Борцова, Вейдена и их непременных спутников встретили смуглые жизнерадостные красотки в тугих алых лифчиках и коротких юбочках из тапы.

— Алоха! Алоха! Алоха!

Сверкали белозубые улыбки, влажно лоснились призывные губы, счастливое пламя метали подведенные глазки. Гостям надели леи из крупных шафранового оттенка цветков плумерии. Казалось, что только их, единственных на свете, ждали тут с таким нетерпением. Отбросив плавным движением смоляную тяжелую прядь, упавшую на предплечье, полинезийская богиня коснулась Ратмира горячей щечкой, нахлобучила ему на лоб венок из папоротника и орхидей и потащила к эстраде.

На счастье, а может и на беду, навстречу летела, бередя душу, тягучая и страстная «Алоха-Оэ»:

> В разлуке любовь моя будет с тобою
> Всегда, до новой встречи...

Ратмир наизусть помнил слова, напетые несчастной Лилиукалани. Последняя гавайская королева умерла, так и не увидев свободы, в родовом дворце «Небесной птицы». Любовь и тоска подарили ее песне бессмертие.

Шестиструнные гитары рыдали в сильных пальцах оркестранток. Крупные и тяжеловесные матроны в алых, украшенных белыми ожерельями леи одеждах до пят, пританцовывая на месте, перебирали стонущие струны, заставляя их то быстро трепетать надрывным тремоло, то таять протяжной трелью, тягучей и сладостной, как нектар, что истекает ночами из пестиков гибиска, бесстыдно выгнутых пред ликом Луны.

Несказанное очарование Гавайев навевало томле-

ние и печаль. Солоноватая судорога нежно перехватила горло.

Борцов догадывался, что последует дальше. Сладострастная хула с дрожанием живота и полноватых бедер, едва прикрытых торчащей соломой, глотание огня, псевдоритуальные танцы, в которые постепенно вовлечется весь зал, свадебные мелодии, любовные серенады. Репертуар «Луау» отличался тем же постоянством, что и меню: поросенок с ананасными ломтиками, запеченный в банановых листьях, острые жареные цыплята терияки, махимахи с орехами, липкий от спелости ананас и непременный коктейль «Голубые Гавайи», синий, как сливная вода в самолете.

Ничего не хотелось... Былая приподнятость, взвихрившая неясные упования и обманчивые надежды, стремительно уходила отливной волной.

В разлуке любовь моя будет с тобою...

АВЕНТИРА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ДОЛИНА ЦАРЕЙ, ЛУКСОР, ЕГИПЕТ

Ладья, изогнутая как убывающий месяц, скользила по темным водам Небесной реки. И была эта река безбурным потоком в подземном канале. Стены, невидимые в ночи, направляли ее плененное русло, и кормчие звезды, плавно покачиваясь, как лотосы на воде, сходили с путей своих. Остался позади Орион — свирепый гонитель Плеяд, и уронил прощальную слезу Сотис — вестник разлива.

Мы плыли в страну, что зовется Иминти [1], в «Поле камыша» — Сехет иару мы плыли. Дуат — звалось нас объявшее звездное небо, Дуат — назывались эти палаты, где протекали принявшие нас беспросветные воды. «Сокрытым Помещением» — слыл запредельный Дуат. — *«Местом пребывания душ, богов и теней»* [2] Нет у Змея Времен ни начала, ни конца, у Сомкнувшего Кольца. *«И начало его — Рог Заката у Врат горизонта Запада, и конец — у Врат, где первичный мрак горизонта Запада».*

---

[1] Запад (*др. егип.*).

[2] Здесь и далее курсивом подлинные «тексты пирамид» и папирусов.

Я не видел плакальщиц, заломивших руки. Словно птичья стая, прикованная к земле, взмахнули они обессиленными крылами. Я не слышал их песен, ибо смолкли звуки у Рога Заката. *«Твои крылья растут, как у сокола,*— помнила моя душа уверенья,— *ты широкогрудый, как ястреб, на которого взирают вечером, после того как он пересек небо».*

Но не летел я, а лежал, бездыханный. Не дали мне крыльев лететь к Востоку. Не был я ни гусем диким, ни лунем, что все видит во мраке. Ни кузнечиком летучим, ни солнечным скарабеем я не был. Жрец бритоголовый с аспидом ядовитым на золоченом шлеме лишил меня зрения и слуха. Золотой изогнутой ложкой, длинной, как змеиное тело, запечатал он уста мои немые.

«Отныне ты лишаешься дара речи,— говорил он,— *не нужны слова в молчаливом поле Дуат. Твоя душа языком твоим будет, когда призовут тебя к ответу вечные боги».*

Когда бросит Владыка Весов все грехи твои на правую чашу, а на левую опустит пушинку, перышко опустит богини, невесомое перышко Правды. Перевесит перо Маат — богини Правды, возликуешь ты и спасешься, а потянет вниз твоя чаша — слезы горькие тебя ожидают: вместе с телом, тень твоя и душа твоя сгинут.

И билась душа в обездвиженном теле, и трепетала от тоски и печали.

«Да не направишься ты путями Запада,— говорила,— *ибо не возвращаются те, кто следуют его путями. А пойдешь на Восток в свите Ра — Лучезарного Бога»,*— повторяла душа заклинанья, но не слышал ее Лучезарный.

Положили папирусный свиток мне на грудь бритоголовые в леопардовых шкурах, положили под бинты, которыми меня спеленали.

«Для тебя открыты врата неба,— они сказали,— *ты ступаешь, как сам Гор, как лежащий шакал, скрывший образ свой от врагов,*— заклинали,— *ибо нет среди людей отца, кто зачал тебя, ибо нет среди них и матери, тебя зачавшей».*

Оплетая «Книгу мертвых» бинтами, скарабеев жрецы вложили драгоценных: из синего, как безоблачное небо, лазурита, из фиолетовых, как предзакатная даль, аметистов, из пятнистого, как болотная гадюка, се-

рпентина, из прозрачного, как слезы матери, хрусталя, добытого в скалах. И были врезаны в животы скарабеев тайные слова в мою защиту — лишь одним богам понятные знаки.

«Должен сесть ты на трон бога Ра,— схоронившие меня обещали.— И давать богам свои приказы. Ты и есть — сам Ра Светозарный».

Отнимали они от меня куски тела, и раскладывали их по каменным вазам. Снаряжая в путь, окружили, ослепленного меня и глухого, слугами, вылепленными из мертвой глины, выструганными из бесчувственных чурок, высеченными из мягкого камня. Научили они маленьких истуканов, как ответить пред судом всемогущих. Что сказать им за меня, лишенного речи, какие найти оправданья.

«Ты сидишь на троне Осириса,— помнила душа льстивые увещеванья,— *твои руки — длани Атума, и чрево твое — его, Атумово, чрево, и ноги, и печень, и легкие — все Скрытое солнце, только голова твоя — голова Анубиса — шакала, повелителя спеленутых мумий».*

Разрывалась душа под бинтами, где остались одни кости и кожа, и не верила она заклинаньям:

«Летит летящий. Он улетает от вас, люди, не принадлежит он Земле отныне»...

Не летела она, не летела, задыхалась, как бабочка в куколке, ставшей тесной, тужилась расправить смятые крылья, но не открывался высохший кокон, не давал вырваться к свету.

Облекли спеленутый кокон золотом тонким, маской золотой лицо покрыли, повторяющей черты лица живого. Положили затем в тесный ящик из дерева акации священной, обогнувший мумии контур.

Позлащенный, разрисованный по лаку снаружи, он внутри хранил образ Нут, Звездной Матери мирозданья. И лицом к лицу прильнула к телу мертвому богиня, коронованная солнечным диском. И сулила она свет возрожденья, только час от часу становилось темнее: ящик в ящик опускали, а крышки запечатывали смолою навечно. Я не обонял благовоний: ни смолы, ни трав, ни курений. И не видел я цветов похоронных и росписи волшебной по лаку. Злато там, перемежаясь с лазурью, вылепило голову и ступни, а в овалах глаз, белых-белых, незрячие зрачки зачернели. И последним

стал прямоугольный ящик полированного тяжкого гранита с плотно пригнанною крышкой, для которой даже глаз, и тех недостало.

«Где я? Кто я? — скажите, скажите. — Где память моя, разлученная с плотью?»

Изогнувшись пленительным луком, над Землей висит Мать Рождений. Не касаясь камышей пальцем длани, не тревожа песков ноги пальцем, Нут накрыла мир звездной аркой, обратив к пескам свои груди, обратив к камышам свое лоно.

И Ладья Заката скользила по изгибам Матери Звездной, вдоль ее позвонков, где блистали Марс, Венера, и Сатурн, и Юпитер. И несло корабль круто вниз с водопадом, между ягодиц ее плотно сжатых, мимо бездны Той — без названья — что Вратами зовется Рожденья. Пожирает звезды богиня, пожирает чад своих кровных, и рождает богиня светила, и рождает детей своих снова, и летят они сверкающим вихрем в высоту из Тех Врат сокровенных, плодоносных, неизреченных.

Обнял мрак Ладью с вечерним Солнцем, постаревшим за день, усталым. На носу ее стоял бог Унаут — «Отверзающий дороги», бог-лоцман. Рядом с ним богиня Сиа стояла — воплощенная мысль Великого Бога. За ее спиной — «Госпожа Ладьи» стояла, капитан Первого Часа. Посередь бортов был сокрыт от глаз Бог вечерний — уходящий Атум в паланкине. Паланкин стерег светоносный Гор с гордым профилем Бога-сокола и премудрый Тот свою службу нес, наклонивши клюв над папирусом, наклонив главу птицы — ибиса. Весла парные у руля погружали в мглу непроглядную богикормщики.

Где блуждала душа, разлученная с телом, продубленным в соде, умащенным парасхитами — бальзамировщиками? Как прозревала она Обеих Маат — «Обеих Правд», которых пером увенчали? Плыли они впереди корабля, над темной водой, как по воздуху, и шел по воде, словно посуху, бог с острым ножом, суровый боец «Тот-Что-Ранит», всевидящий страж Часа Первого. Видела, запоминала душа сей торжественный ход; видела вечного фараона Осириса — зеленую мумию в короне Обеих Земель, живого и мертвого «Властителя Запада»; Сохмет, с головою львицы свирепой, видела. Все силы Вселенной прозревала душа, все четыре угла, все четыре дороги: Ра —

владыку живых, Осириса — царя мертвых, Атум — ночное Солнце и Хепри — Светило дня.

По берегам подземной реки теснились тени, бессчетные, как песчинки в пустыне. Всех, кто когда-то жил на Земле, вместило «Поле Камыша» — сумеречный Дуат. И ликовали они, смеясь и плача, перетекая волнами тумана: посылал им Великий Бог неземную пищу, посылал спасительное слово надежды. Три змеи несли корзины с хлебами, извиваясь ловко и споро, а кувшины с вином неизбывным разносила небесная прислуга.

Ликовали у Ворот павианы — охранители ворот этих Первых, двенадцать кобр огненосных освещали путь Великому Богу, озаряя мрак вековечный.

Угасало, в камышах утопая, Солнце старое, умирало, но в тот Первый Час, час начальный, барка новая на реке показалась. Плыл на ней Скарабей — само Солнце, жук горящий и трижды священный. Одесную его и ошуюю два прислужника небесных сидели. Как писцы Высокого Дома, они ноги босые скрестили, как жрецы сокровенной святыни, они руки в молитве подняли.

Уже в Первый час, час начальный, Солнце новое зародилось в Сехет иеру. Смерть рождала жизнь, но за жизнью та же смерть маячила тенью. Пожирала Нут свои чада и рождала вновь, не зная муки.

Исполинский Змей, гад предвечный, на хвосте стоял перед Богом, перед тем стоял, так послушно, кто сверял часы в вечном мраке. Время-Змей стоял перед Богом, перед «Тем-Кто-Часы-Измеряет», и плыла ладья, приближаясь к межевому столбу Первого Часа.

Молчаливый обелиск, монолитный, был украшен бычьими рогами, Аписа и Мневиса рогами, знаком Тельца этой эры. «Тот-Что-Разделяет-Долину» — назывался фетиш сакральный.

Миновала ладья вещий камень, словно шлюз прошла ей открытый, и замкнул Врата Первого Часа за ее кормой «Тот-Кто-Запечатывает-Землю», и еще одиннадцать Врат предстояло одолеть Ладье угасшего Солнца.

«Долина Ра» — имя первого поля Дуата. Здесь Великий Бог наделяет землями богов, которые ему сопутствуют. В этой сфере он начинает давать указания и заботится об усопших. Это исполнено, согласно предначертанию, что запечатлено в Сокрытом Помещении

Дуат. Кто распознает эти образы, сам уподобляется Великому Богу. Это благоприятно для него на Земле, поистине прекрасно! Необычайно полезно это в Дуат для него. «Тот-Что-Раскалывает-Лбы-Врагов-Ра» — имя Первого Часа ночи, который сопутствует в этой сфере этому Богу» [1].

И узнавала тайные знаки моя душа, и помнила имена сокровенные, ибо лежала под бинтами просмоленными, у меня на груди «Книга Мертвых».

Но не было мне пути в Дуат, не было, хоть и родился я под Весами, пути к тем надмирным весам, у которых дежурил Анубис. Я утратил земное имя, а тайного мне не дали. И не был я ни женой, ни дочерью фараона, хоть отпели меня по царскому обряду.

«Нет ни женщин, ни мужчин в Сехет иеру,— напрасно душа утешала,— нет у тени стрелы детородной, нет у тени детородного лука».

Не стоять мне пред Осирисом зеленым, не стоять перед Анубиса шакальей пастью синей, не стоять мне в зале «Правд Обеих», где Маат с пером на темени правит.

Заплутает душа моя во мраке, затеряется, не вылетит к свету. Потеряю навсегда мою душу, как уже потерял мое тело, как давно потерял мою Правду, как теряю последнюю память — лица дорогих и любимых.

Осколки кометы SL-9 по исчисленной траектории неслись к Юпитеру.

«Что станет с Юпитером после столкновения с Землей?», «Кометная бомбардировки Юпитера подтверждает уникальность жизни на Земле», «Комета предпочла Земле Юпитер» и т. д. и т. п.

С приближением рокового дня 22 июля мировой масс-медиа овладела лихорадка. Материалы о сенсационном событии под крупными заголовками помещались на самых видных местах. Прогнозов — от беспечно-наплевательских до сугубо тревожных — было не счесть. Телевизионные выпуски новостей лишь подливали масла в огонь. Вздор, что по большей части мололи газеты, добросовестно воспроизводили, не скупясь на собственные домыслы, телеведущие обоего пола.

---

[1] Книга Мертвых.

Новая информация, если и поступала, то скупыми гранами. Не оставалось ничего другого, кроме как толочь воду в ступе. Кто стращал астероидами и концом света, кто успокоительно посмеивался, демонстрируя ухоженный фас, но все хором пороли чушь, повторяя одно и то же: упадет — не упадет, сойдет — не сойдет, взорвется или расколется.

«Юпитер состоит из газов, поэтому осколки просто пролетят сквозь него»,— болтал доморощенный спец, не подозревая, по причине птичьего интеллекта, о том, что сжатый чудовищным давлением водород переходит в сверхплотное металлическое состояние. Ему бурно возражал другой ученый бодрячок с мякиной вместо мозга. По его мнению, гравитационное поле гигантской планеты должно отразить ледяные куски, словно серию мячей в теннисном гейме, где безвестный новичок рискнул померяться силами с первой ракеткой мира. Ничего себе получилось сравненьице!

Джонсон едва зубами не скрежетал, выцеживая из пресс-релизов микроскопические дозы полезных сведений. В среде профессионалов тоже царил полнейший разнобой. Астрономов волновали не столько последствия столкновения, сколько сам факт: удастся ли в полном объеме увидеть все подробности предстоящей баталии, насколько готовы запечатлеть ее перипетии земные и орбитальные телескопы. Перспектива вырисовывалась не слишком утешительная: на «Галилей» нельзя было полагаться из-за неисправности антенны и удаленности от поля боя, а на Южном полюсе стояла антарктическая ночь, мела метель и столбик термометра упал ниже пятидесяти градусов по Цельсию. По счастью, из-за плохой погоды решено было продлить на сутки пятнадцатидневный полет шаттла «Колумбия». Приземление предполагалось теперь двадцать третьего. Ожидалось, что в нужный момент Юпитер окажется в поле видимости приборов.

По уточненным данным, первый обломок должен упасть в двадцать часов десять минут по среднеевропейскому времени. В Египте уже будет ночь и, следовательно, Борцов займет свое место в капсуле, установленной, как мостовая ферма на опорах, на двух саркофагах.

В запасе оставались считанные часы, но — перед смертью не надышешься — что они могли дать? Разве

что удастся зарегистрировать изменения в сетке пространства — времени?

Дело продвигалось ни шатко, ни валко. Борцов сравнительно легко выходил во вне, но почему-то всегда в прошлое. Его долго носило по архаическим лабиринтам, прежде чем удавалось вылететь на просторы годичной давности. Насколько объективны были такие шарахания в диапазоне пяти тысячи лет? Какая доля в них приходилась на воспоминания о собственном былом и вовсе небывшем, но синтезированном на тонкой кухне ума и знаний? Трудно сказать. Подчас удавалось добыть интересную информацию, способную выдержать самую придирчивую проверку, даже сделать удачное археологическое открытие: Ратмир указал несколько мест в Долине царей, где после раскопок были найдены неизвестная ранее гробница номарха и шесть превосходных статуй эпохи Рамсесов. Но только опережение хода всемирных часов могло однозначно свидетельствовать о полном успехе. Случайные флуктуации в лучшем случае на пятнадцать процентов превышали результат, рассчитанный по теории вероятностей. До обидного мало! Тем паче, что «червячные дыры» действительно приоткрывались, и разницу во времени с абсолютной достоверностью фиксировали квантовые часы. Не удавалось только протиснуться сквозь эту щель, распахнувшуюся, как створки в фотокамере, на тысячные доли секунды. «Затвор» срабатывал не в такт с фазами парадоксального сна. Ни разу не удалось совместиться, достичь совпадения, достаточного для информационной волны. Напрасно лучшие инженеры бились над синхронизатором. Ни одна конструкция не сработала, сорок три миллиона пошли псу под хвост. По сравнению с затратами на создание космической антенны и автономной энергетической станции под гробницей, это, конечно, пустяк, но обидно, хоть плачь. Из-за какой-то игрушки, набитой электронной дребеденью, зависает такой проект! Качается на весах, между землею и небом.

Джонсон с горечью констатировал, что после долгожданного взлета наступила черная полоса. Игра с подставными фигурами в Париже и Вашингтоне непозволительно затягивалась. За ними явно стояли серьезные силы. По-прежнему оставалось неясным, на что они претендовали. Только на информацию или же на

партнерство? Если так, то на каких условиях, в какой доле? Дальше намеков, довольно прозрачных, пока не шло.

Без России о какой-то стабильности на планете говорить не приходится. Беда в том, что нестабильна сама Россия. В нынешних условиях нечего и думать о серьезном сотрудничестве. Глэдис сваляла дурака, когда влезла в такое болото, только наследила и подняла со дна пузыри. Расхлебывай теперь, оттирайся...

Самой неприятной новостью последних дней явилось обнаружение на дне Эгейского моря трупа Уорвика. Подводная съемка запечатлела обезображенное, почти неузнаваемое лицо. Привязанный канатом к искореженной лебедке, бедный лорд покачивался над заросшими бурой травой и морскими анемонами камнями, как затопленный буй. Жуткое зрелище!

Оставалось пока только гадать, кто убийцы и какие цели преследовали. Душевного равновесия это не прибавляло.

Мрачные мысли, одолевавшие Джонсона, никак не сказывались на его внешнем виде. Спустившись в лифте в бункер, который дугами коридоров с двух сторон, словно клешнями краба, охватывал гробницу, он вошел в дежурное помещение, беззаботно поигрывая связкой ключей.

— Привет, Рогир,— похлопал по плечу сгорбившегося над пультом Вейдена.— Как дела, джентльмены?— дружелюбно кивнул операторам в оранжевых халатах.— Чем нынче порадуете?.. Где Тим?

— Возится в погребальной камере,— Вейден поочередно включил несколько экранов.

На одном из них следящее устройство спроецировало Борцова со спины. Он сидел на устланном полиэтиленовой пленкой полу перед входом в усыпальницу и что-то записывал в блокнот, поглядывая то на правый пилон, на котором красовался — туловищем в фас, мордой шакала в профиль — Анубис, то на левый — с зеленолицым в белой короне Осирисом. Угловые фрески запечатлели Исиду и Нефтиду, а на простенке, по обе стороны входного проема, спиной друг к другу восседали Ра с головой жука и Гор — сокол под солнечным красным овалом. Каждый держал в руке ключ вечной жизни. Фриз уходящего вниз коридора облюбовали павианы, на главном — в угрожающей позе застыли две

группы кобр, по одиннадцати в каждой, коршун, раскинув широкие крылья, охранял толстостенный проем. По полу тянулись змеи воздушных шлангов и токопроводных кабелей. Потолок защищала стальная мелкоячеистая сеть.

— Как ты думаешь, что он там делает? — тихо спросил Джонсон.

— Сочиняет,— пожал плечами Рогир ван Вейден.— Что еще?

— Когда думаете начать?

— Как обычно, в двадцать три ноль-ноль.

— Я предлагаю пораньше.

— Зачем? — удивился Вейден.— Или ты хочешь...

— Или! Ты угадал, Рогир, предупреди Тима.

Колонны с лотосовыми капителями, подпиравшие низкий свод, напоминали стволы могучих деревьев, а сам Чертог Обеих Маат, сумрачный и пространный, походил на лес, высохший на корню.

На возвышении стоял на двух нижних ногах огромный зеленобронзовый жук. В средней, прижатой к панцирю живота паре конечностей, были фараоновы символы власти: жезл, выгнутый в виде вопросительного знака, и плеть, в верхней — магические ключи вечной жизни.

Позади Великого Бога полукружием восседали члены загробного трибунала — гелиопольская девятка богов. Осирис сидел отдельно в западном приделе. Ножки его тронного табурета обвивали живые змеи. Безучастный к происходящему, ушедший в себя, он более походил на медитирующего монаха, чем на царя преисподней. Похожая на вазу корона Нижнего Египта из белого полотна придавала и без того зеленоватому лицу его совершенно мертвенный оттенок.

Боком к первому из фараонов расположились на хорах странного образа существа. Дуат приучил меня к лицезрению звериных или птичьих голов, как у Сехмет-львицы и Тота-ибиса. Ни химеры, ни монстры уже не могли напугать мою душу. Нет, эти ничем не напоминали чудовищ, беда в том, что они были слишком похожи на самых обыкновенных людей. Возможно, причиной тому явилась странная аберрация зрения, но эти — числом сорок два — почему-то смотрелись все

вместе. Стоило выделить кого-то одного, приглядеться, как облик его искажался, точно в кривом зеркале, превращаясь в чудовищную карикатуру. Сидевшие кучно, они, дополняя друг друга, составляли единую сущность, и имя ей было: **толпа.**

Восемьдесят четыре глаза уставились с галерки на меня — одинокого странника, заброшенного в запредельные дали, в длинной рубахе из грубого льна. Аргус, соитый из внешне раздельных тел, словно бы вырванных из недр городской запруженной площади, нависал над моей головой, как полип.

Путеводный свиток папируса, спрятанный на груди, подсказал, что это мои обвинители. Все вместе они олицетворяли человечество, в отдельности каждый — один из людских грехов.

Душа моя содрогнулась от этого сгустка мерзостей, и отвернулась от лепета оправданий. Я не мог обратиться к жуку со словами привета, ибо язык не поворачивался именовать его Великим Богом.

На выручку пришел неразлучный свиток, подсказав другое имя — титул Невидимого. Чтобы обмануть демонов, душам дозволялось присвоить себе имя любого божества, даже верховного. Я был всего лишь человеком и легко согласился на спасительный обман.

«Я — Атум, будучи единым. Я — Ра при его восходе. Я — великий, создавший себя сам, создавший имя свое, все имена которого образуют эннеаду[1]*. Нет ему равных среди богов. Я — вчера, я знаю завтрашний день... Я — феникс великий, что в Гелиополе, исследуя существующее. Я — Мин в его выходах... Я достигаю этой Земли прославленных, вхожу в священные врата. Вы, стоящие предо мной, протяните ваши руки — я сделался одним из вас»*[2].

Произнесение магической формулы вызвало перемену на подиуме эннеады. Уже не жук, шевелящий жвалами, возвышался над судьями, но человек с юношески прекрасным, охряным от загара торсом. Лицо его, наверняка столь же прекрасное, скрывала маска зеленого золота, изображавшая скарабея.

Приободренный, я обратился к Осирису, Богу уми-

[1] «Девятка» (*греч.*). Девять главных богов Гелиополя.

[2] Первоначально — надгробная надпись времен XII династии, впоследствии — XVII глава «Книги Мертвых».

рающему и воскресающему, тщась ублажить не только его, но и прочих судей — богов и богинь.

«О царь Обеих Земель, Бог Египта, властвующий до области Духов, во имя которого населены номы и изображениями которого полны храмы, члены которого защищает сестра его Исида, а тело охраняет Нефтида, сын которого Гор пребывает на престоле его, как царь богов и людей. О царь Осирис, царь богов, находящийся в доме золота, царь неба, властитель земли, великий обладатель преисподней,.. царь нома Крокодилов, владыка Мемфиса, обрати с миром прекрасное лицо твое»...

Мои запечатанные уста не издавали ни звука. Я говорил голосом сердца.

Исполнив положенный ритуал, приступил к исповеди:

«Я не совершал несправедливости против людей, я не был жесток к животным, я не совершал грехов в Месте Правды, я не пытался узнать то, что еще не стало...

— Пытался,— перебил кто-то из сидящих на хорах.— Ты всегда хотел заглянуть в завтра.

— Это так,— вынужден был я признать,— но только в мыслях! Получив такую возможность, я не воспользовался ею и ушел в далекое вчера, к вам, боги Египта.

— Пусть продолжает,— велела милостивая Исида, обратив ко мне благосклонный лик.

— О, Афродита — Астарта! Венера — Диана! О, возлюбленная мною Кибела! Я всегда знал, что Ты, Единая Исида-Владычица, не оставишь меня на скорбных путях моих и станешь моей защитницей. В тайниках сердца хранил я имя Твое.

— Говори,— послышалось из-под золотой маски, мерцающей изумрудами.

И продолжало беззвучное сердце.

«Я не был безразличен, видя зло, мое имя не было сообщено водителю Ладьи (не было, не было — правда!), я не богохульствовал, я не отнимал у бедняка, я не нарушал божественного запрета, я не вредил служителю в глазах его хозяина, я не отравлял, я не убивал, я не приказывал убивать, я никому не причинял страдания, я не преуменьшал пищевые доходы храма, я не портил хлеба для богов, я не крал печенья умерших, не возлегал с мужчиной, не предавался прелюбодеянию в святилище,.. не увеличивал веса гири, не надувал на весах, не от-

нимал молока от уст младенцев, не лишал мелкий скот пастбища, я не ловил птиц, посвященных богам, не удил их рыбу, я не устанавливал заслонов для воды, не тушил огня на алтаре,.. не останавливал скот,.. не задерживал выход Бога из храма...

Все было правдой с начала до конца, все, что читало сердце в священном свитке!

Я увидел, как поползла вниз медная чаша весов, на которой невесомо покоилось перышко из прически Маат.

Анубис объявил результат взвешивания. Тот записал его на длинном свитке палочкой из тростника.

— Оправдан,— поочередно провозгласили боги на подиуме.

— Оправдан,— брызнули светом крылья короны солнца, укрытого скарабеевой маской.

И я понял, не заботясь о бренной оболочке, что память моя не подлежит уничтожению. И другое понял я, сложив воедино имена эннеады,— тайну иллюзий. И вспомнил сердцем священную надпись, которой не было в моем папирусе, но которую я списал со стен разрушенного, занесенного песками Ливийской пустыни храма на границе Большого оазиса.

«Великие имена его все, сокровенны пред детьми его. Когда открываются врата неба к земле, сияет владыка Обеих Стран в образах своих... в имени своем Ра, каждый день... Он проливает дыхание в гортанц, в имени его Амон, он непоколебим во всем, душа Шу и всех богов, тело живущих жизни, творец плодоносных деревьев, виновник разлива, нет жизни без него на окоеме земли... Сияющий на Горизонте, распространяющий теплоту свою по земле, в имени его Осирис, творец света. Гор духов живущих, живущий в океане Нун, жизнь богов и людей... Подобие Амона, подобие Атума, подобие Хепри, подобие Ра, единый создавший себя в виде миллионов, Тенен, предвечный, подобие, образовавшее тело собственными руками в виде любого образа, согласно своему желанию. Подобие великого крылатого солнечного диска, первого на небосклоне богини Нут, которая поручила ему небо и землю во всем их окружии, с тех пор, как воссиял он над водами... Он озаряет круг неба перьями своими... он не гибнет во веки веков, плавая по небу, кружась по преисподней ежедневно, чтобы восстановить Осириса царем ада и обновить тело свое и усладить сердце ма-

тери сына его — Гора. Это — он, восходя и заходя ежедневно, пребывая в небе, чтобы освещать Обе Земли, руководить людьми. Во веки живет овен Амона в его правом оке — в солнечном диске на небе, каждый день, во веки... Подобие Атума, подобие Осириса изначала. Левое око его — измеритель — Тот, подобие Амона ночью, сияющий на детей своих, плывущий по небу каждый день от угла горизонта, чтобы дать бытие временам года...»

Я не успел заметить, как исчезли боги на подиуме и сгинул в небытие сверлящий очами Аргус на хорах. Одна Исида осталась в подземном храме, где пол, как шахматную доску, покрывали квадраты черного и белого мрамора.

— Я рада, что ты не забыл назвать меня — мать золотого младенца Гора,— молвила Владычица, взяв мою руку тонкой своей рукой.— Хвалю, что не убоялся явиться в Чертог Обеих Правд женской тенью. Мужчина и женщина — одно. Нет мужчины без женщин, как женщины нет без мужчины. Тронутая твоими мольбами, Луций, я решила тебе помочь. Пойдем со мной.

— Но я не Луций, Великая Мать! Я не Луций!

— Какая разница? Луций — не Луций... Был Луцием или не был. Женщины, которых любил ты, отдали тебя под мое покровительство. Я видела тебя в Теночтитлане и Мохедариде, где стою Кибелой, и никто не вспоминает моих прежних имен. Ты приходил и вспоминал в своем сердце, и мысль твоя питала мой хладный мрамор. И в Альба Лонге ты забрел на пустырь, где было мое святилище, и в Сикании, и в Элладе искал мой след. Я не забыла об этом. Это я позвала тебя в Кемт [1].

Я покорно следовал, ведомый за руку, и браслеты тонко позванивали на точеном запястье богини. Мы оставили позади Чертог Обеих Маат, но подземные залы все раскрывали и раскрывали перед нами необозримые пустые пространства. Менялись базы и капители колонн. Вместо лотоса и папируса появлялись то звери, вроде крылатых быков, то листья аканта. Иногда это были драконы и змеи, иногда пантеры и львы. Кто только не подпирал свод преисподней: овны с рогами, закрученными спиралью, орлы и цапли, сирены с женской

---

[1] Теночтитлан — Мехико (*ацтекск.*), Мохедарид — Мадрид, Альба Лонга — Рим, Кемт — Египет. Древние топонимы.

грудью, мускулистые атланты, обнаженные нифы, даже чешуйчатые рыбы с бородатыми лицами вавилонских царей.

По мере продолжения нашего путешествия, напоминавшего экскурсию по музеям, из которых вынесли все экспонаты, преображался и облик моей божественной проводницы.

В зале — он оказался последним,— где уже не было колонн, и только корни деревьев, пронзив потолок и земную твердь, врастали в шахматный пол, она предстала в грозном обличье трехглавой Гекаты. Шестирукая, в греческом пеплуме увлекла меня во мрак первозданного хаоса, освещая дорогу двумя факелами, полыхающими зеленым огнем. Я не заметил, когда она выпустила мою руку, онемевшую холодом камня. Ее сильные длани сжимали меч, копье и ловчий аркан, лишь одна оставалась свободной — та, что вела меня прежде.

Повелительница теней, матерь волшебства и заклинаний, стояла теперь предо мной во всей прелести зрелой женственности, загадочная, обворожительная, наводящая ужас.

— Ты узнаешь меня, Луций?

— Узнаю тебя, дочь Деметры и Зевса. Ты — Артемида в небе, Персефона в Тартаре, Геката на грешной земле. Где мы, Царица волхвований?

— У преддверий Аида, маленький Орфей. Ты сумел разгадать тайну Единого и должен знать, что нет ни Дуата, ни Шеола, ни Тартара. Ад един во множестве своих **подобий**, как едино небо. Но и ада нет, как нет земли и неба: Мир, как боги, един во множестве проявлений. Знаю, о чем ты хочешь просить меня, Персефону, но не ищи тень в сонме теней. Возвращайся назад и помни Исиду.

И вновь я летел через ночь в просторы Вселенной. И вновь искал среди пылающих солнц, где нет ни верха, ни низа, крошечную голубую звезду, проклятую и благословенную — единственную.

Джонсон и Вейден неотрывно следили за лежащим в капсуле Борцовым. Изображение, размноженное восьмью экранами, сопровождалось бегущими апериодическими всплесками совпадающх гребней. Монотонным голосом Ратмир повествовал обо всем, что видел и чув-

ствовал в своем заколдованном сне. Тембр и высота звука всякий раз изменялись, когда внутренний монолог перетекал в диалог и как бы выплескивался наружу. Перевоплощение оказывалось настолько полным, что начинало казаться, будто и в самом деле звучат совершенно различные голоса — мужские и женские.

— Совпадения пошли чаще,— подавшись вперед, прищурился Вейден.— Он почти попадает в дыру. Если бы он только постарался!

— Если бы!.. Он не властен там над собой. Неужели ты не видишь, что он все время ищет? Это выше его, им движет одно стремление: во что бы то ни стало найти!

— Кого найти, Пит?— не понял Вейден, укрупняя план.— Посмотри, какие пошли волны!

— Ее он ищет, Рогир, ее. И в этом все дело.

— Все хорошо, Тим,— Вейден наклонился к микрофону.— У вас получается,— он старался выдержать уверенный и спокойный тон.— Получается... Сейчас вечер, Тим, вечер двадцать второго июля тысяча девятьсот девяносто четвертого года, самый обычный вечер... Подумайте о завтрашнем утре, Тим, о завтрашнем дне... Вглядитесь в него, найдите примету времени. Дальше, Тим, дальше... Вперед! Что происходит в мире? У вас дома, в Москве? В Уорчестере? В Мехико? В Сараево? В Газе? В ООН, Тим, в ООН? Приметы, приметы... Речи ораторов, газетные заголовки... Происшествия... Тайфуны, землетрясенья, аварии...

— Не внемлет,— вздохнул Джонсон, глянув на висевшие под потолком часы с названиями мировых столиц вокруг циферблата: Каир отделяли от красного кружка Гринвича две риски — до столкновения оставались минуты.— Ничего не выходит! Опять Апрелевка, кладбище, стройка...

Метровую толщу бетона пронзила глухая дрожь. Самописцы сейсмографов выплеснули острый зигзаг и, медленно затухая, затанцевали по обе стороны нулевой.

«Началось?— подумал Джонсон.— Раньше на четыре минуты?»

Менее всего можно было ожидать, что отзвук космической катастрофы так скоро достигнет Земли. Да что там, скоро! Преждевременно! Даже свет не смог бы долететь столь быстро. А гравитация?.. Неужели сработал эффект «червячной дыры»?»

Не успел он, пребывая в полной растерянности, собраться с мыслями, как снова прокатилась короткая сейсмическая волна, и сразу же взвыли аварийные сирены.

— Нападение!.. Взорвана сторожевая вышка! — из динамика вырвались крики, сопровождаемые треском автоматных очередей и грохотом рвущихся гранат.— Они таранят ворота!..

— Кто?! — вскочив с места, Джонсон схватил микрофон внешней связи.— Мусульманские экстремисты?.. Отвечайте, Клеменс! Я вас не слышу! Что происходит?..

Какофония боя, усиленная трансляцией, взломала гробовое безмолвие подземелья.

— Всем оставаться на местах,— бросил Джонсон, кидаясь к телефону.— Я вызываю полицию...

Тихий, прерываемый учащенным дыханием голос Борцова заглушили вопли, скрежет корежимого железа, беспорядочная стрельба.

— ...в Шереметьево. Появились новые перегородки, эскалатор между залами прилета и вылета закрыт металлическими щитами, милиция с автоматами, обычная неразбериха, столпотворение у таможни... Я прохожу через дипломатический вход, меня не останавливают, меня никто не видит. Снова очереди, тележки с багажом. Оформление билетов, как обычно, идет медленно, кто-то скандалит... У мужчины в широкой кепке торчит из кармана сложенная газета. Я не вижу числа. На табло поверх стойки мигает зеленая лампочка. Надпись: «Париж, рейс 542». Тот самый рейс, но я не знаю, какое сегодня число. Огибаю стойку и проскальзываю через турникет. Девица в форменном темно-синем жакете меня тоже не замечает. Справа пограничные кабины пустуют, слева — очереди.

Ника! Я вижу ее! Ее золотистые волосы, ее черепаховая заколка, ее костюмчик из серого шелка! Перед ней только двое. Она уже держит в руках синий служебный паспорт.

Я знаю, знаю, что сейчас сделаю! Брошусь за ней и вырву проклятый паспорт! В кабине тот самый прыщавый ефрейтор. Без документов он не узнает ее. Я вырву паспорт, я утащу ее за собой.

Сейчас, сейчас...

Алоха, Ника, где бы ты ни была, моя любовь остается с тобою...

Слова тонули в реве трансляции. Насилуя телефонные кнопки, Джонсон продолжал механически следить за восьмикратно повторенным изображением шепчущих губ, не понимая, не слыша, даже не пытаясь прислушаться.

Связь, после двух гудков, оборвалась.

Судя по всему, налетчики — «Кто они? Кто?» — ворвались на территорию, но охрана еще удерживала позиции.

Джонсон хотел было спросить оператора, заблокирована ли входная дверь, но громыхнул еще один взрыв, лампы отчаянно замигали и погасли, а вместе с ними и телевизионные трубки. Умолкли репродукторы.

— Всем оставаться на местах,— повторил Джонсон, но не услышал себя: уши, как ватой заложило. В кромешной тьме, медленно умирая, еще бились возбужденные электроны, слабо обозначив окошки экранов.

Нашарив аварийный рубильник, он включил автономное освещение. На загоревшихся экранах вновь появилась погребальная камера, капсула, Борцов в ней, укрупненное его лицо в различных ракурсах. Джонсону вдруг показалось, что он различает наложившиеся на изображение дымные очертания медитирующего Муниланы.

— Так,— сказал он, взяв себя в руки,— положение скверное. Ничего другого не остается, как взорвать вход в шахту.— Он отпер железный ящик, выдвинул его из тумбы и, найдя нужный ключ, вставил в замок намертво приклепанного к стенкам замыкателя взрывного устройства.

— Мы не можем этого сделать без местных властей,— предостерег Вейден.

— Не в такой ситуации. Беру ответственность на себя. Мы сумеем продержаться как минимум две недели. За это время нас наверняка откопают. На крайний случай, попробуем воспользоваться запасным люком. Все,— он повернул ключ в замке.

Направленный взрыв, отозвавшись новым толчком, поднял на воздух легкий ангар, обрушив, вместе с десятью тоннами песка, железобетонную плиту. Она легла на предназначенное место, отделив гробницу и бункер от внешнего мира.

Первый осколок кометы врезался в Юпитер, как и ожидалось, точно в двадцать три десять по Гринвичу. Отголосок светопреставления достиг Земли только через сорок минут. Кровавая вспышка затмила свет планеты-гиганта. Затем возникло черное пятно в несколько тысяч километров. И это был лишь первый, далеко не самый впечатляющий акт семидневной бомбардировки.

Показать, как обещали в CNN, картину первого удара, не удалось. Метель в Антарктиде ослепила оптику. Радиотелескоп на Гавайях захлебнулся в потопе излучений и вышел из строя.

Момент и место падения были рассчитаны с высокой точностью, хотя размеры глыб оказались крупнее, чем предполагалось. Они обрушились на невидимую с Земли сторону.

Лишь через пятнадцать—двадцать минут тяжелораненый Зевс смог показать свои страшные раны матери Гее. Взметнувшиеся вихри, сравнимые с диаметром самой Земли, закрыли красное пятно и часть синих, оранжевых, коричневых полос на теле царя олимпийских богов.

Астрономы не смогли наблюдать взрывы осколков A и B, но черные следы A и C нашел космический телескоп Хаббл. Только когда настала очередь I и J, удалось увидеть и сами вспышки.

Российская обсерватория РОТАН в Зеленчуге зафиксировала излучение на десятиметровой волне такой чудовищной силы, что приборы зашкалило.

Раскаленные облака, подобные атомному грибу, поднялись на триста километров, выйдя за границы атмосферного покрова. Тротиловый эквивалент превысил 10^9 тонн. Ураган пронесся по «камышовым полям», вздыбился и пошел трещинами Дуат. Ликовал ад на Юпитере, неистовствовал...

В гробнице жены и дочери фараона и не узнали последних вестей: вместе со сборным ангаром была снесена телевизионная антенна.

Песчаный холмик посреди взорванного периметра в Долине царей напоминал маленькую пирамиду...

Игра сочетаний, распадов — случайных частиц перебор
Среди вневременного ада, раскрытого в звездный простор.
Не жди: не дано повториться в дурацком раскладе тебе,
Чтоб хоть на мгновенье присниться летящим в той черной трубе.

Все числа в безмерности схожи. Подобье структуры — и вот:
Без плоти, без крови, без кожи, без памяти взят в оборот.
Бесплотные узники Стикса, мы все-таким снимся себе.
Заигранной стертой пластинкой, повторенной в чьей-то судьбе.
Ни боли, ни слез и ни дрожи, когда проявлялись черты
И все, что так быстро я прожил, открылось на миг с высоты.
Мой скорбный исписанный свиток изжитой юдоли земной
Не демон — не ангел сквозь сито созвездий развил предо мной.
Понять, не любя, не страдая ту Суть, что так тщился понять
И это понятье стирая, в ночи потеряться опять.
Эфирное хладное пламя, которым, как всплеск, пробужден —
Не тело, не я — только память падет метеорным дождем.
И напрочь пока не истает игрушечный шарик земной,
Я вновь не смогу доискаться, зачем это было со мной?..

Alehnovo, MCMXCIV

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая
ТОЧКА
7

Часть вторая
ПЛОСКОСТЬ
205

Часть третья
СПИРАЛЬ
331